

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининко,

кандидат педагогических наук

В. Л. Кубышко,

кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V. L. Kubyshko,

Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyppkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

Н. Н. Карпов

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И. И. Котляров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

N. N. Karpov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

I. I. Kotlyarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грушев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г. С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселiani,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
**Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина**

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629**

*Подписано в печать 25.04.2022 г.
Цена договорная*

**Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 2 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки*

АБДРАХМАНОВ А. И., ЦЕЛУЙКО А. В. Органы НКВД в механизме продовольственной развёрстки в 1918–1921 годы	12
АБЛЯТИПОВА Н. А., ВОЛКОВА И. Ю. Непреодолимая сила как основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности	18
АКИМОВА Г. В. К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России	23
АМИНОВ Д. И., ОПОКИН А. Б. К вопросу о применении института давности при рассмотрении дел о бандитизме	30
АНДРЕЕВА С. Н. Гарантии обеспечения условий труда для отдельных категорий работников в Российской Федерации	34
АРТЕМЕНКОВ М. Н., МАЗУРОВ И. И. Философско-правовое осмысление природы и сущности права (по материалам Всероссийского смоленского правового форума «Право и государство: история, теория, философия», Смоленск, 9–10 октября 2021 г.)	40
БАЙМУХАМЕТОВА Г. М. Медиация в уголовном процессе: резервы эффективности	46
БАКАЕВ А. А., ИВАНОВА Ю. А., РАДЧЕНКО Т. В., САУДАХАНОВ М. В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности	52
БОГАТКИНА Р. Ш. Ретроспективный анализ международно-правового сознания: от Древнего мира к современному международному праву	58
ГРИГОРЬЕВА Н. В., УГОЛЬНИКОВА Н. В. Гарантии соблюдения прав человека в местах принудительного заключения	63
ГРОШЕВ С. Н. Институт кровной мести в аспекте прав и обязанностей мужчин в Древней Руси	68
ГРУДИНИН Н. С. Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве	71
ЖАГЛИНА М. Е., ЖАГЛИН А. В. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы	75
ЖИГАРЕВ Е. С. Объективный детерминизм и свободная воля — антиномические категории	79
ЖИРОВ Р. М., КЛИШЕВА А. А. Краткий анализ некоторых проблемных вопросов взяточничества	86
ЖУРАВЛЕВ В. В. Становление дисциплинарных правоотношений в советской милиции в 1917–1919 годах	90
ЗАРИНА А. М., МОРОЗ Т. С. Критерии применения статьи 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений	94
КАЛАЧЕВА М. С. Цифровой рубль — противодействие Банка России фальшивомонетничеству	97
КАРПОВ Н. Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации	101
КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА Т. В. Совершенствование деятельности специализированных органов по обеспечению национальной безопасности в России на основе использования положительного опыта зарубежных стран	107
КЛЕВЦОВ К. К. Международные договоры как источник сотрудничества России с иностранными государствами в уголовном судопроизводстве	112

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

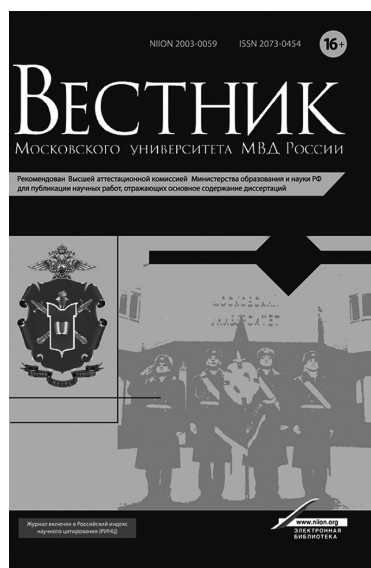
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

**Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).**

Заказ № 73

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикоты
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

КЛЕМЕНТЬЕВА В. С. Информационное пространство: истинное и ложное	117
КУДИН О. В. Миграционные режимы как разновидность административно-правовых режимов и их классификация	119
КУЗНЕЦОВ В. В., ГОРБАТЕНКО Д. С., ПОРТАШНИКОВ О. М. Основные направления профилактики наездов на пешеходов	125
ЛАРИНА Л. А., ПИЧУГИН В. А. Конституционно-правовое регулирование свободы передвижения граждан в Российской Федерации с применением QR-кодов	129
ЛЕНСКИЙ В. М. Вопросы применения демократического стиля управления в органах внутренних дел Российской Федерации	135
ЛИТВИН И. И. Представление доказательств, полученных с использованием устройств скрытой записи	139
МАРКОВА Н. О., ПЕШКОВА О. А. Правовые коллизии института внесудебного установления отцовства по соблюдению прав и интересов ребенка в частном и публичном праве	145
МАЮРОВ Н. П., ЦАРЕГОРОДЦЕВ Е. А. Некоторые вопросы злоупотребления интеллектуальными правами	151
МЕШАЛКИН С. Н. Научные подходы к созданию целостной и эффективной системы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел России	156
МИЛОВАНОВ П. П. Вопросы совершенствования процессуального статуса начальника подразделения дознания в системе органов внутренних дел	159
МИХЛИНА Н. В. К вопросу о понятии и признаках института защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в судебном порядке	164
ОРЛОВ К. А., ЧАШНИКОВ В. А. Некоторые аспекты деятельности органов милиции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	171
ОРЛОВА М. С. Некоторые криминологические особенности личности обучающихся (выпускников), совершивших вооруженные нападения на образовательные организации	177
ОТБОЕВА Р. Р. Противодействие органов внутренних дел Российской Федерации жестокому обращению с животными	181
ПЕТРОВ Э. Ю. Конституционный нормоконтроль в современном российском законодательстве: проблемы и пути решения	187
ПРУДНИКОВА Т. А. Нормативное правовое регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы	192
РУМЯНЦЕВ Н. В. Особенности организации работы правоохранительных органов по предупреждению экстремистской деятельности на современном этапе: административно-правовой и уголовный аспекты	196
САВЧЕНКО М. М. Незаконное получение кредита как разновидность кредитного мошенничества	201
СОСНОВСКАЯ Ю. Н., МАРКИНА Э. В. Современный кибертерроризм как угроза национальной безопасности	206
ТЕТКИН Д. В., ПОПОВ В. А., НИКОНОВ А. А. Процесс становление института взаимодействия следователя и прокурора: проблемы современного этапа	211
ТИТОР С. Е. Риск-ориентированная модель государственного контроля (надзора): взгляд дошкольных образовательных организаций (социологический опрос)	218
ТОКОЛОВ А. В. Позиционирование цифровых финансовых активов в нормах российского частного права	226
ТЮТЕРЕВА Ю. С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу в свете доктринального понимания уголовно-процессуальной формы	230

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобрнауки России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

УСОВ Е. Г., МАМЕДОВ Э. Ф., САМСОНОВ В. А. Об обоснованности криминализации незаконного оборота анаболических стероидов	236
УСТИМОВА С. А., РАССКАЗОВА Е. Н. Гражданско-правовые проблемы цифровизации в проектной деятельности в сфере строительства	239
ФЕДОРОВ Р. В. Критика идей либеральной партии Пруссии в работах Ф. Ю. Штала	244
ФЕДОРОВА А. С. Ребенок в интернет-пространстве: вопросы правового регулирования	247
ХАРЛАМОВ С. О., НЕЧАЙ С. Л. Эталон демократии и демократическая практика: оценка оптимальности	252
ЧЕРНИГИН К. А., ИВАНОВ С. А. Дублирование норм российского законодательства как проблема его подробной регламентации в нормативных актах МВД России	256
ШЕЛЕГОВ Ю. В., ПЕРЯКИНА М. П., ШАПОЧАНСКИЙ В. Н. Отдельные аспекты деятельности прокурора при производстве предварительного расследования следователями и дознавателями	261
ШЕНШИН В. М. У Росгвардии недостаточно полномочий на осуществление административно-юрисдикционной деятельности в ходе обеспечения государственной и общественной безопасности	264
ШУКАЕВА Е. С. Эволюция понятия «хозяйская власть» в контексте развития трудовых отношений	268
ЭРИШВИЛИ Н. Д., БОГАТЫРЕВ В. В., КАЛАМКАРЯН Р. А. Международно-правовая значимость вклада России в процесс укрепления современного правопорядка	273

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Математические, статистические
и инструментальные методы экономики
Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

ЛИТВИНЕНКО А. Н., ГРАЧЕВ А. В. Организационно-правовые методы противодействия криминализации экономики и коррупции	279
ЛЯПИН А. Е. Аналитика незаконного обналичивания денежных средств как угрозы экономической стабильности государства	284
САНАКОВА Д. К., ГАМАОНОВА Д. А., ПАРАСТАЕВА К. В. Анализ процесса оценки стоимости предприятия, цели, информационное обеспечение	291
ТЮРИНА Ю. Г. Влияние налоговых новаций на доходную часть бюджета города Москвы на 2022–2024 гг.	296
ЯКОВЛЕВ А. А. Характеристика отдельных существенных запретов и ограничений при ведении операций во внешнеэкономической сфере	299

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

ДАВЫДОВА Ю. А., ПРЯНИКОВА Н. И. Конфликт как фактор временной резистентности организации	304
ЕЛЕСИНА И. Г. Основные причины конфликтных ситуаций в коллективе сотрудников правопорядка	309
СОЛЯНКИНА Л. Е., СЕМЕНЕНКО Г. М., ГАЛДА М. В. Современные угрозы психическому здоровью молодежи в интернет-пространстве	312
СУХОВ А. Н. Социально-психологическая характеристика безопасности личности	317
ФЕДОТОВ А. Ю., КОПЫЛОВ В. В., СЕМЕНОВ Ю. Н. Психологическая готовность сотрудников полиции РФ к ведению ближнего стрелкового боя	324

Ретракция. Ценности православной культуры как важнейшая основа мировоззренческого выбора	330
--	-----

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and
technics, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
**L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina**

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629**

*It is sent for the press 25.04.2022
Contractual price*

**Editorial Staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

BULLETIN
OF THE MOSCOW UNIVERSITY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF RUSSIA

Contents № 2 • 2022

JURISPRUDENCE

*Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences*

ABDRAKHMANOV A. I., TSELUYKO A. V. NKVD bodies in the mechanism of food distribution in 1918–1921	12
ABLYATIPOVA N. A., VOLKOVA I. YU. Overcomeful force as a basis for liberation from civil liability	18
AKIMOVA G. V. On the issue of modern trends in youth extremism in Russia	23
AMINOV D. I., OPOKIN A. B. On the issue of the use of the statute of limitations in the consideration of cases of banditry	30
ANDREEVA S. N. Guarantees of ensuring working conditions for certain categories of workers in the Russian Federation	34
ARTEMENKOV M. N., MAZUROV I. I. Philosophical and legal understanding of the nature and essence of law (based on the materials of the All-Russian Smolensk Legal Forum «Law and the State: History, Theory, Philosophy», Smolensk, October 9–10, 2021)	40
BAYMUKHAMETOVA G. M. Mediation in criminal proceedings: efficiency reserves	46
BAKAEV A. A., IVANOVA YU. A., RADCHENKO T. V., SAUDAKHANOV M. V. International legal aspects of environmental safety	52
BOGATKINA R. SH. Retrospective analysis of international legal consciousness: from the Ancient World to Modern International Law	58
GRIGORYEVA N. V., UGOLNIKOVA N. V. Guarantees of observance of human rights in places of forced department	63
GROSHEV S. N. The institution of blood feud in the aspect of the rights and duties of men in Ancient Russia	68
GRUDININ N. S. The institution of complicity in crime in the Russian criminal law	71
ZHAGLINA M. E., ZHAGLIN A. V. Responsibility for the harm caused by artificial intelligence: reality and prospects	75
ZHIGAREV E. S. Objective determinism and free will — antinomic categories	79
ZHIROV R. M., KLISHEVA A. A. A brief analysis of some problematic issues of bribery	86
ZHURAVLEV V. V. Formation of disciplinary legal relations in the Soviet Militia in 1917–1919	90
ZARINA A. M., MOROZ T. S. Criteria for the application of Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in the qualification of tax crimes	94
KALACHEVA M. S. Digital Ruble — the Bank of Russia’s counteraction to counterfeiting	97
KARPOV N. N. On the issue of the legal status of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation	101
KIKOT’-GLUKHODEDOVA T. V. Improving the activities of specialized bodies for ensuring national security in Russia based on the use of positive experience of foreign countries	107
KLEVTSOV K. K. International treaties as a source of Russia’s cooperation with foreign states in criminal court proceedings	112

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

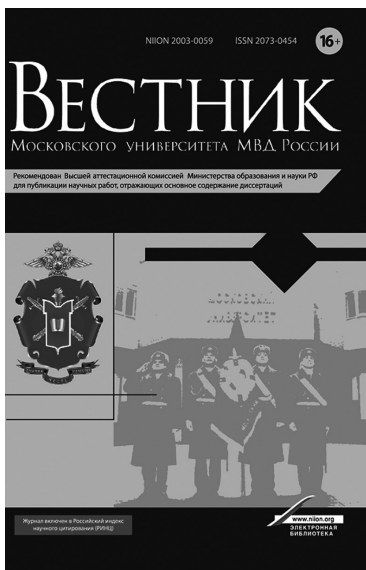
• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

**Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)**

Order № 73

**Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russia named after
V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

KLEMENTIEVA V. S. Information space: true and false.....	117
KUDIN O. V. Migration regimes as a kind of administrative and legal regimes and their classification	119
KUZNETSOV V. V., GORBATENKO D. S., PORTASHNIKOV O. M. Main directions for pedestrian running prevention.....	125
LARINA L. A., PICHUGIN V. A. Constitutional and legal regulation of the freedom of movement of citizens in the Russian Federation using QR codes.....	129
LENSKY V. M. Issues of application of the democratic management style in the internal affairs bodies of the Russian Federation.....	135
LITVIN I. I. Use of video recording obtained secretly in proving.....	139
MARKOVA N. O., PESHKOVA O. A. Legal conflicts of the institution of extrajudicial establishment of paternity for the observance of the rights and interests of a child in private and public law.....	145
MAYUROV N. P., TSAREGORODTSEV E. A. Some issues of abuse of intellectual rights	151
MESHALKIN S. N. Scientific approaches to the creation of a holistic and effective system of professional development of employees of the internal affairs bodies of Russia	156
MILOVANOV P. P. Issues of improving the procedural status of the head of the inquiry unit in the system of internal affairs bodies.....	159
MIKHLINA N. V. To the question about concept and signs of institution of public interests protection by prosecutors in the sphere of land legislation relationships	164
ORLOV K. A., CHASHNIKOV V. A. Some aspects of the activities of the police during the Civil War (1918–1920)	171
ORLOVA M. S. Some criminological features of the identity of students (graduates) who have committed armed attacks on educational organizations	177
OTBOEVA R. R. Counteraction of the internal affairs bodies of the Russian Federation to cruelty to animals.....	181
PETROV E. YU. Constitutional norm control in modern Russian legislation: problems and ways solutions	187
PRUDNIKOVA T. A. Normative legal regulation of the process of voluntary resettlement of compatriots to the Russian Federation within the framework of the State Program.....	192
RUMYANTSEV N. V. Features of the organization of the work of law enforcement agencies to prevent extremist activity at the present stage: administrative, legal and criminal aspects	196
SAVCHENKO M. M. Illegal obtaining of a loan as a kind of credit fraud	201
SOSNOVSKAYA JU. N., MARKINA E. V. Modern cyberterrorism as a threat to national security.....	206
TETKIN D. V., POPOV V. A., NIKONOROV A. A. The process of formation of the institute of interaction between the investigator and the prosecutor: problems of the modern stage	211
TITOR S. E. Risk-oriented model of state control (supervision): the view of preschool educational organizations (sociological survey)	218
TOKOLOV A. V. Positioning of digital financial assets in the norms of Russian private law	226
TYUTEREVA YU. S. Remote procedure of criminal proceedings in the light of the doctrinal understanding of the criminal procedure form	230

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of lawenforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency "Ural-Press Okrug" 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

USOV E. G., MAMMEDOV E. F., SAMSONOV V. A. On the validity of the criminalization of the identified turnover anabolic steroid.....	236
USTIMOVA S. A., RASSKAZOVA E. N. Civil law problems of digitalization in project activities in the field of construction.....	239
FEDOROV R. V. Criticism of the ideas of the Liberal Party of Prussia in the works of F. Y. Stahl	244
FEDOROVA A. S. A child in the Internet space: issues of legal regulation	247
KHARLAMOV S. O., NECHAY S. L. The standard of democracy and democratic practice: an assessment of optimality.....	252
CHERNIGIN K. A., IVANOV S. A. Duplication of the norms of Russian legislation as a problem of its detailed regulation in the regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	256
SHELEGOV YU. V., PERYAKINA M. P., SHAPOCHANSKY V. N. Separate aspects of the activities of the prosecutor during the preliminary investigation by investigators and interesting officers.....	261
SHENSHIN V. M. Rosgvardiya does not have enough authority to carry out administrative and jurisdictional activities in the course of ensuring state and public security.....	264
SHUKAEVA E. S. Evolution of the «master's power» concept in context of labor relations development	268
ERIASHVILI N. D., BOGATYREV V. V., KALAMKARYAN R. A. International legal significance of Russia's contribution to the process of strengthening the modern legal order	273

ECONOMIC SCIENCE

*Mathematical, statistical
and instrumental methods of economics
Regional and sectoral economics
Finance*

LITVINENKO A. N., GRACHEV A. V. Organizational and legal methods of countering the criminalization of the economy and corruption.....	279
LYAPIN A. E. Analysis of illegal cash withdrawal as a threat to the economic stability of the state.....	284
SANAKOEVA D. K., GAMAONOVA D. A., PARASTAEVA K. V. Analysis of the process of estimating the value of the enterprise, objectives, information supply	291
TYURINA YU. G. The impact of tax innovations on the revenue side of the budget of the city of Moscow for 2022–2024	296
YAKOVLEV A. A. Characteristics of certain significant prohibitions and restrictions in the handling of operations in the foreign trade sphere.....	299

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

DAVYDOVA YU. A., PRYANIKOVA N. I. Conflict as a factor of temporary resistance of organizations.....	304
YELESINA I. G. The main causes of conflict situations in the team of law enforcement officers	309
SOLYANKINA L. E., SEMENENKO G. M., GALDA M. V. Modern threats to the mental health of youth on the Internet space	312
SUKHOV A. N. Socio-psychological characteristics of personal safety	317
FEDOTOV A. YU., KOPYLOV V. V., SEMENOV YU. N. Psychological readiness of Russian police employees for close fire combat.....	324

Retraction. Values of Orthodox culture as the most important basis for worldview choice	330
---	-----

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-12-17>

НИОН: 2003-0059-2/22-209

MOSURED: 77/27-003-2022-02-408

Органы НКВД в механизме продовольственной развёрстки в 1918–1921 годы

Альберт Ильдусович Абдрахманов¹, Андрей Валерьевич Целуйко²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, albert_a19@mail.ru

² Государственный университет управления, Москва, Россия, andcel@mail.ru

Аннотация. Поднимается проблема значения системы органов МВД Российской империи — НКВД Советской России в осуществлении продовольственной политики. Подчеркивается, что данное направление изначально находилось в ведении ведомства внутренних дел. Раскрывается возросшее значение наркомата внутренних дел в продовольственной сфере, в первую очередь, в осуществлении продовольственной развёрстки. Освещаются формы реализации наркомвнуделом означенной политики, его взаимодействия с наркоматом продовольствия. Отмечается значение представляемой темы в год столетия прекращения политики военного коммунизма.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, министерство внутренних дел, кризис, НКВД, продовольственная развёрстка, отделы управления, народный комиссариат продовольствия, комитеты бедноты, межведомственные инциденты, координирующая роль, милиция

Для цитирования: Абдрахманов А. И., Целуйко А. В. Органы НКВД в механизме продовольственной развёрстки в 1918–1921 годы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 12–17. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-12-17>.

Original article

NKVD bodies in the mechanism of food distribution in 1918–1921

Albert I. Abdrakhmanov¹, Andrey V. Tseluyko²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, albert_a19@mail.ru

² State University of Management, Moscow, Russia, andcel@mail.ru

Abstract. The problem of the importance of the system of bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire — the NKVD of Soviet Russia in the implementation of food policy is raised. It is emphasized that this direction was initially under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. The increased importance of the People's Commissariat of Internal Affairs in the food sector is revealed, first of all, in the implementation of food distribution. The forms of implementation of the above policy by the People's Commissariat of Agriculture, its interaction with the People's Commissariat of Food are highlighted. The importance of the presented topic in the year of the centenary of the cessation of the policy of war communism is noted.

Keywords: food supply, Ministry of Internal Affairs, crisis, NKVD, food distribution, management departments, People's Commissariat of Food, committees of the poor, interdepartmental incidents, coordinating role, police

For citation: Abdrakhmanov A. I., Tseluyko A. V. NKVD bodies in the mechanism of food distribution in 1918–1921. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):12–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-12-17>.

В годы тяжелейших испытаний, выпавших на долю России в годы военного коммунизма (с момента завершения которого ныне миновало сто лет), особое значение приобрела продовольственная проблема. Как правило, обращающиеся к теме исследователи под продовольственной проблемой понимали, прежде всего, политику продовольственной разверстки и связанных с ней составляющих (влияние марксистской идеологии, обострение конфликтности в обществе, государственное и ответное, крестьянское, насилие и пр.). Тем не менее, при объективном подходе, тема продовольственного кризиса в Советской России видится более емкой и сложной, нежели только большевистские мероприятия по изъятию результатов крестьянского труда.

Особой составляющей поднимаемой темы является роль ведомства внутренних дел в продовольственном обеспечении страны. Прежде всего, заметим, что в государственном механизме России значительная часть продовольственной политики традиционно осуществлялась именно через министерство внутренних дел, к компетенции которого изначально было отнесено продовольственное дело. В частности, именно так был сформулирован соответствующий (2-й) пункт «Устава об обеспечении народного продовольствия» 1892 г., гласивший: «Общее попечение о народном продовольствии принадлежит к предметам ведомства Министерства Внутренних дел» [10, с. 24].

Соответственно, в связи с последствиями небывалого по масштабам голода 1891 г., именно по инициативе Министерства внутренних дел, была осуществлена реорганизация продовольственного аппарата Российской империи [10, с. 7]. Существенную роль министерство внутренних дел выполняло в означенной сфере и впоследствии [10, с. 15]. Изменения в организации продовольственного дела определили трудности Первой мировой войны, когда произошло учреждение Особого совещания по продовольствию [12, с. 141], перенявшего в свое ведение часть соответствующих полномочий МВД.

Еще более серьезные перемены в продовольственном аппарате произошли в результате февральской революции 1917 года. Известно, что тогда угрожающее ухудшение продовольственной ситуации в стране требовало все более решительных мер по предотвращению надвигающегося голода. Так, уже 9 марта 1917 г. вместо продовольственной комиссии и Особого совещания по продовольствию был образован Общегосударственный продовольственный комитет под председательством министра земледелия [12, с. 141]. Дальше — больше, 5 мая было создано Министерство продовольствия, полномочия которого включали руководство деятельностью Общегосударственного продовольственного комитета и контроль над работой

местных продорганов. Министерство продовольствия объявлялось высшим исполнительным органом, проводником в жизнь правительственных решений по продовольственному вопросу [12, с. 139].

Тем не менее, и в условиях революционной России Министерство внутренних дел сохраняло значительные полномочия в продовольственной сфере [10, с. 253; 9, с. 170]. Кроме того, использовалась здесь и такая составляющая системы МВД, как милиция. В частности, 26 июля 1917 г. пермским волостным властям предписывалось «Воздействовать на население волостей: Кривецкой, ..., через милиционные силы, чтобы оно беспрекословно немедленно сдало все свои излишки ржи Продовольственной Управе» [10, с. 250, 253].

Уже после октября 1917 года, существенная составляющая продовольственной политики обеспечивалась и новосозданным Народным комиссариатом внутренних дел. Продолжение отмеченной составляющей определялось следующими причинами. Прежде всего, здесь проявилась форма организации советской власти, когда только наркомат внутренних дел располагал органами, опираясь на которые остальные ведомства (в том числе, народный комиссариат продовольствия) имели возможность реализовывать свое назначение. Речь идет об органах управления общей компетенции (Советах и Исполкомах), фактически находящихся в ведении наркомвнудел.

В составах исполкомов организовались соответствующие отделы (в числе прочих, и продовольственный), выполняющие функции местного учреждения соответствующего ведомства. Так, согласно разработанной наркоматом внутренних дел «Краткой схеме распределения работ по отделам Исполкома», на продовольственный отдел возлагались: «учет всех хлебных, продовольственных запасов данной местности, учет предметов первой необходимости, организация сбора хлеба и распределение такового, организация заготовки продовольственных припасов, заведывание продовольственными складами и запасами» [3]. Подчеркнем, что за организационную структуру исполнительных комитетов (в том числе, и за организацию вышеупомянутых продотделов) отвечали отделы управления, имеющие статус подразделений народного комиссариата внутренних дел.

С мая 1918 года в стране разворачивается создание продовольственных комитетов, как функционирующих вне исполкома местных органов именно наркомата продовольствия. При этом, новосоздаваемые органы оставались в теснейшей связи местными Советами. Как подчеркивает Е. Г. Гимпельсон: «И все же, несмотря на многочисленность, продовольственный аппарат, подчиненный Наркомпроду, не мог бы справиться с хлебозаготовками без активного и по-

стоянного участия в этой работе местных Советов, тесно связанных с крестьянскими массами и объединявших деятельность всех местных органов управления» [6, с. 405].

Не случайно, народный комиссариат внутренних дел решительно отреагировал, когда летом 1918 года выяснилось, что исполнительные комитеты не способны выдерживать требуемую классовую линию в продовольственной работе. Как отмечали современники, «... советы на первых порах не выбирались, по принципу классового деления ... и как только приступили к разделу земель и к продовольственной работе, советы оказались неспособными разрешить задачи, затрагивающие классовые интересы кулацких слоев деревни» [11, с. 39]. О слабости классового подхода свидетельствовали и более поздние сообщения с мест. Так, 9 октября 1919 г. инструктор-ревизор НКВД сообщал в наркомат о положении в волостных исполкомах Череповецкой губернии: «Наблюдается также тяготеение бывших кулаков и мародеров к власти в «продовольственники»» [6, с. 115].

В качестве решения, с лета 1918 года НКВД включился в работу по организации комитетов бедноты, которые «... сразу сделались и продовольственными организациями, опирающимися на рабочие реквизиционные продотряды, и контролирующими волостные и сельские советы органами» [11, с. 39]. В числе обязанностей комбедов предусматривалось «Оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев ... Распределение хлеба, предметов первой необходимости, сельскохозяйственных орудий между деревенской беднотой по нормам, выработанным продовольственными органами» [14, с. 181]. При этом, изначально подчеркивалось, что комбеды «строились, как вспомогательные продовольственные учреждения» [14, с. 87]. Однако, через некоторое время установка опоры преимущественно на бедноту была признана преждевременной. Относительно классовых приоритетов, показательно и опубликованное в «Правде» мнение члена коллегии Наркомзема и одного из руководителей наркомата внутренних дел В. Н. Мещерякова, о том, что не следует преувеличивать готовность крестьянства к переходу к коллективной обработке земли [8, с. 2].

Нарастающий масштаб участия системы органов наркомата внутренних дел в осуществлении продовольственной разверстки раскрыт в телеграмме наркомов продовольствия А. Д. Цюрупы и внутренних дел Ф. Э. Дзержинского «о первоочередных мероприятиях по выполнению в производящих губерниях продразверстки» (27 августа 1919 г.). Телеграммой предписывалось «Выполнение разверстки возлагается на продорганы и сельские волостные исполкомы; за действия последних возлагаю ответственность на

губисполком, уисполкомы, ревкомы» [7]. По сути, из текста телеграммы вытекает, что продовольственная разверстка возведена в статус общегосударственной задачи и основной объем ее реализации возлагается на органы государственной власти общей компетенции (исполнительные комитеты Советов). Органам же народного комиссариата продовольствия предписывалось выслать уполномоченных «задача которых помочь при организации проведения разверстки в уезде» [7].

Впоследствии, 9 сентября 1920 г. НКВД направил всем отделам управления губернских и уездных исполкомов циркуляр о содействии продорганам в реализации (т.е. изъятии у крестьян) урожая 1920 г. В циркуляре отмечались особые трудности заготовительной кампании 1920 г. Все местные органы власти обязывались принять самые энергичные меры содействия продорганам в их работе, для этого отделы управления должны были мобилизовать весь подведомственный им аппарат. Кроме того, заведующие отделами управлений обязывались оказывать энергичное содействие в организации и комплектовании продотрядов [6, с. 411]. Циркуляр предписывал действовать соответственно чрезвычайной ситуации: «Все меры по оказанию содействия продорганам в деле реализации урожая в 1920–1921 гг. должны быть приняты в срочном порядке и проведены с величайшим напряжением энергии» [2]. В дополнение к перечисленным задачам, НКВД выполнял заявки Наркомпрода об ограничении въезда граждан в определенные населенные пункты «поскольку там размещались центры работы по заготовке продовольствия» [13, с. 206].

В условиях формирования новой социально-политической системы, когда в деятельности как центральных, так и местных учреждений, проявлялась масса несогласованности, разногласий, противоречий, наркомат внутренних дел отвечал и за организацию взаимодействия различных государственных учреждений, в том числе и в продовольственной сфере. И здесь означенному ведомству пришлось прилагать серьезные усилия по согласованию и координации деятельности соответствующих учреждений.

Для примера, упомянем ситуации, когда исполнительные комитеты Советов превышали свои полномочия, «вторгаясь» в компетенцию продовольственных органов. Так, в мае 1918 года Рузаевский Совдеп попытался конфисковать принадлежащую наркомпроду соль [3]. Впоследствии, Пензенский губисполком вопреки уже принятому решению коллегии губпродкома назначил заместителя губернского продовольственного комиссара, вызвав тем резкую реакцию наркомпрода [6, с. 400]. В феврале 1919 г. в связи с катастрофическим положением в Рославле (Смоленская губ.) уездный исполком решил, передать бедствующему го-

родскому гарнизону хлеб, имеющийся в распоряжении продорганов, и реквизируют муку на мельницах [5]. В апреле 1919 г. Гомельский исполком, вопреки категорическому запрету, разрешил ввоз в город и продажу так называемых «нормированных» (т. е. подлежащих только государственной монополии) продуктов [6, с. 402]. Как видим, губернские исполкомы, мягко говоря, не слишком считались с границами компетенции народного комиссариата продовольствия.

Впрочем, в ситуации повсеместной скудости жизненных средств, недостаточности самого необходимого, на ресурсы и полномочия наркомпрода посягали не только Советы, но и различные иные властные учреждения. Так, в рассматриваемый период Вольский уездный совет народного хозяйства Саратовской губернии принял на себя полномочия по распределению среди населения промышленных товаров (мыло, керосин), хотя это входило в функции продовольственных комитетов.

Характерные нарушения наблюдались и на нижестоящем — волостном уровне. Так, в подготовленном информационно-инструкторским отделом НКВД докладе к съезду председателей волостных исполкомов Звенигородского уезда Московской губернии, отмечалось, что «Волостные Исполкомы организуют совершенно ненужные Отделы, как, напр., Продовольственный, Народного Хозяйства, хотя бы и слитые вместе, и сажание туда ненужных двух членов Исполкома» [14, с. 217]. Кроме исполкомов, «в силу непонимания своих задач» в «трения и недоразумения ...» с местными продовольственными организациями оказались втянуты комитеты бедноты [14, с. 240].

Разумеется, не редкими оказывались и «обратные» случаи, когда продовольственные комитеты, народный комиссариат продовольствия, преступали ведомственные пределы, принимая на себя функции органов власти общей компетенции. Например, Демьянский уездный отдел продовольствия (Новгородская губерния) 2,5 месяца не отвечал на требование исполкома дать сведения о своей деятельности, наконец, он сообщил, что отказывается давать сведения, так как считает себя автономным (от новгородских властей). Так же ответила и уездная чрезвычайная комиссия» [5, с. 124].

Проявления означенной «автономности» отмечались и в Самарской губернии, где каждое ведомство, «действовало совершенно самостоятельно, не являясь в полной мере зависимыми Отделами Губисполкома» [14, с. 132]. Причем наиболее «зависимыми от Центральных Наркомов, а не от местного Исполкома» признавались продовольственные и военные органы [14, с. 132]. В частности, «Губпродком, считаясь лишь с постановлением своего Всероссийского совещания, также разбил Самарскую губернию на ряд мелких

продовольственных районов, упразднив даже некоторые уездные Продкомы» [14, с. 132]. Итогом такового самоуправства оказалась «организационная разруха. Крестьянин метался между районами, как рыба в сети» [14, с. 132]. Как определенную перспективу в Самарском исполкоме выделяли тот факт, что «Наркомвнуделом издан циркуляр (1919 г.), предписывающий все обязательные постановления Отделов проводить с утверждения Губисполкома. Это шаг вперед» [14, с. 132].

Следует заметить, что в материалах народного комиссариата внутренних дел отмечена обеспокоенность за то, удастся ли Советам привести ведомственные интересы к общей линии. И действительно, впоследствии межведомственные инциденты повторялись раз от раза. Так, в 1921 г. заместитель наркома продовольствия Н. П. Брюханов предложил «привлечь к ответственности за загромождение телеграфа» милиционера, сообщившего о небрежном хранении на одной из железнодорожных станций в Троицком уезде (Челябинской губ.) заготовленного продовольственниками мяса [6, с. 253]. Ситуация попала в поле зрения В. И. Ленина, выяснившего, что, по объективной оценке, здесь следует наказывать не отреагировавшего на нерадивость продовольственников сотрудника милиции, а именно наркомпрод. Необходимо отметить, что милиционеры вообще неоднократно рапортовали о нарушениях и злоупотреблениях представителей продовольственного ведомства [15, с. 163].

Одним из распространенных просчетов последнего являлась ситуация, когда продовольственные комитеты, без согласования, либо даже консультаций с местными исполкомами, «не всегда правильно учитывали возможности той или иной волости и облагали их чрезмерной разверсткой» [6, с. 409]. Одним из негативных итогов такого подхода оказывалось объяснимое недовольство и даже возмущение крестьянства, воспринимавшего явно завышенные, относительно реальной урожайности, нормы разверстки, как свидетельство некомплектности, а то и антинародного перерождения революционной власти. Наиболее трагические результаты таковых просчетов отражались в информационных сводках Наркомата внутренних дел: «В с. Кращево в связи с реквизицией продовольствия убиты член Елажского райпродкома и три продармейца» (05.06.19 г.) [13, с. 227].

Некомпетентные, противоправные, действия представителей продовольственного ведомства, вызвали обеспокоенность и со стороны ответственного за общее положение дел на местах НКВД. В складывающейся ситуации данный народный комиссариат предпринимал меры по направлению деятельности продовольственных учреждений в русло общей политики советской власти. В частности, 13-го марта

1919 г. коллегия НКВД подтвердила, что: «Все местные Отделы (военные, продовольственные, Совнархозы, Чрезвычайные комиссии и др.) должны рассматриваться всеми центральными учреждениями, как **Отделы соответствующих Исполкомов** (выделено авт.)» [14, с. 109].

Не стоит считать неожиданным, что, означенные усилия наркомата внутренних дел далеко не всегда встречали понимание со стороны представителей наркомпрода. Проблемы несогласованности действий государственных органов, пересечения ведомственных полномочий, порой приводили к открытым разбирательствам на уровне совета народных комиссаров. В частности, реагируя на вышеупомянутый конфликт в Пензе, заместитель наркома продовольствия Н. П. Брюханов 3 января 1919 г. телеграфировал: «Обращаю внимание губисполкома на недопустимость вмешательства в работу губпродкома, **который по декрету 27 мая подчиняется непосредственно Наркомпроду** (выделено авт.), находясь лишь под контролем исполкома» [5]. Подобное толкование вызвало ответную реакцию от лица наркома внутренних дел Г. И. Петровского, который в статье «Поменьше дезорганизации» подчеркнул, что отдельные исполкомы не выполняют распоряжения центральной власти, но **бывают случаи, когда наркомы отдают распоряжения, приводящие к сепаратизму отделов от исполкомов** (выделено авт.); «... такими недавно были распоряжения наркома Брюханова» [1]. По данному прецеденту стоит заметить, что кроме публикации в прессе, представители НКВД направили соответствующее отношение в народный комиссариат юстиции [3].

Таким образом, на протяжении 1918–1921 годов, значительная часть политики продовольственной разверстки была осуществлена именно через аппарат народного комиссариата внутренних дел. Как можно видеть, здесь, прежде всего, сказалась традиционная принадлежность ответственности за народное продовольствие к ведению ведомства по внутренним делам. Показательно, что даже после создания специального комиссариата продовольствия, сфера ответственности НКВД в рассматриваемой сфере оставалась значительной. При том, что большевики неизменно отрицали «преemptивность» народного комиссариата внутренних дел относительно одноименного министерства, в сфере продовольственных мероприятий таковая преemptивность просматривается вполне определенно.

В качестве общего итога, можно констатировать, что в ситуации острого продовольственного кризиса, именно НКВД Советской России обеспечил значительную часть организационной и координационной составляющей общих усилий по преодолению кризисной ситуации. В 2021 году — году столетия с момента завершения политики «военного коммунизма»,

обращение к обозначенному аспекту деятельности наркомата внутренних дел позволяет расширить представление о значении данного ведомства, осмыслить сложные аспекты той драматической эпохи.

Список источников

1. Власть Советов, 1919, № 1, стр. 5.
2. ГАРФ. Ф. 393. Опись № 23. Д. 23. Л. 6–6 об.
3. ГАРФ. Ф. 393. Опись № 2. Д. 4. Л. 100.
4. ГАРФ. Ф. 393. Опись № 2. Д. 3.
5. РГАЭ (ЦГАНХ), ф. 1943, Оп. 3, д. 291, л. 21.
6. Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Москва, 1968.
7. Известия ВЦИК. № 189/74. 27 августа 1919 г.
8. Мещеряков В. Н. Первый земельный съезд (10–20 декабря 1918 г.). / Правда 1919 № 13. воскресенье 19 января. С. 2.
9. Оськин М. В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Серия История. Политология. 2015 № 7 (204). Выпуск 34.
10. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 1 / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург : «Академкнига», 2000.
11. Пять лет власти Советов. Издание ВЦИК. Москва, 1922 г.
12. Сахневич И. В. Правовые основы продовольственной политики Временного правительства // Юридические записки. 2014. № 1.
13. Скоркин К. В. НКВД РСФСР : 1917–1923 // МВД России : Люди структура, деятельность. Т. II. М., 2008.
14. Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921). Сборник документов. Ч. I. М. : Издательство Коммунистической Академии, 1928.
15. Фирсов И. Ф. Участие милиции в подавлении западносибирского крестьянского восстания // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. Выпуск № 2(3). С. 163.

References

1. The Power of the Soviets, 1919, № 1, P. 5.
2. GARF. F. 393. Inventory № 23. d. 23. L. 6-6 vol.
3. GARF. F. 393. Inventory № 2. D. 4. L. 100.
4. GARF. F. 393. Inventory № 2. d. 3.
5. RGAE (TSGANH), f. 1943, Op. 3, d. 291, l. 21.
6. Gimpelson E. G. Soviets during the years of foreign intervention and civil war. Moscow, 1968.
7. Izvestiya VTsIK. № 189/74. August 27, 1919.
8. Meshcheryakov V. N. The First Land Congress

- (December 10–20, 1918). / Pravda 1919 № 13. Sunday January 19. P. 2.
9. Oskin M. V. The food question in Russia in 1917 : the weak point of the new government // Scientific Vedomosti Series History. Political science. 2015 № 7 (204). Issue 34.
 10. Food security of the Urals in the XX century. Documents and materials. Vol. 1 / Edited by G. E. Kornilov, V. V. Maslakov. Yekaterinburg : Akademkniga, 2000.
 11. Five years of Soviet power. The publication of the VTSIK. Moscow, 1922
 12. Sakhnevich I. V. The legal foundations of the food policy of the Provisional Government // Legal notes. 2014. № 1.
 13. Skorkin K. V. NKVD of the RSFSR : 1917–1923 // The Ministry of Internal Affairs of Russia: People structure, activity. Vol. II. M., 2008.
 14. Soviets in the era of war communism (1918–1921). Collection of documents. Ch. I. M. : Publishing House of the Communist Academy, 1928.
 15. Firsov I. F. Participation of the militia in the suppression of the West Siberian peasant uprising // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Issue № 2(3). P. 163.

Информация об авторах

А. И. Абдрахманов — доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Целуйко — доцент кафедры частного права Института государства и права Государственного университета управления кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. I. Abdrakhmanov — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Tseluyko — Associate Professor of the Department of Private Law of the Institute of State and Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 347.424

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-18-22>

НИОН: 2003-0059-2/22-210

MOSURED: 77/27-003-2022-02-409

Непреодолимая сила как основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности

Наталья Айдеровна Аблятипова¹, Ирина Юрьевна Волкова²

^{1,2} Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Республика Крым, Россия

¹ ve_na2014@mail.ru

² J.generation@yandex.ru

Аннотация. Исследуется влияние обстоятельств непреодолимой силы на неисполнение или ненадлежащее исполнение субъектами гражданских правоотношений своих обязанностей. Проанализированы условия признания наличия непреодолимой силы, сформулированные в гражданском законодательстве и позициях высших судов. На примере материалов судебной практики рассмотрены особенности оценки аргументов о наличии обстоятельств непреодолимой силы судами общей юрисдикции и закономерности признания или непризнания факта воздействия непреодолимой силы на нарушение прав лица.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, основания освобождения от ответственности, непреодолимая сила, чрезвычайность, неотвратимость, пандемия, чрезвычайные ситуации природного характера

Для цитирования: Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Непреодолимая сила как основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 18–22. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-18-22>.

Original article

Overcomeful force as a basis for liberation from civil liability

Natalia A. Ablyatipova¹, Irina Yu. Volkova²

^{1,2} Russian State University of Justice (Crimean branch), Simferopol, Republic of Crimea, Russia

¹ ve_na2014@mail.ru

² J.generation@yandex.ru

Abstract. The influence of circumstances of overcomeful force for non-fulfillment or improper performance by the subjects of civil legal relations is examined. In addition, the conditions for recognizing the presence of force majeure, formulated in civil law and the positions of the Supreme Courts, are analyzed. On the example of judicial practice materials, the features of the assessment of arguments on the presence of the circumstances of force majeure by the courts by the courts of general jurisdiction and the patterns of recognition or non-recognition of the fact of the impact of force majeure to violate the rights of the person are considered.

Keywords: civil liability, foundation of liberation from responsibility, irresistible force, emergency, inevitability, pandemic, emergency situations of natural nature

For citation: Ablyatipova N. A., Volkova I. Yu. Overcomeful force as a basis for liberation from civil liability. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):18–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-18-22>.

Для гражданско-правовых отношений характерным является наличие обязательств у субъектов права по отношению друг к другу. Одним из важнейших условий нормального функционирования гражданского оборота является добросовестное поведение его участников, что проявляется, в том числе в надлежащем исполнении обязательств. Однако в некоторых ситуациях участники правоотношений не действуют добросовестно. Примером этого служат различные деликты или нарушения обязательств по сделкам. В таких случаях к виновным участникам оборота применяются меры гражданско-правовой ответственности, предусмотренные законодательством. При этом лица могут не исполнять свои обязательства или исполнять их ненадлежащим образом в силу обстоятельств, которые являются чрезвычайными, непредотвратимыми и не зависят от воли таких лиц. В гражданском законодательстве и в науке гражданского права подобные обстоятельства именуется обстоятельствами непреодолимой силы. Если лицо, нарушившее обязательство, докажет влияние таких обстоятельств на исполнение или ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, оно может быть освобождено от гражданско-правовой ответственности. В настоящее время вариативность обстоятельств, которые приводятся в качестве аргументов для освобождения от ответственности по данному основанию, достаточно широка. Это приводит к противоречивым ситуациям при рассмотрении данной категории дел правоприменительными органами. Данное обстоятельство обуславливает актуальность исследования института освобождения от гражданско-правовой ответственности из-за обстоятельств непреодолимой силы.

В п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепляется возможность освобождения от ответственности лица, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, если оно докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств¹.

Как можно увидеть исходя из анализа данной нормы, обстоятельства непреодолимой силы характеризуются двумя критериями: чрезвычайностью и неотвратимостью. Для разъяснения значения названных

критериев обратимся к позициям, сформулированным высшими судами. В п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» отмечено, что в качестве чрезвычайности необходимо расценивать исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Непредотвратимым же обстоятельством признаётся в том случае, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий².

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ обращает внимание и на то, что неотвратимость должна носить объективный, а не субъективный характер³. Кроме этого, для признания наличия необходимой силы необходимо присутствие признаков чрезвычайности и неотвратимости одновременно и в совокупности, на что было указано Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ⁴. Таким образом, обстоятельства непреодолимой силы могут признаваться таковыми, если не зависят от волевого воздействия лица, являются неординарными в конкретных условиях и, если их объективно невозможно избежать.

Нередко лицами, доказывающими наличие факта непреодолимой силы, приводятся аналогичные обстоятельства, которые интерпретируются судами общей юрисдикции совершенно по-разному в зависимости от особенностей той или иной ситуации. Рассмотрим далее, какие факторы учитываются судами при оценке аргументов для освобождения от ответственности по причине обстоятельств непреодолимой силы на примере материалов судебной практики. В качестве обстоятельств непреодолимой силы субъектами приводятся различные основания. В рамках данного исследования более детально будут изучены такие обстоятельства как эпидемия и чрезвычайные ситуации природного характера.

Одной из наиболее распространенных причин неисполнения обязательств за период 2020–2021 годов является распространение коронавирусной инфекции.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 5 декабря 1994 года. № 32. Ст. 3301.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Май 2016 г. N 5

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 июня 2012 г. № 3352/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012 г. № 10.

⁴ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 306-ЭС14-7853 по делу № А65-29455/2013 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Август 2015 г. № 8.

Несмотря на всеобщий характер пандемии и вводимые ограничения, суды не всегда признают это обстоятельство основанием для ненадлежащего исполнения обязательств. Сравним далее два судебных решения, в одном из которых суд признал пандемию коронавируса обстоятельством непреодолимой силы, а в другом — нет.

Шебекинский районный суд Белгородской области рассмотрел дело по иску о взыскании денежных средств, уплаченных по договору, компенсации морального вреда и взыскании штрафа¹. В обоснование требований истица указала следующее. Между ней и одним из ответчиков был заключен договор о реализации туристского продукта, в соответствии с которым ею был приобретен пакетный тур на четырех человек, туроператором являлся второй ответчик. Маршрут путешествия предполагал пересечение границы Турецкой республики. Однако после приобретения истицей тура был введен запрет на въезд в Турцию и прекращено регулярное и чартерное сообщение из-за распространения COVID-19. В связи с этим истица неоднократно обращалась к ответчикам с заявлением о расторжении договора и возврате денежных средств, но ответа не поступало, что послужило причиной обращения в суд.

Ответчики с заявленными требованиями не согласились, обосновывая это тем, что, во-первых, истице направлялось уведомление о предоставлении равнозначного туристского продукта, во-вторых, с их стороны отсутствовало виновное поведение, приведшее к возникшей ситуации.

Проанализировав материалы дела, суд частично удовлетворил исковые требования, основываясь на следующем. Истец и члены её семьи отказались от тура по причинам, не связанным с виновными действиями ответчиков. Также суд учел, что введение ограничений из-за распространения коронавирусной инфекции и запрет на авиаперелеты стали для ответчика обстоятельством непреодолимой силы, препятствующими возврату денежных средств, в том числе по причине невозврата их иностранными туроператорами. Исходя из этого, суд не усмотрел оснований для взыскания с ответчика штрафа и компенсации морального вреда в пользу истца. Требования же о взыскании денежных средств, уплаченных по договору, были удовлетворены.

В рассмотренном судебном решении суд признал обстоятельством непреодолимой силы распространение коронавирусной инфекции и ограничительные мероприятия, вызванные ей. Однако данное обстоятельство не является универсальным для освобождения от

гражданско-правовой ответственности. Так, несмотря на доводы лиц, пандемия коронавируса не всегда признаётся судебными органами основанием для ненадлежащего исполнения обязательств и освобождения от ответственности. Примером этого служит Решение Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры².

Истец обратилась к санаторно-курортному комплексу с иском о взыскании неустойки, штрафа. Обращению в суд способствовало следующее. Через сайт ответчика истица оформила заказ санаторно-курортного лечения и произвела оплату услуги в полном объеме, однако впоследствии отменила бронь из-за угрозы коронавирусной инфекции и неблагоприятных прогнозов в вопросе сроков окончания пандемии. Так как ответчик не понёс никаких расходов, вызванных исполнением обязательств, истица потребовала возврата уплаченной суммы. Ответчик вернул денежные средства, однако допустил при этом просрочку, в связи с чем истица считает правомерным взыскать с него неустойку и штраф.

Ответчик возражал против заявленных требований, ссылаясь на наличие обстоятельств непреодолимой силы в виде приостановления деятельности из-за ограничительных мер. Однако суд критически отнесся к доводам ответчика, так как введенные ограничения не распространялись на организации, предоставляющие финансовые услуги в части услуг по расчетам и платежам. Как отметил суд, в сложившейся ситуации нерабочий период не является обстоятельством непреодолимой силы. Доказательств, подтверждающих невозможность осуществлять расчеты в удаленном режиме, ответчиком не представлено. Исходя из этого, суд взыскал с ответчика неустойку и штраф.

Рассмотренные судебные решения отображают, что приведение в качестве аргумента для освобождения от гражданско-правовой ответственности угрозы распространения заболевания не всегда принимается судами как надлежащий аргумент. В каждой отдельной ситуации суды исследуют возможность ответчиков выполнить свои обязательства в условиях пандемии. Если у лица объективно не было такой возможности, и оно не могло каким-либо образом повлиять на сложившуюся между ним и контрагентом ситуацию, суд признает наличие непреодолимой силы. Если же несмотря на сложившуюся обстановку лицо могло предотвратить ненадлежащее исполнение им возникших обязанностей, суд не расценит приводимое в качестве аргумента обстоятельство как объективно препятствующее выполнению обязательств.

Обстоятельства, связанные с природными явлениями

¹ Решение Шебекинского районного суда Белгородской области от 15 марта 2021 г. по делу № 2-283/2021// URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LclphlKbOExj/>

² Решение Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 17 июля 2020 г. по делу № 2-2915/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fuC71RF2yj5H/>

ями, также нередко приводятся в качестве основания для освобождения от гражданско-правовой ответственности. Проанализируем далее, что принимают во внимание суды при определении того, является ли чрезвычайная ситуация природного характера обстоятельством непреодолимой силы.

Ленинский районный суд г. Владивостока рассмотрел дело по иску к администрации города о возмещении ущерба, вызванного затоплением автомобиля¹. В обоснование требований истица указала, что на проезжей части произошло затопление принадлежащего ей автомобиля дождевой водой до 1,5 метров, в результате чего у него возникли повреждения, препятствующие дальнейшему нормальному функционированию. Место затопления автомобиля не было огорожено, однако на данном участке дороги имелись повреждения, затрудняющие движение транспортных средств, что подтверждается актом выявленных недостатков. Ответчик же является органом, в обязанности которого входит содержание дороги.

Опровергая заявленные иски, ответчик указал, что информация о неблагоприятных погодных условиях была размещена на сайте администрации и в иных средствах массовой информации. Кроме этого, на территории округа был введен режим чрезвычайной ситуации по причине тайфуна и большого количества осадков, поэтому повреждения автомобиля возникли из-за неосмотрительного поведения истицы.

При принятии решения суд исходил из следующего. Во-первых, истица осознавала неблагоприятные метеорологические условия и последствия наступления опасности, поэтому обязана была соблюдать меры предосторожности. Во-вторых, решение о заезде в затопленный участок было принято истицей добровольно. В-третьих, в ходе проверки ливневой канализации не было выявлено нарушений по её состоянию. Наконец, суд отметил, что затопление автомобиля истицы было вызвано непреодолимой силой в виде природной чрезвычайной ситуации, носящей в данном случае чрезвычайный и непредотвратимый характер. Таким образом, суд отказал в удовлетворении исковых требований и не привлек ответчика к гражданско-правовой ответственности. В приведенном случае со стороны ответчика не было выявлено нарушений, которые могли как-либо повлиять на нарушение прав истца, поэтому суд признал неблагоприятную природную обстановку обстоятельством непреодолимой силы. Однако если ответчик не выполнил необходимых с его стороны действий, суд подойдет к рассмотрению дела иначе.

Подтвердим это на примере дела, рассмотренного

¹ Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 15 июля 2020 г. по делу № 2-2126/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ltOEwr8M7c5O/>

Березовским городским судом Свердловской области². Истец обратился в суд с иском к МКУ «Благоустройство и жилищно-коммунальное хозяйство Березовского городского округа» о возмещении материального ущерба, причиненного автомобилю. Повреждение автомобиля истца было результатом падения на него ствола дерева, растущего возле стоянки, где он был припаркован. Территория, на которой произошло падение дерева, находится в собственности Березовского городского округа и обслуживается ответчиком. Ответчик не был согласен с позицией истца, так как считал, что в произошедшем нет его вины, и дерево упало из-за урагана, что является обстоятельством непреодолимой силы.

Суд опроверг доводы ответчика и не признал в данной ситуации наличия обстоятельств непреодолимой силы. Относительно аргументации ответчика об экстремальных погодных условиях, суд пояснил, что скорость ветра не подпадала под критерий чрезвычайной ситуации и не может быть признана таковой. Кроме этого, по результатам проведенной проверки было зафиксировано, что упавшее дерево являлось аварийным и подлежало спилу, так как оно было усохшим, ослабленным, без развитой зеленой кроны, при хорошем состоянии дерева погодные условия не спровоцировали бы его падение. Однако ответчик не выполнил свою обязанность по выявлению и удалению аварийных деревьев. Таким образом, доводы ответчика о влиянии непреодолимой силы на падение дерева не соответствуют действительности. Суд удовлетворил иски, требования истца.

В проанализированных судебных решениях имуществу истцов был причинен ущерб из-за погодных явлений. По этой причине они обращались с требованиями возместить вред к лицам, в обязанности которых входит совершение действий, направленных на предотвращение такого вреда. Итоги рассмотрения дел свидетельствуют о том, что при наличии стихийного фактора суды принимают во внимание, были ли со стороны ответчиков предприняты все надлежащие и необходимые меры, которые могли бы позволить избежать нарушения прав истцов. Если обязанное лицо добросовестно и заблаговременно осуществляло нужные действия и не могло предотвратить вред, причиненный природной чрезвычайной ситуацией, суд освободит его от гражданско-правовой ответственности и признает влияние фактора непреодолимой силы. Если же ситуация стала результатом бездействия ответчика и невыполнения им обязанностей, суд опровергнет доводы о том, что на нарушение прав истца повлияли обстоятельства непреодолимой силы и привлечет виновное лицо к соответствующей ответственности.

² Решение Березовского городского суда Свердловской области от 25 ноября 2020 г. по делу № 2-1441/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zkUI7HAr9UD/>

ности.

Исходя из исследования приведенных материалов судебной практики, можно сделать вывод, что при определении наличия критериев чрезвычайности и неотвратимости в той или иной ситуации правоприменитель исходит из объективной возможности лица, нарушившего обязательство, выполнить требуемые от него действия надлежащим образом и избежать наступления неблагоприятных последствий. Для признания влияния непреодолимой силы на ненадлежащее исполнение обязательств необходимо, во-первых, чтобы нарушение не было связано с фактором воли лица и находилось вне сферы его влияния; во-вторых, чтобы действие или бездействие лица непосредственно или опосредованно не способствовало на нарушение прав другого лица.

Обобщая вышеизложенное, влияние непреодолимой силы на неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств является основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности.

При этом непреодолимость должна характеризоваться одновременным наличием таких критериев как чрезвычайность — необычность обстоятельства в конкретных условиях и неотвратимость — невозможность избежать наступления обстоятельства или его последствий. Эти критерии исследуются судами при оценке аргументов должников о неисполнении ими ненадлежащем исполнении ими своих обязательств по причине обстоятельств непреодолимой силы. Так, основополагающими факторами при определении наличия непреодолимой силы являются воля лица, его способность повлиять на возникшие обстоятельства и заблаговременное исполнение им необходимых действий, способных предотвратить нарушение прав другого лица. Ситуации, приводимые в качестве обстоятельств непреодолимой силы весьма разнообразны и их перечень с течением времени увеличивается, что не может не вызвать возникновение противоречивых ситуаций, поэтому данная проблема будет актуальна для дальнейшего исследования.

Информация об авторах

Н. А. Аблятипова — доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

И. Ю. Волкова — студентка Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

N. A. Ablyatipova — Associate Professor of the Department of Civil Law of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. Yu. Volkova — Student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-23-29>

НИОН: 2003-0059-2/22-211

MOSURED: 77/27-003-2022-02-410

К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России

Галина Вячеславовна Акимова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, galina.akimova.74@mail.ru

Аннотация. Анализируется состояние преступности молодежи, в том числе экстремистской направленности. Выявлены текущие тенденции и установлены основные направления профилактики и предотвращения указанного вида преступных деяний.

Ключевые слова: экстремизм, преступность, тенденции, молодежь, молодежный экстремизм

Для цитирования: Акимова Г. В. К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 23–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-23-29>.

Original article

On the issue of modern trends in youth extremism in Russia

Galina V. Akimova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, galina.akimova.74@mail.ru

Abstract. The state of youth crime, including extremist ones is being analyzed. On the basis of the study, current trends were identified and the main directions for the prevention and prevention of this type of criminal acts were established.

Keywords: extremism, crime, trends, youth, youth extremism

For citation: Akimova G. V. On the issue of modern trends in youth extremism in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):23–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-23-29>.

Экстремизм во всех его проявлениях представляет угрозу всему мировому сообществу в связи с тем обстоятельством, что указанное противоправное явление зачастую используется экстремистскими организациями и конгломератами для расшатывания политической и социальной обстановки, развязывания гражданской войны в целях нарушения целостности государств-мишеней, что не может не сказаться и на обстановке в государствах-соседах.

При этом многими аналитиками отмечается значительный рост фактов привлечения к экстремистской деятельности молодежи, как наиболее неустойчивой в плане религиозного, идеологического, психологического и социального противостояния негативному воздействию из вне.

В этой связи преступность, ее количественные и

качественные показатели, и в частности конкретно преступления экстремистской направленности вызывают серьезную озабоченность не только сотрудников правоохранительных органов [5; 6; 7; 8], в силу целей и задач, поставленных перед ними законом [1], но и научного сообщества, разрабатывающего проблемы превенции указанных противоправных проявлений [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Так, в соответствии с опубликованными статистическими данными (здесь и далее — на официальных интернет-порталах МВД РФ, ФСИН РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Верховного Суда РФ и т. д.) преступления экстремистской направленности в общей массе преступлений, зарегистрированных в 2021 году в России, составляют всего 0,053 % (зарегистрировано 2004404 преступления, из них экстремистской на-

правленности — 1057). Однако столь малый удельный вес указанного рода преступных деяний не дает права оставлять без внимания ни одно из них. Каждое преступное проявление данного рода указывает на разжигание ненависти (по политическим, идеологическим, расовым, национальным или религиозным мотивам), а также зачастую на призывы к геноциду или массовым репрессиям и насилию в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии.

Если рассуждать о тенденциях преступлений экстремистской направленности, то за период 2011–2021 гг. уровень преступных проявлений экстремистской направленности вырос на 169 %, а количество лиц, задействованных в указанных проявлениях (совершивших именно преступные деяния) на 192 %.

При этом среди молодежи все чаще отмечаются агрессия и срачивание с криминалом. Указывается, что «в 2019 году на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних было поставлено 18,8 тыс. несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности вследствие недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности» [16], «около 400 молодежных экстремистских формирований состоит на учете, в т. ч. 50 считаются особо опасными. Около 80 % лиц, входящих в состав организаций экстремистской направленности, составляют молодые люди, не достигшие двадцатилетнего возраста» [17].

В данном случае следует согласиться с мнением, высказанным С. Н. Фридинским о том, что «молодежный экстремизм в условиях современной действительности представляет собой особую проблему для государства и общества, поскольку его масштабы оцениваются экспертами как серьезные» [14, с. 4].

Таким образом, среди всех преступлений экстремистской направленности, при их изучении и анализе особое внимание должно уделяться тем, которые совершены молодежью. Так как именно эта категория граждан имеет особую ценность для государства и должна быть всецело защищена от любого негативно-го, в т.ч. преступной направленности, влияния.

Автором в ходе изучения проблематики [5; 6; 8] были отмечены некоторые характерные особенности современного молодежного экстремизма, а именно:

- достаточно высокий уровень профессиональной (криминальной) квалификации лиц, причастных к указанному роду противоправной деятельности, и в т. ч. постоянное его повышение;
- организованность, сплоченность, региональные и межрегиональные связи, при условии жесткого соблюдения мер конспирации;
- обширный технический арсенал (средств, методов и тактик), задействованный в указанном роде деятельности;

- использование новейших технологий и научных разработок.

Однако в настоящее время в молодежной среде отмечается рост таких негативных проявлений имеющих явно противоправную направленность, как: колумбайн, буллинг (моббинг) и кибебуллинг (кибермоббинг), АУЕ, социальное аутсайдерство и др.

В этой связи следует отметить имеющий немаловажное значение для осуществления оперативно-служебной деятельности полиции в сфере противодействия молодежному экстремизму фактор, а именно — тенденции молодежного экстремизма. При этом ранее изученные и установленные тенденции и проявления претерпели изменения в связи со стремительным развитием современного общества, они интегрируются и становятся взаимозависимыми, что не позволяет в полной мере разделять тенденции в процессе их изучения.

Выявить наиболее значимые тенденции возможно только изучая в комплексе складывающуюся оперативную обстановку и в т. ч. сведения о состоянии преступности и ее характеристиках.

Так, преступных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в т. ч. СМИ), а именно публичных призывов к экстремистской деятельности в 2020 году зарегистрировано 340 (+32,3), из которых 187 было выявлено сотрудниками МВД РФ. Осуждено за указанную противоправную деятельность 138 чел. 147 чел. осуждены за совершение преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 280 УК РФ, 15 из них ранее уже привлекались к уголовной ответственности, а 12 являлись несовершеннолетними. В 2021 году за экстремизм (все составы преступлений) осуждено 606 лиц (против 325 — осужденных в 2020 году).

На протяжении ряда лет сохраняется криминальная активность подростков младших возрастных групп. Так, в 2019 году на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних было поставлено 18,8 тыс. несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности вследствие недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности [16].

Неограниченный доступ в мировое информационное пространство и коммуникативные возможности вполне доступных несовершеннолетним технических средств позволяют им удовлетворять в т. ч. и противоправные потребности, что в свою очередь приводит к криминализации несовершеннолетних. Указанное подтверждается все возрастающим интересом со стороны несовершеннолетних к уже указанным ранее негативным проявлениям, как скулшутинг, экстремизм, колумбайн, АУЕ, нарко и кибер преступность, буллинг и кибербуллинг. Кроме того, в соответствии с отчетом, представленным российской исследовательской компанией Mediascope об аудитории интернета в

России в 2020 году [19] следует, что «показатели пользователей среди более молодого населения (до 44 лет) в 2020 году превысили 90 %, а среди самых молодых россиян (12–24 лет) приблизились к 100 %».

По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, у движения АУЕ в России больше 34 тыс. активных приверженцев в 40 регионах, из которых до 40 % — подростки в возрасте 13–17 лет. В последние годы, в связи с внедрением IT-технологий и новых информационных систем, отмечается рост популярности АУЕ в сети. В одной из крупнейших российских соцсетей сегодня насчитываются 39 тыс. групп АУЕ, в которых состоит более 6,5 млн пользователей [18].

Большинство несовершеннолетних, как правило, при этом (пользовании интернет-ресурсами) зачастую подвергаются определенной психологической обработке — вбрасывается информация, позволяющая склонить (завербовать) несовершеннолетнего (в том числе и против его воли, используются при этом уже указанные методы, характерные для кибермоббинга/кибербуллинга) для участия в деятельности экстремистского формирования (движения, группы), либо для участия в беспорядках носящих массовый проэкстремистский характер.

Глобализация и информатизация, в свою очередь, определяют возросший уровень миграции, в т. ч. несовершеннолетних.

Получая информацию об уровне жизни в той или иной стране (регионе), несовершеннолетние зачастую принимают необдуманные (не обоснованные) решения о смене места жительства (в т. ч. и принадлежности к государству) в надежде на обещанные в интернет-пространстве преференции.

Следует отметить, что ряд авторов (Б. Б. Бидова, Е. Э. Ганаева, А. В. Петрянин, М. В. Ульянов и др.) в своих работах выделяют миграционные процессы, как «определенно влияющие на преступность экстремистской направленности» указывая при этом на то, что «мигранты становятся объектом пристального внимания экстремистских и террористических организаций. Их нередко втягивают в террористические и националистические группировки, в криминальную деятельность» [20] в связи с тем обстоятельством, что «незаконные мигранты, испытывают сложность с включением в субкультуру страны пребывания, существуют сплоченными общинами и не интегрируют в среду проживания. Такие лица сами активно противостоят любым попыткам вмешательства в их среду, нередко реагируя на это радикальными методами. Кроме этого, незаконные мигранты являются носителями своей криминальной субкультуры, а также внедряют те формы и способы преступности, в которых имеют свои профессиональные навыки» [21] При этом под мигрантов зачастую маскируются лица причастные к незаконному обороту оружия, боеприпасов, наркоти-

ческих средств, и в т. ч. адепты экстремистской (террористической) идеологии, проникающие на территорию России с целью распространения присущих им воззрений на экстремизм, вовлечения несовершеннолетних в противоправную проэкстремистки направленную деятельность. Не стоит в этой связи упускать из виду и то обстоятельство, что лица, возвращающиеся на родину из зон вооруженных конфликтов, являются, вероятно, завербованными (экстремистами, террористами).

В этой связи государством и его правоохранительными структурами в частности, в целях профилактики преступных проявлений принимаются определенные меры по сдерживанию миграционных процессов. Так в 2021 году с территории Российской Федерации было выдворено 28,8 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства (-58 %). Решения о депортации были приняты в отношении 6,9 тыс. иностранных граждан (+1,4 %) [22].

В этой связи следует отметить и неблагоприятное воздействие на криминогенную обстановку пандемии и ее последствий. Так, к факторам определяющими уровень преступности экстремистской направленности в данный период (период пандемии), в т. ч. в среде несовершеннолетних, в отдельных регионах страны, следует отнести и сокращение оборота наркотиков (и оружия, и боеприпасов), и повышение спроса на ряд жизненно необходимых товаров, и переход на дистанционную работу и обучение (повлекшее снижение уровня материального обеспечения), что в свою очередь обусловило трансформацию части определенного вида преступлений в информационное пространство, эскалацию агрессии и насилия (в т. ч. домашнего), и, как следствие возросший уровень протестных проявлений экстремистского толка.

Указанное выше обусловило, в том числе, и рост радикализации молодежи, имеющей в настоящее время почти неограниченный доступ к интернет-ресурсам, обязанной соблюдать локдауны, в силу чего большую часть времени они проводят не в социуме, а соцсетях, что приводит к повышению уровня риска подвергнуться влиянию различных религиозных течений и групп (в т. ч. противоправной, экстремистской направленности).

Зачастую запрещенный/противоправный интернет-контент содержит призывы к свержению существующей в государстве власти, отрицанию традиционных для территории проживания религиозных основ, джихадизму и такфиризму.

Следует отметить, что по данным социологического исследования, проведенного в рамках государственного задания ГБУ «Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ» для специалистов сферы государственной молодежной политики, «наиболее значимым по-

лем экстремизма являются межэтнические отношения (до 40 % опрошенных молодых людей в той или иной степени испытывают антипатию к представителям других национальностей), политические (12 %), религиозные (4–5 %). В аспекте направленности экстремистской активности преобладающим ее видом является межнациональный экстремизм, основанный на идеях национализма, расизма, шовинизма» [23].

На основании вышеизложенного уполномоченным сотрудникам предлагается адаптировать и использовать опыт зарубежных стран в организации противодействия проявлениям радикализма и экстремизма в среде молодежи [24; 25; 26], а именно уделить особое внимание работе с информационными массивами данных (в т. ч. в соцсетях) выявляя язык ненависти, правый радикализм, символику, шифрование сообщений кодами и т. д., при этом следует учитывать и эффект саморадикализации, и методы и тактику пропаганды и вербовки со стороны проэкстремистских движений, групп и объединений, и финансирование указанной противоправной деятельности [5], при этом не следует упускать из виду и традиционные оперативно-разыскные тактики и методики, в т. ч. агентурную работу и личный сыск.

Считаем целесообразным отметить, как особо негативную, тенденцию распространения молодежного экстремизма, как деструктивного проявления криминализации общества.

Установлено, что в местах лишения свободы молодые лица подвергаются зачастую жестоким методам (в т. ч. психологическим) обработки в целях склонения их к противоправной деятельности, вовлечения их в противоправную криминальную субкультуру носящую все признаки экстремистской (ненависть и вражда к тем, кто не является членом группировки, соблюдение традиций группировки, насильственное утверждение авторитетов и мнений группировки и т. д.). Кроме того, осужденные к отбыванию наказания в местах лишения свободы, после отбытия наказания возвращаются в общество, где зачастую насаждают привитые им в МЛС ценности и стереотипы проэкстремистского поведения, пытаясь вовлечь в противоправную экстремистскую деятельность других лиц (как правило, более молодого, чем они сами возраста, подверженных влиянию, слабых как в физическом так и в психолого-социальном плане и т. д.). К примеру, в учреждениях уголовно-исполнительной системы (по состоянию на 1 февраля 2022 г.) в 18 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержалось 823 чел. (-19 чел.).

Отмечается, что «приведенные факты наглядно свидетельствуют о масштабах внедрения и распространения идеологии криминальной субкультуры в нашей стране» [27].

Таким образом, представляется целесообразным при изучении выделять не одну тенденцию, а их комплекс (несколько тенденций в их взаимосвязи), что позволит более качественно ставить задачи оперативно-разыскного предупреждения молодежного экстремизма и эффективно определять тактику выявления лиц, склонных к совершению экстремистских противоправных деяний, а также осуществлять на научной основе оперативно-разыскной контроль за данными лицами.

На основании изложенного считаем, что наибольшую значимость для изучения в плане организации профилактики, противодействия, выявления и пресечения способами и методами ОРД противоправных деяний экстремистской направленности молодежи, имеют следующие тенденции: изменение характеристик (увеличение числа противоправных деяний и количества лиц к ним причастных, вовлечение в преступную деятельность все большего числа несовершеннолетних и малолетних, рост показателей тяжести преступных деяний, в т. ч. совершенных в составе групп, в т. ч. организованных, увеличение объема финансирования экстремизма молодежи) экстремистских проявлений, связанных, прежде всего, с глобализацией и информатизацией мирового пространства, миграционными процессами на территории России и не прекращающейся пандемией, активной радикализацией молодежи, усилением пропаганды в целях вербовки молодежи в экстремистские сообщества, криминализацией общества и в первую очередь именно молодежи.

Указанное определяет основные направления организации противодействия данному противоправному явлению со стороны правоохранительных органов и в первую очередь — МВД РФ, а именно:

- анализ и прогнозирование негативных и деструктивных проявлений (тенденций) в среде молодежи с одновременной выработкой методов минимизации негативных последствий (форсайт);
- разработка соответствующих ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-служебную деятельность уполномоченных лиц;
- организацию специальной узкопрофильной подготовки и повышение квалификации сотрудников, задействованных в процессе контроля за состоянием молодежного экстремизма, в т. ч. с изучением опыта зарубежных стран в организации противодействия проявлениям радикализма и экстремизма в среде молодежи [24; 25; 26].

При этом не следует упускать из виду и традиционные оперативно-разыскные тактики и методики, в т.ч. агентурную работу и личный сыск.

Список источников

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции». [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022, с изм. от 24.02.2022). [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2022).
5. Акимова, Г. В. Тезисы к вопросу о противодействии молодежному экстремизму (профилактика и противодействие финансированию) / Г. В. Акимова, А. И. Федоткин, А. А. Калинин / Реформы в России и проблемы управления. Материалы 33-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. 2018. С. 247–249.
6. Акимова, Г. В. К вопросу о взаимодействии оперативных подразделений органов внутренних дел России и ФСИН России (аспекты борьбы с проявлениями экстремизма) / Г. В. Акимова / Конференция ФСИН. 2019.
7. Акимова, Г. В. К вопросу об организации деятельности полиции по противодействию экстремизму / Г. В. Акимова, Е. А. Соломатина, Т. Ф. Шайхутдинова // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 215–217.
8. Акимова, Г. В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России / Г. В. Акимова // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 221–227.
9. Бааль, Н. Б. Экстремистские молодежные организации в современной России / Н. Б. Бааль // История государства и права. 2007. № 17. С. 4–6.
10. Бааль, Н. Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства / Н. Б. Бааль // Вестник ТвГУ (серия Философия). 2020. № 3 (53). С. 11–12.
11. Богданов, А. В. Причины и условия появления и распространения преступности в молодежной среде экстремистской и террористической направленности. / А. В. Богданов, И. И. Ильинский, Е. Н. Хазов // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 18–20.
12. Долгова, А. И. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики / А. И. Долгова, А. Я. Гуськов, Е. Г. Чуганов. Москва : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. 244 с.
13. Петрянин, А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности : теоретико-прикладное исследование : специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Петрянин А.В. Нижний Новгород, 2015. 501 с.
14. Фридинский, С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский // Обзор. НЦПТИ № 5, 2015.
15. Долгова, А. И. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2010.
16. Раздел II. Состояние системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 22.03.2017 г. №520-р. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/0e19034f73499ab8a14da3a3f443bd823dfad5ac/ (дата обращения: 03.03.2022).
17. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2018 г. [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/upload/sitel/solder_page (дата обращения: 03.03.2022).
18. Аудитория интернета в России в 2020 году. [Электронный ресурс] URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения: 03.03.2022).
19. Сведения Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (дата обращения: 03.03.2022).
20. В МВД раскрыли уровень преступности среди мигрантов. [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/other/45009688/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 03.03.2022).
21. Ступина, С. А. Противодействие организации незаконной миграции как средство профилактики экстремизма / С. А. Ступина / Современ-

- ные системы безопасности — Антитеррор : материалы конгрессной части XIII Всероссийского специализированного форума. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2017. С. 272–277.
22. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/> (дата обращения: 03.03.2022).
 23. Зализняк, Н. Л. Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде : методическое руководство / Н. Л. Зализняк, И. В. Лундовских, А. Г. Синеглазова. 2-е изд., испр. и доп. Казань : ИД «МеДДок», 2020. 80 с.
 24. Акимова, Г. В. Организация противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде на примере зарубежных стран (часть I — США) // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 177–184.
 25. Акимова, Г. В. Организация противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде на примере зарубежных стран (часть II — ФРГ) // Сборник ОРД МосУ МВД РФ. 2021.
 26. Акимова, Г. В. Организация противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде на примере зарубежных стран (часть III — Израиль) // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 178–180.
 27. Воронов, А. М. Правовое противодействие криминальной субкультуре как угрозе национальной безопасности современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 67–72.
- References**
1. Federal Law № 3-FZ of 07.02.2011 (as amended on 06.02.2020) «On the Police». [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 03.03.2022).
 2. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (ed. of 28.01.2022, with amendments. from 02/24/2022). [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 03.03.2022).
 3. Decree of the President of the Russian Federation № 344 dated May 29, 2020 «On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025». [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 03.03.2022).
 4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2011 № 11 (ed. dated 10/28/2021) «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes». [Electronic resource] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 03.03.2022).
 5. Akimova, G. V. Theses on the issue of countering youth extremism (prevention and countering financing) / G. V. Akimova, A. I. Fedotkin, A. A. Kalinikin / Reforms in Russia and management problems. Materials of the 33rd All-Russian Scientific Conference of Young Scientists. 2018. P. 247–249.
 6. Akimova, G. V. On the issue of the interaction of operational units of the internal affairs bodies of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia (aspects of combating extremism) / G. V. Akimova / Conference of the Federal Penitentiary Service. 2019.
 7. Akimova, G. V. On the issue of organizing police activities to counter extremism / G. V. Akimova, E. A. Solomatina, T. F. Shaikhutdinova // Gaps in Russian legislation. 2019. № 6. P. 215–217.
 8. Akimova, G. V. On the issue of countering youth extremism in Russia / G. V. Akimova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 221–227.
 9. Baal, N. B. Extremist youth organizations in modern Russia / N. B. Baal // History of the state and law. 2007. № 17. P. 4–6.
 10. Baal, N. B. Extremism as a threat to the national security of the state / N. B. Baal // Bulletin of TvSU (Philosophy series). 2020. № 3 (53). P. 11–12.
 11. Bogdanov, A.V. The causes and conditions of the emergence and spread of crime in the youth environment of extremist and terrorist orientation. / A.V. Bogdanov, I. I. Ilyinsky, E. N. Khazov // Criminological Journal. 2019. № 2. P. 18–20.
 12. Dolgova, A. I. Problems of legal regulation of the fight against extremism and law enforcement practice / A. I. Dolgova, A. Ya. Guskov, E. G. Chuganov. Moscow : Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2010. 244 p.
 13. Petryanin, A.V. Conceptual foundations of countering extremist crimes : theoretical and applied research : specialty 12.00.08 : dissertation for the degree of Doctor of Law / Petryanin A.V. Nizhny Novgorod, 2015. 501 p.
 14. Fridinsky, S. N. Youth extremism as a particularly dangerous form of extremist activity / S. N. Fridinsky // Review. NCPTI № 5, 2015.
 15. Dolgova, A. I. Extremism: social, legal and criminological problems. Moscow : Russian Criminological Association, 2010.
 16. Section II. The state of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency Concepts for the development of the system for the

- prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2025, approved. By Order of the Government of the Russian Federation № 520-r dated 22.03.2017. [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/0e19034f73499ab8a14da3a3f443bd823dfad5ac/ (accessed 03.03.2022).
17. Annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program for 2018 [Electronic resource] URL: https://мвд.рф/upload/sitel/solder_page (accessed 03.03.2022).
 18. Internet audience in Russia in 2020. [Electronic resource] URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (date of appeal: 03.03.2022).
 19. Information of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. [Electronic resource] URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (accessed 03.03.2022).
 20. The Ministry of Internal Affairs revealed the crime rate among migrants. [Electronic resource] URL: https://news.rambler.ru/other/45009688/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (date of appeal: 03.03.2022).
 21. Stupina, S. A. Countering the organization of illegal migration as a means of preventing extremism / S. A. Stupina / Modern security Systems — Antiterrorism : materials of the congress part of the XIII All-Russian Specialized Forum. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 272–277.
 22. Summary of the main indicators of the migration situation in the Russian Federation for January–December 2021. [Electronic resource] URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/> (date of address: 03.03.2022).
 23. Zaliznyak, N. L. Prevention of extremism and the formation of tolerance among young people : a methodological guide / N. L. Zaliznyak, I. V. Lundovskikh, A. G. Sineglazova. 2nd ed., ispr. and add. Kazan : ID «MeDDok», 2020. 80 p.
 24. Akimova, G. V. Organization of counteraction to manifestations of extremism among youth on the example of foreign countries (part I — USA) // Bulletin of Economic Security. 2020. № 5. P. 177–184.
 25. Akimova, G. V. Organization of countering manifestations of extremism in the youth environment by the example of foreign countries (Part II — FRG) // Collection of ORDOS of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021.
 26. Akimova, G. V. Organization of countering manifestations of extremism in the youth environment by the example of foreign countries (part III — Israel) // Bulletin of Economic Security. 2021. № 1. P. 178–180.
 27. Voronov, A.M. Legal counteraction to the criminal subculture as a threat to the national security of modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 5. P. 67–72.

Информация об авторе

Г. В. Акимова — старший преподаватель кафедры специальной тактики, учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

G. V. Akimova — Senior Lecturer of the Department of Special Tactics, Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-30-33>

НИОН: 2003-0059-2/22-212

MOSURED: 77/27-003-2022-02-411

К вопросу о применении института давности при рассмотрении дел о бандитизме

Давид Исакович Аминов¹, Алексей Борисович Опокин²

¹ aminovdi59@mail.ru

² Государственный университет управления, Москва, Россия, alopokin@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы, посвященные такому институту уголовного права, как срок давности совершения преступления. С ним связаны такие моменты как освобождение от уголовной ответственности, что, несомненно, влияет на статус обвиняемого (подозреваемого). Бандитизм является наиболее опасной формой группового соучастия в преступлении со сложной структурой, распределением ролей и так далее..

Ключевые слова: срок давности, преступление, приговор, цель, нападение, создание, устойчивость, вооруженность, гражданин, организация

Для цитирования: Аминов Д. И., Опокин А. Б. К вопросу о применении института давности при рассмотрении дел о бандитизме // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 30–33. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-30-33>.

Original article

On the issue of the use of the statute of limitations in the consideration of cases of banditry

David I. Aminov¹, Aleksey B. Opokin²

¹ aminovdi59@mail.ru

² State University of Management, Moscow, Russia, alopokin@yandex.ru

Abstract. The topical issues related to such an institution of criminal law as the statute of limitations for committing a crime are considered. This is due to such moments as exemption from criminal liability, which will undoubtedly affect the status of the accused (suspect). Banditry is the most dangerous form of group complicity in a crime with a complex structure, distribution of roles, and so on.

Keywords: statute of limitations, crime, sentence, target, attack, creation, stability, armament, citizen, organization

For citation: Aminov D. I., Opokin A. B. On the issue of the use of the statute of limitations in the consideration of cases of banditry. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):30–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-30-33>.

Известно, что любая норма Закона, если она абсорбирует в себе те или иные руководящие идеи и базируется на общечеловеческих принципах справедливости, в конечном счете, приобретает статус юридического института, способного обеспечить регулирование соответствующего сегмента социальных отношений, в том числе, при возникновении весьма сложных право-

вых ситуаций. К числу таких институтов следует отнести институтов давности.

Несмотря на кажущуюся простоту положений названного юридического института, время от времени на практике возникают ситуации, когда упомянутая простота не всегда столь очевидна. А поскольку за каждым таким случаем стоит чья-то судьба, а также

права и законные интересы конкретного человека и гражданина, то значимость разрешения вопросов, возникающих в контексте данного института вряд ли будет кем-то подвергаться сомнению.

Базовыми положениями института давности, как известно, является предписание ч. 1 ст. 54 Конституции РФ, согласно которым *«Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет»*. В свою очередь, дополняет названное положение часть 2 той же статьи — *«...Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон»*.

Практика показывает, что применительно к делам о бандитизме предварительное и судебное следствие в ряде случаев до настоящего времени осуществляется, в том числе, по трагическим событиям июня 1995 года, произошедших более двадцати пяти лет назад в городе Буденновске.

В указанное время действовал Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. В свете отмеченного представляется весьма значимым основные выводы о возможности или невозможности освобождения лиц, совершивших акты терроризма от наказания в связи с истечением срока давности делать с учетом требований как ныне действующего законодательства, так и предписаний норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РСФСР, действовавших на момент преступлений, вменяемых в вину этих лиц.

Сравнительно правовой анализ норм УК РСФСР и УК РФ, регламентирующих институт давности, свидетельствует о том, что базовые положения этого института существенных изменений со временем не претерпели. Как в прошлое, так и в настоящее время течение срока давности освобождения от уголовной ответственности начинается со дня совершения преступления¹. А в соответствии с ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия), независимо от времени наступления последствий.

Как следует из положений ч. 2 ст. 78 УК РФ, сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу. Лицо может быть освобождено от уголовной ответственности также и при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, если к этому моменту истекли сроки давности.

Как ранее, так и в настоящее время в уголовном законодательстве содержатся *два* базовых условия, при выполнении которых лицо освобождается от уголовной ответственности за давностью. *Первое* — должен

истечь определенный срок, указанный в законе, а *второе* — должны отсутствовать обстоятельства, приостанавливающие течение сроков давности.

В УК РСФСР институт давности был регламентирован статьей 48, где сроки давности так же, как и в ныне действующем уголовном законодательстве, корреспондировались с категориями, к которым по своей тяжести относится соответствующее преступление.

Согласно части 4 названной нормы, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со дня совершения им преступления истекли следующие сроки: *«десять лет со дня совершения преступления, за которое по настоящему Кодексу может быть назначено более строгое наказание, чем лишение свободы сроком на пять лет. Течение давности прерывается, если до истечения указанных сроков лицо совершит новое преступление, за которое по настоящему Кодексу может быть назначено лишение свободы на срок свыше двух лет. Исчисление давности в этом случае начинается с момента совершения нового преступления. Течение давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, скрывается от следствия или суда. В этих случаях течение давности возобновляется с момента задержания лица или явки его с повинной. При этом лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло пятнадцать лет, и давность не была прервана совершением нового преступления. Вопрос о применении давности к лицу, совершившему преступление, за которое по закону может быть назначена смертная казнь, разрешается судом. Если суд не найдет возможным применить давность, смертная казнь не может быть назначена и заменяется лишением свободы»*.

Не вызывает сомнений тот факт, что выводы органов правосудия о начале и окончании сроков давности должны строго корреспондировать как с предписаниями законодателя, так и с обстоятельствами произошедших общественно опасных событий, включая установленный в ходе предварительного и судебного следствия характер действий субъекта деяния, а также моментом окончания его противоправной деятельности.

Материалы соответствующих уголовных дел, а также протоколы судебных заседаний, отражающие характер противоправной деятельности подсудимых, свидетельствуют о том, что все усилия стороны обвинения и суда, как правило, направлены лишь на установление характера событий, произошедших в июне 1995 года. При этом фактическая роль подсудимых в этих событиях, к сожалению, не бывает установлена. Здесь же следует подчеркнуть, что в распоряжении следствия и суда, как правило, отсутствуют какие-либо сведения, касающиеся того, что после

¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1964–1972. М., Юрид. лит. С. 126; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 11, С.10–11.

упомянутых событий тот или иной субъект преступления оставался в соответствующей банде и продолжал осуществлять такого рода преступную деятельность. Из показаний самих обвиняемых не редко следует, что уже с июля 1995 года они никакого участия в этом или каком-либо ином преступном формировании не принимали, а вернулись на прежнее место жительства. При этом эти показания в указанной части никакими свидетельствами не опровергнуты.

Авторы статьи обнаружили и другую тенденцию. В частности, по целому ряду лиц имеются свидетельства о том, что в период 2000–2001 гг. они официально сдали свое огнестрельное оружие в органы внутренних дел.

Несмотря на отсутствие в материалах уголовных дел каких-либо сведений о том, что соответствующая категория подследственных оставались в бандформированиях или им как-то содействовали после июня 1995 года, суды связывали момент окончания преступления этих лиц лишь с официальными данными о смерти главаря такой банды. Вместе с тем, такого рода подход в оценке момента окончания преступления идет вразрез с предписаниями ч. 3 ст. 49 Конституции РФ в части того, что *«неустрашимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого»*. Следовательно, свои выводы судебный орган в таких случаях основывает исключительно на ничем не подкрепленных предположениях. Хотя отмеченное совершенно не допустимо.

Такое деяние, как бандитизм (ч. 2 ст. 209 УК РФ), по своей конструкции состава относится к числу продолжаемых преступлений. Следовательно, важное значение для исчисления сроков давности имеет установление момента добровольного отказа лица от дальнейшего участия в преступной деятельности банды. На данное обстоятельство указывается в ч. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 г. Москва «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где особым образом подчеркивается следующее. *«Добровольность прекращения участия в незаконном вооруженном формировании (примечание к статье 208 УК РФ) заключается в прекращении участия в этом формировании по собственной воле лица при наличии у него объективной возможности продолжать такое участие»*.

Таким образом, именно вопрос о добровольности в указанном случае ставится во главу угла. Поскольку течение срока давности привлечения к уголовной ответственности за продолжаемое преступление начинается со дня совершения последнего действия, вхо-

дящего в продолжаемое преступление¹.

Далее, если вновь обратиться к положениям ст. 48 УК РСФСР, то соответствующей нормой срок давности устанавливается *«десять лет со дня совершения преступления, за которое по настоящему Кодексу может быть назначено более строгое наказание, чем лишение свободы сроком на пять лет»*.

Как следует из предписаний названной нормы УК РСФСР, *«течение давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, скроется от следствия или суда»*.

И наконец, в рассматриваемом случае важное значение для установления сроков давности имеет следующее положение ч. 4 ст. 48 УК РСФСР — *«...течение давности возобновляется с момента задержания лица или явки его с повинной. При этом лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло пятнадцать лет и давность не была прервана совершением нового преступления...»*.

Соответствующим нормативным положением законодатель установил предельные временные рамки (пятнадцать лет), когда субъект бандитизма может быть подвергнут уголовному наказанию за совершенные инкриминируемые ему преступления. Исходя из отмеченного, сроки давности, при которых лицо могло понести наказание, истекли. Указанное справедливо независимо от того, какой момент окончания рассматриваемых преступлений в данном случае принять за основу — июль 1995 года, 2000 года либо июль 2006 года.

Здесь же следует обратить внимание на то, что независимо от того, когда именно правоохранительными органами был задержан участник событий 1995 года, сроки давности инкриминируемых ему преступлений не прерывались. При этом в общий срок давности входит все время с момента окончания преступлений и до момента, когда Приговор, постановленный в отношении соответствующего лица, вступит в законную силу. При исчислении сроков давности все это время должно учитываться.

В соответствии с УК РСФСР в ред. от 30 июля

¹ Одним из правовых источников, устанавливающих порядок течения сроков давности по длящимся и продолжаемым преступлениям, по-прежнему является Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (в редакции Постановления Пленума от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям». Постановление 23 Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 04.03.1929 (ред. от 14.03.1963) // Консультант Плюс. Затрагивалась проблема правового регулирования продолжаемых преступлений и Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания». Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами уголовного наказания» от 11.06.1999 № 40 // БВС РФ, 1999, № 8.

1996 года предусматривались следующие виды и сроки наказаний, в частности, за совершение бандитизма наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества.

Таким образом, за бандитизм законодатель предусмотрел максимальные наказания в виде лишения свободы сроком до 15 лет или смертную казнь.

Если принять во внимание, что такое наказание, как смертная казнь, в ныне действующем уголовном зако-

нодательстве не предусмотрена, то ссылка судов в своих приговорах на данное положение ст. 48 УК РСФСР является абсурдной. Данная аргументация могла быть приемлема только в двух альтернативных случаях: 1) смертная казнь как уголовное наказание предусматривалась бы в ныне действующем уголовном законодательстве; 2) отсутствовала бы базовая конституционная норма, предусмотренная ч. 2 ст. 54 («...Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон»).

Информация об авторах

Д. И. Аминов — доктор юридических наук, профессор;

А. Б. Опокин — старший преподаватель кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления.

Information about the authors

D. I. Aminov — Doctor of Legal Sciences, Professor;

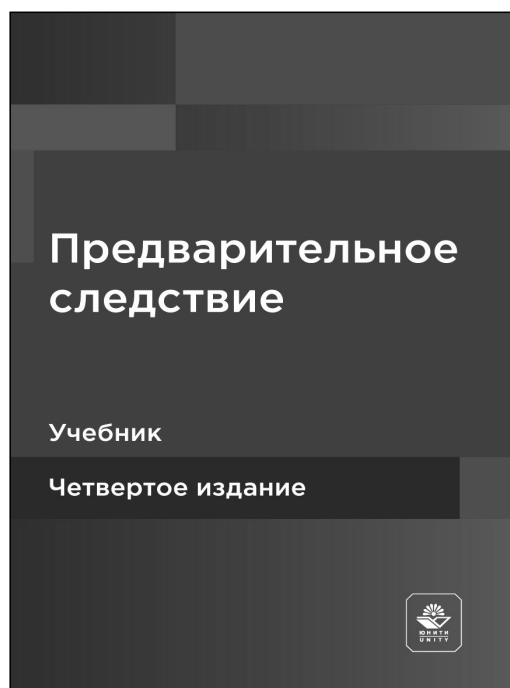
A. B. Opokin — Senior Lecturer of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Предварительное следствие. Под ред. Д.А. Иванова, А.С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки "Юриспруденция", по специальности "Правовое обеспечение национальной безопасности", курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-34-39>

НИОН: 2003-0059-2/22-213

MOSURED: 77/27-003-2022-02-412

Гарантии обеспечения условий труда для отдельных категорий работников в Российской Федерации

Светлана Николаевна Андреева

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, sweta-rus@mail.ru

Аннотация. Проанализированы особенности и некоторые проблемы реализации правовых гарантий обеспечения условий труда в отношении отдельных категорий работников. Определены виды правовых гарантий в зависимости от особенностей осуществления трудовой деятельности, социальных и психофизиологических характеристик отдельных категорий работников. Делается вывод о преимущественно нематериальном характере трудовых гарантий в отношении отдельных работников и необходимости систематизации трудового законодательства в данной сфере и введения дополнительных трудовых гарантий в отношении граждан пожилого и предпенсионного возраста.

Ключевые слова: гарантии, дистанционная работа, компенсации, пожилые граждане, работники предпенсионного возраста

Для цитирования: Андреева С. Н. Гарантии обеспечения условий труда для отдельных категорий работников в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 34–39. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-34-39>.

Original article

Guarantees of ensuring working conditions for certain categories of workers in the Russian Federation

Svetlana N. Andreeva

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, sweta-rus@mail.ru

Abstract. The features and some problems of the implementation of legal guarantees to ensure working conditions in relation to certain categories of workers are analyzed. The types of legal guarantees are determined depending on the specifics of the implementation of labor activity, social and psychophysiological characteristics of certain categories of employees. The conclusion is made about the predominantly immaterial nature of labor guarantees for individual employees and the need to systematize labor legislation in this area and introduce additional labor guarantees for elderly and pre-retirement citizens.

Keywords: guarantees, remote work, compensation, senior citizens, workers of pre-retirement age

For citation: Andreeva S. N. Guarantees of ensuring working conditions for certain categories of workers in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):34–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-34-39>.

Современное трудовое законодательство Российской Федерации направлено на обеспечение трудовых гарантий в отношении отдельных категорий работников, которые в силу пола, возраста или особых усло-

вий труда нуждаются в дополнительных мерах регулирования их трудовой деятельности. Обеспечение им особых трудовых гарантий обусловлено не столько стремлением законодателя поддержать достойный

© Андреева С. Н., 2022

уровень оплаты труда и снизить уровень безработицы отдельных категорий работников, сколько обеспечить надлежащую правовую защиту в случае неправомерных действий работодателя при незаконном увольнении, отказе в трудоустройстве или установлении условий труда, делающих их труд малоэффективным. Гарантии выступают средством обеспечения социальной защищенности, что вытекает из социальной функции государства. Между тем, говорить о высоком уровне соблюдения работодателем норм трудового законодательства в части выполнения гарантийных обязательств пока рано: продолжает оставаться высоким уровень незаконных увольнений работников, распространены случаи нарушения трудовых прав отдельных категорий работников, в том числе, несовершеннолетних, женщин и лиц пожилого возраста. Анализ решений Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что за 2018–2021 гг. было рассмотрено 15299 гражданских дел о незаконном увольнении работников, из которых лишь 6436 исковых требований работников были удовлетворены. При этом, объем взысканий с работодателей в пользу работников за данный период составил 602308,745 тыс. руб. [11]. Обращение к периодическим изданиям показывает, что за период кризиса, вызванного пандемией в стране, было уволено 3,5 млн. чел. Согласно данным Роструда вдвое выросло количество жалоб в трудовые инспекции. Все эти данные показывают в целом негативную ситуацию в сфере социально-трудовых отношений, которая складывается не в пользу отдельных категорий работников.

Распространение в мире пандемии коронавируса в 2020 году оказало сильное влияние на характер трудовых отношений и состояние экономики и серьезно подорвало правозащитный механизм трудовых гарантий. Риск заразиться коронавирусной инфекцией вызвал кризисные явления в социально-экономической сфере: пандемия внесла разлад в межличностное общение людей, характер и условия жизни и трудовой деятельности резко изменились. Как следствие, выросло число рабочих мест с удаленным вариантом трудовой деятельности, массово были закрыты частные предприятия, которым запрещено было работать в условиях пандемии, а специальных нормативных правовых актов, регулирующих процедуру увольнения пока, не принято. В этих условиях наименее социально защищенными категориями работников становятся несовершеннолетние, труд которых малопроизводителен, женщины, лица с семейными обязанностями, инвалиды и пожилые граждане, в том числе, лица предпенсионного возраста. Ситуация в социально-трудовой сфере значительно усложнилась в связи с увеличением срока выхода на трудовую пенсию: для отработки недостающего страхового стажа пожилые работники вынуждены искать дополнительные источ-

ники и средства существования и подыскивать подходящую, в том числе, малооплачиваемую работу.

До принятия ТК РФ [2] трудовое законодательство хотя и широко использовало понятие гарантий для работников, но легального его определения не давало. Согласно ст. 164 ТК РФ гарантии определяются как «средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений». Между тем, виды таких средств и способов трудовое законодательство не называет [5, с. 125].

В литературе отмечается, что основной целью предоставления гарантий является стремление работодателя путем повышения мотивации работников повысить уровень производительности труда [8, с. 92]. Однако не следует забывать и то обстоятельство, что гарантии, как следует из их легального определения, прежде всего, направлены на обеспечение достойного уровня социально-трудовых отношений. Трудовые гарантии в этом плане выполняют роль сдерживающего правового механизма, направленного на поддержание баланса интересов работников и работодателей, удержание работодателей от неправомерных действий.

В литературе принято подразделять гарантии на материальные и нематериальные (процессуальные) [5, с. 126; 10]. В первом случае речь идет о выплатах денежного характера работникам в связи с тем, что работник лишается возможности исполнять свои трудовые обязанности по уважительным причинам (заболевании, простое производства и т. д.). Процессуальные гарантии служат средством обеспечения соблюдения работодателем взятых на себя обязательств и выполнения требований трудового законодательства при приеме на работу, изменении или прекращении трудовых отношений. Между тем, в рамках рассматриваемой темы более важным представляется классификация трудовых гарантий на общие и специальные. Общие гарантии предоставляются всем без исключения работникам, а специальные — отдельным категориям работников, в отношении которых трудовое законодательство устанавливает повышенные меры социальной и правовой защиты.

Предоставление специальных трудовых гарантий вытекают из необходимости законодательной защиты трудовых прав отдельных социальных групп работников, которые в силу возраста, пола, особых условий труда, иных обстоятельств оказываются менее защищены, чем остальные работники. Между тем, они призваны выполнять общественно-значимые социальные функции (например, уход за несовершеннолетними, престарелыми, инвалидами, рождение детей, воспитание будущего молодого поколения страны, лечение людей).

К работникам, в отношении которых законодатель

предусматривает специальные гарантии защиты трудовых прав по признакам пола, возраста и психофизиологических особенностей, законодатель относит:

- женщин, включая беременных женщин;
- лиц с семейными обязанностями, в том числе, воспитывающих несовершеннолетних детей;
- лиц с ограниченными возможностями здоровья;
- работников, которые получили трудовое увечье или профессиональное заболевание;
- несовершеннолетних и лиц пожилого (предпенсионного) возраста [8, с. 93].

Трудовые гарантии в отношении наименее защищенных групп работников, в том числе, беременных женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних, вытекают из ч. 1 ст. 38 Конституции РФ [1], которая провозглашает необходимость государственной защиты материнства, детства и семьи, как базовых социальных ценностей. Конституционные нормы нашли непосредственное отражение в положениях ТК РФ. Женщинам не может быть отказано в приеме на работу по причине ее беременности (ст. 64 ТК РФ). Испытательный срок при приеме на работу беременной женщины не устанавливается (ч. 4 ст. 70 ТК РФ). Согласно ст. 93 ТК РФ в силу особых физиологических свойств женщин законодатель закрепляет возможность предоставления режима неполного рабочего дня для женщин по их заявлению. Не допускается труд беременных женщин в ночное время (ст. 96 ТК РФ), на работах с вредными условиями труда (ст. 253 ТК РФ), их запрещено направлять в командировки, для них снижены нормы выработки или обслуживания (ст. 259 ТК РФ). Трудовой договор с беременной женщиной не может быть расторгнут за исключением ликвидации работодателя-организации или прекращения деятельности индивидуального предпринимателя-работодателя (ст. 261 ТК РФ). В судебной практике встречаются случаи восстановления на прежней должности уволенных по собственному желанию женщин, узнавших о своей беременности сразу же после увольнения и пожелавших сохранить трудовые отношения в пределах двухнедельного периода [3; 4].

Тем самым, законодатель охраняет трудовые права женщин, предоставляя им более льготные условия труда по сравнению с другими работниками. Такое положение представляется закономерным, поскольку тяжелый труд может существенно подорвать здоровье женщин и негативно сказаться на ее репродуктивной функции. Особо хотелось бы уделить внимание незаконному увольнению беременных женщин, поскольку работодатель чаще всего материально не заинтересован в том, чтобы сохранять за беременной женщиной рабочее место на время ее нахождения в отпуске по беременности и родам, а также в отпуске по уходу за ребенком. При этом он обязан ей выплачивать соответ-

ствующие пособия, гарантированные государством. В этих условиях лишь прямой запрет на необоснованное увольнение беременной женщины и установление мер юридической ответственности способен предотвратить случаи их массовых увольнений.

Особый характер правовых гарантий в отношении несовершеннолетних обусловлен особенностями их психофизиологического развития. В силу требований ст. 265 ТК РФ несовершеннолетним запрещена работа, где присутствуют вредные или опасные условия труда, подземные работы, иные виды работ, которые способны причинить вред нормальному нравственному и физическому развитию несовершеннолетнего. В отношении труда несовершеннолетних предусмотрены сокращенные периоды ежедневной работы (смены) — ст. 94 ТК РФ, регламентирована продолжительность рабочего времени для учащихся несовершеннолетних (ст. 92 ТК РФ). В отношении работников в возрасте до восемнадцати лет в соответствии со ст. 269 ТК РФ предусмотрено, что расторжение с ними трудового договора по инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) помимо соблюдения общего порядка допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда. Между тем, в литературе [9, с. 56] справедливо отмечается проблема неурегулированности порядка получения согласия на увольнение несовершеннолетнего работника государственной инспекции труда, что снижает степень защиты трудовых прав несовершеннолетних работников. Решение данной проблемы видится в разработке типовых форм получения согласия на увольнение несовершеннолетнего работника от государственной инспекции труда и принятии соответствующего положения взаимодействия работодателя и государственной трудовой инспекции на стадии увольнения несовершеннолетнего.

Помимо несовершеннолетних в особую группу включены пожилые граждане и граждане предпенсионного возраста. Изменения в социальном и пенсионном законодательстве вынудили многих пожилых граждан, не достигших пенсионного возраста, продолжать свою трудовую деятельность. В условиях сокращения занятости проблемы трудоустройства таких граждан представляются наиболее сложными, что требует разработки дополнительных трудовых гарантий при трудоустройстве граждан предпенсионного возраста. Проблема трудоустройства таких граждан имеет и демографическую составляющую, поскольку по данным исследований к 2025 году доля работника старше трудоспособного возраста увеличится до 27 % и составит 39,9 млн чел. [12, с. 112]. В трудовом законодательстве не содержится каких-либо специальных гарантий в отношении работников предпенсионного

возраста, что затрудняет реализацию ими своих трудовых прав. Данные социологических исследований свидетельствует о том, что общество пока не готово предоставить пожилым гражданам возможность полноценной трудовой деятельности [7, с. 12]. В таких условиях трудовая деятельность граждан пожилого возраста и граждан предпенсионного возраста требует более тщательной правовой регламентации в части введения запрета на необоснованные увольнения, а также предоставление гарантий по их профессиональному обучению и повышению квалификации, так как в современных условиях наиболее предпочтительным для работодателей становится овладение новыми профессиональными навыками и умениями.

Специфика трудовой деятельности отдельных категорий работников в силу особых климатических условий, факторов вредности или опасности трудовой деятельности обуславливает необходимость установления специальных гарантий в отношении группы работников. В данный перечень законодатель включил работников, трудящихся в условиях вредного или опасного производства, на подземных работах, в районах Крайнего Севера и приравненным к ним местностям и т. д. Перечень таких работников достаточно обширен, чтобы его полностью приводить в рамках данной статьи. Специфика трудовой деятельности указанных категорий работников предусматривает различные трудовые гарантии, направленные на защиту их трудовых прав и интересов и поддержание здоровья. Например, в силу требований ст. 330.3 ТК РФ прием на подземные работы осуществляется после обязательного медицинского осмотра, что обусловлено определенным влиянием условий подземных работ на организм человека. Указанным категориям работникам предоставляются дополнительные гарантии в сфере их материального обеспечения, предоставления дополнительных или более продолжительных по сравнению с остальными работниками периодов отдыха. Работники, трудящиеся на опасных и вредных производствах, вправе рассчитывать на более ранние сроки выхода на трудовую пенсию. Безусловно, перечень трудовых гарантий рассматриваемых категорий работников значительно шире, чем остальных работников, учитывая то обстоятельство, что уровень профессиональных заболеваний и травматизма в условиях повышенных трудовых рисков значительно выше, чем у остальных работников. Между тем, в целях снижения производственного травматизма особое усилие законодателя должно быть направлено на совершенствование гарантий соблюдения требований охраны труда.

Также стоит отметить, что государством установлены определенные дополнительные гарантии для сотрудников МВД, ФСИН, МЧС и других силовых

структур.

В частности, это касается продолжительности ежегодных оплачиваемых отпусков, наступления пенсионного возраста и других гарантий. Но, данный вопрос требует всестороннего рассмотрения, что не представляется возможным в рамках данной статьи.

Особая общественная значимость и повышенный уровень социальной ответственности некоторых профессией (педагогов, врачей) привели к необходимости установления для них отдельных трудовых гарантий. Например, статьей 350 ТК РФ устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени для медицинских работников. Статьей 331 ТК РФ установлен образовательный ценз для занятия педагогической деятельностью. Статьей 332 ТК РФ установлена сокращенная продолжительность рабочего времени в неделю для педагогических работников. Эти гарантии связаны с необходимостью регулирования трудовой деятельности работников, нуждающихся в дополнительном отдыхе и регламентации их трудоустройства.

Между тем, существует ряд нерешенных проблем правового регулирования труда педагогических работников. Переход к дистанционным формам образовательной деятельности сказался на условиях осуществления педагогической деятельности и вызвал необходимость повышения компьютерной грамотности некоторых представителей педагогической профессии. В таких условиях актуальны вопросы повышения квалификации педагогических работников в связи с изменением условий осуществления педагогической деятельности и повышением педагогической нагрузки. В таких условиях представляется актуальным предложение закрепить в трудовом законодательстве норму об обязательности для работодателя заключать с педагогическими работниками, работающими на дому в условиях дистанционного обучения, дополнительных трудовых соглашений с педагогами [6, с. 89]. Это позволит отразить особенности регулирования труда в измененных условиях осуществления педагогической деятельности. Аналогичные правила также могут коснуться и иных категорий работников, которые вынуждены осуществлять трудовую деятельность в удаленном режиме.

Тем самым, особый характер и условия трудовой деятельности выступают фактором, который дифференцирует регламентацию трудовой деятельности таких работников и повышает общественную значимость профессиональной деятельности, имеющей большое значение для экономического, образовательного и духовного развития общества. В силу данного обстоятельства законодатель стремится повысить уровень правовой защищенности данной категории работников, предоставляя им дополнительные гарантии, направленные, прежде всего, на охрану их здоровья и повы-

шение уровня профессионального мастерства.

Итак, в заключении можно сделать вывод о социально-значимой функции трудовых гарантий в отношении отдельных категорий работников, вытекающих как из конституционных принципов защиты семьи, материнства и детства, так из необходимости более четкого соблюдения баланса интересов работников и работодателей. В силу того, что общие нормы трудового законодательства не могут в полной мере предоставить защиту трудовых прав отдельным категориям работников, в трудовом законодательстве предусмотрены специальные правовые гарантии, имеющие преимущественно нематериальную (процессуальную) составляющую. Эти гарантии регламентируют наиболее значимые условия труда, в частности, связанные с трудоустройством, прекращением трудовых отношений, установлением продолжительности рабочего времени и времени отдыха. Между тем, анализ положений ТК РФ в части установления гарантий условий труда в отношении отдельных категорий работников свидетельствует о наличии ряда нерешенных проблем как законодательного, так и организационного характера, что требует, с одной стороны, систематизации норм трудового законодательства в данной сфере, а с другой стороны, расширения перечня гарантий обеспечения условий труда в отношении ряда работников, например, инвалидов, пожилых граждан, лиц предпенсионного возраста.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398; Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
3. Определение Московского городского суда от 30.11.2018 г. по делу № 33-50325/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1148481#98Mg5kSIB573NjE5> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Определение судьбы Московского городского суда от 15.04.2019 г. № 4г/11-4221/2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1134223#abeg5kSPOOJgbtD5> (дата обращения: 25.09.2021).
5. Бородина, Е. Н. Гарантии и компенсации для работников, осуществляющих трудовую деятельность в разъездах, в пути и в полевых ус-

ловиях / Е. Н. Бородина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 125–129.

6. Иванов, А. А. Проблемы правового регулирования педагогических работников в условиях пандемии COVID-19 / А. А. Иванов // Вестник Поволжского института управления. 2020. Том 20. № 6. С. 87–91.
7. Карпикова, И. С. Трудовая занятость пожилых россиян : характеристика тенденций и возможностей реализации / И. С. Карпикова, О. Н. Баева // Социодинамика. 2021. № 6. С. 1–13.
8. Коваленко, М. А. Особенности регулирования отдельных категорий работников в Трудовом кодексе Российской Федерации : настоящее и будущее / М. А. Коваленко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 7 (июль). С. 91–97.
9. Лифанов, А. В. Некоторые особенности регулирования труда несовершеннолетних / А. В. Лифанов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–4 (56). С. 55–61.
10. Луныанская, Е. О. Проблема применения гарантий и компенсаций в трудовых отношениях / Е. О. Луныанская // Научные междисциплинарные исследования. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-primeneniya-garantiy-i-kompensatsiy-v-trudovyh-otnosheniyah> (дата обращения: 15.09.2021).
11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 9 декабря 2020 г. / Сайт Верховного суда РФ / Отчет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/documents/all/29463/> (дата обращения: 15.09.2021).
12. Серегина, Л. В. Некоторые правовые проблемы защиты от безработицы граждан старшего поколения / Л. В. Старикова // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 111–125.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Article 4398; Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4.
2. The Labor Code of the Russian Federation : Federal Law № 197-FZ of 30.12.2001 (as amended 28.06.2021) // Collection of legislation of the

- Russian Federation. 2002. № 1. Article 3.
3. The ruling of the Moscow City Court of 30.11.2018 in case № 33-50325/2018. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1148481#98Mg5kSIB573NjE5> (accessed: 25.09.2021).
 4. Definition of the judge of the Moscow City Court of 15.04.2019 № 4g/11-4221/2019. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1134223#a6eg5kSPOOJgbtD5> (accessed: 25.09.2021).
 5. Borodina, E. N. Guarantees and compensations for workers engaged in labor activity on the road, on the road and in the field / E. N. Borodina // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019. № 2. P. 125–129.
 6. Ivanov, A. A. Problems of legal regulation of pedagogical workers in the conditions of the COVID-19 pandemic / A. A. Ivanov // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2020. Volume 20. № 6. P. 87–91.
 7. Karpikova, I. S. Labor employment of elderly Russians : characteristics of trends and opportunities for implementation / I. S. Karpikova, O. N. Baeva // Sociodynamics. 2021. № 6. P. 1–13.
 8. Kovalenko, M. A. Features of regulation of certain categories of workers in the Labor Code of the Russian Federation : present and future / M. A. Kovalenko // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2019. № 7 (July). P. 91–97.
 9. Lifanov, A. V. Some features of the regulation of juvenile labor / A. V. Lifanov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 5–4 (56). P. 55–61.
 10. Lunyanskaya, E. O. The problem of the application of guarantees and compensations in labor relations / E. O. Lunyanskaya // Scientific interdisciplinary research. 2020. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-primeneniya-garantiy-i-kompensatsiy-v-trudovyyh-otnosheniyah> (accessed: 15.09.2021).
 11. Review of the practice of consideration by the courts of cases on disputes related to the termination of an employment contract at the initiative of the employer. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 9, 2020 / Website of the Supreme Court of the Russian Federation / Report. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29463> / (accessed: 15.09.2021).
 12. Seregina, L. V. Some legal problems of protection from unemployment of older citizens / L. V. Starikova // Journal of Russian Law. 2019. № 6. P. 111–125.

Информация об авторе

С. Н. Андреева — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Andreeva — Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 340.1:34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-40-45>

ИДОН: 2003-0059-2/22-214

MOSURED: 77/27-003-2022-02-413

Философско-правовое осмысление природы и сущности права (по материалам Всероссийского смоленского правового форума «Право и государство: история, теория, философия», Смоленск, 9–10 октября 2021 г.)

Михаил Николаевич Артеменков¹, Игорь Игоревич Мазуров²

^{1,2} Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

¹ artemenkovm@gmail.com

² igor_mazurov@tut.by

Аннотация. Статья представляет собой обзор научных докладов, посвященных вопросам и проблемам философско-правового осмысления природы и сущности права, с которыми выступили участники в рамках Всероссийского смоленского правового форума 2021 г. Помимо авторских тезисов, озвученных в докладах, в основу обзора легли также результаты состоявшейся дискуссии.

Ключевые слова: право, государство, природа права, сущность права, правопонимание, эволюция права и государства

Для цитирования: Артеменков М. Н., Мазуров И. И. Философско-правовое осмысление природы и сущности права (по материалам Всероссийского смоленского правового форума «Право и государство: история, теория, философия», Смоленск, 9–10 октября 2021 г.) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 40–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-40-45>.

Original article

Philosophical and legal understanding of the nature and essence of law (based on the materials of the All-Russian Smolensk Legal Forum «Law and the State: History, Theory, Philosophy», Smolensk, October 9–10, 2021)

Mikhail N. Artemenkov¹, Igor I. Mazurov²

^{1,2} Smolensk State University, Smolensk, Russia

¹ artemenkovm@gmail.com

² igor_mazurov@tut.by

Abstract. The article is a review of scientific reports devoted to the issues and problems of philosophical and legal understanding of the nature and essence of law, which were made by participants in the framework of the All-Russian Smolensk Legal Forum 2021. In addition to the author's theses voiced in the reports, the review was also based on the results of the discussion.

Keywords: law, state, nature of law, essence of law, legal understanding, evolution of law and state

For citation: Artemenkov M. N., Mazurov I. I. Philosophical and legal understanding of the nature and essence of law (based on the materials of the All-Russian Smolensk Legal Forum «Law and the State: History, Theory, Philosophy», Smolensk, October 9–10, 2021). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):40–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-40-45>.

Начало Форума. Вводная часть

9 октября 2021 года на базе Смоленского государственного университета состоялся первый Всероссийский смоленский правовой форум «Право и государство: история, теория, философия» (далее — Форум), посвященный теме «Философско-правовое осмысление природы и сущности права».

В качестве организаторов Форума выступили Смоленский государственный университет и Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Кроме научно-педагогических работников ВУЗов-организаторов, в работе Форума приняли как личное участие, так и участие при посредстве современных технологий связи в режиме онлайн представители ряда других крупных ВУЗов Белгорода, Екатеринбурга, Красноярска, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска.

Открыли работу Форума Михаил Николаевич Артеменков — ректор Смоленского государственного университета, Алексей Иванович Клименко — начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Игорь Артурович Уваров — декан факультета истории и права Смоленского государственного университета, а также Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Исидор — митрополит Смоленский и Дорогобужский.

М. Н. Артеменков после приветственного слова определил порядок работы Форума и его задачи, предполагающие решение наиболее актуальных вопросов философии, истории и теории права, т. е. вопросов, обладающих фундаментальным значением для всей системы знаний о праве, а также пожелал участникам продуктивной работы. А. И. Клименко обратил внимание на высокую значимость Форума для решения фундаментальных историко- и теоретико-правовых проблем, проблем философско-правового характера. Отчасти это обусловлено небольшим количеством проводимых отечественных конференций, всецело посвященных указанной проблематике. И. А. Уваров акцентировал внимание на функциональном значении дискуссии и, в частности, аргументированной, корректной критики для получения подлинно научного результата. В свою очередь, Форум есть та платформа, в рамках которой научная дискуссия может быть реализована в полной мере. Более того, она выполняет функцию пропаганды научно-теоретических знаний среди учащейся молодежи — отметил И. А. Уваров.

Пленарное заседание

В выступлении доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации С. Н. Бабурина, посвященного теме «Духовно-нравственная основа правовых и политических сущностей», после анализа нескольких уровней

сущности государства был сделан переход к анализу энергетической сущности правовых и политических сущностей. Аргументировался тезис, что социальные, политические и правовые феномены, сами представления о свободе и справедливости создаются человеческой энергетикой, а потому важна роль позитивной или негативной энергетики человека, воплощающейся в энергетике политических и правовых сущностей. Было подчеркнуто то решающее обстоятельство, что Россия, укрепив в результате конституционной реформы 2020 г.¹ нравственный каркас общества, приступила к избавлению своих правовых и политических сущностей от привнесенных извне чужеродных правовых механизмов и разрушительных бездуховных стандартов.

Доктор политических наук, профессор, профессор РАН, программный директор Валдайского клуба О. Н. Барабанов выступил с докладом на тему «Мораль и право в современных международных отношениях». Помимо раскрытия специфики двух систем социального регулирования — права и морали — в контексте их воздействия на международные отношения, О. Н. Барабанов акцентировал внимание на взаимообусловленном характере связи этих систем регулирования и самих общественных отношений. Вместе с тем ввиду мирового экономического кризиса и пандемии закономерен пересмотр не столько оснований права, сколько некоторых элементов его содержательной части.

Доктор юридических наук, доцент А. И. Клименко посвятил свой доклад социоаксиологической подходу к праву, обосновывая его релевантность для познания природы и сущности права. А. И. Клименко, предварительно охарактеризовав методологическую специфику социоаксиологического подхода к праву, приходит к выводу, что право с точки зрения данного подхода имеет ценностную природу и классово-конвенциональную сущность. Если говорить о современном праве, то его сущность приобретает публично-дискурсивное качество (так как публичный правовой дискурс — современная форма воспроизводства и изменения права). Обращение к природе права позволяет общей теории права и философии права содержательно рассматривать право как важнейший элемент системы ценностей современного политически организованного общества, получающий нормативное выражение, видеть за правом конкретные интересы и потребности социальных акторов. Обращение же к сущности права позволяет понять его с точки зрения практической значимости для современного политически организованного общества, уникальных функ-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (с учетом поправок 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата доступа: 26.01.2022).

ций, специфики и в целом роли в современном обществе — отметил А. И. Клименко.

В выступлении доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации В. В. Оксамытного, посвященном теме «Генезис идеи правовой системы в юридической науке», был сделан акцент на двух аспектах затронутой проблемы. Во-первых, на необходимости понятийного уточнения важнейшей категории современной юриспруденции от наносных новаций последнего времени. Речь идет об участившемся переносе устоявшегося понятия на частные случаи объединения определенных процессов в обществе. Так, обосновываются «внутрипартийные правовые системы», «справочно-правовые системы» или же «правовые системы чекового и вексельного регулирования». Во-вторых, в тени или недостаточно исследованными остаются иные аспекты, непосредственно вытекающие из сути правовой системы как исторически и объективно обусловленной совокупности правовых явлений, институтов и процессов не только государства, но и иных государственно организованных обществ, имеющих место в современном мире. Все эти образования также обладают сложившейся в условиях их функционирования нормативной системой, основанной на собственном праве и право-реализующей деятельности специальных органов.

Сущности права в философии метамодерна посвятил свой доклад доктор юридических наук, доцент В. В. Денисенко. Ученый констатировал, что философия права в современном мире влияет на право через правовое мышление (как на уровне правообразования, так и на уровне правореализации). Особенно этот процесс важен в условиях информационного общества. Настоящий период истории связан с формированием новой парадигмы правового мышления — метамодерна. Это способ преодолеть недостатки юридического позитивизма и теории естественного права в новой концепции, способной преодолеть кризис современного правового регулирования.

Доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники Н. Д. Эриашвили посвятил свое выступление освещению проблем в области научной методологии, используемой при проведении исследований в общеправовой теории, философии и истории права, а также отраслевых юридических теориях. Н. Д. Эриашвили акцентировал внимание на многоставной структуре методологии и правилах работы с ней.

После завершения пленарного заседания участники Форума продолжили активную работу в рамках секций.

Секционная работа

Доктор юридических наук, профессор С. В. Ко-

дан в своем выступлении на тему «Юридическое источниковедение как исследовательское направление в современной юриспруденции» раскрыл современные процессы развития юридического источниковедения как основания социогуманитаристики. Юридическое источниковедение обладает междисциплинарным характером и может функционировать в современной юриспруденции как особое коммуникативное пространство. Вместе с тем С. В. Кодан обратил внимание на значения и возможностях юридического источниковедения при проведении исторических, философско-правовых, общетеоретических и отраслевых юридических исследований, определив эвристический потенциал юридического источниковедения в контексте отдельных предметных областей.

К проблеме соотношения права и преступления обратился в своем докладе «Философско-правовые аспекты соотношения права и преступления» доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Р. А. Ромашов. Помимо постановки проблемы соотношения права и преступления, доклад был посвящен характеристике закономерностей взаимосвязи права и преступления. Преступление не является частным моментом социальной жизни: развитие права и преступления взаимообусловлено. Конечно, каждое из этих явлений составляет отдельный предмет для исследования (как в рамках общетеоретических наук о праве и государстве, так и в рамках отраслевых юридических наук), однако целесообразно рассматривать их в едином проблемном поле, в диалектической взаимосвязи. Этим обусловлена и актуальность междисциплинарного подхода в юриспруденции.

Кандидат юридических наук, доцент О. Б. Купцова в докладе на тему «Постклассический подход к рациональности права: реалии и перспективы» раскрыла общую тенденцию современной трактовки рациональности права в русле юридического позитивизма, которая состоит в постепенном переходе от классической рациональности к постклассической рациональности. В настоящее время в свете развития государственно-правовых явлений лишь количественных характеристик исследуемого правового феномена недостаточно, расширяется перечень полифункциональных факторов, предопределяющих трансформацию сущностных оснований *ratio*. Для классической рациональности был характерен монологизм, сегодня рациональность иного типа в плане акцентуации направлена на диалогизм, то есть признание обоснованности и эффективности разных позиций, определение стратегии ее существования в различных интерпретациях. Следовательно, отмечает О. Б. Купцова, нормативные системы и механизм правового регулирования с позиции постклассической рациональности должны

рассматриваться не как конструкции определенного информационного воздействия на субъекта, а как результат интеракции ряда субъектов, в ходе которой и появляются разные, в чем-то эклектичные регулятивные модели, содержащие нормативные установления, формулируемые в ходе диалога государства и общества, основанного на конструктивном коммуникативном взаимодействии.

В докладе «Теоретико-правовые основы реформирования отечественного законодательства во второй половине XIX — начале XX в. (на примере пенитенциарной реформы)» кандидат исторических наук, доцент М. Н. Артеменков провел анализ содержания теоретических построений, обусловленных, прежде всего, представлениями о природе и сущности права своего времени, которые легли в основу реформирования отечественного законодательства указанного исторического периода. М. Н. Артеменков акцентировал внимание не только на значении исторических знаний для формирования различных концепций в рамках общеправовой теории и философии права, но и актуальности фундаментальной юридической науки для праворегуляционной практики.

Особое внимание проблеме реализации теоретико-правовых знаний в юридической практике уделила доктор юридических наук, профессор М. В. Немытина. Так, в своем выступлении на тему «Проблема интересов в праве и правоведении» М. В. Немытина изложила генезис понимания интересов в праве и правоведении, а также раскрыла методы и способы теоретического оформления и последующей реализации в правовом регулировании социальных интересов.

Доклад доктора юридических наук, доцента Г. М. Лановой был посвящен рассмотрению проблем, возникающих в процессе философско-правового и теоретико-правового осмысления сущности современного права. Г. М. Лановой были приведены аргументы в обоснование точки зрения о том, что в философии права вопрос о сущности права фактически подменяется проблемой правопонимания. Решая его, можно проследить логику мышления о праве и понять, что собой представляет мыслящий субъект, однако выявить сущность современного права в действительности невозможно. В теории права вопрос о сущности современного права может получить свое решение при условии преодоления ряда проблем методологического плана.

Доктор юридических наук, доцент М. Г. Смирнова выступила с докладом на тему «Социальные притязания и сущность права (философско-правовой аспект)». Сущность права, отметила М. Г. Смирнова, — это основная характеристика права, то главное, что его характеризует. В науке выделяют два подхода к сущности права: волевой (в праве должна быть отражена

воля, тех лиц, которые стоят у власти) и специально-юридический. С точки зрения последнего подхода, сущностью права выступает его регулятивный потенциал. Сущность права и социальные притязания являются взаимосвязанными и взаимозависимыми категориями. Насколько грамотно законодателем будут выявлены социальные притязания, а в последующем закреплены, зависит качество правового регулирования и эффективность права в целом. Поэтому одна из задач правовой науки заключается в юридическом обосновании, правильном законодательном закреплении социальных притязаний — как в самих правовых нормах, так и в субъективных правах.

Проблему философских оснований осмысления природы права затронул в своем выступлении «Философия здравого смысла как способ постижения природы права» доктор юридических наук, профессор А. А. Малиновский. Ученый выделил особенности познания правовых явлений и права как отдельного социального явления сквозь призму философии здравого смысла. Причем такое познание производится за счет опоры на специальный научно-методологически инструментарий, выбор которого обусловлен характеристиками исследуемого предмета.

В свою очередь, кандидат юридических наук доцент В. Н. Власенко в своем выступлении на тему «Логические основания правовой квалификации» предпринял попытку обосновать модель правовой квалификации, зиждущуюся на основаниях в виде требований основных законов логики и общих правил вывода дедуктивных умозаключений, а также норм построения умозаключений. Такая модель является частью специального научно-методологического инструментария познания сущности права и правовых явлений.

При построении международного правопорядка, — отметила в докладе «Принцип верховенства права как основа международного правопорядка» И. А. Игнатенкова, — мы должны руководствоваться принципом верховенства права, поскольку именно верховенство права составляет фундамент равноправных международных отношений, обеспечивая предсказуемость и легитимность действий всех участников этих отношений. Нормативной основой поощрению верховенства права является прежде всего Устав Организации Объединенных Наций¹, наряду с комплексом иных актов (резолуций, деклараций и т. д.) основных органов данной организации. Реализация же иных концепций «миропорядка, основанного на правилах» деструктивна и опасна, особенно в вопросах несоблюдения договорных обязательств.

¹ См.: Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата доступа: 26.01.2022).

Доктор политических наук, доцент Летуновский П. В. выступил с докладом на тему: «К вопросу об исторической самобытности и значимости правового самосознания как важнейшей тенденции укрепления государственно-правовых основ современной России». В условиях современной глобализации, антизаконного санкционного прессинга и массивной информационно-психологической войны против России, исключительную актуальность приобретает вопрос избавления общества от негативных последствий неолибералистского нигилизма, — подчеркнул П. В. Летуновский. В этой связи, имевшие место в 2020 году, внесенные поправки в Основной закон страны, принципиально важны для решения проблем конституционного переустройства. Правовое регулирование в сфере организации и функционирования публичной власти в России приведено в соответствие с обновленным текстом Конституции. П. В. Летуновский приходит к выводу, что проведенная конституционная реформа и принятые в последующем нормативные правовые акты соответствуют духу и мировосприятию русской цивилизации, ее культуре и традициям, онтогенетической и психоисторической специфике России.

В докладе на тему «Идеалы и вера в Бога в контексте российского конституционно-правового реформирования» кандидат исторических наук, доцент И. А. Кипров изложил результаты исследования и обобщения позиций ученых, которые опубликованы в российской научной периодической печати, в отношении статьи 67.1 Конституции Российской Федерации¹. И. А. Кипровым выделены несколько направлений в российском научном сообществе, сгруппированные по схожим оценкам этой конституционной новеллы. При всей объединяющей нас тысячелетней истории не все идеалы предков, к сожалению, трактуются и принимаются обществом однозначно. Вера в Бога, безусловно, — неотъемлемый компонент исторической преемственности России, тогда как дать однозначную оценку объему и особенностям содержания понятия «идеалы», является более сложной задачей — констатировал ученый.

Оригинальную классификацию и характеристику основных типов правопонимания предложил в своем докладе «Правопонимание: дидактический аспект» доктор юридических наук В. Ю. Панченко. Так, ученый выделил человекоцентристский, инструментальный, диалогический и коммуникативный типы правопонимания, раскрыв в рамках каждого из указанных подходов понимание природы и сущности права, а также особенности дидактического аспекта.

В. Ю. Панченко акцентировал внимание на значении дидактического аспекта того или иного типа правопонимания для формирования правосознания и правовой культуры правоприменителей.

Доктор юридических наук, профессор Н. В. Михайлова в докладе на тему «К вопросу о природе права: культурно-исторический аспект» предложила рассмотреть проблему природы права в культурно-историческом аспекте. Н. В. Михайлова охарактеризовала природу регуляторов общественных отношений на примере древнейших социумов. Особое внимание ученый уделил природе зарождающегося права Древней Руси, культурно-историческому аспекту развития права в эпоху Великой русской революции, а также культурно-историческому аспекту природа права в период существования СССР на примере эволюции уголовного права. Чтобы в полной мере осмыслить природу и сущность права, которое формируется в рамках человеческого социума, необходимо понять социальную историю, приблизить историю права к социальной истории — отметила Н. В. Михайлова.

Проблеме эволюции понимания сущности права посвятил свое выступление доктор юридических наук, профессор С. Н. Рожнов. Ученый изложил концепт изменчивости как научно-теоретических, так и философских представлений о сущности права, уделив особое внимание обусловленности данных изменений развитием опосредованных государством наиболее важных общественных отношений в разные периоды истории (на примере России).

С докладом «Философское и нравственно-этическое толкование правовой терминологии, используемой в поправках к Конституции РФ» выступил доктор юридических наук, доцент А. Г. Репьев, подвергнув анализу современные тенденции конституционно-правотворческого процесса, обусловленные использованием юридической терминологии, имеющей философскую и нравственно-этическую этимологию. А. Г. Репьев констатировал, что чрезмерная увлеченность нетрадиционным правовым тезаурусом, в том числе, оценочными понятиями, повышает декларативность положений основного закона государства, создает риски противоречивой интерпретации и детерминирует упущения реализации правовых положений. Ученый аргументировал потребность в сбалансированном подходе государства к правовому регулированию посредством философской и нравственно-этической терминологии, поскольку излишняя отвлеченность, эпичность текста нормативного правового акта способствует усилению коррупционной составляющей, создает условия для возможного злоупотребления властными полномочиями.

Ответ на вопрос о закономерностях эволюции правового содержания наследования власти в Римской империи предложил в своем докладе доктор истори-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (с учетом поправок 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012022007040001> (дата доступа: 26.01.2022).

ческих наук, профессор М. М. Казаков. Ученый отметил, что римское публичное право в классическом виде создавалось в эпоху Римской Республики, поэтому вопрос о наследовании власти в нем не разрабатывался, так как она была выборной. С переходом к Империи этот вопрос решался по республиканской формуле — от имени сената и римского народа, который фактически был заменен армией. На протяжении пяти столетий практиковались следующие основные виды престолонаследия: передача власти от отца к сыну в сочетании с институтом соправительства, назначение наследника из числа способных к правлению военачальников или приближенных через усыновление и искусственная модель тетрархии. Однако почти всегда переход высшей власти сопровождался более или менее активным участием армии, что в принципе не вызывало необходимости закрепления этой процедуры специальными законами.

Кандидат юридических наук И. И. Мазуров в выступлении на тему «Постижение природы права в контексте различных вариаций антропологического подхода к праву» отметил преимущества и недостатки различных вариаций антропологического подхода (экзистенциализм, структурализм, христианский персонализм) как методологии осмысления природы права. Ученый акцентировал внимание на принципиальном значении материализма для преодоления недостатков (например, ограниченность в выявлении общих закономерностей возникновения, развития и функционирования права) субъективистских по своей сути подходов понимания правовых явлений в рамках антропологии права. В свою очередь, диалектика как метод познания способна наиболее корректно отразить динамику развития права с учетом реальных противоречий, тем или иным образом обуславливающих эту динамику.

Информация об авторах

М. Н. Артеменков — ректор Смоленского государственного университета, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент;

И. И. Мазуров — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

M. N. Artemenkov — Rector of the Smolensk State University, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Smolensk State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

I. I. Mazurov — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Smolensk State University, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 343.11

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-46-51>

НИОН: 2003-0059-2/22-215

MOSURED: 77/27-003-2022-02-414

Медиация в уголовном процессе: резервы эффективности

Гульдана Маратовна Баймухаметова

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Республика Казахстан, astana.dana@list.ru

Аннотация. Рассмотрен институт медиации в плоскости эффективного уголовного процесса. На основе законодательства, статистических данных, литературы продемонстрирована необходимость исследуемого института в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан в целях его развития.

Ключевые слова: медиация, примирение сторон, эффективный уголовный процесс, медиативное соглашение, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Баймухаметова Г. М. Медиация в уголовном процессе: резервы эффективности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 46–51. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-46-51>.

Original article

Mediation in criminal proceedings: efficiency reserves

Guldana M. Baymukhametova

Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Republic of Kazakhstan, astana.dana@list.ru

Abstract. The institute of mediation in the plane of an effective criminal process is considered. On the basis of legislation, statistical data, literature, the necessity of the studied institute in the criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan for its development is demonstrated.

Keywords: mediation, reconciliation of the parties, effective criminal process, mediation agreement, criminal proceedings

For citation: Baymukhametova G. M. Mediation in criminal proceedings: efficiency reserves. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):46–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-46-51>.

Любое явление, согласно диалектическому материализму, находится в постоянном движении, которое характеризуется качественными изменениями. В данном случае уголовный процесс не является исключением, поэтому неудивительно, что устройство уголовного суда постоянно видоизменяется.

Общественные отношения развиваются по тем же правилам, а значит, требования к общественным институтам постоянно меняются. Поэтому всегда актуальным является анализ веяний настоящего времени, так как постоянное движение требует постоянного контроля.

Сегодняшнее развитие уголовного судопроизводства характеризуется рядом требований, из которых можно выделить гуманизм и эффективность современного уголовного процесса. Требования гуманизма — это прогрессивное, исторически обусловленное развитие общественных отношений, характеризующее внедрением общечеловеческих ценностей во всех отраслях деятельности общества. Эффективность же вызывается необходимостью реагировать на уголовные правонарушения, с целью их раскрытия и предотвращения. Поэтому видится актуальным рассмотреть институт медиации в плоскости выделенных требова-

ний, так как именно медиация удачно сочетает в себе как эффективность, так и гуманизм уголовного процесса.

Мораторий на смертную казнь, смягчение наказаний, медиация — всё это проявление гуманизма в уголовном процессе. Перечисленные и другие изменения положительно сказались на уголовном процессе Республики Казахстан: снизилась численность «тюремного населения», увеличилась частота применения альтернативных методов разрешения конфликта, улучшились методы исправления осужденных и т. д.

Медиация, будучи системой успешного разрешения определенных конфликтов, внесла в уголовный процесс следующие положительные изменения:

1) Гуманизация уголовного процесса.

Согласно п. 2 ст. 39 Уголовного кодекса Республики Казахстан, наказание ставит перед собой целью восстановить социальную справедливость, исправить осужденного и предупредить совершение иных уголовных правонарушений [1].

Именно эти цели должны учитываться при избрании вида и степени наказания. Однако, следует иметь в виду, что традиционные методы наказания, к коим относятся лишение и ограничение свободы, имеют явные недостатки, на которые указывали юристы ещё в XX веке. К таким недостаткам, например, можно отнести следующие последствия наказания в виде лишения свободы: осужденные, находясь в условиях строгой изоляции, теряют социальные навыки, дезадаптируются, утрачивают социальную активность, их здоровью и психике наносится вред, всё это влечет к росту агрессии и антисоциального поведения осужденного [2, с. 184].

Однако, несмотря на существующие недостатки, данные виды наказания должны применяться и дальше, так как определенные категории правонарушений требуют серьезного ограничения прав преступника. Но, в других случаях, когда общественная опасность совершенного деяния подразумевает возможность исправления через другие, альтернативные методы, то стороны не должны игнорировать такую возможность, так как такое разрешение дела положительно повлияет на все стороны конфликта. Это обуславливается также активной гуманизацией человеческой деятельности.

Как подчеркивал криминолог Джон Брейтуэйт, репрессивный контроль, выраженный в подавлении и ограничении прав правонарушителя, менее эффективен, нежели социальный контроль, выраженный в примирении и нравственном перевоспитании правонарушителя [3, с. 16]. И действительно, если карательные меры зачастую приводят к озлоблению итак озлобленных лиц, то меры социального воздействия пытаются перевоспитать человека. Поэтому, учиты-

вая то, что любой человек есть продукт общества, в котором он живет, а значит, в силах общества наставить человека на правильный путь.

В этой связи, представляется интересным советский период нашей страны, а также опыт советских товарищеских судов. Намеченный XXI-м съездом КПСС общественный контроль за правонарушениями сыграл значительную роль в развитии альтернативных методов разрешения конфликтов [4, с. 115].

Советский опыт показывает, что определенные виды правонарушений могут и должны разрешаться не столько принудительными репрессивными методами государственного давления, сколько моральным воздействием ближайшего окружения (товарищами). Взять хотя бы статистику, которая наглядно показывает, что конфликты, разрешаемые альтернативными методами, не представляют особой опасности обществу. Так, за 6 месяцев 1927 года в судах РСФСР было рассмотрено около ста тысяч дел по делам небольшой и средней тяжести, из которых 68 % окончились обвинительным приговором. Из всего количества обвинительных приговоров не было ни одного назначения строгих мер наказания в виде лишения или ограничения свободы. Основными видами наказаний были: принудительные работы, штрафы, общественное порицание [5, с. 486]. Такая статистика говорит о том, что разрешаемые альтернативным способом правонарушения не представляют значительную общественную опасность, поэтому при балансировке интересов частного и публичного порядка, баланс достигается без вмешательства государственного карательного аппарата.

Помимо этого, положительным представляется опыт массового привлечения граждан к судебному отправлению, что позволит не только усилить влияние судебной власти в государстве, но и увеличить авторитет судебной власти в обществе.

Следует всегда иметь в виду, что лучший способ разрешения конфликтов — их предотвращение. Исходя из того, что правонарушения имеют социально-экономическую природу, необходимо разрешать в обществе социальные и материальные проблемы, которые подталкивают людей на преступления. Поэтому публичные интересы в уголовном процессе заключаются в перевоспитании правонарушителя, а не в его наказании, так как последнее может лишь усложнить проблемную ситуацию.

Процесс гуманизации уголовного судопроизводства заложен в законодательстве Республики Казахстан в самых его основах. Так, в ст. 1 Конституции Республики Казахстан человек, его права, свободы и жизнь провозглашаются высшими ценностями государства. Гуманизация же ставит во главу всех сфер деятельности общества провозглашенные Конституцией

ценности.

Таким образом, гуманизация пытается разрешить существующие проблемы в уголовно-исполнительной системе, ставя во главе всей деятельности права и свободы человека. Гуманизация ведет к исправлению, социализации, адаптации осужденных, а также к предупреждению иных уголовных правонарушений.

Помимо этого, медиация разрешает те проблемы, которые не способен решить традиционный уголовный процесс — урегулирование межличностного конфликта. Так, одним из результатов уголовного правонарушения является психоэмоциональные потрясения, которые связаны с личностью правонарушителя. Именно эти потрясения способна разрешить примирительная процедура, так как она регулирует конфликт, доводя стороны до соглашения между собой, что положительно сказывается на психоэмоциональном состоянии обеих сторон. Подобное разрешение конфликта куда более эффективнее, нежели традиционное смягчение негативных последствий, выраженное в предоставлении потерпевшему либо денежной компенсации, либо вовсе обычное наказание правонарушителя [6, с. 48].

Поэтому переход от мер репрессивного характера к мерам воспитательного и морального воздействия представляется эффективным положением уголовного судопроизводства, так как сами стороны конфликта лучше понимают суть спора и возможности разрешения, поэтому видится правильным передать в их компетенцию вопросы разрешения определенных категорий дел.

Согласно же Общенациональному плану мероприятий «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции», Республика Казахстан ставит перед собой цель и дальнейшей гуманизации уголовного процесса [7], что, безусловно, является положительной тенденцией.

2) Ускорение уголовного процесса.

Законодатель подчеркивает важность ускорения уголовного процесса. Например, п. 1 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса РК установлены задачи уголовного процесса, к коим законодатель относит «быстрое и полное раскрытие уголовных правонарушений» [8].

Медиация, будучи эффективным институтом уголовного процесса, позволяет быстрее разрешить возникший конфликт, что экономит не только государственные средства, но и средства сторон конфликта, а также позволяет избежать чрезмерности наказания. Помимо этого, очевидным преимуществом такого разрешения дела является значительное снижение нагрузки на судебные органы, что позволит судьям концентрироваться на более резонансных, сложных и важных делах. И действительно, если мы взглянем

на историю, то увидим, что Закон «О медиации» был принят именно в целях снижения нагрузки на судебные органы [9, с. 17]. Подобный аспект видится крайне плодотворным, особенно в условиях сегодняшней чрезмерной нагрузки на судебные органы, поэтому принцип экономии средств и времени, реализуемый медиацией, есть положительная тенденция.

И действительно, обращаясь к статистике по уголовным делам за 2020-й год, мы видим, что из всей совокупности поступивших на рассмотрение дел (37 758) значительная часть была окончена примирением сторон (5 587), таким образом, 14,7 % уголовных дел окончены примирением сторон [10]. Но, следует отметить, что за 2019-й год этот показатель был выше — 20,6 % [11], а в 2018-м году вовсе равнялся 28,3 % [12]. Такая тенденция вполне объяснима, если учитывать соотношение уголовных правонарушений по их тяжести. Так, если в 2018-м году тяжких и особо тяжких преступлений было 24,1 % от всего числа уголовных правонарушений [12], то в 2019-м этот процент вырос до 33,2 % [11], а в 2020-м вовсе дорос до 42,6 % [10]. Объяснение такого роста не входит в рамки настоящего исследования, однако, можно лишь вкратце заметить, что пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничительные меры могли повлиять на выявленные тенденции: это рост стрессовых ситуаций, постоянное нахождение людей дома и т. д.

В изложенных статистических данных наглядно демонстрируется, что медиация положительно сказывается на уголовном процессе, однако, совершенно очевидно, что данный институт не реализован полностью. Такое обстоятельство диктует необходимость дальнейшего развития института медиации, с целью её дальнейшего внедрения и распространения в уголовном процессе.

Таким образом, медиация представляется как оптимальный способ разрешения возникших конфликтов. Её оптимальность заключается в том, что разрешение конфликта не затягивается на долгие сроки, предусмотренные процессуальным законодательством, что позволяет экономить значительные средства сторон и государства.

3) Упрощение уголовного процесса.

Идейно последовательным результатам ускорение уголовного процесса является его упрощение. Следует отметить, что затяжные и громоздкие расследования не всегда способны эффективно разрешить уголовное дело, так как устройство судопроизводства может быть намного сложнее, нежели само дело, что влечет иногда к тому, что затраченные средства на судебное разбирательство в несколько раз превышают сумму нанесенного ущерба совершенным деянием. Подобные ситуации недопустимы, так как такой уголовный процесс не отвечает публичным и частным интересам,

поэтому отдельные уголовные дела требуют упрощенного производства.

А значит, медиация, как внесудебный порядок урегулирования спора, является одним из возможных инструментов упрощения уголовного процесса. Стороны конфликта, переходя к переговорам, намного быстрее и проще устанавливают контакт, доходя до взаимопонимания, нежели в процессе судебных разбирательств.

Помимо этого, все эти дела небольшой и средней тяжести, в своей огромной массе, слишком дорого обходятся как государству, так и сторонам. Ведь если учесть то, что в суд вызываются: обвиняемый, потерпевший, свидетели, эксперты, специалисты и т.д. Дела могут откладываться по тем или иным причинам, дело растягивается, тянется волокита, дело передается из инстанции в инстанцию и т.д. И всё это ради дел, которые могут быть урегулированы более легким и быстрым путем.

Таким образом, учитывая мировые тенденции, важно понять значение упрощенного производства для уголовного процесса как систему эффективного разрешения определенных категорий дел [13, с. 7–8].

4) Балансировка интересов в уголовном процессе.

Как подчеркивалось ранее, уголовный процесс должен учитывать два вида интересов, закрепленных в ст. 8 УПК РК: публичные и частные.

Публичные интересы кроются в следующей формулировке статьи 8 УПК РК: «защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений», а также «способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждение уголовных правонарушений, формирование уважительного отношения к праву». Эти интересы проявляются в каждом отдельном разбирательстве, так как любое правонарушение покушается на общественный порядок, а значит, заключают в себя некоторую степень общественной опасности. Так, любое противоправное деяние, нарушающее частные интересы, понижают уровень безопасности во всём обществе, создают риски и угрозы, могут стать причиной иных правонарушений, тем самым каждое подобное деяние ослабляет государство, повышает расходы на сферу борьбы с преступностью, чем косвенно затрагивает иные сферы деятельности государства: образование, оборона, культура и т.д. Именно поэтому публичные интересы проявляются в каждом деле.

Частные интересы выражены в ст. 8 УПК РК следующим образом: «раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших», «справедливое судебное разбирательство» и «защита от необоснованного обвинения и осуждения». Исходя из данных формулировок, становится ясно, что частные интересы это интересы обеих сторон уголовного

разбирательства: потерпевший заинтересован в раскрытие совершенного уголовного правонарушения, а также в изобличении самого правонарушителя, в целях дальнейшего восстановления справедливости, а непосредственно правонарушитель заинтересован в справедливом судебном разбирательстве. Частные интересы также проявляются в каждом деле, так как в любом деле будет, как минимум, правонарушитель.

Некоторые авторы, подчеркивая важность медиации в уголовном процессе, указывают на то, что медиация является демонстрацией роста частных интересов над публичными в уголовном процессе [14, с. 7]. Однако, нельзя согласиться с подобными выводами, так как медиация должна отвечать как публичным, так и частным интересам. Иначе процесс медиации будет воспринят как избежание правонарушителем справедливого наказания ввиду того, что так якобы захотел потерпевший. Если же правонарушитель не исправляется, не встаёт на путь исправления, то ни о какой медиации и речи быть не может. На это же указывает банально то, что медиация допустимо лишь при определенных уголовных правонарушениях. Такое правило объясняется тем, что не всякий правонарушитель может исправиться посредством медиативного соглашения, ввиду чрезмерной общественной опасности совершенного им деяния, а значит, для его исправления, то есть для достижения публичных интересов уголовного процесса, к нему применяются наказания. На этом правиле наглядно демонстрируется, что медиация не говорит о доминировании частного интереса над публичным, так как интересы эти находятся в балансе. Поэтому неуместно в данном случае противопоставлять одно другому.

Медиация в уголовном процессе имеет ряд принципов, лежащих в основе всего института альтернативного урегулирования конфликта:

- добровольность участия сторон в медиации;
- конфиденциальность;
- равноправие сторон;
- беспристрастность медиатора;
- прозрачность медиации, информированность сторон;
- самоопределение сторон;
- соблюдение границ компетенции медиатора.

Перечисленные принципы делают институт эффективным для уголовного процесса, что позволяет качественно улучшить показатели уголовной политики Республики Казахстан.

Подводя итог изложенному, можно в очередной раз подчеркнуть положительные тенденции, привнесенные медиацией в уголовный процесс, которые значительно повысили эффективность последнего. Поэтому можно лишь позитивно отозваться о применяемых мерах гуманизации уголовного процесса, надеясь на

то, что дальнейшее развитие всего судопроизводства будет идти лишь в положительном ключе.

Также следует отметить, что многие вопросы института медиации требуют соответствующего исследования, анализа и решения, поэтому рассмотрение предмета настоящего исследования является актуальным.

Список источников

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.
2. Квашиш В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М. : Издательство «Юрайт», 2008. 275 с.
3. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд, воссоединение // Центр «Судебно-правовая реформа», Москва. 2002. 195 с.
4. Титова Ю. Т., Чистякова О. И. Хрестоматия по истории государства и права СССР. М. : Издательство «Юридическая литература», 1990. 253 с.
5. Царегородцев Б. Товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях и в государственных и общественных предприятиях // Еженедельник советской юстиции № 16, Москва. 1928. С. 486–488.
6. Жестовская Д. А., Тузов А. Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего // Уголовная юстиция. 2018. № 11.
7. Указ Президента Республики Казахстан от 9 февраля 2018 года № 633 «О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 10 января 2018 года «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции».
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.
9. Асанова С. Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве Республики Казахстан // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2019 года // Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Санкт-Петербург, 2019. 286 с.
10. Форма № 1 Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 мес. 2020 г. // Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Нур-Султан, 2020.
11. Форма № 1 Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12

мес. 2019 г. // Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Нур-Султан, 2019.

12. Форма № 1 Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 мес. 2018 г. // Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Нур-Султан, 2018.
13. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. A/conf.213/16 // Организация Объединенных Наций. Сальвадор, Бразилия. 2010. 26 с.
14. Шестакова Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. Самара : Издательство Самарского университета, 2021. 120 с.

References

1. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V SAM.
2. Kvashis V. E. The death penalty. World trends, problems and prospects. Moscow : Yurayt Publishing House, 2008. 275 p.
3. Braithwaite J. Crime, shame, reunion // Center «Judicial and Legal Reform», Moscow. 2002. 195 p.
4. Titova Yu. T., Chistyakova O. I. Anthology on the history of state and law of the USSR. Moscow : Publishing house «Legal literature», 1990. 253 p.
5. Tsaregorodtsev B. Comradely courts at factory enterprises and in state and public enterprises // Weekly of Soviet Justice № 16, Moscow. 1928. P. 486–488.
6. Zhestovskaya D. A., Tuzov A. G. From the protection of public interest to the protection of the victim's interest // Criminal Justice. 2018. № 11.
7. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 9, 2018 № 633 «On measures to implement the Address of the Head of State to the People of Kazakhstan dated January 10, 2018 «New development opportunities in the conditions of the Fourth Industrial Revolution».
8. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231-V ZRK.
9. Asanova S. Conciliation procedures in civil proceedings of the Republic of Kazakhstan // Conciliation procedures in civil law and legal proceedings. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference on April 26–27, 2019 // North-Western Branch of the Russian State University of Justice. St. Petersburg, 2019. 286 p.

10. Form № 1 Report on the work of the courts of first instance on the consideration of criminal cases for 12 months 2020 // Committee on Legal Statistics and Special Records of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan, 2020.
11. Form № 1 Report on the work of the courts of first instance on the consideration of criminal cases for 12 months of 2019 // Committee on Legal Statistics and Special Records of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan, 2019.
12. Form № 1 Report on the work of the courts of first instance on the consideration of criminal cases for 12 months of 2018 // Committee on Legal Statistics and Special Records of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan, 2018.
13. The Twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. A/conf.213/16 // United Nations. Salvador, Brazil. 2010. 26 p.
14. Shestakova L. A. Mediation in criminal proceedings : a textbook. Samara : Samara University Press, 2021. 120 p.

Информация об авторе

Г. М. Баймухаметова — докторант 1-го года обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр национальной безопасности и военного дела.

Information about the author

G. M. Baymukhametova — 1-year Doctoral Student of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Affairs.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены

пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-52-57>

NION: 2003-0059-2/22-216

MOSURED: 77/27-003-2022-02-415

Международно-правовые аспекты экологической безопасности

Анатолий Александрович Бакаев¹, Юлия Александровна Иванова², Татьяна Викторовна Радченко³,
Марат Вильданович Саудаханов⁴

^{1,2,3,4} Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия

¹ bakaev@mirea.ru

² julia-ivanova-77@yandex.ru

³ radchenko.tv@mail.ru

⁴ viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Охрана окружающей среды на сегодняшний день — это международная задача. Загрязнение атмосферы, вод, почв, истощение природных ресурсов затрагивают интересы всего населения планеты. Устранение «перегрузок», которым человек подвергает природу, в ряде случаев уже не под силу отдельным государствам и может быть успешно реализовано лишь на основе эффективного международного сотрудничества.

Ключевые слова: экология, природопользование, окружающая среда, экологическая безопасность, охрана природных ресурсов, международно-правовое сотрудничество, экологическая культура

Для цитирования: Бакаев А. А., Иванова Ю. А., Радченко Т. В., Саудаханов М. В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 52–57. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-52-57>.

Original article

International legal aspects of environmental safety

Anatoly A. Bakaev¹, Yulia A. Ivanova², Tatiana V. Radchenko³, Marat V. Saudakhanov⁴

^{1,2,3,4} Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia

¹ bakaev@mirea.ru

² julia-ivanova-77@yandex.ru

³ radchenko.tv@mail.ru

⁴ viento_del_norte@bk.ru

Abstract. Today, environmental protection is an international task. Pollution of the atmosphere, water, soil, and depletion of natural resources affect the interests of all people living on the Earth. The elimination of the «overloads» to which man exposes nature, in some cases, is no longer within the power of individual States and can be successfully implemented only on the basis of fruitful international cooperation.

Keywords: ecology, nature management, environment, environmental safety, protection of natural resources, international legal cooperation, environmental culture

For citation: Bakaev A. A., Ivanova Yu. A., Radchenko T. V., Saudakhanov M. V. International legal aspects of environmental safety. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):52–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-52-57>.

Нарушение благоприятного состояния окружающей среды является колоссальной угрозой не только для жизни и здоровья населения планеты, но и для всех живых организмов в целом. Такие процессы как урбанизация, постоянный рост населения, увеличение темпов массового производства, приводят к неизбеж-

ному вторжению человечества в равновесное функционирование окружающей среды. Именно поэтому важность ее защиты на сегодняшний день как никогда актуализируется.

Снижение качества питьевой воды, загазованность воздуха, сокращение лесных ареалов — все это лишь незначительная часть современных проблем экологических проблем. Постоянное загрязнение разнообразных водоемов имеет своим следствием значительное ухудшение условий жизни и воспроизводства рыб ценных видов, снижение числа их запасов, и соответственно сокращение улова. Серьезный вред лесам наносит чрезмерная вырубка, загрязнение окружающей среды, воздуха, кислотные дожди, а также лесные пожары. Вызывает опасения добыча и чрезмерное потребление исчерпаемых природных ресурсов. На сегодняшний день, население Земли потребляет природных ресурсов на порядок больше, чем можно изъять без ущерба для природной среды.

Важными факторами создания экологически благополучной среды, являются уровень экологического образования и экологической культуры. Сохранение, восстановление окружающей среды и создание экологического равновесия — не только важные экологические аспекты, но и веская причина для беспокойства и разработки программ, направленных на повышение осведомленности населения. Прививая современному поколению экологическую грамотность, ответственность и, вооружая их необходимыми знаниями, инструментами, происходит трансформация мировоззрения с ориентацией на образ жизни.

Важную роль для Российской Федерации играет не только ее экономическая и политическая позиции на международной арене, но и экологический имидж. А он, в свою очередь, как раз связан с общественным сознанием, поэтому социальная и культурная составляющие выступают в качестве определяющего фактора.

В системе норм международного права, регулирующих экологические правоотношения, на сегодняшний день разработаны эффективные нормативные акты и правила в области природопользования, в частности, в области обеспечения экологической безопасности.

Проблема обеспечения экологической безопасности остается объектом исследования экологов, правоведов, социологов, а также одним из приоритетных направлений деятельности государства. Любое влияние человека на природу носит масштабный характер, выходит и за рамки конкретной территории, государства. Решение актуальных вопросов обеспечения экологической безопасности в пределах одной страны не может быть успешным только на местном или национальном уровнях, поскольку негативное воздействие на окружающую среду не может быть ограничено четкими рамками национальных границ. Международ-

ное взаимодействие — единственное эффективное решение сложных экологических проблем.

Главной особенностью, определяющей значение экологической безопасности, является трансграничный характер экологических угроз, которые, в современном мире постепенно становятся фактором, влияющим на мировую политику. Подавляющее большинство современных государств рассматривают угрозу экологической безопасности в совокупности с другими военными угрозами национальной безопасности.

Экологическая безопасность включает угрозы, экологические перспективы и события, которые представляют интерес для граждан, сообществ, государств. Она может быть сконцентрирована на влиянии общественных конфликтов и международных отношений на окружающую среду; на том, как экологические проблемы влияют на все мировое сообщество без учета национальных границ и интересов.

В рамках реализации программ обеспечения экологической безопасности современными экологами и правоведами активно изучается способность отдельных лиц, сообществ, государств совместно справляться с экологическими угрозами, изменениями, столкновениями или ограничениями в отношении природных ресурсов.

Экологическая безопасность представляет собой базовую концепцию в трех областях: мировые отношения, международное развитие и безопасность. В контексте международного взаимодействия и сотрудничества экологические проекты могут быть сконцентрированы на улучшении экологического состояния, анализе данных как продовольственная, водная, атмосферная безопасность, включают в себя смежные направления, такие как энергетическая безопасность.

Негативное состояние окружающей среды может подорвать экономическое процветание любого государства, так как в подавляющем большинстве развивающихся стран природные ресурсы и экологические услуги: добыча природных ископаемых, экспорт природных ресурсов часто являются основными экономическими составляющими. На доходы и занятость в таких первичных секторах, как сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и горнодобывающая промышленность, могут негативно повлиять изменения окружающей среды. Природный капитал — основа экономики и долгосрочный потенциал благоприятной демографической ситуации в стране.

Современная международная экологическая безопасность — это стратегия защиты окружающей среды организациями, правительствами, государствами. Ее основной целью является сохранение природных ресурсов и существующей окружающей среды в состоянии равновесия, меры по восстановлению природного ущерба и формирование тенденций к положи-

тельной экологической динамике.

По причине активного потребления природных ресурсов, роста населения и интенсивного развития технологий производства, экологическое состояние природной среды ухудшается, порой навсегда. Для современного общества, государств и международных организаций чрезвычайно важно избежать сопротивления и адаптироваться к потребностям всех живых организмов и ресурсов. Ключевые концепции сохранения связаны с устойчивостью ресурсов и видов, долговечностью отдельных продуктов и соответствующими эффектами домино, которые создает безрасходное использование природных ресурсов: засорение почв, отравление водоемов, почвы, воздуха.

В промышленно развитых государствах добровольные экологические соглашения нередко являются платформой для привлечения к ответственности целых корпораций к ответственности за несоблюдение минимальных нормативных стандартов и таким образом не поддерживающих разработку и реализацию новейших экологических практик.

Конституции многих государств закрепляют в качестве базового право на благоприятную окружающую среду. Международные соглашения также закрепляют важнейшее право на жизнь в условиях здоровой окружающей среды [2]. Более того, в большинстве государств есть организации и учреждения, занимающиеся защитой окружающей среды. Международные организации, такие как Комитет Организации Объединенных Наций по окружающей среде, активно участвуют в охране окружающей среды, успешно взаимодействуя с различными современными государствами.

Хотелось бы обратить особое внимание на Агентство по охране окружающей среды (EPA), которое было создано в декабре 1970 года по указу президента США Ричарда Никсона. Цель деятельности Агентства — защита здоровья человека и окружающей среды. Оно было создано в ответ на широко распространенные общественные экологические проблемы, которые приобрели силу в 1950-х и 1960-х годах XX века. С момента своего создания Агентство по охране окружающей среды стремилось защищать и сохранять окружающую среду и улучшать здоровье человека путем исследования и анализа степени воздействия и установления пределов за использование загрязняющих веществ.

EPA регулирует производство, переработку, распределение и использование химикатов и других загрязнителей. Кроме того, EPA отвечает за установление безопасных уровней толерантности к химическим веществам и другим загрязнителям в продуктах питания, кормах для животных и воде. Агентство по охране окружающей среды — это агентство федерального правительства США, которое занимается за-

щитой здоровья человека и окружающей среды. EPA регулирует производство, переработку, распределение и использование химикатов и других загрязнителей. Агентство применяет свои выводы посредством штрафов, санкций и других процедур. Оно курирует программы повышения энергоэффективности, управления окружающей средой, устойчивого развития, качества воздуха и воды и предотвращения загрязнения.

Некоторые направления деятельности, не охваченные EPA, включают диких животных, водно-болотные угодья, продовольственную безопасность и ядерные отходы. EPA курирует ряд программ, направленных на повышение энергоэффективности, рационального использования окружающей среды, активного роста, качества воздуха и воды и предотвращения загрязнения.

EPA защищает здоровье человека и окружающую среду с помощью таких программ, как Safe Choice и Национальная система контроля выбросов. EPA также запускает программы предотвращения, контроля и реагирования на разливы нефти; контролировать загрязнение воздуха и прогнозировать уровень загрязнения воздуха; и способствовать производству более экономичных автомобилей. Агентство по охране окружающей среды работает над обеспечением соблюдения таких законов, как Закон о чистом воздухе, Закон о безопасной питьевой воде, Национальный закон об экологическом образовании и Закон о чистой воде, некоторые из которых возникли раньше самого агентства.

EPA также отвечает за обнаружение и предотвращение экологических преступлений, мониторинг уровней загрязнения и установление стандартов для обращения с опасными химическими веществами и отходами.

EPA обеспечивает соблюдение своих требований и правил с помощью штрафов, пеней и других процедур. При администрации Д. Трампа недавние правила президента Б. Обамы в отношении выбросов углерода электростанциями, автомобилями и другими факторами, способствующими изменению климата, были в значительной степени отменены. Влияние EPA также уменьшилось, а судебные иски против тех, кто не следует правилам, достигли самого низкого уровня за последние 30 лет.

Международные и региональные соглашения являются эффективными правовыми инструментами, позволяющими обеспечивать надлежащий уровень экологической безопасности. Также видится необходимым создание так называемого экологического правового пространства и разработка надлежащей нормативной базы как важнейшей составляющей экологической безопасности.

Совершенствование международного экологического права, включая использование природных ре-

сурсов, территорий, общих или уникальных ресурсов, а также сохранение биоразнообразия на планете — важнейшие задачи, стоящие перед всем мировым сообществом. Нам необходимо создать эффективные и основанные на консенсусе глобальные программы и механизмы для обеспечения оптимального использования природных ресурсов.

Механизм экологической безопасности является совокупностью взаимосвязанных государственных правовых средств, которые, направлены на обеспечение экологической безопасности путем регулирования и контроля деятельности субъектов экологических правовых отношений в соответствии с нормами экологического права.

В этой связи одной из современных проблем правового регулирования экологической безопасности в международном экологическом праве является отсутствие реального развития данной отрасли на универсальном уровне. Среди таких проблем выделяют отсутствие универсального международно-правового кодифицированного акта по защите окружающей среды [3]. Этот акт мог бы стать неким аналогом Всеобщей Декларации прав человека только с иным объектом правового регулирования. Отсутствие единого акта создает существенные проблемы и препятствует развитию природоохранных норм всеобъемлющего характера. Принятие такого акта сможет разрешить ключевую проблему в данной сфере, а именно разобщенность принципов в новой отрасли международного права.

Как справедливо отмечалось в отечественной и зарубежной юридической литературе, в результате международно-правовой кодификации объединяются на качественно лучшей регулятивной основе нормы конкретной отрасли международного права в соответствии с уровнем правосознания на данный период, а сами такие нормы более точно сформулированы. Вне всяких сомнений это будет способствовать развитию более эффективного правоприменения в данной области всеми субъектами.

В международном сообществе уже предпринималась попытка к созданию подобного кодифицированного акта. Полномочия по его созданию были предоставлены Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП). К сожалению, данное решение 1972 года, принятое резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН XXVII, оказалось ошибочным. За 48 лет своей деятельности ЮНЕП не проявила ни должной инициативы, ни желания лоббирования создания и введения в действие такого акта. В результате этого международные неправительственные экологические организации перехватили инициативу и сами стали создателями отдельных принципов и стандартов. Международные правительственные организации также решили перейти к самостоятельному правовому регулированию

защиты окружающей среды.

Тем не менее, неофициальная кодификация международного экологического права существует. Так, 4-ая редакция Международного пакта по окружающей среде и развитию от 22 сентября 2010 года собрала в себе девять принципов и раскрыла их содержание. Их императивное наличие на универсальном уровне смогло бы установить новый уровень защиты, окружающей нас среды.

На сегодняшний день актуализирован вопрос, должны ли государства, относящиеся к категории промышленно-развитых, заниматься обеспечением всего остального мира различными устройствами и технологиями, которые способствовали бы достижению безопасности в сфере экологии, экологической безопасности.

В настоящее время у России довольно благоприятный имидж в этой сфере при реализации программ профилактики экологических правонарушений. Главная задача, которая, стоит перед нами в данное время — активная совместная работа по спасению окружающей среды, развитию системы экологической безопасности. Это только один из определяющих фундаментальных шагов на пути к построению сильного государства с привлекательным имиджем, здоровой нацией и процветающей экономикой. Невозможно дать толчок для развития экономики, не думая об окружающей среде, и наоборот [1].

Современное мировое сообщество признает, что только национальной экологической политики недостаточно из-за масштабов и транснационального характера многих экологических проблем; для их разрешения и предотвращения необходимо применять эффективные международные стандарты с учетом интенсивного роста промышленности и угроз экологической безопасности.

Список источников

1. Ахмедов Р. М., Иванова Ю. А. Роль и значение международного сотрудничества по вопросу охраны и защиты окружающей среды. // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 1.
2. Иванова Ю. А. Функции современно российского государства : актуальные аспекты // Государственная служба и кадры 2015. № 4. С. 33–34.
3. Копылов М. Н., Копылов С. М., Мишланова В. А. Чего не хватает международному экологическому праву в год своего 175-летия? // Вестник ВолГУ. Серия 5 : Юриспруденция. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chego-ne-hvataet-mezhdunarodnomu-ekologicheskomu-pravu-v-god-svoego-175-letiya> (дата обращения 02.02.2020).

References

1. Akhmedov R. M., Ivanova Yu. A. The role and importance of international cooperation on environmental protection and protection. // International Journal of Civil and Commercial Law. 2019. № 1.
2. Ivanova Yu. A. Functions of the modern Russian state: actual aspects // Public service and personnel 2015. № 4. P. 33–34.
3. Kopylov M. N., Kopylov S. M., Mishlanova V. A. What is missing from international environmental law in the year of its 175th anniversary? // Bulletin of the Volga. Series 5 : Jurisprudence. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chego-nekhvatayet-mezhdunarodnomu-ekologicheskomu-pravuv-v-god-svoego-175-letiya> (дата обращения 02.02.2020).

Библиографический список

1. Авдеева Т. Г. Международное экологическое право : учебное пособие под ред. Р. М. Валеева; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Москва : Статут, 2012. 637 с.
2. Ахмедов Р. М., Иванова Ю. А., Шохов К. Е. К вопросу о международно-правовых стандартах в области охраны атмосферы, включая озоновый слой. // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3.
3. Ахмедов Р. М., Иванова Ю. А., Шохов К. Е. Международно-правовые стандарты охраны окружающей среды в арктическом и антарктическом регионах. // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 151–153.
4. Гришин А. С. Экологическая безопасность : защита территории и населения при чрезвычайных ситуациях. Экология и право. № 16. С. 116–119.
5. Иванова Ю. А., Ахмедов Д. Р. Правовые аспекты противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в окружающей среде. В сборнике : Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. 2019. С. 48–52.
6. Кудж С. А., Трубицын А. В., Котельников С. Н. Влияние изменений состава атмосферы на условия труда // Известия МГТУ МАМИ. 2014. Т. 3. № 1 (19). С. 106–111.
7. Кудж С. А. Исследование окружающего мира методами геоинформатики // Вестник МГТУ

МИРЭА. 2013. № 1. С. 95–102.

8. Попов П. А. Совершенствование российского природоохранного законодательства : взгляд со стороны // Известия ВУЗов. Правоведение. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-rossiyskogo-prirodoohrannogo-zakonodatelstva-vzglyad-so-storony> (дата обращения: 05.05.2020).
9. Чистюхина С. Н. Защита окружающей среды Арктики (международно-правовой аспект) // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-okruzhayushey-sredy-arktiki-mezhdunarodno-pravovoy-aspekt> (дата обращения 20.02.2020).
10. Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А., Радченко Т. В. Глобальные проблемы человечества и пути их решения. Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 36–42.

Bibliographic list

1. Avdeeva T. G. International environmental law : a textbook edited by R. M. Valeev; Kazan (Volga Region) Federal University. Moscow : Statute, 2012. 637 p.
2. Akhmedov R. M., Ivanova Yu. A., Shokhov K. E. On the issue of international legal standards in the field of atmospheric protection, including the ozone layer. // Bulletin of Economic Security. 2019. № 3.
3. Akhmedov R. M., Ivanova Yu. A., Shokhov K. E. International legal standards of environmental protection in the Arctic and Antarctic regions. // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3. P. 151–153.
4. Grishin A. S. Environmental safety : protection of the territory and the population in emergency situations. Ecology and law. № 16. P. 116–119.
5. Ivanova Yu. A., Akhmedov D. R. Legal aspects of countering manifestations of extremism and terrorism in the environment. In the collection : Current problems of international cooperation in the fight against crime. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the adoption by the UN General Assembly of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism in 1999, 2019. P. 48–52.
6. Kudzh S. A., Trubitsyn A.V., Kotelnikov S. N. The influence of changes in the composition of the atmosphere on working conditions // Izvestiya MSTU MAMI. 2014. Vol. 3. № 1 (19). P. 106–111.
7. Kudzh S. A. Investigation of the surrounding world by geoinformatics methods // Bulletin of

- MSTU MIREA. 2013. № 1. P. 95–102.
8. Popov P. A. Improvement of Russian environmental legislation: an outside view // News of universities. Jurisprudence. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-rossiyskogo-prirodoohrannogo-zakonodatelstva-vzglyad-so-storony> (accessed: 05.05.2020).
 9. Chistyukhina S. N. Protection of the Arctic environment (international legal aspect) // Bulletin of the RUDN. Series : Legal Sciences. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-okruzhayushey-sredy-arktiki-mezhdunarodno-pravovoy-aspekt> (accessed 20.02.2020).
 10. Eriashvili N. D., Ivanova Yu. A., Radchenko T. V. Global problems of humanity and ways to solve them. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. P. 36–42.

Информация об авторах

А. А. Бакаев — заведующий кафедрой «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета — МИРЭА, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист России, почётный работник высшего профессионального образования, Академик РАЕН;

Ю. А. Иванова — доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент;

Т. В. Радченко — доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат юридических наук;

М. В. Саудаханов — кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Bakaev — Head of Department «Legal Support of National Security» of the Russian Technological University — MIREA, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education, Academician of the Russian Academy of Sciences;

Yu. A. Ivanova — Associate Professor of the Department «Legal Support of National Security» of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. V. Radchenko — Associate Professor of the Department «Legal Support of National Security» of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Legal Sciences;

M. V. Saudakhanov — Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-58-62>

НИОН: 2003-0059-2/22-217

MOSURED: 77/27-003-2022-02-416

Ретроспективный анализ международно-правового сознания: от Древнего мира к современному международному праву

Руфия Шафкатовна Богаткина

Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Республика Татарстан, Россия, rbogatkina@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению международно-правового сознания в контексте исторического развития международного права. История развития международного права взаимосвязана с историческим развитием общества, государства и права. Международно-правовое сознание как отдельная категория международного права также тесно с ними взаимодействует. Основная задача в данной статье заключается в установлении основных предпосылок формирования, закономерностей развития и путей повышения уровня международно-правового сознания. Изучение исторического развития позволило нам понять сущность международного права, оценить перспективы его развития, выявить факторы, повышающие его эффективность и рассмотреть проблемные аспекты его функционирования.

Ключевые слова: международное право, международно-правовое сознание, история международного права, возникновение международного права, развитие международно-правового сознания

Для цитирования: Богаткина Р. Ш. Ретроспективный анализ международно-правового сознания: от Древнего мира к современному международному праву // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 58–62. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-58-62>.

Original article

Retrospective analysis of international legal consciousness: from the Ancient World to Modern International Law

Rufiya Sh. Bogatkina

Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Republic of Tatartsan, Russia, rbogatkina@list.ru

Abstract. The article is devoted to studying international legal consciousness on the basis of the historical development of international law. The history of international law interacts with the historical development of society, State and law. International legal consciousness also closely related with them. The main problem of the article is to detect the basis of international legal consciousness, development and ways to increase the level of international legal consciousness. The study of historical development allows us to understand the essence of international law, to assess the prospects for its development, to identify factors that increase its effectiveness and to consider the problematic aspects of its functioning.

Keywords. International law, international legal consciousness, history of international law, emergence of international law, development of international legal consciousness

For citation: Bogatkina R. Sh Retrospective analysis of international legal consciousness: from the Ancient World to Modern International Law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):58–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-58-62>.

Всестороннее изучение правового явления в контексте исторического формирования и развития позволяет глубже понять сущность категории международного права, оценить перспективы ее развития, выявить факторы, влияющие на ее формирование и рассмотреть проблемные аспекты функционирования.

© Богаткина Р. Ш., 2022

История развития международного права тесно взаимосвязана с развитием общества, государства и права. Международно-правовое сознание как отдельная категория международного права также с ними взаимодействует. В данной статье нашей задачей является проанализировать особенности развития международно-правового сознания, основываясь на основных этапах периодизации истории развития международного права.

Момент возникновения международного права является неоднозначным в международно-правовой науке. Некоторые авторы связывают его с появлением первобытного общества, ссылаясь на родоплеменные отношения [8, с. 252; 2, с. 7], другие — отодвигают на более поздний период Средних веков. Мы придерживаемся позиции, что «государства должны были осознать необходимость во имя своих национальных и интернациональных интересов подчиниться нормам, обладающим юридической силой» [7, с. 17]. Данный факт позволяет нам говорить об отправной точке существования международного права. Безусловно, процесс возникновения международного права не одномоментное событие, а длительный период в несколько столетий. Возникновение правосознания как правового явления и отдельной категории международного права наступит значительно позже, поскольку нормативное регулирование общественных отношений как внутри государства, так и между ними возможно после возникновения самих государств и права как «продукта суверенной власти» [9, с. 23].

Представляется, что методологическим ориентиром в исследовании проблемы возникновения и развития международно-правового сознания в соотношении с историческим развитием международного права должно служить содержание такой категории диалектики, как взаимодействие.

В философской литературе уже устоялось мнение о том, что взаимодействие всегда происходит в рамках системного целого. Однако целостность нельзя понимать как нечто абсолютно замкнутое. Диалектика взаимодействия двух сторон предполагает взаимопереходы сторон целого и связь этого целого, в свою очередь, с другими явлениями в рамках более высокой системы [1, с. 179]. Определяющей стороной в диалектическом развитии международного права и международно-правового сознания является, безусловно, международное право. Такова должна быть логика познания международно-правового сознания в аспекте ретроспективного анализа данного явления, и это необходимо учитывать при исследовании взаимодействия международного права и международно-правового сознания, тем более что нашей задачей является исследование генезиса данных категорий.

Мы придерживаемся общепринятой точки зрения о том, что международное право как регулятор взаи-

моотношений между государствами могло возникнуть с появлением государства как его основного субъекта, однако, для нас представляет больший интерес время возникновения международно-правового сознания. Считаем преждевременным связывать возникновение международно-правового сознания одновременно с появлением международного права. В связи с этим считаем целесообразным обратиться к периодизации истории международного права, предложенной проф. И. И. Лукашуком [3, с. 53].

В Древние века право регулировало межплеменные отношения, не выходящее за рамки отдельного племенного образования. Речи о государстве как носителе суверенной власти в этот период не возникало. Но не будем отрицать ценность данного исторического этапа в целом для будущего развития межгосударственных связей — был накоплен опыт нормативного регулирования межплеменных отношений с помощью обычаев и договоров. Эти средства правового регулирования и в современном международном праве играют решающую роль в дипломатических отношениях. Однако международно-правовое сознание в Древние века полностью отсутствовало.

Предпосылки международного права периода формируются под воздействием регионализма в Средние века (VI–XVI вв.). Следует отметить значение регионов в формировании общепринятой практики поведения государств. Возрастает роль религии, так, например, договоры между странами скреплялись религиозной клятвой. В IX в. была образована Киевская Русь, которая поддерживала активные связи с Византией. Вместе с тем, говорить о международно-правовом сознании в современном понимании по-прежнему преждевременно, несмотря на то, что само международное право уже зародилось в Европе и начинает укреплять свои позиции.

Но мы уверенно можем заявлять о формировании предпосылок международно-правового сознания. В целом, средневековый период продемонстрировал невозможность существования государств в перманентном состоянии войны и нестабильности. Остро возникла необходимость в нормативном регулировании отношений с целью укрепления правопорядка.

В конце средних веков появляются первые крупные государства с централизованной властью, регионализм отступает. Впервые с идеей международного права выступил голландский юрист, дипломат Гуго Гроций в своем труде «О праве войны и мира» (1625 г.). На этом этапе зарождение международно-правового сознания как последствие международного права стало закономерным этапом. Следует отметить огромное значение доктрины, которая сыграла решающую роль в дальнейшем укреплении международно-правового сознания.

Классическое международное право начало скла-

дываться в XVI–XVII вв. Данный процесс носил длительный характер, который был ознаменован, прежде всего, развитием дипломатических отношений. Нестабильная политическая обстановка на международной арене, которая красноречиво свидетельствовала о подготовке к Первой мировой войне, не способствовала формированию уважения к нормам международного права.

Несмотря на колоссальный вклад эпохи Возрождения на юридическое мировоззрение, международное право данного периода нуждалось в совершенствовании, имело значительные пробелы в правовом регулировании. В 1899 г. по инициативе России была созвана первая Гагская конференция мира. Ощутимых результатов она не принесла, но продемонстрировала возможности международного права. Постепенно накапливался нормативный материал, расширялось международно-правовое сознание. И здесь снова на первый план выходит доктрина международного права.

В России вначале XIX в. начинает изучаться международное право в университетах Санкт-Петербурга, Харькова, Казани, Киева. Идеи международного права привлекают внимание философов и проникают в общественное сознание. XIX век характеризуется бурным развитием практически всех сторон общественной жизни: образования, культуры, религии, искусства и др. Однако, политика и право претерпевают кризис в своем развитии. Данное положение вещей не могло не отразиться и на международных отношениях.

Координатором совместных усилий государств была призвана стать первая международная универсальная организация — Лига Наций, созданная в 1919 году. Несмотря на значительные ресурсы, она не выполнила свою основную задачу — оказалась в не в состоянии предотвратить Вторую мировую войну. В ее Статуте, в частности, говорилось: «Для развития сотрудничества между народами и для гарантии их мира и безопасности важно... строго соблюдать предписания международного права, признаваемые отныне действительным правилом поведения правительств». Значение Статута Лиги Наций для международного права высоко оценивается многими авторами [6, с. 205]. Приходится, однако, констатировать, что поставленная им задача так и не была решена. Более того, в течение второго десятилетия после принятия Статута международная законность деградировала до чрезвычайно низкого уровня. В этом крылась одна из причин (разумеется, далеко не главная) Второй мировой войны. Едва ли можно сомневаться в том, что если бы члены Лиги Наций совместными усилиями обеспечили международный правопорядок, то война могла бы быть предотвращена [5, с. 65].

В конечном результате пострадали национальные

интересы государств, были сделаны попытки в формировании общих целей и принципов международного права, развивалось сотрудничество в специальных областях, но в целом государства не проявили заинтересованности в совершенствовании международного права. Важную роль в достижении этой цели призвано играть международно-правовое сознание. Вторая мировая война и опыт холодной войны наглядно продемонстрировали, что государствам затруднительно самостоятельно обеспечивать политическую и экономическую безопасность себя и своих граждан.

Современное международное право — продукт исторического развития международного общения. Предпосылки его существования складывались на протяжении всей истории человеческой цивилизации, но становление современной международно-правовой системы связано с Уставом ООН, цели и принципы которого стали важными системообразующими факторами. До этого международные нормы существовали просто как некая сумма, без необходимого единства. Цели и принципы Устава легли в основу не только международного права, но и всей международной нормативной системы, объединяющей все виды международных норм [5, с. 65].

Нравственные ценности международного права наглядно продемонстрированы и провозглашены Уставом Организации Объединенных Наций. Данный документ является базисом и основным моральным ориентиром практически всех государств, в нем закреплены такие общечеловеческие ценности как всеобщий мир и безопасность, права и свободы человека, справедливость и международная законность. В региональных международных актах подтверждается приверженность общечеловеческим ценностям и идеалам. Примером может служить Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, в котором государства-участники закрепили важность соблюдения мира, безопасности и справедливости, развития дружественных отношений и сотрудничества.

Международное право в современный период — это право международного сообщества. Несмотря на ряд сложностей в его реализации, очевидна роль международного права в обеспечении международного правопорядка. Альтернативного способа функционирования мировой системы на сегодняшний день не существует. С учетом основательности и темпов происходящих в мире перемен особое внимание наука должна уделять определению путей развития международного права и его совершенствованию [4, с. 13].

По мере активизации внешних связей идет процесс усвоения каждым государством принципов и норм морали, необходимых для поддержания международного общения. Вырабатывается моральная предусмотрительность и ответственность, усваивается на-

копленный в международном общении опыт.

Так, в преамбуле к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года¹ говорится, что участники заключают ее «будучи убеждены, что такое использование противоречило бы совести человека». Совесть в данном случае означает нравственное сознание.

Таким образом, возникновение международно-правового сознания находится в прямой зависимости от зарождения и функционирования основных периодов международного права. Но данные явления не существуют параллельно по отношению друг к другу. Международно-правовое сознание следует за международным правом. Вместе с тем, развитие данных правовых явлений возможно только при появлении необходимых материальных духовных и политических условий. Они не могут функционировать без массива нормативного материала и высокого уровня международно-правового регулирования. Усложнение международных отношений определяет тенденцию к возрастанию значения международно-правового регулирования. Чем выше развитие международной системы, тем больше необходимость в ее правовом регулировании. Современное международное управление призвано обеспечить всеобщую безопасность, способствовать предотвращению негативных последствий процессов глобализации, связанных с резким разделением на развитые страны и страны с отсталой экономикой, а также предотвращению системных кризисов и катастроф (техногенных, финансовых, экологических и др.) и, наконец, обеспечить и гарантировать всеобщее уважение прав и свобод народа и человека. Решающая роль в достижении поставленных целей принадлежит международному правосознанию.

Всеобщая глобализация предоставила колоссальные возможности для развития и процветания человечества, и одновременно поставила его в уязвимое положение. Сложная эпидемиологическая ситуация 2020 года обнажила целый комплекс новых сложных проблем, которые добавились к вооруженным конфликтам, терроризму, наркоторговле, экологическим угрозам. Отставание политического мышления политических деятелей и правового сознания бюрократического аппарата от потребностей нашего времени не способствуют повышению эффективности международного права. Международно-правовой нигилизм может проявляться у частных фирм на континентальном шельфе; у глав государств, которые ставят политические нормы выше международных. Решение миро-

вых проблем возможно не только дипломатическими методами, но и посредством воздействия на массовое сознание с помощью формирования общественного мнения, например, средствами массовой информации.

В основе современного международного права должно быть осознание государствами своей коллективной ответственности за благополучие всех стран. Пример Республики Афганистан наглядно демонстрирует взаимозависимость государств, неизбежность неблагоприятных последствий для всех стран независимо от локации и характера внутривнутриполитического конфликта государства. Задача международно-правового регулирования не заставить государство, применяя к нему меры принуждения и санкции, а, прежде всего, обеспечить условия взаимодействия государств, координировать государственно-организованные социальные силы, направить их в русло общего международно-правового сознания.

Список источников

1. Афоничкина Н. Н. О методологической функции общей теории государства и права // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 178–184.
2. Колосов Ю. М., Кузнецов В. И. Международное право : учебник / Под ред. Колосова Ю. М., Кузнецова В. И. М., 1999.
3. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник / Под ред. И. И. Лукашука; 3 изд. доп. и перераб. М., 2005.
4. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник / Под ред. И. И. Лукашука; 2 изд. доп. и перераб. М., 2001.
5. Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М., 1997.
6. Макдональд Р. Устав ООН и развитие основных принципов международного права // Современные проблемы международного права. Лондон, 1988.
7. Нюзбаум А. Краткая история права ООН. Нью-Йорк, 1962.
8. Паркинсон Ф. Зачем и как изучать историю международного публичного права // Современные проблемы международного права. Лондон, 1988.
9. Тункин Г. И. Международное право : учебник / Под ред. Г. И. Тункина. М., 1994.

References

1. Afonichkina N. V. On the methodological function of general theory of state and law // Russian Law Journal. 2018. № 1. P. 178–184.
2. Kolosov Yu. M., Kuznetsov V. E. International law / By Yu. M. Kolosov, V. E. Kuznetsov. Moscow,

¹ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа : локальный; по договору. Обновление еженедельно.

- 1999.
3. Lukashuk I. I. International law / By I. I. Lukashuk; 3 rd ed., rev. and suppl. Moscow, 2005.
 4. Lukashuk I. I. International law. General part / By I. I. Lukashuk; 2 rd ed., rev. and suppl. Moscow, 2001.
 5. Lukashuk I. I. Rules of international law in the international normative system. Moscow, 1997.
 6. Macdonald R. The Charter of the United Nations and the Development of Fundamental Principles of International Law // Contemporary Problems of International Law. L., 1988.
 7. Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations. N.Y., 1962.
 8. Parkinson F. Why and How to Study the History of Public International Law // Contemporary Problems of Int. Law. London, 1988.
 9. Tunkin G. I. International law / By G. I. Tunkin. Moscow, 1994.

Информация об авторе

Р. Ш. Богаткина — доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

R. Sh. Bogatkina — Associate Professor of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

В.П. Малахов
Н.Д. Эриашвили

**Методологические
и мировоззренческие проблемы
современной юридической
теории**

Второе издание

Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. 2-е изд. Монография. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. 431 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Продемонстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также всех интересующихся философскими и прикладными проблемами правовой жизни общества и личности.

Научная статья

УДК 343.8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-63-67>

НИОН: 2003-0059-2/22-218

MOSURED: 77/27-003-2022-02-417

Гарантии соблюдения прав человека в местах принудительного заключения

Наталья Владимировна Григорьева¹, Наталья Викторовна Угольникова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, navlagri@mail.ru

² Международный юридический институт, Москва, Россия, nvugolnikova@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа данных о ежегодном уменьшении количества лиц, содержащихся в местах принудительного заключения, в статье рассмотрены основные современные проблемы соблюдения и защиты их прав. Обращается внимание, что в последнее время наметилась тенденция по увеличению обращений по вопросам применения пыток, бесчеловечного отношения и ненадлежащих условиях содержания заключенных в ряде учреждений ФСИН России.

Резюмируется необходимость введения в Уголовный кодекс РФ специальной нормы «пытки». Кроме того, подчеркивается потребность усиления общественного контроля за местами принудительного содержания, через модель «Омбудсмен+».

Обоснованные в статье выводы и предложения направлены на развитие и реализацию дополнительных мер, обеспечивающих защиту прав лиц, содержащихся в местах принудительного заключения.

Ключевые слова: наказание, пытки, Уполномоченный по правам человека, прокурорский надзор

Для цитирования: Григорьева Н. В., Угольникова Н. В. Гарантии соблюдения прав человека в местах принудительного заключения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 63–67. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-63-67>.

Original article

Guarantees of observance of human rights in places of forced department

Natalia V. Grigoryeva¹, Natalia V. Ugolnikova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, navlagri@mail.ru

² International Law Institute, Moscow, Russia, nvugolnikova@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of data on the annual decrease in the number of persons held in places of forced detention, the article discusses the main modern problems of observance and protection of their rights. Attention is drawn to the fact that recently there has been a trend towards an increase in complaints about the use of torture, inhuman treatment and inadequate conditions of detention in a number of institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The necessity of introducing a special norm of «torture» into the Criminal Code of the Russian Federation is summarized. In addition, the need to strengthen public control over places of detention through the Ombudsman+ model is emphasized.

The conclusions and proposals substantiated in the article are aimed at the development and implementation of additional measures that ensure the protection of the rights of persons held in places of forced detention.

Keywords: punishment, torture, Ombudsman, prosecutor's supervision

For citation: Grigoryeva N. V., Ugolnikova N. V. Guarantees of observance of human rights in places of forced department. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):63–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-63-67>.

История института наказания за совершение преступления с изоляцией лица от общества насчитывает много веков. В процессе трансформации представления о человеке и его правах в обществе изменилось и отношение к данному институту.

Устрашение и возмездие остались в прошлом, им на смену явилось всеобщее понимание и признание института наказания как средства восстановления социальной справедливости.

Современное российское законодательство, построенное на принципах международного права, отвергает насилие над человеком в местах принудительного заключения.

Конституционное положение о том, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (статья 21) — «абсолютно и не подлежит никакому ограничению» [3]. Однако правоприменительная практика свидетельствует, что на пути достижения обозначенной цели имеют место отступления от этой нравственно выверенной социокультурной установки.

В последние годы государство принимает активные меры, направленные на улучшение порядка и условий содержания под стражей, практика ориентирована на гуманизацию наказания и сокращение количества граждан, в отношении которых выносятся решения, связанные с ограничением свободы.

Согласно официальным данным за последние 20 лет число граждан, содержащихся в исправительных учреждениях, значительно снизилось. Если в 2000 году содержалось 1 183,6 тыс. человек, то к 2020 году их число уменьшилось вдвое и достигло — 489,1 тыс., а по состоянию на 1 января 2022 г. — 465 896 чел. Данная тенденция будет продолжена и к 2024 году предположительно содержаться будет 400 тыс. человек, к 2030 году — от 250 тыс. до 300 тыс. [4].

В такой ситуации научный интерес представляет изучение влияния уменьшения количества лиц в местах принудительного заключения на меры, принятые по улучшению ситуации с соблюдением и защитой их прав.

И здесь сразу отметим, что на фоне снижения количества лиц в местах принудительного заключения наблюдается увеличение обращений в компетентные органы (прокуратура, суд и др.) и правозащитные организации (Уполномоченный по правам человека) по фактам применения противозаконных действий (пытки, бесчеловечное обращение) в учреждениях ФСИН России в отношении заключенных.

Несмотря на принимаемые государством меры, направленные на предупреждение и противодействие данным негативным явлениям, практика изобилует фактами бесчеловечного обращения с заключенными и осужденными. Вопиющий случай произошел осе-

нью 2021 года, широко освещенный СМИ, когда в интернете были размещены видео с пытками заключенных в тюремной туберкулезной больнице Саратовской области. В итоге Следственный комитет РФ возбудил двадцать уголовных дел, среди которых изнасилование (14 дел), превышение должностных полномочий (3), дезорганизация деятельности колонии (2) и халатность (1).

Таким образом, меры, принимаемые по улучшению ситуации с соблюдением и защитой прав лиц, не достаточны, а проблема по-прежнему остается острой.

За 11 месяцев 2021 года Генеральной прокуратурой выявлено 118 571 нарушение закона (в 2020 году — 124 586 (+10,3 %), в 2019 года — 123 410, +1,0 %) при исполнении уголовных наказаний. По данным фактам внесено 27 312 представлений, что на 7,9 % больше в сравнении с 2020 годом [2].

За последние три года в адрес Уполномоченного поступили тысячи обращений по вопросам деятельности исправительных учреждений. Данные неутешительны и свидетельствуют о распространности нарушений прав человека — каждая пятая жалоба поступает от лиц, находящихся в учреждениях пенитенциарной системы (2018 год — 3131, в 2019 — 3567, за 10 месяцев 2020 года — 4061 жалоба) [1].

Анализ поступающих обращений в адрес уполномоченных лиц, показывает, что более чем в два раза возросло число претензий по вопросам применения должностными лицами физической силы и специальных средств (с 114 в 2017 году до 364 в 2019 году).

В итоге в учреждениях УИС до сих пор имеет место практика не только жестокого отношения к заключенным и осужденным, но и применения пыток. В прошлом году за жестокое обращение с заключенными по требованию прокурора к дисциплинарной ответственности привлекли более сорока тысяч сотрудников ФСИН (+5,9 %), возбудили 64 уголовных дела по фактам превышения должностных полномочий.

Вопросы применения к заключенным насилия, бесчеловечного обращения или унижающего их достоинства неоднократно выступали предметом деятельности ЕСПЧ¹. Только в 2019 году против России принято 29 решений в отношении 39 человек о нарушении положений статьи 3 Конвенции о запрещении пыток. Сумма компенсации, присужденная ЕСПЧ в отношении этих судебных постановлений, составила приблизительно 700 000 евро.

Однако не по всем жалобам заявителей доводы находят свое подтверждение, что отчасти объясняется не-

¹ См., например: постановление ЕСПЧ от 7 ноября 2017 г. «Дело «Бамбаев (Bambayev) против России» (жалоба № 19816/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 2; постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. «Дело «Александр Андреев (Aleksandr Andreyev) против России» (жалоба № 2281/06) // Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 3.

совершенством учета и хранения информации и практикой укрытия фактов от регистрации и проверок.

Причинами сложившейся ситуации с правами человека в местах принудительного заключения выступают непрозрачность, недостаточная открытость пенитенциарной системы и низкая эффективность ведомственного контроля.

В декабре 2021 года в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 42307-8, направленный на установление ответственности за пытки, который прошел предварительное рассмотрение профильным комитетом и готовится к обсуждению в первом чтении. Однако следует обратить внимание, что авторы законопроекта не предлагают введение новой нормы, корректируя ст. 286 и 302 УК РФ и исключая определение пытки из примечания к ст. 117 УК РФ. В то же время предлагается уточнение понятие «пытка» с определением действий, которые не являются пыткой.

Полагаем, что предлагаемое авторами законопроекта определение «пытка» требует уточнения, поскольку содержит термины, не отвечающие принципу правовой определенности правовой нормы, а также используемые в УК РФ в ином значении. Кроме того, уточняя, какие действия не являются пыткой, не учитывается, что причинение боли или страданий может быть результатом применения правомерных мер принуждения.

В этой связи своевременным и актуальным видится предложение именно криминализации подобных действий, в том числе путем введения особой нормы в УК РФ «пытки».

Кроме того, необходимо рассмотреть возможность усиления общественного контроля за местами принудительного содержания, через модель «Омбудсмен+». Реализация данной модели предполагает, что в процессе мониторинга соблюдения прав человека в местах принудительного содержания будут участвовать не только сам Уполномоченный, но и представители гражданского общества, которые после получения специального мандата смогут проверять состояние законности в этих местах.

Помимо обозначенных проблем, заявители жалуются на противоправные, по их мнению, действия персонала: наложение дисциплинарных взысканий, произвольное ограничение веса передач и посылок, необоснованные обыски в камерах с конфискацией личного имущества, отказ в посещении родственников. Большое количество претензий предъявляется к качеству и доступности медицинской помощи, условиям содержания, конвоирования и этапирования, перевода в иное исправительное учреждение, освобождению от отбывания наказания условно-досрочно или ввиду тяжелой болезни.

В 2020 года к краевому омбудсмену обратился осужденный с жалобой на условия содержания во

время этапирования из СИЗО города Кизела в СИЗО города Перми.

Он сообщил, что во время пути он и другие лица, следовавшие вместе с ним железнодорожным сообщением, получили питание один раз. Обычный прямой маршрут Кизел-Пермь был изменен, и осужденные следовали в Пермь через Екатеринбург. По этой причине дорога заняла более 1,5 суток.

Уполномоченный по правам человека направил письмо в адрес Кизеловской специализированной прокуратуры с просьбой проверить достоверность указанной в обращении информации.

Из ответа прокуратуры следует, что жалоба признана обоснованной. В адрес начальника ФКУ СИЗО-3 внесено представление.

Остается актуальной проблема правового информирования, в части, реализации права осужденных на информацию и предоставление нормативных правовых актов. Есть претензии по вопросам социального обеспечения, например, трудоустройства осужденных, отказа в привлечении их к оплачиваемой работе, отсутствия востребованных специальностей, что в итоге затрудняет получение осужденными работы с приемлемой заработной платой после освобождения.

Решение обозначенных проблем также требует принятия срочных мер, среди которых уже сегодня можно назвать следующие.

Весьма перспективны для усовершенствования ситуации с обеспечением прав и законных интересов лиц в местах принудительного заключения предложения: расширить и упростить дополнительные платные услуги, оказываемые в такого рода учреждениях УИС (напр., наличие WI-FI и беспрепятственный доступ к сети Интернет); расширить перечень вещей, которые лица, содержащиеся под стражей, вправе иметь при себе, хранить, приобретать (оплачивая безналично), получать в посылках и передачах; совершенствовать систему поощрений и взысканий, стимулируя добровольный комплаенс со стороны содержащихся лиц; расширить перечень тяжелых заболеваний, которые выступают основанием для освобождения указанных лиц от содержания под стражей; усовершенствовать оказание медицинской помощи в СИЗО и ИВС; создавать условия для того, чтобы подозреваемые и обвиняемые в преступлениях могли вне камер заниматься физкультурой, спортом, разнообразными формами физического оздоровления.

Другими словами, назрела необходимость предусмотреть переход к сервисному (иными словами — клиенто-ориентированному) подходу во взаимодействиях с осужденными (обвиняемыми, подозреваемыми), что должно включать, в частности, расширение возможностей по свиданиям, максимальную оптимизацию адвокатской помощи, качественное улучшение бытовых условий для свиданий и т. д.

К числу наиболее актуальных направлений реформирования системы ФСИН России мы считаем возможным отнести усовершенствование нормативной регламентации, нацеленной на дальнейшую гуманизацию уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики, а также — повышение общих конституционно-правовых и специально-отраслевых гарантий для лиц, содержащихся в учреждениях УИС; внедрение системных методик (подходов) в части моделирования и планирования размещения учреждений УИС; модернизацию инфраструктурных компонентов, способствующих созданию достойных условий содержания в учреждениях УИС; рационализацию всех аспектов расположения учреждений УИС в населенных пунктах, которая бы исключала какие-либо негативные воздействия на окружающую среду и культивирование в молодежной среде криминальных субкультур; развитие производственных факторов с целью повысить занятость лиц, содержащихся в учреждениях УИС; дальнейшее формирование и расширение структуры исправительных центров, призванных к исполнению таких уголовных наказаний, как принудительные работы; оптимизацию и актуализацию оценочных критериев эффективности функционирования УИС; наращивание мероприятий с целью не допустить распространение таких негативных проявлений, как коррупция, экстремизм, административный произвол в УИС; наращивание мотивационных факторов при прохождении службы в системе ФСИН России; дальнейшее оздоровление морально-этической и психологической обстановки, с целью минимизировать неправомерные проявления и девиации среди сотрудников ФСИН России.

Анализируя перспективы реформирования системы ФСИН России, предлагаем поддержать амбициозный проект внедрения в практику исполнения наказаний создание учреждений объединённого типа на региональной или межрегиональной основе. Главный вектор здесь — сконцентрировать исправительные учреждения и следственные изоляторы в рамках некоего единого центра, а также — унифицировать и модернизировать наличную инфраструктуру, технологические возможности и средства по развитию производственных мощностей. Думается, подобное предложение может быть апробировано путем применения правовых экспериментов в одном или нескольких субъектах Федерации. В частности, предлагается дополнить перечень исправительных учреждений новой формой — колонией городского типа.

Долговременный тренд в развитии пенитенциарной системы России связан с государственной поддержкой всех форм участия институтов гражданского общества в процессе исполнения уголовных наказаний, для чего необходимо разработать и внести релевантные новации в текущий массив уголовного и

уголовно-исполнительного законодательства. В частности, целесообразно дополнить перечень субъектов, которым могут передаваться под надзор (проще сказать — на поруки) несовершеннолетние в порядке освобождения от уголовной ответственности (п. б ч. 1 ст. 90, ч. 2 ст. 91 УК РФ) — общественным объединениям, уставные цели которых предусматривают соответствующие направления деятельности.

Предлагаем расширить содержание ч. 1 ст. 84 УИК РФ, поскольку в действующей редакции она предусматривает только одну из возможных форм межведомственных взаимодействий. Представляется, такая законодательная инновация будет способствовать наращиванию эффективности административного надзора, путем подключения к нему и оперативных подразделений МВД России.

Актуально говорить и о внесении изменений в порядок освобождения по болезни (ст. 81 УК РФ), что станет дополнительной гуманной мерой для заключенных, страдающих тяжелыми заболеваниями.

В рассматриваемом контексте насущная задача Российского государства — сформировать эффективную и современную систему правовой регуляции в сфере исполнения наказаний, отвечающую международным стандартам и современным тенденциям. Разумеется, ведущая роль в решении этой задачи отведена ФСИН России.

Список источников

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
2. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ <http://genproc.gov.ru/> [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 22.01.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Российская газета. 2019. № 2.
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. ст. 3397.

References

1. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019 // Official website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (date accessed: 18.09.2021).
2. Basic statistical data on the activities of the prosecution authorities // Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation <http://genproc.gov.ru/> [Electronic resource] Access mode: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (date accessed: 22.01.2022).
3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 № 47 «On some issues arising from the courts when considering administrative cases related to violation of the conditions of detention of persons in places of detention» // Rossiyskaya Gazeta. 2019. № 2.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r «On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period until 2030» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 20. Art. 3397.

Информация об авторах

Н. В. Григорьева — доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Угольникова — доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. V. Grigoryeva — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. V. Ugolnikova — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-68-70>

НИОН: 2003-0059-2/22-219

MOSURED: 77/27-003-2022-02-418

Институт кровной мести в аспекте прав и обязанностей мужчин в Древней Руси

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика института кровной мести, как правосстановительного и правоприменительного механизма, и ее корреляция с характеристиками правового статуса мужчин в Древней Руси. В работе с помощью диалектического, логического и исторического методов продемонстрирована обязанность мужской гендерной группы осуществлять правоприменение, которое нередко было сопряжено с опасностью для жизни и здоровья. В своем исследовании автор использовал историко-политический способ толкования правовых норм регулирующих уголовные правоотношения в Древнерусском государстве в сфере исполнения обязанности мужчин осуществлять кровную месть.

Ключевые слова: Древняя Русь, Русская Правда, русско-византийские соглашения, кровная месть, правовой статус мужчин, правоприменение

Для цитирования: Грошев С. Н. Институт кровной мести в аспекте прав и обязанностей мужчин в Древней Руси // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 68–70. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-68-70>.

Original article

The institution of blood feud in the aspect of the rights and duties of men in Ancient Russia

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the institution of blood feud as a law-restoring and law-enforcement mechanism, and its correlation with the characteristics of the legal status of men in Ancient Russia. In the work, using dialectical, logical and historical methods, the obligation of the male gender group to carry out law enforcement, which was often fraught with danger to life and health, was demonstrated. In his research, the author used a historical and political way of interpreting the legal norms regulating criminal legal relations in the Ancient Russian state in the sphere of fulfilling the duty of men to carry out blood feud.

Keywords: Ancient Russia, Russkaya Pravda, Russian-Byzantine agreements, blood feud, legal status of men, law enforcement

For citation: Groshev S. N. The institution of blood feud in the aspect of the rights and duties of men in Ancient Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):68–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-68-70>.

Кровная месть в Древнерусском государстве, как социально-правовой феномен, имела место в такой общественно-политической ситуации, когда государственный механизм еще не получил полноценного развития, а публичная власть была не способна обе-

спечить должное состояние правопорядка и общественной безопасности. Иными словами кровная месть имела нормативное закрепление в тот период, когда государство еще не обладало монопольным правом применять агрессивное насилие. Такая ситуация

© Грошев С. Н., 2022

обычно наблюдается в процессе зарождения государственности, либо на современном этапе в тех странах, которые в правовом регулировании отражают идею традиционализма в сфере государственного управления. Стоит отметить, что правовые системы, в которых кровная месть допускается нельзя считать передовыми и демократическими.

Внешне обычай кровной мести мог выражаться, к примеру, в обязанности кровных родственников убитого отомстить за смерть близкого человека, либо осуществить месть за менее тяжкие преступления, такие как причинение вреда здоровью или кража невесты [3, с. 30–31]. Часто обязанность осуществить кару падала не только на биологических родственников потерпевшего, но и на весь его клан, тейп, род или общину. Примечательно, что сам по себе институт кровной мести был известен уже в период родоплеменных отношений и был достаточно эффективным социальным регулятором, который можно назвать одним из древнейших социальных институтов [2, с. 140].

Кровная месть в древнерусском правовом регулировании обладала институциональной сущностью коррелирующей с принципом талиона, который был лапидарно сформулирован в ветхозаветной религиозной традиции. Мало того, характерными свойствами кровной мести в Древней Руси, как правосстановительного и правоприменительного механизма, выступали, во-первых, императивный характер обязательств семьи потерпевшего осуществить месть, и, во-вторых, распространение кары за совершенное деяние на всех родственников преступника и даже просто близким ему людей. Иными словами, понести ответственность за преступное деяние мог не только сам преступник, но весь круг его кровных родственников и даже соседей [1, с. 2].

В древнерусском социуме институт кровной мести впервые юридически зафиксирован в русско-византийском соглашении 912 г., где были достаточно конкретно отражены основные принципы его реализации, предусматривающие как личную, так и имущественную ответственность преступника. Примечательно, что принцип материальной ответственности предусматривал и обеспечение вещных прав для супруги преступника, которая сохраняла свои права на выделенную по закону долю семейного имущества [5, с. 4–5].

Обычаи славян, трансформировавшись в текст Русской Правды, также предусматривали институт кровной мести. Так, в ст. 1 Пространной редакции Русской Правды предусматривалась кровная месть, которая транслировала на сына обязанность отомстить за смерть отца, а за гибель брата обязанность осуществления мести на брата и т. д. Причем указанная норма однозначно распространяла обязанность осуществления кровной мести на мужскую гендерную группу,

не упоминая женщин ни в статусе субъектов преступления, ни в качестве лиц обязанных мстить. Параллельно с обязанностью осуществления кровной мести фигурировала и возможность получить денежную сатисфакцию потерпевшим или его родственниками [5, с. 10]. Тем не менее, такая внешняя диспозитивность и возможность выбора способа правовостановления в рамках института кровной мести могла быть реализована лишь в тех случаях, когда государственные органы могли указанный процесс санкционировать, а в Древней Руси не всегда такое происходило в связи с примитивностью государственных структур периода существования Древнерусского государства.

В свою очередь М. М. Михайлов утверждает, что трансформация кровной мести из утилитарного обычая в правовую норму императивного характера происходит из факта ее закрепления в Русской Правде [4, с. 74]. В этой связи стоит отметить, что кровную месть, необходимо отнести к разряду нормативного должностования адресованного мужской гендерной группе. Так, если в период бытийности института кровной мести в нормах обычного права мы видим ярко выраженную санкционную направленность в виде морально-нравственной санкции для лица, не выполнившего обязанность отомстить обидчику своего рода, то во времена законодательной фиксации кровной мести можно констатировать государственное нормирование указанной обязанности.

Стоит отметить, что ни один из исследователей не рассматривал проблематику института кровности мести через призму обязанностей, которыми обременялась мужская гендерная группа. Но именно такая дискриминационная составляющая правовых норм связанных с регламентацией кровной мести ярко демонстрирует то, что патриархальный уклад социальных связей древнерусского общества, наделяя мужскую гендерную группу спектром прав, существенным образом обременял правовое положение мужчин различного рода должностованиями. В результате мужская гендерная группа испытывала не только различные тяготы, но и обязанности, выполнение которых было сопряжено с рисками опасными для жизни и здоровья.

Несомненно, период зарождения древнерусской государственности наиболее ярко демонстрирует физиологическую направленность правового регулирования в Древней Руси, которая зиждилась на биологических свойствах субъекта правоотношений. Вся характеристика правового положения субъектов древнерусского общества, а также спектр их прав и обязанностей в древнейшие периоды развития русского права были поставлены в зависимость от качеств человеческого организма, его мускульной силы, половой принадлежности, психологических характеристик личности и т.п. Мало того, анализ древнейших памят-

ников русского права демонстрирует тенденцию законодателя дискриминировать женщин, однако даже в этом аспекте можно усмотреть и признаки принципа положительной дискриминации, когда женщина, не обладая правами, не несла и бремени сопряженных с ними обязанностей.

В заключение необходимо отметить, что институт кровной мести в Древней Руси, можно рассматривать не только как правовостановительный и правоприменительный инструмент, функционирующий в период зарождения древнерусской государственности, когда публичная власть не обладала полной монополией на применение агрессивного насилия, но и как императивную обязанность мужской гендерной группы древнерусского социума нести на себе бремя правоприменителя, которое нередко было сопряжено с опасностями для жизни и здоровья. Кроме того, можно отметить положительную динамику в появлении диспозитивных принципов в реализации института кровной мести после нормативной фиксации указанной нормы в Русской Правде.

Список источников

1. Викторский С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. 396 с.

2. Мальцев Г. В. Мечь и возмездие в древнем праве. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 736 с.
3. Малиновский И. А. Кровная месть и смертные казни. Томск : Типо-литогр. Сиб. т-ва печати, 1908. 220 с.
4. Михайлов М. М. История русского права. СПб : Тип. Департамента уделов, 1871. 182 с.
5. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век–1917 год) / Составитель доктор юридических наук, профессор В. А. Томсинов. М. : Издательство «Зерцало», 2000. 318 с.

References

1. Viktorsky S. I. The history of the death penalty in Russia and its current state. M. : Typ. of Imp. Moscow univers., 1912. 396 p
2. Maltsev G. V. Revenge and retribution in ancient law. M. : Norm : INFRA-M, 2014. 736 p.
3. Malinovsky I. A. Blood feud and death penalty. Tomsk : Typo-lithogr. Sib. t-va press, 1908. 220 p.
4. Mikhailov M. M. History of Russian law. SPb : Type. Department of Appanages, 1871. 182 p.
5. Anthology on the history of the national state and law (X century–1917) / Compiled by Doctor of Law, Professor V. A. Tomsinov. M. : Publishing House «Mirror», 2000. 318 p.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Научная статья
УДК 343.237
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-71-74>
НИОН: 2003-0059-2/22-220
MOSURED: 77/27-003-2022-02-419

Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве

Никита Сергеевич Грудинин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, nekit-07@mail.ru

Аннотация. Анализируется сущность, природа и значение института соучастия в преступлении в российском уголовном праве. Отмечается, что проблема соучастия в совершении преступления на протяжении длительного времени продолжает оставаться одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем теории и практики уголовного права. Подчеркивается, что существуют два основных подхода к характеру ответственности соучастников — акцессорный и неакцессорный. В основе действующего российского уголовного законодательства лежит акцессорная теория соучастия, которая предполагает зависимость оснований и пределов ответственности соучастников от уголовно-правовой квалификации деяния исполнителя. В то же время акцессорность ответственности соучастников в российском уголовном праве не является абсолютной.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, акцессорность, неакцессорность, совместность, единство умысла

Для цитирования: Грудинин Н. С. Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 71–74. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-71-74>.

Original article

The institution of complicity in crime in the Russian criminal law

Nikita S. Grudinin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, nekit-07@mail.ru

Abstract. The essence, nature and significance of the institute of complicity in crime in the Russian criminal law are analyzed. It is noted that the problem of complicity in committing a crime for a long time remains one of the most actual and disputable problems of the theory and practice of criminal law. It is emphasized that there are two main approaches to the nature of liability of accomplices — accessory and non-accessory. The current Russian criminal law is based on the accessory theory of complicity which assumes the dependence of grounds and limits of complicit liability on the criminal law qualification of the act of the executor. At the same time accessory liability in the Russian criminal law is not absolute.

Keywords: complicity in a crime, accessory, non-accessory, jointness, unity of intent

For citation: Grudinin N. S. The institution of complicity in crime in the Russian criminal law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):71–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-71-74>.

Большинство норм уголовного законодательства рассчитано на запрет преступных деяний, совершаемых одним лицом. Однако деяние приобретает совершенно иной характер, когда оно совершается несколькими лицами. Невозможность конструирования для каждого соучастника отдельного состава преступления, тесная взаимосвязь и взаимообусловленность действий каждого из субъектов такого коллективного поведения предопределяет необходимость формирования общего понятия о соучастии. Именно этим об-

стоятельством обусловлено то, что нормы о соучастии размещаются именно в Общей части УК РФ и других стран.

На протяжении длительного времени вопрос о понятии соучастия, его отличительных признаках вызывает оживленные споры в теории уголовного права и правоприменительной практике. Впервые в доктрине уголовного права понятие соучастия предложил А. С. Жиряев. Под данным термином им понималось объединение нескольких преступников при одном и том

же преступлении. В качестве отличительных признаков соучастия называлось: совершение одного преступления и участие в нем нескольких лиц.

Н. С. Таганцев отметил в понимании соучастия субъективное свойство: «Соучастием в техническом смысле может быть названо такое совпадение нескольких лиц в преступлении, в котором, благодаря общности их вины, каждый отвечает за все деяние в полном объеме. Такая общая виновность предполагает не только наличность преступного умысла и действующих, но и однородное направление воли. Внешним признаком, без которого немислимо соучастие, является соглашение на совершение преступления» [1, с. 3–4].

В определении, данном С. В. Познышевым, учитываются как объективные, так и субъективные аспекты соучастия: «Соучастие можно определить как виновное совершение одного преступления совместной деятельностью нескольких лиц». При этом под данной формой вины ученым понимается такая форма вины, при которой лицо сознает вероятность наступления вредных последствий и в то же время желает, чтобы некая счастливая случайность предотвратила их наступление.

В советской юридической науке длительное время обсуждался вопрос об умысле как конституирующем признаке соучастия: охватывает ли умысел только совместную деятельность по осуществлению преступного деяния, или же он является неотъемлемым признаком самого преступления. Почву для дискуссий создавала недостаточно четкая позиция законодателя. Впервые установив дефиницию соучастия, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 17) определили соучастие как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления». Как видно, об умышленном или неосторожном характере самого преступления в данной норме ничего не говорилось. Однако следует согласиться с тем мнением, что такое указание вовсе не обязательно, поскольку вряд ли возможно умышленными совместными действиями совершать неосторожное деяние.

Вместе с тем в юридической литературе неоднократно высказывалась идея неосторожного соучастия. Так, Н. Д. Сергеевский в качестве примера такого соучастия приводил следующую ситуацию: на крыше дома плотниками проводилась работа; старший плотник без достаточных мер предосторожности приказывает сбросить бревно со стены. Один из плотников привлекает к себе на помощь другого, они бросают бревно и убивают прохожего человека. Старший плотник рассматривается как неосторожный подстрекатель, другой плотник — виновный исполнитель, третий — пособник в неосторожном деянии.

Г. Е. Колоколов выделял следующие возможные комбинации неосторожного соучастия:

- один субъект действует умышленно, другой — неосторожно;
- один субъект действует с умыслом, другой — с посредствующей формой вины (т. е. формой

вины, при которой лицо сознает вероятность наступления вредных последствий и в то же время желает, чтобы некая счастливая случайность предотвратила их наступление);

- один субъект действует с посредствующей формой вины, другой — неосторожно [2, с. 175].

Приведенный выше пример вызывает существенные возражения. Вряд ли возможно квалифицировать поведение старшего плотника и пассажира, поскольку такой вывод ведет к еще более абсурдному умозаключению о наличии предварительного соглашения на причинение смерти потерпевшему лицу.

Необходимым признаком соучастия является нацеленность совместной преступной деятельности нескольких лиц на один результат. При неосторожном причинении вреда такой нацеленности нет. Именно поэтому многие исследователи (А. В. Наумов, А. А. Герцензон, А. А. Тер-Акопов и др.) отвергают саму идею неосторожного соучастия.

М. А. Шнейдер справедливо отмечал, что «соучастник не может сознавать, что исполнитель совершает неосторожное преступление, иначе он предвосхитил бы то, чего сам исполнитель не сознает. Ни о каком соучастии в этом случае говорить нельзя». Конструкция неосторожного соучастия, в какие бы формы она ни выливалась, прямо противоречит законодательству. Она нежизненна и практически неприемлема [3, с. 45].

В то же время, случаи совместной деятельности, приведшие по неосторожности к наступлению противоправных последствий, не должны лишаться уголовно-правовой оценки. В этой связи в теории уголовного права предпринималась попытка разработать концепцию неосторожной сопричиненности вреда. Под неосторожным сопричинением понималось любое участие в преступлении нескольких лиц при отсутствии умысла действовать совместно. Этим понятием предлагалось охватывать, в том числе и те случаи, когда действия буквально сложно назвать совместными, но они совершались одновременно во временном и пространственном измерении и привели к преступному результату. Однако вряд ли в этом случае можно квалифицировать преступное поведение как совместное, поскольку факт совместного причинения вреда вообще может не охватываться субъективной стороной.

Особая уголовно-правовая оценка соучастия как умышленной совместной противоправной деятельности предопределена не столько объективными особенностями этой деятельности, сколько спецификой ее субъективной стороны, устремленности общей воли на преступный результат, и как следствие, координацией совместных действий. При неосторожном поведении такой общей воли нет, соответственно возникает вопрос о целесообразности особого регулирования неосторожных совместных действий, поскольку поведение каждого из неосторожных сопричинителей может квалифицироваться отдельно.

По мнению И. М. Тяжковой, необходимость включения в УК РФ нормы, посвященной ответственности за неосторожное сопричинение, обусловлена тем, что в результате совместных действий нескольких лиц общественная опасность деяния возрастает. Кроме того, в условиях научно-технического прогресса даже минимальное отступление от техники безопасности способно привести к нарушению функционирования целых систем, поэтому последствия несоблюдения мер предосторожности могут и должны быть осознаны субъектами, осуществляющими соответствующую деятельность [4, с. 57–58]. Однако и данная точка зрения является спорной. Одним из базовых принципов уголовного права является недопустимость объективного вменения. Невозможно устанавливать повышенную ответственность субъектов только за то, что их действия (зачастую никак между собой не согласованные и никем не скоординированные) приводят к большому урону, чем мог бы наступить при совершении поступка одним лицом.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что именно соучастие как особая форма координации совместной деятельности, характеризующаяся общностью не только объективной, но и субъективной стороны, имеет особое уголовно-правовое значение и нуждается в специальном регулировании. В этой связи следует положительно оценить сформулированное законодателем определение соучастия (ст. 32 УК РФ): «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления».

Помимо самого определения понятия «соучастие», его объективных и субъективных признаков, дискуссионным остается вопрос и о его природе. Следует отметить, что вопрос о соучастии вызывал оживленные споры в дореволюционной, а в дальнейшем и в советской уголовно-правовой науке. Краеугольным камнем является определение: носит ли ответственность иных участников в совершении преступления лиц зависимый характер от квалификации поведения исполнителя, или такая ответственность имеет автономный характер.

В отечественном и зарубежном уголовном праве сформировались два основных подхода. Большинство ученых (сторонники акцессорной теории) полагают, что соучастие носит акцессорный (т. е. зависимый, несамостоятельный) характер, ответственность иных соучастников непосредственно зависит от действий исполнителя. Данный подход построен на принципе: нет исполнителя, нет преступления, а, соответственно, нет и соучастия. Впервые такой подход был сформулирован в УК Франции 1810 г. Содержание акцессорной теории сводится к тому, что возможность ответственности соучастника зависит от наказуемости поведения исполнителя, при этом квалификация действий соучастников должна происходить по той же статье, что и квалификация действий исполнителя.

Следует сказать, что не только поведение соучастников обусловлено поведением исполнителя, но, в свою очередь, и поведение исполнителя детермини-

ровано определенным поведением соучастников. Поэтому соучастие предстает не как сумма отдельных взаимосвязанных преступных действий, а как их синкретичное единство, образующее качественно новое коллективное преступление. В то же время необходимо отметить, что совместное совершение преступления хотя и должно анализироваться в единстве, однако это не отменяет необходимость самостоятельной квалификации поведения каждого из соучастников. В зарубежном праве в этой связи появилась концепция лимитированной акцессорности, суть которой сводится к тому, что каждый участник отвечает за свою вину, безотносительно к вине другого. При этом для привлечения к ответственности соучастника достаточно, чтобы поведение исполнителя было противоправным, а иные аспекты состава преступления в отношении исполнителя не рассматриваются как определяющие.

В рамках акцессорной теории сегодня выделяется несколько направлений:

- теория соглашения всех участников на достижение общей цели. На основании данной теории заранее обещанное укрывательство рассматривается в качестве пособничества;
- теория общей воли, в соответствии с которой воля исполнителя при соучастии требует объединения с волей других субъектов, каждый из которых знает о намерениях иных соучастников в результате достигнутого соглашения;
- теория взаимного подстрекательства, в соответствии с которой предварительное соглашение о совместном совершении преступления рассматривается как встречное подстрекательство друг друга [5, с. 30–31].

Второй подход отвергает идею акцессорного характера ответственности соучастников. Данный подход получил свое распространение в советской юридической науке. В русле общего критицизма буржуазных юридических теорий, советская правовая доктрина поддерживала альтернативный подход к пониманию природы соучастия. Акцессорная концепция соучастия была признана реакционной, противоречащей принципам социалистического права. Г. И. Волков считал данную концепцию методологически порочной и формалистичной, объясняя это тем, что она механистически раскрывает теорию причинности, устанавливает презумпцию общей вины, формально заставляет снижать ответственность пособников и отвергает идею неосторожного соучастия [6, с. 114]. Схожие взгляды высказывал и А. Н. Трайнин, полагая, что роль исполнителя хотя и важна, однако не стоит переоценивать ее значение. Ответственность соучастников наступает не за поведение исполнителя преступления, а за собственные преступные деяния [7, с. 172–173].

Представляется, что соучастие имеет двойственную природу. Устремленность воли всех соучастников на совершение преступления обуславливает необходимость квалификации этого коллективного поведения с опорой на квалификацию поведения исполнителя. С другой стороны, принцип личной от-

ветственности, справедливости и индивидуализации наказания требуют отдельной квалификации поведения каждого из соучастников преступного деяния. В соучастии нет ответственности соучастников за деяние исполнителя, а имеется ответственность каждого субъекта за вклад в реализацию преступного замысла.

Анализ УК РФ позволяет говорить о том, что именно акцессорная теория лежит в основе действующего российского уголовного законодательства. Ст. 34 УК РФ определяет зависимость оснований и пределов ответственности соучастников от уголовно-правовой квалификации деяния исполнителя. В то же время акцессорность ответственности соучастников не является абсолютной. В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ при недоведении исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. Ст. 36 УК РФ освобождает от ответственности соучастников при эксцессе исполнителя. В соответствии с ч. 4 ст. 31 УК РФ организатор преступления и подстрекатель освобождаются от ответственности, если своим обращением в правоохранительные органы или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца.

Таким образом, следует заключить, что соучастие, не являясь самостоятельным, отдельным составом преступления, является особой формой преступного деяния. Ответственность соучастников невозможно оценивать исключительно с позиции акцессорности или неакцессорности. С одной стороны, квалификация поведения иных участников зависит от оценки поведения исполнителя (т. к. если нет исполнителя, то нет и преступления). С другой стороны, принцип индивидуализации наказания требует осуществление персональной квалификации поведения каждого из соучастников.

Соучастие, будучи формой социального взаимодействия, обладает повышенной общественной опасностью, поскольку способствует более быстрому достижению преступных целей. Юридическое назначение данного института состоит в том, чтобы включить в поле действия уголовно-правового запрета поведение различных субъектов, в том числе непосредственно не реализующих объективную сторону преступления, индивидуализировать наказание каждого из соучастников, и обеспечить, тем самым, реализацию принципа

справедливости в уголовном праве.

Список источников

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Книга 1 : Учение о преступлении. СПб : Тип. М. Стасюлевича, 1880. 174 с.
2. Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. // Журнал гражданского и уголовного права : Январь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Книга 1. СПб : Тип. Правительствующего Сената, 1883. С. 171–189.
3. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. 98 с.
4. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб : Юрид. центр Пресс, 2002. 276 с.
5. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. 408 с.
6. Волков Г. И. Классовая природа преступления и советское уголовное право / Под ред. Н. В. Крыленко. М. : Сов. законодательство, 1935. 232 с.
7. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. : Юрид. Изд-во НКЮ, 1941. 158 с.

References

1. Tagantsev N. S. Course of Russian Criminal Law. The General part. Book 1: The Doctrine of Crime. St. Petersburg : M. Stasyulevich's type, 1880. 174 p.
2. Kolokolov G. E. About complicity in a crime. // Journal of Civil and Criminal Law : January. Publication of the St. Petersburg Law Society. Book 1. St. Petersburg : Type. Governing Senate, 1883. P. 171–189.
3. Schneider M. A. Complicity in a crime under Soviet Criminal Law. M. : Gosyurizdat, 1959. 98 p.
4. Tyazhkova I. M. Careless crimes using sources of increased danger. St. Petersburg : Legal Center Press, 2002. 276 p.
5. Arutyunov A. A. Complicity in a crime. M. : Statute, 2013. 408 p.
6. Volkov G. I. The class nature of crime and Soviet Criminal Law / Edited by N. V. Krylenko. M. : Soviet legislation, 1935. 232 p.
7. Trainin A. N. The doctrine of complicity. M. : Yurid. NKYU Publishing House, 1941. 158 p.

Информация об авторе

Н. С. Грудинин — доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. S. Grudinin — Associate Professor of the Department of International Law of Moscow State Linguistic University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 18.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 347.51

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-75-78>

НИОН: 2003-0059-2/22-221

MOSURED: 77/27-003-2022-02-420

Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы

Марина Евгеньевна Жаглина¹, Андрей Вячеславович Жаглин²

¹ Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, mzhaglina@mail.ru

² Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, gagdrej@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, как с точки зрения действующего законодательства, так и с позиции необходимости его дальнейшего совершенствования исходя из потребностей правоприменительной практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, источник повышенной опасности, ответственность, вред

Для цитирования: Жаглина М. Е., Жаглин А. В. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С.75–78. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-75-78>.

Original article

Liability for damage caused by artificial intelligence: reality and prospects

Marina E. Zhaglina¹, Andrey V. Zhaglin²

¹ Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, mzhaglina@mail.ru

² Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, gagdrej@mail.ru

Abstract. The issues of liability for harm caused by artificial intelligence, both from the point of view of the current legislation, and from the position of the need for its further improvement based on the needs of law enforcement practice are being discussed.

Keywords: artificial intelligence, robot, source of increased danger, responsibility, harm

For citation: Zhaglina M. E., Zhaglin A. V. Responsibility for the harm caused by artificial intelligence: reality and prospects. bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia. 2022;(2):75–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-75-78>.

Внедрение в различные сферы нашей жизни новых технологий, особенно в эпоху «ковидных» ограничений, порождает значительный круг правовых проблем, связанных как с определением правовой природы данных объектов, так и круга ответственных лиц в случае причинения ими вреда.

Сегодня цифровые технологии широко применяются в разнообразных видах деятельности: медицине, транспорте, образовании, банковском обслуживании, охране общественного порядка, осуществлении правосудия, промышленности и т. д., что предопределяет необходимость всестороннего правового регулирования порядка и последствий их использования.

Под искусственным интеллектом обычно понимают совокупность технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (в частности, самообучение и поиск решений без заранее заданных алгоритмов) и получать результаты, сопоставимые с интеллектуальной деятельностью человека. При этом отмечается, что искусственный интеллект включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

Искусственный интеллект может воплощаться в различных формах, что оказывает влияние на его правовой режим. Так, он может быть представлен в виде

сложной компьютерной программы, либо киберфизического устройства, например, робота.

Некоторая (причем, все более расширяющаяся) автономность робототехнических комплексов, делающая невозможным полный контроль за ними со стороны операторов, предопределяет необходимость решения двух этико-правовых вопросов: о безопасности таких систем для человека и об ответственности за вред, причиненный в результате их применения.

В научной литературе в последнее время обсуждается вопрос о субъекте ответственности за вред, причиненный в результате использования технологий искусственного интеллекта. В рамках данного исследования мы не будем рассматривать концепции, предлагающие признать интеллектуального робота самостоятельным «электронным» субъектом права, и, соответственно, ответственным за причиненный им вред [2; 3]. Представляется, сегодня способность робота к абсолютно самостоятельным действиям сильно преувеличена, в силу чего собственного волевого момента в его действиях недостаточно для признания субъектом права, что не означает невозможности возвращения к данному вопросу в будущем.

Если же мы признаем искусственный интеллект исключительно объектом права, даже в этом случае фигура ответственного за вред лица не выглядит однозначной. В различных исследованиях, посвященных данной проблеме, высказываются мнения о возложении ответственности на:

- производителя робота или программного обеспечения для него;
- юридическое или физическое лицо – владельца устройства (программы);
- лицо, непосредственное управляющее роботом (оператора), в момент причинения вреда;
- тьютора (для самообучающихся систем).

По нашему мнению, субъект ответственности должен определяться исходя из ряда критериев:

относится ли устройство с искусственным интеллектом к источникам повышенной опасности (речь, конечно же, идет об устройствах в виде объектов материального мира, например, роботах);

в каких отношениях состоит непосредственный пользователь технологий искусственного интеллекта (оператор) с их владельцем.

В ст. 1079 ГК РФ дан лишь примерный перечень источников повышенной опасности. Поэтому, чтобы определить, относится ли соответствующее устройство к источникам повышенной опасности, необходимо проанализировать сущностные признаки такого объекта.

По нашему мнению, не все подобные устройства отвечают признаку повышенной опасности для окружающих. В то же время применение роботов с высокой степенью автономности исключает полный кон-

троль за ними со стороны человека, поэтому их вполне можно считать источниками повышенной опасности. В частности, в ст. 31 Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте высказывается предложение о необходимости закрепления презумпции опасности для человека искусственного интеллекта, пока не доказано иное [4].

Таким образом, разделение робототехнических систем на те, которые представляют собой источники повышенной опасности, и те, которые к ним не относятся, позволит решить вопрос о субъекте и основаниях ответственности за вред, причиненный такими объектами. В первом случае, ответственность будет наступать по ст. 1079 ГК РФ, которая возлагает ответственность на владельца источника повышенной опасности даже при отсутствии его вины, во втором случае, ответственность будет нести непосредственный причинитель вреда на общих основаниях, т. е. только за вину, по ст. 1064 ГК РФ. При этом, если вред был причинен при исполнении трудовых или служебных обязанностей, субъектом ответственности будет юридическое лицо или гражданин-работодатель (ст. 1068 ГК РФ).

В результате мы можем прийти к выводу, что сегодня гражданское законодательство не предусматривает какой-либо специфики правового регулирования отношений, связанных с использованием устройств с искусственным интеллектом.

В то же время многими исследователями данной проблемы отмечается недостаточность правового регулирования в указанной сфере и невозможность применения действующих, в определенной степени устаревших, правовых конструкций в области возмещения внедоговорного вреда, причиненного роботами с высокой степенью автономности. В этой связи, предлагаются различные варианты решения рассматриваемой проблемы.

Во-первых, возможен дифференцированный подход к решению вопроса о субъекте ответственности в зависимости от вины. В соответствии с данной концепцией субъектом ответственности за вред, причиненный роботом, будет то лицо, которое виновно в наступлении вредоносных последствий: производитель (если вред причинен дефектами конструкции), разработчик программного обеспечения (если вред причинен сбоем программы), оператор (если вред причинен выполнением неверных команд) и т. д. [5].

Во-вторых, возможен смешанный режим ответственности, когда степень опасности робота определяет основания ответственности и ее субъекта (в определенной степени он существует уже сейчас, поскольку выбор суда между ст. 1064 и ст. 1079 ГК РФ будет зависеть от характеристик конкретного робота). Тем не менее, высокая автономность некоторых роботов, а также риски взломов и хакерских атак, создающие

высокую потенциальную угрозу причинения вреда, требуют разработки специального правового режима в отношении данных объектов, поскольку определить конкретное виновное лицо, ответственное за действия робота, может быть весьма проблематично.

В-третьих, предлагается концепция управления рисками, т. е. привлечения к ответственности за действия робота лица, обязанного минимизировать риск причинения вреда. Авторы данной концепции обосновывают ее эффективность тем, что меры ответственности должны применяться к лицу, которое не выполнило свои обязанности по устранению негативных последствий действий робота [6, с. 32]. Очевидно, что при данном подходе возникает проблема определения ответственного лица, а также оснований его ответственности.

В-четвертых, возможен режим коллективной ответственности изготовителя, оператора, собственника и пользователя робота в зависимости от степени вины [7].

Таким образом, можно констатировать, что ответственность за вред, причиненный устройствами с искусственным интеллектом, может наступать в рамках существующего правового механизма, что не означает отсутствия необходимости выработки нового подхода в рассматриваемой области с учетом сложившихся реалий и потребностей правоприменительной практики. В частности, Сбербанк РФ и Минэкономразвития РФ заявили о разработке к концу 2021 года правил ответственности за вред, причиненный роботами и искусственным интеллектом, а также правил страхования данных рисков [8].

Список источников

1. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2020 г. № 17. Ст. 2701.
2. Ястребов О. А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–202.
3. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
4. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте [Электронный ре-

сурс]. URL: https://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 08.12.2021).

5. Не навреди : семь проблем правового регулирования робототехники [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d65246a9a79474c7e708aec> (дата обращения: 08.12.2021).
6. Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 26–35.
7. Юридическая концепция роботизации : монография / Под ред. Ю. А. Тихомирова, С. Б. Намба. М. : Проспект, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=CMB&n=18874&req=doc#049061320082362303> (дата обращения: 01.12.2021).
8. Искусственный интеллект и роботы будут нести ответственность за причиненный вред [Электронный ресурс]. URL: https://sovetov.su/news/672_iskusstvennyu_intellekt_i_roboty_budut_nesti_otvetstvennost_za_prichinennyu_vred.html (дата обращения: 12.11.2020).

References

1. Federal Law № 123-FZ of April 24, 2020 «On conducting an experiment to Establish special Regulation in order to create the necessary conditions for the Development and Implementation of artificial intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation — the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law «On Personal Data» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 17. Art. 2701.
2. Yastrebov O. A. Discussion on the prerequisites for assigning robots the legal status of «electronic persons» // Questions of Jurisprudence. 2017. № 1. P. 189–202.
3. Gadzhiev G. A., Voynikanis E. A. Can a robot be a subject of law (search for legal norms to regulate the digital economy)? // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 4. P. 24–48.
4. Model Convention on Robotics and Artificial Intelligence [Electronic resource]. URL: https://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (accessed: 08.12.2021).
5. Do no harm : seven problems of legal regulation of robotics [Electronic resource]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d65246a9a79474c7e708aec> (accessed: 08.12.2021).
6. Mikhaleva E. S., Shubina E. A. Problems and prospects of legal regulation of robotics // Actual

- problems of Russian law. 2019. № 12 (109). P. 26–35.
7. Legal concept of robotization : monograph / Edited by Yu. A. Tikhomirov, S. B. Namba. M. : Prospect, 2019. [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=CMB&n=18874&req=doc#049061320082362303> (accessed: 01.12.2021).
8. Artificial intelligence and robots will be responsible for the damage caused [Electronic resource]. URL: https://soveto.ru/news/672_iskusstvennyy_intellekt_i_roboty_budut_nesti_otvetstvennost_za_prichinenny_vred.html (accessed: 12.11.2020).

Информация об авторах

М. Е. Жаглина — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Жаглин — старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. E. Zhaglina — Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

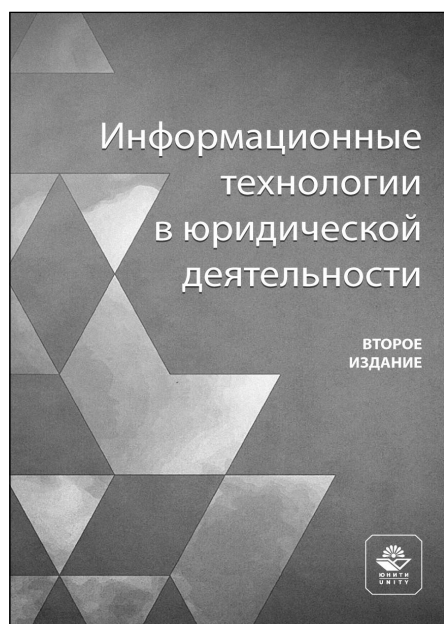
A. V. Zhaglin — Senior Teacher of the Department of Socio-Humanitarian, Economic and Law Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т.д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-79-85>

НИОН: 2003-0059-2/22-222

MOSURED: 77/27-003-2022-02-421

Объективный детерминизм и свободная воля — антиномические категории

Евгений Семенович Жигарев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена научному анализу таких антиномических понятий как «объективный детерминизм», из сущности которого исходит закономерное, predetermined преступное поведение, и «свободная воля», определяющая возможное криминальное поведение в силу наличия волевых и осознанных действий, полностью зависящих от самого человека. Противопоставляя эти две антиномические категории, автор приходит к выводу об автономии человеческой воли, производящей действия свободно в абсолютном смысле этого слова. Из-за чего можно говорить о своезаконии, о личностной закономерности, которую самоограничивает каждый индивид собственными, волевыми усилиями.

Ключевые слова: объективный детерминизм, законы диалектического материализма, идеалистические законы Гегеля, социальный детерминизм, свобода воли, тема воли в русской философии

Для цитирования: Жигарев Е. С. Объективный детерминизм и свободная воля — антиномические категории // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 79–85. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-79-85>.

Original article

Objective determinism and free will — antinomic categories

Evgenij S. Zhigarev

Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the scientific analysis of such antinomic concepts as «objective determinism», from the essence of which comes a natural, predetermined criminal behavior, and «free will», which determines possible criminal behavior due to the presence of volitional and conscious actions that completely depend on the person himself. Contrasting these two antinomic categories, the author comes to the conclusion about the autonomy of the human will, which performs actions freely in the absolute sense of the word. Because of this, we can talk about our own law, about the personal regularity that each individual self-restricts with his own volitional efforts.

Keywords: objective determinism, the laws of dialectical materialism, Hegel's idealistic laws, social determinism, free will, the theme of will in Russian philosophy

For citation: Zhigarev E. S. Objective determinism and free will — antinomic categories. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):79–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-79-85>.

Философская концепция марксистского радикального материализма утверждает объективный детерминизм (от лат. *determinare* — определять), определяющий всеобщую объективную причинность всех без исключения явлений, возникающих в физическом мире и общественной жизни. В этой связи в одном из источников, проповедующих эту сомнительную теорию, прямо указывается, что исторический материализм (а это одно из основных учений классиков марксизма)

впервые утвердил подлинный детерминизм в социальных исследованиях. «Ярким образцом детерминистического подхода к современным общественным процессам является Программа КПСС, обосновывающая... неизбежность перехода от капитализма к социализму и коммунизму» [5, с. 122] (имеется в виду Программа, принятая на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г.).

В этом легковесном умозаключении обращает на себя внимание выражение «неизбежность перехода от

© Жигарев Е. С., 2022

капитализма к социализму и коммунизму». Согласно учению об объективной и всеобщей причинности, лежащей в основе теории детерминизма, неизбежный переход к социализму должен был произойти одновременно во всех странах. Но в основу Программы положено убеждение В. И. Ленина о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Тем самым утверждение вождя социалистической революции напрочь отвергло всеобщий характер и объективность причинности, ибо разработка плана совершения революции основывалась только на умозрительном, субъективном взгляде В. И. Ленина.

Данное отступление от темы статьи было вынужденным, чтобы предметно показать несерьезность, легкомысленность учения марксизма-ленинизма с его диалектическим материализмом, являющимся до сих пор методологическим ориентиром для некоторых криминологов-материалистов.

Детерминизм, связанный с идеей о всеобщей причинной обусловленности всех явлений, имеет не только далекую историю, которая берет свое начало в древней философии, но и другой смысл, имевший место в античном атомизме. Суть этого учения состоит в проповедовании концепции о дискретном, прерывном строении материи. Но такая точка зрения материалистический марксизм не устраивала из-за ее метафизичности. Абсолютизовав идею дискретности, атомизм допускает наличие прерывности в строении «неизменной» сущности материи, так называемых «первых кирпичиков» мироздания, чем, кстати, и занимаются сегодня физики на Большом адронном коллайдере (БАК) в Швейцарии¹.

Однако тотальный, универсальный материализм, проповедующий марксистским учением, продолжает и сегодня сковывать разум криминологов, стоящих на позиции объективного детерминизма. Но даже для ученых естественных наук давно стало ясным, что материалистическая система знаний, сформировавшаяся из космо-физической картины мира (Бэкона, Галилея, Декарта, Ньютона, Лапласа, Спинозы и др.), преждевременно убрала понятие идеальной реальности и изъела параметр независимого сознания из материального мира. Космос стал описываться наполненным лишь веществом, исключая духовную энергию — информацию Мирового Разума. Физическая природа в соответствии с монистическим представлением, что в мире нет ничего, кроме материи и законов ее движения и изменения, стала бездушной и безумной. Хотя в головах радикальных материалистов вполне могли возникнуть и такие вопросы: если существуют законы развития материального мира, тогда Кто установил эти законы? Или другой пример: если закон выражает определенный порядок объективной (необходимой)

причинной связи между свойствами материальных объектов, то Кто установил такой порядок? Но, к сожалению, такие вопросы их почему-то не волнуют.

Поэтому, полагаясь на универсальность детерминизма, проповедующего объективную закономерность — причинную обусловленность всех происходящих в природе процессов, марксизм перенес эту бездушную и безумную схему и на развитие общества, внедрив термин «социальный детерминизм». Сущность подобной точки зрения понятна. Монистическое учение марксизма, пропагандирующее универсальность материи, столкнувшись с реальностью человеческого сознания, не зависящего от материи (ибо оно не материально), и объективного детерминизма, можно сказать, оказалось в тупике.

Хотя должно же быть понятным даже упертому материалисту, что общество — это разумная организация людей и объективный детерминизм с его учением о причинной обусловленности всех происходящих в физическом мире процессов здесь ни при чем. Но тогда нужно было классикам марксизма отвергнуть атеизм и признать особую субстанцию — Дух (или Разум), который есть начало всему видимому и невидимому, на что, конечно же, они не могли пойти. В этой связи они стали выискивать в идеалистических философских учениях такие положения, которые можно было бы без особого интеллектуального труда приложить к материализму. Таким трафаретом стало гегелевское учение, в частности, его идеалистические законы развития мышления. У Гегеля они сформулированы следующим образом: 1) закон перехода количества в качество и обратно; 2) закон взаимного проникновения противоположностей; 3) закон отрицания отрицания. Но эти законы, повторим вновь, касаются трансформации мысли человека.

У классиков марксизма они представлены в следующей интерпретации (версии): 1) закон перехода количественных изменений в качественные; 2) закон единства и борьбы противоположностей; 3) закон отрицания отрицания. Но они у них якобы развивают по эволюционному пути материю.

По Гегелю основной формой мышления является понятие². Понятия находятся в непрерывном движении, переходят, «переливаются» друг в друга, изменяются, развиваются, превращаются в свою противоположность, обнаруживая внутренние присущие им противоречия, которые и составляют движущую силу их развития. Развитие понятий, идей идет от абстрактного к конкретному, от одностороннего, бедного содержанием понятия к понятию все более богатому содержанием, охватывающему в единстве различные, даже противоположные, стороны.

Гегель приходит к умозаключению, что противоречие является внутренним источником развития мышления, и «смешно говорить, что его нельзя мыслить».

¹ Западные ученые-физики англичанин П. Хиггс и бельгиец Ф. Энглер, предугадавшие существование этого «кирпичика», именуемого «частицей Бога», а по-научному термином «бозоном Хиггса», в 2013 г. стали лауреатами Нобелевской премии за «теоретическое открытие механизма, который обеспечил понимание происхождения масс элементарных частиц».

² *Понятие* — одна из логических форм мышления в противоположность суждению и умозаключению, которые состоят из понятий (см.: Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 354).

В учении Гегеля о противоречии основным законом мышления объявляется закон отрицания отрицания. В этой связи вся его логическая система, состоящая из трех названных законов, является продуктом определенной ступени развития человеческого духа или разума. А если вспомнить изречение итальянского философа Аббаньяно, сказавшего, что «человек не есть разум, он может быть разумным», тогда напрашивается вывод, что реализация этих трех законов развития мышления может и не произойти. Разум — всего лишь потенция, скрытая возможность, которая может проявиться лишь при определенных условиях.

Классики марксизма переиначенные гегелевские законы представили безусловными и определили среди них главный — закон единства и борьбы противоположностей. Зачем? Объясняется этот выбор очень просто. Им необходимо было найти внутренний источник развития материи. У идеалистов, как известно, таким источником был внешний Дух, вселенский Разум, именуемый в религиях Богом. А диалектический материализм упрямо искал этот источник в самой материи, а иначе это учение потерпело бы фиаско. Поэтому и ухватились классики марксизма за эти метафизические гегелевские законы как, образно говоря, утопающий за соломинку. Взяв за основу понятие «противоположность», они наделили ее надуманными признаками: «единство» противоположных моментов, сторон предметов, означающее сплоченность, и в то же время признак «противоречие», приводящее к борьбе этих моментов, сторон предметов, исключающее сплоченность.

Признак «единство» необходим для того, чтобы объединить некие противоположные стороны всякого без исключения предмета, как явные, характеризующие его целостность; а признак «борьба» был необходимо нужен, ибо без борьбы невозможно говорить априори о развитии материи. Вот на таком мифическом законе, согласно гипотезе классиков марксизма, якобы развиваются предметы физического мира от простых форм к сложным, от неорганической к органической материи. Объективная же причинность, обуславливающая развитие, и есть борьба противоположных тенденций в самих предметах. Здесь причинность выступает не в форме взаимодействия, как у Энгельса, а в виде борьбы, которая, по Ленину, абсолютна.

Но борьба противоположных тенденций предмета будет реальной только в том случае, если, по мысли радикальных материалистов, между ними существует противоречие. Ведь реальный мир состоит из множества противоположных вещей и предметов, как и человечество из противоположных полов. Но это не значит, что между ними должна происходить борьба до сведения к нулю другой противоположности, как представляют этот процесс диалектики [1, с. 283]. Ибо тогда будет наблюдаться не развитие, а уничтожение и разрушение.

Противоречие, по мнению диалектиков, должно быть, как и борьба, абсолютным. Поэтому его внедрили в сущность отдельных предметов, из которых

состоит физическая реальность. «Природа да развивается, достигая высших своих форм, включая жизнь и мыслящую материю, не из потусторонней силы, а по причинам, *заложенным* в ней самой, в ее законах» [5, с. 130] (выд. курс. Е. Ж.). Иначе невозможно было бы даже гипотетически говорить, что из неживой материи постепенно в процессе эволюции, благодаря внутреннему противоречию появилась живая материя, из которой впоследствии развилась психика, одним из видов которой является сознание. Но Кто заложил в природу эти законы — вопрос по-прежнему остается открытым.

Таким образом, категория «противоречие», отражающая единство взаимоисключающих противоположностей, в диалектическом материализме приобрела определяющее значение. В этой связи и возникла необходимость доходчиво объяснить мифологическую сущность диалектического детерминизма, принятого криминологами на веру, объясняющего аналогичным образом развитие не только общества, но и преступного поведения людей, что является весьма странным. Но вначале — об обществе.

Во-первых, введенное классиками марксизма понятие «социальный детерминизм», согласно которому якобы объективно развивается общество, как представляется, тоже имеет определенный смысл. Если согласиться, что общество развивается по объективным законам, тогда исключается всякая ответственность вождей партий за организацию кровавых революций и переворотов, за гражданские войны, за провальные социальные программы и т. д.

Во-вторых, нужно было упразднить метафизическое сознание, существующее независимо от материи. Для этого марксизм признает за сознанием общественный характер, определяющийся материальным бытием. В этой связи он общество считает материальным образованием, развивающимся самостоятельно, без участия разумных людей, его составляющих. Лозунг классиков марксизма: «Общественное бытие определяет общественное сознание!» стал лейтмотивом в историческом материализме. Получается, что вне общества как бы и нет сознания у людей. Ибо индивидуальное сознание, по марксизму, тоже возникает в процессе труда, в процессе общественно-производительной деятельности людей: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание». «Сознание поэтому есть продукт общественного развития и вне общества не существует» [5, с. 414].

В то же время советские идеологи заявляли, что абсолютное противопоставление этих двух сторон жизни людей действительно лишь в рамках основного вопроса: что первично и что вторично. Следовательно, за пределами этого вопроса такое абсолютное противопоставление теряет смысл. Потому что сам марксизм не отрицал обладание человеком индивидуальным сознанием, согласно которому он осваивает действительность идеально. Идеальное сознание, значит, оно — не вещественно, не материальное образование. В этой связи можно предположить, что

марксизм понимал, что говорить об абстрактном общественном сознании нужно только тогда, если вначале признать индивидуальное сознание. А признание индивидуального сознания как духовной реальности ведет к вопросу: может ли социальное бытие породить духовное? Сами же криминологи признают, что подобное может порождать лишь подобное себе. Следовательно, материальное не может породить духовную категорию, связанную с сознанием и с психическим в целом. Поэтому индивидуальное сознание определяет собственное бытие, вследствие чего оно у каждого из нас разное; индивидуальное сознание отдельных людей формирует и так называемое общественное сознание, а не наоборот, как это видят криминологи-материалисты [3, с. 236].

Если материя была бы мыслящей, то ее мельчайшая частица атом, как носитель свойств какого-либо элемента, должен был бы обладать разумом, который выводил бы его на путь эволюционного развития. Но сегодняшняя наука свидетельствует, что на микроуровне эволюции не существует. В этой связи перечислим установленные факты: 1) эволюции нет на уровне клетки; 2) ее нет и на молекулярном уровне; 3) эволюции нет и на генетическом уровне (в 60-х годах 20-го столетия ученые открыли, что всё живое от бактерии до человека имеет одинаковый генетический код); 4) эволюции не может быть и потому что, как выяснилось, на каждом уровне материи определяющую роль играют свои особые, специфические законы и принципы, не выводимые из законов низших уровней; 5) сходство человека с животным чисто внешнее и биологическое, но главное — это духовное отличие, проявляющееся в его религиозности и нравственности; 6) сотворение внешнего мира не противоречит ни второму закону термодинамики, ни природному свойству мутаций, ухудшающих живые организмы. Кроме того, сотворение вытекает само себе из гипотетической теории Большого взрыва, которая изначально вызвала немало споров в среде физиков. Возникло несколько вопросов, на которые теория не может до сих пор разумительно ответить. Например, Вселенная настолько сбалансирована, что в это трудно поверить. Чтобы стать такой, ее параметры в первые моменты рождения должны быть выверены с фантастической точностью 10^{-50} . Как все это могло быть получено естественным путем? Другая загадка связана с удивительной однородностью Вселенной на гигантских расстояниях в миллиарды световых лет. Она всюду одинакова. Чем это объяснить? И еще один вопрос. Вселенная однородна в гигантских масштабах, но в ней есть галактики. Для этого на самых ранних стадиях должны быть неоднородности. Откуда они взялись? Из всех этих вопросов вытекает один, самый главный: Кто так ювелирно подогнал начальные условия Большого взрыва, чтобы получилась столь удивительная Вселенная?

Правда, около 40 лет назад советские ученые-астрофизики В. Муханов и А. Старобинский выдвинули некую теорию «инфляции». Она гласит: до Большого взрыва произошла космологическая инфляция,

которая и задала начальные условия для зарождения Вселенной. Чтобы отстроить космический механизм, хватило всего 10^{-34} секунды. Благодаря инфляции однородность Вселенной обеспечивалась автоматически с поразительной точностью.

Если даже согласиться с такой гипотезой, все равно она указывает на наличие Разума, Который через гипотетическую инфляцию обустроил Вселенную таким фантастическим образом.

Против материализма, атеизма и эволюционизма выступают и *космология*, утверждающая, что материальный мир не вечен, а имел начало (например, об этом свидетельствует теория «Большого взрыва»); и *термодинамика*, объясняющая, что количество полезной энергии в системе неизбежно уменьшается, стремясь к нулю, то есть Вселенная будет иметь конец; и *микробиология*, отвергающая случайное возникновение «простейших» одноклеточных организмов из-за их сложного строения; и *генетика*, определившая, что мутации на генетическом уровне носят лишь дегенеративный, а не прогрессивный характер; и *систематика*, показавшая, что естественный отбор направлен на сохранение старых, а не на возникновение новых признаков вида; и *палеонтология*, объявившая, что переходных звеньев нет.

В этой связи нынешняя криминологическая теория, проповедующая социальный детерминизм с его объективной причинностью, теряет свою актуальность. Теперь сложно убедить читателя и грамотного студента, что задачей криминологии является изучение причин преступности в целом как явления на уровне общего; причин отдельных видов преступности на уровне особенного и причин конкретных преступлений на уровне отдельного, единичного. Ибо проблема соотношения названных категорий диалектического материализма сама по себе надуманная советскими криминологами и для сегодняшней теории потеряла актуальность и не стала иметь никакого значения в принципе. Советская криминология к тому же извратила сущность философских категорий «общее» и «особенное», придав им не свойственный характер, возвысив их до самостоятельных явлений — неких преступных образований. Тогда как диалектический материализм, опираясь на философию Аристотеля, не считает «всеобщее» («общее») самостоятельной сущностью, изолированной от единичного. «Всеобщее», по Аристотелю, это, прежде всего, абстракции человеческого разума. В унисон этому взгляду, материалистическая диалектика повторяет: «Всеобщее существует в виде абстракции» [4, с. 91], то есть некоего умозрительного представления, отвлеченного от реальности.

И в отношении категории «особенное», к которому криминологи относят отдельные виды преступлений, диалектический материализм свидетельствует, что в реальной действительности такого вида самостоятельных явлений и предметов нет. Особенное — это и есть единичное. Каждые отдельные предметы отличаются друг от друга особенными признаками, при-

сущими только данному материальному образованию [1, с. 233].

Надуманность криминологов, приведшая к преобразованию философских категорий «общее» и «особенное» марксистской философии в самостоятельные криминологические явления, привела их к идее введения субординации причин: первого, второго и третьего класса. Хотя каждому здравомыслящему человеку, не имеющему криминологических знаний, и без того ясно, что преступления совершают люди, и причины подобных действий (как, впрочем, и иных) лежат на индивидуальном психическом уровне, то есть они связаны с психикой (душой) человека. А игнорирование человеческой души (или психики по-научному) приводит к абсурдной мысли (кстати, мысль — результат тоже психического действия), что «каждое конкретное преступление имеет социальные причины». Подобную нелепость могла породить только аналогичная мысль, что личность — категория социальная. И так везде в сегодняшней криминологии — социальное, социальное, социальное, а где же психика человека, продуцирующая его преступные действия?

Социальный детерминизм, взятый криминологией из исторического материализма, превратно толкует причинность действий индивида, исключает трихотомичность человека и пропагандирует ложную идею, что все движется по воле самой материи. Но в такой тотальной объективности никогда не будет места субъективности — психике человека, в частности, его сознанию.

Диалектический материализм хотя и считает, что «субъективность сознания выражается прежде всего в его идеальности», что, безусловно, верно. (Напомним, идеализм — философское направление, считающее основой всего существующего Дух, сознание, а не материю). Однако субъективность сознания авторы данного источника поставили в зависимость от объективной реальности. «Адекватность воспроизведения в сознании свойств, отношений объекта — определяет объективность его содержания» [1, с. 119]. А если неадекватность воспроизведения сознанием внешней объективности, следовательно, его можно считать субъективным? Получается именно так. На этом примере показана неприкрытая изощренность, когда субъективному сознанию пытаются придать объективный характер.

Кроме того, криминологи-материалисты термин «социальный детерминизм» переложили на криминологический язык, назвав «криминологическим детерминизмом», положив в его основу обоснования якобы существующих в обществе объективных криминогенных причин, обуславливающих преступность вообще и конкретных преступных действий в частности. Однако смущает не только этот термин, но и термин «криминогенные факторы», как бы свидетельствующие, что общество располагает не только лицами, совершающими преступления (они-то и есть причины), но и априори криминогенными условиями. Однако сложно согласиться с таким усмотрением, потому что все эти термины сразу же теряют свой смысл и свою значимость, если привести иную точку зрения этих же

криминологов: «...человек может подняться выше сложившихся обстоятельств, при этом для данной личности исчезнут причины и условия преступления, и оно не совершится».

Разумеется, это так. Но в таком случае нужно было продолжить разговор о свободе воли человека¹. Свобода — это всегда свобода воли. Но марксизм, объявив свободу фикцией, «бежал» от обсуждения этой темы, как черт от ладана. Потому что где дух — там свобода. А материя в принципе несвободна, ибо подчиняется закономерностям, т.е. необходимой причинной обусловленности. (Кстати, природа, по Гегелю, не развивается во времени, а лишь разнообразится в пространстве). Поэтому марксизм выступает против трихотомичности человека (тело, душа, дух), в противном случае ему пришлось бы согласиться со свободой воли человека, являющейся духовной категорией, не подчиняющейся объективному детерминизму, ибо она сама детерминант — сила, определяющая его действия.

Поэтому советские криминологи никогда не осмысливали такой феномен как свобода воли. А некоторые до сих пор руководствуются точкой зрения монистического материализма, утверждающего, что свободная воля — такая воля, которая выбирает правильно, в соответствии с объективной необходимостью [5, с. 78]. И невдомек этим криминологам, что в этом ключевом тезисе марксизма о свободе воли заключен алогизм: объективная необходимость, в соответствии с которой воля человека «свободно» выбирает правильное решение, уже определила эти решения. Здесь нет никакой свободы, а значит, и выбора, но только необходимость, закономерность.

Согласуя взаимоисключающие понятия свободы и необходимости, апологеты марксизма пишут: «Подлинно научное, диалектико-материалистическое решение проблемы свободы и необходимости исходит из признания объективной необходимости как первичного ... а воли и сознания человека как вторичного, производного» [5, 398]. В этой связи действия и поступки человека во всех случаях предопределены внешними, не зависящими от него, обстоятельствами, ведь по представлению радикальных материалистов — апологетов учения марксизма, если имеется налицо определенные причины, соответствующее следствие наступает неизбежно [1, с. 252].

При таком видении механизма преступного поведения возникает вопрос: справедлива ли наказуемость человека за несвободное проявление криминальных действий? Ведь законодатель четко определил наказуемость только тех действий, которые были волевыми и осознанными человеком. В этой связи есть необходи-

¹ Однако не нужно путать: и здесь, и далее автор говорит о свободе внутренней, метафизической, а не о внешней, объективной, о которой говорят на уличных сборищах оппозиционеры и либералы. Они имеют в виду свободу действия, за которые не несли бы никакой ответственности, но это ведет к вседозволенности, анархии и в конечном итоге нравственной деградации. Автор же говорит о свободе внутренней, которую никто не может ограничить, даже Бог. Внутренняя свобода — антипод социальному детерминизму и означает единственную власть над поступками только самого человека.

мость рассмотреть понятие «воля» и отношение к ней отечественных философов.

С возникновением в конце XIX в. психологии как самостоятельной экспериментальной науки проблематика воли стала одной из важных ее областей. Изучение воли долгое время представляло собой отдельную область психологии человека; ныне оно входит в сферу психологии мотивации и саморегуляции.

Теме свободы воли даже были посвящены диспуты в Московском психологическом обществе в 1887–1889 гг., активными участниками которых были многие отечественные философы и психологи. Например, *Л. М. Лопатин* в работе «Вопрос о свободе воли» писал, что без самодеятельности воли невозможна нравственная жизнь человека. Основную причину ошибочных толкований свободы воли он видел в отождествлении физической причинности с психической. Собственное решение проблемы у Лопатина основывалось на понимании психической причинности, предполагающей наличие «субстанционального деятеля», то есть души. По мнению Лопатина, многообразные стремления, влечения и склонности в душе человека получают определенность и сознательность благодаря усилиям воли и становятся источником действий творческих, а не физических (механических). Душа, согласно Лопатину, заключает в себе бесконечные потенции добра и зла, а свобода выбора между добром и злом полностью зависит от воли человека.

В. И. Несмелов в книге «Наука о человеке» обращал внимание на метафизическое значение вопроса о свободе воли. В этой связи он писал, что человеческая воля не может быть безусловной, а деятельность воли в условиях есть то же самое, что и деятельность по закону причинности. Парадокс (странность) свободной воли, по Несмелову, состоит в том, что свободная воля действует по силе убеждения, и тем самым она причинно обусловлена и, следовательно, несвободна. Выход из такого парадокса Несмелов видел в необходимости различать содержание убеждения, связанного с мышлением, и утверждение этого содержания волей. Несмелов считал, что свобода не принадлежит воле самой по себе, она может стать целью для воли и может быть осуществлена в жизни человека, но ее осуществление зависит от развития человека и его усилий воли.

Л. И. Шестов в работе «В фаларийском быке: Знание и свобода воли», которая позднее была включена в книгу «Афины и Иерусалим», отмечал неразрывную связь свободы воли с учением о добре и зле. Он полагал, что вся история европейской философии, начиная с Сократа, была не чем иным, как познанием добра и зла, и обернулась подчинением не только человека, но и Бога необходимым, установленным человеческим разумом. Шестов писал, что знание и добродетель парализовали нашу волю и привели нас к тому оцепенению духа, которое в бессилии и покорности видит своё совершенство.

Н. А. Бердяев в книге «О назначении человека» утверждал, что учение о свободе воли покоится на ложных предпосылках. В числе таких предпосылок Бердяев

отмечал: ошибочность представлений о воле, с помощью которой якобы совершается выбор между добром и злом; отсутствие выбора самого по себе, поскольку такой выбор изначально ограничен несколькими мотивами; связь учений о свободе воли, начиная с Аристотеля, с телеологией, подчиняющей свободу воли своим верховным целям. Полагая, что проблема свободы воли далека от подлинной религиозно-этической темы свободы, Бердяев писал: «... настоящее освобождение человека происходит от благодати, а не от свободы воли; человек свободен, когда ему не надо выбирать».

С. Л. Франк в книге «Реальность и человек» обсуждал вопрос о свободе воли в связи с общей проблемой отношения греха и свободы. Соглашаясь с французским философом А. Бергсоном, который отличал свободу воли от свободы выбора, Франк критиковал традиционное воззрение, которое объясняло происхождение первородного греха из свободной воли. По мнению Франка, свобода не может быть греховной, поскольку она дана человеку Богом и обозначает единство человека с Богом. Хотя воля человека автономна, считал он, ее осуществление есть выражение свободного выполнения воли Божией, действия Бога через человека.

Вместе с тем Франк признавал, что грех имеет отношение к свободе человека. Возникшую антиномию (то есть противоречие) он излагал следующим образом: «Грех не есть итог свободы... и вместе с тем грех, предполагая ответственность человека, тем самым предполагает в каком-то смысле его свободу». Выход из этой антиномии Франк видел в разработке учения об иной, или второй, свободе, которую он усматривал в «безосновной спонтанности», т.е. лишенной внутренних причинных оснований, а по сути связывал «безосновность» с силами человеческой души.

И. А. Ильин на вопрос, как возможна свобода воли человека, если она подчинена воле Божией, отвечал, что нет смысла говорить о свободе в значении индетерминизма (то есть он считал ошибочной попытку выводить свободу воли из самопроизвольности, спонтанности), так как такой воли ни у кого нет, и никогда не было. Только воля, подчиненная духу, в составе цельного религиозного акта, по мнению Ильина, способна изменить жизнь человека и наполнить ее духовным смыслом.

По убеждению Ильина, свобода не дана человеку в качестве абсолютной независимости, но задана как сила, освобождающая от зла. Это освобождение непосредственно связано с личной судьбой человека, с его молитвой, умением читать в своей жизни Божии смыслы и творить волю Божию, исполнение которой обязательно предполагает борьбу с соблазнами и искушениями [2, с. 315–319].

Из приведенного текста, показывающего точки зрения известных русских философов на проблему свободы воли, можно с уверенностью сказать, что эта метафизическая тема неподъемна даже для великих мыслителей из-за ее трансцендентной сущности. Однако для криминологов должно быть ясным одно, что человеческая воля, как духовная способность, всегда является свободной волей. В этой связи человек может

выбирать среди многих мотивов даже такой мотив, который противоречит его жизненным потребностям.

Проблема свободы воли в истории философии усложнялась и тем, что многие мыслители пытались вывести из сущности свободы долг человека, стремились или вообще не употреблять понятие «свобода», или употреблять, ограничив его определенным образом. Но долг никогда не может вытекать из самой свободы, а только из этических соображений. Будучи не ограниченной по своей сущности, свобода как раз должна предполагать этику (мораль), чтобы сделать людей неограниченно ответственными за все то, что они делают [6, с. 406].

Итак, из сказанного напрашивается следующий вывод. Воля человека как духовная категория не может не быть свободной. Если свобода воли в своих действиях ограничена хотя бы одним требованием объективной необходимости, то она вообще не может называться свободной. Следовательно, обрисованная позиция воплощается в концепцию автономии человеческой воли, свободной в абсолютном смысле этого слова, ибо, по мысли шотландского теолога Иоанна Дунса Скота, свобода составляет глубинную внутреннюю сущность воли, перед которой замирает даже Божия воля: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3:20).

Это Божие откровение заставляет каждого человека задуматься — не слишком затянулось во времени его противостояние с Богом, не пора ли наконец отворить двери своей души и впустить в нее Господа Бога. Потому что лишь соблюдение христианских ценностей может снизить уровень преступности даже в отдельно взятой стране, ибо только духовность и нравственность являются залогом победы добра над злом.

Список источников

1. Диалектический материализм : учебное посо-

бие / под ред. А. П. Шептулина. М. : «Высш. школа», 1974.

2. Казарян А. Т. Тема воли в русской философии // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX.
3. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г. А. Аванесов и др.]; под ред. Г. А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
4. Материалистическая диалектика : краткий очерк теории / П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский и др. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1985.
5. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М. : Политиздат, 1963.
6. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2003.

References

1. Dialectical materialism : a textbook / edited by A. P. Sheptulin. M. : «Higher School», 1974.
2. Kazaryan A. T. The theme of will in Russian philosophy // Orthodox Encyclopedia. M. : Church Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2005. Vol. IX.
3. Criminology : textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / [G. A. Avanesov et al.]; edited by G. A. Avanesov. 6th ed., reprinted and additional. M. : UNITY-DANA, 2015.
4. Materialistic dialectics : a brief outline of the theory / P. N. Fedoseev, I. T. Frolov, V. A. Lektorsky et al. 2nd ed., supplemented. M. : Politizdat, 1985.
5. Philosophical Dictionary / edited by M. M. Rosenthal and P. F. Yudin. M. : Politizdat, 1963.
6. Philosophical Encyclopedic Dictionary. M. : INFRA-M, 2003.

Информация об авторе

Е. С. Жигарев — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН).

Information about the author

E. S. Zhigarev — Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-86-89>

NION: 2003-0059-2/22-223

MOSURED: 77/27-003-2022-02-422

Краткий анализ некоторых проблемных вопросов взяточничества

Руслан Михайлович Жиров¹, Алена Аслановна Клишева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

¹ dzhir-ruslan@mail.ru

Аннотация. Проведен краткий анализ проблемных вопросов взяточничества, связанных с определением и правильным (логичным) соотношением между собой родового и видового объектов взяточничества (и иных должностных преступлений); с определением числа так называемых «самостоятельных» преступлений, относящихся к взяточничеству (видов взяточничества); с возможностью включения в действующее уголовное законодательство России терминов «мздоимство» и «лихоимство», применявшихся в дореволюционном российском уголовном законодательстве; с дифференциацией ответственности за взяточничество; с определением предмета взяточничества.

Ключевые слова: взяточничество, виды, проблемы, объект преступления, предмет взяточничества, «мздоимство», «лихоимство», ответственность, дифференциация

Для цитирования: Жиров Р. М., Клишева А. А. Краткий анализ некоторых проблемных вопросов взяточничества // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 86–89. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-86-89>.

Original article

A brief analysis of some problematic issues of bribery

Ruslan M. Zhironov¹, Alyona A. Klisheva²

^{1,2} Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Russia

¹ dzhir-ruslan@mail.ru

Abstract. A brief analysis problematic issues of bribery related to the definition and the correct (logical) relationship between a generic and the species of objects bribery (and other positions crimes) is given; with the definition of the number of so called «independent» crimes related to bribery (types of bribery); with the option of inclusion in the current Russian criminal law terms «bribery» and «extortion» is used in the pre-revolutionary Russian criminal legislation; with the differentiation of responsibility for bribery; with the definition of the subject of bribery.

Keywords: bribery, types, problems, object of crime, subject of bribery, «bribery», «extortion», responsibility, differentiation

For citation: Zhironov R. M., Klisheva A. A. A brief analysis of some problematic issues of bribery. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):86–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-86-89>.

Вначале следует отметить, что, на наш взгляд и по справедливому мнению всех (подавляющего большинства) теоретиков уголовного права, взяточничество является самой опасной и самой распространенной формой коррупции (одной из них).

Несмотря на то, что исследованию различных проблемных вопросов, касающихся взяточничества, по-

священо значительное число научных работ: монографий, диссертаций и публикаций (статей), по многим из них у теоретиков уголовного права нет единства, в силу различия в их видении данных проблемных вопросов, касающихся взяточничества, и степени аргументированности их суждений и выводов, вытекающих из них.

В данном исследовании, проведенном в краткой (лаконичной) форме, покажем собственное видение по разрешению некоторых проблемных вопросов взяточничества и аргументируем свою позицию, опираясь на логику мышления и мнения других юристов.

Для краткого анализа были выбраны проблемные вопросы взяточничества, связанные:

- с определением и правильным (логичным) соотношением между собой родового и видового объектов взяточничества (и иных должностных преступлений);
- с определением числа так называемых «самостоятельных» преступлений, относящихся к взяточничеству (видов взяточничества);
- с возможностью включения в действующее уголовное законодательство России терминов «мздоимство» и «лихоимство», применявшихся в дореволюционном российском уголовном законодательстве;
- с дифференциацией ответственности за взяточничество;
- с определением предмета взяточничества.

Начнем с анализа проблемных вопросов взяточничества, связанных с определением и правильным (логичным) соотношением между собой родового и видового объектов взяточничества (и иных должностных преступлений).

Согласно традиционному подходу, существующему в теории уголовного права, видовой объект преступления всегда уже (иногда равен — в разделах Особенной части УК РФ, состоящих только из одной главы: разделы XI, XII) и является частью родового объекта. Соответственно родовый объект преступления шире (иногда равен — в разделах Особенной части УК РФ, состоящих только из одной главы: разделы XI, XII) видового объекта, но никак не может быть уже последнего.

При простом визуальном исследовании (прочтении) названия главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» очевидно, что оно шире названия раздела X «Преступления против государственной власти», что на наш взгляд является ошибкой законодателя, до сих пор им не устраненной.

Считаем, что название раздела X нужно привести в соответствие с содержащимися в нем нормами, об этом говорят и пишут многие теоретики уголовного права, среди которых выделим П. С. Яни [4].

На наш взгляд удачным будет следующее название раздела X — «Преступления против аппарата публичного управления», так как в аппарат публичного управления входят и государственная власть, и государственная служба, и органы местного самоуправления.

Далее перейдем к анализу проблемных вопросов взяточничества, связанных с определением числа так называемых «самостоятельных» преступлений, относящихся к взяточничеству (видов взяточничества).

С принятием федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ в действующее уголовное законодательство были внесены довольно значительные изменения, касающиеся норм о взяточничестве, вместо трех норм в результате появления (криминализации) еще одной нормы их стало четыре:

- мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ — введена федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ);
- дача взятки (ст. 291 УК РФ);
- посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ);
- получение взятки (ст. 290 УК РФ).

На наш взгляд, следует особо выделить то, что мелкое взяточничество не является и не может являться «самостоятельным» видом взяточничества, а всего лишь служит критерием дифференциации (в зависимости от размера взятки) уголовной ответственности за взяточничество [2, с. 67–68]. Об этом речь пойдет чуть позже.

При этом считаем, что выделение нормы о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ) явилось позитивным шагом в деле дальнейшего совершенствования действующего уголовного законодательства, направленного на смягчение наказания за преступления небольшой тяжести, их совершение.

Следующими краткому анализу будут подвержены проблемные вопросы взяточничества, связанные с дифференциацией ответственности за взяточничество.

Отметим, что в зависимости от размера взятки (критерия дифференциации) уголовная ответственность может быть дифференцирована за взяточничество следующим образом:

- до десяти тысяч рублей включительно — ответственность за мелкое взяточничество;
- свыше десяти тысяч рублей, но не более двадцати пяти тысяч рублей — ответственность за «простое» взяточничество;
- свыше двадцати пяти тысяч рублей, но не более ста пятидесяти тысяч рублей — ответственность за значительный размер взяточничества;
- свыше ста пятидесяти тысяч рублей, но не более одного миллиона рублей — ответственность за крупный размер взяточничества;
- свыше одного миллиона рублей — ответственность за особо крупный размер взяточничества.

В качестве иных критериев дифференциации уголовной ответственности за взяточничество кроме раз-

мера взятки выступают:

- незаконность действий (бездействия) должностного лица — получателя взятки;
- специальный субъект получения взятки, указанный в ч. 4 ст. 290 УК РФ:

а) лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации;

б) лицо, занимающее государственную должность субъекта Российской Федерации;

- в) глава органа местного самоуправления;
- совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- вымогательство взятки.

В действующем уголовном законодательстве России уголовная ответственность за взяточничество дифференцирована (главным образом) в зависимости от размера взятки, в отличие от уголовного законодательства большинства зарубежных стран, в которых дифференциация ответственности за взяточничество проводится в зависимости от того, кто является субъектом взяточничества.

Теперь приступим к анализу проблемных вопросов взяточничества, связанных с возможностью включения в действующее уголовное законодательство России терминов «мздоимство» и «лихоимство», применявшихся в дореволюционном российском уголовном законодательстве.

В этой связи следует обратить внимание на достаточно интересные суждения А. В. Ковалева, изложенные в научной статье «Мздоимство» и «Лихоимство» как критерии дифференциации ответственности за взяточничество» [1], о включении в действующее уголовное законодательство России термина «лихоимство» — формы взяточничества, связанной с незаконностью действий (бездействия) получателя взятки, применявшегося в дореволюционном российском уголовном законодательстве, и выделении его, «лихоимства», в качестве «самостоятельного» вида взяточничества.

И все-таки, на наш взгляд, правильнее считать, что незаконность действий (бездействия) должностного лица — получателя взятки является особо квалифицирующим признаком взяточничества.

Далее исследуем проблемные вопросы взяточничества, связанные с определением предмета взяточничества.

Из анализа норм действующего уголовного законодательства России можно заключить, что в качестве предмета взяточничества выступают:

- деньги (рубли и иностранная валюта: фунты стерлинги, евро, доллары, йены и т. д.);
- ценные бумаги (векселя, чеки, облигации и др.);
- иное имущество (мотоциклы, автомобили, яхты, квартиры, дома и т. д.);
- незаконное оказание услуг имущественного

характера (бесплатное проживание в отеле, бесплатный ремонт поврежденного автомобиля, бесплатная стрижка у парикмахера и т. д.);

- предоставление иных имущественных прав (незаконная выдача справки о пожизненной инвалидности первой или второй группы, незаконная выдача ордера на жилье детям должностного лица и другие).

Отсюда следует вывод, что взятка всегда материальна (имущество, включая деньги и ценные бумаги, услуги имущественного характера, предоставление иных имущественных прав) [3].

Согласно статей 15, 16, 18, 21 Конвенции против коррупции предмет взяточничества значительно шире — любое недолжное вознаграждение, включающее в себя кроме имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав, и нематериальное вознаграждение (например, помощь при поступлении в Вуз члену (дочери, сыну) семьи должностного лица). Очевидно, что данное несоответствие необходимо разрешить, включив в предмет взяточничества «любое недолжное вознаграждение», тем самым расширив его.

Подводя итоги краткого анализа некоторых проблемных вопросов взяточничества, сделаем следующие выводы:

Предлагаем изменить название раздела X УК РФ на «Преступления против аппарата публичного управления», так как в аппарат публичного управления входят и государственная власть, и государственная служба, и органы местного самоуправления.

Мелкое взяточничество не является и не может являться «самостоятельным» видом взяточничества, а всего лишь служит критерием дифференциации (в зависимости от размера взятки) уголовной ответственности за взяточничество. При этом считаем, что выделение нормы о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ) явилось позитивным шагом в деле дальнейшего совершенствования действующего уголовного законодательства, направленного на смягчение наказания за преступления небольшой тяжести, их совершение.

В действующем уголовном законодательстве России уголовная ответственность за взяточничество дифференцирована (главным образом) в зависимости от размера взятки, в отличие от уголовного законодательства большинства зарубежных стран, в которых дифференциация ответственности за взяточничество проводится в зависимости от того, кто является субъектом взяточничества.

Предлагаем предмет взяточничества, закрепленный в нормах действующего уголовного законодательства России, расширить, включив в него «любое недолжное вознаграждение», тем самым, приведя в соответствие с нормами Конвенции против коррупции.

Список источников

1. Коваль А. В. «Мздоимство» и «Лихоимство» как критерии дифференциации ответственности за взяточничество // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99) февраль. С. 119–129.
2. Никонов П. В. Некоторые проблемы квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 67–74.
3. Элекина С. В. Предмет взяточничества по современному уголовному праву России // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 159–165.
4. Яни П. С. Взятничество : понятие и объект // Вестник Московского университета. Серия. 11. Право. 2016. № 1. С. 67–78.

References

1. Koval A. V. «Bribery» and «Extortion» as criteria for differentiating responsibility for bribery // Actual problems of Russian law. 2019. № 2 (99) February. P. 119–129.
2. Nikonov P. V. Some problems of qualification of petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Siberian Legal Bulletin. 2018. № 3 (82). P. 67–74.
3. Elekina S. V. The subject of bribery in modern criminal law of Russia // Legal Bulletin of Samara University. 2018. Vol. 4. № 4. P. 159–165.
4. Yani P. S. Bribery : concept and object // Bulletin of the Moscow University. Series. 11. Law. 2016. № 1. P. 67–78.

Информация об авторах

Р. М. Жиров — заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. Клишева — магистрант магистерской программы «Уголовное право, криминология» направления 40.04.01 «Юриспруденция» кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова.

Information about the authors

R. M. Zhirov — Head of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Candidate of Law, Associate Professor;

A. A. Klisheva — Master's student of the Master's program «Criminal Law, Criminology» of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 17.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-90-93>

NION: 2003-0059-2/22-224

MOSURED: 77/27-003-2022-02-423

Становление дисциплинарных правоотношений в советской милиции в 1917–1919 годах

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vz1511982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов становления органов внутренних дел в 1917–1919 годах. В работе изучаются исторические предпосылки создания нормативных правовых актов, регламентирующих дисциплинарные отношения в системе советской милиции, как особом виде государственной службы, реализуемом в правоохранительной сфере. Анализируются материальные и процессуальные нормы, регламентирующие стадии и порядок производства по делам о дисциплинарных проступках, содержащиеся в дисциплинарных уставах Красной армии и рабочей милиции.

Ключевые слова: дисциплина, милиция, принуждение, трудовые отношения, государственная служба, дисциплинарный устав

Для цитирования: Журавлев В. В. Становление дисциплинарных правоотношений в советской милиции в 1917–1919 годах // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 90–93. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-90-93>.

Original article

Formation of disciplinary legal relations in the Soviet militia in 1917–1919

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, vz1511982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of internal affairs bodies in 1917–1919. The paper examines the historical prerequisites for the creation of normative legal acts regulating disciplinary relations in the Soviet police system, as a special type of public service implemented in the law enforcement sphere. The material and procedural norms regulating the stages and procedure of proceedings in cases of disciplinary offenses contained in the disciplinary statutes of the Red Army and the workers' militia are analyzed.

Keywords: discipline, police, coercion, labor relations, public service, disciplinary statute

For citation: Zhuravlev V. V. Formation of disciplinary legal relations in the Soviet Militia in 1917–1919. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):90–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-90-93>.

Февральскую революцию 1917 года можно назвать отправной точкой создания советской милиции, которая пришла на смену царской полиции, когда постановлением Временного правительства в марте 1917 года были ликвидированы Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов. Новую государствен-

ную структуру, призванную решать вопросы охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, назвали «народной милицией». Работу созданного органа правопорядка на первоначальном этапе трудно было назвать эффективной, что обуславливалось с одной стороны оперативностью его создания, а с другой

стороны кадровым составом, поскольку значительную часть милиции составляли студенты и другие сторонники буржуазно-демократической революции, не имеющие ни опыта правоохранительной деятельности, ни экипировки и оружия. Параллельно с «народной милицией» большевиками создается альтернативная «рабочая милиция», которые на первоначальном этапе действуют во многих вопросах обеспечения порядка совместно, но преследуя между тем различные политические цели [3, с. 92]. Работу деятельности отрядов милиции и ее эффективность, можно оценить высказыванием Л. Д. Троцкого, который, описывая события лета 1917 года, в своей книге писал: «печать обвиняла милицию в насилиях, в реквизициях и незаконных арестах. Несомненно, что милиция применяла насилие: именно для этого она и создавалась. Преступление её состояло, однако, в том, что она прибегала к насилию по отношению к представителям того класса, который не привык быть объектом насилия и не хотел привыкать» [4, с. 406].

Конец двуначалию и неопределенности в деятельности милиции положила Октябрьская революция. Уже на третий день наркомом внутренних дел А. Рыковым издается лаконичный декрет [1], который возложил на Советы рабочих и солдатских депутатов обязанность учредить «рабочую милицию», обеспечив ее всем необходимым для решения поставленных перед ней задач. Таким образом, к концу 1917 года подразделения милиции, создаваемые Советами, по своей сути являлись вооруженными формированиями на добровольной основе. Описывая организацию и деятельность рабочей милиции в первые месяцы после Октябрьской революции, А. И. Семенов справедливо отмечает, что она сочетала в себе как государственные (создание органами власти), так и не государственные черты (отсутствие четкой кадровой политики) и основывалась на принципах отказа от формирования подразделений на профессиональной основе, добровольности и классовости при приеме на службу [3, с. 92]. Их фактическое воплощение привело к тому, что отряды «рабочей милиции» начали повсеместно принимать людей, которые еще совсем недавно стояли по другую сторону правоохранительной деятельности, а их принципы были далеки от необходимости соблюдения служебной дисциплины, законности и уважения прав и свобод других граждан советского государства. На практике это стало причиной вспышки преступности и явилось серьезным вызовом для молодой советской власти. Уже в начале 2018 года абсолютно очевидным становится факт неэффективности деятельности рабочей милиции в существующем виде и необходимости принятия кардинальных управленческих мер, направленных на решение накопившихся проблем, связанных с ее организационным построением и кадровой составляющей. Несмотря на это разработка ор-

ганизационно-правовых основ деятельности рабочей милиции шла довольно медленно. Первой попыткой нормативного закрепления дисциплинарных правоотношений государственных служащих, выполняющих правоохранительные функции, следует считать Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной армии (далее — ДУ РККА), утвержденный ВЦИК 30 января 1919 г., который первоначально распространял свое действие и на рабочую милицию [2, с. 4]. Этот документ, будучи прообразом будущих дисциплинарных уставов, впервые закрепил понятие воинской дисциплины и элементов, лежащих в ее основе: соблюдение требований законов, обязательное исполнение служебных приказов комиссаров и начальников, добросовестное исполнение служебных обязанностей, недопустимость игнорирования дисциплинарных проступков [2, с. 7]. Нельзя не отметить, что текст ДУ РККА был типичным для нормативно-правовых актов того времени, а его сухая юридическая терминология изобиловала идеологическими формулировками, призывающими военнослужащих к беззаветной преданности и необходимости принесения «самых тяжелых личных жертв» для поддержания служебной дисциплины, а также сопряженных с ней воинского духа и воинской чести. Несмотря на это, ДУ РККА официально закрепил большое количество положений, в значительной степени сохранившихся до настоящего времени: правила ношения форменного обмундирования, обязанность поддерживать необходимый уровень теоретических знаний и практических навыков, охраны государственной тайны и пр. Не безынтересным представляется подход к карьерному росту военнослужащих: «тот, кто больше знает и делает, будет поставлен начальником» [2, с. 9]. Важно отметить, что, ставя во главу дисциплины обязанность выполнения приказа командира, ДУ РККА прямо возлагает на него ответственность за последствия исполнения отданного приказа.

Подчеркивая важную роль дисциплины среди военнослужащих, ДУ РККА разделяет их противоправные деяния на преступления и маловажные проступки. При выявлении первых командирам, под страхом ответственности, было запрещено их игнорировать, обязательно предавая преступников суду. Ко второй группе относились дисциплинарные правонарушения, представляющие собой незначительные упущения по службе, вызванные небрежным или нерадивым отношением военнослужащего к своим обязанностям, совершенные «без злого умысла и не наносящие серьезного ущерба делу» [2, с. 12], то есть с неосторожной формой вины и не сопряженные с причинением существенного вреда правоотношениям, регулируемым и охраняемым дисциплинарным уставом. Следует отметить, что возбуждение дисциплинарного производства, как форма реагирования командира на соверше-

ние дисциплинарного проступка, являлась его правом, а не обязанностью в отличие от уголовно наказуемого деяния. Виды предусмотренных ДУ РККА дисциплинарных наказаний с одной стороны являлись достаточно традиционными для дисциплинарного права, а с другой стороны определялись спецификой военной службы. Среди «классических» дисциплинарных наказаний можно выделить проведение индивидуальной профилактической работы в виде напоминания, предостережения или внушения и объявление выговора (в устной форме в строю или посредством издания письменного приказа). К специальным дисциплинарным взысканиям можно отнести следующие: наряды вне очереди, запрет на покидание расположения части или принудительное помещение в казарму, перевод на нижестоящую должность. Следует отметить, что приведенный перечень мер дисциплинарного воздействия не являлся исчерпывающим, предоставляя командирам право применять «иные меры репрессивного воздействия, которые будут вытекать из условий и обстоятельств и не будут противоречить духу и характеру Красной армии» [2, с. 12]. Разделяя поведение военнослужащего на службе и в быту, ДУ РККА закрепил создание ротных товарищеских судов, которым было подведомственно рассмотрение дисциплинарных дел, по фактам совершения проступков, носящих житейский характер. Кроме того, дисциплинарный устав достаточно подробно регламентировал порядок их организации, состав суда и срок действия полномочий его членов, устанавливал базовые принципы (гласность судебного следствия, тайность судебного совещания) и процессуальный порядок рассмотрения, исполнения и обжалования решений по делам о дисциплинарных проступках.

22 августа 1919 года утверждается Дисциплинарный устав для служащих Советской Рабоче-Крестьянской милиции (далее — Дисциплинарный устав), содержание которого, в сравнении с ДУ РККА, являлось весьма лаконичными и содержало три главы: общие положения, дисциплинарные взыскания и порядок наложения дисциплинарных взысканий. Дисциплинарный устав, в отличие от ранее исследованного документа, не содержал развернутого понятийного аппарата, раскрывающего сущность дисциплины в органах милиции, видов проступков, совершение которых предполагало его применений, и процессуальной составляющей дисциплинарного производства. Вместе с лишением довольно важных, по нашему мнению, разделов дисциплинарный устав полностью освободился и от идеологической составляющей. Рассматривая его содержание, выделим основные, наиболее важные элементы. Во-первых, в отличие от ДУ РККА, перечень дисциплинарных взысканий, закрепленных, в Дисциплинарном уставе, являлся исчерпывающим. Несмотря на в целом аналогичный перечень мер дисциплинарного воздей-

ствия в милиции впервые законодательно закрепляется взыскание в виде увольнения со службы, что предполагает становление работы по подбору и расстановке кадров. Во-вторых, делается попытка закрепления образа обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Так, должностным лицам милиции при наложении взыскания следовало устанавливать степень вины сотрудника, оценивать длительность прохождения им службы, наличие ранее наложенных дисциплинарных взысканий и иных обстоятельств совершения деяния [2, с. 18]. В-третьих, закрепляется не только принцип учета наложенных дисциплинарных взысканий путем их занесения с специальный журнал, но и заполнение и направление ежемесячного отчета, что можно считать первоисточником учетно-аналитической работы кадровых подразделений органов внутренних дел. В-четвертых, помимо ранее отмеченных мер дисциплинарного наказания в Дисциплинарном уставе закрепляется особый вид психологического и административного воздействия на сотрудников рабочей милиции — занесение на «черную доску», который являлся одним из элементов агитационно-пропагандистской работы, активно применяемый в Советском государстве в 20–30 года XX столетия. В соответствии с пунктом 15 Дисциплинарного устава основанием для занесения на «черную доску» (в особый список) являлось совершение грубого или особо позорного проступка, сопряженное с последующим увольнением сотрудника милиции. Сформированные списки, с указанием проступка, послужившего основанием к увольнению, распространялись по всей губернии и направлялись в Главное Управление Советской Милиции. Применение подобной меры следует считать, пожалуй, наиболее серьезным видом дисциплинарного взыскания, поскольку для таких лиц вводились правоограничения, препятствующие трудоустройству и, как следствие, возможности заработка. Более того, активно применялась практика занесения в «черные списки» целых населенных пунктов, в отношении которых фактически вводились меры от экономической блокады до прямых репрессий, ставившие проживавших там людей на грань выживания [5].

Таким образом, подводя итоги первого этапа становления дисциплины в органах внутренних дел, отметим, что он начинался в условиях практически полного отсутствия здоровой кадровой политики, связанной с отбором кандидатов на службу в органы внутренних дел, в сочетании с необходимостью соблюдения идеологических постулатов, привнесенных Октябрьской революцией. Неверность такого подхода стала вскоре очевидной для руководства молодого Советского государства и привела к формированию первых дисциплинарных уставов, призванных решить внутриорганизационные вопросы в деятельности органов правопорядка, установить понятие служебной

дисциплины, основания для возбуждения, этапы и процессуальные особенности дисциплинарного производства в отношении сотрудников милиции.

Список источников

1. Постановление НКВД РСФСР от 28 октября 1917 года «О рабочей милиции». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Наркомата_по_внутренним_делам_РСФСР_от_28.10.1917 (дата обращения: 20.12.2021).
2. Дисциплинарные уставы органов внутренних дел : хрестоматия / авт.-сост. Я. Л. Ванюшин. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2020.
3. Семенов А. И. Создание советской милиции // Правопорядок : история, теория, практика. № 3 (14). 2017. С. 91–96.
4. Троцкий Л. Д. «История русской революции» : В 2-х т. Т. I : «Февральская революция». М. : «Терра», 1997.
5. Державні архіви до 87-х роковин Голодомору 1932–33 років // Biochemical Medicine. 2020.

Т. 13, вып. 2. С. 117–126.

References

1. Resolution of the NKVD of the RSFSR of October 28, 1917 «on the workers' militia». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Resolution_narkomat_po_inutrenim_delam_rsfsr_ot_28.10.1917 (accessed: 20.12.2021).
2. Disciplinary statutes of internal affairs bodies : a textbook / author-comp. Ya. L. Vanyushin. Tyumen : Tyumen Institute for improving the qualification of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.
3. Semenov A. I. Creation of the Soviet militia // Law and Order : History, Theory, Practice. № 3 (14). 2017. P. 91–96.
4. Trotsky L. D. «The history of the Russian Revolution»: in 2 volumes Vol. I : «February Revolution». Moscow : Terra Publ., 1997.
5. State Archives to the 87th anniversary of the Holodomor of 1932–33 // Biochemical Medicine. 2020. Vol. 13, Ed. 2. P.117–126.

Информация об авторе

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Научная статья

УДК 343.286

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-94-96>

НИОН: 2003-0059-2/22-225

MOSURED: 77/27-003-2022-02-424

Критерии применения статьи 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений

Александра Михайловна Зарина¹, Татьяна Сергеевна Мороз²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

² Международная полицейская академия ВПА, Тула, Россия, tat.moroz2009@yandex.ru

Аннотация. На современном этапе развития уголовно-правовых отношений все чаще применяется статья 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений. В статье рассмотрены критерии определения крайней необходимости при защите лицом охраняемых экономических благ. Также обозначен механизм действия правоприменителя при реализации положений ст. 39 УК РФ.

Ключевые слова: крайняя необходимость, налоговое преступление, ущерб, критерии применения, квалификация налоговых преступлений

Для цитирования: Зарина А. М., Мороз Т. С. Критерии применения статьи 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 94–96. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-94-96>.

Original article

Criteria for the application of Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in the qualification of tax crimes

Alexandra M. Zarina¹, Tatyana S. Moroz²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² WPA International Police Academy, Tula, Russia, tat.moroz2009@yandex.ru

Abstract. At the present stage of development of criminal law relations, Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation is increasingly used in the qualification of tax crimes. The article considers the criteria for determining extreme necessity in the protection of protected economic benefits by a person. The mechanism of action of the law enforcer in the implementation of the provisions of Art. 39 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: extreme necessity, tax crime, damage, application criteria, qualification of tax crimes

For citation: Zarina A. M., Moroz T. S. Criteria for the application of Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in the qualification of tax crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):94–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-94-96>.

Решая вопросы квалификации налоговых преступлений при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, ученые говорили следующее. В. В. Мальцев определяет тот факт, что случаи квалификации налоговых преступлений при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, не подлежат оценке в качестве уголовно-правовых, в связи с тем, что мы обращаемся к нормам Общей ча-

сти уголовного права и рассматриваем происшедшее с позиции общественной полезности [8, с. 238–239]. Противоположной точки зрения придерживается В. В. Колосовский, обращая внимание на важность уголовно-правовой квалификации [7, с. 55]. В свою очередь Р. А. Сабитов говорит о том, что при квалификации деяний, учитывая положения уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность дея-

© Зарина А. М., Мороз Т. С., 2022

ния, необходимо соотнести все признаки причинения вреда, а также обстоятельств его совершения по УК РФ с признаками правомерного деяния, в результате чего исключить неправомерность действий лица [9, с. 461; 4].

Интересной является точка зрения Л. И. Александровой, которая в рамках сравнительного правоведения, обращает внимание на налоговый «обман», имеющий место в европейских государствах. Причем в качестве угрозы выступает офшорный бизнес [2].

В практической деятельности налицо ситуации, когда лицо нарушая закон, сознательно не уплачивает налоги и (или) сборы, но в силу общественной полезности его действия оцениваются как правомерные, не общественно-опасные [5, с. 31].

Существуют разные подходы к определению данной правовой категории, позиции ученых таковы: 1) это ситуация, в которой лицо ради одного блага спасает другое, более ценное на его взгляд [6, с. 124]; 2) положение лица, когда посредством причинения вреда предотвращается вред больший нежели причинен при угрозе государственным, общественным, личным интересам, при чем другими средствами устранить опасность не представлялось возможным [6, с. 47]; 3) обстановка, в которой находится лицо, столкнувшееся с реальной или будущей опасностью при угрозе общественным, государственным и личным интересам, когда для ее устранения причиняется вынужденный вред менее значимым уголовно-охраняемым правоотношениям [3, с. 25].

В качестве оценочного средства отнесения того или иного деяния к разряду налоговых преступлений выступает нанесенный ущерб, наступивший в результате невыплаты налоговых платежей. Предметом преступных деяний данной категории являются деньги, не поступившие в бюджетную систему Российской Федерации в качестве налогов и (или) сборов. И. В. Александров отмечает, что не всегда понятен алгоритм расследования правоприменительными органами данного вида преступлений: на что необходимо обращать внимание — на определенную неуплаченную в бюджет государства сумму или исследовать отдельные действия и какие критерии применять, чтобы оценивать их в качестве преступных [1, с. 134]. На самом деле не представление лицом декларации и других сопутствующих обязательных документов, а также внесение в них подложных данных не относятся к основаниям не поступления денежных сумм в казну, однако создают предпосылки для неуплаты в будущем. На самом деле налоги не уплачиваются по причине того, что субъект права не предоставляет в банковскую организацию поручение об уплате определенного вида налога в ситуации, когда на его счетах достаточное количество денежных средств для погашения долга. В случае уплаты налога в виде денежных средств в наличной форме, лицо не производит внесение на счет денег в банковскую организацию, в том числе в кассу

определенной организации органов власти, уполномоченных в сфере связи. Таким образом, налицо явное неисполнение налогоплательщиком своей прямой обязанности в установленный законом срок [6, с. 70].

Опираясь на позиции ученых, а также правоприменительную практику можно вывести несколько правовых «аксиом» применения ст. 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений.

1. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния неприменима во всех случаях квалификации налоговых преступлений.

2. В случае применения ст. 39 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности.

3. Необходимо учитывать тот факт, что правоприменительные органы исключают сам по себе факт приготовления к преступлению, в связи с чем, не представляется возможность привлечения к уголовной ответственности.

На сегодняшний день возможно выделение следующих критериев применения крайней необходимости при квалификации налоговых преступлений. Статья 39 УК РФ не подлежит применению, если денежные средства расходуются на покупку автотранспорта, предметов роскоши. Однако, когда в регионе складывается негативная социально-экономическая ситуация и предприятию необходимо выплачивать сотрудникам заработную плату, иначе растет общественное недовольство, что может повлечь за собой большой резонанс. В данной ситуации налицо обстановка, свидетельствующая о состоянии крайней необходимости.

В то же время следует отметить, что банкротство не относится к выше обозначенным обстоятельствам. Данный институт не влечет за собой вредных последствий, его предназначением является удовлетворение интересов кредиторов, а также выполнение восстановительной функции финансов организации. В случаях, когда факты неуплаты налоговых платежей имеют длительный период, мы исключаем ситуацию крайней необходимости.

Список источников

1. Александров И. В. Налоговые преступления: криминалистические проблемы расследования. СПб, 2002. 247 с.
2. Александрова Л. И. Основные особенности и проблемы выявления уклонений от уплаты налогов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Социология. Философия. Право. Актуальные проблемы правового регулирования, 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-i-problemy-vyyavleniya-ukloneniy-ot-uplaty-nalogov> (дата обращения: 25.10.2021).
3. Антонов В. Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 112с.
4. Бражников В. В. Налоговые преступления :

квалификация обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вестник Омского университета. Серия «Право» 2016 № 1 (46). С. 200. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-prestupleniya-kvalifikatsiya-obstoyatelstv-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 25.10.2021).

5. Волков В. Г. Комментарий к ст. 198 УК РФ // Налоговый вестник : Комментарий к нормативным документам для бухгалтеров. 2005. № 1. С. 31–35.
6. Ермолаева Н. А. Уголовно-правовая регламентация ответственности в сфере налогообложения : вопросы теории и практики. Дисс... на соиск. к.ю.н. Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 12.00.08. Санкт-Петербург. 2009. 207 с.
7. Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М. : Статут, 2011. 402 с.
8. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления : в 2 т. Волгоград : Волгоградская Академия МВД России, 2010.
9. Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2013. 592 с.

References

1. Alexandrov I. V. Tax crimes : forensic problems of investigation. SPb, 2002. 247 p.
2. Aleksandrova L. I. The main features and problems of detecting tax evasion // Scientific Bulletin of

the Belgorod State University. Series : Sociology. Philosophy. Right. Actual problems of legal regulation, 2017. [Electronic resource] Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-i-problemy-vyyavleniya-ukloneniy-ot-uplaty-nalogo> (date of access: 25.10.2021).

3. Antonov V. F. An urgent need in criminal law. M. : UNITI-DANA, 2005. 112 p.
4. Brazhnikov V. V. Tax crimes : qualification of circumstances excluding the criminality of the act // Bulletin of the Omsk University. Series «Law» 2016 № 1 (46). P. 200. [Electronic resource] Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-prestupleniya-kvalifikatsiya-obstoyatelstv-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya> (date of access: 25.10.2021).
5. Volkov V. G. Commentary to Art. 198 of the Criminal Code of the Russian Federation // Tax Bulletin : Commentary on regulatory documents for accountants. 2005. №. 1. P. 31–35.
6. Ermolaeva N. A. Criminal legal regulation of liability in the field of taxation: questions of theory and practice. Diss ... for the competition. Ph.D. St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 12.00.08. Saint Petersburg. 2009. 207 p.
7. Kolosovsky V. V. Theoretical problems of qualification of criminal acts. M. : Statute, 2011. 402 p.
8. Maltsev V. V. The doctrine of the object of the crime : in 2 vols. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.
9. Sabitov R. A. Theory and practice of criminal law qualification : scientific and practical guide. M. : Yurlitinform, 2013. 592 p.

Информация об авторах

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. С. Мороз — доцент кафедры психологии и педагогики Международной полицейской академии ВПА, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. S. Moroz — Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogics of the WPA International Police Academy, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-97-100>

НИОН: 2003-0059-2/22-226

MOSURED: 77/27-003-2022-02-425

Цифровой рубль — противодействие Банка России фальшивомонетничеству

Марина Сергеевна Калачева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kalacheva.marishka@gmail.com

Аннотация. Анализируются темпы роста наличных денег в общей денежной массе и статистика поддельных денежных знаков, выявленных в банковской системе России. Значительное количество наличных денег в общей денежной массе рассматривается как фактор роста экономических преступлений, в частности фальшивомонетничества.

Разбирается доклад «Цифровой рубль» Центрального банка Российской Федерации и анализируется его роль и использование в денежной системе. Проводится сравнение цифрового рубля с бумажными деньгами, а также рассматривается мировой опыт введения цифровой валюты и некоторые особенности, связанные с ее реализацией.

Ключевые слова: денежная масса, наличные денежные средства, валюта, банковская система, фальшивомонетничество, теневой интернет «dark net», цифровая валюта центрального банка

Для цитирования: Калачева М. С. Цифровой рубль — противодействие Банка России фальшивомонетничеству // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 97–100. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-97-100>.

Original article

Digital Ruble — the Bank of Russia's counteraction to counterfeiting

Marina S. Kalacheva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kalacheva.marishka@gmail.com

Abstract. The growth rate of cash in the total money supply and the statistics on counterfeit banknotes detected in the Russian banking system is analyzed. A significant amount of cash in the total money supply is considered as a factor in the growth of economic crimes, in particular counterfeiting.

The Central Bank of the Russian Federation's Digital Ruble report is examined and its role and use in the monetary system are analyzed. The digital ruble is compared with paper money, as well as the world experience of introducing a digital currency and some features related to its implementation are considered.

Keywords: supply of money, cash, currency, banking system, counterfeiting, dark web, central bank digital currency

For citation: Kalacheva M. S. Digital Ruble — the Bank of Russia's counteraction to counterfeiting. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):97–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-97-100>.

В современной денежной системе России заметно снизились темпы роста наличных денег в общей денежной массе. В 2014 году доля наличных денег в общей денежной массе составляла 22 %, когда в развитых странах этот показатель едва достигал 7–10 %. Тогда же были предприняты попытки снижения высокого уровня наличности в денежном обороте: устанавливался лимит наличных денег для хозяйственных субъектов, лимит для юридических лиц на расчёты между собой, однако эти и другие ограничения не вы-

ровняли ситуацию [1, с. 21].

За последние шесть лет доля наличных денег в общей денежной массе составила около 21 %. Такое снижение в сравнении с 2014 годом связано с тем, что безналичный денежный оборот стал составлять около 60 % совокупного денежного оборота. Тем не менее, уровень наличных денег в общей денежной массе остается достаточно высоким, потому как в силу своих уникальных характеристик, таких как независимость от специальной инфраструктуры, возможность исполь-

© Калачева М. С., 2022

зования в любых условиях, а также востребованность со стороны отдельных социальных групп, наличные деньги еще долгое время будут составлять важную часть в экономической жизни общества [2, с. 25].

Недоверие населения к банковской системе из-за политики Центрального банка, ввиду отзыва лицензий у коммерческих банков, вызывающих подозрение и усиленный контроль со стороны государства за малым и средним бизнесом, побуждающий к осуществлению деятельности за пределами системы госрегулирования, налогообложения и надзора, приводит к накоплению наличных в денежной массе, увеличивая тем самым их оборот.

В настоящее время преобладание использования наличных денежных средств наблюдается в сферах товаров и услуг и сделках купли-продажи, особенно в регионах России. Неосведомленность населения о признаках защиты банкнот, отсутствие у работников торговли необходимого технического оборудования для выявления поддельных денег, а также неспособность правоохранительных органов в полной мере противодействовать бесконтактному способу их распространения по средствам теневого интернета «dark net», позволяют большому кругу лиц заниматься преступной деятельностью и вливать огромную массу необеспеченных денежных знаков, не имеющих содержания в наличный денежный оборот [3]. Таким образом, большое количество наличности в общей денежной массе является одним из ключевых факторов роста экономических преступлений, в частности фальшивомонетничества.

Состояние научных достижений, доступность интернет-ресурсов и технологического оборудования предоставляет возможность изготавливать фальшивки достаточно высокого качества, зачастую подделку которых можно выявить, лишь обращаясь в банковские учреждения. На сегодняшний день помимо сотрудников правоохранительных органов и работников коммерческих организаций в банковской системе выявляется более 50 % поддельных денежных знаков, что подтверждает их заметный объем.

Исходя из выступления государственного и политического деятеля Э. С. Набиуллиной, в планах Центрального банка в ближайшее время произвести модернизацию банкнот таких номиналов — 10, 50, 100, 1000 и 5000 рублей, что повысит уровень их защиты от фальшивомонетничества. Уже в 2022 году запланировано введение в обращение модернизированных банкнот номиналом 1000 рублей, в 2023 — 1000 и 5000 рублей, а в 2025 — 10 и 50 рублей.

В стратегии модернизации защите купюр от подделки уделено большое внимание. Разработанный в 1997 году комплекс защиты уже не раз модернизировался и это позволило сократить количество поддельных купюр с 17 до 7 штук на 1 млн банкнот [4]. Учитывая нынешний объем выявляемых поддельных денежных знаков в банковской системе, вносимые из-

менения позволят его снизить, потому как денежные знаки ранних лет выпуска будут постепенно вытесняться из оборота современными и преступникам потребуется время, чтобы изучить новый модернизированный комплекс защиты и воспроизвести его.

Анализируя статистику поддельных денежных знаков, выявленных в банковской системе России за период с 2014 по 2020 годы, следует отметить снижение количества выявляемых поддельных денежных знаков на 40 % с 80243 до 48293 штуки.

Основными объектами посягательств стабильно были купюры номиналом 5000 и 1000 рублей. В 2018 году появились поддельные банкноты достоинством 2000 и 200 рублей, а в 2019 году проявилась тенденция к их расширению. Таким образом, за 2019 год общее количество подделок возросло на 6,9 % относительно предыдущего года и составило 41355 штук, а количество поддельных банкнот номиналом 2000 рублей составило 6,7 % от количества всех выявленных, что переместило их на третье место после банкнот номиналом 5000 и 1000 рублей. В 2020 году наблюдается своеобразный пик со скачком, количество выявленных фальшивых купюр составило 48293 штуки. По всей видимости рост подделки денежных знаков связан с тем, что ограничительные меры в период пандемии коронавирусной инфекции способствовали накоплению дополнительных запасов наличности в сбережениях населения, ввиду чего в 2020 году потребовалось выпустить в обращение рекордную сумму наличных объемом 2,8 трлн рублей, увеличив тем самым наличный денежный оборот.

Немалую тревогу вызывает выявление поддельных денежных знаков иностранных государств за указанный период. Чаще всего встречаются доллары США, евро и китайские юани, причем до 2016 года наблюдалась тенденция роста подделок, а затем в последующие годы их количество снижалось. Обращает на себя внимание, что кроме фунтов стерлингов Соединенного Королевства, Японских ейнов, которые приближались количеством к наиболее встречающимся, появились поддельные Казахский тенге, Австралийский доллар и Украинская гривна [5].

Желание уменьшить оборот наличных побудило многие страны рассматривать возможность выпуска собственных цифровых валют. На сегодняшний день 20 % из 66 Центробанков ведущих стран мира заявили о планах выпуска национальной цифровой валюты в ближайшие годы. Тренд на сокращение объема наличных в нашей стране может несколько ускориться в случае введения в обращение цифрового рубля. По мнению вице-президента регионального развития П. А. Сигала, бумажные деньги будут обмениваться на новую валюту (цифровой рубль) и таким образом выводиться из оборота, что в итоге приведет к укреплению финансовой стабильности.

В октябре 2020 года Центральный банк Российской Федерации опубликовал доклад «Цифровой

рубль». В докладе представлено видение по вопросам: что такое цифровой рубль, его роль и использование в денежной системе России. Цифровой рубль будет являться цифровой валютой Центрального банка, иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке. Передача от одного пользователя к другому будет происходить в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой [6].

Сравнивая цифровой рубль с банкнотами, стоит отметить, что он имеет уникальный цифровой код так же, как банкнота имеет серию и номер и эмитируется Центральным банком, но не имеет физического носителя и возможности использования вне реального времени. Если проводить сравнения в области защиты, то банкноты имеют определенные защитные элементы, наделенные свойствами, позволяющими без каких-либо сомнений отличать подлинные купюры от подделок [7, с. 10]. В вопросе защиты цифровых рублей все гораздо сложнее, потому как в целом она предполагает создание препятствий для любого несанкционированного вмешательства в процесс функционирования систем, а также попыток хищения, модификации, выведения из строя или разрушения их компонентов. Поэтому система защиты цифровых рублей многоуровневая, включающая механизмы автоматического выявления несанкционированных мошеннических операций с целью их дополнительного изучения, подтверждения или приостановления, а также возможностью установления лимитов на операции.

Что касается вопроса правового характера, то он потребует разрешения при внедрении цифрового рубля. В соответствии со ст. 75 Конституции РФ денежной единицей в Российской Федерации является рубль, а так как цифровой рубль не имеет натуральной формы, а будет представлять собой обязательство Банка России, то, прежде всего, его необходимо включить в перечень объектов гражданских прав и в общие положения о расчетах [8].

Осенью этого года стало известно, что Багамские острова первыми в мире внедрили цифровую валюту на государственном уровне и выделяют широкий круг преимуществ такого шага, в том числе и значительное снижение наличных в общей доле денежной массы. Центральные банки Южной Кореи, Японии, Китая и Швеции реализуют пилотные проекты запуска цифровой валюты и работают над устранением препятствий, возникающих при ее реализации. Ряд стран, таких как Австралия, Канада и США пока находятся на стадии изучения вопросов по внедрению цифровой валюты, но заявляют о повышенном интересе и работают над инфраструктурой необходимой для ее функционирования.

Стоит отметить, что тестирование цифровой валюты не означает, что регулятор запустит ее в обращение. На примере пилотного проекта Украины по выпуску «е-гривны», запущенном еще в 2016 году, модель ее экосистемы так и не была определена, в виду чего

проект был приостановлен, и о полноценном запуске говорить еще слишком рано [9].

В своем интервью управляющий фирмы в сфере управления активами «Wolfline Capital» Н. В. Долгий отмечает, что ввод цифрового рубля позволит не только уменьшить наличный денежный оборот, но и решить вопрос с необходимостью замены денежных купюр на более защищенные, ведь механизм защиты денежных знаков не обновлялся с 1977 года.

Завершая рассмотрение обозначенной темы, считаю важным отметить следующее: во-первых, большое количество наличности в общей денежной массе является одним из ключевых факторов роста фальшивомонетничества. Неконтролируемое хождение наличности в денежном обороте позволяет неограниченному кругу лиц практически безнаказанно заниматься преступной деятельностью и вливать огромную массу не обеспеченных денежных знаков, не имеющих содержания в ее денежный оборот.

Во-вторых, с введением цифрового рубля доля наличных денег в общей денежной массе снизится, что позволит Центральному банку быстро и успешно вывести из оборота оставшиеся поддельные денежные средства, затем провести модернизацию банкнот и усилить контроль за сферой товаров и услуг, предотвращая их новое вливание в наличный денежный оборот.

В-третьих, с введением цифровой валюты и со снижением наличного денежного оборота усилится противодействие фальшивомонетничеству со стороны правоохранительных органов. У них появится реальная возможность отслеживать появление и хождение в обороте поддельных купюр, тем самым усилить раскрываемость данной категории преступлений, в том числе совершаемых бесконтактным способом по средствам теневого интернета «dark net».

Таким образом, цифровой рубль может явиться защитой государства от фальшивомонетничества. Однако как показывает опыт зарубежных стран, желание регулятора снизить объем денежной массы не является гарантией, что ее рост более не возобновится. На примере Швеции, где была сделана попытка сокращения объемов наличной денежной массы, в 2017–2020 годах ее рост восстановился. Прежде всего, это связано с неготовностью общества полностью отказаться от наличных денег как гарантии их экономической безопасности.

Кроме того, уменьшение наличного денежного оборота может привести и к повышенному спросу на поддельные денежные средства и как следствие, к росту фальшивомонетничества, ввиду частого использования участниками теневого сектора поддельной валюты при расчетах за преступные сделки. Поэтому государству и Центральному банку перед введением цифрового рубля в денежный оборот необходимо учитывать всевозможные варианты развития событий и заблаговременно продумывать пути их разрешения, дабы сохранить баланс между цифровой и наличной валютой.

Список источников

1. Нуртдинов Р. М. Деньги и денежное обращение : учебное пособие. Набережные Челны : Камский издательский дом, 2010. С. 20–24.
2. Мокеева Н. Н. Деньги и денежно-кредитная система : учебное пособие / Н. Н. Мокеева, А. Е. Заборовская, В. Э. Фрайс; [под общей редакцией Н. Н. Мокеевой]: Изд-во Урал. Ун-та, 2019. С. 24–25.
3. Калачева М. С. Тактика использования теневого интернета «dark net» для бесконтактного распространения поддельных денежных средств или ценных бумаг // Российский следователь. 2021. № 10. С. 13–14.
4. Официальный сайт Центрального банка (Банка России). Основные направления развития наличного денежного обращения на 2021–2025 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/119613/onrndo_2021-2025.pdf (дата обращения: 08.12.2021).
5. Фальшивые купюры : статистика выявления поддельных денежных знаков за 2014–2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bankirsha.com/falshivuyu-kupyury.html> (дата обращения: 05.12.2021).
6. Официальный сайт Центрального банка (Банка России). Цифровой рубль. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
7. Лютов В. В. Исследование подлинности банкнот. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Кей Инфо Системс, 2008. С. 10–12.
8. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–57.
9. Цифровая валюта центральных банков: мировой опыт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://econs.online/articles/regulirovanie/>

tsifrovaya-valyuta-tsentralnykh-bankov-mirovoy-opyt/ (дата обращения: 20.12.2021).

References

1. Nurtdinov R. M. Money and money circulation : a textbook. Naberezhnye Chelny : Kama Publishing House, 2010. P. 20–24.
2. Mokeeva N. N. Money and the monetary system : a textbook / N. N. Mokeeva, A. E. Zaborovskaya, V. E. Fraiss; [under the general editorship of N. N. Mokeeva]: Ural Publishing House of Univer., 2019. P. 24–25.
3. Kalacheva M. S. Tactics of using the shadow Internet «dark net» for contactless distribution of counterfeit money or securities // Russian investigator. 2021. № 10. P. 13–14.
4. Official website of the Central Bank (Bank of Russia). The main directions of development of cash circulation for 2021–2025. [electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/Content/Document/File/119613/onrndo_2021-2025.pdf (date of circulation: 08.12.2021).
5. Counterfeit banknotes : statistics on the detection of counterfeit banknotes for 2014–2020 [Electronic resource]. Access mode: <https://bankirsha.com/falshivuyu-kupyury.html> (accessed: 05.12.2021).
6. Official website of the Central Bank (Bank of Russia). Digital ruble. [Electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (date of application: 10.12.2021).
7. Lyutov V. V. Investigation of the authenticity of banknotes. 2nd ed., reprint. and add. M. : Key Info Systems, 2008. P. 10–12.
8. Gabov A. V. The digital ruble of the central bank as an object of civil rights // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. № 4. P. 55–57.
9. Digital currency of central banks: world experience. [Electronic resource]. Access mode: <https://econs.online/articles/regulirovanie/tsifrovaya-valyuta-tsentralnykh-bankov-mirovoy-opyt/> (accessed: 20.12.2021).

Информация об авторе

М. С. Калачева — адъюнкт 2-ого года обучения кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. S. Kalacheva — Adjunct of the 2nd year of study of the Department of Operational Investigative Activity and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-101-106>

НИОН: 2003-0059-2/22-227

MOSURED: 77/27-003-2022-02-426

К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации

Николай Николаевич Карпов

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Россия, nnkarpov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы создания и деятельности российской прокуратуры, органа, наделенного государством значительными функциями и существенными полномочиями, вопросы о правовом статусе органа государственной власти, теоретически аргументируется статус прокуратуры как одной из подсистем государственной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: создание российской прокуратуры, деятельность прокуратуры, государственная власть, правовой статус органа государственной власти, прокуратура как подсистема государственной власти Российской Федерации

Для цитирования: Карпов Н. Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 101–106. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-101-106>.

Original article

On the issue of the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Nikolay N. Karpov

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nnkarpov@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of the creation and activity of the Russian prosecutor's office, a body endowed by the state with significant functions and significant powers, the legal status of a public authority, theoretically justifies the status of the prosecutor's office as one of the subsystems of the state power of the Russian Federation

Keywords: creation of the Russian prosecutor's office, activities of the prosecutor's office, state power, legal status of the public authority, prosecutor's office as a subsystem of the state power of the Russian Federation

For citation: Karpov N. N. On the issue of the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2): 101–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-101-106>.

В январе текущего года прокуратура России отметила свой трехсотлетний юбилей. История свидетельствует, что в этот период прокуратура Российской империи, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и, наконец, Российской Федерации переживала разные времена: от придания ей статуса «ока государева» и высшего надзорного органа в стране, до полной ее ликвидации (временной) в первые годы советской власти. Однако как раз именно этот пример (возрождения уже советской прокуратуры в 1922 году, по интересному стечению обстоятельств в 2022 году прокуратура отмечает как свой трехвековой юбилей, так и столетие советской прокуратуры) дополнительно подчеркивает значимость для государства (и общества) функционирования проку-

ратуры, как органа обеспечения законности, защиты прав и свобод граждан, охраняемых законом интересов общества и государства.

Рассматривая проблематику правового статуса прокуратуры Российской Федерации с учетом современных реалий представляется возможным взять за основу позиционирование его на уровне подсистемы государственной власти Российской Федерации.

Так, в соответствии со ст. 10, 11 Конституции Российской Федерации государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Государственная власть в стране осуществляется Президентом Российской Федерации, Федеральным Собранием, Правительством и судами Российской Феде-

© Карпов Н. Н., 2022

рации.

М. В. Баглай и В. А. Туманов предложили называть такие элементы власти основными подсистемами государственной власти [2, с. 46].

Представляется не только вполне уместным, но и обоснованным наделение Конституцией РФ отдельных государственных органов Российской Федерации правовым статусом подсистем государственной власти, которые не могут быть отнесены к президентской, законодательной, исполнительной и судебной власти, но могут функционировать совместно с ними, обеспечивая с учетом требований современного общественного развития их необходимое дополнение.

Таким образом, за счет включения в систему государственной власти дополнительных органов (подсистем) государственной власти:

а) осуществляется дополнительный взаимный перекрестный контроль за деятельностью каждой из подсистем государственной власти;

б) государственные функции необходимо дополняются с учетом потребностей общественного развития;

в) достигаются дополнительные согласованность и полнота деятельности государственного механизма в рамках общественного устройства России.

На наш взгляд, прокуратура России в полной мере может быть отнесена к одной из подсистем государственной власти России.

Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных — так уважительно именовал великий российский государь Петр I первого российского Генерал-прокурора П. И. Ягужинского, представляя его Сенату.

Впервые правовой институт прокуратуры стал известен миру почти полтысячелетия назад. «*Le jeu de руа*» — «людьми короля» называли французских прокуроров тех времен.

Таким образом, изначально должность прокурора, как в нашей стране («око государево»), так и за рубежом приближалась к верховной государственной власти, наделаясь особыми государственными полномочиями.

Прокуратура в России была создана в соответствии с Указом Петра I от 12 января 1722 г. («быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать генерал-прокурору»), как орган наблюдения за законностью действий должностных лиц и охраны государственных интересов [6, с. 182–183].

27 апреля 1722 г. Петр I издает Указ «О должности Сената». В Указе государь четко прописывал роль и место прокуратуры в решении государственных дел. Так ст.ст. 9, 10 Указа гласили буквально следующее: «А ежели кто из членов Сената так чинить не будет, или что приговаривать будет неправо, то генерал-прокурору о том им предлагать, чтоб они то чинили

так, как надлежит, без страсти, напоминая им то, что всегда подобает Сенату иметь о монаршеской и государственной пользе неусыпное попечение и доброе простирать и все, что вредно может быть, всемерно отвращать (ст. 9). А ежели кто не послушает, то генералу прокурору, того дела не допуская до вершения, доносить нам, как о том в должности ему написано» (ст. 10) [6, с. 192].

Таким образом, основатель российской прокуратуры заведомо ставил ее над высшим (после царя) органом государственной власти, наделяя ее существенными властными надзорными полномочиями в отношении органов государственной власти. Это замечание важно именно при рассмотрении вопроса о месте прокуратуры России в системе государственной власти в настоящее время, поскольку свидетельствует о первоначальном замысле Петра I создать прокуратуру как независимый даже от высших государственных инстанций орган власти, дистанцированный от них и имеющий целью путем осуществления высшего надзора контролировать эту власть и заботиться об общественном благе, предотвращая правонарушения.

Указ предписывал генерал-прокурору «смотреть над всеми прокурорами, дабы в своем звании истинно и ревностно поступали ... Генерал и оберпрокуроры ничьему суду не подлежат, кроме нашего». Здесь же о генерал-прокуроре сказано «понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных, того ради надлежит верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет».

Как представляется в этой формулировке — квинтэссенция вопроса о предназначении прокуратуры. Прокуратура это глаза общества — высший надзорный орган, призванный заботиться о нормальном ходе государственных дел, наделенный самостоятельным правом ставить перед высшими (и иными) органами публичной (государственной и муниципальной) власти вопрос обо всех несоответствиях в государственном механизме и предлагать меры по их устранению и предупреждению.

Таким образом, прокуратура была задумана и создана как высший орган государственной надзорной власти.

По мнению М. В. Баглая и В. А. Туманова, государственная власть — главное средство осуществления функций государства через систему органов, наделенных властными полномочиями. Составляющие государственную власть органы характеризуются несколькими основными признаками: 1) каждый орган государственной власти создается в соответствии с установленными Конституцией, законами или другими правовыми актами порядком, имеет четко фиксированный круг полномочий. Эти органы не могут быть ликвидированы или преобразованы без изме-

нения самой Конституции; 2) орган государственной власти наделен властными полномочиями, то есть его решения носят обязательный для всех характер и при необходимости подкрепляются принудительной силой государства; 3) деятельность органов государственной власти осуществляется в формах и методах, установленных правовыми актами. Таким образом, не каждое государственное учреждение или организация являются органами государственной власти (не являются таковыми, к примеру, государственное предприятие, государственное учебное заведение и т. д.); 4) органы государственной власти состоят из выборных депутатов или назначенных государственных служащих, облеченных определенными властными полномочиями [2, с. 81–82].

Прокуратура России в полном объеме соответствует указанным критериям.

Так, а) прокуратура Российской Федерации функционирует в соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и определяющей ее конституционно-правовой статус гл. 7 Конституции Российской Федерации; б) прокуратура (в лице прокурорских работников), несомненно, наделена законом серьезными властными полномочиями, в том числе, в сфере уголовно-процессуальной деятельности (уголовное дело поступит в суд только после утверждения прокурором обвинительного заключения и направления именно прокурором в суд уголовного дела), надзора за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов и др.; в) функции и полномочия прокуратуры установлены федеральными законами; г) прокурорские работники органов прокуратуры назначаются на свои должности в соответствии с требованиями закона и обладают в зависимости от занимаемой должности кругом властных полномочий соответственно в сфере надзора за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, обеспечения уголовного преследования, участия в уголовном, гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве и других сферах.

Представляется принципиально важным отметить при этом, что в название главы 7 Конституции РФ, ранее именовавшейся «Судебная власть» в 2014 г. была внесена инициированная Президентом России поправка, и теперь данная глава Конституции называется «Судебная власть и прокуратура» (курсив наш — Н. К.).

Рассмотрим признаки, характеризующие прокуратуру, как подсистему государственной власти, чуть подробнее (с учетом объема журнальной статьи):

- *Прокуратура создана и функционирует в соответствии с конституционными нормами и действующим федеральным законодательством.*

Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации определяется Конституцией РФ, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», другими федеральными законами и международными договорами Российской Федерации¹.

Согласно ст.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, а также иные функции, установленные федеральными законами.

Как представляется содержание конституционной нормы — ст. 129 Конституции РФ, посвященной вопросам организации и деятельности российской прокуратуры, должно быть в дальнейшем скорректировано именно в направлении четкой прописи в ней как минимум (с учетом статуса самой Конституции) целей и задач прокуратуры. В целом же, правовой статус прокуратуры Российской Федерации целесообразнее было бы определить именно в Федеральном конституционном (курсив наш — Н. К.) законе «О прокуратуре Российской Федерации», обладающим более высоким статусом, чем федеральный закон (что соответствует именно конституционному провозглашению основ правового статуса прокуратуры России) и несомненно более высокой стабильностью, крайне необходимой при установлении статуса прокуратуры Российской Федерации с учетом возлагаемых на нее функций и предоставляемых ей полномочий.

- *Общественно- (государственно-) необходимые цель и задачи создания и деятельности прокуратуры.*

В соответствии с ч. 2 ст.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура России создана в целях:

- обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности,
- защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Уместно напомнить при этом, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, являющегося высшей ценностью в обществе, признается важнейшей, приоритетной ст. 2 Конституции РФ по существу главной обязанностью государства.

Совпадение определенных конституционными нормами обязанностей государства и генеральных целей деятельности прокуратуры России подтверждает

¹ При этом на прокуратуру Российской Федерации не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами.

ее важнейшую роль в обеспечении укрепления законности в стране.

Совершенно очевидным представляется, что для реализации установленных Конституцией Российской Федерации обязанностей государства российскому обществу необходим самостоятельный, независимый от других структур государственной власти надзорный орган, обладающий в целях реализации указанного статуса необходимым объемом прав и полномочий, но, в то же время, конституционно максимально поставленный под контроль общества.

- Регламентация законодательством конкретных властных функций (направлений деятельности) прокуратуры, как органа государственной власти.

Так, в соответствии с законом прокуратура Российской Федерации осуществляет, в частности:

- надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации;
- уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;
- координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- участие в рассмотрении дел судами, арбитражными судами (то есть в уголовном, гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве), опротестование противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов;
- осуществление международного сотрудничества, участие в разработке международных договоров Российской Федерации;
- участие в правотворческой деятельности, то есть имеет возможность внесения в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего и нижестоящего уровней предложений об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов и ряд иных функций.

- Наличие законодательно установленных полномочий, условий и порядка осуществления прокуратурой своих функций.

Полномочия прокуратуры РФ детально прописаны в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», а также в соответствующих отраслевых Кодексах, определяющих процессуальный порядок осуществления судопроизводства по уголовным, административным, гражданским и арбитражным делам, а именно в УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Так, к примеру, в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор при осуществлении возложенных на него функций по надзору за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов вправе: по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения соответствующих органов, иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов; освобождать своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов.

Отметим также, что согласно ст. 6 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок, а их неисполнение влечет за собою установленную законом ответственность.

- Наличие компонента независимости, самостоятельности прокуратуры от других органов государственной власти при осуществлении ею своих функций и полномочий.

Действующим законодательством предусмотрены как независимость при осуществлении органами прокуратуры своих полномочий от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и общественных объединений, так и запрет воздействия в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности под угрозой привлечения к установленной законом ответственности, а также обязательность исполнения требований прокурора, заявленных им в рамках его полномочий, в установленный срок.

Таким образом, в системе государственной власти России, наряду с подсистемами президентской, законодательной, исполнительной и судебной власти мы

предлагаем определять также и подсистему прокурорской власти.

Прокурорская власть есть особый государственно-правовой механизм волевого воздействия органов российской прокуратуры на поднадзорные им субъекты, осуществляемого на основании Конституции Российской Федерации и федерального законодательства органами прокуратуры Российской Федерации в целях охраны законных прав и свобод человека (гражданина), интересов общества, государства, общественных организаций и объединений, а также местного самоуправления посредством реализации предусмотренных законодательством прав и полномочий.

Отметим также, что, по данным С. А. Шейфера, в Основных положениях уголовного судопроизводства и уставе уголовного судопроизводства 1864 года ... различались власти обвинительная и судебная. Обвинительная власть, то есть обнаружение преступлений и преследование виновных принадлежала прокурорам [7, с. 56].

Принципиально позиция автора о том, что подсистемы государственной власти в России не должны исчерпываться только четырьмя ранее нами названными подсистемами, разделяется и другими исследователями¹.

Так, по мнению профессора Академии государственной службы при Президенте РФ А. Д. Керимова, многие, в том числе и некоторые основополагающие постулаты классической, восходящей еще к Ш. Л. Монтескье, теории разделения властей практически устарели, не вполне соответствуют реалиям современной политической жизни и поэтому нуждаются в корректировке и обновлении [1, с. 8–9].

Аналогичного мнения придерживается и В. Г. Розенфельд, считающий, что Конституция Российской Федерации не исключает возможности существования самостоятельных правовых институтов, определяемых потребностями государственного строительства, не входящих в законодательную, исполнительную, судебную ветвь власти [5, с. 6].

Вывод о существовании прокурорской власти делали еще в 1969 г. С. Г. Березовская и В. К. Звирбуль, аргументированно подчеркивавшие, что прокурорская власть имеет свою специфику, отличающую ее от власти органов государственного управления и правосудия. При осуществлении надзора прокуратуры, за исключением случаев, оговоренных в законе, не заменяют решений других органов своими, не применяют мер наказания к правонарушителям, а требуют,

чтобы компетентные государственные органы, должностные лица и общественные организации устранили нарушения закона. Прокурорская власть охраняет социалистическую законность путем обнаружения нарушений законов и принятия мер к устранению таких нарушений [4, с. 19].

Не случайно участниками многосторонней встречи, организованной Советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой РФ в январе 1997 г., справедливо отмечалось, что феномен прокуратуры (особый ее статус) следует оценивать в контексте социально-политических условий ее функционирования, национальных традиций, особенностей правовой культуры народа и т.п. Конституционный статус и компетенция прокуратуры могут различаться в зависимости от страны и истории, правовой культуры и хода институциональной реформы. Главное — прокуратура находит свое место в демократическом обществе, основанном на принципах разделения властей и верховенства права [3, с. 157–158].

Совершенно справедливы и слова Ги де Веля — директора (в прошлом) Юридического Департамента Совета Европы, сказанные им в ходе указанной конференции, — ... прошло практически три века со времен царствования Петра Великого и институты, которые он создал, были адаптированы к нормам демократии, правовому государству, правам человека для новых потребностей [3, с. 7].

Таким образом, прокуратура должна занять (а, по существу, уже занимает) достойное место в системе государственной власти России, выполняя роль важного регулятора стабильности складывающихся в обществе правовых отношений, которая достигается посредством правовой охраны ею как законных интересов государства и общества, так и конституционных и иных прав и свобод гражданина (человека) в процессе реализации государством своих функций.

Список источников

1. Керимов А. Д. Проблемы конституционной реформы и государственного строительства в России. М. : изд. АГС, 2000.
2. Малая энциклопедия конституционного права / Под ред. М. В. Баглая, В. А. Туманова. М. : БЕК, 1998.
3. Прокуратура в правовом государстве : Материалы многосторонней встречи организованной советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой РФ. М., 1997.
4. Прокурорский надзор в СССР. М. : ЮЛ, 1969.
5. Розенфельд А. Г. Проблемы теории и практики прокурорского надзора в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук.

¹ Отметим, что и сами основоположники теории разделения властей Джон Локк и Шарль Луи де Секонда (Монтескье) в прямой постановке не указывали, к примеру, на судебную власть, как элемент системы разделения властей (ими использовались, в частности, термины законодательная, исполнительная и федеративная власть (Д. Локк), законодательная и две исполнительные власти (Ш. Л. Монтескье)).

- М., 1996.
6. Российское законодательство X–XX веков. М. : изд. Мысль, 1986. Т.4.
 7. Шейфер С. А. Научная информация по вопросам борьбы с преступностью // ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка. 1990. № 127.

References

1. Kerimov A.D. Problems of constitutional reform and state building in Russia. Moscow : AGS Publishing House, 2000.
2. Small Encyclopedia of Constitutional Law / Edited by M. V. Baglay, V. A. Tumanov. М. : БЕК, 1998.
3. Prosecutor's Office in a state governed by the

- rule of law : Materials of a multilateral meeting organized by the Council of Europe jointly with the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. М., 1997.
4. Prosecutor's supervision in the USSR. М. : YUL, 1969.
 5. Rosenfeld A. G. Problems of theory and practice of prosecutorial supervision in the Russian Federation : abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. М., 1996.
 6. Russian legislation of the X–XX centuries. М. : ed. Mysl, 1986. Vol.4.
 7. Shafer S. A. Scientific information on the fight against crime // Research Institute of Problems of strengthening law and order. 1990. № 127.

Информация об авторе

Н. Н. Карпов — заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

N. N. Karpov — Head of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Federal Legislation and Participation of the Prosecutor in Civil, Administrative Proceedings and Arbitration Proceedings of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-107-111>

НИОН: 2003-0059-2/22-228

MOSURED: 77/27-003-2022-02-427

Совершенствование деятельности специализированных органов по обеспечению национальной безопасности в России на основе использования положительного опыта зарубежных стран

Татьяна Владимировна Кикоть-Глухоедова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается положительный зарубежный опыт для совершенствования деятельности специализированных органов по обеспечению национальной безопасности. Изучение опыта зарубежных стран, системный анализ организации деятельности органов, входящих в систему обеспечения национальной безопасности, позволяет учесть как положительные стороны, так и сделать выводы о недопустимости и невозможности применения зарубежного опыта.

Ключевые слова: система обеспечения национальной безопасности, национальные интересы, национальное законодательство, силы и средства обеспечения национальной безопасности

Для цитирования: Кикоть-Глухоедова Т. В. Совершенствование деятельности специализированных органов по обеспечению национальной безопасности в России на основе использования положительного опыта зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 107–111. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-107-111>.

Original article

Improving the activities of specialized bodies for ensuring national security in Russia based on the use of positive experience of foreign countries

Tatyana V. Kikot'-Glukhodedova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The positive foreign experience for improving the activities of specialized bodies for ensuring national security is considered. The study of the experience of foreign countries, a systematic analysis of the organization of the activities of the bodies included in the national security system, allows us to take into account both the positive aspects and draw conclusions about the inadmissibility and impossibility of applying foreign experience.

Keywords: national security system, national interests, national legislation, forces and means of ensuring national security

For citation: Kikot'-Glukhodedova T. V. Improving the activities of specialized bodies for ensuring national security in Russia based on the use of positive experience of foreign countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):107–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-107-111>.

В современном мире перед каждым государством стоит задача обеспечения национальной безопасности в своей стране. Деятельность государства направлена на осуществление национальной идеи, защиту национальных интересов, прав и свобод человека и гражданина. Во всех странах мира с древнейших времен и по настоящее время этим вопросам уделяется особенное внимание.

Уже в третьей четверти XVIII в. обеспечение сво-

боды и безопасности граждан, их равенство перед законом без учета их сословных различий, и в этом принципиальная разница буржуазного государства по сравнению с феодальным государством, законодательно признавалось одной из важнейших обязанностей государства в Великобритании, Голландии, США и Франции.

Проведенный анализ генезиса и эволюции сложного философского феномена и одновременно важной

© Кикоть-Глухоедова Т. В., 2022

правовой категории — понятия «безопасность» показал, что этот междисциплинарный категориальный научный термин, имеющий крайне важное практическое значение был подвергнут всестороннему системному анализу на основе комплексного подхода в различных научных трудах, специализирующихся на данной проблеме зарубежных и российских ученых. При этом в Западной Европе проблемы обеспечения безопасности государства подвергались научному анализу уже с первой четверти XVIII в., а в России со второй половины XIX в.

Если до 1917 г. при научном освещении проблем обеспечения безопасности личности и государства российские ученые ни в чем не уступали зарубежным, то в советский период было допущено известное отставание, которое было успешно преодолено в результате напряженной работы в постсоветский период.

За это время в Российской Федерации в короткие сроки была успешно проведена большая и напряженная работа по преодолению этого отставания отечественных ученых и законодателей по проблеме обеспечения безопасности государства. Ее итогом стало принятие 05.03.1992 Закона «О безопасности», в котором российские парламентарии впервые дали следующее определение: «Безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 1).

В Законе «О безопасности», принятом в Российской Федерации в декабре 2010 г., законодателем достаточно подробно раскрывается содержание деятельности государственных органов РФ по ее обеспечению, регламентируются их функции, задачи и полномочия в этой сфере¹.

Проведенный анализ позволяет с уверенностью сказать, что на сегодняшний день законодательное обеспечение деятельности органов государства, обеспечивающих его безопасность, необходимым правовым инструментарием на основе демократических принципов функционирования правового государства в нашей стране в целом успешно завершено. Имеющаяся в настоящее время в Российской Федерации нормативно-правовая база обеспечения безопасности соответствует самым высоким мировым демократическим стандартам, но, безусловно, нуждается в систематическом обновлении и совершенствовании, так как феномен безопасности столь сложен, многогранен, динамичен и противоречив, что его периодическая законодательная корректировка научно детерминирована.

В Российской Федерации научная разработка проблем обеспечения национальной безопасности активно возобновилась. Ее результаты легли в основу доктринальных официальных документов, имеющих крайне важное значение для обеспечения национальной безопасности Российского государства, впервые принятых и официально опубликованных в истории страны: Фе-

дерального закона «О безопасности»; Ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ; Указ президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² и другие.

В этих документах, в отличие от законодательства США, Великобритании, ФРГ, Австрии, Франции, Италии и Испании, не только дается четкое определение национальной безопасности и системы обеспечения национальной безопасности, но и закрепляются иные важные терминологические и научные понятия: «национальные интересы»; «угроза национальной безопасности»; «стратегические национальные приоритеты» и др.

Имеющееся в настоящее время у Российской Федерации, по сравнению с США и их союзниками по НАТО, преимущество в качестве наличия правового инструментария по различным аспектам обеспечения национальной безопасности следует развивать и непрерывно совершенствовать.

Этой цели будет, несомненно, способствовать принятие парламентом России нового федерального закона «О национальной безопасности Российской Федерации», в котором кроме понятийного аппарата, функций и задач государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность России, будут впервые официально закреплены зоны жизненно важных национальных интересов России.

Публичное обсуждение и утверждение этого закона в Государственной Думе и Совете Федерации позволит не только консолидировать все передовые достижения российских ученых и практических работников в области обеспечения национальной безопасности в более совершенный системообразующий законодательный акт, но и с учетом современной международной обстановки, когда Россия впервые с момента окончания холодной войны стала объектом беспрецедентного экономического и политического давления со стороны США и их союзников, существенно облегчит политическому руководству России отстаивание ее национальных интересов на международной арене.

Изучение опыта зарубежных стран, системный анализ организации деятельности органов, входящих в систему обеспечения национальной безопасности, позволит нам учесть как положительные стороны, так и сделать выводы о недопустимости и невозможности применения отдельных моментов, издержек правового регулирования работы таких органов.

Важное значение занимает международное сотрудничество в сфере обеспечения национальной

¹ См.: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности».

² См.: Закон Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности»; Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»; Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 13.06.1996; Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

безопасности. Особое внимание уделяется осуществлению его как на двустороннем, так и на многостороннем уровне (по линиям ООН, Интерпола, СНГ, ШОС, БРИКС, а также в рамках других международных организаций) по основным направлениям деятельности органов, входящих в систему обеспечения национальной безопасности.

В рамках международного сотрудничества осуществляется информационный обмен, проводятся скоординированные международные полицейские операции, профилактических, оперативно-разыскных и следственных мероприятий, исполняются международные следственные поручения и запросы в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам, а также активизируется взаимодействие рабочих групп по координации оперативного взаимодействия в сфере борьбы с транснациональной преступностью, экстремизмом и терроризмом.

Также необходимо отметить роль изучения общественного мнения в вопросах ощущения у населения безопасности от преступных посягательств и доверия сотрудникам полиции и других, проводимых на постоянной основе различными социологическими службами. По данным проведенных опросов, за последние годы выросла доля россиян, довольных работой полиции и отмечающих рост уровня обеспечения безопасности личности.

Научно проработанные изменения организационной структуры сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, которые без увеличения нагрузки на бюджет позволят оптимизировать деятельность всей системы обеспечения национальной безопасности страны и повысить ее эффективность, уже стали предметом внимания зарубежных специалистов. Они серьезно рассматриваются в настоящее время во Франции.

До этого при проведении реформ в системе обеспечения национальной безопасности США и Великобритании (создание Министерства внутренней безопасности в США и управления по борьбе с организованной преступностью в составе МВД Великобритании) американскими и британскими специалистами также активно учитывался и использовался отечественный опыт функционирования КГБ и МВД СССР.

В любом государстве стабильной, устойчивой и эффективной может быть лишь та социальная система, которая поддерживается большинством населения и у которой система власти выстроена на основе свободного волеизъявления граждан в строгом соответствии с общепризнанными принципами правового государства, не только закрепленными в конституции и законах конкретной страны, но и реально выполняющимися в практической жизни.

Гарантия легитимности власти, эффективного функционирования механизма обеспечения национальной безопасности государства зависит исключительно от мнения избирателя с учетом периодического

обновления на основе свободных, всеобщих, прямых и тайных выборов при обязательном участии нескольких кандидатов как от правящей партии, так и от оппозиции, и на пост главы государства, и в парламент страны, и в местные органы самоуправления.

Существующие в настоящее время различные организационные структуры системы обеспечения национальной безопасности любого государства являются результатом его длительного эволюционного исторического развития. Все компоненты такой системы возникали, развивались и видоизменялись в процессе расширения государством сферы своей деятельности, они синхронно эволюционировали вместе с ним.

Для комплекса мероприятий, направленных на совершенствование организационной структуры системы обеспечения национальной безопасности современного демократического государства, характерна хорошо продуманная поэтапность в реорганизации, обусловленная появлением новых внешних или внутренних угроз, позволяющая не только сохранить преемственность, но и обязательно повысить эффективность в деятельности всех компонентов системы. Поиск наиболее эффективной модели системы обеспечения национальной безопасности осуществляется постоянно во всех федеративных и унитарных государствах вне зависимости от выбранной ими системы правления.

При этом роль и место вооруженных сил, полиции, жандармерии, разведки и контрразведки — ключевых силовых компонентов системы обеспечения национальной безопасности, а также сама ее структура может существенно отличаться в силу наличия значительных исторических различий между демократическими странами в мире. Эти отличия наиболее ярко проявляются в организационной структуре системы обеспечения внутренней безопасности государства.

То, что некоторые страны избегают из-за угрозы стать полицейским государством, на пример, для США характерно наличие множества различных видов федеральных полицейских сил и спецслужб, конкурирующих друг с другом и организационно входящих в разные министерства — обороны, внутренней безопасности, энергетики, юстиции и финансов, другими странами рассматривается как соответствие демократическим принципам, как во Франции, Италии, Испании, ФРГ, Австрии и многих других странах весь силовой блок сосредоточен в структурах двух министерств — обороны и внутренних дел.

При этом практически одинаковы взгляды политического руководства и специалистов по различным аспектам обеспечения национальной безопасности США и стран ЕС на функции и организационно-правовые принципы деятельности различных элементов системы обеспечения национальной безопасности, а также на характер их применения в случае обострения ситуации в стране и мире.

Стратегия тотального доминирования по всем важным вопросам мирового устройства, столь харак-

терная для современных США, сопровождается массовой обработкой мирового общественного мнения для достижения поставленных целей.

Между тем в конституциях всех вышеперечисленных стран содержится прямой запрет на цензуру, свобода слова является одним из основополагающих конституционных принципов любого демократического государства, налицо попрание этих принципов США и их союзников.

Организационная структура и особенности деятельности субъекта управления (система обеспечения национальной безопасности государства и ее компонентов) в полном объеме зависят от объекта управления — высших органов государственной власти страны и реализуемой ими политики.

За прошедших после окончания холодной войны лет характерно снижение военных расходов и численности вооруженных сил во всех странах НАТО, но при этом даже в условиях экономического кризиса численность органов разведки и контрразведки, полиции и жандармерии не сокращается, а растет.

Рост полицейского и жандармского аппарата в Западной Европе, а также полиции и Национальной гвардии в США, объясняется стремлением как правящих, так и оппозиционных партий этих государств обеспечить стабильность в обществе в условиях экономического кризиса, не допустить повторения терактов уже имевших место в начале нынешнего столетия (США, Великобритания, Испания, Франция, Бельгия, ФРГ), исключить создание благоприятных условий для развития в условиях демократии радикальных политических сил по всему политическому спектру, в том числе и исламских экстремистов.

При этом неуклонно растет бюджетное финансирование и численность структур, ответственных за борьбу с терроризмом, электронный шпионаж и криптографию, особенно в США. Бюджет ФБР — головного ведомства по борьбе с терроризмом в США за прошедшие годы существенно вырос, а численность личного состава увеличилась вдвое; электронным шпионажем и криптографией в США занимается формально входящее в состав Министерства обороны, а по сути, самостоятельное структурное подразделение, глава которого назначается лично Президентом США, Агентство национальной безопасности (АНБ). В Великобритании — Центр правительственной связи (GCHQ), глава которого подчиняется только Премьер-министру. Антитеррористический бюджет спецслужб Великобритании за последние годы вырос более чем в 3,5 раза¹.

Приоритетное значение во всех ведущих странах мира уделяется разработке новых технологий для более эффективного обеспечения национальной безопасности в сфере борьбы с преступностью. Достижения

науки активно используются в данной области, и, соответственно, в структурах полицейских органов и спецслужб широко создаются новые специализированные технические подразделения для борьбы с киберпреступностью, научные лаборатории по сбору и хранению баз данных ДНК и др.

Например, Великобритания является чемпионом среди государств Европы по плотности применения средств электронного наблюдения за безопасностью в городах и объектах транспортной системы. В среднем лондонец за сутки в объективы видеокамер попадает не менее 300 раз (москвич чуть более 100 раз); с 1984 г. в стране организован сбор ДНК у преступников, который хранится в едином национальном банке данных.

В США национальный банк данных ДНК существует с 1989 г. ДНК обязательно берется у всех арестованных.

Создание национального банка данных ДНК в нашей стране и дактилоскопия населения России позволит более эффективно бороться с преступностью и обеспечит суды надежной доказательной базой. Следует учесть мировой опыт и положительный опыт Беларуси и поэтапно изыскать для этого необходимые средства².

Для совершенствования деятельности специализированных органов, обеспечивающих национальную безопасность в России, необходимо с использованием приемлемых для нашей страны соответствующих правовых решений США разработать меры по административно-правовому обеспечению перспективной практики идентификации личности при помощи геномных банков данных ДНК и радужной оболочки глаза человека, которая может существенно сократить специализированным государственным органам России время на идентификацию личности в целях обеспечения национальной безопасности. Лишь опережающая разработка административно-правового механизма реализации указанных научно-технических методов и его апробация позволят принять всесторонне взвешенное решение о возможности или нецелесообразности применения такой практики в правовой системе России.

Важной отличительной чертой организационной структуры Министерства обороны США и МВД Великобритании является наличие структурных подразделений, которые отвечают за широкое использование частных военных компаний и частных охранных предприятий при решении таких вопросов, которые всегда в остальных странах мира решаются исключительно государственными органами.

В частности, США активно используют частные военные компании и их сотрудников (бывших военнослужащих, полицейских и сотрудников спецслужб) при подготовке национальных военных и полицей-

¹ См. Кикоть-Глуходедова, Т. В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы : сравнительное исследование : дис. доктора юридических наук : 12.00.14.

² См. Кикоть-Глуходедова, Т. В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы : сравнительное исследование : дис. доктора юридических наук : 12.00.14.

ских кадров в Ираке, Афганистане, Колумбии и других странах Латинской Америки.

В структуре Министерства обороны США создано и с 1996 г. успешно функционирует специальное управление, которое не только отвечает за взаимодействие с частными военными компаниями по вопросам подготовки кадров для полиции и вооруженных сил, но и уполномочено от лица правительства США заключать с ними контракты на многие миллиарды долларов для организации работы с государственными структурами Колумбии, Мексики, других стран Латинской Америки и Афганистана по борьбе с наркобизнесом. Этот опыт интересен и нуждается в подробном изучении, так как может быть в отдельных аспектах полезен и для нас¹.

Правительство США выигрывает от использования частных военных компаний за рубежом: во-первых, экономятся значительные бюджетные деньги, так как в случае гибели или ранения при решении служебных задач сотрудников частных военных компаний расходы несет руководство фирмы, а не государство; во-вторых, сотрудники частных военных компаний зачастую действуют более эффективно, чем военнослужащие, так как не столь озабочены строгим соблюдением закона при решении служебных задач и могут себе позволить определенные нарушения, которые не могут допустить военнослужащие или сотрудники спецслужб США из-за возможной огласки и ущерба для имиджа страны; в-третьих, решая за рубежом в своих национальных интересах внешнеполитические задачи, правительство США имеет в лице частных военных компаний серьезный и довольно эффективный инструмент для вмешательства во внутренние дела суверенного государства, формально не имея к этому вмешательству никакого отношения; в-четвертых, оптимально решается проблема трудоустройства бывших военнослужащих, полицейских и сотрудников спецслужб; в-пятых, частные военные компании платят немалые суммы в бюджет в виде налогов, что также очень важно.

В структуре МВД Великобритании создан специальный отдел центра прикладных наук и технологий, который занимается взаимодействием с частны-

ми охранными фирмами и продвижением на экспорт их инновационных продуктов в сфере безопасности. Эти формы и методы работы с частными охранными структурами представляют несомненный перспективный интерес для МВД России и Росгвардии особенно в условиях экономического кризиса и определенных бюджетных ограничений.

В структуре Вооруженных сил США на постоянной основе с 1969 г. (времени массовых протестов против войны во Вьетнаме) функционирует специальный директорат по борьбе с массовыми беспорядками, который тесно координирует свою деятельность с Бюро Национальной гвардии и полицейскими органами субъектов федерации. Военнослужащие этого структурного подразделения заблаговременно готовят всю необходимую документацию (карты местности и соответствующие планы) для оперативного использования частей и подразделений Вооруженных сил для пресечения возможных массовых беспорядков и решения иных внутривнутригосударственных задач.

В структуре МВД Италии и Великобритании созданы отдельные службы по борьбе с организованной преступностью. В Италии в работе службы «Антимафия» МВД на постоянной основе участвуют представители карабинеров и финансовых гвардейцев. В остальных странах подразделения по борьбе с организованной преступностью осуществляют свою деятельность в составе служб криминальной полиции.

Следует настойчиво продолжать работу по внедрению достижений науки в правоохранительную деятельность: устанавливать системы видеонаблюдения последнего поколения во всех крупных городах России, всемерно расширять базы данных образцов ДНК и законодательно закрепить дактилоскопию взрослого населения Российской Федерации (здесь весьма поучителен опыт Республики Беларусь). Это не только позволит резко повысить результативность работы правоохранительных органов РФ в области раскрываемости преступлений, но и даст возможность исключить возможные судебные ошибки.

Именно широкое внедрение систем видеонаблюдения, баз данных ДНК и дактилоскопии позволило правоохранительным органам США, Франции и Бельгии достаточно быстро раскрыть преступления и задержать виновных в совершении терактов в Бостоне, Париже и Брюсселе.

¹ См. Кикоть-Глуходедова, Т. В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы : сравнительное исследование : дис. доктора юридических наук : 12.00.14.

Информация об авторе

Т. В. Кикоть-Глуходедова — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Kikot'-Glukhodedova — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022. The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-112-116>

NION: 2003-0059-2/22-229

MOSURED: 77/27-003-2022-02-428

Международные договоры как источник сотрудничества России с иностранными государствами в уголовном судопроизводстве

Кирилл Константинович Клевцов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, klevtsov001@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются международные договоры Российской Федерации в контексте источников сотрудничества государств в уголовно-процессуальной сфере, в частности делается акцент на межправительственных и межведомственных соглашениях, а также определения их роли при осуществлении указанного вида взаимодействия. По итогам формулируются соответствующие выводы и предложения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, международный договор, правовая помощь, выдача, передача юрисдикции

Для цитирования: Клевцов К. К. Международные договоры как источник сотрудничества России с иностранными государствами в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 112–116. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-112-116>.

Original article

International treaties as a source of Russia's cooperation with foreign states in criminal court proceedings

Kirill K. Klevtsov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of Russia, Moscow, Russia, klevtsov001@gmail.com

Abstract. The international treaties of the Russian Federation in the context of sources of cooperation between states in the criminal procedural sphere are examined, in particular, the emphasis is placed on intergovernmental and interdepartmental agreements, as well as determining their role in the implementation of this type of interaction. Based on the results, appropriate conclusions and proposals are formulated.

Keywords: criminal proceedings, international treaty, legal assistance, extradition, transfer of jurisdiction

For citation: Klevtsov K. K. International treaties as a source of Russia's cooperation with foreign states in criminal court proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):112–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-112-116>.

Главенствующую роль в международно-правовой системе играют международные договоры. В соответствии с подп. «а» п. 1 ст. 2 Венской Конвенции о праве международных договоров, заключенной 23 мая 1969 года¹ (далее — Венская Конвенция) под ними понимаются соглашения, заключенные между государствами в письменной форме и регулируемые международным правом, независимо от того, содержится ли такие соглашения в одном документе, в двух или нескольких

связанных между собой документах, а также независимо от их конкретного наименования. В то же время п. 2 ст. 1 Венской конвенции допускает применение терминов или значений, используемых в ней, несколько в ином толковании, если это диктуется внутренним правом любого государства.

Применительно к правовой системе России международный договор означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образова-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

нием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования¹.

В этой связи на доктринальном уровне неоднократно высказывалась необходимость с точки зрения соблюдения правил юридической техники исключения формулировки «международные соглашения», излишне используемой в Главе 53 «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями» УПК РФ (ч. 1 ст. 453, ст. 455, ч. 1 ст. 457) [3, с. 1145; 12, с. 10; 5, с. 41–44].

Кроме того, в нынешнее время российский законодатель также отказался от оперирования словосочетанием «международные соглашения» в главах, посвященных правовой основы взаимодействия государств в уголовно-процессуальной сфере. Подтверждением этому служит Глава 55¹ УПК РФ, где применяется исключительно формулировка «... в соответствии с международным договором или на основе принципа взаимности...».

В международном праве общепринято классифицировать договоры в зависимости от участников на многосторонние и двусторонние [15]. Как отмечает известный юрист-международник А. Н. Талалаев первые могут быть как групповыми, имеющими ограниченное число государств, так и общими (универсальными). Вместе с тем групповые договоры подразделяются в свою очередь на региональные и нерегиональные [подробнее см.: 11, с. 93–96].

В контексте международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции многосторонним договором универсального характера будет являться, к примеру, *Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.12.2000 года, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи*², а групповым региональным соглашением является, например, *Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS № 30, заключенная 20.04.1959 года в Страсбурге*³.

Между тем выделяют и групповые *субрегиональные* многосторонние договоры⁴. К таким, предпо-

лагаем, стоит отнести в первую очередь *Конвенцию Европейского Союза о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2000 года*⁵ и ряд иных соглашений, принятых в рамках Европейского Союза⁶.

В законодательстве Российской Федерации принято также классифицировать договоры в зависимости от субъектов их заключения. Так, согласно ч. 2 ст. 3 ФЗ «О международных договорах РФ» соглашения заключенные от имени Российской Федерации относятся к *межгосударственным договорам*, от имени Правительства Российской Федерации к *межправительственным*, а от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций к договорам *межведомственного характера*.

Относительно рассматриваемой нами темы к межгосударственному договору следует отнести *Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам ETS № 073, заключенную 15.05.1972 в Страсбурге*⁷, согласие на обязательность которой выражено в форме соответствующего федерального закона⁸. Именно договоры межгосударственного уровня напрямую регламентируют вопросы сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере. Как представляется, это детерминируется тем, что они затрагивают основные права и свободы человека и гражданина⁹.

В качестве межправительственного договора стоит выделить, например, *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью, особенно в ее организационных формах, заключенное 20.12.2010 года*¹⁰, а к межведомствен-

¹ См.: п. «а» ст. 2 Федерального закона от 15.07.1995 года № 1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2349.

⁴ Такой подход продиктован в силу деления международных организаций на региональные и субрегиональные (См.: Международное право : учебник / отв. ред. д.ю.н., проф. С. А. Егоров. М. : Статут, 2016. С. 633–636).

⁵ Convention established by the Council in accordance with Article 34 of the Treaty on European Union, on mutual assistance in criminal matters between the Member States of the European Union // Official Journal of the European Communities. 2000. Vol. 197/3. P. 3–23.

⁶ Отметим, что в науке международного права нет единого подхода относительно того, что Европейский Союз является субрегиональной международной организацией. Однако, в настоящем исследовании, мы презюмируем именно такую точку зрения, что Европейский Союз является субрегиональной межгосударственной европейской организацией. К тому же некоторые исследователи-международники к субрегиональным организациям относят и СНГ, поскольку последнее примыкает к «евро-азиатской» международной организации (См.: Капустин А. Я. Европейское право (Глава 25) // Международное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. М.: Норма, 2007. С. 687).

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 724.

⁸ Федеральный закон от 30.10.2007 года № 237-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15.05.1972 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 45. Ст. 5414.

⁹ Так, в ч. 1 ст. 15 ФЗ «О международных договорах РФ» говорится среди прочего, что ратификации подлежат международные договоры Российской Федерации предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина (п. «б»). Кроме того, такие договоры, как показывает практика, могут устанавливать иные правила, чем предусмотренные законом России (п. «а»), что тоже делает необходимым их ратификацию.

¹⁰ Бюллетень международных договоров. 2012. № 2.

ного характера — *Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством юстиции и общественной безопасности Федеративной Республики Бразилия, заключенное 22.11.2019 года*¹.

По общему правилу последние два не регламентируют напрямую оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам, выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора или передачу судопроизводства по уголовным делам². Отнюдь это не означает их неприменимость в контексте осуществления международного сотрудничества по уголовным делам. Они, в основном, играют существенную роль при обмене ориентирующей, оперативно-разыскной, разведывательной информацией, необходимой для борьбы с преступностью, позволяют обмениваться законодательными актами, судебными и правоприменительными актами, положительным опытом, а также выступают в качестве правовой основы для проведения «мастер-классов» между правоохранительными органами, направленных на повышение уровня квалификации и многое другое [8].

Более того, межправительственные договоры и соглашения межведомственного характера, как верно отмечено в доктрине, предусматривают возможность оказывать содействие при проведении оперативно-разыскных мероприятий [4, с. 77–106], а также, применительно к России и ряду государств-членов СНГ, и в ходе проверки сообщения о преступлении, то есть на стадии возбуждения уголовного дела, путем направления и исполнения соответствующих запросов о содействии [1, с. 288].

К примеру, опросить по запросу российских правоохранителей лицо, которое является гражданином иного государства (второй стороны по договору) и находится на его территории в рамках «доследственной

проверки»³, либо провести совместные оперативно-разыскные мероприятия на территории сотрудничающих государств.

По верному наблюдению профессора С. П. Щербы обозначенные международно-правовые акты носят аксессуарный характер, поскольку детализируют, предусмотренные межгосударственными договорами и национальным правом формы и механизмы сотрудничества в сфере уголовной юстиции [14, с. 12].

С рассматриваемых позиций представляет интерес вопрос о месте соглашений, заключенных Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации с зарубежными правоохранительными органами, в системе международных договоров⁴.

В силу ст. 2 Федерального закона от 17.01.1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁵ (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ») Генеральная прокуратура России наделена правом заключать соглашения по вопросам правовой помощи⁶ и борьбы с преступностью, а также принимает участие при разработке международных договоров России. Сходное регулирование содержится и в нормативно-правовых актах, определяющих деятельность Следственного комитета Российской Федерации⁷.

При этом, вспомним, что в соответствии ФЗ «О международных договорах РФ» к договорам межведомственного характера относятся только те, которые заключены от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций. Как известно, в силу положений ФЗ «О прокуратуре РФ» (ч. 1 ст. 1) и ФЗ «О Следственном комитете РФ» (ч. 1 ст. 1), указанные структуры, не относятся к федеральным органам исполнительной власти⁸.

³ Заметим, что в отечественном уголовно-процессуальном законе не используется данный термин, однако на практике и в науке он прижился уже на протяжении длительного времени, вследствие чего, считаем, уместным его применение.

⁴ См.: п. «а» ст. 2 Федерального закона от 15.07.1995 года № 1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2349.

⁶ Такой подход продиктован в силу деления международных организаций на региональные и субрегиональные (См.: Международное право : учебник / отв. ред. д.ю.н., проф. С. А. Егоров. М. : Статут, 2016. С. 633–636).

⁷ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

⁸ Впрочем, в доктрине имеется на этот счет и диаметрально противоположное мнение, а именно, что такие договоры по своей правовой природе все же относятся к договорам межведомственного характера, несмотря на определенную несогласованность с положениями ФЗ «О международных договорах РФ». См.: Лазутин Л. А. Международное сотрудничество и правовая помощь // Законность. 2012. № 6. С. 34–37; Жидких А. Международно-правовое сотрудничество прокуратуры // Законность. 2010. № 4. С. 51–54 и др.

¹ См.: Международные договоры и соглашения // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/mvd/documents/m-soglasch> (дата обращения: 01.11.2021).

² *Справочно*: ранее в России приведенные договоры регламентировали некоторые виды международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует юридический анализ их содержания (Например, см.: Соглашение между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Украины о правовой помощи и сотрудничестве от 21.05.1993 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Ныне действующее Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Украины от 15.0.2010 г. подобных положений не содержит).

В то же время некоторые межправительственные договоры косвенно затрагивают вопросы оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам и продолжают по сегодняшний день действовать. Однако, как представляется, это исключение из общего правила. Например, см.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 05.03.1993 года // Бюллетень международных договоров. 1997. № 4. Стр. 20.

Кроме того, они не попадают и под понятия «уполномоченные организации», в смысле, придаваемом ему ФЗ «О международных договорах РФ». В юридической литературе и на практике в качестве таковых относят, например, Государственную корпорацию по атомной энергии «Росатом» [1, с. 290]. В этой связи, предпочитаем уместным, внести соответствующие изменения в некоторые отечественные законодательные акты в части уточнения определения межведомственных соглашений¹.

Резюмируя изложенное выше, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации международные договоры подразделяются на межгосударственные, межправительственные и межведомственные. Между тем исключительно первые напрямую регламентируют международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, поскольку по общему правилу проходят процедуру ратификации и затрагивают вопросы об основных правах и свободах личности, а оставшиеся лишь способствуют такому взаимодействию, позволяющие осуществлять обмен различной информацией, опытом и сноситься в рамках оперативно-разыскной деятельности и проверки сообщений о преступлениях в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, а также в исключительных случаях в ходе предварительного расследования, когда не требуется проведения следственных и иных процессуальных действий, упомянутых в ст. 453 УПК РФ (например, представление материалов по запросу).

Несмотря на то, что соглашения Генеральной прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации, заключенные с компетентными органами иностранных государств, в контексте положений ФЗ «О международных договорах РФ» не относятся к договорам межведомственного характера, все же полагаем об обратном, исходя из их правовой природы.

Список источников

1. Громов С. А. Договорно-правовые аспекты международного сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1. С. 283–291.
2. Жидких А. Международно-правовое сотрудничество прокуратуры // Законность. 2010. № 4. С. 51–54.
3. Зимин В. П. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства (главы 53–55) // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 3-е изд.,

перераб. и доп. М. : Изд-во «Юрайт», 2010.

4. Иващук В. К., Громова О. Н. Основы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью : курс лекций / под ред. проф. В. М. Аتماжитова. М. : Академия управления МВД России, 2012.
5. Клевцов К. К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во «Юрайт», 2010.
7. Лазутин Л. А. Международное сотрудничество и правовая помощь // Законность. 2012. № 6. С. 34–37.
8. Литвишко П. А. Правовые основы международного сотрудничества Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации // Российский следователь. 2010. № 20. С. 35–40.
9. Международное право : учебник / отв. ред. д.ю.н., проф. С. А. Егоров. М. : Статут, 2016.
10. Международное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. М. : Норма, 2007.
11. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Том 1 : Общие вопросы / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М. : Издательство «Зерцало», 2009.
12. Устинов А. В. Взаимодействие органов предварительного следствия Российской Федерации с уполномоченными субъектами иностранных государств в целях получения доказательств по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
13. Щерба С. П., Додонов В. Н., Архипова Е. А. Взаимодействие приграничных органов прокуратуры государств-участников СНГ в сфере борьбы с преступностью : состояние и перспективы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 1. С. 318–324.
14. Щерба С. П. Правовые механизмы международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 6 (26). С. 124–130.
15. Davidson S. The Law of Treaties. New York: Routledge, 2017.

References

1. Gromov S. A. Contractual and legal aspects of international cooperation of the Investigative Committee of the Russian Federation // Library of Criminalist. Scientific journal. 2015. № 1. P.

¹ Convention established by the Council in accordance with Article 34 of the Treaty on European Union, on mutual assistance in criminal matters between the Member States of the European Union // Official Journal of the European Communities. 2000. Vol. 197/3. P. 3–23.

- 283–291.
- Zhidkikh A. International legal cooperation of the prosecutor's office // *Legality*. 2010. № 4. P. 51–54.
 - Zimin V. P. International cooperation in the field of criminal justice (chapters 53-55) // *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation* / scientific ed. V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 3rd ed., reprint. and additional M. : Publishing house «Yurayt», 2010.
 - Ivashchuk V. K., Gromova O. N. Fundamentals of international cooperation of internal affairs bodies in the fight against crime : a course of lectures / edited by prof. V. M. Atmazhitova. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.
 - Klevtsov K. K. Pre-trial proceedings against persons evading criminal responsibility outside the territory of the Russian Federation : dis. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2016.
 - Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific ed. V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 3rd ed., reprint. and additional M. : Publishing house «Yurayt», 2010.
 - Lazutin L. A. International cooperation and legal assistance // *Legality*. 2012. № 6. P. 34–37.
 - Litvishko P. A. Legal bases of international cooperation of the Investigative Committee under the Prosecutor's Office of the Russian Federation // *Russian investigator*. 2010. № 20. P. 35–40.
 - International law : textbook / ed. by D.yu.n., prof. S. A. Egorov. M. : Statute, 2016.
 - International law : textbook. 2nd ed., perarab. and additional / ed. V. I. Kuznetsov, B. R. Tuzmukhamedov. M. : Norma, 2007.
 - Talalaev A. N. The law of international treaties. Volume 1 : General issues / ed. L. N. Shestakov. M. : Publishing House «Mirror», 2009.
 - Ustinov A.V. Interaction of the preliminary investigation bodies of the Russian Federation with authorized subjects of foreign states in order to obtain evidence in a criminal case : abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2012.
 - Shcherba S. P., Dodonov V. N., Arkhipova E. A. Interaction of the border prosecutor's offices of the CIS member states in the field of combating crime: state and prospects // *Library of Criminalist. Scientific journal*. 2016. № 1. P. 318–324.
 - Shcherba S. P. Legal mechanisms of international cooperation of the Prosecutor's Office of the Russian Federation // *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2011. № 6 (26). P. 124–130.
 - Davidson S. *The Law of Treaties*. New York: Routledge, 2017.

Информация об авторе

К. К. Клевцов — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. K. Klevtsov — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-117-118>

НИОН: 2003-0059-2/22-230

MOSURED: 77/27-003-2022-02-429

Информационное пространство: истинное и ложное

Вероника Сергеевна Клементьева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kikinjushka@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема распространения ложной информации в киберпространстве, влияние информационных процессов на состояние баланса свободы и безопасности в обществе.

Ключевые слова: киберпространство, фейковая информация, безопасность, права и свободы

Для цитирования: Клементьева В. С. Информационное пространство: истинное и ложное // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 117–118. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-117-118>.

Original article

Information space: true and false

Veronika S. Klementieva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kikinjushka@mail.ru

Abstract. The problem of spreading false information in cyberspace, the influence of information processes on the state of the balance of freedom and security in society are considered.

Keywords: cyberspace, fake information, security, rights and freedoms

For citation: Klementieva V. S. Information space: true and false. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):117–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-117-118>.

Киберпространство — наиболее быстро развивающаяся сфера человеческой активности, в которой преломляются не только мирные тенденции глобальной цифровизации, но и принципы функционирования в период так называемых гибридных войн. Геополитические события весны 2022 года изменили характер связей и отношений, развивающихся в киберпространстве.

Деятельность официальных средств массовой информации и независимых блогеров приобрели особое значение в условиях информационного противостояния. Официальная информация в медиапространстве — далеко не единственный объект внимания читателей, слушателей и зрителей. Эффект информационного воздействия зависит от ответственности, информированности и намерений блогеров и пользователей сети. Сегодня как никогда прежде активность распространителей и потребителей информации имеет такое значение и последствия, каких не было прежде, и едва ли не большее, чем у официальных источников

информации. Изменившаяся геополитическая реальность изменила и реальность информационную, которая, в свою очередь, способна оказывать влияние на истинное положение дел. Содержание распространяемой информации влияет не только на общественное мнение, но и обуславливает побудительные мотивы. Гражданское равновесие при подобных потрясениях важно как никогда. Важно не только сохранять баланс гражданской активности, но и не допустить «раскачивание» цифровой среды. Ее нестабильность неизбежно повлечет искажение правового поля и, как следствие, дестабилизацию сферы реализации прав и свобод.

Незаконная блокировка гугл-ресурсов в рамках исполнения законов о рестрициях коллективного Запада в отношении России нарушает баланс потоков, обеспечивающих разносторонность и объективность подачи информации. Блокировка официальных источников информации способствует превалированию материалов из непроверенных или откровенно лживых источников. Изобилие фейковых сообщений вводит

в заблуждение, исключает объективность восприятия реальности, провоцирует на действия, которые влияют не только на финансовую стабильность граждан и государства, но угрожает правопорядку, общественной и государственной безопасности в целом. С другой стороны, блокировка агрессивно настроенных интернет-ресурсов, информационных платформ в рунете, на которых размещены не только материалы экстремистской направленности, но и иного, не менее опасного характера, в настоящее время имеет огромное правоохранное и правозащитное значение, которое представляет собой ограничение злоупотребления правами и свободами, в том числе свободой слова.

Дополняемая реальность неизбежно становится умело и целенаправленно сконструированной. Манипуляция общественным сознанием, особенно в нестабильный период, неизбежно влечет раскол в обществе, что в свою очередь опасно радикальными проявлениями, разрушением правового баланса, пределов реализации прав и свобод, демократических институтов. Правовое регулирование цифровой среды требует опережающего стиля мышления, что позволит предупредить причины, а не бороться со следствием.

Библиографический список

1. Червонюк В. И. Инновации в праве : современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 3. Социально-правовая ценность, уровни и сферы применения технологических инноваций в праве в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 37–41.
2. Михайленко Н. В., Мурадян С. В., Вихляев А. А. Актуальные вопросы мониторинга и про-

тиводействия киберугрозам в одноранговых сетях // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 140–145.

3. Клементьева В. С. К вопросу об ответственности за размещение «Фейковых новостей» и оскорбление государственных органов в киберпространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 78–81.
4. Клементьева В. С. Право на информацию как основа реализации системы основных прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 137–140.

Bibliographic list

1. Chervonyuk V. I. Innovation in the right : Modern legal technologies in the context of digital reality. Article 3. Social and legal value, levels and scope of technological innovation in the right in digitalization // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. P. 37–41.
2. Mikhaylenko N. V., Muradyan S. V., Vikhlyayev A. A. Actual issues of monitoring and counteracting cybered networks in peer-to-peers // Audit reports. 2022. № 1. P. 140–145.
3. Klementieva V. S. To the question of responsibility for the placement of «fake news» and an insult of state bodies in cyberspace // Bulletin of the Moscow University of Russia. 2019. № 5. P. 78–81.
4. Klementieva V. S. The right to information as the basis for the implementation of a system of fundamental and freedoms of a person and a citizen in cyberspace // Herald of Economic Security. 2016. № 2. P. 137–140.

Информация об авторе

В. С. Клементьева — старший редактор редакции научных и периодических изданий УОНИРИД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. S. Klementyeva — Senior Editor of the Editorial Office of scientific and periodicals of the UNIRID of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-119-124>

НИОН: 2003-0059-2/22-231

MOSURED: 77/27-003-2022-02-430

Миграционные режимы как разновидность административно-правовых режимов и их классификация

Олег Васильевич Кудин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kudin.mpf@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются понятия миграционных режимов и основания их классификации. Предлагается определение административных и миграционных режимов, их признаки и основания классификации.

Ключевые слова: правовой режим, административно-правовой режим, миграционный режим, классификация миграционных режимов

Для цитирования: Кудин О. В. Миграционные режимы как разновидность административно-правовых режимов и их классификация // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 119–124. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-119-124>.

Original article

Migration regimes as a kind of administrative and legal regimes and their classification

Oleg V. Kudin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kudin.mpf@yandex.ru

Abstract. The concepts of migration regimes and the grounds for their classification are discussed. The definition of administrative and migration regimes, their signs and grounds for classification is proposed.

Keywords: legal regime, administrative and legal regime, migration regime, classification of migration regimes

For citation: Kudin O. V. Migration regimes as a kind of administrative and legal regimes and their classification. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):119–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-119-124>.

Проблемы, связанные с правовым регулированием миграционных режимов в настоящее время приобретают особую актуальность. Это обусловлено необходимостью защиты национальных интересов Российской Федерации, обеспечения государственной безопасности и общественного порядка, повышения эффективности привлечения и использования миграционных ресурсов в направлении социального, экономического и демографического развития российского государства.

Политическая нестабильность, социально-экономические кризисы, общее возрастания темпов и напряженности жизни актуализируют проблему адекватного административно-правового регулирования различных сфер общественных отношений. Законодательно закрепленный широкий комплекс административно-правовых средств, используется органами государственного управления для специального (режимного) регулирования, охраны, обеспечения безопасности и защиты общественных отношений, стимулирования их развития в желательном для государства направлении, обеспечения прав и свобод личности в отдельных обособленных блоках правоотношений. Механизм государственно-правового регулирования в них охватывается понятием «режим».

Режим — это обеспечение со стороны государства прав и свобод человека и гражданина, установление ограничений и ответственности за их нарушения.

Слово «режим» (от латинского «управление») обозначает совокупность средств, мер воздействия, норм для достижения какой-либо цели [1, с. 673].

© Кудин О. В., 2022

В толковом словаре термин «режим» определяется в следующих значениях: «распорядок действий; условия деятельности работы, существования чего-нибудь; государственный строй» [2, с. 200].

Правовой режим — официально установленный порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования [3, с. 486].

Более полно можно предложить следующее определение правового режима: это специфический способ правового регулирования, выраженный в своеобразном комплексе правовых средств, способов и мер воздействия, основанных на комбинации стимулов и ограничений, поддержки и гарантирования, запретов и обязываний, применением мер принуждения и юридической ответственности.

Правовой режим предназначен для реализации в жизнь правовых предписаний с помощью особых средств и методов, выраженных в способах и типах правового регулирования общественных отношений.

Как правило, в литературе правовой режим определяется как определенный набор установленных и связанных между собой правил функционирования объекта государственного управления, т.е. взаимосвязанного комплекса правовых норм, регулирующих определенную систему общественных отношений [4, с. 3].

Активное формирование новой правовой системы российского государства востребовало развитие такого сложного механизма реализации права как правовой режим.

Касаясь классификации правовых режимов, можно отметить, что в теории права выработаны различные подходы и классификационные критерии выделения видов правовых режимов.

Правовые режимы классифицируются по многим основаниям:

- в зависимости от предмета правового регулирования выделяют отраслевые режимы (конституционный, административный, земельный и т. д.);
- в зависимости от их юридической природы — материальные и процессуальные;
- в зависимости от содержания — административные, таможенные и т.п.;
- в зависимости от типа правового регулирования — на общедозволительные и общеразрешительные;
- в зависимости от субъектов, в отношении которых он устанавливается, — режим граждан, иностранных граждан, беженцев, вынужденных переселенцев и т. д.;
- в зависимости от функций права — режим особого регулирования и особой охраны;

- в зависимости от соотношения правовых средств воздействия (от правового профиля) — на стимулирующие и ограничивающие;
- в зависимости от формы выражения — законные и договорные;
- в зависимости от уровня нормативных актов, в которых они установлены, — общефедеральные, региональные, муниципальные и локальные;
- в зависимости от сфер использования — внутригосударственные и межгосударственные (режимы территориальных вод, экономических санкций и пр.).

Одной из важнейших классификаций правовых режимов является их отраслевая классификация в соответствии с предметом правового регулирования. Отраслевые правовые режимы состоят из внутриотраслевых режимов в соответствии с режимным объектом и выделенной сферой правоотношений. Так, миграционные режимы являются разновидностью административно-правовых режимов.

В науке административного права выработаны классификации административных режимов на основе приведенной выше общеправовой классификации правовых режимов. Выделяют также административно-правовые режимы территорий, административно-правовые режимы организации государственного административного контроля и надзора, специальные административно-правовые режимы и т. д. [5].

Классификация видов административных режимов может осуществляться по различным основаниям, с учетом которых можно выделить следующие их виды:

- по порядку формирования: создаваемые федеральными органами государственной власти; создаваемые органами государственной власти субъектов РФ, формируемые органами местного самоуправления;
- по сфере реализации административного режима: реализуемые на всей территории страны (общефедеральные административные режимы), реализуемые на территории субъекта РФ (региональные административные режимы) или административно-территориальной единицы и реализуемые на части территории субъекта РФ или административно-территориальной единицы (локальные административные режимы);
- по субъектам, реализующим административно-правовой режим: административные режимы, реализуемые федеральными органами исполнительной власти, административные режимы, реализуемые органами исполнительной власти субъектов РФ, административные режимы, реализуемые органами местного самоуправления;
- в зависимости от характера административно-

го режима: предназначенные для чрезвычайных ситуаций и предназначенные для повседневной обычной деятельности;

- по сроку действия: срочные и бессрочные административные режимы;
- по типам административных режимов: регистрационные (уведомительные), разрешительные, правопредоставительные, легализующие, ограничительные, запретительные, смешанные, льготные и поощрительные административные режимы;
- в зависимости от порядка введения административного режима: вводимые на основании закона; вводимые по решению органа государственного управления; вводимые по решению Президента РФ и т. п.

Особым и чрезвычайно важным элементом российского правопорядка выступают административно-правовые (административные) режимы.

Административные режимы являются необходимой составной частью государственного управления как практической деятельности соответствующей системы уполномоченных государственных органов и традиционной формы реализации исполнительной власти.

Важное место, которое они занимают в системе административно-правовых средств регулирования, обусловлено тем, что установление административных режимов позволяет оптимизировать деятельность в отдельных сферах государственного управления [6, с. 46].

Как особые комплексы мер государственного воздействия и правового регулирования административные режимы выступают содержанием и движущей силой механизма государственного управления.

Необходимость в их установлении вызывается в подавляющем большинстве случаев потребностями обеспечения общественной безопасности и предотвращения социальных конфликтов. Государство вынуждено принимать адекватные меры (правовые, организационные, административно-распорядительные, материально-технические, финансовые и др.) в специальных сферах общественных отношений в целях нормализации социального управления и устойчивого обеспечения жизнедеятельности общества.

Понимание административных режимов не просто как относительно устойчивой конструкции, а, как особого регулятивного механизма, дает основание некоторым исследователям утверждать о возможности управленческой регуляции исключительно посредством административных режимов [7].

В юридической литературе сформулирован ряд дефиниций административно-правового режима, как отраслевой разновидности правового режима, учитывающего комплексное влияние предмета, метода, принципов, субъектов и источников.

Так, Д. М. Овсянко определяет его как особый

правовой режим деятельности физических и юридических лиц в сфере исполнительной власти, который устанавливается федеральным законодательством и обусловлен обстоятельствами чрезвычайного характера или особенностями вида деятельности [8, с. 41].

В науке административного права административно-правовой режим также понимается либо как урегулированный правовыми средствами комплекс управленческих мер и мероприятий, предусмотренный и реализуемый для достижения целей обеспечения национальной безопасности [9], либо как комплекс государственно-управленческих и административно-правовых мер, существенно отличавшихся от тех, которые применяются органами государственной власти и в их числе органами власти исполнительной в нормальных (обычных) условиях функционирования [10, с. 645].

Можно выделить следующие признаки административно-правовых режимов:

- обособленный объект управления, позволяющий выделять соответствующую специальную сферу государственного управления;
- относительно автономный субъект управления, наделенный необходимыми полномочиями и управленческими функциями;
- взаимосвязь между субъектом и объектом управления, основанная на определенной подчиненности объекта управления субъекту управления, а также информационный обмен между ними;
- правовые средства воздействия, выражающиеся в способах и типах правового регулирования.

В качестве факультативных признаков административного режима можно выделить:

- преимущественно общедозволительный тип правового регулирования;
- возможность установления правовых ограничений и применения мер принуждения;
- собственный механизм охраны возникающих при его реализации правоотношений.

Миграционные режимы, являясь по своей природе конституционно-правовыми институтами, в то же время представляют собой разновидность административных режимов (миграционное право рассматривается в качестве подотрасли административного права) и обладают всеми признаками, присущими административным режимам:

- наличие четко определенной цели и единых принципов;
- наличие обособленного объекта режимного воздействия;
- наличие специальных субъектов, действующих в сфере реализации миграционной политики;
- подчиненность объекта специальным субъектам, наделенным компетенцией, а также информационный обмен между ними;

- наличие совокупности (комплекса) правовых средств, взаимосвязанных в рамках данного режима и реализующих государственную-политическую деятельность в сфере миграции населения;
- стадийность реализации;
- обеспеченность организационно-правовыми мерами принуждения.

Миграционный режим, как совокупность правовых средств, объединенных едиными целями правовой миграционной политики и правилами их применения, осуществляемых субъектами, реализующими правовую миграционную политику, относится к административно-правовым режимам организации государственного административного контроля и надзора.

Формулируя определение миграционного режима, А. Н. Жеребцов отмечает, что это совокупность взаимосвязанных правовых средств, представляющих собой систему инструментов и действий, как сформулированные правила применения (реализации) указанных правовых средств, направленных на достижение четко определенных управленческих целей в сфере территориального перемещения населения [5].

А. А. Мишунина отмечает, что сущность миграционного режима пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации заключается в государственном регулировании миграционных процессов в Российской Федерации совокупностью правовых средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленных на обеспечение их устойчивого функционирования [2, с. 105].

Под миграционным режимом, установленном для иностранных граждан и лиц без гражданства, следует понимать установленную Российской Федерацией совокупность юридических и организационных способов и средств, закрепляющих комплекс прав, свобод, обязанностей и ответственности указанных лиц с целью осуществления правового регулирования их прибытия на территорию Российской Федерации, нахождения на территории Российской Федерации, выезда за пределы Российской Федерации, а также транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Учитывая, что термин «миграция» объединяет в себе два понятия — эмиграция («выезд») и иммиграция («въезд») представляется целесообразным отметить предлагаемую И. З. Черепановым классификацию административно-правовых режимов иммиграции, которая позволяет охватить основные направления административно-правового регулирования в данной сфере [8, с. 40].

В качестве оснований классификации предлагается способ правового регулирования, целевое назначение, стадия иммиграционного процесса, характер влияния на организацию управления, субъект, форма

въезда в Российскую Федерацию, правонарушение, условие функционирования. При этом акцентируется внимание на деление административно-правовых режимов иммиграции по способу правового регулирования. В качестве аргумента, отмечается, что способы правового регулирования, и прежде всего административно-правового регулирования, не только оказывают непосредственное воздействие на поведение субъектов административного права, но и в значительной мере определяют характер и жесткость других элементов данного механизма (норм, правоотношений, актов применения права).

А. Н. Жеребцов предлагает два основания классификации миграционно-правовых режимов в виде зависимости от их функционального назначения в процессе реализации правовой миграционной политики государства и цели их создания. К первой группе относятся следующие виды режимов: общие миграционно-правовые; регистрационные (уведомительные) миграционно-правовые; разрешительные; правопроставительные; легализующие. Ко второй группе относятся такие виды режимов как: регламентирующие; миграционно-поощрительные; миграционно-ограничительные; миграционно-запретительные [5].

Определенный интерес в контексте классификации миграционных режимов представляет Приложение № 1 к ранее действовавшей Федеральной миграционной программе, в котором отмечается, что миграция может различаться по причинам (добровольная или вынужденная), типу (внешняя или внутренняя), виду (возвратная или безвозвратная) [9].

При этом представляется целесообразным указать, что по каждому из миграционных режимов нормативными правовыми актами определено его назначение, гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина при его осуществлении, субъекты реализации режима, способы юридического воздействия, контроль за его соблюдением и ответственность за нарушение режима.

Классификация миграционных режимов представляет самостоятельное теоретическое и практическое значение. Представленные основания классификации миграционных режимов и дифференциации их комплексного правового воздействия на широкий спектр общественных отношений в миграционной сфере не являются исчерпывающими, при этом, позволяют сделать вывод о существующем многообразии подходов, а их применение позволит:

- модернизировать механизм реализации миграционных режимов в контексте оптимизации структуры органов их осуществляющих, исключения дублирования совершаемых действий и количестве правомочных субъектов;
- оптимизировать реализацию миграционных режимов путем унификации этапов и субъек-

тов их реализации;

- осуществить быстрый поиск, выбор и эффективное использование тех методов, которые в наибольшей мере соответствуют эффективно-му решению миграционных проблем.

Последнее актуально в свете ожидаемого реформирования миграционного законодательства и законодательства о гражданстве.

Так, выступая на заседании Совета Безопасности РФ в марте 2016 года, Президент РФ в качестве одной из актуальных проблем обозначил проблему, связанную с повышением эффективности государственной миграционной политики в интересах национальной безопасности. По словам В. В. Путина, «от профессиональных, продуманных действий в этой сфере прямо зависит обеспечение общественной стабильности, международного мира и согласия в нашей стране» [7].

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года В. В. Путин отметил, что «ситуация в сфере миграции, прежде всего нелегальной, связана с повышенными рисками и требует самого пристального внимания. Потребуется «умная» миграционная политика, построенная на четких требованиях и критериях, исключая потенциальные этнокультурные и другие риски. В первую очередь за счет привлечения на постоянное жительство в Россию наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи».

В выступлении Министра внутренних дел РФ на заседании Правительства РФ в ноябре 2017 года было отмечено, что «приоритетом остается международное сотрудничество в сфере противодействия незаконной миграции» [11].

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 24.04.2021 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что серьезное внимание уделяется повышению эффективности государственного регулирования миграционных процессов в рамках реализации соответствующей Концепции, рассчитанной до 2025 года [12].

Указанная Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [13] (далее — Концепция) была утверждена Указом Президента РФ от 31 октября 2018 года с целью упорядочения трудовой миграции и минимизации рисков от незаконной миграции. Как отмечено в Концепции, существующие миграционные правила недостаточно ясны и унифицированы. Уровень применения информационных технологий при предоставлении государственных услуг и осуществлении государственного контроля в сфере миграции остается невысоким.

Иностранные граждане, прежде всего приезжающие в Россию в целях работы, часто стремятся обойти

существующие сложности в оформлении миграционных статусов уходом «в тень» (нелегальная трудовая миграция) либо путем приобретения статуса временно и постоянно проживающих, а также российского гражданства (скрытая временная трудовая миграция). Отдельные изменения миграционного законодательства, а равно ужесточение юридической ответственности не приведут к качественному улучшению состояния миграционной сферы и формированию отвечающей интересам Российской Федерации миграционной ситуации и необходимому уровню обеспечения безопасности и правопорядка. С учетом положений Концепции необходимо системное реформирование миграционных режимов и института российского гражданства с учетом положений Концепции.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А-ТЕМП, 2004.
2. Бахрах Д. Н. Административное право. Учебник для вузов. М. : «БЕК», 1996. 465 с.
3. Административное право России. Общая часть : учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Старостина. М. : ИНФРА-М, 2010. 572 с.
4. Рушайло В. Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации : автореф. дисс. ...д.ю.н., специальность 12.00.14. М., 2004. 36 с.
5. Жеребцов А. Н. Миграционно-правовые режимы : понятие и виды // Современное право. 2008. № 1. С. 79–81.
6. Долгополов А. А. Понятие и виды нормативных правовых актов, образующих административно-правовые режимы // Российский следователь. 2006. № 9.
7. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: www.kremlin.ru.
8. Черепанов И.З. Классификация административно-правовых режимов иммиграции // Административное право и процесс. 2010. № 5. С. 40–41.
9. Указ Президента РФ от 09.08.1994 № 1668 (ред. от 13.06.1996) «О Федеральной миграционной программе» // СЗ РФ. 1994, № 18. Ст. 2065.
10. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. В кн. : Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, и А. В. Малько. М. : Юрист, 1997. 734 с.
11. Официальный сайт Министерства внутренних дел. URL: www.mvd.ru.
12. Расширенное заседание коллегии МВД России. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860> (дата обращения:

24.04.2021).

13. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., add. M. : A-TEMP, 2004.
2. Bakhrah D. N. Administrative law. Textbook for universities. M. : «БЕК», 1996. 465 p.
3. Administrative law of Russia. General part : tutorial / Edited by Dr. Yurid. Sciences, prof. S. A. Starostina. M. : INFRA-M, 2010. 572 p.
4. Rushailo V. B. Special administrative and legal regimes in the Russian Federation : abstract. diss. ...doctor of law, specialty 12.00.14. M., 2004. 36 p.
5. Zherebtsov A. N. Migration and legal regimes: concept and types // Modern law. 2008. № 1. P. 79-81.
6. Dolgoplov A. A. The concept and types of regulatory legal acts forming administrative and legal regimes // Russian investigator. 2006. № 9.
7. Official website of the President of the Russian Federation. URL: www.kremlin.ru.
8. Cherepanov I. Z. Classification of administrative and legal regimes of immigration // Administrative law and process. 2010. № 5. P. 40–41.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 09.08.1994 № 1668 (ed. of 13.06.1996) «On the Federal Migration Program» // SZ RF. 1994, № 18. Art. 2065.
10. Malko A.V. Incentives and restrictions in law. In the book. : Theory of State and law. Course of lectures / Edited by N. I. Matuzov, and A.V. Malko. M. : Jurist, 1997. 734 p.
11. Official website of the Ministry of Internal Affairs. URL: www.mvd.ru.
12. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The official website of the President of Russia [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860> (accessed: 24.04.2021).
13. Decree of the President of the Russian Federation № 622 dated October 31, 2018 «On the Concept of the State migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // SZ RF. 2018. № 45. Art. 6917.

Информация об авторе

О. В. Кудин — адъюнкт кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Kudin — Adjunct of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья
УДК 519.237.5:34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-125-128>
НИОН: 2003-0059-2/22-232
MOSURED: 77/27-003-2022-02-431

Основные направления профилактики наездов на пешеходов

Виктор Владимирович Кузнецов¹, Дмитрий Станиславович Горбатенко², Олег Михайлович Порташников³

¹ Управление Государственной Инспекции безопасности дорожного движения ГУ МВД России по Московской области, Москва, Россия, ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, mai_kaf604@mail.ru

³ Центр специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье приведены результаты анализа статистических данных о наездах на пешеходов, произошедших на улично-дорожной сети Московской области. Выявлены и сформулированы причины совершения наездов на пешеходов. Определены основные направления профилактики наездов на пешеходов.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, наезд на пешехода, транспортное средство, водитель, пешеход, пешеходный переход, профилактика дорожно-транспортных происшествий

Для цитирования: Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М. Основные направления профилактики наездов на пешеходов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 125–128. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-125-128>.

Original article

Main directions for pedestrian running prevention

Viktor V. Kuznetsov¹, Dmitry S. Gorbatenko², Oleg M. Portashnikov³

¹ State Inspectorate Road Safety General Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow Region, Moscow, Russia, ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru

² Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, mai_kaf604@mail.ru

³ Special Purpose Center in the field of road safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. This article presents the results of the analysis of statistical data on pedestrian collisions that occurred on the road network of the Moscow region. Revealed and formulated the reasons for collisions with pedestrians. The main directions of prevention of collisions with pedestrians have been determined.

Keywords: traffic safety, hitting a pedestrian, vehicle, driver, pedestrian, pedestrian crossing, prevention of road traffic accidents

For citation: Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. Main directions for pedestrian running prevention. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):125–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-125-128>.

Любой человек является участником дорожного движения, выступая или в качестве водителя, или в качестве пешехода или пассажира. При этом быть пешеходом, как и водителем, — это очень ответственно. Вероятность возникновения такого вида дорожно-транспортного происшествия (ДТП) как наезд на пешехода зависит, как и от водителей, так и от самих пешеходов. Довольно часто виновниками таких ДТП

являются именно пешеходы, переходящие улицу на красный свет светофора или в неполюженном месте. К сожалению, некоторые пешеходы даже банально забывают, что при переходе проезжей части нужно смотреть по сторонам, и убедиться в безопасности перехода. А некоторые пешеходы принципиально не делают этого.

Рассмотрим структуру наездов на пешеходов, совершенных в период 2017–2021 гг. на улично-дорож-

© Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М., 2022

ной сети (УДС) Московской области [1].

Количество наездов на пешеходов в общем количестве ДТП за это время в среднем составляет 30 %. Число погибших в них также составляет в среднем 30 % от общего числа погибших в ДТП, а доля раненных в них в общем числе раненных в ДТП в среднем составляет 22 %. За очень редким исключением все погибшие и раненные в наездах на пешеходов являлись пешеходами, что естественно, учитывая разницу в массе и динамические габариты.

Чаще всего наезды на пешеходов происходили на нерегулируемых пешеходных переходах (в среднем в 35 % случаев), и на перегонах (в среднем в 32 % случаев). В зонах нерегулируемых перекрестков происходило в среднем 18 % наездов, во внутри дворовых территориях в среднем 8 % наездов, на регулируемых пешеходных переходах в среднем 6 % наездов, в зонах регулируемых перекрестков в среднем 4 % наездов. На тротуарах (пешеходных дорожках) и на территории автомобильных стоянок, как правило у объектов массового притяжения, происходило в среднем по 3 % наездов, на территориях гаражных кооперативов и прочих мест скопления транспортных средств (ТС) происходило в среднем 2 % наездов на пешеходов. В среднем 75 % наездов на пешеходов происходило в населенных пунктах области.

В среднем четверть наездов происходила вблизи объектов массового притяжения людей и транспорта (объектов торговли), в среднем 22 % наездов происходило вблизи остановок общественного транспорта, железнодорожных и автобусных станций, в среднем 18 % наездов происходило вблизи пешеходных переходов (наземных, подземных и надземных), вблизи перекрестков и выездов с прилегающих территорий происходило в среднем 15 % наездов, вблизи производственных предприятий происходило в среднем 12 % наездов. Отсутствие в непосредственной близости объектов УДС и объектов притяжения зафиксировано в среднем в 15 % наездов.

Отсутствие в необходимых местах, неправильное применение дорожных знаков, являлось сопутствующим недостатком транспортно-эксплуатационного состояния дороги в среднем в 35 % наездов на пешеходов, отсутствие, плохая различимость дорожной разметки — в среднем в 30 % наездов, отсутствие, неисправность или недостаточность искусственного освещения проезжей части фиксировалось в среднем в 20 %, отсутствие тротуаров (пешеходных дорожек) в среднем в 5 % наездов. Отсутствие недостатков транспортно-эксплуатационного состояния дороги фиксировалось в среднем в 60 % наездов на пешеходов. В среднем в 80 % наездов за исследуемое время фиксировалось отсутствие каких-либо факторов, влияющих на режим движения в местах наездов на пешеходов, а такие факторы, как сужение проезжей части и тро-

туаров припаркованным транспортом или вследствие проведения ремонтных работ, фиксировались в среднем в 10 % наездов.

Сухое состояние проезжей части в местах наездов фиксировалось в среднем в половине наездов на пешеходов, мокрое состояние проезжей части в среднем в 38 %, а заснеженность, гололедные образования, в среднем в 10 % наездов на пешеходов.

В условиях пасмурной погоды за исследуемое время происходило в среднем 48 % наездов на пешеходов, при ясной погоде в среднем 40 %, а в условиях дождя или снегопада происходило в среднем 10 % наездов на пешеходов.

В светлое время суток в среднем происходило 45 % наездов, в темное время суток при включенном освещении происходило в среднем 40 % наездов, а в темное время суток при не включенном или отсутствующем освещении происходило в среднем 14 % наездов на пешеходов.

Подавляющее большинство (99 %) наездов происходило на горизонтальных участках дорог, и 95 % наездов происходило на прямых участках дороге в плане.

В среднем 70 % наездов на пешеходов происходило на улицах или автомобильных дорогах с 2 полосами для движения, в среднем 20 % наездов происходило на многополосных участках улиц или автомобильных дорог. В среднем 85 % наездов на пешеходов происходило на участках улиц и автомобильных дорог, не имеющих разделительной полосы.

За исследуемый период времени в среднем в 60 % наездов на пешеходов фиксировались нарушения правил дорожного движения (ПДД) водителями транспортных средств (ТС), в среднем в 40 % наездов фиксировались нарушения ПДД самими пешеходами. В среднем в 10 % наездов фиксировалось нарушение ПДД водителями, и пешеходами. Также отмечены случаи наездов на пешеходов, причиной которых явились серьезные недостатки транспортно-эксплуатационного состояния дороги в местах наездов, нарушения ПДД обеими сторонами не зафиксированы (в среднем 5 % наездов).

Среди нарушений ПДД, допущенных водителями при наездах на пешеходов, преобладает «нарушение правил проезда пешеходных переходов» (в среднем в 60 % наездов по вине водителей), «несоблюдение условий, разрешающих движение задним ходом» в среднем в 20 % наездов по вине водителей, «несоответствие скорости конкретным условиям движения» в среднем в 15 % наездов по вине водителей. В среднем в 5 % наездов помимо нарушений ПДД, водители находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Среди нарушений ПДД пешеходами преобладает «переход проезжей части вне пешеходного перехода в зоне его видимости» (в среднем в 35 % наездов по вине

пешеходов), «переход проезжей части в запрещенном или неустановленном месте» в среднем в 20 % наездов, «ходьба по проезжей части при удовлетворительном состоянии тротуаров или обочин» в среднем в 15 % наездов, «нахождение на проезжей части без цели ее перехода» и «неподчинение сигналам светофора или регулировщика» в среднем в 10 % наездов каждое, и «неожиданный выход на проезжую часть из-за ТС, деревьев, сооружений» в среднем в 8 % наездов по вине пешеходов.

В среднем в 10 % наездов на пешеходов пешеходы были без световозвращающих элементов, а в среднем в 5 % наездов пешеходы находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Среди водителей, нарушивших ПДД в наездах на пешеходов, имели водительский стаж свыше 10 лет в среднем 65 %, стаж от 5 до 10 лет в среднем 15 %, со стажем до 2 лет в среднем 8 %, от 3 до 5 лет в среднем 7 %. Преобладает возрастная группа 30–49 лет (в среднем 30 %), далее 20–29 лет (20 %), 40–49 лет (20 %) и возрастная группа 60 лет и старше (15 %). Среди них в среднем 90 % являлись гражданами России, из них, в свою очередь, в среднем 85 % состояли на регистрационном учете в Московском регионе (Московская область и г. Москва).

Среди пешеходов, нарушивших ПДД в наездах на пешеходов, доля находящихся в возрасте до 7 лет составляла в среднем 5 %, находящихся в возрасте 7–16 лет составляла в среднем 10 %. Распределение по возрастным группам 16–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60–69 лет, и 70 лет и старше в среднем составляла по 14 %. Среди них в среднем 90 % являлись гражданами России.

Проведенный анализ статистических данных о наездах на пешеходов [1] позволил определить, что основной причиной наездов является пренебрежение требований ПДД как со стороны водителей, так и со стороны пешеходов.

Поэтому, основной целью профилактики дорожно-транспортной аварийности, наездов на пешеходов в частности, является создание условий, обеспечивающих соблюдение требований ПДД участниками дорожного движения.

Применительно к профилактике наездов на пешеходов такими условиями могут быть:

- организация и обустройство движения транспортных и пешеходных потоков в местах их пересечений;
- контроль за соблюдением участниками движения требований ПДД;
- пропаганда мер индивидуальной профилактики безопасного поведения пешеходов.

Организация и обустройство движения транспортных и пешеходных потоков в местах их пересечений включает в себя следующие инженерные решения:

- создание, и поддержание в удовлетворитель-

ном состоянии, тротуаров (пешеходных дорожек) и обочин в необходимых местах;

- внедрение ограждений проезжей части от несанкционированного выхода на нее пешеходов;
- наличие в зонах пешеходных переходов соответствующих дорожных знаков и разметки;
- обеспечение видимости пешехода при подходе к проезжей части и при переходе проезжей части, выражаемое в виде создания искусственного освещения проезжей части, дополнительной подсветки пешеходных переходов, установки дополнительных знаков с подсветкой на верхней консоли над переходом, специальной подсветки под ногами на тротуаре, создание островков безопасности, и отсутствия объектов, затрудняющих обзор (сооружения, деревья, кустарники, припаркованный транспорт и т. п.) в зонах переходов;
- обеспечение принудительного снижения скорости ТС при подъезде к пешеходному переходу (нанесение шумовой ребристой разметки, создание искусственных неровностей и т. п.);
- регулирование движения по пешеходным переходам;
- создание пешеходных переходов в разных уровнях.

Организация движения должна быть направлена на то, чтобы максимально разделять транспортные и пешеходные потоки в пространстве и во времени. Пешеходы не должны пересекать многополосные дороги по нерегулируемым пешеходным переходам [2].

Осуществление надзора за движением и контроль за соблюдением участниками движения требований ПДД имеет цель предупреждать возможные нарушения ПДД со стороны участников дорожного движения, которые могут привести к ДТП, наездам на пешеходов в частности. Инструментами осуществления надзора и контроля за движением являются наличие экипажей дорожно-патрульной службы (ДПС), наличие средств автоматической фиксации нарушений ПДД, и виды, и размер (в рублях) административной ответственности за нарушение ПДД.

Эффективность (с точки зрения предотвращения ДТП) применения выше предложенных технических решений организации и обустройства движения транспортных и пешеходных потоков в местах их пересечений, а также усиления надзора и контроля за движением, определена с помощью методики математического моделирования аварийности, активно применяемой для профилактики аварийности на отдельных участках УДС Московской области. Проведенные сравнения прогнозных значений эффективности с фактическими данными позволяют утверждать, что внедрение этих мер действительно способно предотвращать возникновение наездов на пешеходов, и, как следствие, предот-

вращать гибель и ранение в них людей [3].

Также очень важным направлением профилактики наездов на пешеходов является т. н. индивидуальная профилактика безопасного поведения самими пешеходами. Это главным образом следующие обязанности пешеходов:

- начинать переход проезжей части по нерегулируемому пешеходному переходу только оценив расстояние до приближающихся ТС, убедившись в собственной видимости для водителей ТС, и, соответственно, безопасности дальнейшего перехода;
- использовать световозвращающие предметы при ходьбе по обочинам или краю проезжей части в темное время суток и в условиях плохой погоды.

На сегодняшний день данное направление может быть реализовано в виде различных пропагандистских акций, рекламы, тематических бесед, лекций, проводимых у пешеходных переходов, на остановках общественного транспорта, в средствах массовой информации, в учебных заведениях, и т.п.

Сознательное, законопослушное поведение всех участников движения может и должно сделать дорожное движение безопаснее. Для профилактики наездов на пешеходов необходимо воздействовать на поведение и водителей, и пешеходов. В ПДД исчерпывающе прописаны обязанности всех участников движения. Необходимо только добиться их осознанного выполнения.

Информация об авторах

В. В. Кузнецов — Заместитель начальника полиции — Начальник Управления Государственной Инспекции безопасности дорожного движения ГУ МВД России по Московской области;

Д. С. Горбатенко — старший научный сотрудник кафедры «Системный анализ и управление» Московского авиационного института (национального исследовательского университета);

О. М. Порташников — заместитель начальника Центра специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России.

Information about the authors

V. V. Kuznetsov — Deputy Head of Police — Head of the State Inspectorate Road Safety General Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow Region;

D. S. Gorbatenko — Senior Researcher of the Department «System Analysis and Management» of the Moscow Aviation Institute (National Research University);

O. M. Portashnikov — Deputy Head of the Special Purpose Center in the field of road safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022. The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Список источников

1. Статистические данные о дорожно-транспортной аварийности на территории Московской области за 2017–2021 г. М. : УГИБДД ГУ МВД России по Московской области, 2017–2021.
2. Лукьянов В. В. Безопасность дорожного движения. М. : Транспорт, 2008, 106 с.
3. Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М. Адекватность применения методики математического моделирования в целях разработки программ, направленных на повышение уровня безопасности движения на региональных автодорогах на территории Московской области // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. Выпуск № 4. С. 64–70.

References

1. Statistical data on road traffic accidents on the territory of the Moscow region for 2017–2021 M. : UGIBDD GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow region, 2017–21.
2. Lukyanov V. V. Road safety. M. : Transport, 2008. 106 p.
3. Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. Adequacy of the use of mathematical modeling techniques in order to develop programs aimed at increasing the level of traffic safety on regional highways in the Moscow region // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Issue № 4. P. 64–70.

Научная статья
УДК 342.721.6:340.131.4
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-129-134>
НИОН: 2003-0059-2/22-233
MOSURED: 77/27-003-2022-02-432

Конституционно-правовое регулирование свободы передвижения граждан в Российской Федерации с применением QR-кодов

Лариса Анатольевна Ларина¹, Владимир Александрович Пичугин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ larinala@list.ru

² pichugin2003@ro.ru

Аннотация. Внезапно появившийся высококонтагиозный вирус, связанные с ним ограничения и введение системы цифровой идентификации личности с помощью QR-кодов — как это сказалось на обществе и праве?

Ключевые слова: коронавирус, ограничения, QR-код, свобода передвижения

Для цитирования: Ларина Л. А., Пичугин В. А. Конституционно-правовое регулирование свободы передвижения граждан в Российской Федерации с применением QR-кодов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 129–134. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-129-134>.

Original article

Constitutional and legal regulation of the freedom of movement of citizens in the Russian Federation using QR-codes

Larisa A. Larina¹, Vladimir A. Pichugin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ larinala@list.ru

² pichugin2003@ro.ru

Abstract. The sudden appearance of a highly contagious virus, the restrictions associated with it and the introduction of a digital identity identification system using QR codes — how did this affect society and law?

Keywords: coronavirus, restrictions, QR code, freedom of movement

For citation: Larina L. A., Pichugin V. A. Constitutional and legal regulation of the freedom of movement of citizens in the Russian Federation using QR codes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):129–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-129-134>.

Свобода передвижения граждан по территории государства является одним из важнейших элементов свободы личности, условием профессионального и духовного развития человека [1]. Свобода передвижения, запрет на ограничение въезда в страну и выезда из неё гарантируются международными документами в области прав человека, такими как, ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2] и ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [3].

По решению Всемирной организации здравоохранения 11 марта 2020 года ситуация, вызванная вспышкой коронавирусной инфекцией, признана пандемией. Это обстоятельство поставило перед Российской Федерацией, как перед частью мирового сообщества,

множество задач: политические, экономические медицинские, социальные, юридические. Важное значение имела задача ограничения контактов между людьми. Цель — снижение скорости передачи коронавируса от человека к человеку. Всемирная организация здравоохранения 19 марта 2020 года приняла Рекомендации по сдерживанию вспышки коронавирусной болезни (COVID-2019), связанной с помещением населения в карантин. Для решения ряда задач в целях сохранения общественного здравоохранения, меры могут включать во-первых, ограничение передвижения; во-вторых, отделение граждан, которые могли быть подвержены воздействию вируса, от остального населения. Раннее выявление случаев заболевания даст шанс заболевшим скорее выздороветь и приносить пользу государству.

© Ларина Л. А., Пичугин В. А., 2022

С началом введения чрезвычайной ситуации международного значения в области здравоохранения из-за вируса COVID-19 в большинстве государств мира произошли большие изменения, связанные с вводимыми ограничениями. Эти ограничения, значительно возросшие с перенесением Всемирной организацией здравоохранения вспышки заболевания COVID-19 из статуса эпидемии в статус пандемии, требовали правового оформления, потому что соблюдение данных предписаний — необходимость не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества. В том числе и в Российской Федерации, которую коронавирусная инфекция тоже не обошла стороной. В спешке введенные ограничения некоторые части населения восприняли оппозиционно к принимаемым государством мерам, а некоторые средства массовой информации поддерживали идею о неправомерности новых предписаний (например, некоторые интернет-издания, например, «Медиазона» [4]).

В связи со сложной эпидемиологической ситуацией, большой смертностью населения, органами государственной власти были приняты меры по запрету посещения гражданами некоторых иностранных государств, а так же, и ограничения въезда в Российскую Федерацию некоторых иностранцев. Такие же меры касались и перемещения внутри страны, а в некоторые периоды в пределах соответствующего субъекта Российской Федерации, за исключением некоторых спецсубъектов. В определенные периоды в Российской Федерации, был введен локдаун.

В связи этими событиями, органы государственной власти сталкивались с проблемами уяснения обществом масштабности проблемы пандемии. Так, Конституционный Суд Российской Федерации, по запросу Протвинского городского суда Московской области рассматривал вопрос о соответствии законов, вводящих ограничения на передвижение [5]. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации о проблеме правомерности введения местными властями ограничений, в соответствии с ч. 1 ст. 27 Конституции РФ: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» [6]. Однако есть исключения, установленные, например, для режимных и особо режимных объектов или лиц, находящихся в местах лишения свободы. Такие исключения, как мы знаем, предусмотрены ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Однако, ограничения предписаны так же подпунктом 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» [7], которое находится в иерар-

хии актов намного ниже, чем федеральные законы. По этой причине, Протвинский городской суд Московской области посчитал, что Губернатор Московской области превысил полномочия, издав вышеуказанный акт, и нарушил статьи 15, 17, 18, 27, 55, 71 и 72 Конституции РФ, ограничив свободу передвижения граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации поясняет: «Конституция Российской Федерации (статьи 2, 7 и 41) исходит из того, что жизнь и здоровье человека — высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образуют одну из основополагающих конституционных обязанностей государства». Природа актов Конституционного Суда РФ такова, что они обязательны как для заявителей, так для органа, издавшего такой акт, а так же и для всех государственных органов, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц. Акт Конституционного Суда Российской Федерации окончателен, не подлежит обжалованию, вступают в силу после провозглашения, действует непосредственно, не требует утверждения иными органами и должностными лицами и обладают государственно-властным велением.

Безусловно, ответственность за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе путем принятия и исполнения законов, направленных на предотвращение и устранение рисков для жизни и здоровья граждан, возникающих в связи с эпидемическими заболеваниями возложены на государство — Российскую Федерацию. Конечно, Российская Федерация несет ответственность за население. Правовые средства, направленные на защиту жизни и здоровья граждан, в целях предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с эпидемическими заболеваниями, относится к праву законодателя, который, осуществляет защиту прав и свобод человека и гражданина, устанавливает соответствующее ситуации правовое регулирование, обязан предусмотреть конкретные эффективные гарантии соблюдения иных прав и свобод граждан, соответствующие целям сохранения жизни граждан и их здоровья.

Реализация гражданами права на свободу передвижения в условиях возникновения реальной общественной угрозы предполагает проявление с их стороны разумной сдержанности. Принятие государством конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер в отношении данного права, направленно на коллективную безопасность общества перед возникновением общей глобальной угрозы. Это является проявлением социальной солидарности, основанной на взаимном доверии общества и государства.

С учетом этого, введение ограничений прав граждан, обусловленных распространением опасных — как для жизни и здоровья граждан, так и по своим социальным, экономическим последствиям — эпидемических заболеваний, требует обеспечения кон-

ституционно-приемлемого баланса между защитой права и свободы конкретного гражданина и жизни и здоровья населения. Для поддержания приемлемых условий жизнедеятельности общества это является главным акцентом спора. При этом, обеспечение является естественным элементом механизма правового регулирования (при необходимости соблюдения ограничений мерами юридической ответственности, в том числе административной). Осуществление же соответствующего регулирования и правоприменения представляет собой особую задачу, уклониться от решения которой государство не вправе (ст. 18 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, введение со стороны государства различных ограничений на передвижение правомерно. В таком случае, необходимо обратить внимание на то, как планируется система регулирования передвижения людей по территории России — введение QR-кодов.

Как видит каждый житель более-менее крупного города России, а тем более — столицы, ограничения свободы передвижения сильно сказались на жизни людей, в основном негативно. Даже если не учитывать так называемых «антипрививочников», которые практически образовали отдельный социальный слой, неприязненное отношение рядовых граждан к вводимым властью ограничениям можно проследить в современном фольклоре: так, коронавирус получил название «коровий вирус», а QR-коды — «куриные коды».

QR-коды заслуживают отдельного упоминания во всей этой «коронавирусной истории»: согласно новостному сайту rbc.ru [8], россияне называют их введение «началом цифрового концлагеря» и привязывают их появление к мифу «мирового чипирования» [9]. Из-за негативного отношения населения к QR-кодам, согласно данным портала «Новости mail.ru», в Кремле обсуждают названия документа, который будет гарантировать посещение привитыми людьми общественных учреждений. Таким образом, власть «планирует свести к минимуму использование термина «QR-код».

Вообще, QR-коды никогда ранее не применялись как средство идентификации: изначально они создавались для целей маркировки товаров и грузов и рекламирования различной продукции, поскольку они являются информацией визуальной, а потому незащищённой при предъявлении в общественных местах. На этой почве уже существуют различные мошеннические схемы: начиная от продажи кодов людям, не желающим прививаться, заканчивая хищением личной информации. Последнее может осуществить кто угодно — достаточно просто сфотографировать этот самый код и перейти по нему на сайт Госуслуг. На такие случаи, должен быть применен Уголовный Кодекс Российской Федерации. Например, «т. к. QR-код содержит гиперссылку на сертификат о вакцинации с номером, датой рождения и датой вакцинации, он будет считаться официальным документом. Поэтому использование заведомо подложного QR-кода может наказываться по п. 5

ст. 327 УК» [10]. Использование чужого QR-кода также наказуемо — ч. 1 ст. 13.11 КоАП. А если злоумышленник сфотографировал QR-код и с его помощью добыл личную информацию о человеке, в том числе сведения о вакцинации, то ему будет предъявлено обвинение по ст. 137 УК РФ. Таким образом, использование QR-кода не опаснее предъявления паспорта при покупке табачной продукции в магазине.

12 ноября 2021 года правительство внесло в Госдуму законопроект о введении QR-кодов в общественных местах, которое было принято первом чтении 16 декабря [11]. Согласно изначальной концепции, гражданам планировалось обязать предъявлять электронные сертификаты с QR-кодами и в общественных местах, и на транспорте. Однако председатель Госдумы Вячеслав Володин сообщил, что проект о необходимости сертификатов на транспорте был снят с обсуждения. Данное решение вполне взвешенно, так как существует ряд причин, которые можно предположить самостоятельно:

- отсутствие у части населения доступа к интернету — в России 81 % населения имеет доступ к интернету, однако данные вычисления достаточно грубы, поскольку часть населения, имея возможность подключения к Сети, отказывается от её использования;
- отсутствие современных мобильных устройств у многих граждан — кто-то отказывается от новых моделей компактных устройств, имеющих связь с интернетом посредством сотовой связи, в силу дороговизны, кто-то — по причине неустойчивости к механическим повреждениям, а кто-то — из-за обскурантистского склада мышления;
- задержка работы транспортных артерий из-за проведения проверок сертификатов пассажиров - не стоит забывать, что QR-код является визуальной информацией, поэтому для его считывания необходим лазерный сканер, который нужно непосредственно приблизить считывающей частью к изображению. Это требует времени, особенно, если речь идёт о неблагоприятных погодных условиях: повышенной влажности, осадках и т. д.

В соответствии с этим кратким перечнем причин, вероятно, и было принято решение о снятии проекта с рассмотрения Госдумой.

Однако контроль общественных мест не так прочно привязан ко времени, да и не всем гражданам необходимо посещать какие-либо заведения за исключением места работы и магазинов товаров первой необходимости, на которые, вероятнее всего, закон не будет распространять своё действие.

Анализируя вышеназванное, можно сделать вывод, что скоро QR-коды, как когда-то ИНН станут частью нашей повседневной жизни. Однако, информацию, закодированную в виде QR-кода, можно закодировать

цифровым путём. Таким образом, можно будет упростить её считывание — не будет требоваться время на сканирование визуальных данных, а также пропадёт проблема погодных условий, если речь идёт о проверке у дверей заведения на улице. Тем более, опыт электронного документооборота в сфере идентификации личности уже имеется в других государствах, и этот опыт при должном анализе можно применить и к российским реалиям.

Использование электронных средств идентификации в Мире. При упоминании «электронных паспортов» сразу же на ум приходит Китай, в которой система электронной идентификации успешно работает уже почти 17 лет. Основой системы является шеньфэньчжень, или Удостоверение личности гражданина Китайской Народной Республики, представляющая собой пластиковую карту со встроенной платой интегральной схемы (integrated circuit card). Такие карты были запущены в эксплуатацию ещё 1 января 2004 года взамен обычных ламинированных пластмассовых карт первого поколения без электроники. Карты второго поколения в обязательном порядке содержат, согласно закону КНР «Об удостоверениях личности» (в редакции 2011 года) (в переводе Бажанова П. В.) «имя и фамилию, пол, национальность, дату рождения, адрес постоянного проживания, номер удостоверения гражданина, фотографию владельца удостоверения, дактилоскопическую информацию, срок действия удостоверения и наименование органа, выдавшего удостоверение» (ст. 3) [12]. При том, согласно той же статье, для восстановления утраченного удостоверения необходимо лишь предоставить дактилоскопическую информацию. Достаточно удобная система. Также предполагается введение в гражданский документооборот карт третьего поколения, содержащих помимо обязательной информации любую другую, которую захочет пользователь — будь это реквизиты банковского счёта для совершения быстрых платежей, медицинская карта, которую можно будет моментально предоставить врачу или скидочная карта магазина [13]. Вероятно, в неё можно будет внести и информацию о вакцинации, что уже близко к нашей теме.

Ещё одна страна, включившая электронную идентификацию личности в активный документооборот — Эстония. Поскольку страна занимает всего лишь 45 227 кв. км, а её население (по данным переписи 1 января 2021 года) составляет менее 1,5 миллиона человек, ввести так называемые ID-карты в оборот среди населения было не такой сложной задачей, как в Китае. Содержащаяся на такой карте информация почти ничем не отличается от информации на шеньфэньчжэнях, однако существенной деталью, выделяющей её на фоне китайских карт, является электронная подпись, которая, согласно части 1 параграфа 3 эстонского «Закона об электронной подписи» («Digitaalallkirja seadus») «должна иметь те же правовые последствия, что и собственноручная подпись» [14]. Получается,

носитель карты может подписать электронный документ, не печатая его и не доставая ручку из кармана, а просто приложив ID-карту к считывателю.

Также похожие документы есть в Польше, Израиле, Сингапуре, Гане и во многих других странах. Проект о введении идентификационных карт в России был создан ещё в 2019 году. Такая карта должна будет содержать основную информацию из паспорта, СНИЛС, ИНН и биометрические данные. Во время обсуждения предполагаемой датой называли 2023 год [15]. Возможно, такой проект осуществится, однако существует ряд проблем, мешающих введению таких масштабных изменений в национальном документообороте, к которым можно отнести, например, высокая численность населения и беспрецедентно крупная территория, требующая соответствующего контроля на всей своей протяжённости и т. д.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <http://base.garant.ru/10106058>.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <http://base.garant.ru/2540295/>
3. Протокол № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней от 16 сентября 1963 года. [Электронный ресурс] / Информационный портал Ozlib.com. URL: https://ozlib.com/967845/pravo/protokol_evropeyskoy_konventsii_zaschite_prav_cheloveka_osnovnyh_svobod_obespechenii_nekotoryh_prav_svobo.
4. «Куриные коды и шмон наостановках. Что происходит в Казани после введения обязательных QR-кодов на транспорте» [Электронный ресурс] / Интернет-СМИ «Медиазона». URL: <https://zona.media/article/2021/11/24/qz-kazan/>
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П город Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для

- органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» [Электронный ресурс] / Интернет-портал «Российской газеты» RG.RU. URL: <https://rg.ru/2021/01/15/postanovlenie-ks-o-rejime-povyshgotovnosti-v-podmoskovje-dok.html>.
6. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>
 7. Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области» [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал Правительства Московской области. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyatogubernatorom/postanovleniya/12-03-2020-16-59-52-postanovlenie-gubernatora-moskovskoy-oblasti-ot>.
 8. Новостной сайт rbc.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru>.
 9. Статья «Как спорить с антиваксером, вред санкций США для Минска. Главное за ночь» [Электронный ресурс] / Новостной сайт rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/ins/society/03/12/2021/61a99ae09a7947a0d9d2aa31/>
 10. Статья «Эксперты рассказали о схемах мошенничества с QR-кодами» [Электронный ресурс] / Новостной сайт rbc.ru. URL: https://www.rbc.ru/society/05/12/2021/61ac5d659a79475f6faa89db?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop.
 11. Госдума приняла в I чтении законопроект о QR-кодах в общественных местах [Электронный ресурс] / Новостной сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211216/zakonoproekt-1764068370.html>.
 12. Закон КНР «Об удостоверениях личности» (в редакции 2011 г.) [Электронный ресурс] / Информационный портал Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_resident_identity_card_law_revised_2011_russian/
 13. «Китайские ID-карты. От ветхих бумажек до карты «все в одном» [Электронный ресурс] / Веб-сайт «Хабрахабр». URL: <https://habr.com/ru/post/377241/>
 14. Digitaalalkirja seadus (Закон о цифровой подписи) [Электронный ресурс] / Официальное издательство правительства Эстонии «Рийги Театая». URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13314840>.
 15. «Электронные паспорта РФ будут введены в 2024 году» [Электронный ресурс] / Информационный ресурс iot.ru. URL: <https://iot.ru/gorodskaya-sreda/elektronnye-pasporta-rf-budut-vvedeny-v-2024-godu>.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.04.1996 № 9-П «On the case of checking the constitutionality of a number of normative acts of the city of Moscow and the Moscow Region, Stavropol Territory, Voronezh Region and the city of Voronezh regulating the procedure for registration of citizens arriving for permanent residence in the named regions» [Electronic resource] / Information and legal portal GARANT.RU. URL: <http://base.garant.ru/10106058>.
2. The International Covenant on Civil and Political Rights (New York, December 16, 1966) [Electronic resource] / Information and legal portal GARANT.RU. URL: <http://base.garant.ru/2540295/>
3. Protocol No. 4 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and its First Protocol of September 16, 1963. [Electronic resource] / Information Portal Ozlib.com. URL: https://ozlib.com/967845/pravo/protokol_evropeyskoy_konventsii_zaschite_prav_cheloveka_osnovnyh_svobod_obespechenii_nekotoryh_prav_svobo.
4. «Chicken codes and shmon at bus stops. What happens in Kazan after the introduction of mandatory QR codes on transport» [Electronic resource] / Mediazona Internet media. URL: <https://zona.media/article/2021/11/24/qr-kazan/>
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 25, 2020 № 49-П the City of St. Petersburg «In the case of checking the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the decree of the Governor of the Moscow Region «On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the management bodies and forces of the Moscow Regional Emergency Prevention and Response System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) in the Moscow Region» in connection with the request of the Protvinsky City

- Court of the Moscow Region» [Electronic resource] / The Internet portal of Rossiyskaya Gazeta RG.RU. URL: <https://rg.ru/2021/01/15/postanovlenie-ks-o-rejime-povyshgotovnosti-v-podmoskovje-dok.html>.
6. The new text of the Constitution of the Russian Federation with amendments 2020 [Electronic resource] / Official Internet portal of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>
 7. Resolution of the Governor of the Moscow Region № 108-PG dated 12.03.2020 «On the introduction of a high-alert regime in the Moscow Region for the Management bodies and forces of the Moscow Regional Emergency Prevention and Response System and Some Measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (2019-nCoV) in the Moscow Region» [Electronic resource] / Official Internet Portal of the Government of the Moscow Region. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyatogubernatorom/postanovleniya/12-03-2020-16-59-52-postanovlenie-gubernatora-moskovskoy-oblasti-ot>.
 8. News site rbc.ru [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru>.
 9. Article «How to argue with the anti-vaxxer, the harm of US sanctions for Minsk. The main thing for the night» [Electronic resource] / News site rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/ins/society/03/12/2021/61a99ae09a7947a0d9d2aa31/>
 10. Article «Experts told about fraud schemes with QR codes» [Electronic resource] / News site rbc.ru. URL: https://www.rbc.ru/society/05/12/2021/61ac5d659a79475f6faa89db?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
 11. The State Duma adopted in the first reading a bill on QR codes in public places [Electronic resource] / RIA Novosti news site. URL: <https://ria.ru/20211216/zakonoproekt-1764068370.html>.
 12. The law of the People's Republic of China «On identity cards» (as amended in 2011) [Electronic resource] / Information Portal Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_resident_identity_card_law_revised_2011_russian/
 13. Chinese ID cards. From old pieces of paper to an all-in-one map [Electronic resource] / Habrahabr website. URL: <https://habr.com/ru/post/377241/>
 14. Digitaalalkirja seadus (Digital Signature Law) [Electronic resource] / Official Publishing House of the Government of Estonia «Riigi Teataya». URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13314840>.
 15. «Electronic passports of the Russian Federation will be introduced in 2024» [Electronic resource] / Information resource iot.ru. URL: <https://iot.ru/gorodskaya-sreda/elektronnye-pasporta-rf-budut-vvedeny-v-2024-godu>.

Информация об авторах

Л. А. Ларина — заместитель начальника кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Пичугин — Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

L. A. Larina — Deputy Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Pichugin — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов:

Ларина Л. А. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста;

Пичугин В. А. — написание исходного текста.

Contribution of the authors:

Larina L. A. — scientific guidance; research concept; revision of the text;

Pichugin V. A. — writing the source text.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-135-138>

НИОН: 2003-0059-2/22-234

MOSURED: 77/27-003-2022-02-433

Вопросы применения демократического стиля управления в органах внутренних дел Российской Федерации

Владимир Михайлович Ленский

Рязанский филиал Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
Vmlenskiy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу применения демократического стиля управления в органах внутренних дел Российской Федерации. В работе проводится исследование соотношения руководителей среднего и старшего начальствующего состава территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, применяющих демократический стиль управления. Полученные данные являются результатом опроса 350 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в пяти регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов Российской Федерации.

В статье приводится авторская формулировка определения демократического стиля управления, применяемого в органах внутренних дел Российской Федерации, а также указываются обстоятельства, способствующие не значительному применению данного стиля управления.

Ключевые слова: стиль управления в органах внутренних дел Российской Федерации, субъект управленческой деятельности, харизматический руководитель, руководитель-демократ, эффективно управляющий руководитель

Для цитирования: Ленский В. М. Вопросы применения демократического стиля управления в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 135–138. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-135-138>.

Original article

Issues of application of democratic management style in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Vladimir M. Lensky

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, Vmlenskiy@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the application of the democratic management style in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The paper investigates the ratio of the heads of the middle and senior commanding staff of the territorial divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation using a democratic management style. The data obtained are the result of a survey of 350 employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation serving in five regions of the Central and North-Western Federal Districts of the Russian Federation. The article presents the author's formulation of the definition of the democratic management style used in the internal affairs bodies of the Russian Federation, and also indicates the circumstances that contribute to the non-significant use of this management style.

Keywords: management style in the internal affairs bodies of the Russian Federation, subject of managerial activity, charismatic leader, democratic leader, effectively managing head

For citation: Lensky V. M. Issues of application of the democratic management style in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):135–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-135-138>.

© Ленский В. М., 2022

В научной литературе имеется достаточное разнообразие трактовки словосочетания «стиль управления». Большая часть этих определений является равнозначной по своим основным признакам. Так, стиль управления можно понимать, как устойчивый комплекс черт руководителя, проявляющихся в его отношении с подчиненными, либо как систему методов принятия управленческих решений при взаимодействии с ними. Иными словами, стиль управления — это совокупность присущих руководителю личностных черт и приобретенных качеств, а также методов, и поступков, применяемых им в качестве наиболее привычного образа действий во взаимоотношениях с подчиненными сотрудниками.

Представляется целесообразным согласиться с позицией В. Г. Алексеева, согласно которой при управлении людьми успех приходит к тому из руководителей кто умело опирается на коллектив сотрудников, на умение и творческую инициативу всех без исключения подчиненных [1, с. 61].

Вопросами классификации стилей управления занимались многие ученые, среди которых следует отметить Дугласа МакГрегора, Лайкерта, Курта Левина, Блэйка-Моутона, Гоулмана Дэниела, Бояциса Ричарда, Макки Энни, Шарль-Луи Монтескье, В. П. Горяинова и ряд других исследователей [3, с. 48].

Однако, несмотря на многочисленные школы видов стилей управления безупречная манера управленческой деятельности наукой и практикой до сих пор так и не определена. Поэтому в органах внутренних дел Российской Федерации руководителями среднего и старшего начсостава территориальных подразделений чаще всего применяются авторитарный, индивидуальный и демократический стили управления.

В настоящей публикации будет обобщена краткая характеристика демократического стиля управления, рассмотрены отдельные дискуссионные вопросы применения демократической модели управленческой деятельности со стороны руководителей среднего и старшего начсостава территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, а также будет осуществлена попытка формулировки авторского определения демократического стиля управления, применяемого в органах внутренних дел Российской Федерации.

Представляется, что в самом общем виде под стилем управления в органах внутренних дел Российской Федерации следует понимать вошедший в привычный образ поведения субъекта управления стереотип руководства объектами управления, а также модель взаимодействия (сотрудничества) с равнозначными и вышестоящими субъектами управления.

Следует иметь в виду, что каждому руководителю органов внутренних дел Российской Федерации присущ конкретный стиль управления, характеризующий

его в качестве субъекта управленческой деятельности. В случае, когда руководитель автоматически, подсознательно применяет тот или иной стиль управления, не вдаваясь в его сущность, он все равно является обладателем определенной модели управленческой деятельности.

Важно знать, что стиль осуществляемой руководителем управленческой деятельности присущ ему в силу природных психофизиологических особенностей индивида, типа темперамента, а также, в силу приобретенных личных качеств, опыта, навыков, анализа сложившейся объективной ситуации и ряда иных детерминантов.

Каждая из существующих моделей управления, в зависимости от опыта и мотивации руководителя, сплоченности и стимулирования коллектива сотрудников, сложившейся оперативной обстановки, объективного состояния управляющей и управляемой систем, имеет как свои приоритеты, так и свои недочеты. Именно от обладания руководителем багажом знаний о существующих стилях управления, от умения выбора и применения в конкретной объективной жизненной ситуации того или иного стиля управления, в целом, зависит эффективность его управленческой деятельности.

Так, например, руководитель территориального подразделения МВД РФ, в своей повседневной служебной деятельности опирающийся на демократический стиль управления, не может применять его в чрезвычайных ситуациях, когда требуются стремительные действия для принятия срочного самостоятельного решения. Не вполне оправдан демократический стиль управления, как при задержании преступников, так и при пресечения преступных деяний, а также розыске правонарушителей по «горячим следам».

С определенной осторожностью следует относиться к применению руководителем демократического стиля управления в отношении систематически допускающих дисциплинарные проступки подчиненных. Поскольку, при недостаточно устойчиво сформированном коллективе сотрудников, это чревато возникновению у отдельных из них состояния ложного понимания методов демократизма и подменой их методами попустительства, бесконтрольности, а также не усмотрения в управленческой деятельности руководителя наличия внутреннего магнетизма и его уверенности в своих силах.

Для выявления частоты применения демократического стиля управления со стороны руководителей среднего и старшего начсостава территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации проведен опрос 350 респондентов из числа лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, по должности служащего

«Полицейский», а также лиц среднего и старшего начсостава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и имеющих высшее или среднее (юридическое либо не юридическое) профобразование, по должности служащего «Полицейский». Опрос проводился среди сотрудников, проходящих службу в пяти регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов Российской Федерации.

В результате опроса обозначенной категории сотрудников органов внутренних дел, установлено, что всего лишь 8 % интервьюированных подтвердили, использование демократического стиля управления со стороны их непосредственных руководителей. При этом 91,66 % респондентов из числа 8 % опрошенных осуществляют свою деятельность в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, напрямую не связанных с охраной общественного правопорядка (правовой отдел, информационный отдел, экспертно-криминалистический отдел, отделы центра финансового обеспечения, культурный центр, тыловые службы), как правило, имеющих не большую штатную численность сотрудников.

Следует отметить, что результаты проведенного нами исследования, в значительной степени отличаются от результатов исследования А. В. Шуралева, по итогам которого респонденты заявили, что количество использующих демократический стиль управления руководителей территориальных органов внутренних дел по Республики Марий Эл, составляет 64 %, а использующих авторитарный стиль управления — составляет всего 30 % [4, с. 221].

Важно понимать, что каждый руководитель оказывает определенное влияние на окружающих его подчиненных. С одной стороны, он способен настраивать сотрудников на позитивное поведение, заряжать их положительной энергией, с другой стороны, он может отрицательно влиять на своих подчиненных, постоянно третировать их, создавать вокруг себя напряженно-неприветливую атмосферу.

Смеем предположить, что опытный, эффективно управляющий руководитель оказывает воздействие на своих сотрудников не только грамотным применением дисциплинарной практики, но и своими харизматическими качествами. Среди таких качеств на первом месте стоят уверенность в себе, осознание правоты в том, что он делает, независимость и самостоятельность суждений, решений и поступков. Не последнее место в личности харизматического руководителя занимают его привлекательная внешность (даже при наличии физического недостатка) и личное обоняние, а также применяемые субъектом управления риторические приемы, способность говорить четко и не двусмысленно, постоянно владеть своими действиями и объективной ситуацией.

К достоинствам демократического стиля управления принято относить следующие признаки.

- Среди личного состава коллектива сотрудников подразделения присутствует настроение взаимопонимания, почитания и личной ответственности, а также позитивной мотивации выполнения служебной деятельности с максимально эффективной отдачей.
- При возникновении у сотрудника проблемы он может обратиться за ее разрешением к своему непосредственному руководителю и, при этом, быть уверенным в его поддержке.
- И, наоборот, при получении руководителем новых задач или возникновении управленческих проблемных ситуаций он может смело опираться на знания, опыт, квалификацию и сообразительность подчиненного ему коллектива сотрудников.

Следовательно, использование руководителем подразделения вышеназванных признаков, в конечном счете, приводит к децентрализации его, как субъекта управления, то есть к некоему перераспределению и рассредоточению его функций.

Обладающий демократическим стилем управления руководитель, при решении управленческих задач и функций выступает в качестве координатора, связующего звена, является авторитетным лидером и вдохновителем среди своих подчиненных, умело сочетает свои контрольно-надзорные функции начальника с творческой инициативой подчиненных. Руководитель-демократ, открыто опирается на мнения и опыт своих сотрудников при решении сложных управленческих проблем, не присваивает себе авторство удачных управленческих решений и тем самым, способствует профессиональному росту своих подчиненных, ставит перед ними видение служебной перспективы. И как результат, в подобных коллективах зарождаются условия безбоязненного высказывания своей точки зрения, предоставляется возможность независимого обмена мнениями, отсутствует почва для эгоцентричного поведения сотрудников, появления среди них конфликтных ситуаций. В такой обстановке престиж руководителя только возрастает [2, с. 23].

В качестве вывода можем привести одно мудрое изречение, в котором подмечено, что хороший начальник не тот, кого боятся, а тот, кого боятся разочаровать.

Вместе с тем, демократическому стилю управления объективно присущи определенные недостатки. Среди них принято называть следующие.

- Не оперативность при принятии управленческих решений в силу проведения консультаций с подчиненными сотрудниками.
- Умение проводить грань между конфиденциальными демократическими взаимоотношениями в коллективе и попустительством,

бесконтрольностью, а также отсутствием у руководителя внутреннего магнетизма и уверенности в своих силах. Нарушение данного баланса единожды, может привести к расхлябанности коллектива и окончательному его распаду.

- Коллекциальность принимаемого решения не освобождает руководителя от личной ответственности за его реализацию.

Данные недочеты демократического стиля управления являются его характеризующими чертами и поэтому руководителю их нужно знать, принимать и стремиться минимизировать.

Таким образом, представляется, что под демократическим стилем управления в органах внутренних дел Российской Федерации следует понимать вошедшую в привычный образ поведения манеру воздействия субъекта управления, основанную на совокупности мироуправных приемов и способов на сочетании принципа единоначалия с активным вовлечением в процессы обсуждения и выработки управленческих решений коллектива сотрудников, на развитии их инициативности и мотивированности на эффективное выполнение служебных задач и принятие на себя части ответственности за их решение, а также на расширение взаимоуважения, взаимодоверия и взаимоконтроля.

В заключение следует отметить, что демократический стиль управления пока не находит широкого применения со стороны руководителей среднего и старшего начальствующего состава территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Представляется, что происходит это в силу специфики осуществляемой в органах внутренних дел Российской Федерации служебной деятельности, а также в строго иерархичном характере принимаемых руководителями властных управленческих решений и порой часто меняющейся оперативной обстановки, требующей срочного принятия новых управленческих решений.

И в тоже время в территориальных подразделениях

органов внутренних дел Российской Федерации, напрямую не связанных с охраной общественного порядка, в которых не требуется моментального решения возникающих управленческих проблем, применение демократического стиля руководства вполне обусловлено духом времени. При этом, высшим достижением овладения демократическим стилем управления служит концепция, согласно которой статус «неформального лидера» и штатного руководителя совпадают для коллектива сотрудников в одном лице.

Список источников

1. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М. : Издательство политической литературы, 1968. 384 с.
2. Максимов А. Н. Стиль управления в системе ОВД: теория и практика // «Юридический мир». 2007. № 1. // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
3. Шелдрейк Д. Дуглас МакГрегор и человеческая сторона предприятия : учеб. для вузов. М. : изд. Аспект Пресс, 2005. 254 с.
4. Шуралев А. В. Психологические методы совершенствования стиля управления территориальным отделом внутренних дел // Вестник КемГУКИ 28/2014. С. 221–222.

References

1. Afanasyev V. G. Scientific management of society. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1968. 384 p.
2. Maksimov A. N. Management style in the ATS system: theory and practice // «Legal world». 2007. № 1. // [Electronic resource] SPS Consultant Plus.
3. Sheldrake D. Douglas MacGregor and the human side of the enterprise : studies for universities. M. : ed. Aspect Press, 2005. 254 p.
4. Shuralev A. V. Psychological methods of improving the management style of the territorial Department of Internal Affairs // Bulletin of KemGUKI 28/2014. P. 221–222.

Информация об авторе

В. М. Ленский — доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. M. Lensky — Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья
УДК 343.14
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-139-144>
НИОН: 2003-0059-2/22-235
MOSURED: 77/27-003-2022-02-434

Представление доказательств, полученных с использованием устройств скрытой записи

Илья Ильич Литвин

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ila-lake888@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается возможность использования в доказывании по уголовным делам видеозаписи, полученной путем скрытой съемки. Автор устанавливает критерии скрытой съемки и отнесения к специальным техническим средствам устройств, осуществляющих скрытую запись. В статье исследуется судебная практика рассмотрения в качестве доказательств по уголовным делам записи, полученной скрытым путем, и предлагаются правила процессуальной оценки такой видеозаписи.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, скрытая съемка, скрытое получение информации, специальные технические средства

Для цитирования: Литвин И. И. Представление доказательств, полученных с использованием устройств скрытой записи // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 139–144. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-139-144>.

Original article

Use of video recording obtained secretly in proving

Ilya I. Litvin

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ila-lake888@rambler.ru

Abstract. The possibility of using video recordings obtained by covert filming in proving criminal cases is discussed. The author establishes the criteria for covert shooting and referring devices that carry out covert recording to special technical means. The article examines the judicial practice of considering the recordings obtained in a secret way as evidence in criminal cases and proposes rules for the procedural assessment of such a video recording.

Keywords: criminal proceedings, proof, covert filming, covert obtaining of information, special technical means

For citation: Litvin I. I. Use of video recording obtained secretly in proving. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):139–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-139-144>.

Современные тенденции таковы, что у каждого человека при себе имеются технические средства фиксации. Самым распространенным является мобильный телефон, в качестве обязательного атрибута которого выступает цифровая камера, позволяющая осуществлять фотосъемку и видеозапись. При этом мобильные телефоны выступают в качестве средств электронной фиксации, позволяя собирать визуальную и звуковую информацию в реальном времени. А в силу присущих им свойств предоставляют возможность не только эффективно фиксировать информацию, но и вторгаться в уязвимую для внешнего вмешательства сферу частной

жизни. В связи с чем некоторые авторы отмечают необходимость конкретизации процесса видеосъемки и статуса его результата [1, с. 29]. О. Е. Жамкова отмечает, что с одной стороны расширение возможностей использования видеозаписи выступает позитивной тенденцией уголовно-процессуального доказывания, с другой, — может привести к ряду нарушений уголовно-процессуальных норм [2, с. 95].

Указанное обстоятельство осложняется распространением специально разработанных для тайного получения информации приборов и приспособлений. Это могут быть как специально замаскированные под предметы средства визуальной и звуковой фиксации,

так и просто миниатюризованные до такой степени, что их установка и скрытое использование не будет выявлено другими лицами.

Следует отметить, что подобные технические средства в силу присущей им возможности негласно получать информацию, связаны с возможностью ограничения конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электронной и почтовой связи, а также права на неприкосновенность жилища. В связи с чем, они отнесены к числу продукции, свободная реализация которой на территории РФ запрещена. Деятельность по их разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи подлежит лицензированию в соответствии с законодательством РФ.

Согласно Федеральному закону РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] технические средства, предназначенные (разработанные, приспособленные, запрограммированные) для негласного получения информации именуется специальными техническими средствами. Их использование допускается только органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и исключительно в целях, установленных законодательством РФ.

В связи с тем, что они связаны с возможностью ограничения конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электронной и почтовой связи, а также права на неприкосновенность жилища, законом предусмотрены дополнительные гарантии в виде обязательного наличия судебного разрешения на производство оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих какие-либо конституционные права.

При решении вопроса, что же является специальным техническим средством следует руководствоваться постановлением Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П [4], согласно которому к техническим средствам для негласного получения информации, относятся только специальные технические средства, предназначенные (разработанные, приспособленные, запрограммированные) именно для целей негласного (т. е. тайного, неочевидного, скрытого) получения информации, тайна и неприкосновенность которой гарантированы статьями 23, 24 (часть 1) и 25 Конституции РФ [5], а также законодательством РФ. В частности, это могут быть технические средства, которые закамуфлированы под предметы (приборы) другого функционального назначения, в том числе бытовые; обнаружение которых в силу малогабаритности, закамуфлированности или технических параметров возможно только при помощи специальных устройств; которые обладают техническими характеристиками, параметрами или свойствами, прямо обозначенными

в соответствующих нормативных правовых актах; которые функционально предназначены для использования специальными субъектами.

Что касается технических средств (предметов, устройств), которые по своим техническим характеристикам, параметрам, свойствам или прямому функциональному назначению рассчитаны лишь на бытовое использование массовым потребителем, то они не могут быть отнесены к специальным техническим средствам для негласного получения информации, если только им намеренно не приданы нужные качества и свойства, в том числе путем специальной технической доработки, программирования именно для неочевидного, скрытого их применения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 3-П [4]).

Незаконное применение данных специальных технических средств содержит признаки преступления, предусмотренного статьей 138.1 УК РФ [6]. В практике достаточно случаев, когда лицо привлекали к уголовной ответственности за распространение либо приобретение специальных технических средств. Чаще всего это предметы с несвойственной им функцией аудио- или видеозаписи, например: портативный цифровой видеорегиcтpатор, по внешнему виду похожий на пуговицу (приговор № 1-350/2016 1-38/2017 от 7 марта 2017 г. по делу № 1-350/2016 Октябрьский районный суд г. Ижевска Удмуртской Республики); специальное техническое средство для негласного снятия аудио- и видеoinформации в виде наручных часов (приговор № 1-547/2015 от 28 октября 2015 г. по делу № 1-547/2015 Кировский районный суд г. Махачкалы Республики Дагестан); специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации, закамуфлированное под предмет другого функционального назначения — авторучку (приговор № 1-5/2016 от 19 февраля 2016 г. по делу № 1-5/2016 Тамбовский гарнизонный военный суд Тамбовской области) и т. д.

В связи с имеющейся проблемой установления специальных технических средств, являющихся орудием по предусмотренному статьей 138.1 УК РФ составу и разграничения их с иными объектами, имеющими схожие характеристики, но иное предназначение Федеральным законом РФ от 02.08.2019 № 308-ФЗ «О внесении изменений в статью 138.1 УК РФ» [7] были внесены соответствующие пояснения. В результате к специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации, также были отнесены программные средства для электронных устройств, позволяющие получить доступ к информации без ведома ее обладателя, и исключены из круга таких технических средств, находящиеся в свободном обороте приборы и системы, выполняющие схожие функции, но открыто и с индикаторами или

элементами управления, позволяющими определить их функциональное назначение и режим работы.

В тоже время электронные методы фиксации визуальной информации, в том числе скрытая видеозапись, имеют перспективное значение для уголовного судопроизводства. С 2012 года (п. 5 ч. 2 ст. 82 введен Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ [8]) в УПК РФ [9] ввели возможность приобщения электронных носителей информации в качестве вещественных доказательств. Данное обстоятельство было вызвано переходом видеозаписывающих устройств с аналогового формата носителя данных к цифровым, в связи с чем получение вещественных доказательств на пленочных магнитных носителях практически изжило себя. Закрепление видеозаписи на данный момент осуществляется на электронные носители информации (CD-диски или флэш-накопители), что потребовало внесения изменений в действующее законодательство. Переход от одного формата видеозаписи к другому также привел к внешней минимизации средств фиксации, благодаря чему в продаже и появились разнообразные технические средства, позволяющие скрыто получать информацию.

Тем не менее, скрытая видеозапись, как правило, попадает в уголовное дело через оперативных сотрудников, имеющих право осуществлять негласные оперативно-разыскные мероприятия. Если же рассматривать видеозапись, предоставленную органам предварительного расследования из других источников, то это, как правило, открытая видеозапись очевидцев событий преступления или запись с автономных средств наружного наблюдения.

В частности, Меркулова М. В. отмечает возрастающую роль использования в расследовании информации, полученной с камер наружного видеонаблюдения, которыми оборудуются магазины, отделения банков и другие организации [10, с. 195]. При этом в целом прослеживается общемировая тенденция создания систем видеонаблюдения с применением технологий распознавания лиц в городской среде [11, с. 194].

В качестве примера использования видеозаписи с автономных средств наружного наблюдения можно рассмотреть факт признания вещественным доказательством видеозаписи с камер видеонаблюдения магазина, запечатлевшей кражу имущества (приговор № 1-68/2017 от 07 июля 2017 г. по делу № 1-68(1)/2017 Ртищевский районный суд Саратовской области). Из приговора суда следует, что наличие в магазине визуального предупреждения об осуществлении видеонаблюдения свидетельствует о гласности съемки, даже при неочевидности места расположения видеокамер. Следовательно, если преступник не видел камер или предупреждающих объявлений это не означает, что она велась скрытно. И наоборот, можно сделать вывод о том, что визуальное наличие видеокамер заменяет

факт уведомления об осуществлении видеозаписи.

В другом случае тайное хищение имущества после массовой драки было зафиксировано на видеорегиистратор ближайшего автомобиля, активирующего функцию записи на движение (Приговор № 1-141/2017 от 30 июня 2017 г. по делу № 1-141/2017 Петроградский районный суд города Санкт-Петербург). Следует отметить, что собственник не маскировал устройство записи и не преследовал цели получить скрытую информацию, поэтому видеозапись получена без нарушений законодательства. Лицо, установившее видеорегиистратор, преследовало цель защиты собственного имущества, а не тайное получение информации.

По другому делу в качестве вещественного доказательства суд признал запись установленного в автомобиле видеорегиистратора, на которой был зафиксирован озвученный вслух умысел на убийство в момент совершения покушения на убийство (определение от 13 марта 2014 г. Верховный суд РФ дело №65-АПУ 14-5). При этом видеорегиистратор визуально не фиксировал обстановку внутри салона, то есть был направлен на проезжую часть, но ведение аудиозаписи позволило зафиксировать необходимые для разрешения дела сведения.

Отдельно необходимо рассмотреть ситуацию, когда видеорегиистратор фиксирует разговор двух лиц в салоне автомобиля тайно от одного из собеседников, для того чтобы подтвердить виновность этого собеседника (апелляционный приговор от 15 июня 2016 г. по делу № 22-4973/2016 Свердловский областной суд). Исходя из материалов дела, следует, что потерпевший сознательно получил звуковую информацию втайне от своего собеседника (обвиняемого) и создал для этого условия. Тем не менее, запись была признана допустимым доказательством, добытым в соответствии с требованиями закона. К подобному выводу можно прийти исходя из разъяснения Конституционного Суда РФ о том, что закон не может охранять тайну личных переговоров, если одна из сторон предаст их огласке [12]. Таким образом, один из участников разговора вправе передать сведения о сути разговора в правоохранительные органы, если посчитает, что они могут помочь установить обстоятельства дела.

Однако рассмотрим более сложную ситуацию, когда лицо использовало незаконно приобретенное специальное техническое средство для тайного получения информации, а затем предоставило полученную запись в органы предварительного расследования или в суд.

Согласно положениям статьи 75 УПК РФ сведения, полученные с нарушением требований законодательства РФ, являются недопустимыми доказательствами. В рассматриваемой ситуации видеозапись получена с нарушением закона, а именно положений статьи 6 Федерального закона РФ «Об оперативно-разыскной деятельности», согласно которому запрещается

ется использование специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не уполномоченными на то Федеральным законом физическими и юридическими лицами. При этом лицо, нарушившее запрет подлежит уголовной ответственности по статье 138.1 УК РФ.

На практике в целях уклонения от уголовной ответственности лицо, представившее доказательство может сослаться на то, что видеозапись была получена с помощью камеры на телефоне, а не специального технического средства. Однако для подтверждения оригинальности записи необходимо предоставить не только файл, но сведения (характеристики) использованных при записи технических средств. А зачастую для производства видеотехнической экспертизы и потребуется само техническое средство [13, с. 313]. Таким образом, для того чтобы сформировать из записи вещественное доказательство, на основе которого может быть принято процессуальное решение, потребуется установить использованное техническое средство.

Если использовать в качестве доказательств информацию, полученную с нарушением закона, запрещено, то, как быть в случае представления третьими лицами предметов и документов, полученных с нарушением закона? Сам следователь закон не нарушал, запись, представленная ему для приобщения в качестве доказательства, была получена третьим лицом, но сведения, содержащиеся на ней, имеют значение для разрешения дела по существу. На помощь приходит так называемая доктрина «серебряного блюда»: способ легализации в качестве доказательств данных, которые были первоначально добыты субъектом в нарушение закона, но затем приняты судом из рук другого, неопороченного, субъекта доказывания. Таким образом, незаконно полученная независимая информация, тем не менее, может стать доказательством после приобщения к делу в установленном процессуальном порядке [14, с. 364].

Другими словами, гражданин осуществил видеозапись с нарушением закона, однако следователь получил ее в рамках своих процессуальных возможностей, оценил и оформил в соответствии с процессуальной формой. То есть самостоятельно сформировал доказательство, используя при этом недоброкачественные сведения, тем самым как бы очищая их. Сам субъект доказывания нарушений закона при собирании доказательства не допустил, а потому доказательство формально считается допустимым.

Тем не менее, подчеркнуть в данном случае следует не возможность очистить «отравленный плод», а то, что даже полученная с нарушением видеозапись имеет значение для разрешения дела по существу. Следователь должен оценить полученные сведения и принять решение о признании их в качестве доказательств или нет. И именно поэтому подобные случаи

использования в качестве доказательств записи, полученной скрытно редки, так как проходят отсев еще на стадии предварительного расследования.

Однако для гражданского процесса подобная ситуация не является редкостью. В частности, Арбитражный суд РФ считает, что осуществление видеозаписи скрыто камерой в открытых для общего пользования местах, является элементом самозащиты гражданских прав. Указанное соответствует статье 12 ГК РФ [15] и корреспондирует часть 2 статьи 45 Конституции РФ [16].

Действительно, анализируя правоприменительную практику, необходимо заметить, что при решении вопроса о допустимости записи, полученной в результате скрытой съемки, устанавливается место осуществления съемки. Законодатель связывает ограничение конституционного права на тайну личной жизни преимущественно с нахождением на территории частной собственности, тогда как в случае нахождения в общественных (публичных) местах и на рабочем месте вопрос о вмешательстве в личную жизнь, как правило, не разрешается в пользу лица. В тоже время рассматривается вопрос об обстоятельствах разговора, то есть устанавливается содержание разговора, затрагивается ли в разговоре личная жизнь или разговор касается только трудовой (профессиональной) деятельности. Также учитываются участники беседы и осуществляющее фиксацию лицо. Степень вмешательства увеличивается в случае осуществления скрытой съемки третьими лицами, так как происходит распространение личной тайны. И наоборот, в случае ведения съемки одним из участников разговора, такое лицо в последующем имеет право принять решение о его разглашении.

Подобные выводы можно сделать и при анализе решений Европейского суда по правам человека, в рассмотрении которого находились дела по жалобам о нарушении частной жизни человека в результате производства скрытной видеосъемки.

Из решения суда по делу «Лопез против Испании» следует, что владелец магазина установил скрытые камеры видеонаблюдения для того, чтобы выявить сотрудников, осуществляющих хищение на рабочем месте. Заявители указали, что действия работодателя привели к нарушению права на уважение личной жизни, предусмотренное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека. Однако суд по правам человека пришел к выводу, что действия работодателя не повлекли вторжения в частную жизнь заявителей на достаточно серьезном уровне, и были вызваны необходимостью пресечения противоправных действий. Особо подчеркнув законную цель, побудившую действовать работодателя, а также соразмерность метода — видеокamеры фиксировали только место работы кассира, в частности возле кассового аппарата [17].

Таким образом, рассматривая вопрос использова-

ния гражданами скрытой съемки в целях получения информации, а затем использования этой информации в доказывании по уголовным делам, необходимо установить ряд правил и ограничений, выраженных в следующих обстоятельствах. Во-первых, необходимо установить, в каких целях применялась скрытая запись. Например, в целях выявления общественно опасного деяния. Во-вторых, необходимо определить место осуществления записи. Скрытая запись в местах личного пользования (например, туалет, раздевалка и т.д.) недопустима, так как затрагивает вопросы личной жизни. В местах общего пользования или выполнения должностных обязанностей (например, служебный кабинет) возможность проникновения в частную жизнь уменьшается. В-третьих, важным фактором является длительность записи либо ее систематичность. Непрерывная скрытая запись увеличивает шансы фиксации личной жизни гражданина, а значит, в большей степени затрагивает его права и свободы. При этом время записи и ее систематичность не должны выходить за рамки допустимой цели осуществления скрытой записи. В-четвертых, существенное значение имеет степень доступности материалов скрытой записи, т.е. круг лиц, имевших доступ к ознакомлению с ней и реально ознакомившихся. Чем больше круг лиц, ознакомившихся с записью, содержащей частную жизнь, тем более существенный ущерб, причиненный правам и свободам гражданина. В-пятых, необходимо подтвердить вынужденность секретности записи, т.е. обосновать невозможность применения открытой записи или иных не скрытых способов получения информации (например, необходимость не раскрывать информацию, иначе не будет эффекта).

Список источников

1. Грибунов О. П., Коновалов А. И. К вопросу использования средств видеозаписи в расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3. С. 29–32.
2. Жамкова О. Е. Использование видеозаписи в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 94–96.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : [федер. закон № 144-ФЗ от 12 авг. 1995 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — №33. — Ст. 3349.
4. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других : [пост. Конст. Суда № 3-П от 31 мар. 2011 г.] // Рос. газ. — 2011. — №5454. — С. 18.
5. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. - Ст. 2954.
7. О внесении изменений в статью 138.1 УК РФ : [федер. закон № 308-ФЗ от 2 авг. 2019 г.] // Рос. газ. — 2019. — № 172 (7930). — С. 16.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон № 143-ФЗ от 28 июля 2012 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 31. — Ст. 4332.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
10. Меркулова М. В. Об источниках криминалистически значимой фото- и видеoinформации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 193–196.
11. Такмаков Е. А. Актуальные направления использования системы распознавания лиц в городской среде в целях совершенствования уголовно-процессуального доказывания // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 193–196.
12. Об отказе и принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юлдашевой Люции Ахматгалеевны как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : [опр. КС РФ №72-О от 5 июня 1997 г.] [Электрон. ресурс] // URL: <http://www.ksrf.ru/ru>.
13. Тутуков А. Ю. Значение электронных устройств-носителей информации при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 312–314.
14. Боруленко Ю. П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир : ВГГУ, 2009. 552 с.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть 1 // Собр. законодательства Рос. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
16. Решение арбитражного суда приморского края от 19 марта 2021 г. по делу № А51-1481/2021 [Электрон. ресурс] // URL: <https://sudact.ru>.
17. López Ribalda and Others v. Spain [GC] — 1874/13 and 8567/13 Judgment 17.10.2019 [GC] [Электрон. ресурс] // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%7B%22002-12630%22%7D>}.

References

1. Gribunov O. P., Konovalov A. I. On the use of video recording in the investigation of road accidents // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3. P. 29–32.
2. Zhamkova O. E. The use of video recordings in criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 94–96.
3. On operational investigative activities : [feder. Law № 144-FZ of 12 Aug. 1995] // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. — 1995. — № 33. — Art. 3349.
4. In the case of checking the constitutionality of Part three of Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S. V. Kaporin, I. V. Korshun and others : [post. Const. Court № 3-P of March 31, 2011] // Russian Gas. — 2011. — № 5454. — P. 18.
5. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the All-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet-portal of legal information.
6. The Criminal Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. — 1996. — № 25. — Art. 2954.
7. On amendments to Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation : [feder. Law № 308-FZ of 2 Aug. 2019] // Russian Gas. — 2019. — № 172 (7930). — P. 16.
8. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation : [feder. Law № 143-FZ of July 28, 2012] // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. — 2012. —
coe.int/fre#%22itemid%22:%22002-12630%22}.
№ 31. — Art. 4332.
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. — 2001. — № 52 (part I). — Art. 4921.
10. Merkulova M. V. On the sources of criminalistically significant photo and video information // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. P. 193–196.
11. Takmakov E. A. Actual directions of using the facial recognition system in the urban environment in order to improve criminal procedural evidence // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 193–196.
12. On the refusal and acceptance for consideration of the complaint of citizen Yuldasheva Lucia Akhmatgaleevna as not meeting the requirements of the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» : [opr. CC RF № 72-O of June 5, 1997] [Electron. resource] // URL: <http://www.ksrf.ru/ru>.
13. Tutukov A. Yu. The significance of electronic devices-information carriers in the investigation of road accidents // Gaps in Russian legislation. 2018. № 4. P. 312–314.
14. Borulenko Yu. P. Legal knowledge in procedural, operational-investigative and private detective activities. Vladimir : VGGU, 2009. 552 p.
15. The Civil Code of the Russian Federation : Part 1 // Collection of Legislation of the Russian Federation — 1994. — № 32. — Article 3301.
16. Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai of March 19, 2021 in case № A51-1481/2021 [Electron. resource] // URL: <https://sudact.ru>.
17. López Ribalda and Others v. Spain [GC] — 1874/13 and 8567/13 Judgment 17.10.2019 [GC] [Electronic resource] // URL: <https://hudoc.echr>.

Информация об авторе

И. И. Литвин — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. I. Litvin — Senior Lecturer Department of Theory and History of State and Law Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 347.61.64

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-145-150>

НИОН: 2003-0059-2/22-236

MOSURED: 77/27-003-2022-02-435

Правовые коллизии института внесудебного установления отцовства по соблюдению прав и интересов ребенка в частном и публичном праве

Надежда Олеговна Маркова¹, Ольга Андреевна Пешкова²

^{1,2} Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

¹ nadezhda3399@yandex.ru

² ksina07@mail.ru

Аннотация. Исследуется институт установления отцовства во внесудебном порядке, предусмотренный семейным законодательством РФ. Авторы выделяют проблему, связанную с презумпцией отцовства в случае, когда мужчина (предполагаемый отец ребенка), не состоящий в браке с матерью ребенка подают заявление в органы ЗАГС для получения свидетельства о его рождении. Авторы доказывают, что это может приводить к злоупотреблению права с целью избежать процедуру усыновления (удочерения) и порождать коллизии частного и публичного права Российской Федерации. Особое внимание обращается на присущие рассматриваемому институту противоречия в аспекте прав и законных интересов ребенка.

Ключевые слова: институт отцовства, внесудебный порядок установления отцовства, права ребенка, коллизии института отцовства, злоупотребление правом

Для цитирования: Маркова Н. О., Пешкова О. А. Правовые коллизии института внесудебного установления отцовства по соблюдению прав и интересов ребенка в частном и публичном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 145–150. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-145-150>.

Original article

Legal conflicts of the institution of extrajudicial establishment of paternity for the observance of the rights and interests of a child in private and public law

Nadezhda O. Markova¹, Olga A. Peshkova²

^{1,2} University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ nadezhda3399@yandex.ru

² ksina07@mail.ru

Abstract. The institution of establishing paternity out of court, provided for by the family legislation of the Russian Federation is examined. The authors highlight the problem associated with the presumption of paternity in the case when a man (the alleged father of a child) who is not married to the child's mother submits an application to the registry office to obtain a birth certificate. The authors argue that this can lead to abuse of law in order to avoid the adoption procedure and generate conflicts between private and public law of the Russian Federation. Particular attention is paid to the inherent contradictions in the institution under consideration in the aspect of the rights and legitimate interests of the child.

Keywords: paternity institute, out-of-court procedure for establishing paternity, child rights, conflicts of the institution of paternity, abuse of the right

For citation: Markova N. O., Peshkova O. A. Legal conflicts of the institution of extrajudicial establishment of paternity for the observance of the rights and interests of a child in private and public law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):145–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-145-150>.

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 7 предусматривает государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Однако установлению отцовства достаточно мало уделяется внимание, как в законодательстве РФ, так и в теоретических научных исследованиях. Отдельные авторы [1; 6] исследуют вопросы социального участия и влияния отцов (вовлеченные отцы), их ролевые модели, особенности культурных и национальных контекстов, специфика влияния отцов на развитие детей в особенности от пола ребенка. В настоящее время юридических исследований проблем института установления отцовства, осуществляемого во внесудебном порядке и его влияния на соблюдение интересов детей достаточно не много. Н. Н. Тарусина рассматривает такой порядок установления отцовства с позиции, относящейся к соблюдению интересов несовершеннолетних родителей, биологического отца, когда возникает необходимость опровержения презумпции отцовства, в случае, если женщина, состоящая в браке, рождает от другого мужчины, возможности существования фиктивного отцовства [8]. Полагаем, что вопросов применительно к институту отцовства накопилось достаточно много, в том числе с точки зрения его юридической фиксации. Умалчивание о тех или иных проблемах — не лучший способ их решения. В связи с чем внесудебный порядок установления отцовства заслуживает всестороннего внимания и вдумчивого решения появляющихся проблем.

Советское семейное право институт отцовства рассматривало через происхождение ребенка от конкретного мужчины, которое подтверждалось записью в свидетельстве о рождении в органах ЗАГС.

В толковом словаре русского языка термин «отцовство» определяется как кровное родство между отцом и его ребенком (детьми) [5]. Социологический энциклопедический словарь определяет отцовство как права и обязанности мужчины по отношению к ребенку, вытекающие из кровного или юридического родства или через совокупность биологических, правовых и воспитательных функций, выполняемых мужчиной по отношению к своим детям [7]. Юридический словарь связывает рассматриваемый термин с фактом биологического и (или) социального происхождения ребенка от определенного мужчины¹.

Учитывая изложенное, категория «отцовство» можно рассматривать в нескольких значениях, в зависимости от характера оснований своего возникновения. Как общее понятие отцовство выражает значимое для права состояние связанности мужчины и ребенка, вытекающее из кровного, юридического или социального происхождения ребенка от отца. Сообразно указанным выше основаниям, отцовство

дифференцируется на биологическое, номинальное и юридическое. Биологическое отцовство отражает факт происхождения ребенка от конкретного мужчины, данному факту не придается исключительного значения для установления юридического отцовства в современном российском семейном праве. Номинальное отцовство выражается фактом записи мужчины в качестве отца ребенка (фамилию и отчество которого он приобретает). Такая запись может не отражать ни биологического происхождения, ни правовых связей ребенка с каким-либо реальным физическим лицом. Юридическое отцовство выражает соответствующее правовое состояние отцовства и правовое положение в качестве отца, характеризующееся совокупностью установленных законом прав и обязанности по отношению к ребенку.

В научной литературе справедливо отмечается преобладание юридико-социального подхода как основания установления родительских отношений, когда биологическое происхождение не является имеющим не только определяющего, но в вообще сколько-нибудь заметного влияния в решении рассматриваемого вопроса, в связи с чем возникает большое количество юридических коллизий и судебных споров [например: 3].

Так, действующее семейное законодательство закрепляет возможность признания отцовства в добровольном внесудебном порядке. Пункт 3 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) посвящен установлению происхождения ребенка в случае, если отец ребенка не состоит в браке с его матерью². Происхождение ребенка в таких ситуациях устанавливается путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отцом и матерью ребенка. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об актах гражданского состояния» в ст. 50 конкретизирует эти положения, указывая, что «допускается государственная регистрация установления отцовства на основании совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих между собой в браке на момент рождения ребенка»³. Аналогичные условия предусмотрены для мужчины в случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав — по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства, при отсутствии такого согласия - по решению суда. При наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что подача совместного заявления об установлении отцовства может оказаться после рождения ребенка невозможной

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1. ст. 16.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. ст. 5340.

¹ URL: <https://juridical.slovaronline.com> (дата обращения 07.10.2021).

или затруднительной, родители будущего ребенка, не состоящие между собой в браке, вправе подать такое заявление в орган записи актов гражданского состояния во время беременности матери. Запись о родителях ребенка производится после рождения ребенка.

При существующей процедуре внесудебного установления отцовства, законодатель не требует представления доказательств, что мужчина является генетическим (биологическим) родителем. Следовательно, административным регистрационным актом устанавливается семейно-правовая связь ребенка с мужчиной, которому достаточно заявить о себе, как об отце ребенка. Это может приводить к тому, что в качестве отца в документы о рождении будет вписан номинальный отец, как и в случае, когда одинокая женщина самостоятельно указывает в свидетельстве вымышленного мужчину, не являющегося биологическим отцом ребенка. Обеспечивая право ребенка жить и воспитываться в семье, устанавливая равенство прав и обязанностей обоих родителей в отношении их детей, а также заботясь о стабильности и правовой определенности семейных отношений, законодатель должен учитывать противоречия, которые неизбежно обнаруживают себя в ситуации установления исключительно юридической семейной связи без учета фактических обстоятельств, природы и характера интереса участников таких отношений — матери и устанавливаемого отца, а также интересов и потребностей детей, обусловленных, в том числе, их происхождением от определенных биологических родителей, а также возможностью искажения или неверного отражения потребностей в установлении семейных отношений между родителями и детьми.

Действительно, в большинстве случаев установление происхождения от определенных родителей происходит в течение непродолжительного периода времени после рождения, когда факт существования таких связей может быть выражен только через процедуру, в которой участвуют биологические (социальные) родители. При этом очевидно, что такая процедура закрепляет волеизъявление и интересы исключительно последних. Следует учитывать, что юридически на момент подачи совместного заявления об установлении отцовства родители (отец) еще не являются законными представителями ребенка, поскольку семейно-правовые отношения между ними еще не возникли. После регистрации акта рождения или установления отцовства добровольно в ЗАГСе предполагается, что представительство, как и весь комплекс правовых отношений между родителями и детьми, имеет ретроспективный характер.

Однако, установление отцовства не может рассматриваться как действие, совершаемое в порядке представительства, поскольку оно совершается, в том

числе, в отношении самого будущего представителя. В целом оценить, насколько интересы ребенка учтены в части, касающейся установления отцовства, объективно не представляется возможным. Материально-правовые характеристики данного факта не дают возможности юридически выразить в нем интересы ребенка. Таким образом, акту установления отцовства придается правообразующее значение, тогда как характер обеспечиваемого тем самым интереса в установлении родительских отношений не имеет четкого определения в нормах законодательства.

Таким образом, при установлении отцовства применяется своеобразная презумпция соблюдения интересов ребенка. Следует задаться вопросом: достаточно ли такой презумпции в целях обеспечения прав и законных интересов ребенка? В рамках института установления отцовства это не единственная презумпция, так как ст. 48 СК РФ закрепляет презумпцию отцовства супруги матери ребенка, рожденного в браке или в течение 300 дней после прекращения брака, признания его недействительным или смерти супруга матери ребенка, которая не может быть опровергнута во внесудебном порядке.

Учитывая, что существует возможность потенциальной опровержимости любой презумпции, как приема юридической техники, призванного восполнить неопределенность в существовании удостоверенного и зафиксированного юридического факта, считаем (в виду приоритетности обеспечения прав ребенка), что любая презумпция в рассматриваемой сфере отношений не должна устанавливаться без необходимых и дополнительных гарантий. В этой связи важно учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, согласно которой «ситуация при которой правовой презумпции дается возможность превалировать над биологической и социальной действительностью без учета как установленных фактов, так и желаний заинтересованных лиц, и никому в действительности не принося пользы, несовместима, даже с учетом предоставленных государством пределов усмотрения, с обязательством обеспечивать эффективное «уважение» личной и семейной тайны»¹.

Вне поля зрения законодателя, например, остаются ситуации, когда участники отношений по установлению отцовства, используя пробелы семейного законодательства, могут злоупотребить правом по признанию отцовства, в том числе, с целью обхода установленных процедур усыновления. На практике возможны ситуации, когда супруги, не имеющие детей (или одинокий мужчина), договариваются с одинокой беременной женщиной (у которой трудная жизненная ситуация,

¹ См. напр.: Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба №77785/01), постановление от 02.06.2005 (доступ из СПС «Консультант Плюс»).

либо, которая не имеет намерения самостоятельно воспитывать и содержать ребенка), что мужчина, не являющийся генетическим (биологическим) отцом, после рождения ребенка подаст совместное с матерью ребенка заявление в ЗАГС о признании его отцом и внесении об этом записи в свидетельство о рождении ребенка. После чего мать ребенка передает его на воспитание в семью либо одинокому мужчине, который с момента внесения записи о нем юридически является отцом ребенка. При этом нельзя исключать и ситуации, при которых указанные взаимоотношения между матерью ребенка и имеющими намерение стать родителями лицами, носят возмездный характер. Поскольку, в отсутствие иных оснований для установления происхождения от мужчины кроме соответствующих заявлений, любое лицо может быть установлено в качестве отца, постольку квалификация описанных выше действий как противоправных не имеет оснований в семейном законодательстве, Доказывание факта обхода закона в целях защиты прав ребенка заинтересованными лицами и компетентными органами в такой ситуации также является весьма затруднительным, поскольку характер отношений между матерью и установленным отцом для права индифферентен, в результате каждый формально действует «в своем праве».

Тем самым существующая в рамках досудебного установления отцовства презумпция соответствия данного факта интересам ребенка без дополнительных требований к ее подтверждению делает ребенка возможным «объектом» различных манипуляций без гарантированной уверенности в том, что его права и законные интересы на самом деле не нарушатся.

В научной литературе и практике отмечаются случаи использования процедуры установления отцовства также в целях создания видимости семейно-правовых связей. Например, фиктивное признание отцовства может использоваться для получения разрешения мигрантами на временное пребывание в стране, распространившиеся в связи с ратификацией РФ Европейской социальной Хартии, п. 6 ст. 19 которой предусматривает обязанность государства — участника содействовать в максимально возможной степени воссоединению семьи работника — мигранта, получившего разрешение поселиться на его территории [2].

Следует отметить, что ст. 127.1 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за совершение действий, выразившихся в купле-продаже человека, совершении иных сделок в отношении человека, а равно совершенных в целях его эксплуатации, вербовки, перевозки, передаче, укрывательстве или получении. Однако, как представляется, указанные действия не связаны ни с упомянутыми выше ситуациями обхода закона в целях создания семейно-правовых отношений, ни с созданием видимости таких отношений. В

первом случае целью действий является уклонение от установленных процедур усыновления, однако даже при имеющем место формальном нарушении права ребенка на то, чтобы быть усыновленным в установленном порядке, последний становится субъектом семейно-правовых отношений, что, в отсутствие иных нарушений, создает для него права, а для установленного таким образом отца — соответствующие обязанности по воспитанию и содержанию. Во втором случае ребенок не выступает подлинным «объектом» действий, таковым является приобретение правового статуса фиктивного родителя без намерения осуществления прав и исполнения обязанностей в отношении ребенка.

Следовательно, в настоящее время ни в частном, ни в публичном отечественном праве, не содержится необходимых правовых гарантий, обеспечивающих охрану интересов от произвольного вмешательства в семейную жизнь ребенка (ч. 1 ст. 16 Конвенции ООН о правах ребенка 20.11.1989)¹ с момента рождения и в целях последующей самоидентификации и реализации его прав и законных интересов в семейно-правовой сфере при установлении отцовства во внесудебном порядке.

Учитывая изложенное, полагаем, что отсутствие каких-либо условий, в том числе, связанных с наличием фактических семейных отношений между матерью ребенка и мужчиной, не являющимся биологическим отцом ребенка, для установления отцовства во внесудебном порядке создает чрезмерно широкую и не имеющую под собой надлежащего обоснования возможность осуществления права на такое установление. По результатам простейшей по форме процедуры акт установления отцовства во внесудебном порядке создает правовой статус родителя постороннему по отношению к ребенку человеку, к которому, в отличие от кандидатов в усыновители или опекуны (попечители) закон не предъявляет никаких требований. Следует также учитывать, что в соответствии с п. 2 ст. 52 СК РФ требования об оспаривании отцовства в суде не могут быть удовлетворены, если лицо, записанное органами ЗАГС отцом ребенка знало, что оно фактически не является его отцом. Закон, таким образом, устанавливает императивно неразрывную связь между ребенком (во всяком случае до того момента, когда могут возникнуть основания для прекращения этой связи, свидетельствующие, как правило, об уже состоявшемся нарушении прав ребенка) и мужчиной, не являющимся его биологическим отцом, в том числе и тогда, когда какие-либо заслуживающие признания с точки зрения права интересы в установлении такой связи никак не верифицируются и не получают

¹ Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

подтверждения в рамках правовой процедуры, носящей формальный характер¹. Вместе с тем, на момент установления отцовства во внесудебном порядке невозможно объективно оценить причины, побудившие мужчину к принятию такого решения, а также возможные их последствия для ребенка в рамках развития семейно-правовой связи.

Изложенное делает необходимым создание специального юридического механизма обеспечения превентивной охраны прав ребенка.

При этом первоначальный, базовый интерес ребенка, который должен обеспечиваться правом, заключается в сохранении и придании юридического значения биологическому происхождению от определенного мужчины, которому в значительной степени служит установление отцовства во внесудебном порядке, и только при нецелесообразности обеспечения такой связи в интересах ребенка юридическое значение должно придаваться уже интересам, сопряженным с социальным отцовством, а не наоборот. Указанный подход соответствует, в том числе, гарантированному Конвенцией ООН о правах ребенка праву на сохранение своей индивидуальности, включая семейные связи (ст. 8). Представляется, что в ст. 48 СК РФ необходимо установить ограничения на внесудебную процедуру установления отцовства мужчиной, не являющимся супругом матери и биологическим отцом ребенка. В связи с чем, необходимо внести изменения в семейное законодательство о необходимости уведомления (ввести заявительный порядок) органов опеки и попечительства лицами (мужчиной и женщиной), не состоящих в браке (сожителей), о том, что они ждут ребенка. Распространить подобное правило и на случаи, когда мужчина не является биологическим отцом ребенка, но желает быть указанным в качестве такого в акте о рождении ребенка. Кроме того для таких случаев предусмотреть только судебный порядок признания отцовства (за исключением случаев суррогатного материнства).

Список источников

1. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг. 2020. № 4 (158). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ottsovstvo-i-podderzhka-ottsov-trendy-sovremennyh-zarubezhnyh-issledovaniy>

¹ Верховный Суд РФ в п. 27 Постановлении Пленума от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» указывает, что лицо может оспорить произведенную запись лишь по мотивам нарушения волеизъявления например, если заявление об установлении отцовства было подано под влиянием угроз, насилия либо в состоянии, когда истец не был способен понимать значение своих действий или руководить ими. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7 (июль).

sovremennyh-zarubezhnyh-issledovaniy (дата обращения: 09.12.2021).

2. Краснова Т. В., Алексеева Е. В. Отцы и дети : проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 4. С. 426–439.
3. Михеева Л. Ю. Десятилетний юбилей СК РФ : итоги и перспективы развития семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2007. № 1 (Доступ из СПС «Консультант Плюс»).
4. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е. А. Борисова, С. А. Герасименко, Б. А. Горохов и др.; под ред. В. М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2008. 832 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. М. : АЗЪ, 1991.
6. Ответственное отцовство : тенденции, направления, перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции. 24 декабря 2019 года // Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития образования и социальных технологий». Курган, 2020. 208 с.
7. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М. : Издательская группа НОРМА, 2000.
8. Тарусина Н. Н. Отцовство : технологии юридической фиксации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2020. № 1 (61). С. 37–47.

References

1. Bezrukova O. N, Samoilova V. A. Fatherhood and support of fathers: trends in modern foreign research // Monitoring. 2020. № 4 (158). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ottsovstvo-i-podderzhka-ottsov-trendy-sovremennyh-zarubezhnyh-issledovaniy>
2. Krasnova T. V., Alekseeva E. V. Fathers and Sons : Problems of Acquiring Parental Rights by Men (on the Example of Russian Legislation) // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2016. № 4. P. 426–439.
3. Mikheeva L. Yu. The tenth anniversary of the RF IC : results and prospects for the development of family legislation // Family and housing law. 2007. № 1 (Access from SPS «Consultant Plus»).
4. Commentary on the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on

- Civil Cases / E. A. Borisova, S. A. Gerasimenko, B. A. Gorokhov and others; ed. V. M. Zhuikova. 2nd ed., Rev. and add. M. : NORMA, 2008. 832 p.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language : 80,000 words and phraseological expressions. Moscow: AZ, 1991.
 6. Responsible fatherhood : trends, directions, prospects : collection of materials of the international scientific and practical conference. December 24, 2019 // State Autonomous Educational Institution of additional professional Education «Institute for the Development of Education and Social Technologies». Kurgan, 2020. 208 p.
 7. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator Academician of the Russian Academy of Sciences G. V. Osipov. M. : Publishing Group NORMA, 2000.
 8. Tarusina N. N. Paternity : technologies of legal fixation // Bulletin of TVGU. Series «Right». 2020. № 1 (61). P. 37–47.

Информация об авторах

Н. О. Маркова — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

О. А. Пешкова — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. O. Markova — Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

O. A. Peshkova — Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья
УДК 342.951:351.82
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-151-155>
НИОН: 2003-0059-2/22-237
MOSURED: 77/27-003-2022-02-436

Некоторые вопросы злоупотребления интеллектуальными правами

Николай Петрович Маюров¹, Евгений Александрович Царегородцев²

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия, mayurov2010@mail.ru

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, eugentsar@yandex.ru

Аннотация. Изучаются тенденции развития институтов, призванных защищать конкуренцию и иные публичные интересы в сфере интеллектуальной собственности, и конкретные способы противодействия злоупотреблению правообладателей и сохранения правовой защищенности добросовестных участников рыночных отношений.

Ключевые слова: интеллектуальные права, злоупотребления, защита конкуренции, инновации, рост экономики

Для цитирования: Маюров Н. П., Царегородцев Е. А. Некоторые вопросы злоупотребления интеллектуальными правами // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 151–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-151-155>.

Original article

Some issues of intellectual property abuse

Nikolay P. Mayurov¹, Evgeny A. Tsaregorodtsev²

¹ State University of the Sea and River Fleet of the estate of Admiral S.O. Makarov, Saint Petersburg, Russia, mayurov2010@mail.ru

² Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia, eugentsar@yandex.ru

Abstract. The trends in the development of institutions designed to protect competition and other public interests in the field of intellectual property, and specific ways to counteract the abuse of copyright holders and preserve the legal protection of bona fide participants in market relations are studied.

Keywords: intellectual property rights, abuse, competition protection, innovation, economic growth

For citation: Mayurov N. P., Tsaregorodtsev E. A. Some issues of abuse of intellectual rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):151–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-151-155>.

Роль интеллектуального права в экономическом развитии меняется в зависимости от совокупности факторов, составляющих экономико-правовую систему конкретной страны [1]. К примеру, в США до 1978 года, как отмечают исследователи, действовали относительно слабые законы об авторском праве, а до 1980-х годов здесь действовал достаточно строгий закон о конкуренции и значительную роль играла доктрина злоупотребления патентами, при этом экономика США развивалась при низком уровне защиты интеллектуальной собственности и высокой конкуренции

[2. с. 139–142]. Так же и Японии, Индии, Китаю, Корею, Малайзии и Бразилии удалось достичь относительно высоких уровней экономического роста без сильных прав интеллектуальной собственности [3, с. 4, 11]¹. При этом, как отмечает ряд авторов, успех индийской

¹ Высказывается предположение о том, что некоторые развивающиеся страны в настоящее время находятся в уникальном положении, позволяющем им использовать свое растущее влияние для продвижения позиций в пользу доступа и содействия гармонизации и интеграции международных норм в области интеллектуальной собственности.

фармацевтической промышленности, начавшийся в 1970-х годах, был достигнут благодаря государственной политике, которая в значительной степени запрещала патентование лекарственных средств как таковых [4, с. 80].

Еще в 2005 году отмечалось, что Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) создало режим, который благоприятствовал тем странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые уже обладали развитыми национальными системами инноваций и чьи многонациональные компании владели большим количеством запатентованных высокотехнологичных продуктов для продажи или производства по всему миру [5, с. 4–8]. Экономический анализ показывает, что для стран с низким и средним уровнем экономического развития и недостаточно развитой научно-технической инфраструктурой усиление защиты интеллектуальной собственности не только не оказывает позитивного влияния на рост экономики, но и может такому росту препятствовать [6, с. 24]. К тем же выводам приходит нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц: «Недостаточно продуманные режимы интеллектуальной собственности не только уменьшают доступ к лекарственным средствам, но, кроме того, приводят к снижению эффективности экономики и даже могут замедлить ритм инноваций, снижая их эффективность, в особенности, в развивающихся странах» [7, с. 103–132]. Австралийская комиссия по производительности пришла к выводу о том, что в случае, если страна является «чистым импортером» технологий, усиление защиты интеллектуальной собственности будет отвечать интересам не своих собственных, а только зарубежных правообладателей [8, с. 100].

Таким образом, в настоящее время ученые приходят к пониманию, что корреляция между усиленной защитой интеллектуальных прав и ростом экономики далеко не всегда является положительной.

Поскольку Россия тоже является импортером технологий в некоторых отраслях, повышение требований к охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД) в таковых, на наш взгляд, является обоснованным. К таковым следует отнести и фармацевтическую отрасль, где зачастую импортеры сталкиваются со злоупотреблениями правообладателей.

Примером здесь может служить применение фармацевтическими компаниями «вечнозеленых» патентов на незначительные или несущественные разработки для подавления конкурентов в лице компаний, производящих дженерики, как в развитых, так и в развивающихся странах. После того, как Соглашение ТРИПС вступило в силу для Индии, местные фармацевтические фирмы были вынуждены сконцентрироваться на производстве препаратов, для которых срок

действия патентов уже истек. В результате Индия больше не могла быть поставщиком недорогих лекарств и выполнять функции своего рода «аптеки для развивающихся стран» [9, с. 4]. Данная проблема была решена через законодательные реформы. Как подтверждают исследования профессора А. Капчински [4], патентный закон Индии отрицает право субъекта на новые виды использования известных веществ и новые формы известных веществ, которые не повышают «эффективность». Изобретательский уровень, предусмотренный в указанном законе, требует «технического прогресса» или «экономической значимости» с целью препятствовать созданию «эквивалентных» и производных патентов, что ограничит пространство, в котором могли бы работать производители дженериков [10].

Так, раздел 3 (d) главы 2 Патентного закона Индии [11] ограничивает установление в качестве основания для патентования только лишь открытие новой формы, свойства или применения вещества.

Кроме того, установленные в Индии высокие стандарты к уровню техники подкреплены и строгими требованиями к раскрытию информации об изобретении [12, с. 567–574].

Данные реформы в целом позволили признавать «вечнозеленые патенты» недействительными. Именно по этой причине патентов на противоопухолевые препараты в Индии лишились компании Novartis и Pfizer [13].

Мы полагаем, что данный опыт дает основания принять как научный факт, что многие страны добивались значительных успехов в развитии наукоемких отраслей и создании инноваций не благодаря простому усилению защиты интеллектуальной собственности, а, скорее, благодаря правильно подобранному критерию охраноспособности РИД и взвешенному подходу к защите конкуренции. Россия не сможет полностью реализовать свой экономический потенциал без подходящего ей режима защиты интеллектуальной собственности [3, с. 6, 11], что обязывает нас искать похожий баланс в данном вопросе.

В контексте обозначенной проблематики перед юриспруденцией встает вопрос того, каким образом в праве должны быть отражены такие явления, как «вторичные патенты» или «вечнозеленые патенты».

Как видно из сложившейся системы правового регулирования в данной сфере ряд стран принимают ограничительные меры для контроля за выдачей патентных монополий на жизненно важные изобретения, в частности, кроме уже упомянутой Индии в Европе, Канаде и Китае существуют подобные ограничения на патентование способов лечения.

На наш взгляд, следуя законотворческой практике вышеупомянутых стран основным ориентиром здесь должна служить уникальность изобретения, его изобретательский уровень.

Такие попытки только начинают совершаться в нашей стране на уровне административно-правового регулирования. Как сообщается в новостных источниках (ТАСС), российские фармкомпании выступают за ужесточение требований к патентным заявкам. По большей части речь идет об изменении экспертизы в регистрационном процессе изобретений лекарственных препаратов: в силу вступил приказ Министерства экономического развития, который вносит изменения в правила регистрации изобретений и в требования к документам при подаче заявки. Поправки касаются приказа министерства от 25 мая 2016 г. № 316, данный нормативно-правовой акт предполагает отказ в регистрации изобретения в случае, если химическое соединение является формой другого известного химического соединения или его производным, при этом регистрируемое вещество не проявляет новых, неизвестных для существующего соединения свойств в качественном или количественном отношении [14].

Указанные меры, несомненно, положительно скажутся на решении проблемы «вечнозеленых» патентов еще на регистрационной стадии в фармацевтической сфере, чего, все же, было бы недостаточно. Однако, проводимые реформы коснулись и послерегистрационного регулирования, в частности, института принудительного лицензирования и использования без разрешения патентообладателя.

Так, в норме статьи 1360 ГК РФ (использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности) к случаям, при которых допускается использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя, добавлены случаи крайней необходимости, связанные охраной жизни и здоровья граждан. Если раньше нормой допускалось такое использование «в интересах обороны и безопасности», то теперь нормой устанавливается важный критерий — «крайняя необходимость». Данный критерий остается оценочным, однако уже не позволяет произвольно применять рассматриваемую норму и обязывает Правительство Российской Федерации установить наличие крайней необходимости, при которой охраняемые интересы могут быть соблюдены лишь при использовании чужой интеллектуальной собственности независимо от наличия согласия на такое использование.

Кроме того, законодатель дает правовую определенность порядку установления размера компенсации за такое использование — пункт второй указанной статьи теперь предусматривает, что такой размер должен быть установлен Правительством Российской Федерации.

До последнего времени указанная норма оставалась нерабочей, что объясняется чрезвычайностью ситуаций, при которых ее применение допустимо. С

учетом кризиса 2020 года, спровоцированного пандемией COVID-19, изменения статьи 1360 ГК РФ показали свою необходимость, хотя и были запланированы задолго до начала пандемии — как следует из пояснительной записки к законопроекту [15] новая норма введена в целях реализации подпункта «в» пункта 4 Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 — 2020 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции».

Однако, данная норма «оживила» еще до внесения упомянутых изменений 31.12.2020, когда Распоряжением Правительства Российской Федерации № 3718-р (далее — Распоряжение) акционерному обществу «Фармасинтез» выдано разрешение на использования изобретений без согласия патентообладателей в целях обеспечения населения России лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием (МНН) «Ремдесивир» [16].

Распоряжение обжаловалось в Верховном Суде Российской Федерации, который признал его обоснованным и правомерным [17]. В своем решении от 27 мая 2021 г Верховный Суд РФ разъяснил, что основное отличие использования объекта патентных прав в интересах национальной безопасности от принудительной лицензии заключается в безоговорном характере правоотношений. Сами правоотношения, как мы видим, в данном случае являются не гражданскими, административными, соответственно, к ним применимы и должны применяться нормы административного права, гарантирующие правовую определенность: в данном случае суд указал, что правомерность решения, касающегося введения подобного использования запатентованного объекта, может быть оспорена в судебном порядке, равно как и решение, касающееся компенсаций, выплачиваемых в связи с использованием запатентованного объекта, чем создается определенная охрана прав патентообладателя.

Изменения в пункте первом приведенной статьи фактически раскрыли подробнее уже проявившую себя норму, поскольку одним из важных аргументов, приведенных в указанном выше деле, состоял в ссылке на иное содержание нормы до изменений, на что Верховный Суд РФ указал, что изменения по существу не изменили её предыдущее смысловое содержание.

Подводя итог всему вышеизложенному, мы приходим к выводу, что установление общеобязательных для всех правил, отсекающих недобросовестные компании на стадии регистрации, благоприятно скажется на устойчивости уже выданных патентов, если уменьшится количество оснований для признания выданных патентов недействительными. При этом вероятная тенденция, заключающаяся в увеличении для иностранных фармкомпаний риска утратить контроль

за своим изобретением в случаях, подобных указанным в норме статьи 1360 ГК РФ, по решению Правительства относится к исключительным (чрезвычайным) ситуациям: такие решения должны оставаться в поле применения «за гранью», в самых крайних ситуациях, где экстренность ситуации «перевешивает» ценность стабильности установленных прав, в ином случае малообоснованное ограничение исключительных прав крайне негативно скажется на правопорядке в целом.

Список источников / References

1. Meir Pugatch. The Process of Intellectual Property Policy-Making in the 21st Century — Shifting from a General Welfare Model to a Multi-Dimensional One // The European Intellectual Property Review. 2009. № 6.
2. Christopher May and Susan K. Sell Intellectual Property Rights: A Critical History. Lynne Rienner Pub, 2005.
3. Rochelle C. Dreyfuss. The Role of India, China, Brazil and Other Emerging Economies in Establishing Access Norms for Intellectual Property and Intellectual Property Lawmaking // SSRN Electronic Journal. 2009. № 10.2139/ssrn.1442785.
4. Amy Kapczynski. Harmonization and its Discontents : A Case Study of TRIPS Implementation in India's Pharmaceutical Sector // California Law Review. 2009. Vol. 97. P. 1571.
5. Sudip Chaudhuri. TRIPS and Changes in Pharmaceutical Patent Regime in India . 535 edit. Calcutta : Indian Institute of Management Calcutta, 2005.
6. Digital opportunity. A Review of Intellectual Property and Growth. An Independent Report by professor Ian Hargreaves // gov.uk URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32563/ipreview-finalreport.pdf (дата обращения / accessed: 20.10.2021).
7. Joseph E Stiglitz. Making globalization work. New York : W.W. Norton & Co, 2006.
8. Productivity Commission, Trade & Assistance Review 2010–11, Annual Report Series, Canberra // Australian Government. The Productivity Commission URL: <https://www.pc.gov.au/research/ongoing/trade-assistance/2010-11/trade-assistance-review-2010-11.pdf> (дата обращения / accessed: 20.10.2021).
9. Correa C. Intellectual Property : How Much Room Is Left For Industrial Policy?//UNCTAD/OSG/DP/2015/5 № 223 October 2015.
10. The Patents Act, 1970, № 39 // official site ВОИС. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/in/in004en.pdf> (дата обращения / accessed: 28.09.2021).
11. Закон 1970 года «О патентах» // WIPO Lex. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/2393> (дата обращения: 20.10.2021). (11. Law of 1970 «On patents» // WIPO Lex. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/2393> (accessed: 20.10.2021).)
12. Mueller, Janice M. The Tiger Awakens : The Tumultuous Transformation of India's Patent System and the Rise of Indian Pharmaceutical Innovation // University of Pittsburgh Law Review. Vol. 68. 2007. № 3.
13. Дугин И. Принуждение к лицензированию // «Фармацевтический вестник». Сентябрь, 2013 № 2. URL: <https://pharmvestnik.ru/articles/prinuzhdenie-k-litsenzirovaniyu.html> (дата обращения: 20.10.2021). (13. Dugin I. Coercion to licensing // «Pharmaceutical Bulletin». September, 2013 № 2. URL: <https://pharmvestnik.ru/articles/prinuzhdenie-k-litsenzirovaniyu.html> (accessed: 20.10.2021).)
14. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации «О внесении изменений в Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы и Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316» от 31.03.2021 № 155 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. (14. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation «On Amendments to the Rules for Drawing Up, Filing and Reviewing Documents that are the Basis for Legally Significant Actions for the State Registration of Inventions, and Their Forms and Requirements for the Documents of the Application for the Grant of a Patent for an Invention, approved by Order № 316 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated May 25, 2016» № 155 dated 31.03.2021 // Official Internet Portal of Legal Information. 2021.)
15. Законопроект № 842633-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/842633-7> (дата обращения: 20.10.2021). (15. Bill № 842633-7 // System of legislative activity support. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/842633-7> (accessed: 20.10.2021).)
16. Распоряжение Правительства РФ «О решении АО «Фармасинтез» использования

изобретений, охраняемых евразийскими патентами № EA025252, EA025311 и EA029712, принадлежащими компании ГАЙЛИД САЙ-ЭНСИЗ, ИНК. (US), евразийскими патентами N EA020659 и EA032239, принадлежащими компании ДЖИЛИД САЙЭНС, ИНК. (US), а также евразийским патентом № EA028742, принадлежащим компании ДЖИЛИД ФАРМАССЕТ, ЛЛС (US), на 1 год без согласия патентообладателей в целях обеспечения населения РФ лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием «Ремдесивир» от 31 декабря 2020 г. № 3718-р // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. (16. Decree of the Government of the Russian Federation «On the permission of JSC «Pharmasynthesis» to use inventions protected by Eurasian patents № EA025252, EA025311

and EA029712, owned by GAILID SCIENCES, INC. (US), Eurasian patents № EA020659 and EA032239, owned by GILEAD SCIENCES, INC. (US), as well as Eurasian patent No. EA028742, owned by GILID PHARMASSET, LLC (US), for 1 year without the consent of the patent holders in order to provide the population of the Russian Federation with medicines with the international nonproprietary name «Remdesivir» dated December 31, 2020. № 3718-r // Official Internet portal of legal information. 2021.)

17. Решение Верховного суда РФ от 27 мая 2021 г. // Карточка производства. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2002020 (дата обращения: 20.10.2021). (17. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation of May 27, 2021 // Production card. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2002020 (accessed: 20.10.2021).)

Информация об авторах

Н. П. Маюров — профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Е. А. Царегородцев — Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики.

Information about the authors

N. P. Mayurov — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Admiral S.O. Makarov State University of the Sea and River Fleet, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

E. A. Tsaregorodtsev — Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-156-158>

НИОН: 2003-0059-2/22-238

MOSURED: 77/27-003-2022-02-437

Научные подходы к созданию целостной и эффективной системы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел России

Сергей Николаевич Мешалкин

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Московская область, Россия, Ser14106442@yandex.ru

Аннотация. Научная статья посвящена некоторым аспектам научно-методического обеспечения учебного процесса ведомственных организаций дополнительного профессионального образования. Определяется актуальность темы исследования, а также некоторые аргументы в пользу необходимости осуществления данного процесса. Рассматриваются основные направления совершенствования научно-методического обеспечения учебного процесса организаций дополнительного профессионального образования системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: научно-методическое обеспечение, учебный процесс, организация дополнительного профессионального образования, система МВД России

Для цитирования: Мешалкин С. Н. Научные подходы к созданию целостной и эффективной системы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 156–158. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-156-158>.

Original article

Scientific approaches to the creation of a holistic and effective system of professional development of employees of the internal affairs bodies of Russia

Sergey N. Meshalkin

All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Moscow Region, Russia, Ser14106442@yandex.ru

Abstract. The scientific article is devoted to some aspects of scientific and methodological support of the educational process of departmental organizations of additional professional education. The relevance of the research topic, as well as some arguments in favor of the need to implement this process is defined. The main directions of improving the scientific and methodological support of the educational process of organizations of additional professional education of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are considered.

Keywords: scientific and methodological support, educational process, organization of additional professional education, system of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Meshalkin S. N. Scientific approaches to the creation of a holistic and effective system of professional development of employees of the internal affairs bodies of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):156–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-156-158>.

На современном этапе противодействия организованным формам преступности и появления новых угроз национальной безопасности российского государства все большее значение приобретает образовательный процесс ведомственных организаций дополнительного профессионального образования системы

МВД России, который позволяет сотрудникам органов внутренних дел осуществлять правоприменительную практику на высоком профессиональном уровне. Важной составляющей данного процесса является его научно-методическое обеспечение, первоочередной задачей которого определяется созданием целостной и

эффективной системы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел для постижения ими умений и знаний, содействующих эффективному решению правоохранительных задач.

Первым этапом научно-методического обеспечения учебного процесса ведомственных организаций системы дополнительного профессионального образования является подготовка проекта исследований.

В данном направлении кафедрой противодействия терроризму и экстремизму Международного межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по противодействию терроризму и экстремизму ВИПК МВД России проводится ряд мероприятий, способствующих выработке основных направлений научной деятельности Института.

Одним из таких мероприятий является участие в заседаниях Совета МВД России по научно-гуманитарному обеспечению и положительному опыту в органах внутренних дел Российской Федерации при рассмотрении проблематики противодействия терроризму и экстремизму сотрудниками органов внутренних дел в целях определения основных направлений научных исследований и внедрения их в практическую деятельность, а также в учебный процесс образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Так, на одном из заседаний Совета МВД России был обсужден вопрос о положительном опыте и проблемах научного обеспечения противодействия экстремистской деятельности, в том числе в сети Интернет, где были определены основные направления правоохранительной деятельности, указаны проблемные позиции, подлежащие тщательному исследованию в рамках НИР.

Важной составляющей первого этапа научно-методического обеспечения учебного процесса ведомственных организаций системы дополнительного профессионального образования является участие профессорско-преподавательского состава Института в научно-практических секциях ГУПЭ МВД России, где обсуждаются не только вопросы совершенствования учебного процесса, но и тематика исследования проблем правоохранительной деятельности подразделений по противодействию экстремизму органов внутренних дел. Более того, практикуются рабочие встречи с представителями ГУПЭ МВД России и Института для выработки решений по тематике исследования и форм их внедрения в учебный процесс.

Важным элементом подготовки проекта исследований является анкетирование слушателей ВИПК МВД России, в том числе иностранных, на предмет специфики выявления, предупреждения и раскрытия преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также наличия отечественного и зарубежного передового опыта в данном направлении.

После анкетирования с наиболее опытными сотрудниками органов внутренних дел России дополнительно проводится беседа по информированию об условиях поступления в адъюнктуру ВИПК МВД России в целях привлечения к научной деятельности и дальнейшего изучения проблем противодействия террористическим и экстремистским проявлениям в рамках диссертационного исследования, а также формирования научного потенциала Института.

Еще одним элементом подготовки проекта исследований является проведение специализированных занятий, цель которых — определение эффективных методик выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений террористического характера и экстремистской направленности. В данном случае выявляется передовой опыт, который в дальнейшем подвергается тщательному научному исследованию.

Не маловажным в данном аспекте является повышение квалификации преподавателей по системе образования, а также стажировка в практических подразделениях.

Что касается повышения квалификации преподавателей, то в системе МВД России существует ряд образовательных программ в рамках ДПО, в частности «Современные образовательные технологии», где рассматривается не только современный технологический образовательный процесс, но и раскрываются позиции научно-методического обеспечения данного процесса.

Стажировка же в практических подразделениях определяется следующей целью: формирование и закрепление на практике профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в результате теоретической подготовки, а также изучение передового опыта, приобретение профессиональных навыков, выявление приоритетных направлений антитеррористической и антиэкстремистской деятельности органов внутренних дел в целях выработки тематики исследований в данном направлении.

Второй этап научно-методического обеспечения учебного процесса ведомственных организаций системы дополнительного профессионального образования является осуществление исследования по направлению деятельности.

Третий этап научно-методического обеспечения — внедрение научной продукции в учебный процесс, что предполагает разработку: образовательных программ с учетом современных угроз, направленных на подрыв национальной безопасности российского государства, параметров уголовной статистики, передового опыта правоохранительной деятельности отечественных и зарубежных полицейских подразделений; новых технологий учебного процесса, а также форм и методов обучения в рамках дополнительного профессионального образования.

Информация об авторе

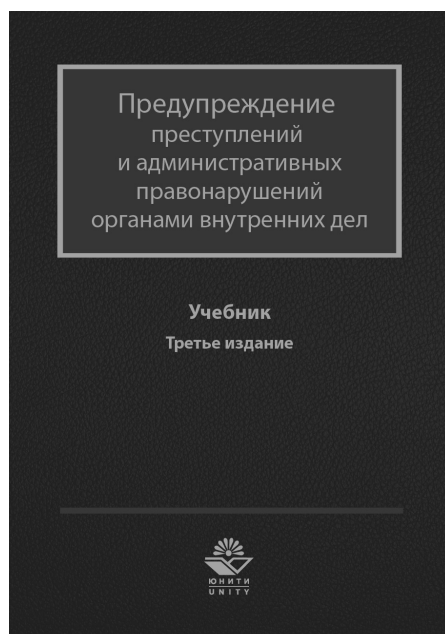
С. Н. Мешалкин — профессор кафедры противодействия терроризму и экстремизму Международного межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. N. Meshalkin — Professor of the Department of Counteraction to Terrorism and Extremism of the International Interdepartmental Center for Training and Retraining of Specialists in Combating Terrorism and Extremism of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-159-163>

НИОН: 2003-0059-2/22-239

MOSURED: 77/27-003-2022-02-438

Вопросы совершенствования процессуального статуса начальника подразделения дознания в системе органов внутренних дел

Павел Павлович Милованов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, p0577m@yandex.ru

Аннотация. Аргументируется необходимость расширения процессуальных полномочий начальника подразделения дознания для совершенствования процессуального контроля за дознанием в системе органов внутренних дел.

Ключевые слова: орган дознания, органы внутренних дел, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознание

Для цитирования: Милованов П. П. Вопросы совершенствования процессуального статуса начальника подразделения дознания в системе органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 159–163. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-159-163>.

Original article

Issues of improving the procedural status of the head of the inquiry unit in the system of internal affairs bodies

Pavel P. Milovanov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, p0577m@yandex.ru

Abstract. The article argues for the need to expand the procedural powers of the head of the inquiry unit to improve the procedural control over the inquiry in the system of internal affairs bodies.

Keywords: body of inquiry, bodies of internal affairs, head of body of inquiry, head of subdivision of inquiry, inquiry

For citation: Milovanov P. P. Issues of improving the procedural status of the head of the inquiry unit in the system of internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):159–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-159-163>.

Органами внутренних дел в качестве органов дознания проводится расследование почти 50 % всех регистрируемых преступлений в России [1]. На протяжении последних лет наблюдается устойчивая тенденция к увеличению нагрузки на подразделения дознания ОВД. Только с 2021 года к подследственности подразделений дознания отнесено более 40 составов преступлений, что соответственно ведет к увеличению нагрузки на каждого дознавателя. Например, по г. Москве за 9 месяцев 2021 года в производстве дознавателей г. Москвы находилось 50617 уголовных дел, в 2020 году за тот же период — 53506 дел. В среднем по Москве в 2021 году нагрузка на одного дознавателя со-

ставляла 36 уголовных дел. Заметим, что данные статистические показатели получены в условиях пандемии, когда отмечается снижение уровня преступности в целом, в том числе из-за тех мер ограничительного характера, которые реализуются в стране по борьбе с коронавирусной инфекцией.

Ответственность за качество проведенного дознания в полной мере возложена на начальника подразделения дознания, который в соответствии со ст. 40.1 УПК РФ осуществляет контроль за деятельностью дознавателей, состоящих в штате подразделения дознания. Принимаемые государством правовые меры по повышению эффективности уголовно-процессу-

альной деятельности органов дознания направлены в основном на совершенствование правовой регламентации порядка рассмотрения и разрешения сообщений о преступлении и самого дознания как формы предварительного расследования [2; 3], в то время как вопросы совершенствования процессуального статуса самого начальника подразделения дознания редко попадают в поле зрения законодателя. Только дважды с 2007 года (в 2010 и в 2015 гг.) в ст. 40.1 УПК РФ вносились дополнения, расширяющие полномочия данного участника уголовного судопроизводства, что свидетельствует о том, что законодатель признает несовершенство правового регулирования процессуального статуса руководителя подразделения дознания. Однако, следует признать, что предпринятые законодателем меры оказываются недостаточно эффективными. Как свидетельствует статистика, качество расследования преступлений, проводимых в форме дознания, остается на недостаточно высоком уровне. Имеют место доследования, прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Так, например, по г. Москве в 2020 году было возвращено судом на дополнительное дознание в порядке ст. 237 УПК РФ за 10 месяцев — 835 уголовных дел, а за 10 месяцев 2021 года — 668 уголовных дел. Несмотря на общее снижение дел по городу, возвращаемых прокурорами, большинство руководителей дознания ОУВД и ОМВД не проявляют должного внимания к качеству проводимого дознания, необходимости пересмотра подходов в организации работы, связанной с обеспечением законности, и своевременному устранению выявленных недостатков. По указанной причине в ряде подразделений дознания города Москвы доля числа дел, возвращаемых прокурорами для дополнительного расследования, является одной из самых высоких среди регионов РФ (общероссийское значение (2,8 %)).

Надо отметить, что в соответствии с уголовно-процессуальным законом в системе ОВД процессуальный контроль за производством дознания осуществляет сразу несколько должностных лиц. В силу занимаемой должности правами субъекта процессуального контроля обладают: начальник ОВД, начальник полиции, его заместители, начальник подразделения дознания (его заместитель). Если вспомнить пословицу «у семи нянек — дитя без присмотра», то очевидно, что такое количество лиц, на которых возложено осуществление процессуального контроля в системе ОВД, не может гарантировать качество проведенного расследования. В этой связи представляется целесообразным именно в системе органов внутренних дел оптимизировать уголовно-процессуальные полномочия по осуществлению процессуального контроля за производством дознания между должностными лицами.

С 2007 года начальник подразделения дознания

был включен в перечень субъектов уголовного судопроизводства со стороны обвинения (Федеральный закон РФ № 90 РФ от 06.06.2007 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Именно он согласно ст. 40.1 УПК РФ осуществляет ежедневный процессуальный контроль за дознавателями, пользуясь тем арсеналом процессуальных средств, которые ему предоставил законодатель. В 2015 году в состав участников уголовного судопроизводства был добавлен и начальник органа дознания (Федеральный закон от 30.12.2015 № 440 ст. 40.2 УПК РФ). По мнению автора статьи с 2015 года, то есть с момента законодательного закрепления начальника органа дознания как участника уголовного процесса, следовало пересмотреть процессуальные полномочия субъектов, осуществляющих процессуальный контроль за деятельностью дознавателей. Необходимо было более четко разграничить процессуальные полномочия между должностными лицами, определив меру ответственности и место каждого субъекта в системе участников уголовно-процессуальной деятельности.

В настоящее время мы наблюдаем дублирование отдельных полномочий у разных субъектов процессуального контроля в органах дознания, и констатируем, что распределение уголовно-процессуальных полномочий между несколькими должностными лицами в системе ОВД нельзя признать оптимальным.

Например, в соответствии с п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя, давать дознавателю письменные указания. Аналогичное полномочие есть и у начальника подразделения дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 30.12.2015 № 440). Предположим, что дознаватель может оказаться «меж двух огней» и польза от такого двойного контроля вряд ли будет эффективной. Представляется целесообразным, чтобы в тексте закона были бы уточнены условия или пределы, при которых начальник органа дознания реализует свои права по отношению к штатным дознавателям. Заметим, что законодатель уже применил подобный прием, конкретно определив пределы для реализации процессуальных полномочий начальника подразделения дознания только штатными дознавателями. Также следовало поступить при регулировании правоотношений начальник органа дознания — штатный дознаватель. В этой цепочке правоотношений начальник подразделения дознания отсутствует, что представляется неверным. Бесспорно, все сотрудники ОВД находятся в служебном подчинении у своего руководителя (его заместителя), которые все являются одновременно на-

чальником органа дознания. Не вызывает сомнений тот факт, что начальник должен иметь полномочие давать поручения своему подчиненному сотруднику и контролировать его деятельность. Но с точки зрения регулирования уголовно-процессуальных правоотношений между участниками уголовного процесса, было бы разумно, если начальник ОВД в качестве начальника органа дознания будет давать указания своим подчиненным через их непосредственного руководителя, а не напрямую исполнителям. Это будет полезно и с той точки зрения, что непосредственный руководитель (в нашем случае — это начальник подразделения дознания) будет осведомлен о тех указаниях, которые получены его подчиненными от вышестоящего руководителя. Хотя признаем, что в некоторых ситуациях дублирование отдельных процессуальных полномочий у двух субъектов уголовного процесса осуществляющих процессуальный контроль за деятельностью дознавателей не только полезен, но и необходим (там, где начальник органа дознания территориального органа МВД России на районном уровне является единственным субъектом процессуального контроля).

В специальной юридической литературе совершенно справедливо отмечалось, что применительно к системе органов внутренних дел процессуальные полномочия начальника подразделения дознания по своему содержанию и объему в целом представляют сложный характер [4]. Обусловлен данный факт следующими обстоятельствами. Во-первых, данный участник процесса является руководителем подразделения дознания, входящего в структуру ОВД и полиции, и его полномочия определены не только уголовно-процессуальным законом, но и ведомственными правовыми актами, действующими в системе МВД РФ (например, в системе МВД России действует Приказ от 15.06.2020 № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации»). Во-вторых, находясь структурно в системе органов внутренних дел, начальник подразделения дознания организационно подчиняется начальнику органа дознания (начальнику ОВД и его заместителю). По этой причине отношения начальника органа дознания с начальником подразделения дознания имеют не только процессуальный характер, но и ведомственный, служебный, административный. В-третьих, начальник подразделения дознания вправе в необходимых случаях пользоваться правами дознавателя, в случае, когда он лично принимает уголовное дело к своему производству (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ). В этой ситуации, начальник подразделения дознания как дознаватель вступает в определенные правовые отношения с должностным лицом, который по отношению к нему

является вышестоящим начальником подразделения дознания.

По нашему мнению многие проблемные ситуации, возникающие в правоприменительной деятельности подразделений дознания, можно было бы решить путем оргштатных изменений в системе ОВД. В частности, начальник подразделения дознания мог бы стать по должности заместителем начальника полиции и, следовательно, иметь процессуальный статус начальника органа дознания, исходя из смысла заложенного законодателем в определение данного понятия в п. 17 ст. 5 УПК РФ.

Рассмотрим ряд аргументов в пользу реализации данного предложения. Во-первых, начальник подразделения дознания, также как и руководитель следственного подразделения в территориальных отделах (отделениях) МВД России осуществлять процессуальный контроль и несет персональную ответственность за качество и результаты уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой должностными лицами вверенных им подразделений. При этом бесспорным следует признать факт того, что служба дознания в системе ОВД является такой же самостоятельной службой по расследованию преступлений как и служба предварительного следствия, расследуя почти 50 % преступлений, отнесенных к подследственности органов предварительного расследования системы ОВД (ст. 151 УПК РФ). Однако при этом руководитель следственного подразделения является по должности заместителем начальника ОМВД, в то время как начальник подразделения дознания не является даже заместителем начальника полиции.

Во-вторых, в соответствии со служебными обязанностями (должностным регламентом) начальник подразделения дознания также осуществляет дежурства в качестве ответственного от руководства УВД (ОВД), не являясь при этом заместителем руководителя.

В-третьих, проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что многие руководители подразделений дознания системы ОВД имеют большой опыт как уголовно-процессуальной деятельности, так и в аналитической работе (в среднем более 10–15 лет) и являются достаточно компетентными должностными лицами при решении оперативно-служебных задач. С учетом этого данные сотрудники представляют интерес и достаточно востребованы для работы в иных подразделениях и службах ОВД, что в условиях нехватки кадров представляет определенную угрозу в вопросе сохранности кадрового потенциала службы дознания. Например, в г. Москве в среднем отток кадров из службы дознания в другие подразделения составляет до 1 тысячи сотрудников ежегодно, из них более 15 % — руководители.

В вопросе совершенствования процессуального

статуса начальника подразделения дознания нельзя не использовать возможность урегулирования данного вопроса на уровне уголовно-процессуального закона. В частности, полагаем, что у начальника подразделения дознания недостаточно процессуальных средств для осуществления им качественного процессуального контроля.

Приведем наглядный пример. Законодатель предоставил право начальнику подразделения дознания отменять незаконное решение дознавателя о приостановлении расследования. Возникает закономерный вопрос: почему речь идет только о постановлении о приостановлении? Если законодатель полагает, что у начальника подразделения дознания достаточно знаний и опыта, чтобы оценить указанное постановление на соответствие требованиям закона, то почему возникают сомнения в компетентности данного должностного лица по отношению к оценке других процессуальных решений, вынесенных дознавателем? Насколько эффективнее был бы процессуальный контроль со стороны рассматриваемого должностного лица, если бы он обладал правом отменять любое незаконное решение дознавателя.

В пользу данного предложения можно привести следующие аргументы. Во-первых, процедура обращения с ходатайством к прокурору об отмене постановления дознавателя занимает определенное время (подготовка подобного ходатайства; предоставление прокурору материалов, обосновывающих ходатайство; время на изучение материалов прокурором; решение прокурора об отмене постановления дознавателя либо отказ в удовлетворении ходатайства и др.), что нередко приводит к продлению срока дознания. Высказанное предложение значительно сократит время для устранения допущенных дознавателями нарушений, в том числе нарушений прав и интересов граждан. При этом, несколько не будут ущемлены права надзирающего прокурора, предусмотренные п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в части отмены незаконных и необоснованных постановлений дознавателя. Во-вторых, у дознавателя остается право обжаловать прокурору решение начальника подразделения дознания, что не приведет к ограничению его процессуальной самостоятельности. В-третьих, повысится личная ответственность начальника подразделения дознания за качеством расследования, что, по нашему мнению, приведет к повышению эффективности процессуального контроля со стороны данного должностного лица.

В связи с изложенным целесообразно изложить п. 3 ч. 1. ст. 40.1 УПК РФ в следующей редакции: отменять необоснованные постановления дознавателя по уголовному делу.

Таким образом, полномочия начальника подразделения дознания следует расширять и усилить его

процессуальный статус как участника уголовного судопроизводства, как на ведомственном уровне, так и на законодательном. Наиболее оптимальный путь для разрешения рассматриваемого вопроса мог бы быть найден при перераспределении части процессуальных полномочий между начальником подразделения дознания и начальником органа дознания, а также путем внесения изменений в ведомственные нормативные акты, официально признав данного должностного лица заместителем начальника полиции.

Список источников

1. Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России. <https://mvd.pf/reports/item/16053092/https://media.mvd.ru/files/application/1518099>.
2. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
3. Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя». Гарант.ру: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/688373/#ixzz6Zw6hxrFo>.
4. Дознание в органах внутренних дел : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Ф. К. Зиннуров и др.; под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 3-е изд, перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. 495с.

References

1. Report of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. <https://mvd.rf/reports/item/16053092/https://media.mvd.ru/files/application/1518099>.
2. Federal Law № 23-FZ of March 4, 2013 «On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» (with amendments and additions).
3. Federal Law № 440-FZ of December 30, 2015 «On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with regard to clarifying the powers of the head of the body of inquiry and the interrogator». Garant.ru : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/688373/#ixzz6Zw6hxrFo>.
4. Inquiry in the internal affairs bodies : textbook. manual for university students studying in the direction of training «Jurisprudence» / F. K.

Zinnurov and others; ed. F. K. Zinnurova, A. S. Esina. 3rd ed., revised. and add. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2018. 495 p.

доп. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 242 с.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальная деятельность полиции : учебное пособие для вузов / Е. Н. Арестова, А. С. Есина, О. Е. Жамкова. 3-е изд., перераб. и

Bibliographic list

1. Criminal procedure activity of the police : a textbook for universities / E. N. Arestova, A. S. Esina, O. E. Zhamkova. 3rd ed., revised and additional. Moscow : Yurayt Publishing House, 2020. 242 p.

Информация об авторе

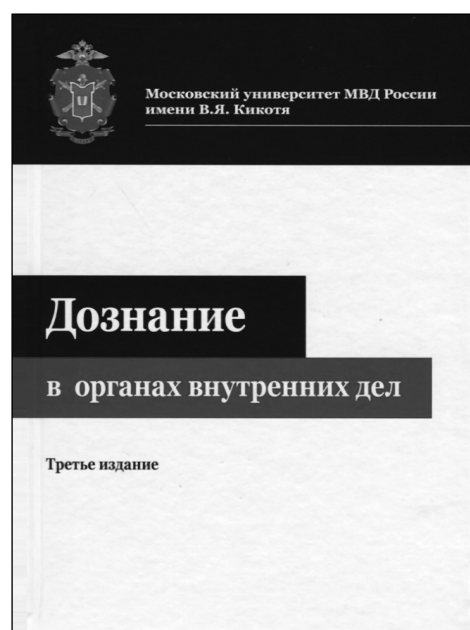
П. П. Милованов — соискатель по кафедре предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, начальник управления организации дознания Главного управления МВД России по г. Москве.

Information about the author

P. P. Milovanov — Applicant of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Head of the Department for the Organization of Inquiry of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф.К. Зиннурова, А.С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 343.163

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-164-170>

NION: 2003-0059-2/22-240

MOSURED: 77/27-003-2022-02-439

К вопросу о понятии и признаках института защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в судебном порядке

Наталья Васильевна Михлина

Управление по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры Московской области, Москва, Россия, n-mikhlina@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена роли и значению органов прокуратуры в системе государственных органов, осуществляющих защиту публичных интересов в сфере земельных правоотношений в судебном порядке и направлена на выработку основных понятий, признаков и принципов института защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в судебном порядке с целью дальнейшего использования как в научной, так и в практической деятельности.

Ключевые слова: деятельность органов прокуратуры, обеспечения участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе, земельные правоотношения, координация деятельности, институт защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в судебном порядке

Для цитирования: Михлина Н. В. К вопросу о понятии и признаках института защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в судебном порядке // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 164–170. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-164-170>.

Original article

To the question about concept and signs of institution of public interests protection by prosecutors in the sphere of land legislation relationships

Natalia V. Mikhlina

Department for Ensuring the Participation of Prosecutors in Civil and Arbitration Proceedings of the Prosecutor's Office of the Moscow Region, Moscow, Russia, n-mikhlina@mail.ru

Abstract. This article describes the role and importance of prosecutor's office in the system of state bodies, protecting public interests in the sphere of land relations in a legal process, and is aimed at development of main terms, features and principles of a institute of protection of public interests in the sphere of land relations in a legal process by the prosecutor for the purpose of further usage in a practical and scientific activities

Keywords: activity of a prosecutor's office, participation of a prosecutor in a civil and arbitration process, land relations, coordination of activity, institute of protection of public interests in the sphere of land relations in a legal process

For citation: Mikhlina N. V. To the question about concept and signs of institution of public interests protection by prosecutors in the sphere of land legislation relationships. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):164–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-164-170>.

Развитие и совершенствование юридических и организационных механизмов защиты прокурором публичных интересов государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и неопределённого круга лиц, в том числе, в сфере земельных правоотношений, является одной из ключевых

задач надзорного ведомства.

В целях определения в содержании настоящей статьи теоретических и прикладных положений, предлагаемого для рассмотрения научному сообществу правового института прокурорской деятельности, представляется необходимым выявить его сущ-

© Михлина Н. В., 2022

ностные характеристики — определение, признаки, принципы, значимость. И, кроме того, выработать методику осуществления деятельности по реализации указанного организационно-правового института по защите прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в суде.

В процессе анализа теоретико-правовых позиций ряда исследователей по вопросам тематики статьи стало очевидным, что данный участок прокурорской деятельности является специфичным и имеет индивидуальные особенности, не свойственные другим направлениям и, на наш взгляд, полностью подпадает под понятие самостоятельного института (прокурорской деятельности, права) — защита прокурором публичных интересов в сфере земельных отношений в суде.

Несмотря на постоянное использование в научно-практической среде, термин «правовой институт» не имеет однозначного определения и среди теоретиков дается немало определений этому понятию.

М. И. Байтин определяет правовой институт как совокупность норм, регулирующих тот или иной вид схожих, близких, в этом смысле родственных отношений [1]. О. С. Иоффе под институтом права предлагает рассматривать группу норм, объединяемую специфическим способом применения общеправового метода к регулируемому ими виду общественных отношений [2].

По мнению Л. П. Лапшина и Т. В. Решетневой условиями обособления правовых норм в правовой институт выступают: 1) юридическое единство правовых норм (общие положения, правовые принципы, правовые понятия; 2) полнота регулирования определенной совокупности общественных отношений (каждый правовой институт выполняет только ему присущие функции; 3) обособление норм, образующих правовой институт в главах, разделах, частях и др. структурных единицах нормативных правовых актов [3].

Таким образом, для правового института необходимы следующие критерии: принадлежность к определенной отрасли или отраслям права, совокупность однородных нормативно-правовых актов, регулирующих те или иные общественные отношения в определенной сфере жизнедеятельности.

В случае с реализацией полномочий по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере земельных правоотношений выявляется пересечение двух отраслей права: участие прокурора в рассмотрении гражданских, арбитражных, административных, уголовных дел, являющейся отдельной отраслью (или судебно-процессуальное направление, функция) прокурорской деятельности и земельного.

В современной отечественной юридической науке ведутся активные дискуссии, предлагаются доктринальные разработки относительно множественности отраслей права.

В советское время была распространена теория о том, что земельное право особенной специфики не имеет, потому что это — административные, организационные, управленческие отношения, но они не имеют специфики, как имущественные отношения. Поэтому существование самой отрасли земельного права подвергалось сомнению [4]. Такой подход представляется справедливым для того периода времени, когда земельные ресурсы образовывали единый государственный земельный фонд.

П. С. Якушев отмечал, что сама идея исключения объектов природы из сферы гражданского оборота есть отражение того, что земельные отношения не подвержены действию закона стоимости [5, с. 75].

В то же время, один из основоположников земельного и аграрного права в России Г. А. Аксененок, будучи сторонником режима исключительной государственной собственности на землю, обоснованно обратил внимание на то, что применительно к земле и природным ресурсам нельзя власть собственника ограничивать комплексом полномочий — владение, пользование и распоряжение, а управление государственным земельным фондом определил самостоятельной функцией, самостоятельным правомочием [6].

До начала комплекса реформ в 90-х годах единым и исключительным собственником земли в СССР было государство. Земля не могла быть объектом гражданских правоотношений, субъект права собственности также изменению не подлежал поэтому сфера реализации земельных прав справедливо была отнесена лишь к отрасли гражданского права.

Вместе с тем действующий Земельный кодекс РФ в п. 1 ст. 1 ЗК РФ в совокупности с положениями ст. 9 Конституции устанавливает, что при регулировании земельных отношений применяется принцип разграничения действия норм гражданского законодательства и норм земельного законодательства в части регулирования отношений по использованию земель.

В связи с чем представляется правильным мнение В. Л. Кулапова и А. В. Малько, которые рассматривают земельное право среди самостоятельных отраслей, таких как конституционное (государственное), гражданское, административное, уголовное, трудовое, экологическое, уголовное и уголовно-процессуальное [7, с. 383].

Защищая публичные интересы в сфере земельных правоотношений, прокурор руководствуется требованиями не только земельного, но и градостроительного, водного, гражданского и экологического законодательства, что свидетельствует о межотраслевом характере этого вида деятельности прокурора.

В науке прокурорской деятельности принято считать участие прокурора в суде самостоятельным, направлением, функцией.

Так, С. Г. Березовская определяет отрасль прокурорского надзора как специализированное организационно-правовое направление деятельности органов прокуратуры, характеризующееся родовым объектом и предметом надзора, а также специальными задачами и полномочиями прокурора [8, с. 44–45].

Представляется справедливым рассматривать этот вид прокурорской деятельности в качестве самостоятельной отрасли наряду с иными отраслями прокурорского надзора. Данной логики придерживался и законодатель, определяя в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре в Российской Федерации» виды, направления деятельности прокуратуры, направленные на обеспечение верховенства закона, единство и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, к которым в части 3 данной статьи отнесено и участие прокуроров в рассмотрении дел судами, арбитражными судами.

Вместе с тем С. П. Щерба и Т. А. Решетникова считают, что классификация надзорных функций прокуратуры на отрасли, подотрасли и другие виды не имеют научного и прикладного значения, поскольку они влекут правовую неопределенность в том, в какой степени (части) должны реализовываться конституционные функции и так называемые подфункции, надзорные отрасли, если они охватывают одинаковые (идентичные) направления и виды деятельности прокуратуры России в конкретной сфере правоотношений [9].

При этом ни одно из направлений прокурорской деятельности, за исключением участия прокурора в судах, не имеет нормативного регулирования его реализации в иных отраслях права. Только данный вид прокурорской деятельности корреспондируется с процессуальными кодексами соответствующих видов судопроизводства (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ, УПК РФ) [10].

Прокурор, реализуя законодателем данные полномочия по защите публичных интересов, то есть прав и интересов государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и неопределенного круга лиц в сфере земельных правоотношений при рассмотрении гражданских дел по правилам гражданского судопроизводства, руководствуется принципами, закреплёнными в статьях 5–13 ГПК РФ в той части, в которой они затрагивают прокуроров как участников данного вида судопроизводства. Казалось бы, принципы гражданского процесса адресованы только судам, что само по себе следует из текста ГПК РФ: в ст. 5 говорится об осуществлении правосудия только судами, в ст. 6 — о равенстве всех перед законом и судом, в ст. 6¹ — о разумном сроке судопроизводства и исполнения судебного постановления.

Вместе с тем, практически каждый такой принцип

свойственен и для прокурора в гражданском процессе, в том числе для защиты в суде публичных интересов в сфере земельных правоотношений. Это относится к каждому кодифицированному закону и, соответственно, участию прокурора в обеспечении участия в соответствующих процессах.

В соответствии со ст. 10 Конституции РФ органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Относительно защиты публичных интересов в сфере земельных правоотношений предметы ведения прокуратуры и судов разграничены. Прокурор инициирует судебную защиту в тех случаях, когда иные меры прокурорского реагирования не привели к устранению нарушений законодательства и восстановлению нарушенных прав по вопросам, относящимся к исключительной компетенции судов (ст. 5 ГПК РФ). При этом прокурор, защищая интересы неопределённого круга лиц, может способствовать тем самым реализации принципа равенства всех граждан перед законом и судом (ст. 6 ГПК РФ), когда, например, границы водного объекта, являющегося собственностью Российской Федерации, захвачены («запользованы») частным лицом. Осуществляя надзорные полномочия, прокурор может способствовать осуществлению судопроизводства и исполнению судебных постановлений в разумный срок (ст. 6¹ ГПК РФ), а также обеспечивать реализацию принципа обязательности судебных решений (ст. 13 ГПК РФ). Защищая публичные интересы в сфере земельных правоотношений, он исходит из принципа состязательности и равноправия сторон процесса (ст. 12 ГПК РФ).

Аналогично реализуются принципы судопроизводства применительно к участию прокурора в судебных процессах по делам об административных правонарушениях, о рассмотрении административных дел, арбитражных споров, а также по уголовным делам.

В. О. Шобухин обоснованно пишет, что последние принципы являются отраслевыми, поскольку затрагивают вопросы деятельности прокуратуры в соответствующих отраслях общественных отношений и определённых сферах государственной деятельности. Прокурор руководствуется ими тогда, когда он является участником данных правоотношений. В частности, когда поддерживает государственное обвинение по уголовному делу, в суде он подчиняет свою деятельность принципам, присущим уголовному судопроизводству и должен строить свою деятельность в соответствии с ними, например, учитывать принцип презумпции невиновности [11, с. 146].

Указанные принципы организации и деятельности прокуратуры свойственны всем её направлениям, при этом изменяются только отраслевые принципы, которые зависят от вида судебного процесса, в котором

участвует прокурор, в том числе по защите публичных интересов в сфере земельного законодательства.

Учитывая специфику рассматриваемого вида правоотношений, восстановление нарушенных прав возможно преимущественно в суде в порядке, регулируемом ГПК РФ, КАС РФ, УПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ.

Отраслевые принципы деятельности прокуратуры также производны от соответствующих кодексов и рассматривают деятельность прокурора в соответствии с его полномочиями в соответствующем процессе, в том числе и по защите публичных интересов в сфере земельных правоотношений. Это объясняется тем, что процессуальное законодательство предусматривает единые формы регламентируемых им процедур, в рамках которых могут затрагиваться самые различные материально-правовые вопросы.

Сама структура прокурорской деятельности также следует этой же логике: в централизованной системе органов прокуратуры их деятельность выстроена по тому же принципу. Каждый вид надзора (направления, функции) структурирован в отдельные Главные управления (управления), обеспечивающие выполнение функций и задач прокуратуры по родовому объекту и предмету надзора.

М. М. Черепанов отмечает, что органы прокуратуры, как и все иные государственные органы, в своей деятельности базируются на определённых идейных основах (принципах), выражающих специфику их правового статуса и индивидуализирующих последних. Исходя из данных принципов, выстраивается компетенция органов прокуратуры, в том числе комплекс полномочий работников прокуратуры, а также определяется дальнейшее развитие законодательства о прокуратуре и её надзорной деятельности. Поэтому принципы представляют собой те основы, фундамент, на которых формируется структура органов прокуратуры, предопределённая её задачами и функциями [12, с. 3].

Принципы организации и деятельности органов прокуратуры в исследуемой области можно условно разделить на две группы, первые из которых связаны с исходными началами организации прокуратуры в целом, а вторые — с участием органов прокуратуры в судебной защите прав и интересов государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных органов и неопределённого круга лиц в сфере земельного законодательства.

Отдельного внимания заслуживает нормативное регулирование защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений.

Прежде всего, это конституционное регламентирование организации работы в предлагаемом институте. Так, Основным законом закреплено место прокуратуры в системе государственных органов, положения, касающиеся прокуратуры включены в 7 главу «Судеб-

ная власть и прокуратура». Законодательную независимость органов прокуратуры отметил также Верховный Суд Российской Федерации, который в решении от 11 февраля 2005 г. № ГКПИ04-1479¹ указал, что прокуратура не входит в систему федеральных органов исполнительной власти.

Одновременно с этим, конституционно установлено, что земля и природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории и могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9 Конституции Российской Федерации); требования к землепользованию, связанные с охраной окружающей среды, в частности с охраной земель (ч. 2 ст. 36 Конституции РФ); гарантировано право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ). При этом надзор за соблюдением, в том числе этих конституционных прав, поставлен в новой редакции² статьи 129 Конституции РФ во главу иерархии надзорных функций прокуратуры.

Нормативное отражение защиты прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений в суде имеет место в совокупности норм материального права в различных отраслях: земельного, градостроительного, гражданского, природоохранного и др., когда речь идет и о выявлении и пресечении фактов нарушения земельного законодательства, а также восстановления нарушенных прав. С другой — арсенал процессуального законодательства при инициировании и защите в суде, о котором говорилось выше.

Необходимо отметить, что деятельность прокурора в указанной сфере нашла свое отражение и в приказах Генерального прокурора Российской Федерации, которыми регламентировано обеспечение участия прокурора в гражданском, административном, арбитражном, уголовном судопроизводстве (приказы в сфере процессуального законодательства) и приказов, определяющих задачи по защите окружающей природной среды, в том числе земли.

Ни одна из иных сфер жизни и деятельности человека не имеет подобного правового регулирования. Защита прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений может осуществляться и в арбитражном, и в суде общей юрисдикции. Тогда как иные сферы имеют, как правило, специфику одного вида юрисдикции.

¹ Официально не опубликовано.

² Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками».

Не менее важной представляется роль прокурора в организации защиты публичных интересов в сфере земельных правоотношений. Поскольку законодатель наделил иные государственные органы, осуществляющие контрольно-надзорные функции правом обращаться в суд в защиту земельных прав, можно констатировать свободу усмотрения прокурора в выборе возможностей для пресечения фактов нарушения законодательства в указанной сфере.

Так, Росприроднадзором в 2020 г. в ходе 4265 проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей выявлено 12246 нарушений, назначено 9850 административных наказаний, вынесено 634 предостережения о недопустимости нарушений обязательных требований в сфере государственного земельного надзора. Также определен размер вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, составивший около 6,5 млн. рублей, тогда как по всем нарушениям природоохранного законодательства исчисленный вред в 7,5 раз (без учета вреда, причиненного АО «НТЭК») превысил такой же показатель 2019 г. и в 18 раз — показатель 2018 г.¹ Росреестром в 2020 г. при рассмотрении протоколов, возбужденных по делам об административных правонарушениях, 46 850 лиц признаны виновными в допущенных правонарушениях (36,4 % от количества выявленных в результате государственного земельного надзора правонарушений) и привлечены к административной ответственности, из них 2541 являются юридическими лицами, 42 091 — гражданами и 2218 — должностными лицами.

Для еще более эффективной защиты публичных интересов в сфере земельных правоотношений прокуратурой координируются действия контрольно-надзорных органов, а также осуществляется взаимодействие с ними. Прежде всего, речь идет об органах экологического надзора и правоохранительных органах, Росреестре и других.

На сегодняшний день координационная деятельность прокуратуры вышла за рамки совместной борьбы с преступностью и распространилась и на иные правонарушения [13], что особенно важно в современных условиях, когда граница между преступлениями и, например, сходными административными деликтами, не является столь уж ощутимой.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении

от 17.02.2015 № 2-П², прокуратура Российской Федерации при взаимодействии с другими органами, выполняющими функции государственного контроля (надзора), занимает координирующее положение, что обусловлено специальным правовым регулированием порядка осуществления органами прокуратуры своих надзорных функций, а также особым организационно-кадровым механизмом, обеспечивающим реализацию данной функции лицами, которые имеют высокую квалификацию в области юриспруденции, являющаяся одной из необходимых предпосылок для приобретения ими статуса прокурора.

В ч. 2.2 ст. 77 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрено, что координация деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления осуществляется именно органами прокуратуры.

Между тем, анализ статистических показателей контрольных ведомств свидетельствует о том, что судебная защита земельных правоотношений в интересах публичных интересов осуществляется преимущественно прокурором.

Так, например, все тем же Росприроднадзором в рамках проведенных в 2020 году контрольно-надзорных мероприятий предъявлено 85 требований на сумму 1439 тыс. руб., из которых в добровольном порядке возмещен вред по 27 требованиям на сумму 769 тыс. руб. Других данных об исковой работе Росприроднадзора открытые источники не содержат.

Основные результаты работы в области государственного земельного надзора, доступные в открытых источниках, свидетельствуют о том, что органами земельного надзора принятие окончательного решения в отношении нарушителей земельного законодательства делегируется органам государственной власти.

Тогда как по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2020 г. выявлено 93094 нарушений земельного законодательства (в 2019 — 97798),

¹ Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2020 году. М., 2021. С. 26, 31; Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля (надзора) за 2020 год. М., 2021. С. 21, 25 // Сайт Росприроднадзора: URL: <https://rpn.gov.ru/upload/iblock/> (дата обращения: 07.01.2022).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // СЗ РФ. — 2015. — № 9, ст. 1389.

принесено протестов — 14501 (в 2019 году — 16010). В суды общей юрисдикции в 2020 году направлено 6287 исковых заявлений прокуроров в сфере землепользования на общую сумму 763003 тыс. руб. (в 2019 году — 7561 исковых заявлений на общую сумму 2504516 тыс. руб.)¹.

Рассматриваемый вид прокурорской деятельности, реализуясь в многообразии правового поля, регламентируется Конституцией РФ, кодексами Российской Федерации, федеральными законами, а также приказами Генерального прокурора Российской Федерации² и осуществляется в сфере земельного и связанного с ним законодательства.

Таким образом, организационно-правовой институт прокурорской деятельности по защите публичных интересов в сфере земельных правоотношений — есть основанная на (совокупности) конституционных, законодательных и иных правовых актов (положениях) функциональная деятельность прокурора по реализации полномочий по: 1) выявлению фактов нарушения владения, пользования и распоряжения землей влекущих причинение ущерба окружающей природной среде или интересам государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований или неопределенного круга лиц; 2) формированию правовой позиции в содержании искового заявления и выбора способа защиты нарушенного права; 3) реализации основных обязанностей прокурора по поддержанию в судах заявленных требований.

Возникающие в правоприменении проблемы, а также надзорная и судебная практика прокурора в сфере земельных правоотношений свидетельствует о

необходимости изучения деятельности прокурора по защите публичных интересов в сфере земельные правоотношений в суде в качестве самостоятельного прикладного института как части системы юридического знания, с целью познания юридической природы и выработки механизмов применения новых правовых технологий адаптированных к современным способам нарушения действующего законодательства и адекватных с точки зрения принимаемых мер.

Список источников

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001.
2. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14.
3. Лапшина Л. П., Решетнева Т. В. Основы теории права : учебно-методическое пособие. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. 74 с.
4. Боголюбов С. А., Козырь М. А., Ивакин В. И. У истоков становления земельной и аграрно-правовой науки России (к 100-летию со дня рождения Г. А. Аксёнка) // Государство и право, 2011. № 5. С. 118–122.
5. Якушев В. С. Метод и принципы регулирования земельных отношений. Правоведение, 1961. № 4.
6. Аксёнок Г. А. Право государственной собственности на землю в СССР. М., 1950.
7. Кулапов В. Л. Теория государства и права : учебник / В. Л. Кулапов, А. В. Малько. М. : Норма, 2009.
8. Березовская С. Г. Прокурорский надзор в советском государственном управлении. М. : Госюриздат, 1954.
9. Щерба С. П., Решетникова Т. А. Конституционные новеллы о системе и иерархии функции прокуратуры // «Законность», 2021. № 4.
10. Осокин Р. Б. Актуальные проблемы деятельности органов прокуратуры и судебных органов Российской Федерации / Р. Б. Осокин, С. С. Маилян. Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2018. 173 с.
11. Шобухин В. Ю. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры // Российский юридический журнал, 2008. № 5.
12. Черепанов М. М. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры : дис ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Екатеринбург, 2008.
13. Алхутова Е. Ю. Особенности координацион-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // СЗ РФ. — 2015. — № 9, ст. 1389.

² Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2020 году. М., 2021. С. 26, 31; Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля (надзора) за 2020 год. М., 2021. С. 21, 25 // Сайт Росприроднадзора: URL: <https://rpn.gov.ru/upload/iblock/> (дата обращения: 07.01.2022). Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2020 году. М., 2021. С. 126, 128 // Сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии: URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/> (дата обращения: 09.01.2022).

ной деятельности современной прокуратуры
// Административное и муниципальное право,
2017. № 4. С. 74–75.

References

1. Baitin M. I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov : SGAP, 2001.
2. Ioffe O. S. Structural subdivisions of the system of law (based on the materials of civil law) // Scientific notes of VNIISZ. M., 1968. Issue. 14.
3. Lapshina L. P., Reshetneva T. V. Fundamentals of the theory of law : an educational and methodical manual. Izhevsk : Publishing Center «Udmurt University», 2019. 74 p.
4. Bogolyubov S. A., Kozyr M. A., Ivakin V. I. At the origins of the formation of the land and agrarian-legal science of Russia (to the 100th anniversary of the birth of G. A. Aksenenko) // State and Law, 2011. № 5. P. 118–122.
5. Yakushev V. S. Method and principles of regulation of land relations. Jurisprudence, 1961. № 4.
6. Aksenok G. A. The right of state ownership of land in the USSR. M., 1950.
7. Kulapov V. L. Theory of state and law : textbook / V. L. Kulapov, A. V. Malko. M. : Norm, 2009.
8. Berezovskaya S. G. Prosecutor's supervision in Soviet state administration. M. : Gosyurizdat, 1954.
9. Shcherba S. P., Reshetnikova T. A. Constitutional novels about the system and hierarchy of the function of the Prosecutor's office // «Legality», 2021. № 4.
10. Osokin R. B. Actual problems of the activity of the prosecutor's office and judicial bodies of the Russian Federation / R. B. Osokin, S. S. Mailyan. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2018. 173 p.
11. Shobukhin V. Yu. Principles of organization and activity of the Russian Prosecutor's Office // Russian Law Journal, 2008. № 5.
12. Cherepanov M. M. Principles of organization and activity of the Russian Prosecutor's office : dis ... cand. jurid. sciences : 12.00.11 / Yekaterinburg, 2008.
13. Alkhutova E. Yu. Features of the coordination activity of the modern prosecutor's office // Administrative and Municipal Law, 2017. № 4. P. 74–75.

Информация об авторе

Н. В. Михлина — начальник управления по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры Московской области.

Information about the author

N. V. Mikhlina — Head of the Department for Ensuring the participation of Prosecutors in Civil and Arbitration Proceedings of the Prosecutor's Office of the Moscow Region.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-171-176>

НИОН: 2003-0059-2/22-241

MOSURED: 77/27-003-2022-02-440

Некоторые аспекты деятельности органов милиции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Кирилл Александрович Орлов¹, Всеволод Александрович Чашников²

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, orlov.82@mail.ru

² Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия, v.a.chashnikov@usla.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов деятельности органов милиции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Авторы статьи полагают, что советская милиция и органы внутренних дел в целом функционально и организационно оформились в основном именно в данный период. В основу деятельности милиции был заложен классовый принцип, который препятствовал сущностному пониманию задач по обеспечению правопорядка. В результате одни и те же сотрудники параллельно осуществляли правоохранительную деятельность — боролись с бандитизмом, преступностью, антигосударственной деятельностью, и одновременно допускали произвол, превышение служебных полномочий, совершали должностные преступления, особенно если речь шла о защите прав и интересов лиц, объявленных «социально-чуждым элементом». К концу Гражданской войны органы внутренних дел отошли от задач советского государственного строительства и сосредоточились в основном на исполнении правоохранительной и карательной функций.

Ключевые слова: преступность, борьба с преступностью, безопасность, общественная безопасность, милиция, правопорядок, общественный порядок, Гражданская война

Для цитирования: Орлов К. А., Чашников В. А. Некоторые аспекты деятельности органов милиции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 171–176. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-171-176>.

Original article

Some aspects of the activities of the police during the Civil War (1918–1920)

Kirill A. Orlov¹, Vsevolod A. Chashnikov²

¹ Ural law Institute of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, orlov.82@mail.ru

² Ural state law University, Yekaterinburg, Russia, v.a.chashnikov@usla.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of some aspects of the activities of the police during the Civil War (1918–1920). The authors of the article believe that the Soviet police and internal affairs bodies as a whole were functionally and organizationally formed mainly during this period. The basis of the militia's activity was the class principle, which hindered the essential understanding of the tasks of law enforcement. As a result, the same employees carried out law enforcement activities in parallel — they fought banditry, crime, anti-state activities, and at the same time allowed arbitrariness, abuse of official authority, committed official crimes, especially if it was about protecting the rights and interests of persons declared a «socially alien element». By the end of the Civil War, the internal affairs bodies had moved away from the tasks of Soviet state-building and focused mainly on the performance of law enforcement and punitive functions.

Keywords: crime, fighting crime, security, public safety, police, law and order, public order, Civil war

For citation: Orlov K. A., Chashnikov V. A. Some aspects of the activities of the police during the Civil War (1918–1920). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):171–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-171-176>.

© Орлов К. А., Чашников В. А., 2022

Становление российской полиции условно можно разделить на три этапа.

Первый — IX–XVII вв. На этом этапе происходит организационное формирование реализации правоохранительной функции государства. В Древнерусском государстве она осуществляется княжескими дружинниками и появившимися в рамках дворцово-вотчинной системы управления первыми должностными лицами — мечниками, вирниками. Затем в Русском централизованном государстве в XV–XVI вв. в процессе формирования чиновничье-бюрократической приказной системы выделяются специальные звенья, основными для которых являются полицейские функции — охрана общественного порядка, борьба с преступностью (Разбойный приказ, Сыскной приказ) [1, с. 13]. Но на этом этапе полицейские функции осуществляются названными органами наряду с другими многочисленными функциями.

Второй — создание и функционирование специальных полицейских органов — XVIII — начало XX в. В 1718 г. в России создается регулярная полиция — специализированный штатный государственный орган, построенный на профессиональных началах. И в конце XIX — начале XX вв. данный правоохранительный институт выходит на уровень, когда его деятельность является эталоном для полицейских структур всего мира, поскольку те методы, что он использует в своей деятельности, в практике полицейских структур являются новейшими. Например, система регистрации, основанная на систематизации информации о лицах по 30 специальным категориям.

Третий этап — этап организации и деятельности советской милиции — 1917–1991 гг. В рамках третьего этапа особо выделяется период создания и развития советской милиции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.).

Первоначально охрана общественного порядка была поручена рабочей милиции, которая, хоть и образовывалась первое время Советами, но, тем не менее, не являлась государственным органом до момента принятия постановления НКВД «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября по новому стилю) 1917 года [6, с. 16]. Постановление «О рабочей милиции» предполагало:

1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Советов рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием [6, с. 16].

Решаемые задачи рабочей милиции: ликвидация органов власти Временного правительства в центре

и на местах, роспуск старой милиции. Особенности рабочей милиции определены принципами, которые были положены в основу ее создания. А именно: добровольность службы, классовый характер милиции, децентрализация и подчиненность местным советам.

Основные задачи: 1) пресечение и ликвидация контрреволюционных и саботажных попыток и действий по всей России; 2) предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров, выработка мер по борьбе с ними 3) предварительное расследование ряда дел.

Особые полномочия сотрудников ВЧК: право производить конфискации; выселять преступные элементы; лишать продовольственных карточек; опубликовывать списки контрреволюционеров; приводить в исполнение высшую меру наказания — расстрел.

Изначально, придя к власти, большевики не планировали широкого применения карательных мер. Даже ВЧК поначалу не обладала правом вынесения смертных приговоров. Но после принятия декрета СНК «Социалистическое Отечество в опасности» 21 февраля 1918 года [2, с. 490–491] в практику ВЧК стали входить расстрелы.

В условиях разгорающейся классовой борьбы, расширения количества антибольшевистских выступлений позиция «неучастия» в конфликтах, занимаемая на местах рядом милицейских органов, также не могла не тревожить Советское правительство. Причина подобных явлений виделась руководству большевиков в том, что, несмотря на преграды, установленные нормативными актами, на службу в милицию все-таки принимались бывшие служащие милиции Временного и полиции царского правительств, а также различного рода случайные элементы. В целях борьбы с этим явлением Главное управление милиции в августе 1918 года произвело перерегистрацию, а по сути дела — чистку личного состава советской милиции, в результате которой были уволены сотрудники, принятые на службу с нарушением указанных выше требований, а также недобросовестно выполняющие служебные обязанности.

К концу 1918 года принимается значительное количество нормативных актов, обеспечивающих достаточное правовое регулирование деятельности милиции: общая инструкция милиционерам, инструкция районным начальникам и их помощникам, инструкция старшим и дежурным по району милиционерам, инструкция об употреблении оружия [12]. С началом Гражданской войны происходит образование специальных милицейских подразделений. Декретом СНК от 25 июля 1918 года создается речная милиция (с апреля 1919 года — водная милиция) [6, с. 731]. Затем Постановлением ВЦИК от 21 февраля 1919 года учреждается железнодорожная милиция и железнодорожная охрана [7, с. 73–74]. До этого охрана грузов

и обеспечение порядка на станциях осуществлялись Наркоматом путей сообщений и Главным управлением водного транспорта. Их деятельность первое время строилась по территориальному принципу. Однако реальная практика заставила перейти к линейному управлению и управлению применительно к речным и морским бассейнам. Осенью 1919 года НКВД РСФСР принимает решение об организации промышленной милиции [7, с. 46–48].

И здесь следует сделать отступление, касающееся характеристики организации и компетенции судебных органов в первые годы советской власти. Как известно, Декретом Совета Народных Комиссаров № 1 от 24 ноября 1917 года [6, с. 41–43] упразднились существовавшие на то время судебные органы: окружные суды, судебные палаты, правительствующий сенат, военные, морские и коммерческие суды, а также мировые судьи. Вместо них учреждались: — местные суды (постоянный судья, избираемый прямыми выборами, и два заседателя, привлекавшиеся к работе поочередно в соответствии со списками, составляемыми Советами); — рабочие и крестьянские Революционные трибуналы (председатель и шесть очередных заседателей, кандидатуры которых также определялись местными Советами); — особые следственные комиссии с задачами производства предварительного следствия по делам, рассматриваемым трибуналами (контрреволюционные выступления, мародерство и «хищничество», саботаж) и местными судами (гражданские дела по искам более 3000 руб. и уголовные дела, по которым обвиняемому угрожалo наказание не выше 2 лет лишения свободы). Несколько позднее, 7 марта 1918 г. Декретом № 2 «О суде» образуются окружные народные суды с задачей рассмотрения дел, не входящих в компетенцию местных судов, и областные народные суды, предназначенные для рассмотрения кассационных жалоб [4]. С указанными выше следственными комиссиями и взаимодействовали более всего органы милиции. Целью создания комиссий было объединение уголовного и политического делопроизводства. На практике они расследовали, в том числе и дела о внесудебных арестах, выемках и обысках в целях охраны государственного порядка и общественной безопасности. Учитывая существовавшую практику подбора в комиссии чинов, прежде всего благонадежных политически, они, как правило, не располагали квалифицированными специалистами, способными тактически грамотно вести расследование. Поэтому для оказания помощи в расследовании им предавались дипломированные следователи и эксперты, которых называли тогда «сведущими людьми». Указания следственных комиссий Советов и выполнялись милицией.

В июле 1919 года произошло фактическое слияние аппаратов уголовного розыска, обслуживающих железные дороги, и чрезвычайных комиссий на транс-

порте: в ЧК были откомандированы оперуполномоченные уголовного розыска, что бесспорно свидетельствовало об определенном повышении престижа ЧК по отношению к другим правоохранительным органам. В период Гражданской войны обмен кадрами между двумя силовыми подразделениями НКВД шел непрерывно, причем, как правило, в одном направлении: из ВЧК в ГУМ. Наиболее часто сотрудниками комиссии замещались должности заведующих следственно-розыскными отделениями (безусловно, это облегчало налаживание взаимодействия оперативных служб, а иногда способствовало «подчинению» милицейского аппарата чекистскому). Кроме того, в милицию периодически откомандировывались лучшие сотрудники ВЧК с целью, как тогда говорилось, реорганизации милиции в направлении передачи ей от ВЧК полномочий борьбы с уголовной преступностью. Основаниями подобной кадровой «подпитки», на наш взгляд, в большей мере являются причины, лежащие в политической плоскости: стремление сохранить контроль за милицейскими службами, обеспечив их полную лояльность Советской власти. А основания для определенного недоверия были. Они крылись не только в фактах «нейтрализма», занимаемого сотрудниками в условиях братоубийственной войны, по отношению к врагам Советской власти, но и случаях прямого участия в антиправительственных, антикоммунистических выступлениях (например, «Временный областной военно-революционный комитет», руководивший контрреволюционным выступлением гарнизона г. Верного (г. Алма-Ата), возглавил начальник городской милиции Георгий Черноусов). Вместе с ним к восставшим присоединились и подчиненные. Восстание в Тамбовской губернии в 1920 г. возглавил начальник губернской милиции И. В. Антонов [5, с. 93–97].

К началу 1920 года произошло значительное сокращение органов, обладающих правом вынесения высшей меры наказания. Сессия ВЦИК лишила этого права все органы ВЧК, в том числе и объединенные (ВЧКГУМ) уездные политбюро, и трибуналы, кроме военного. Революционные трибуналы определялись в качестве единственных органов, имеющих право вынесения подобных приговоров. За ВЧК сохранялось лишь право заключения в лагерь принудительных работ на срок не более 5 лет. В таком порядке преследовались бывшие помещики, капиталисты, царские чиновники, члены антисоветских партий, спекулянты, лица, уличенные в связях с контрреволюционерами, нарушители трудовой дисциплины и саботажники, преступная деятельность которых не была доказана органами дознания (милицией). Позже советское государство допускало или неприменение данной меры декрета на обширных территориях (иногда в масштабах советских республик), или целевым порядком предоставляла губернским революционным трибуна-

лам права военных. Проблема кадров в военное время решалась в основном посредством применения чрезвычайных административных мер: многочисленных партийных и комсомольских мобилизаций, привлечения к работе женщин, предоставления права поступать на службу в правоохранительные органы красноармейцам, пострадавшим на фронте от ранения и болезни. Основным направлением деятельности ОВД, как и прежде, являлось участие в вооруженной борьбе на фронтах Гражданской войны во взаимодействии с Красной Армией. Оно проходило в форме определенного Совнаркомом откомандирования сотрудников в действующую Красную Армию. Однако в случае необходимости на фронт отправлялись дополнительные силы сверх установленной разрядки. В частности, в июле 1920 года на борьбу с войсками барона Врангеля было направлено два милиционных кавалерийских полка, сформированных в Москве и Тамбове. Пополнили ряды Красной Армии и около 3 тыс. сотрудников железнодорожной милиции.

Криминальную напряженность в период Гражданской войны на Урале и в Сибири усиливал процесс миграции. В регион прибыли десятки тысяч военнопленных германской и австро-венгерской армий в годы Первой мировой войны, которые затем неизбежно оказались по разным сторонам фронтов Гражданской войны, а часть из них пополняла местные полувоеннизированные формирования и при этом не всегда была заинтересована в стабилизации криминогенной обстановки. Помимо военнопленных на Урале и в Сибири оказалось много беженцев, спасавшихся как от «красного», так и от «белого» террора, представителей бывших привилегированных сословий, которые стремились покинуть Россию. У потенциальных эмигрантов имелись деньги и ценные вещи, поэтому они часто становились объектами для разбойных нападений, мошенничества и краж со стороны местного населения, справедливо рассуждавших, что в условиях Гражданской войны для выживания все средства хороши. В условиях дестабилизации и распада российского общества деятельность милиции «белых» правительств была направлена, в первую очередь, на укрепление их власти, восстановление экономики региона. В связи с этим значительное место в деятельности милиции белых правительств занимала борьба с преступлениями, подрывавшими их экономическое положение, их авторитет в глазах населения, а также их боеспособность. Соответственно, на милицию, как и на полицию в царской России, возлагались многочисленные функции, что создавало благоприятные условия для злоупотреблений со стороны милиционеров. Милиция, а также в определенной степени и сами «белые» правительства не обеспечивали должной охраны общественного порядка и тем самым дискредитировали себя в глазах населения Урала и Сибири, при

этом значительная часть милиции была подвержена коррупции и часто превышала служебные полномочия с целью личного обогащения за счет лиц, ложно обвиняемых в сочувствии к большевикам (представителей зажиточного крестьянства купечества и мещанства сибирских городов). В результате репрессии в отношении противников белых правительств перерастали в поголовное преследование всего населения Сибири и Урала, которое первоначально в массе своей не сочувствовало большевикам, но год спустя после свержения Советской власти сделало выбор в пользу большевиков.

Таким образом, приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел в годы Гражданской войны являлись:

- участие в боевых действиях на фронтах Гражданской войны на стороне Красной Армии. Весной 1919 года для защиты Петрограда из состава городской милиции были сформированы 7 отрядов численностью 1500 чел. Все они были направлены на фронт [11, с. 455–456]. В прифронтовых городах сотрудники направлялись в армию в полном составе. Так было, например, в конце 1918 года в Перми, в апреле 1919 года в Оренбурге, летом 1919 года при занятии Царицына;
- подавление антисоветских вооруженных выступлений партий, населения и различного рода организаций;
- восстания в Смоленской губернии, Ярославле, Саратовской губернии, «чистка» многочисленных вооруженных отрядов анархистов, часть которых вследствие отсутствия дисциплины превратились в настоящие банды;
- уничтожение спиртных и винных запасов в столице;
- борьба с уголовной преступностью.

В конце января 1918 года из ризницы Патриаршего дворца Московского Кремля была совершена кража большого количества драгоценных камней, а также предметов культа. В частности, Евангелие XII века, Евангелие 1648 года в золотом окладе с бриллиантами. Хищение было раскрыто силами московского и саратовского уголовного розыска в марте того же года, а ценности возвращены государству [3, с. 25]. Широкий резонанс получило дело об ограблении Председателя Совнаркома. В 1919 году в районе Сокольников бандиты остановили и угнали автомобиль, в котором ехал В. Ленин. Сам он не пострадал, но лишился некоторых вещей, в том числе и личного оружия — браунинга. Дело было раскрыто, а руководитель операции Я. Д. Берзин вернул оружие главе государства [3, с. 25];

- поддержание общественного порядка [9, с. 36–40]. К 1918 году в наиболее крупных городах страны была организована постовая служ-

ба милиции. Значительную часть этих функций милиция выполняла во взаимодействии с подразделениями Красной Армии и ВЧК, оказывая им всяческое содействие;

- обеспечение выполнения решений советской власти. Был принят ряд чрезвычайных, но крайне непопулярных декретов, например, «О борьбе со спекуляцией» [7, с. 727–728], о введении государственной монополии на продукты питания [6, с. 1178–1179], о трудовой повинности [8, с. 58–59]. Их проведение в жизнь было невозможно без милицейской «поддержки». В целях выполнения поставленных правительством задач производились осмотры багажа, грузов, реквизиции. Органы милиции регистрировали лиц, проживавших на нетрудовые доходы (владельцы предприятий, торговцы, бывшие офицеры, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов и пр.), выдавая им вместо паспортов трудовые книжки. Ежемесячно в них делались отметки о выполнении назначенных Советами общественных работ. В 1919 году эта мера была распространена в Москве и Петрограде на всех граждан, достигших 16-летнего возраста.

Советская милиция и органы внутренних дел в целом функционально и организационно оформились в основном именно в условиях Гражданской войны [10, с. 171]. Это обстоятельство предопределило противоречивый характер деятельности советской милиции на долгий период ее развития. В основу деятельности милиции был заложен классовый принцип, который препятствовал сущностному пониманию задач по обеспечению правопорядка. В результате одни и те же сотрудники параллельно осуществляли правоохранительную деятельность — боролись с бандитизмом, преступностью, антигосударственной деятельностью, и одновременно допускали произвол, превышение служебных полномочий, совершали должностные преступления, особенно если речь шла о защите прав и интересов лиц, объявленных «социально-чуждым элементом».

Милитаризация советской милиции во многом была обусловлена реалиями Гражданской войны, что вынуждало рассматривать ее в качестве резерва действующей Красной Армии, но чаще всего милиция применялась для подавления массовых антисоветских выступлений, хотя часть сотрудников советской милиции стремилась уклониться от выполнения карательных функций и часто переходила на антибольшевистские позиции. Это вынуждало Советское правительство поставить милицию под полный политический контроль и подчинить ее органам ВЧК.

К концу Гражданской войны органы внутренних дел отошли от задач советского государственного

строительства и сосредоточились в основном на исполнении правоохранительной и карательной функций. При этом НКВД РСФСР непомерно расширил свои полномочия и взял под контроль не только пенициарную систему, но и суды, пожарную охрану, городское коммунальное хозяйство, продовольственное обеспечение городов и т. п.

Список источников

1. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2019. 76 с.
2. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. 625 с.
3. История органов внутренних дел : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2018. Часть 2. 158 с.
4. Михайлова Н. В., Гостев С. С. К вопросу о становлении и развитии профессиональной подготовки сотрудников регулярной полиции в Российской империи : историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 30–33.
5. Рылов В. Ю. Антоновское восстание в документах Государственного архива Воронежской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (80). С. 93–97.
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 г. М., 1942. 1482 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. 886 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. 850 с.
9. Степанов М. М. Деятельность милиции России по охране общественного порядка в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // История государства и права. 2016. № 17. С. 36–40.
10. Степанов М. М. Особенности строительства милиции в годы гражданской войны // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2(8). С. 166–171.
11. Терентьев, В. О. 1-й Василеостровский рабочий резервный полк и формирование 2-го Петроградского полка Особого Назначения в 1918–1919 гг. // Военная история России XIX–XX веков : материалы XI Международной военно-исторической конференции, Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2018 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 455–465.
12. Токарева С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году //

Историко-правовые проблемы : новый ракурс. 2016. № 17. С. 110–124.

References

1. Actual problems of the history of internal affairs bodies. Moscow, 2019. 76 p.
2. Decrees of the Soviet government. M, 1957. T. I. 625 p.
3. History of internal affairs bodies : textbook. Yekaterinburg : Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. Part 2. 158 p.
4. Mikhailova N. V., Gostev S. S. On the formation and development of professional training of regular police officers in the Russian Empire : historical and legal aspect // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №. 7. P. 30–33.
5. Rylov V.Y. Antonov uprising in the documents of the State Archive of the Voronezh region // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2017. №. 6–2 (80). P. 93–97.
6. Collection of legalizations and government orders for 1917–1918. M., 1942. 1482 p.
7. Collection of laws and orders of the government for 1919. M., 1943. 886 p.
8. Collection of laws and orders of the government for 1920. M., 1943. 850 p.
9. Stepanov M. M. The activities of the Russian police for the protection of public order during the Civil War (1918–1920) // History of the state and law. 2016. № 17. P. 36–40.
10. Stepanov M. M. Features of police construction during the Civil War // Leningrad Law Journal. 2007. № 2(8). P. 166–171.
11. Terentyev V. O. 1st Vasileostrovskaya working reserve regiment and the formation of the 2nd regiment of the Petrograd in 1918–1919 // Military history of Russia of the XIX-XX centuries : proceedings of the XI International military history conference, Saint-Petersburg, 23–24 November 2018. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2018. P. 455–465.
12. Tokareva S. N. Regulatory and legal foundations of the organization of the Soviet militia in 1918 // Historical and legal problems : a new perspective. 2016. №. 17. P. 110–124.

Информация об авторах

К. А. Орлов — начальник кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Чашников — доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

K. A. Orlov — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Chashnikov — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-177-180>

НИОН: 2003-0059-2/22-242

MOSURED: 77/27-003-2022-02-441

Некоторые криминологические особенности личности обучающихся (выпускников), совершивших вооруженные нападения на образовательные организации

Мария Сергеевна Орлова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mari-orlova-2016@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые криминологические особенности личности обучающегося (выпускника), совершающего насильственные преступления с применением оружия в образовательных организациях. В ходе изучения материала авторы выделяют ряд характерных особенностей личности преступника. Портрет обучающегося (выпускника), совершившего вооруженное нападение на образовательную организацию, выглядит следующим образом: мужчина, в возрасте от 14 до 19 лет, холост, обучающийся (ранее обучавшийся) организации, на которое совершено нападение или его выпускник, имеющий неполное среднее или средне специальное образование, из благополучной семьи, проявляющий активный интерес к оружию.

Ключевые слова: личность преступника, вооруженная преступность, образовательные учреждения, насильственная преступность, социально-демографический портрет

Для цитирования: Орлова М. С. Некоторые криминологические особенности личности обучающихся (выпускников), совершивших вооруженные нападения на образовательные организации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 177–180. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-177-180>.

Original article

Some criminological features of the identity of students (graduates) who have committed armed attacks on educational organizations

Maria S. Orlova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mari-orlova-2016@mail.ru

Abstract. Some criminological features of the personality of students (graduates) who commit violent crimes with the use of weapons in educational organizations are discussed. In the course of the studied material, the authors identify a number of characteristic features of the personality of the offender. The portrait of the student (graduate) who has committed an armed attack on educational organization looks as follows: male, aged from 14 till 19 years old, single, a student (previously studied) of the organization which has committed the attack or his graduate, having incomplete secondary or secondary special education, from a prosperous family, who shows an active interest in the weapon.

Keywords: criminal identity, armed crime, educational institutions, violent crime, socio-demographic profile

For citation: Orlova M. S. Some criminological features of the identity of students (graduates) who have committed armed attacks on educational organizations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):177–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-177-180>.

Проблеме личности преступника всегда уделялось особое внимание со стороны отечественных ученых разных отраслей знаний. Среди известных криминологов, занимающихся проблемами личности преступника, можно выделить Э. С. Ахъядова, В. Н. Кудрявце-

ва, В. А. Ткаченко, В. В. Понамарева, В. Е. Эминова, Ю. М. Антоняна, Г. А. Аванесова, Е. П. Ильина, В. Г. Леонтьева, А. И. Долгову, Л. В. Готчину, О. С. Салохутдинову, Л. А. Андрееву и многих других.

Несмотря на это, вопросы, связанные с лично-

© Орлова М. С., 2022

стью преступника, по-прежнему остаются одними из наиболее актуальных среди всего многообразия тем криминологических исследований. Прежде всего, это обусловлено качественными изменениями, как самой личности, так и преступности в целом. Трансформация общей структуре преступности подталкивает государство на создание и модернизацию профилактических и предупредительных мер в борьбе с преступностью. Однако, создание эффективных мер невозможно без изучения личности преступника, к которому эти меры будут обращены.

Понятие «личность преступника» не имеет закреплённой дефиниции ввиду чего при его формулировке нередко возникают трудности. Их наличие обусловлено тем, что, с одной стороны, авторы, включая в дефиницию особые присущие исключительно преступникам качества, свойства и признаки, включают (по морально-психологической форме) в их число и лиц, которые не совершают преступления. С другой стороны, давая характеристику понятию личности преступника, опираясь исключительно на признак виновности человека, использование такого подхода может привести к смешению понятия «личность преступника» с другим уголовно-правовым понятием — «субъект преступления». В связи с этим определение «личности преступника» должно складываться исходя из криминологически значимых особых свойств, которые вступая в синтез с другими обстоятельствами обуславливают совершение преступления. В данном случае, личность преступника будет включать в себя свойства, на которые должны быть направлены меры профилактического воздействия, а также социальные условия, способствующие формированию указанных свойств. Интересную точку зрения в определении личности преступника высказывает Ю. М. Антонян. Известный ученый-криминолог обращает внимание на то, что каждого, кто совершил преступление, можно назвать «личностью преступника». Однако каждый, кто даже никогда не осуждался, но отличается типичными чертами личности преступника, может быть отнесен к этому типу, хотя и только условно (только условно!), и поэтому стать субъектом профилактического воздействия [3, с. 118].

С начала 2000-х годов очень неблагоприятные изменения произошли в группе лиц, совершающих наиболее опасные насильственные преступления. Среди совершивших убийство и причинение тяжкого вреда здоровью доля лиц без постоянного источника дохода, безработных, учащихся и студентов увеличилась к 2020 г. более чем в два раза. Эти тенденции являются неблагоприятными и свидетельствуют о росте безработицы и криминальной зараженности ученической и студенческой среды [5, с. 93]. Проведенный нами анализ состояния насильственной преступности и ее отдельных видов, позволивший определить современ-

ные тенденции в области насильственной преступности, свидетельствует о выделении качественно новой, специфической категории личности насильственного преступника — обучающийся (выпускник), совершающий насильственные преступления с применением оружия в образовательных организациях.

В криминологии сложилась традиция рассмотрения личности преступника с позиций комплексного системно-структурного анализа. Однако относительно элементов структуры личности преступника единство во взглядах учёных отсутствует. Обобщение существующих подходов позволяет выделить следующие основные составляющие данной структуры: социально-демографический, нравственно-психологический и уголовно-правовой блоки [4, с. 93].

В силу сложности и многоаспектности рассматриваемой проблемы, мы обратимся к одной из наиболее важных характеристик личности современного преступника — социально-демографической характеристике. Социально-демографические признаки составляют основу изучения личности, указанный блок, по мнению большинства криминологов, включает в себя показатели, связанные с возрастными и гендерными характеристиками личности, ее социальным и семейным положением, уровнем образования и наличием тех или иных навыков.

В целях наиболее точной оценки и выявления закономерностей в области социально-демографической характеристики личности преступника, было изучено более 40 случаев вооруженных нападений обучающихся (выпускников) на образовательные организации, а также проведен анализ ситуаций, когда такими лицами предпринимались действия, связанные с подготовкой и покушением на преступление такого рода за период 2014–2021 годов.

Пытаясь выявить отдельные социально-демографические особенности криминологической характеристики личности преступника, следует отметить, что большая часть исследуемых насильственных преступлений совершается лицами мужского пола. Женщин, совершающих насильственные преступления, в силу определенных особенностей (физиологических и психологических) меньше. Данная тенденция четко просматривается и при изучении личности обучающегося (выпускника), совершившего вооруженное нападение на образовательную организацию. Субъектами, совершающими нападения во всех изученных случаях, были исключительно лица мужского пола.

Возрастная характеристика свидетельствует о следующем, что все лица, совершившие преступления были гражданами в возрасте от 14 до 19 лет. Каждое третье такое лицо, совершало преступление в возрасте 15 лет. Также высокая доля от общего числа лиц, совершивших преступление или готовящихся к его совершению, приходится на возраст 18–19 лет 20 %.

Социальный статус индивида играет немаловажную роль, во-первых, среди общего числа рассмотренных нами случаев на момент совершения преступления в 98 % лицо являлось обучающимся или бывшим учеником образовательной организации, на которое оно совершало вооруженное нападение. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в зависимости от уровня образовательной программы, формы обучения, режим пребывания в образовательной организации к числу обучающихся относит следующие категории: воспитанники, учащиеся, студенты (курсанты), аспиранты адъюнкты, ординаторы, ассистенты-стажеры, слушатели, экстерны [1]. Образование человека является фактором, в значительной степени определяющим его социальный статус, влияющим на формирование интересов, окружения, жизненных установок. Уголовное насилие коррелирует с низким уровнем культуры и интеллектуального развития личности [2, с. 269].

Характеристика образовательного уровня обучающихся (выпускников) образовательных организаций свидетельствует о наличии неполного среднего образования у большей части преступников. Примерно в 10 % от общего числа нападавшее лицо имело среднее образование, в 15 % случаев средне специальное. Лицами, имеющими высшее образование, а также лицами, не имеющими образования, преступления данного характера и направленности, среди изученных нами практических материалов не встречались. Среди изученных личностей редко можно встретить обучающихся, имевших серьезные проблемы с учебной. Как правило, лицо училось довольно-таки «средне», а порой и вовсе было отличником. Насильственные преступники отличаются крайне низким уровнем образования, среди них преобладают лица с неполным средним и средним образованием, причем это относится к лицам, совершающим практически все насильственные преступления без исключения.

По мнению Д. А. Шестакова: «Социальные роли преступника в значительной степени определяются его семейным статусом, свидетельствующим об уровне его социальной адаптации» [6]. В данном случае семейное положение преступников очень неоднородно. Многие воспитывались в полных семьях, которые по оценке правоохранительных органов являлись благополучными. Отметим, что практически все обучающиеся проживали совместно с родителями, исключением является Ильназ Галявиев, который проживал отдельно от своих родителей и младшего брата. По неофициальным данным он имел проблемы в общении с семьей, в связи с чем проживал в отдельной квартире. Стоит отметить тот факт, что порядка 30 % лиц, совершивших преступления, воспитывались не двумя родителями. Место отца в семье занимал отчим, в то время как отец вообще не принимал участие в воспи-

тании ребенка, либо оказывал лишь материальную поддержку.

Навыки, знания и умения играют немаловажную роль при изучении портрета личности преступника. При изучении интересов обучающихся и выпускников были выявлены следующие закономерности. Согласно исследованию практически во всех случаях, когда преступления совершались с применением самодельных взрывных устройств, пневматических винтовок и гладкоствольных ружей нападавшее лицо имело навыки первоначальной подготовки обращения с ним, а также проявляло активный интерес к изучению оружия. Данный факт подтверждается изъятими инструкциями по изготовлению зажигательных и взрывных устройств у нападавших или лиц, готовящих преступление. Так, например стрелку из Ивантеевки Михаилу Пивневу, совершившему нападение на школу 5 сентября 2017 года, зная об увлечении сына, родители Михаила сами подарили ему пневматическое оружие, впоследствии использованное подростком при нападении на школу [7].

Имели место случаи, когда лицо законно получало лицензию, что в дальнейшем ему давало право на покупку оружия, которое в последующем становилось орудием преступления.

Таким образом, проведенное выборочное исследование позволило выявить следующие особенности социально-демографической характеристики личности насильственного преступника, совершающего вооруженные нападения на образовательные организации:

- преступления совершались исключительно лицами мужского пола;
- в 96 % случаях они совершались единолично;
- в 98 % случаях молодые люди, являлись обучающимися или выпускниками образовательных организаций, на которые напали, либо ранее проходили там обучение;
- возраст преступника варьируется от 14 до 19 лет, наиболее часто, преступления совершались в возрасте 15 и 18 лет;
- все лица, совершившие преступления, были гражданами Российской Федерации;
- все лица, совершившие преступления, имели семейное положение — холост;
- практически во всех случаях совершившее преступление лицо проживало с семьей, за редким исключением преступники, которые как Ильназ Галявиев (известный в СМИ как «Казанский стрелок»), проживали отдельно;
- все семьи, в которых воспитывались обучающиеся (выпускники) были благополучными и не состояли на учете;
- нападавшее лицо, имело неоконченное среднее или средне специальное образования;
- в большинстве случаев обучающиеся (выпуск-

ники) образовательных организаций проявляли активный интерес к оружию, у многих оружие находилось дома;

- более половины (80 %) изученных личностей увлекались компьютерными играми.

В заключении отметим, что рассматриваемая нами категория лиц, совершивших вооруженные нападения на образовательные организации, отличается рядом значимых параметров и признаков, учитывая которые, у правоохранительных органов имеется возможность вести целенаправленную и дифференцированную борьбу с данным явлением.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г.).
2. Криминология. Учебник под ред. В. Н. Буракова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. СПб : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. 269 с.
3. Антонян Ю. М. Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 117–127.
4. Игнатов А. Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология : вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2015. № 4 (39). С. 93–98.
5. Корзун И. Г. Криминологическая характеристика личности насильственного преступника // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 93–95.
6. Шестаков Д. А. Конфликтная семейная ситуа-

ция как криминогенный фактор. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 91–100.

7. Нападение на школу в Ивanteeвке // wikipedia.org. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>.

References

1. Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ (ed. of 02.07.2021) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, in force from 01.09.2021).
2. Criminology. Textbook edited by V. N. Burlakov, V. P. Salnikov, S. V. Stepashin. St.Petersburg : St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 269 p.
3. Antonyan Yu. M. Personality of criminal and correction of convicts // Bulletin of Russian State University of Humanities. Series «Economy. Management. Law». 2019. № 2. P. 117–127.
4. Ignatov A. N. Socio-demographic and criminal-legal characteristic of the personality of a modern violent criminal // Criminology : yesterday, today, tomorrow. Journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2015. № 4 (39). P. 93–98.
5. Korzun I. G. Criminological characteristic of the personality of a violent criminal // Public Service and Personnel. 2021. № 3. P. 93–95.
6. Shestakov D. A. Conflict family situation as a criminogenic factor. Author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Legal Sciences // Russian Criminological Outlook. 2011. № 2. P. 91–100.
7. Attack on the school in Ivanteevka // wikipedia.org. [Electronic resource]. Access mode: <https://ru.wikipedia.org>.

Информация об авторе

М. С. Орлова — адъюнкт кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

M. S. Orlova — Adjunct of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-181-186>

НИОН: 2003-0059-2/22-243

MOSURED: 77/27-003-2022-02-442

Противодействие органов внутренних дел Российской Федерации жестокому обращению с животными

Регина Ринатовна Отбоева

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, regina3420@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор **Ф. Р. Сундуров**

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем теоретического и практического характера в рамках противодействия органов внутренних дел Российской Федерации жестокому обращению с животными. Автор на основе результатов проведенных социологического опроса и интервьюирования сотрудников подразделений дознания и следствия, а также изучения следственно-судебной практики по делам данной категории, приводит наиболее значительные сложности, возникающие в связи с реализацией служебной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению деяний, предусмотренных ст. 245 УК РФ. На основе результатов проведенного исследования автором предложены направления для оптимизации служебной деятельности в рамках противодействия жестокому обращению с животными.

Ключевые слова: органы внутренних дел, жестокое обращение, животные, противодействие

Для цитирования: Отбоева Р. Р. Противодействие органов внутренних дел Российской Федерации жестокому обращению с животными // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 181–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-181-186>.

Original article

Counteraction to cruelty to animals by the internal affairs bodies of the Russian Federation

Regina R. Otboeva

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, regina3420@yandex.ru

Scientific adviser: Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor **F. R. Sundurov**

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical and practical problems in the framework of countering the cruel treatment of animals by the internal affairs bodies of the Russian Federation. The author, based on the results of a sociological survey and interviews with employees of inquiry and investigation units, as well as a study of investigative and judicial practice in cases of this category, cites the most significant difficulties arising in connection with the implementation of official activities for the disclosure, investigation and prevention of acts under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the results of the study, the author proposes directions for optimizing performance in the framework of combating cruelty to animals.

Keywords: police, cruel treatment, animals, animal abuse

For citation: Otboeva R. R. Counteraction of the internal affairs bodies of the Russian Federation to cruelty to animals. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):181–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-181-186>.

Все больше внимания, как общественности, так и органов законодательной власти, обращено на различные аспекты правовой защиты животных от жестокого обращения с ними. Данные правонарушения нередко сопряжены со значительным общественным резонансом, а также посягают на общественные отно-

© Отбоева Р. Р., 2022

шения в сфере нравственности.

В этой связи, проблема противодействия жестокому обращению с животными является достаточно актуальной для Российской Федерации. Раскрытие, расследование и предупреждение жестокого обращения с животными находится в компетенции органов внутренних дел, что ставит на повестку дня проблему совершенствования служебной деятельности в рамках данного направления.

С целью выявления проблем правоприменительной деятельности по делам данной категории, нами исследованы материалы следственно-судебной практики за период 2017–2021 гг., проведено самостоятельное исследование в форме социологического опроса, а также интервьюирование сотрудников органов дознания и следствия Республики Татарстан, Чувашской Республики, Удмуртской Республики, Республики Мордовия, Республики Башкортостан, Самарской области, Оренбургской области в количестве 58 человек (Анкета указана в Приложении 1).

В целях структурного изложения результатов проведенного исследования, мы дифференцировали проблемы правоприменения на проблемы раскрытия, расследования и предупреждения жестокого обращения с животными.

Как правило, в результате жестокого обращения страдают безнадзорные животные, что затрудняет поиск и выявление деяний, имеющих признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ), поскольку по делам данной категории фактически отсутствует заявитель.

В этой связи, выявление фактов жестокого обращения с животными, как правило, происходит волонтерами зоозащитных организаций, сотрудниками патрульно-постовой службы или участковыми уполномоченными полиции.

Аналогичная практика широко распространена в зарубежных странах. Например, в странах американского и европейского регионов зоозащитные общественные организации занимают важное место в правоохранительной деятельности, поскольку самостоятельно выявляют факты жестокого обращения с животными, передают выявленную информацию в правоохранительные органы, проводят специализированные образовательные программы для сотрудников полиции, а также привлекаются в качестве экспертов².

Следовательно, в сфере раскрытия и документи-

рования фактов жестокого обращения с животными опыт органов внутренних дел Российской Федерации соответствует общемировым тенденциям за исключением значительно меньшего привлечения волонтеров зоозащитных организаций.

Однако наличие значительных сложностей респонденты отметили в рамках расследования фактов жестокого обращения с животными. К аналогичным выводам приходят другие авторы, исследующие данную проблематику. Так, например, по мнению О. М. АLEXИНОЙ, состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, отличается сложностью в собирании доказательственной базы [1, с. 66].

Проведенное нами исследование позволяет отметить, что около половины уголовных дел, возбуждаемых по ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», приостанавливается на основании п. 1 ч. 1. ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)³, в связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Действительно, выявление животного с травмами и повреждениями еще не свидетельствует о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Дополнительной сложностью характеризуются данные деяния, сопряженные с публичной демонстрацией содеянного в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. Причиной тому является анонимность автора противоправного контента.

По уголовным делам данной категории, как правило, назначают судебно-ветеринарную экспертизу для установления причин физического вреда или гибели животного, определения степени тяжести причиненного вреда его здоровью, а также иных вопросов. Для установления вида, пола и возраста по частям останков животного производят ветеринарно-биологическую экспертизу. Именно с назначением экспертизы большинство респондентов и отметили наличие сложностей, поскольку лишь экспертизой возможно установить наличие причинно-следственной связи между действиями лица и причиненным животному вредом.

Для наиболее полного и точного описания животного, следов механического или другого воздействия, а в случае его гибели, для освидетельствования, к осмотру места происшествия привлекается специалист — ветеринарный врач или зоотехник.

Дополнительные сложности возникают в связи с особенностями квалификации деяния. В частности, при определении мотивов подозреваемого, поскольку в диспозиции ст. 245 УК РФ указано, что жестокое

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См. например, American Society for the Prevention of Cruelty to Animals. URL: <https://www.aspc.org/> (дата обращения: 23.11.2021); NYPD Partnership. URL: <https://www.aspc.org/animal-protection/nypd-partnership> (дата обращения: 23.11.2021).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 12.07.2021 г.) // Российская газета. 2001. № 249.

обращение с животным совершается в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, однако отсутствует указание на возможность совершения данного деяния исходя из других мотивов, или при наличии косвенного умысла. Тогда как отдельные ученые считают, что исследуемое преступное деяние может совершаться и с косвенным умыслом [2, с. 36].

Ряд опрошенных респондентов отметили, что несовершенство актуальной редакции ст. 245 УК РФ препятствует возможности привлечения к ответственности за жестокое обращение с животными, а, следовательно, достижению целей наказания.

Результаты проведенного исследования также позволяют отметить следующее:

- 75 % опрошенных оценили негативно перспективу введения института административной преюдиции относительно ст. 245 УК РФ;
- 63 % респондентов считают необходимым снижение возраста уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ;
- 56 % респондентов считают, что необходимо дополнительное ужесточение санкций ст. 245 УК РФ.

Таким образом, одним из ключевых направлений должно стать совершенствование уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными.

Не менее важной задачей органов внутренних дел является профилактика жестокого обращения с животными, однако и данное направление осложняется рядом обстоятельств.

Дознаватель или следователь, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона, что предусмотрено ст. 158 УПК РФ.

Однако приоритетным направлением в профилактической работе является проведение индивидуальных профилактических бесед, информирование населения, просвещение в области защиты животных с привлечением средств массовой информации, общественными зоозащитными структурами и организациями.

Причиной тому является тот факт, что органы внутренних дел не уполномочены к осуществлению государственного надзора в области обращения с животными. Данными полномочиями наделены федеральная служба по надзору в сфере природопользования, федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, а также соответствующие

органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Безусловно, реализация мер превентивного реагирования должна осуществляться, в том числе в рамках привлечения виновных лиц к административной ответственности, что соответствует принципам системного подхода.

В настоящее время административная ответственность за нарушение требований и правил содержания животных регламентируется законодательством субъектов Российской Федерации. При этом, составы административных правонарушений значительно отличаются по юридической технике, охватывают различные обстоятельства. В административном законодательстве ряда регионов подобные составы правонарушений отсутствуют вовсе. Однако в связи с принятием Федерального закона «Об ответственном обращении с животными»¹, возникла необходимость внесения изменения в административное законодательство Российской Федерации в целях приведения к единообразию правоприменительной практики.

Безусловно, развитие административного законодательства путем интеграции соответствующих норм в сфере защиты животных от жестокого обращения является необходимой мерой, отвечающей принципу системности и сбалансированности законодательства, однако мы считаем, что необходимо наделить соответствующим правом возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях по делам данной категории и органы внутренних дел, поскольку в сфере предупреждения правонарушений они занимают одно из центральных мест, что предопределяется их законодательными задачами и структурой взаимодействия с другими субъектами.

Мы считаем, что развитие административного законодательства путем интеграции составов, предусматривающих ответственность за жестокое обращение с животными, при условии отсутствия признаков состава преступления, положительно скажется на системности отечественного законодательства, а наделение органов внутренних дел правом рассмотрения правонарушений данной категории позволит своевременно принимать меры предупредительного характера в отношении лиц, склонных к насилию в отношении животных.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

Значительный общественный резонанс, а также современные тенденции, характеризующие преступ-

¹ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 2018. 29 декабря.

ность, сопряженную с жестоким обращением с животными, ставят на повестку дня проблему совершенствования служебной деятельности органов внутренних дел в части противодействия данному деянию.

Исходя из данных проведенных нами социологического опроса и интервьюирования сотрудников органов дознания и следствия, имеются проблемы в правоприменительной деятельности как на этапе предупреждения жестокого обращения с животными, так и на этапах его раскрытия и расследования.

Так, в целях оптимизации практики раскрытия фактов жестокого обращения с животными, считаем необходимым рекомендовать привлечение волонтеров зоозащитных организаций, обеспечить оперативное взаимодействие с приютами для животных и ветеринарными учреждениями, что позволит своевременно получать необходимые первичные сведения о возможных фактах, имеющих признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ для их оперативной проверки.

Этап расследования факта жестокого обращения с животными, по мнению респондентов, характеризуется наибольшей сложностью, что косвенно подтверждается статистикой направления дел данной категории в суд. В этой связи считаем, что необходимо современное научно-методическое сопровождение практики расследования жестокого обращения с животными, например, путем издания методических рекомендаций, в частности, по производству судебно-ветеринарной и биологической экспертизы.

Предупреждение жестокого обращения с животными осуществляется, как правило, путем проведения индивидуальной профилактической беседы. Однако в настоящее время своевременное предупреждение жестокого обращения с животными осложнено в связи с отсутствием в КоАП РФ составов, предусматривающих нарушение правил обращения и содержания животных, при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Безусловно, интеграция данных составов в российское административное законодательство положительно скажется на обеспечении охраны животных от жестокого обращения, а также на состоянии законности правопорядка в обществе.

Список источников

1. Алехина О. М. Животные как предмет правовой охраны : вопросы законодательства и практики его применения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 64–68.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин, Т. Г. Понятовская, А. И.

Рарог, Б. В. Янеленко : под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., проф. А. И. Рарога. Изд. 10-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. 882 с.

References

1. Alekhina O. M. Animals as a subject of legal protection : issues of legislation and practice of its application // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 6. P. 64–68.
2. Criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / M. P. Zhuravlev, A. V. Naumov, S. I. Nikulin, T. G. Ponyatovskaya, A. I. Rarog, B. V. Yanelenko : ed. Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, prof. A. I. Rarog. Ed. 10th rev. and add. M. : Prospect, 2018. 882 p.

Библиографический список

1. Волкова Г. П. Применение садистских методов как один из способов жестокого обращения с животными // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 1. С. 80–82.
2. Данилова С. И. Жестокое обращение с животными : особенности квалификации и производства неотложных следственных действий // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов. М. : ВНИИ МВД России, 2008. С. 87–99.
3. Китаева В. Н. Жестокое обращение с животными как способ психического насилия // Уголовное право. 2011. № 3. С. 39–42.
4. Косолапова Н. А. Предупреждение преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, с использованием Интернет-ресурсов // Проблемы законодательного регулирования Интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества : материалы Международной научно-практической конференции в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине». Белгород : НИУ БелГУ, 2013. С. 107–109.
5. Мирошниченко В. С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ) // Законы России : опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 120–122.
6. Шалагин А. Е. Ответственность за жестокое обращение с животными по законодательству Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1. С. 202–205.

Bibliographic list

1. Volkova G. P. The use of sadistic methods as one of the methods of cruelty to animals // Education. The science. Scientific personnel. 2014. № 1. P. 80–82.
2. Danilova S. I. Cruelty to animals : peculiarities of qualification and production of urgent investigative actions // Problems of preliminary investigation and inquiry: collection of scientific papers. Moscow : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. P. 87–99.
3. Kitaeva V. N. Cruelty to animals as a method of mental violence // Criminal law. 2011. № 3. P. 39–42.
4. Kosolapova N.A. Prevention of Crimes Related to Cruelty to Animals Using Internet Resources // Problems of Legislative Regulation of Internet Resources and Legal Resolution of Conflicts with the Participation of Subjects of the Internet Community : Materials of the International Scientific and Practical Conference within the Project «Russian-Ukrainian Forensic Readings on Slobozhanshchina». Belgorod : NRU BelGU, 2013. P. 107–109.
5. Miroshnichenko V. S. Some questions of qualification of cruelty to animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2011. № 12. P. 120–122.
6. Shalagin A. E. Responsibility for cruelty to animals under the legislation of the Russian Federation // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2013. № 6–1. P. 202–205.

Информация об авторе

Р. Р. Отбоева — старший инспектор учебного отдела Казанского юридического института МВД России.

Information about the author

R. R. Otboeva — Senior Inspector of the Training Department of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Приложение 1

АНКЕТА ЭКСПЕРТА

(следователя, дознавателя)

«Предупреждение жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ)»

Целью настоящего исследования является установление типичных проблем при применении ст. 245 УК РФ для ее дальнейшего совершенствования и оптимизации правоприменительной практики.

Отметьте тот вариант ответа, с которым Вы согласны в большей мере, в соответствующей графе или сформулируйте ваше мнение более подробно.

1. Ваша должность:

2. Стаж работы в ОВД:

3. В своей профессиональной деятельности сталкивались ли Вы с расследованием преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными)?

Да	
Нет	

4. Какие проблемы существуют при применении ст. 245 УК РФ?

5. Считаете ли Вы, что применительно к ст. 245 УК РФ необходимо применение административной преюдиции?

Да	
Нет	

6. Считаете ли Вы необходимым снижение возраста привлечения к уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ до 14 лет?

Да	
Нет	

7. Считаете ли Вы необходимым ужесточение санкции по ст. 245 УК РФ?

Да	
Нет	

8. Какие меры уголовно-правового и криминологического характера, по Вашему мнению, являются наиболее эффективными для предупреждения жестокого обращения с животными?

Криминология. Учеб. пособие. Под ред. С.В. Иванцова, Е.А. Антонян [Я.Л. Алиев и др.] 6-е изд. 391 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. ГРИФ МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильственной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

Научная статья

УДК 34.342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-187-191>

НИОН: 2003-0059-2/22-244

MOSURED: 77/27-003-2022-02-443

Конституционный нормоконтроль в современном российском законодательстве: проблемы и пути решения

Эдуард Юрьевич Петров

Федеральная кадастровая палата Росреестра по Уральскому федеральному округу, Екатеринбург, Россия,
petroveu@rambler.ru

Аннотация. Анализируются решения Конституционного Суда Российской Федерации за период 2020–2021 гг. Для анализа берутся постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в которых выявлено несоответствие законодательства РФ нормам Конституции РФ, принятия решений органами государственной власти и органов местного самоуправления не соответствующих нормам Конституции РФ.

Используя результаты собственного исследования, автор обращает внимание на проблемы, выявленные конституционным нормоконтролем и предлагает для обсуждения пути решения данных проблем.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации, конституционный нормоконтроль, федеральный законодатель, органы государственной власти и органы местного самоуправления, региональные власти

Для цитирования: Петров Э. Ю. Конституционный нормоконтроль в современном российском законодательстве: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 187–191. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-187-191>.

Original article

Constitutional norm control in modern Russian legislation: problems and ways solutions

Eduard Yu. Petrov

Federal Cadastral Chamber of the Federal Register of the Ural Federal District, Yekaterinburg, Russia,
petroveu@rambler.ru

Abstract. The decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation for the period 2020–2021 are being analyzed. For analysis, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are taken in which the inconsistency of the legislation of the Russian Federation with the norms of the Constitution of the Russian Federation, decision-making by state authorities and local self-government bodies that do not comply with the norms of the Constitution of the Russian Federation is revealed.

Using the results of his own research, the author draws attention to the problems identified by the constitutional norm control and suggests for discussion ways to solve these problems.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional norm control, federal legislator, state authorities and local self-government bodies, regional authorities

For citation: Petrov E. Yu. Constitutional norm control in modern Russian legislation: problems and ways solutions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):187–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-187-191>.

В 2021 году исполняется тридцать лет Конституционному Суду Российской Федерации и обеспечению им верховенства Конституции Российской Федерации средствами конституционного нормоконтроля.

Появление конституционного нормоконтроля в России знаменовало первое в национальной истории самоограничение публичной власти, ее подчинение императивам верховенства права.

© Петров Э. Ю., 2022

Восходя к известному еще античности представлению о подлежащем усиленной защите высшем законе, судебный контроль конституционности — существеннейший атрибут демократий нашего времени. Его централизованная модель, к которой принадлежит и Конституционный Суд, составляет неотъемлемое достояние континентальной семьи права и европейской цивилизации в целом.

Расширение юрисдикционных ограничений публичной власти за счет конституционного нормоконтроля, снижая конституционно значимые риски злоупотреблений со стороны законодателя и правоприменителей, но, не посягая ни на их компетенцию, ни тем более на прерогативы народа-суверена, основывает свою легитимность на потребности правовой демократии в защите своих институциональных и ценностных основ [1].

Согласно ч. 1 ст. 125 Конституции Российской Федерации принятой 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) Конституционный суд РФ (далее — КС РФ): является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации [2].

В ходе осуществления конституционного нормоконтроля (за период 2020–2021 гг.) можно выделить ряд решений которые характеризуют имеющиеся проблемы в действующем законодательстве.

Данные решения можно подразделить на две группы: несоответствие законодательства РФ нормам Конституции РФ, принятия решений органами государственной власти не соответствующих нормам Конституции РФ.

В первой группе можно отметить следующие постановления КС РФ:

Дело Р. Д. Свечниковой (от 13 января 2020 года) о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором КС РФ пришел к выводу что, федеральному законодателю необходимо внести в действующее правовое регулирование изменения, которые позволят нормативно определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента [3].

В деле же И. С. Бутримовой (от 5 марта 2020 года) о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации, КС РФ отметил, что данные нормы противоречат Конституции РФ в той мере, в какой содержащиеся в них положения о возмещении убытков в случае ограничения прав собственника земельного участка правомерными действиями органа государственной власти или органа местного самоуправления

в связи с установлением зоны охраны объекта культурного наследия — в системе действующего правового регулирования и с учетом их истолкования в правоприменительной практике — в силу своей неопределенности не позволяють однозначно определить условия такого возмещения [4].

Дело «Горизонт» (21 апреля 2020 года) о проверке конституционности статьи 981 Лесного кодекса Российской Федерации, в резолютивной части отмечено КС РФ: признать статью 981 Лесного кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она предусматривает включение в реестр недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений — бессрочно, а также ограничение прав указанных субъектов в сфере хозяйственного лесопользования, в том числе права заключать договоры аренды лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности [5].

В Постановлении «Лысьва-теплоэнерго» (12 мая 2020 года) о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации, КС РФ подтвердил, что пункт 5 статьи 123.22 ГК Российской Федерации не соответствует Конституции РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования он исключает возможность привлечь к субсидиарной ответственности собственника имущества (учредителя) ликвидированного муниципального бюджетного учреждения по его обязательствам, вытекающим из публичного договора (включая договор теплоснабжения) [6].

Предложения к выше сказанному можно сделать следующие: федеральному законодателю более внимательно подходить к анализу постановлений КС РФ (так как в практике КС РФ возникает потребность давать повторное толкование своего же постановления, так как законодатель не внес не обходимых поправок в нормативный правовой акт, на что указал КС РФ в своем постановлении); вернуться к вопросу расширения полномочий Уставных Конституционных судов, данные суды находятся в регионах и на местах могут более оперативно разрешить вопрос, что позволит сокращению времени и средств лицам в решение своих правовых вопросов (конечно, здесь будет стоять необходимость в подготовке судей, а также аппарата Уставного Конституционного суда в регионе).

Дело же «Лысьва-теплоэнерго» заслуживает отдельного внимания: из представленных Конституционному Суду Российской Федерации и исследованных им материалов, включая практику применения пункта 5 статьи 123.22 ГК Российской Федерации арбитражными судами, они, вынося решения о невозможности привлечь собственника имущества ликвидируемого муниципального бюджетного учреждения к субсидиарной ответственности по обязательствам этого учреждения, вытекающим из публичного договора теплоснабжения, руководствуются, в том числе данной нормой, и последовательно исходя из установлен-

ных законом особенностей организационно-правовой формы муниципального бюджетного учреждения как юридического лица. При этом, не принимая во внимание как общие и специальные цели создания и важные аспекты деятельности муниципального бюджетного учреждения в рамках выполнения возложенных на него полномочий, реализация которых требует заключения им публичных договоров, так и невозможность его контрагентов отказаться от заключения и исполнения таких договоров. Вопреки положению статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, сложившийся подход не может обеспечить надлежащего баланса между законными интересами должника и кредитора, поскольку не исключает злоупотреблений правом со стороны должников — муниципальных бюджетных учреждений, имущество которых в ряде случаев оказывается, по сути, «защищено» их публичным собственником от имущественной ответственности перед контрагентами.

При отсутствии юридической возможности снять ограничения в отношении возложения субсидиарной ответственности на собственника имущества бюджетного учреждения, в том числе муниципального (включая случаи недостаточности находящихся в его распоряжении денежных средств для исполнения своих обязательств из публичного договора теплоснабжения при его ликвидации), подобное правовое регулирование способно повлечь нарушение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав стороны, заключившей и исполнившей публичный договор и не получившей встречного предоставления.

С нашей точки зрения, не допустимо перекладывание ответственности между различными бюджетами, когда фактически государственному учреждению была поставлена тепло-энергия (ликвидация учреждения не означает, что поставщику не нужно оплачивать потребленный ресурс и для разрешения спора по оплате долгов муниципального бюджетного учреждения можно было разрешить региональным властям не доводя до КС РФ.

В данном случае мы видим, как конституционный нормоконтроль исправляет ошибки на местах (регионах), хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что КС РФ, как вышестоящий суд, с точки зрения автора должен рассматривать наиболее сложные дела.

Так, из данного дела можно сделать второй вывод, те авторы, которые утверждают, что в судебной системе РФ нужно по примеру англосаксонской правовой системы получать разрешение для дальнейшего обжалования дела, данный вывод смотрится сомнительным — при возникновении таких дел, как дело «Лысва-теплоэнерго».

Во второй группе безусловный интерес вызывают правоприменительные решения государственных органов и органов местного самоуправления истолковании которых расходится с их конституционно-правовым смыслом:

1. Дело о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова (22 июля 2020 года), в котором КС РФ отметил, что в случае, когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто право налогоплательщика на вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика, данная статья не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение) [7].

2. В деле о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М. Г. Анциновой (16 октября 2020 года) КС РФ пришел к выводу: признать данную статью противоречащей Конституции РФ постольку, поскольку неопределенность действующего правового регулирования в вопросе о том, обязан ли собственник (правообладатель) земельного участка в случае, когда он в дополнение к основному виду его разрешенного использования самостоятельно выбирает вспомогательный вид разрешенного использования, вносить в качестве условия правомерного осуществления вспомогательного вида разрешенного использования в Единый государственный реестр недвижимости сведения о таком использовании, создает неопределенность и в вопросе о возможности привлечения этого собственника (правообладателя) к административной ответственности за использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием) [8].

3. Постановление о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери (17 ноября 2020 года) КС РФ определил в резолютивной части: положения данной нормы не соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он не позволяет однозначно решить вопрос о том, распространяется или нет установленный данным Федеральным законом порядок передачи религиозным организациям государственного или муниципального имущества религиозного назначения в безвозмездное пользование на помещения в здании, находящемся в муниципальной собственности, реконструированные (достроенные под размещение культового сооружения храма)

религиозной организацией с согласия собственника в период длительного безвозмездного пользования этим имуществом для достижения ее уставных целей (до вступления в силу данного Федерального закона), и создает неопределенность в вопросе о механизме защиты законных интересов религиозной организации после изъятия такого имущества из ее пользования) [9].

4. Дело о проверке конституционности пункта 11 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. С. Цукасова (12 марта 2021 года) в котором КС РФ установил что, данная норма не соответствует Конституции РФ: в системе действующего правового регулирования данное законоположение не предусматривает для суда, рассматривающего дело об отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидата в связи с представлением им в избирательную комиссию документов для уведомления о своем выдвижении и регистрации, содержащих неполные сведения о кандидате или не отвечающих требованиям закона к оформлению документов, необходимость учесть факт неизвещения (несвоевременного извещения) избирательной комиссией кандидата об этих нарушениях как обстоятельство, исключающее отмену решения избирательной комиссии о регистрации кандидата, если эти нарушения должны были быть очевидны для избирательной комиссии при надлежащем исполнении ею своих обязанностей и не являются намеренным представлением кандидатом недостоверных сведений о себе) [10].

5. В деле дело о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских (13 мая 2021 года) КС РФ усмотрел, не соответствие Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1), 48 (часть 1), 52, 53 и 55 (часть 3), в той мере, в какой они не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности применительно к порядку и размерам возмещения процессуальных издержек при вынесении следователем (дознавателем, прокурором) постановления о возмещении расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю по уголовному делу, прекращенному по нереабилитирующему основанию, а равно не позволяют обеспечить эффективную судебную защиту права потерпевшего на получение такого возмещения в установленный срок и не предусматривают правового механизма индексации сумм такого возмещения) [11].

6. Дело о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 3892 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

гражданина С. А. Филиппова (17 июня 2021 года), в котором КС РФ отметил, что признать положения статьи 3892 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статей 106 и 110 данного Кодекса не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 35 (часть 2), 46 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они исключают возможность обжалования в апелляционном порядке судебного решения, принятого в ходе рассмотрения уголовного дела по существу, которым было отказано в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую, до вынесения итогового судебного решения) [12].

По итогу сказанного мы видим, что налоговыми органами, следственными органами, органами местного самоуправления, избирательной комиссии приняты решения истолковании которых расходится с их конституционно-правовым смыслом.

Разрешение данной ситуации возможно, как пример позитивная практика Росреестра РФ (практика стала формироваться после вынесения решений КС РФ, по предмету, выявленных несоответствий положений норм федерального законодательства Конституции РФ: видов разрешенного использования земельных участков, не целевого использования земельных участков, а также принятия Постановления Правительства РФ от 28.04.2021 N 663 (ред. от 06.10.2021) «Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб»): руководитель, иное должностное лицо или уполномоченный представитель юридического лица, органа государственной власти, органа местного самоуправления, индивидуальный предприниматель, гражданин, их уполномоченные представители при проведении проверки имеют право обжаловать действия (бездействие) должностных лиц Росреестра (территориального органа) и решения, принятые (осуществляемые) в ходе осуществления государственного земельного надзора и повлекшие за собой нарушение прав юридического лица, органа государственной власти, органа местного самоуправления, индивидуального предпринимателя или гражданина, в досудебном (внесудебном) порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В отношении государственного земельного надзора уже сейчас можно отметить, что досудебный порядок это действительно эффективная мера.

На примере физических лиц видно, что когда земельные споры решаются на уровне комиссии Управления Росреестра субъектов — идет снижение нагрузки на суды, на ведомство (по оспариванию правомерности действий) и самое главное, что гражданам которые считают что их права нарушены — не нужно исчерпывать все средства (апелляцию, кассацию, надзор) правовой защиты в судах общей юрисдикции или арбитражных судах (юридические лица), чтобы потом обратиться в КС РФ.

Данный подход на взгляд автора достаточно эф-

фективный.

Продвижение к стратегическим целям конституционного развития России, каковыми являются защита суверенности перед лицом вызовов глобализации и участия в деятельности межгосударственных (интеграционных) объединений, укрепление конституционности публичной власти (соответствие конституционно установленным характеристикам, включая единство государственной власти, принцип разделения властей, федерализм, разграничение прерогатив государственной власти и местного самоуправления), надлежащее качество публичного управления (утверждение конституционных ценностей в повседневной судебной и административной практике), во многом зависит как от своевременного и полного исполнения решений Конституционного Суда, от того, насколько тщателен будет учет выраженных им правовых позиций в последующем нормотворчестве и правоприменении, так и от качества самих актов конституционного нормоконтроля, их концептуальной проработанности и методологической надежности) [1].

С выше изложенным нельзя не согласиться, только добавить несколько аспектов: во-первых применение механизмов досудебного урегулирования в отношении правоприменительных решений государственных органов и органов местного самоуправления истолковании которых расходится с их конституционно-правовым смыслом минимизировать вред, который они могут нанести субъектам гражданско-правовых отношений, а также конституционный нормоконтроль направить в русло разрешения дел, для которых необходим высокий профессионализм и запрос общества (дела в которых нарушены основные права человека и гражданина, юридических лиц защищаемых Конституцией РФ).

Во-вторых своевременное внесение поправок в положения нормативных правовых актов, в которых КС РФ при осуществлении конституционного нормоконтроля выявил не соответствие Конституции РФ.

И в заключение: общество не стоит на месте и пробелы (лакуны) будут возникать неизбежно, но при системе, в которой имеются механизмы, которые на ранней стадии могут выявить проблему и купировать её (разрешить с помощью правовых механизмов), данная система является устойчивой, а конституционный нормоконтроль пусть будет исключительной мерой исправления ошибок допущенных на местах (регионах).

Список источников / References

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). (1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ Information of the Constitutional Court of the Russian Federation «Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)» (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.10.2021.)
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). (2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020.)
3. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102654651&page=1&rdk=0#I0.
4. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003060002>.
5. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004230001>.
6. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005140006>.
7. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007240015>.
8. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010220009>.
9. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011190001>.
10. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120210316000>.
11. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120210518003>.
12. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120210622000>.

Информация об авторе

Э. Ю. Петров — инженер Федеральной кадастровой палаты Росреестра по Уральскому федеральному округу.

Information about the author

E. Yu. Petrov — Engineer of the Federal Cadastral Chamber of the Federal Register of the Ural Federal District.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-192-195>

NIJON: 2003-0059-2/22-245

MOSURED: 77/27-003-2022-02-444

Нормативное правовое регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы

Татьяна Анатольевна Прудникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются особенности реализации Государственной программы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом на современном этапе, в том числе рассмотрен опыт реализации данной программы в Латвийской Республике.

Ключевые слова: Российская Федерация, государственная политика, соотечественник, программа, переселение, участник, свидетельство

Для цитирования: Прудникова Т. А. Нормативное правовое регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 192–195. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-192-195>.

Original article

Normative legal regulation of the process of voluntary resettlement of compatriots to the Russian Federation within the framework of the State Program

Tatiana A. Prudnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The specifics of the implementation of the State Program for the voluntary Resettlement of Compatriots living abroad at the present stage, including the experience of implementing this program in the Republic of Latvia are analyzed.

Keywords: Russian Federation, state policy, compatriot, program, resettlement, participant, certificate

For citation: Prudnikova T. A. Normative legal regulation of the process of voluntary resettlement of compatriots to the Russian Federation within the framework of the State Program. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):192–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-192-195>.

Анализ специальной и юридической литературы показал, что в Государственной программе [1] по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом и желающих вернуться в Российскую Федерацию, обеспечивается комплексный подход к решению вопросов оказания содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию и межотраслевой координации, получения возможности осознанного выбора соотечественниками мест своего будущего проживания, работы, обучения с учетом социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, объемов

государственных гарантий и социальной поддержки, которые предоставляются переселенцу в зависимости от выбранной территории вселения.

Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2020 г. № 322 «О некоторых вопросах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [4] предусмотрено внесение изменений в Государственную программу переселения соотечественников за рубежом с учетом меняющейся миграционной обстановки и определения текущих перспектив мигра-

ционной политики, а именно: законодательно расширился круг семьи участника программы и тех членов семьи, кто может самостоятельно принимать участие в программе (увеличился круг родственников участника программы, в понятийный аппарат добавилась категория «приемные родители», а совершеннолетний член семьи участника программы имеет право самостоятельно участвовать в программе переселения, включая его супругу или супруга).

Кроме того, увеличился срок, на которое лицам, получившим статус «соотечественник» выдается соответствующее свидетельство участника программы — в настоящее время данный срок, на который выдается свидетельство, составляет пять лет, а раньше соответственно — три года, при этом в законодательстве предусмотрено, что по окончании срока свидетельства продлить его нельзя и гражданство Российской Федерации необходимо оформить в течение срока действия данного документа, то есть в течение пяти лет.

Целями Государственной программы по добровольному переселению являются: стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию; содействие социально-экономическому развитию регионов; решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения. Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2020 г. № 322 «О некоторых вопросах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [4] предусмотрено, что участнику Государственной программы и членам его семьи, переселяющимся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию на территории, не относящиеся к территориям приоритетного заселения, предоставляются государственные гарантии и социальная поддержка в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Следует отметить, одной из новелл является то, что законодательно предусмотрено появление нового пункта о предоставлении жилищной субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, право на получение которой подтверждается жилищным сертификатом. Данная субсидия представляет собой вид социальной выплаты, предоставляемой субъектам-участникам государственной программы для реализации своего конституционного права. Размер жилищной субсидии будет рассчитываться с учетом показателей рыночной стоимости одного квадратного метра по субъектам Российской Федерации. Предоставляться субсидия будет после приобретения гражданства Российской Федерации, а порядок ее предоставления определяется Правительством Россий-

ской Федерации. Закреплена и ответственность для тех лиц, которые утратили соответствующий статус участника программы переселения ранее чем через три года после постановки на учет, что влечет за собой взыскание понесенных государством затрат и жилищной субсидии.

В рамках реализации правовых гарантий [2], участники Государственной программы и члены их семей имеют право на получение образования, в том числе и среднего профессионального, высшего образования и дополнительного профессионального образования; получение медицинской помощи; получение услуг в области содействия занятости населения в части содействия в поиске подходящей работы, организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства и др.

Стоит подчеркнуть, что одной из стимулирующих мер поддержки со стороны государства в отношении участников государственной программы, переселившихся на территории приоритетного заселения (Амурская область, Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская область и др.) является разовая помощь на обустройство («подъемные»), за получением которых участник обращается в территориальные органы МВД России [6] для заполнения бланков заявления и открытия счета для их начисления. При этом предусмотрено, что заявление подается лично участником программы или через законного представителя, у которого имеется нотариально заверенная доверенность и документально подтвержденный факт причины отсутствия заявителя. Нововведением в 2020 году [3] стало определение размера подъемных с учетом величины прожиточного минимума, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации для основных социально-демографических групп населения.

Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2023 годы основывается на Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [1], других федеральных законах, имеет целью координацию усилий федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации и общественных организаций, направленных на развитие отношений с российской диаспорой в интересах защиты ее прав и интересов, а также активизации роли соотечественников, проживающих за рубежом, в расширении сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами.

Работа федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов

Российской Федерации, дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, представительств Россотрудничества с российской диаспорой нацелена, прежде всего, на развитие ее собственной активности и решает следующие задачи:

а) обеспечение защиты прав и законных интересов соотечественников;

б) содействие дальнейшей консолидации российской диаспоры путем поддержки организаций соотечественников на всемирном, региональном и страновом уровнях [5];

в) расширение информационного обеспечения соотечественников и оказание содействия в становлении издаваемых ими средств массовой информации и интернет-ресурсов;

г) содействие сохранению российской языковой и этнокультурной идентичности соотечественников;

д) поддержка молодежных организаций соотечественников, русскоговорящей молодежи, сохранение и развитие их связей с Российской Федерацией и др.

Если обратиться к опыту представительства МВД России в Латвийской республике (далее — Латвия) [6] по реализации Государственной программы по добровольному переселению соотечественников, то существенное внимание представительства МВД России уделяется работе с русскоязычными средствами массовой информации Латвии, регулярно проводятся встречи с представителями средств массовой информации по разъяснению законодательства в сфере миграции Российской Федерации в рамках реализации Государственной программы. В средствах массовой информации Латвии регулярно размещается актуальная информация о порядке пребывания на территории Российской Федерации и осуществления трудовой деятельности, а также подробная информация об участии в Государственной программе и о территориях приоритетного заселения.

На 1 января 2022 года [6] в Латвии проживают 41803 гражданина Российской Федерации с постоянными видами на жительство, из них в связи с воссоединением семьи — 6864 лица; в связи с приобретением гражданства Российской Федерации — 32982 лица.

Актуальными остаются вопросы, связанные с приобретением гражданства Российской Федерации на территории Латвии и Российской Федерации, с порядком пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации и осуществлением ими трудовой деятельности.

За 2020–2021 гг. было проведено достаточное количество мероприятий, связанных с вопросами взаимодействия и информационного сопровождения Государственной программы переселения, встречи с представителями русской общины «Улей», русского общества «Родник», информационные семинары

и др. Во время данных встреч с представителями общественных организаций обсуждались изменения, внесенные в законодательство в сфере миграции, вопросы реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также проведение совместных мероприятий с регионами вселения в рамках видеоконференций.

В рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвии о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев от 2 июня 1993 года, Исполнительного протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвии о порядке реализации Соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии на регулярной основе согласовываются документы потенциальных переселенцев на добровольное переселение в Российскую Федерацию, оперативно решаются актуальные вопросы, в том числе связанные с имуществом переселенцев; осуществляются консультации и обмен информацией о миграционной ситуации и законодательстве двух стран; изучается опыт работы миграционных органов Латвии по противодействию незаконной миграции и другим миграционным вопросам.

В заключении следует отметить о проблеме информационной помощи соотечественникам за рубежом. В настоящее время необходимы поиски механизмов их разрешения. Учитывая значимость средств массовой информации для соотечественников за рубежом, приоритеты государственной политики и экономическое положение изданий, следует предоставлять русскоязычным периодическим изданиям соотечественников на безвозмездной основе материалы российских информационных агентств.

Список источников

1. Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».
2. Указ Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 (ред. от 24.03.2021) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».
3. Указ Президента РФ от 14.09.2012 г. № 1289 (ред. от 24.03.2021) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».
4. Указ Президента РФ от 12.05.2020 г. № 322 «О некоторых вопросах реализации Государ-

ственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 №3612-1) (ред. от 30.04.2021).
6. Официальный сайт МВД России // www.mvd.ru.

References

1. Federal Law № 99-FZ of 24.05.1999 (as amended on 23.07.2013) «On the State Policy of the Russian Federation in relation to Compatriots abroad».
2. Decree of the President of the Russian Federation № 637 of 22.06.2006 (ed. of 24.03.2021) «On measures to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation».

3. The decree of the President of the Russian Federation dated 14.09.2012 № 1289 (ed. by 24.03.2021) «On the implementation of the State program on rendering assistance to voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad».
4. The decree of the President of the Russian Federation from 12.05.2020 № 322 «On some issues of implementation of the State program on rendering assistance to voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad».
5. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 09.10.1992 № 3612-1) (ed. from 30.04.2021).
6. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // www.mvd.ru.

Информация об авторе

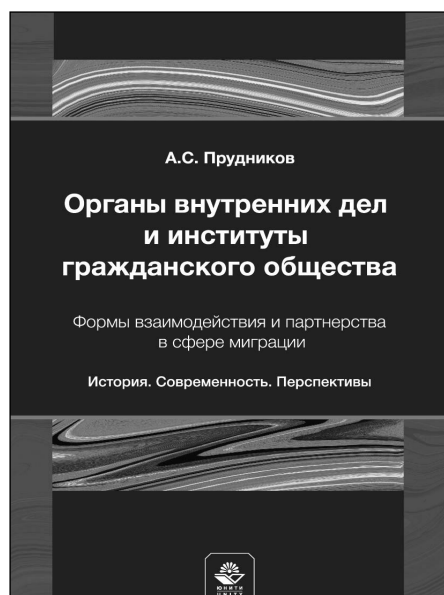
Т. А. Прудникова — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Органы внутренних дел и институты гражданского общества. Формы взаимодействия и партнерства в сфере миграции. История. Современность. Перспективы. Монография. Прудников А.С. 183 с.

Монография подготовлена с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению основ институтов гражданского общества, закрепляющих их правовое положение, анализ форм участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля, а также их взаимодействия и партнерства с органами публичной власти в сфере миграции.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России.

Научная статья

УДК 342.9:343.8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-196-200>

НИОН: 2003-0059-2/22-246

MOSURED: 77/27-003-2022-02-445

Особенности организации работы правоохранительных органов по предупреждению экстремистской деятельности на современном этапе: административно-правовой и уголовный аспекты

Николай Викторович Румянцев^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, gumyantsev.n.v@ya.ru

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты применения административно-правовых норм за участие в экстремистской деятельности криминальных субкультур и организации работы подразделений правоохранительных органов по их применению, а также возникающие при этом проблемные вопросы. Особо отмечается деятельность экстремистских сообществ, признанных на территории Российской Федерации экстремистской организацией и принимаемые правоохранительными органами в отношении их мер законодательного (административного и уголовного) характера. Отдельно обращено внимание на актуальные проблемы квалификации деятельности международного молодежного движения «АУЕ», признанного решением Верховного суда Российской Федерации экстремистским.

Ключевые слова: криминальная субкультура, молодежное экстремистское движение, учреждения, экстремистская организация, АУЕ, «Арестантское уркаганское единство», «А.У.Е.», правоохранительные органы, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы

Для цитирования: Румянцев Н. В. Особенности организации работы правоохранительных органов по предупреждению экстремистской деятельности на современном этапе: административно-правовой и уголовный аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 196–200. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-196-200>.

Original article

Features of the organization of the work of law enforcement agencies to prevent extremist activity at the present stage: administrative, legal and criminal aspects

Nikolay V. Rumyantsev^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, gumyantsev.n.v@ya.ru

² Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The certain aspects of the application of administrative and legal norms for participation in extremist activities of criminal subcultures and the organization of work of law enforcement units on their application, as well as problematic issues arising in this case are considered. The activities of extremist communities recognized as an extremist organization on the territory of the Russian Federation and taken by law enforcement agencies in relation to their legislative (administrative and criminal) measures are particularly noted. Separately, attention is drawn to the actual problems of qualification of the activities of the international youth movement «AUE», recognized by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation as extremist.

Keywords: criminal subculture, youth extremist movement, institutions, extremist organization, AUE, «Convict Urkagan unity», «A.U.E.», law enforcement agencies, penal enforcement system, places of imprisonment

For citation: Rumyantsev N. V. Features of the organization of the work of law enforcement agencies to prevent extremist activity at the present stage: administrative, legal and criminal aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):196–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-196-200>.

© Румянцев Н. В., 2022

Во многих странах мира, в том числе и в Российской Федерации, возрастает угроза террористической опасности на фоне распространения различных видов экстремизма, вызывающего существенную угрозу не только в отношении отдельных граждан, но и в целом для всего общества. Организация эффективного противодействия экстремистской деятельности постоянно находится в центре внимания ученых и практических работников органов правопорядка, однако до настоящего времени остается недостаточно изученной, а применяемые формы и методы по профилактике и пресечению этих противоправных деяний не всегда достигают необходимой результативности и поставленных целей. Не секрет, что экстремизм, создавая условия для возникновения конфликтов, непосредственно угрожает федеративному устройству страны, вносит расколы по национальному и конфессиональному признаку, дестабилизирует социально-политическую ситуацию. Поэтому на современном этапе разработка эффективных мер противодействия экстремистской деятельности на государственном уровне, постановка задач и их реализация по профилактике этих противоправных явлений и представляется важнейшей задачей.

Криминальная деятельность, как отдельных лиц, так и различных формирований (групп) экстремистского характера, в последнее время имеет тенденцию на активизацию и вынуждает все структуры государственной власти нашей страны и, в первую очередь, правоохранительных органов, принимать необходимые меры по пресечению данной противоправной деятельности и обеспечению общественного порядка и безопасности. В этой связи деятельность правоохранительных органов и силовых структур: ФСБ России, ФСИН России, МВД России и др., несомненно, должна быть направлена на усиление профилактических мероприятий, способствующих пресечению и недопущению распространения экстремистской идеологии и нейтрализацию движения радикальных организаций.

На территории Российской Федерации в настоящее время существуют экстремистские организации, нередко финансируемые из-за границы, с выработкой определенной идеологии, деятельность которых направлена на противоправные деяния. Расширяясь в разнообразных формах своего проявления и представляя серьезную опасность, экстремистское движение все активнее проникает во многие сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим возросла потребность в изучении сущности причин этого социального явления [1], его правовой оценки и необходимости определения форм и методов, способствующих его противодействию. Вместе с тем, призванные противостоять экстремистской деятельности, правоохранительные структуры в своей практической работе, должны обеспечивать, в целом и, принцип неотврати-

мости наказания за противоправные деяния. Данная деструктивная деятельность отражает взгляды и позиции, которые можно рассматривать как понятия «правонарушение экстремистского характера» и позволяет выделить суть противоправных действий, представляющих различную степень общественной опасности.

В настоящее время за преступления террористического характера и экстремистской деятельности в местах лишения свободы отбывают наказание свыше 2,7 тыс. обвиняемых и осужденных и, к сожалению, преступления указанной категории и количество совершающих их лиц имеют тенденцию к значительному росту [2]. Об этом свидетельствуют и данные МВД России, согласно которым на территории Российской Федерации с января по декабрь 2021 года зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности, что составило рост данного показателя на 26,9 %. Не может не вызывать озабоченность и то, что среди фигурантов, участвующих в экстремистской деятельности, большое количество граждан государств СНГ.

В целях обеспечения эффективной работы с лицами, имеющими намерения, либо совершившими противоправные действия экстремистского характера, подразделениями МВД и уголовно-исполнительной системы (УИС), совместно с другими правоохранительными органами разрабатываются и реализуются комплексные мероприятия по профилактике и противодействию как административных правонарушений, так и преступлений экстремистской направленности, а также по пресечению вовлечения граждан и лиц, в том числе, отбывающих наказание в учреждениях УИС, в преступную деятельность и организацию профилактической работы по их отказу от экстремистской идеологии. Среди некоторых основных мер профилактического характера по предупреждению правонарушений и преступлений, в отношении граждан, в том числе обвиняемых и осужденных, создающих условия для совершения указанных противоправных деяний, используются такие как официальные предостережения об их недопустимости, а в случае неисполнения, привлечение виновных к административной, либо уголовной ответственности. К примеру, результаты работы некоторых территориальных подразделений и органов МВД и ФСИН России, свидетельствуют о проведении оперативных мероприятий по документированию преступной деятельности криминальных элементов по созданию объединений и призывам к экстремистской деятельности, что стало основанием привлечения их к уголовной ответственности за совершение преступления по ч. 1 ст. 282 УК РФ. За осуществление указанной противоправной деятельности, на наш взгляд, более активно и наступательно должна применяться установленная законодательством Российской Федерации администра-

тивная форма ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за пропаганду, публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики экстремистских организаций и по ст. 20.29 вышеуказанного кодекса, предусматривающей ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, а равно их производство, либо хранение в целях распространения.

Из различных регионов страны в последнее время поступают сведения об активизации и распространении противоправной деятельности формирований и движений, представляющих криминальную субкультуру и пропагандирующих идеи экстремистского толка. Особое внимание обращено на деятельность молодежного движения, активно пропагандирующую так называемый «тюремный уклад и образ жизни». Участники данного движения имеют склонность к признанию и поддержке авторитетов преступного мира, навязыванию окружающим мнения о превосходстве антисоциального образа жизни и криминальной романтики. При этом указанная субкультура, с целью пропаганды «криминального образа поведения», использует своеобразную символику и аббревиатуру («А.У.Е.», «Арестантское уркаганское единство» или «Арестантский уклад един»). При этом отношение к данной проблеме отдельных сотрудников государственных, общественных и научных организаций неоднозначно и некоторые считают, что имеют место лишь отдельные эпизоды вербовки подростков среди криминалитета [3].

Но серьезности активизации криминального поведения сторонников движения «А.У.Е.» свидетельствуют такие вопиющие факты как: истязание сверстников и поборы с них на «общак»; вовлечение в деструктивную деятельность подростков и молодежи; участие в массовых беспорядках; насильственные действия в отношении граждан; нападения на сотрудников правоохранительных органов; неподчинение администрации и грубейшие нарушения режима содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы (в том числе для несовершеннолетних) и др.

Не может не вызывать серьезного беспокойства устойчивое участие в противоправной деятельности и активные призывы сторонников «А.У.Е.» к ведению криминального образа жизни и экстремистской деятельности органов государственной и исполнительной власти, правоохранительных органов и общественных организаций, считавших, что деятельность активистов АУЕ представляет реальную угрозу гражданам, обществу и государству. Только в социальной сети «ВКонтакте» насчитывается около 50 групп «АУЕ» с общим числом участников более 2 миллионов человек, в «Одноклассниках» не менее одного миллиона, а количество просмотров видеозаписей каналов данной тематики более 25 миллионов [4]. Все это спо-

собствовало принятию срочных мер по дальнейшей нейтрализации экстремистской деятельности данной субкультуры. Так 17 августа 2020 года Верховный суд Российской Федерации по иску Генеральной прокуратуры России признал международное общественное движение «АУЕ» экстремистским и запрещенным на территории Российской Федерации. В том числе в судебном заседании было установлено, что «АУЕ» является хорошо структурированной и управляемой организацией — молодежным движением экстремистской направленности, в рамках которого и в интересах участников «А.У.Е.», совершались экстремистские правонарушения.

После принятия Верховным судом России решения о признании молодежного движения «А.У.Е.» экстремистским, правоохранительными органами приняты активные меры по пресечению противоправной деятельности их участников. Так в феврале 2021 года УФСБ России по Республике Калмыкия возбуждено 2 уголовных дела по ч. 1 ст. 282 УК РФ за организацию и участие в деятельности экстремистской организации в отношении двух руководителей и четырех активных участников «А.У.Е.». В ходе расследования данного уголовного дела установлено, что целью указанной организации было превознесение идей «воровской власти» и применение «воровских понятий». Ими же проводилась активная пропаганда возбуждения ненависти и вражды к представителям власти и сотрудникам правоохранительных органов. Нарбатывается практика привлечения членов движения экстремистской направленности «А.У.Е.» к административной ответственности [5]. В феврале текущего года оперативники ЦПЭ МВД России задержали жителя Кызыла, освободившегося из мест заключения, у которого на предплечье и кисти руки имелись татуировки «А.У.Е.», за что городским судом, за публичную демонстрацию символики экстремистской организации, был признан виновным и привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ и оштрафован. В Костромской области, сотрудниками МВД России в соцсетях ранее судимого 17 летнего подростка выявлены страницы, пропагандирующие криминальные отношения в обществе, за что он помещен в социально-реабилитационный центр и, комиссией по делам несовершеннолетних, привлечен к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ.

В настоящее этому направлению по противодействию деструктивной деятельности правоохранительными органами, в т.ч. подразделениями ФСИН России уделяется особое внимание. Так в 2021 году при взаимодействии с УФСБ и ЦПЭ ГУ МВД России по Волгоградской области, учреждениями региона за публичную пропаганду идеологии международной экстремистской организации «А.У.Е.», подготовлены и направлены 7 материалов в отношении осужденных

по ст. 20.3 КоАП РФ, из которых 5 направлено в Волгоградскую прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях и 2 направлены в отделы полиции по территориальности. В том числе к административной ответственности в виде штрафа (1000 руб.) за совершение правонарушения предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ привлечены осужденные, находящиеся в камерах ПКТ, за осуществление выкриков, тематически относящихся к идеологии экстремистской организации «А.У.Е.» и написание т. н. «прогона», текст которого начинался со слов «А.У.Е. жизнь вора», и который был изъят сотрудниками учреждения.

Так следственным подразделением одного из ГСУ СК России по Московской области возбуждено уголовное дело по ст. 163 УК РФ. Основанием для привлечения по данному уголовному делу к ответственности осужденного «Б», отбывающего наказание в одном из СИЗО и являющегося активным участником запрещенного международного экстремистского движения «А.У.Е.», имеющего криминальный статус «положенца» в уголовной среде, явилось совершение им преступного умысла, направленного на незаконное завладение чужим имуществом путем вымогательства с угрозой применения насилия, а также на поддержание идеологии «А.У.Е.».

Работа правоохранительных органов по пресечению экстремистской деятельности продолжается. Несмотря на то, что уголовный кодекс Российской Федерации вполне структурирован и юридически обоснован, вопрос квалификации преступлений, наказание за которые закреплены в уголовном законодательстве Российской Федерации, становится весьма деликатен. В связи с принятием решения Верховного суда о признании движения «А.У.Е.» экстремистским, вопрос квалификации, оформления и привлечения к уголовной и административной ответственности за совершаемые сторонниками данного движения преступления и правонарушения, остается проблематичным. Зачастую возникают проблемные вопросы и при документировании противоправной деятельности и привлечении к уголовной и административной ответственности лиц, активных участников «А.У.Е.» за осуществление публичных призывов к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти, либо вражды и унижение человеческого достоинства, организацию деятельности экстремистского сообщества и его финансирования. Это связано не только с отсутствием опыта сотрудников подразделений силовых структур, но и отсутствием четкой правовой регламентации и незначительным объемом, имеющейся на сегодняшний день, судебной практики в данном направлении в отдельных регионах субъектов Российской Федерации. Одним из решений этих проблем, на наш взгляд, является практика проведения совместных совещаний

органов внутренних дел, органов исполнения наказания, прокуратуры, следственных и судебных органов, на которых детально должны обсуждаться и рассматриваться вопросы квалификации и проблемы документирования фактов противоправной деятельности, связанной с распространением экстремистской идеологии. В ходе таких совещаний необходимо проработать единый алгоритм привлечения сторонников экстремистского движения «А.У.Е.» к ответственности и выработать пути решения возникающих проблем. К примеру, в разрешении таких проблем явились, состоявшиеся недавно: рабочая встреча сотрудников и руководителей правоохранительных структур в г. Ногинске Московской области; совместное совещание руководителей правоохранительных органов в г. Волгограде (с участием представителей учреждений региональных УФСИН и ФКУ НИИ ФСИН России) и др.

Немаловажным основанием фактов противоправной деятельности отдельных граждан при документировании об их причастности к деятельности экстремистской направленности и принадлежности к молодежному движению «АУЕ», а также к иным организациям, признанными экстремистскими, могли бы активно содействовать в закреплении доказательств при производстве административных и уголовных дел, проводимые по запросу правоохранительных органов экспертные заключения.

Необходимо отметить, что противодействие угрозе экстремизма не является исключительной задачей правоохранительных органов, а требует целого комплекса организационных, правовых, профилактических и воспитательных мероприятий, совершенствования взаимодействия государственных органов и общественных организаций [6]. Только совместно активная позиция и оперативная заинтересованность правоохранительных органов и силовых структур, государственных и общественных организаций по противодействию распространению экстремистской идеологии будет способствовать одной из важнейших приоритетных задач по обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Список источников

1. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности : теоретико-прикладное исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Нижний Новгород, 2015.
2. Гробивкин М. Л. Организация работы в местах лишения свободы в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористического и экстремистского характера // Материалы IX региональных экспертных консультаций представителей подразделений

- органов безопасности, специальных служб и правоохранительных органов государств — участников СНГ по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма // г. Ош, 2019.
3. Шпак С. В. Криминальная субкультура молодежи в условиях современного общества//социально-философский аспект // Историческая и социально-образовательная мысль, 2012.
 4. Административное право Российской Федерации. Практикум / под ред. Алехина А. П. М. : Зерцало, 2020.
 5. Административные преследования и демонстрирование символики А.У.Е. <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persekution/2020>.
 6. Казанцев С. А. Экстремизм, методы информационного противодействия, распространения экстремизма, выявление лиц, содержащихся в учреждениях УИС, склонных к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности // Сборник материалов Петербургские пенитенциарные конференции. 2021. Т. 2.
1. Grobivkin M. L. Organization of work in places of deprivation of liberty in relation to persons convicted of committing crimes of a terrorist and extremist nature // Materials of the IX regional expert consultations of representatives of security agencies, special services and law enforcement agencies of the CIS member states on combating terrorism and other violent manifestations of extremism // Osh, 2019.
 2. Shpak S. V. Criminal subculture of youth in the conditions of modern society//socio-philosophical aspect // Historical and Socio-educational Thought, 2012.
 3. Administrative Law of the Russian Federation. Practicum / ed. Alyokhina A. P. M. : Mirror, 2020.
 4. Administrative persecution and demonstration of symbols of A.U.E. <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persekution/2020>.
 5. Kazantsev S. A. Extremism, methods of information counteraction, spread of extremism, identification of persons held in penal institutions prone to commit crimes of extremist and terrorist orientation // Collection of materials of the St. Petersburg penitentiary conferences. 2021. Vol. 2.

References

1. Petryanin A.V. Conceptual foundations of countering extremist crimes : theoretical and

Информация об авторе

Н. В. Румянцев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Rumyantsev — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 21.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Научная статья

УДК 349

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-201-205>

НИОН: 2003-0059-2/22-247

MOSURED: 77/27-003-2022-02-446

Незаконное получение кредита как разновидность кредитного мошенничества

Майя Михайловна Савченко

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия,
maya.savchenko@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы соотношения мошенничества и незаконного получения кредита, юридического анализа состава преступления, предусмотренного ст.176 УК РФ «Незаконное получение кредита» и ст.159 УК РФ «Мошенничества». Непосредственным предметом исследования в рамках данной статьи явилась уголовно-правовая характеристика указанных видов преступления. Проведен сравнительный анализ составов данных преступлений и соотнесены позиции авторов по вопросам характера и степени общественной опасности указанных деяний. В ходе анализа был сформулирован вывод о том, что статья 176 УК РФ в целом является общей по отношению к нормам статьи 159 УК РФ. Освещены дефиниции, входящие составы анализируемых преступлений в качестве конститутивных признаков, а также особенности их разграничения. Проанализирована судебная практика, трактующая вопросы об окончании совершения преступного деяния, а также детально изучены положения Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», раскрывающие подход к моменту окончания преступления. Помимо этого, в ходе исследования ошибок квалификации данной категории преступлений была выделена проблема временного позаймствования, которая красной нитью проходит в определении безвозмездности изъятия и (или) обращения чужого имущества при совершении незаконного получения кредита. В статье отмечено, что доктринальное толкование понятия «безвозмездность» в уголовно-правовой науке неоднозначно. Особое внимание уделено некоторым проблемам совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за указанное деяние.

Ключевые слова: уголовный кодекс, мошенничество в сфере кредитования, мошенничество, кредитование, ограничение кредитного мошенничества от смежных составов, незаконное получение кредита, временное позаймствование, безвозмездность, завладение чужим имуществом, обман

Для цитирования: Савченко М. М. Незаконное получение кредита как разновидность кредитного мошенничества // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 201–205. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-201-205>.

Original article

Illegal obtaining of a loan as a kind of credit fraud

Maya M. Savchenko

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia, Maya.savchenko@gmail.com

Abstract. The current problems of correlating fraud and illegal obtaining of a loan are considered, a legal analysis of the corpus delicti provided for in Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal obtaining of a loan» and Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation «Fraud». A direct subject of research under this article was the criminal legal description of these types of crimes. A comparative analysis of the compositions of these crimes and correlated the authors' positions on the nature and degree of social danger of these acts. In the course of the analysis, it was concluded that article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation as a whole is general in relation to the norms of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation is conducted. The definitions included in the analysed crimes as constitutive signs, as well as the peculiarities of their distinction, are covered. The forensic investigation practice dealing with the end of the criminal act was analyzed, and the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2007 were studied in detail. No. 51 «On

© Савченко М. М., 2022

judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement», revealing the approach to the end of the crime. In addition, during the study of errors in the qualification of this category of crimes, the problem of temporary borrowing was highlighted, which takes place in a red thread in determining the gratuitous seizure and/or circulation of someone else's property when making an illegal loan. The article notes that the doctrinal interpretation of the concept of «gratis» in criminal law science is ambiguous. Particular attention is paid to some problems of improving the criminal law providing for liability for the said act.

Keywords: criminal code, fraud in the field of lending, fraud, lending, restriction of credit fraud from related compositions, illegal obtaining of credit, temporary borrowing, gratuity, seizure of other people's property, deception

For citation: Savchenko M. M. Illegal obtaining of a loan as a kind of credit fraud. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):201–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-201-205>.

В доктрине уголовного права существуют несколько научных позиций, касательно соотнесения мошенничества (статья 159 УК РФ) и незаконного получения кредита (статья 176 УК РФ), выступающих в качестве одного из частных случаев совершения кредитного мошенничества.

Одними из представителей данного научного подхода являются Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов, которые считают, что состав преступления в виде незаконного получения кредита не выступает специальной нормой по отношению к мошенничеству, а является таковой по отношению к статье, предусматривающую уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием [5, с. 99–100]. С. Векленко и С. Гудков, поддерживают данные научные взгляды считают, что «при данном виде конкуренции, подлежит применению норма, которая охватывает более узкую сферу общественных отношений и является специальной (в данном случае статья 176 УК РФ)» [3].

С приведенными авторскими позициями можно согласиться лишь частично, сделав несколько поправок, касающихся случаев получения льготных условий кредитования, то есть получение денежных средств на более выгодных условиях по сравнению с общими условиями его выдачи, с причинением не прямого ущерба [21], а ущерба в виде упущенной выгоды [4, с. 120; 5, с. 101].

В своих научных трудах В. А. Козлов и А. А. Сапожков солидарны с мнениями Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова, которые утверждают, что виновное лицо на момент заключения соглашения о незаконном получении кредита не преследует цель обращения денежных средств в свою пользу, поскольку имеет намерение на *временное пользование* денежными средствами, полученных обманом путем [10, с. 411–412; 18, с. 155–159; 12; 13]. Однако, дискуссии по этому поводу в научных кругах не уменьшаются.

Изучение правоприменительной практики свидетельствует, что момент окончания незаконного получения кредита (льготных условий) наступает после истечения сроков погашения кредиторской задолженности, когда причинен крупный ущерб, исчисляемый с учетом как *утраченного имущества*, так и *неполученных доходов*.

Согласно пункту 5 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» мошенничество признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению [17].

Исходя из анализа содержания указанного пункта следует отметить, что *временное пользование* финансовыми ресурсами, полученных преступным путем, не являются критерием безвозмездности или возмездности обращения денег в пользу виновного лица или иных лиц. Постановление Пленума Верховного суда РФ не содержит указание о необходимости временно или постоянного пользования незаконно полученных денежных средств. Более того, даже временное позаймствование характеризуется противоправными действиями, направленными на временное завладение, удержание и *безвозмездное пользование* чужим имуществом [6, с. 73].

В этом аспекте безвозмездность изъятия и (или) обращения чужого имущества тесно связано с вопросом временного позаймствования. В науке уголовного права высказываются диаметрально противоположные позиции определения понятия и содержания термина «безвозмездность».

Представители первой точки зрения термином «безвозмездность» определяют изъятие чужого имущества без предоставления его собственнику полного эквивалента стоимости похищенного в виде определенной суммы денег, другого равноценного имущества или трудовых затрат [23; 22].

Сторонники второй точки зрения под термином «безвозмездность» рассматривают незаконное приобретение имущества должностным лицом с использованием служебного положения, несмотря на оплату его стоимости¹.

Весьма значительны расхождения ученого сообщества в понимании термина «временное позайм-

¹ Завидов Б. Д., Слюсаренко А. П. Уголовно-правовой анализ мошенничества, присвоения или растраты и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (комментарий статей главы 21 Уголовного кодекса РФ) // Адвокат. 2002. № 6; Бюллетень ВС РФСР. 1987. № 4. С. 11.

ствование», подтверждающие, однако, специальность норм о кредитном мошенничестве по отношению исключительно к статье 159 УК РФ. Следует привести ряд авторских позиций касательно этого вопроса. Так, В. М. Семенов считает, что временное позаймствование — это самовольное завладение недвижимостью с намерением лишь фактического пользования ею, не носящее характера хищения [19]. А. А. Бакрадзе под этим термином понимает использование имущества в личных целях без обращения в свою собственность [1]. П. С. Яни в своей научной деятельности видит эту ситуацию следующим образом, характеризуя обращение вещи в неправомерное владение не навсегда, а лишь на некоторое время [24, с. 14].

Вполне справедливо заслуживает более пристального внимания авторская позиция, высказанная В. В. Гладилиным, опирающаяся на анализ материалов судебно-следственной практики, статистических и эмпирических данных, на основе которых им сформулировано определение термину «временное позаймствование» как *временное пользование чужим имуществом безвозмездно*, при отсутствии договорных отношений, без целей присвоения этого имущества и причинения ему вреда [6, с. 73].

Целесообразно привести общую точку зрения А. В. Данилова и В. В. Гладилина, выступивших с предложением о необходимости внесения в уголовный закон нормы, предусматривающей ответственность за временное позаймствование, сформулировав законодательную конструкцию объективной стороны как *формальный состав*, считающегося оконченным с момента фактического лишения потерпевшей стороны возможности владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, и наличие специальной цели, направленной на временное установление фактического контроля над чужим имуществом [7, с. 11; 6, с. 82]. Это, в свою очередь, является дополнительным аргументом обоснованного отнесения преступлений, предусмотренных ст.ст. 173, 176, 196 и 197 УК РФ к различным формам кредитного мошенничества. При этом, в зависимости от построения законодательной конструкции, ни одно из указанных преступлений не относится к формальным составам и не содержит специальной цели в виде временного позаймствования.

Именно поэтому нельзя согласиться с учеными-криминалистами, отграничивающими уголовно-правовые признаки мошенничества от признаков кредитного мошенничества [20, с. 423–430; 11, с. 358–364]. Так, Е. А. Бондарь, рассмотрев квалификацию мошенничества, приводит отличия состава мошенничества от состава незаконного получения кредита.

В контексте рассматриваемых уголовно-правовых норм можно привести их различия по определенным критериям, а именно: по предмету, по объективной стороне, по последствиям, субъекту и цели совершения преступления. Одним из ключевых разграничительных сторон является предмет состава преступле-

ния, где выступает движимое имущество и денежные средства (статья 176 УК РФ) и имущество, а также связанные с ним права (статья 159 УК РФ).

Помимо предмета преступления, существенное отличие заключается в конструкции объективной стороны анализируемых норм. В частности, статья 159 УК РФ выражена в незаконности, безвозмездности, изъятии и корыстной цели, в то время как статья 176 УК РФ исключает признак изъятия. По наступлению последствий статья 176 УК РФ предусматривает ущерб в виде упущенной выгоды, тогда как статья 159 УК РФ предусматривает только прямой ущерб.

Кроме того, отличия необходимо провести в субъекте преступления: для мошенничества он является общим, а при незаконном получении кредита — специальным [8]. Разграничение в целеполагании рассматриваемых правовых норм также имеет место быть: целью совершения преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ является безвозмездное завладение материальными ценностями, при этом, такая цель в статье 176 УК РФ отсутствует.

Вместе с тем отличия по предмету, объективной стороне, последствиям и цели нельзя признать достаточно обоснованными по вышеуказанным причинам, а статус субъекта преступления, предусмотренного статьей 176 УК РФ, являющимся специальным, оказывает прямое и существенное влияние на повышение общественной опасности рассматриваемой разновидности кредитного мошенничества.

На проблемы разграничения указанных составов обращено внимание профессора Р. Б. Осокина [14; 15; 16], указывающего о необходимости проводить различие по субъективным признакам: при мошенничестве предоставление ложных сведений совершается с прямым умыслом до получения кредитных средств с целью его дальнейшего невозвращения.

С учетом изложенного мы приходим к выводу, что статья 176 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное получение кредита, является специальной нормой по отношению к статье 159 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, и обеспечивает уголовно-правовую охрану более узконаправленного вида общественных отношений в сфере кредитования. Общественные отношения в кредитной сфере развиваются достаточными быстрыми темпами, что требует от государства более пристального внимания на механизм регулирования данной сферы деятельности, в том числе в уголовно-правовом аспекте, направленный на защиту прав и законных интересов государства, организаций и граждан.

Список источников

1. Бакрадзе А. А. Квалифицированный и особо квалифицированный состав присвоения и растраты // Российский следователь. М. : Юрист, 2007, № 13. С. 7–10.

2. Бондарь Е. А. Уголовно-правовая характеристика мошенничества и связанных с ним преступлений в сфере финансовой деятельности // Финансовое право. М.: Юрист, 2005, № 11. С. 21–31.
3. Векленко С., Гудков С. Отграничение незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) от смежных преступлений // Уголовное право. М. : АНО «Юридические программы», 2007, № 3. С. 21–25.
4. Волженкин Б. В. Экономические преступления. С-Пб : Юрид. центр Пресс, 1999. 312 с.
5. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М. : ЮрИнфоР, 1998. 290 с.
6. Гладилин В. В. Временное позаимствование в уголовном праве : вопросы ответственности. М. : Волтерс Клувер, 2006. 144 с.
7. Данилов А. В. Квалификация присвоения и растраты, совершаемых в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Данилов Алексей Витальевич. Нижний Новгород, 2004. 32 с.
8. Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности : административная преюдиция в действии : монография / М.А. Лапина и др.; под ред. д-ра юрид. наук, профессора М. А. Лапина. М., Юстиция, 2016. 222 с.
9. Завидов Б. Д., Слюсаренко А. П. Уголовно-правовой анализ мошенничества, присвоения или растраты и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (комментарий статей главы 21 Уголовного кодекса РФ) // Адвокат. 2002. № 6. С. 8–12.
10. Козлов В. А. Противоправное поведение в сфере экономики : уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2005. 472 с.
11. Костюк М., Сердюк П. Вопросы квалификации мошенничества в сфере банковского кредитования // Уголовное право. М. : Юрид. программы, 2007. 78 с.
12. Осокин Р. Б. К вопросу о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 121–128.
13. Осокин Р. Б. Некоторые проблемы отграничения мошенничества от смежных с ним составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях : информ. бюл. кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Тамбов. филиала Юрид. Института МВД России. 2001. № 4. С. 24–27.
14. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Моск. ун-т МВД РФ. Москва, 2004. 24 с.
15. Осокин Р. Б. Уголовно-правовой анализ субъективных признаков мошенничества // Науч. Труды Российской академии юридических наук. 2003. № 3. Т. 2. С. 574–581.
16. Осокин Р. Б. Классификация преступлений против собственности — залог успешной квалификации мошенничества // Науч. труды Российской академии юридических наук. 2005. № 5. Т. 3. С. 155–160.
17. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. — 2017. — 11 декабря. — № 280.
18. Сапожков А. А. Кредитные преступления : незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб : Юрид. центр Пресс, 2002. 240 с.
19. Семенов В. М. О понятии предмета хищения // Российский следователь. М. : Юрист, 2005, № 9. С. 34–37.
20. Скорилкина Н., Дадонов С., Анненков А. Разграничение лжепредпринимательства и мошенничества // Законность. 2000. № 10.
21. Трунцевский Ю. В. Интеллектуальное пиратство : гражданско-правовые и уголовно-правовые меры противодействия. М. : ИГ Юрист, 2002. 283 с.
22. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М. : Инфра-М, 2003. 623 с.
23. Уголовное право. Общая и особенная части / Под ред. Н. Г. Кадникова. М. : ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006. 955 с.
24. Яни П. С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты; объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4 (882).

References

1. Bakradze A. A. Qualified and specially qualified composition of embezzlement and embezzlement // Russian investigator. M.: Lawyer, 2007, № 13. P. 7–10.
2. Bondar E. A. Criminal and legal characteristics of fraud and related crimes in the field of financial activity // Financial law. M.: Lawyer, 2005, № 11. P. 21–31.
3. Veklenko S., Gudkov S. Delineation of illegal obtaining of credit (Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation) from related

- crimes // Criminal law. M. : ANO «Legal programs», 2007, № 3. P. 21–25.
4. Volzhenkin B. V. Economic crimes. SPb : Legal Center Press, 1999. 312 p.
 5. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Crimes in the sphere of economic activity. Moscow : Yurinform, 1996. 290 p.
 6. Gladilin V. V. Temporary borrowing in criminal law : questions of responsibility. M. : Volters Kluver, 2006. 144 p.
 7. Danilov A. V. Qualification of appropriation and embezzlement committed in the sphere of economic activity : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences : Danilov Alexey Vitalievich. Nizhny Novgorod, 2004. 32 p.
 8. Decriminalization of crimes in the sphere of economic activity : administrative prejudice in action: monograph / M. A. Lapina et al.; edited by Dr. Yurid. Sciences, Professor M. A. Lapin. M., Justice, 2016. 222 p.
 9. Zavidov B. D., Slyusarenko A. P. Criminal-legal analysis of fraud, embezzlement or embezzlement and causing property damage by deception or abuse of trust (commentary of articles of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Advocate. 2002. № 6. P. 8–12.
 10. Kozlov V. A. Illegal behavior in the sphere of economics : criminal law, criminological and criminalistic aspects. M. : Yurlitinform, 2005. 472 p.
 11. Kostyuk M., Serdyuk P. Questions of fraud qualification in the field of bank lending // Criminal law. M. : Yurid. programs, 2007. 78 p.
 12. Osokin R. B. The issue of signs of crimes in the sphere of economic activity, committed by fraud and (or) abuse of trust // Law and Society. 2016. № 2 (56). P. 121–128.
 13. Osokin R. B. Some problems distinguishing fraud from related offences and civil torts // Some aspects of law enforcement in modern conditions: inform. byul. of the Department of state-legal and civil-legal disciplines of Tambov. branch of Yurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2001. № 4. P. 24–27.
 14. Osokin R. B. Criminal and legal characteristics of the methods of committing fraud : abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences : 12.00.08 / Moscow. un-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2004. 24 p.
 15. Osokin R. B. Criminal-legal analysis of subjective signs of fraud // Nauch. Proceedings of the Russian Academy of Legal Sciences. 2003. № 3. Vol. 2. P. 574–581.
 16. Osokin R. B. Classification of crimes against property — the key to successful qualification of fraud // Scientific Proceedings of the Russian Academy of Legal Sciences. 2005. № 5. Vol. 3. P. 155–160.
 17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 48 dated November 30, 2017 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Rossiyskaya Gazeta. — 2017. — December 11. — № 280.
 18. Sapozhkov A. A. Credit crimes: illegal receipt of credit and malicious evasion from repayment of accounts payable. SPb : Legal Center Press, 2002. 240 p.
 19. Semenov V. M. On the concept of the object of theft // Russian investigator. M. : Lawyer, 2005, № 9. P. 34–37.
 20. Skorilkina N., Dadonov S., Annenkov A. Differentiation of pseudo-entrepreneurship and fraud // Legality. M., 2000, № 10.
 21. Truntsevsky Yu. V. Intellectual piracy : civil and criminal legal measures of counteraction. Moscow : IG Lawyer, 2002. 283 p.
 22. Criminal law of the Russian Federation. Special part / Edited by L. V. Inogamova-Hegai, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva. M. : Infra-M, 2003. 623 p.
 23. Criminal law. General and special parts / Edited by N. G. Kadnikov. M. : JSC «Publishing House «Gorodets», 2006. 955 p.
 24. Yani P. S. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on the qualification of fraud, embezzlement and embezzlement; the objective side of the crime // Legality. 2008. № 4 (882).

Информация об авторе

М. М. Савченко — доцент кафедры «Экономическая безопасность» Калининградского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

Information about the author

M. M. Savchenko — Associate Professor of the Department of «Economic Security» of the Kaliningrad State Technical University, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-206-210>

НИОН: 2003-0059-2/22-248

MOSURED: 77/27-003-2022-02-447

Современный кибертерроризм как угроза национальной безопасности

Юлия Николаевна Сосновская¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ lisenok1214@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с понятием, содержанием и признаками кибертерроризма, а также проанализирована административно-правовая основа борьбы с кибертерроризмом.

Отмечается, что политика современных развитых государств строится на основе сохранения суверенитета. Кибертерроризм, имея цели оказания воздействия на власть, представляет серьезную угрозу для независимости государства и верховенства государственной власти. Таким образом, кибертерроризм наносит вред как публичным, так и частным интересам. В связи с этим, приоритетной задачей каждого государства является создание эффективного механизма противодействия киберугрозам. В связи с тем, что кибертерроризм носит межнациональный характер, важным направлением по борьбе с ним является активное международное сотрудничество, объединение сил разных государств для достижения общей цели.

Ключевые слова: кибертерроризм, административно-правовая основа, суверенитет государства, государственная безопасность, независимости государства, верховенства государственной власти, механизм противодействия, международное сотрудничество

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Современный кибертерроризм как угроза национальной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 206–210. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-206-210>.

Original article

Modern cyberterrorism as a threat to national security

Julia N. Sosnovskaya¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ lisenok1214@yandex.ru

Abstract. The issues related to the concept, content and signs of cyberterrorism are considered, and the administrative and legal basis for combating cyberterrorism is also analyzed.

It is noted that the policy of modern developed states is based on the preservation of sovereignty. Cyberterrorism, having the goal of influencing the authorities, poses a serious threat to the independence of the state and the supremacy of state power. Thus, cyberterrorism harms both public and private interests. In this regard, the priority task of each state is to create an effective mechanism to counter cyber threats. Due to the fact that cyberterrorism is of an interethnic nature, an important direction in the fight against it is active international cooperation, the unification of the forces of different states to achieve a common goal.

Keywords: cyberterrorism, administrative and legal basis, state sovereignty, state security, state independence, supremacy of state power, counteraction mechanism, international cooperation

For citation: Sosnovskaya Ju. N., Markina E. V. Modern cyberterrorism as a threat to national security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):206–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-206-210>.

© Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В., 2022

Кибертерроризм, который становится все более привлекательной формой для террористических организаций, обладает такими свойствами как высокая степень анонимности и отсутствие необходимости расположения рядом с целью [7]. Кибертерроризм обладает огромной угрозой, как для национальной, так и для всеобщей безопасности государства и общества, в связи с тем, что кибератаки совершаются на наиболее значимые для государства и мирового сообщества объекты. Кибертерроризм может осуществляться в виде противозаконного доступа к данным, воздействия на системы данных, путем их блокирования, повреждения и уничтожения. Будучи одним из видов терроризма, кибертерроризм всегда преследует цели, связанные с оказанием давления на органы власти, международные организации, запугиванием населения, дестабилизацией инфраструктуры, что является существенным отличием от иных преступлений в киберпространстве. Акты компьютерного терроризма грозят возникновением политических и экономических кризисов мирового масштаба, в чем видится необходимость объединения сил государств для борьбы с данным явлением.

В научной литературе выделяют два подхода к пониманию того, что собой представляет кибертерроризм. Первый подход заключается в том, что кибертерроризм направлен на вербовку новых членов террористических организаций и популяризацию террористической деятельности посредством использования информационных технологий, в частности социальных сетей «Телеграмм», «Инстаграмм», «ВКонтакте» и т.д. Несмотря на блокировку подобных сайтов, в сети Интернет до сих пор можно обнаружить страницы таких террористических организаций, как «Талибан», «Хамас», «Хезболла», «Черные тигры» и многих других [8]. Приведенная позиция не отражает всю сущность кибертерроризма и охватывает только его информационную составляющую.

Второй подход заключается в том, что кибертерроризм — это терроризм, имеющий специфическое место совершения — информационное пространство. При этом, объектом в данном случае будет информационная инфраструктура государств и международных организаций, виртуальные системы управления потенциально опасными или социально-значимыми объектами. Такой подход является более правильным, так как на современном этапе преступники используют информационные технологии не только как ресурс для вербовки, коммуникации, передачи информации, но и как непосредственное средство совершения преступления.

Легальная дефиниция термина «кибертерроризм» в российском законодательстве отсутствует.

Согласно проведенному нами анализу, кибертер-

роризм — это преднамеренные политически мотивированные атаки, осуществляемые внесоциальными формированиями, тайными сообществами или даже отдельными людьми, на информационные и компьютерные системы, компьютерные программы и информационные данные в целях нанесения ущерба мирному гражданскому населению.

Преимуществом данного определения является то, что из него можно выделить все основные признаки кибертерроризма. Во-первых, кибертерроризм, будучи одной из форм терроризма, совершается с политическими целями, а именно для дестабилизации деятельности органов государственной власти, оказания на них воздействия, нанесения ущерба мирному гражданскому населению. Во-вторых, данное противоправное деяние может совершаться различными субъектами: как коллективными, так и индивидуальными. В-третьих, местом совершения кибератак является информационное пространство.

В Соглашении ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности кибертерроризм отмечен как основная угроза в сфере международной информационной безопасности. В Приложении к Соглашению дается определение информационного терроризма, согласно которому «информационный терроризм — это противоправные действия посредством или в отношении информационных ресурсов, выполняемая террористическими организациями или лицами, причастными к террористической деятельности» [1]. Указанное положение подтверждает двухаспектный характер кибертерроризма, то есть кибертерроризм может проявляться как в виде пропагандистской активности террористических организаций, так и в непосредственных террористических актах в информационном пространстве.

В связи с отсутствием единого понимания кибертерроризма как на международном, так и на национальном уровне, возникают сложности в разграничении понятий «кибертерроризм», «киберпреступность» и «кибервойна». Кроме того, все перечисленные деяния могут иметь одинаковую объективную сторону, что приводит к еще большей путанице в понятиях. Однако при более подробном изучении становится понятно, что основным критерием разграничения признается цель совершения посягательства. Если при кибертерроризме атакующие пытаются создать атмосферу страха и паники среди мирного населения, при киберпреступлении причиняется вред охраняемым законом интересам конкретного лица или группы лиц, то при кибервойне целью кибератак может быть нарушение целостности государства или уничтожение государственной значимой информации для ослабления воен-

ной силы государства.

Следует отметить, что в настоящее время главной проблемой для эффективного международного сотрудничества против кибертерроризма является отсутствие его нормативного закрепления, как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств, включая Россию. Подобный пробел приводит к смешению понятий, что недопустимо, так как каждое общественно опасное деяние имеет свою специфику, из которой также вытекают особенности противодействия.

Необходимым условием организации эффективной деятельности государственных органов по противодействию кибертерроризму является наличие качественной нормативной правовой базы. Как известно, законодательство должно развиваться динамично и отвечать всем изменениям в жизни общества. Россия столкнулась с проблемой кибертерроризма не так давно, но статистика последних лет показывает, что данная угроза только усиливается. Так, в 2020 году количество кибератак по сравнению с 2019 годом выросло на 51 % [6]. При этом наиболее ключевым объектом для преступников стали медицинские учреждения, а также промышленные предприятия. В связи с этим, перед правоохранительными органами встала задача по разработке системы обеспечения кибербезопасности.

Основой организации системы борьбы с кибертерроризмом в большинстве государств стали стратегии, посвященные безопасности в киберпространстве. В данных документах закрепляются цели и мероприятия по защите информационного пространства от неправомерного вмешательства, при этом информационная безопасность признается важным условием развития общества. Кроме того, национальные стратегии определяют способы развития нормативной базы, а также действия, которые должны принимать государственные органы для реализации целей и задач стратегии.

В Российской Федерации разработан и принят ряд нормативных правовых актов, различных по степени юридической силы, регламентирующих правоотношения в данной сфере. Поскольку кибертерроризм является разновидностью терроризма, то основные принципы борьбы с терроризмом, профилактики терроризма, минимизации последствий терроризма предусмотрены Федеральным законом «О противодействии терроризму» [2]. Федеральный закон «Об информации информационных технологиях и о защите информации» [3] устанавливает основную терминологию, а также основные принципы правового регулирования данной сферы общественных отношений.

Большое значение в сфере нормативного регулирования противодействия кибертерроризму имеют указы Президента РФ, одним из которых является

Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [4]. Данный нормативный правовой акт указывает, что на сегодняшний день одной из основных информационных угроз является использование информационных технологий в террористических целях. Доктрина также предусматривает участие России в формировании системы международной информационной безопасности как одно из направлений деятельности по обеспечению информационной безопасности.

В качестве еще одного источника административно-правового регулирования противодействия кибертерроризму можно определить Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [5], в котором один из разделов посвящен информационной безопасности. В Стратегии отмечено, что вероятность возникновения кибератак на Российскую Федерацию только увеличивается, в том числе и с целью подрыва национального суверенитета и нарушения безопасности граждан. Отдельно указывается на участвовавшие случаи ложных сообщений о готовящихся террористических актах, а также на активную деятельность террористических организаций по вербовке с помощью ресурсов сети Интернет.

Следует отметить, что рассмотренных нами нормативных правовых актов недостаточно для организации национальной системы противодействия кибертерроризму, так как в них можно обнаружить лишь некоторые упоминания вопросов кибертерроризма, конкретика в данных источниках относительно принимаемых мер отсутствует. В таких условиях видится актуальной реализация требования Президента РФ В. В. Путина о разработке отдельной стратегии по борьбе с киберпреступлениями, в которой бы определялись действия по защите национальных интересов в цифровом пространстве на основе прогнозирования ситуации и оценки потенциальных рисков [9]. Данная стратегия увеличила бы эффективность деятельности государственных органов по обеспечению безопасности информационного пространства и послужила бы сильным толчком для совершенствования деятельности подразделений в сфере противодействия киберугрозам.

Кибертерроризм носит трансграничный характер, по этой причине государственные органы отдельных стран не могут действовать в одиночку. В связи с этим появляется острая необходимость в международном сотрудничестве, в том числе в части нормативно-правового регулирования.

Практика заключения межведомственных договоров в настоящее время получила широкое распространение. Примером может служить Соглашение о

сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности, подписанное между правительствами России и Китая.

В 2018 году 119 странами была принята Резолюция Генеральной ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», которая подчеркнула острую необходимость в выработке общего понимания государств безопасности использования информационных технологий, а также в предотвращении использования технологий в преступных и террористических целях [10].

Кроме того, в 2019 году Генеральная ассамблея ООН приняла Резолюцию России, составленную совместно с другими членами Шанхайской организации сотрудничества, в которой предлагается начать разработку новой конвенции против киберпреступлений. Создание новой конвенции и рабочего механизма противодействию угрозам в информационном пространстве в рамках ООН обусловлено существующей потребностью объединения сил и проведения совместных мероприятий на государственном уровне. Новая конвенция должна не заменить, а осовременить Будапештскую конвенцию, в том числе включить новые виды преступлений в информационном пространстве, среди которых есть кибертерроризм.

Таким образом, на сегодняшний день нормативная правовая база противодействия кибертерроризму как на национальном, так и на международном уровне находится только на стадии разработки. От того, насколько качественно будут разработаны новые, современные нормативные правовые акты в данной сфере непосредственно зависит эффективность деятельности государственных органов, включая вопросы международного сотрудничества.

В целях обеспечения национальной безопасности в России, на наш взгляд, необходимо создание государственной системы противодействия угрозам кибертерроризма, которая должна быть основана на межведомственном взаимодействии.

Список источников

1. Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // <https://base.garant.ru/2571379/> (дата обращения: 02.10.2021).
2. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. ст. 1146.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-

ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. ст. 3448 (Часть I).

4. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
6. Актуальные киберугрозы : итоги 2020 года // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020/> (дата обращения: 14.10.2021).
7. Малик Е. Н. Кибертерроризм как мировая угроза : вызовы и методы борьбы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 169–173.
8. Кошечкина Е. А. К вопросу о проблемах противодействия кибертерроризму // ОНВ. ОИС. 2017. № 4. С. 97–101.
9. Путин призвал создать стратегию по борьбе с киберпреступностью // <https://ria.ru/20210224/putin-1598783523.html> (дата обращения: 09.10.2021).
10. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс] // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.2018 (73-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 12.10.2021).

References

1. Agreement between the Governments of the Shanghai Cooperation Organization member States on cooperation in the field of international information security (Yekaterinburg, June 16, 2009) // <https://base.garant.ru/2571379/> (date of access: 02.10.2021).
2. Federal Law № 35-FZ of 06.03.2006 (ed. of 26.05.2021) «On Countering Terrorism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Article 1146.
3. Federal Law № 149-FZ of 27.07.2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» (as amended. dated 02.07.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Article 3448 (Part I).
4. Decree of the President of the Russian Federation

- № 646 dated 05.12.2016 «On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.
5. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.
 6. Current cyber threats : results of 2020 //URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020> / (date of access: 14.10.2021).
 7. Malik E. N. Cyberterrorism as a global threat : challenges and methods of struggle // Bulletin of the Kama Social Institute. 2020. № 1 (85). P. 169–173.
 8. Koshechkina E. A. On the issue of the problems of countering cyberterrorism // ONV. OIS. 2017. № 4. P. 97–101.
 9. Putin called for the creation of a strategy to combat cybercrime // <https://ria.ru/20210224/putin-1598783523.html> (date of access: 09.10.2021).
 10. Achievements in the field of informatization and telecommunications in the context of international security [Electronic resource] // Resolution of the UN General Assembly of 05.12.2018 (73rd session of the UN General Assembly). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (date of access: 12.10.2021).

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Ju. N. Sosnovskaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 343

DOI 10.24412/2073-0454-2022-2-211-217

НИОН: 2003-0059-2/22-249

MOSURED: 77/27-003-2022-02-448

Процесс становления института взаимодействия следователя и прокурора: проблемы современного этапа

Денис Валентинович Теткин¹, Владимир Анатольевич Попов², Александр Анатольевич Никоноров³

^{1,2} Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия

¹ tyotkinden@mail.ru

² Haligali008@mail.ru

³ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, п. Старотеряево, Россия, Nikonorov777@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы определена необходимостью повышения эффективности взаимодействия следователя и прокурора в процессе досудебного расследования уголовных дел, совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части регламентирования этого взаимодействия. Целью работы является проведение анализа правовых отношений следователя с прокурором на различных исторических этапах, выявление пробелов в современном праве, а также разработка предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства в исследуемой области. В работе применялись общенаучный диалектический метод познания общественных явлений, метод историко-правового и нормативно-правового анализа. В процессе работы проанализирован генезис отечественного института взаимодействия следователя и прокурора, рассмотрены проблемные вопросы уголовно-процессуальных норм на современном этапе, изучены научные взгляды на проблематику ученых-правоведов, внесены предложения по совершенствованию УПК РФ. Авторами рассмотрен процесс становления института взаимодействия следователя и прокурора, начиная с периода введения должности прокурора в эпоху Петра I и до сегодняшних дней, обращено внимание на изменения в соотношении прав и полномочий следователя и прокурора на различных исторических этапах, раскрыты особенности их взаимодействия на современном этапе. Авторы с учетом мнения ряда ученых сформулировали собственное отношение к вопросам несовершенства некоторых уголовно-процессуальных норм и предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: взаимодействие прокурора и следователя, предварительное следствие, генезис, совершенствование норм права

Для цитирования: Теткин Д. В., Попов В. А., Никоноров А. А. Процесс становление института взаимодействия следователя и прокурора: проблемы современного этапа // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 211–217. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-211-217>.

Original article

The process of formation of the institute of interaction between the investigator and the prosecutor: problems of the modern stage

Denis V. Tetkin¹, Vladimir A. Popov², Alexander A. Nikonorov³

^{1,2} Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan, Russia

¹ tyotkinden@mail.ru

² Haligali008@mail.ru

³ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev village, Russia, Nikonorov777@mail.ru

© Теткин Д. В., Попов В. А., Никоноров А. А., 2022

Abstract. The relevance of the work is determined by the need to increase the effectiveness of the interaction of the investigator and the prosecutor in the process of pre-trial investigation of criminal cases, improving criminal procedural legislation in terms of regulating this interaction. The purpose of the work is to analyze the legal relations of the investigator with the prosecutor at various historical stages, identify gaps in modern law, as well as develop proposals aimed at improving criminal procedure legislation in the field under study. The general scientific dialectical method of cognition of social phenomena, the method of historical-legal and normative-legal analysis were used in the work. In the course of the work, the genesis of the domestic institute of interaction between the investigator and the prosecutor was analyzed, problematic issues of criminal procedural norms at the present stage were considered, scientific views on the problems of legal scholars were studied, proposals were made to improve the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The authors consider the process of formation of the institution of interaction between the investigator and the prosecutor, starting from the period of the introduction of the prosecutor's post in the era of Peter I and up to the present day, pay attention to changes in the relationship of rights and powers of the investigator and the prosecutor at various historical stages, reveal the features of their interaction at the present stage. The authors, taking into account the opinions of a number of scientists, formulated their own attitude to the issues of imperfection of some criminal procedural norms and proposals for their improvement.

Keywords: interaction of prosecutor and investigator, preliminary investigation, genesis, improvement of legal norms

For citation: Tetkin D. V., Popov V. A., Nikonorov A. A. The process of formation of the institute of interaction between the investigator and the prosecutor: problems of the modern stage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):211–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-211-217>.

Эффективное взаимодействие следователя с органами прокуратуры является значимым фактором повышения результативности предварительного расследования и гарантией обеспечения законности и соблюдения прав личности при производстве по уголовному делу. Однако, как показывает статистика, ежегодно значительное число преступлений остается нераскрытыми. Так в 2020 году осталось нераскрытыми 963,8 тысяч преступлений, что на 5,3 % больше чем за предыдущий год¹. Увеличение числа нераскрытых преступлений позволяет констатировать наличие проблем в процессе расследования и актуализирует поиск путей оптимизации деятельности правоохранительных органов, в том числе и в сфере взаимодействия органов следствия и прокуратуры.

В отечественной науке имеется обширная область работ монографического и диссертационного плана, а также целый ряд научных публикаций, посвященных изучению различных тематических вопросов и аспектов правовых отношений следователя с прокурором. В то же время, остается нерешенным целый ряд вопросов их взаимоотношений в рамках уголовного процесса, имеются отдельные элементы несогласованности взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора. До сих пор в научном сообществе дискутируется проблематика приоритетности роли следователя или прокурора в процессе расследования. Множество иных вопросов, а также периодическое изменение действующего уголовно-процессу-

ального законодательства, требует соответствующего научного обсуждения.

Отечественный институт взаимодействия следователя и прокурора складывался постепенно и имел различные характеристики на разных исторических этапах страны. Первые элементы следственной деятельности имели место в человеческом обществе с момента образования его государственности. В Древнерусском государстве поимка, задержание преступника изначально возлагалась на самих потерпевших. Постепенно правовые нормы расширялись, усложнялись и на протяжении отечественной истории формировался институт следствия, осуществляемого определенными уполномоченными лицами, в том числе, приставами, старостами, полицмейстерами, судебными следователями и, наконец, следователями.

Должность прокурора, в отличие от следователя, была учреждена в России намного позже. Начало истории становления отечественной прокуратуры отечественные исследователи связывают с периодом правления Петра I [15, с. 12; 19, с. 425 и др.]. Первые попытки использовать ранее созданные государственные органы в надзирательных целях были предприняты Петром I ещё в 1699 году, но, по утверждению В. С. Павлова и К. Д. Пономаренко, «эффективность их деятельности была невысокой» [11, с. 186], что и послужило основой для формирования понимания необходимости создания абсолютно нового органа, способного осуществлять действенный надзор в государстве.

Петр I законодательно закрепил надзор, для этого был образован новый орган, получивший по подобию западных стран название «прокуратура». Первым нор-

¹ Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 25.02.2021).

мативным актом о прокуратуре являлся Указ Петра I от 12 января 1722 года. Шесть дней спустя были учреждены должности прокуроров в надворных судах, а 29 декабря 1729 года были ликвидированы фискальные органы, работавшие с 22 декабря 1711 года и по многим признакам напоминавшие прокуратуру [10, с. 47].

Таким образом, только с 1722 года можно говорить о возможности взаимодействия между следователями и прокурорами, так как именно в указанном году произошло формирование прокуратуры как самостоятельного государственного органа.

Император, посредством надзора как основной функции прокуратуры, следил за деятельностью буквально всех учреждений, которые входили в систему государственного аппарата, как в центре, так и на местах. Правовые средства за «всякие» нарушения сводились к применению протеста, напоминанию о необходимости выполнять должностными лицами законы и свои служебные обязанности.

Важной вехой в истории развития отечественной прокуратуры стали принятые Государственным советом 29 сентября 1862 года «Основные положения о прокуратуре». В них четко было определено главное предназначение прокуратуры — наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи.

Период с 1722 года по 1917 год современными исследователями, в том числе Б. И. Емчоновым [5, с. 712], характеризуется как этап «царской прокуратуры России», либо «прокуратуры Российской империи» [1, с. 111]. В этот период развития отечественного института расследования уголовных дел прокуроры не производили никаких следственных действий, но обладали правом давать предложения следователям об их производстве и осуществляли контроль за производством, как следственных действий, так и за всем ходом расследования.

Изменения в государстве, произошедшие в результате революционных событий, привели к тому, что началась поспешная и не всегда продуманная реорганизация государственных органов, в том числе и органов, относящихся к правовой системе. Так, декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., вместе с адвокатурой, судами и институтом судебных следователей была упразднена прокуратура. Но, если иные органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, трансформированы, то прокуратура была упразднена.

Надзор, уголовное преследование и некоторые другие функции, которые выполняла прокуратура, стали осуществлять новые, до сих пор не известные органы. Так, например, надзор за соблюдением законов осуществлял, в частности, ВЦИК, который на основании ст. 32 Конституции РСФСР 1918 г. следил за точным применением декретов на территории всей страны. В компетенцию народного комиссариата юстиции вхо-

дило наблюдение за деятельностью органов следствия и за местами лишения свободы.

Итоги реорганизации государственных органов и учреждений России после Октябрьской революции (1917 г.) и в период гражданской войны (1918–1920 гг.) показали, что некоторые органы не должны и не могут компетентно выполнять те или иные функции, в том числе и надзорные. В связи с этим В. И. Ленин направил в Политбюро письмо, вошедшее в историю под названием «О «двойном» подчинении и законности». В нем говорилось, что «законность не может быть калужской или казанской, а должна быть единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик». Данная дефиниция коснулась, в том числе и надзорных органов. В. И. Ленин лично поручил Д. И. Курскому подготовить положение о надзоре с учетом возложения данной функции на один орган. В итоге в составе Народного Комиссариата юстиции была учреждена Государственная прокуратура. После длительных споров 28 мая 1922 года ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре». Прокуратура представляла собой отдел, входящий в структуру Народного Комиссариата юстиции. 17 декабря 1933 года постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено Положение о Прокуратуре Союза ССР. Согласно Положению 1922 г. прокуратура, кроме других функций, осуществляла непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов [2, с. 81].

Принятие в 1933 году Положения о прокуратуре СССР, привело к значительным изменениям в части разграничения функций следствия и прокуратуры. Если ранее основная функция прокуратуры (относительно предварительного расследования) заключалась в наблюдении, контроле, надзоре за следователями, то с 1933 года прокуратура стала заниматься, помимо контроля и надзора, непосредственной следственной работой. В структуру прокуратуры вводились должности следователей по важнейшим делам.

В отдельные этапы советского периода развития государства роль прокуратуры в расследовании то уменьшалась, то увеличивалась. Значительные изменения во взаимоотношениях следователей и прокуроров произошли в результате принятия в 1960 году нового УПК РСФСР [16]. За следователем закреплялась функция возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления, осуществления следствия в полном объеме. Следователь наделялся самостоятельностью, но исходя из содержания ст. 127 УПК РСФСР 1960 года, следует достаточная «зависимость» от прокурора: при несогласии с прокурором по ряду вопросов, в том числе о привлечении лица в качестве обвиняемого, следователь мог обратиться к с материалами дела к вышестоящему прокурору с обоснованием своих возражений. Вышестоящий прокурор либо отменял решение нижестоящего прокурора, т.е. соглашался с

позицией следователя, либо передавал дело другому следователю. Ряд следственных действий следователь вправе был производить только при наличии санкции прокурора (например, наложение ареста на корреспонденцию, выемку документов, содержащих государственную тайну и др.).

Учитывая указанные положения УПК РСФСР 1960 г., считаем возможным в полной мере согласиться с мнением Л. А. Садыковой, утверждающей, что «следователи по УПК РСФСР 1960 года находились под достаточно плотным, хотя и не тотальным контролем прокуроров» [14, с. 36]. Такое мнение подтверждается и положениями ст. 211 УПК РСФСР 1960 года, позволяющей прокурорам давать указания, требовать, возвращать, отменять, отстранять следователей. Все используемые глаголы в ч. 2 ст. 211 УПК РСФСР по отношению к следователям носят принудительный, обязательный характер, что указывает на элементы руководства прокуроров по отношению к следователям. Кроме того, ст. 212 УПК РСФСР 1960 г. закрепляла обязательность указаний прокурора для следователей. Надзор за органами предварительного расследования и руководство следствием практически были идентичными понятиями в период действия УПК РСФСР 1960 года. Аналогичная ситуация складывалась в первые годы действия нового УПК РФ.

По мнению Д. В. Потапова, в первоначальной редакции УПК РФ 2001 года практически была сохранена прежняя система взаимодействия следователя и прокурора в рамках следственной модели досудебного производства по процессуальным руководством прокурора [12, с. 20]. Несмотря на гарантии самостоятельности следователя, закрепленные в ст. 38 УПК РФ, оставалась достаточно обширная процессуальная зависимость от прокурора, чьи права и полномочия были закреплены в ст. 37 УПК РФ, а общий статус закреплён в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [17].

Кардинальное обновление основ взаимодействия следователей и прокуроров произошло в 2007 году в результате принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [18]. Существенным изменениям подверглись нормы, регламентирующие полномочия прокурора, следователя, руководителя следственного органа. Именно руководитель следственного органа усилил свои руководящие позиции по отношению к следователю [9, с. 263].

Современный правовой статус прокурора, его полномочия на стадии досудебного производства оцениваются современными исследователями по-разному. По мнению Д. В. Потапова, существующий перечень полномочий прокурора приводит к «достаточно сложной конфигурации между следователем, руководителем следственного органа и прокурором», что требует значительного изменения [12, с. 39]. Другие авторы, в

целом, положительно оценивая современное положение прокурора по отношению к органам следствия, обращают внимание на ряд проблемных моментов. Так, А. А. Гречко и А. А. Шевцов, справедливо отмечают, что требуют своего разрешения проблема значительного ограничения процессуальных возможностей прокуроров, а также проблема наличия в нормах, регулирующих статус прокурора, множества обтекаемых формулировок, вместо императивных¹.

С нашей точки зрения, совокупность полномочий прокурора на стадии досудебного производства, в том числе по отношению к следователю и к руководителю следственного органа, представляется достаточно оптимальным (по сравнению с тем, которое имело место до 2007 года), так как:

- позволяет в полной мере осуществлять надзор за соблюдением закона органами предварительного следствия и за соблюдением ими прав человека и гражданина;
- создаёт все предпосылки для объективного, обоснованного поддержания впоследствии в суде обвинения;
- исключает ситуацию сочетания у одного государственного органа функции исполнения и надзора. Ранее, когда в органах прокуратуры были свои следственные отделы, свои следователи, в полном объеме производящие предварительное расследование, приводило к тому, что прокуратура осуществляла надзор сама за собой. Сочетание функции расследования и надзора, по мнению Н. В. Бабич, даёт возможность для «принятия необоснованных решений и ведёт к росту должностной преступности»². Такое положение дел и было исправлено в результате реформирования уголовно-процессуального законодательства в 2007 году.

Несмотря на общую положительную динамику в регулировании правового статуса прокурора в уголовном процессе и его функций в досудебном производстве, следует признать наличие ряда недостатков в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

По ныне действующему уголовно-процессуальному законодательству прокурор действительно значительно ограничен в возможностях своего участия в процессе расследования и его основное предназначение на досудебной стадии уголовного процесса стало

¹ Гречко А. А., Шевцов А. А. К вопросу о проблемах, возникающих в процессе взаимодействия прокурора и руководителя следственного органа // Инновации, наука, образование. 2020. № 15. С. 718.

² Бабич Н. В. Разграничение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 769.

заключаться в надзоре за законностью действия следователя и разрешении вопроса о направлении расследованного уголовного дела в суд, что предполагает необходимость анализа прокурором обоснованности обвинения. Прокурор лишился ряда существенных полномочий, в том числе, прокурор не вправе приостанавливать либо возобновлять производство по уголовному делу, он не имеет полномочий на продление сроков проведения предварительной проверки сообщений о преступлениях.

Однако, поскольку прокурор поддерживает обвинение на этапе судебного производства, то на этапе предварительного следствия, когда это обвинение формируется, его процессуальные полномочия должны позволять ему влиять на сбор доказательств, их проверку и оценку, квалификацию вменяемого деяния и результаты расследования в целом. Одна из проблем состоит в отсутствии у прокурора возможности давать указания следователю в производстве следственных действий, если прокурором выявлено нарушение закона в расследуемом уголовном деле. Так, например, установив нарушение закона, прокурор мог бы в отдельных ситуациях обоснованно предполагать необходимость производства того или иного следственного действия, что позволило бы не только устранить нарушение закона, но и обеспечило бы соблюдение прав человека — участника процесса.

Абсолютно согласны со мнением О. С. Капинус, утверждающей, что, поскольку российский уголовный процесс является процессом смешанного типа, при котором предварительное обвинение формируется в ходе предварительного расследования, необходимость сохранения активной роли прокурора при осуществлении уголовного преследования очевидна. Процессуальные полномочия прокурора должны позволять ему влиять на сбор, проверку, и оценку доказательств по уголовным делам, квалификацию содеянного, результаты расследования [7, с. 51].

Кроме того, ныне действующий УПК РФ, с одной стороны, декларирует процессуальную самостоятельность следователя и определяет его персональную ответственность за результаты расследования. С другой стороны, из перечня полномочий, закрепленных в ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следует, что многие возможности следователя ограничиваются необходимостью взаимодействия с руководителем следственного органа.

Совершенно согласны с мнением М. А. Гаджиева, считающего, что в результате изменений, внесенных в УПК РФ, самостоятельность у следователя не увеличилась, просто был заменен контроль прокурора на административный контроль руководителя следственного органа [3, с. 86]. Даже обжаловать решения прокурора следователь не может самостоятельно, несмотря на то, что именно на следователя возложена функция производства предварительного следствия, и

он направляет весь ход расследования. Указанное позволяет считать справедливой точку зрения ряда специалистов, полагающих, что самостоятельность следователя существенно ограничена нормами закона [4].

Исходя из вышеизложенного, нами сформирован ряд предложений по совершенствованию норм права действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих взаимодействие органов следствия с прокуратурой.

Во-первых, в целях устранения коллизии между п. 3 ст. 38 УПК РФ и п. 3 ст. 39 УПК РФ, внести в п. 3 ст. 39 УПК РФ указание о необходимости давать руководителем следственного органа следователю указания в письменной форме, ограничив эти указания случаями выявления нарушений закона в ходе предварительного следствия и в пределах, необходимых для устранения данных нарушений.

Во-вторых, в целях обеспечения возможности осуществления прокурором надзора за законностью принимаемых следователем и руководителем следственного органа всех процессуальных решений, в том числе и в части, связанной с обращением в суд с ходатайством о применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, дополнить ч. 3 ст. 446.2 УПК РФ указанием на необходимость направлять копию постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства по данным основаниям не только указанным в ней лицам, но и прокурору.

В-третьих, в целях обеспечения возможности прокурору давать указания следователю о производстве следственных действий в случае выявления нарушения закона в расследуемом уголовном деле, предлагаем дополнить ч. 2 ст. 37 пунктом 3.1 следующего содержания: «давать следователю письменные указания о производстве процессуальных действий в случае нарушения следователем уголовно-процессуального законодательства».

Список источников

1. Бабкин Л. С., Булатецкий С. В., Суло Е. А. Краткий исторический обзор возникновения должности прокурора в Российской империи // *Успехи современной наук*. 2017. № 1.
2. Букаева Д. В. История становления и развитие советской прокуратуры // *Вектор развития современной науки : сборник трудов конференции*. Нефтекамск, 2018.
3. Гаджиев М. А. Процессуальная самостоятельность следователя // *Проблемы совершенствования законодательства : сборник научных статей*. Махачкала: Алеф, 2020.
4. Гаджирамазанова П. К., Карибова К. Н. Проблемы реализации процессуальной самостоятельности следователя // *Закон и право*. 2021. № 2. С. 99–101.

5. Емченев Б. И. Становление деятельности органов прокуратуры Царской России по защите трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве // Интеграция наук — 2020 : материалы научно-практической конференции. Краснодар : Изд-во Российского энергетического агентства, 2020.
6. Зыкова Г.Ю. Периодизация истории прокуратуры Российской империи // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 7. С. 72.
7. Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. 213. № 2.
8. Кожевников О. А. К вопросу о периодизации истории российской прокуратуры // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 16. С. 56.
9. Константинова Е. Д. Процессуальное положение следователя. Совершенствование следственного аппарата России // Перспективные исследовательские решения: сборник трудов конференции. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2021.
10. Немтин А. Д. Понятие и роль прокуратуры в системе правоохранительных органов : историко-правовой аспект // Колоквиум-журнал. 2019. № 26–11.
11. Павлов В. С., Пономаренко К. Д. История создания прокуратуры в России : 1699–1722 гг. // 21 век : фундаментальная наука и технологии : материалы научно-практической конференции. М. : CreateSpace, 2016.
12. Потапов Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
13. Прысь Е. В. Правоохранительная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации и зарубежных стран : учебное пособие. Рязань, 2018. С. 36.
14. Садькова Л. А. Взаимодействие следователя и прокурора в обеспечении прав и законных интересов личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
15. Сафонова Т. Ю. Конституционно-правовое регулирование деятельности прокуратуры России как государственного органа с особым правовым статусом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
16. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
17. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. от 30 декабря 2020 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
18. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
19. Хальнова А. С. История развития прокуратуры на государственном и региональном уровнях // Научно-образовательный потенциал в решении актуальных проблем XXI века. 2019. № 13.

References

1. Babkin L. S., Bulatetsky S. V., Suslo E. A. A brief historical overview of the emergence of the prosecutor's office in the Russian Empire // Successes of modern science. 2017. № 1.
2. Bukaeva D. V. History of formation and development of the Soviet prosecutor's office // Vector of development of modern science : proceedings of the conference. Neftekamsk, 2018.
3. Gadzhiev M. A. Procedural independence of the investigator // Problems of improving legislation : collection of scientific articles. Makhachkala: Alef, 2020.
4. Gadjiramazanova P. K., Karibova K. N. Problems of the implementation of procedural independence of the investigator // Law and law. 2021. № 2. P. 99–101.
5. Emchenov B. I. The formation of the activities of the Prosecutor's Office of Tsarist Russia to protect the labor rights of citizens in civil proceedings // Integration of Sciences — 2020 : materials of the scientific and practical conference. Krasnodar: Publishing House of the Russian Energy Agency, 2020.
6. Zykova G. Yu. Periodization of the history of the Prosecutor's Office of the Russian Empire // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2016. № 7.
7. Kapinus O. S. To the question of the procedural position of the Prosecutor in criminal proceedings // Attorney. 213. № 2..
8. Kozhevnikov O. A. on the question of periodization of the history of the Russian Prosecutor's office // History of legal problems : a new perspective. 2016. № 16. P. 56.

9. Konstantinova E. D. Procedural position of the investigator. Improving the investigative apparatus of Russia // Promising research solutions: proceedings of the conference. Petrozavodsk : International Center for Scientific Partnership «New Science», 2021.
10. Nemtin A. D. The concept and role of the prosecutor's office in the system of law enforcement agencies : historical and legal aspect // Kolovkvium-journal. 2019. № 26–11.
11. Pavlov V. S., Ponomarenko K. D. History of the Prosecutor's office in Russia : 1699–1722 // 21 century : fundamental science and technology : materials of the scientific-practical conference. M. : CreateSpace, 2016.
12. Potapov D. V. problems of interaction of the investigator, the head of the investigative body and the Prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case : dis. kand. jurid. M., 2019.
13. Prys E. V. Law enforcement activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation and foreign countries : textbook. Ryazan, 2018. P. 36.
14. Sadykova L. A. Interaction of the investigator and the prosecutor in ensuring the rights and legitimate interests of the individual at the pre-trial stages of criminal proceedings : dis. ... cand. jurid. M., 2005.
15. Safonova T. Y. Constitutional and legal regulation of the activities of the Prosecutor's Office of Russia as a state body with a special legal status : abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2011.
16. The Criminal Procedure Code of the RSFSR of October 27, 1960 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.
17. Federal Law of January 17, 1992 № 2202-I «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» (with amendments. dated December 30, 2020) // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 8. Art. 366.
18. Federal law dated June 5, 2007 № 87-FZ «On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation and the Federal law «On the procuracy of the Russian Federation» // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2007. № 24. Art. 2830.
19. Khalnova A. S. History of the development of the Prosecutor's office at the state and regional levels // Scientific and educational potential in solving the urgent problems of the XXI century. 2019. № 13.

Информация об авторах

Д. В. Теткин — доцент кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. А. Попов — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. А. Никоноров — преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и применения информационных технологий Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

D. V. Tetkin — Associate Professor of the Department of Criminal Process of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

Popov V. A. — Senior Lecturer of the Department of Criminal Process of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Nikonorov — Lecturer of the Department of Operational-search Activities and Application of Information Technologies of the Moscow regional branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-218-225>

НИОН: 2003-0059-2/22-250

MOSURED: 77/27-003-2022-02-449

Риск-ориентированная модель государственного контроля (надзора): взгляд дошкольных образовательных организаций (социологический опрос)

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. С начала реформирования системы контрольно-надзорной деятельности и последовательного внедрения риск-ориентированного подхода как базового принципа этого вида управленческой деятельности сфера образования стала одним из объектов активных изменений. Начиная с 2016 года в соответствии с рекомендациями Рособrnadzora региональные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями регулирования вопросов в сфере образования, и органы местного самоуправления начали внедрения риск-ориентированной модели. В 2020–2021 годах принято ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих новые подходы контроля (надзора) в сфере образования и не только. Основной целью реформирования контрольно-надзорной деятельности является снижение административной нагрузки на подконтрольные субъекты. В этой связи, интересно проанализировать, как сами образовательные организации относятся к нововведениям. Исследование проведено на примере дошкольных образовательных организаций.

Ключевые слова: образование, контроль (надзор), дошкольные образовательные организации, риск-ориентированный подход

Для цитирования: Титор С. Е. Риск-ориентированная модель государственного контроля (надзора): взгляд дошкольных образовательных организаций (социологический опрос) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-218-225>.

Original article

Risk-oriented model of state control (supervision): the view of preschool educational organizations (sociological survey)

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. Since the beginning of the reform of the system of control and supervisory activities and the consistent introduction of a risk-based approach as the basic principle of this type of management activity, the field of education has become one of the objects of active changes. Since 2016, in accordance with the recommendations of Rosobrnadzor, regional executive authorities with the authority to regulate issues in the field of education and local governments have begun implementing a risk-based model. In 2020–2021, a number of regulatory legal acts were adopted regulating new approaches to control (supervision) in the field of education and not only. The main goal of reforming control and supervisory activities is to reduce the administrative burden on controlled entities. In this regard, it is interesting to analyze how educational organizations themselves relate to innovations. The study was conducted on the example of preschool educational organizations.

Keywords: education, control (supervision), preschool educational organizations, risk-oriented approach

For citation: Titor S. E. Risk-oriented model of state control (supervision): the view of preschool educational organizations (sociological survey). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):218–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-218-225>.

Вопросы образования, в том числе дошкольного образования, являются вопросами совместного ведения России и ее субъектов, и регламентируются Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об

© Титор С. Е., 2022

образовании в Российской Федерации» [1] (далее — Закон об образовании), решаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования, а также органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов и образовательной организацией.

Происходящие в последние годы процессы в различных сферах деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления, направленные на совершенствование контрольно-надзорной деятельности, не могут не влиять и на изменение отношений к этим процедурам в сфере образования и могут стать хорошим аналогом для разработки и реализации соответствующих моделей с учетом особенностей объектов социальной сферы.

По итогам заседания Государственного совета Российской Федерации 23 декабря 2015 года Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации было поручено принять меры по снижению административной нагрузки на образовательные организации, в том числе, путем сокращения мероприятий по контролю (надзору) в сфере образования (подпункт «в» пункта 2 (абзац 2) перечня поручений Президента Российской Федерации от 2 января 2016 г. № Пр-15ГС) [2].

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации (далее — Рособнадзор) во исполнение указанного поручения Президента Российской Федерации разработала и направила рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок (письмо от 29 августа 2016 г. № 02-343) [3]. Рекомендации включали первые элементы риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) в сфере образования.

На региональном и муниципальном уровне было начато внедрение элементов риск-ориентированного подхода организации государственного и муниципального контроля (надзора).

Как известно, риск-ориентированная модель, прежде всего, должны снизить административную нагрузку на подконтрольные субъекты. Опыт экспериментального внедрения риск-ориентированной модели позволяет провести анализ, как оно влияет на отношение контролируемых лиц к такой практике.

В рамках исследования проведен социологический опрос среди дошкольных образовательных организаций по вопросам их отношения к риск-ориентированной модели контрольно-надзорной деятельности.

В приняло участие 867 дошкольных образовательных организаций (респонденты — руководители образовательных организаций, заместители руководителей по учебно-методической работе) из следующих субъектов Российской Федерации: Республики Башкортостан, Липецкой области, Республики Татарстан, Тульской области, Ивановской области, Смоленской области, Новосибирской области, Брянской области, Московской области, Челябинской области, Чувашской Республики, Свердловской области, Оренбургской области, Курской области.

Результаты опроса показали следующее:

Вопрос «Известно ли вам о риск-ориентированном подходе при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования? (да/нет)».

Ответ «да» дали 562 респондента, что составляет 65 %, ответ «нет», соответственно, 305 (35 %) (рис. 1).

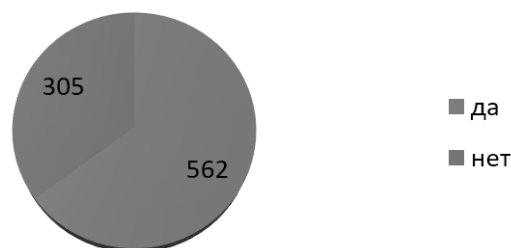

Рис. 1

Вопрос «Применяется ли риск-ориентированный подход при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации? (да/нет)».

Ответ «да» дали 447 респондентов, ответ «нет» — 420, составляет практически 50:50 (рис. 2).

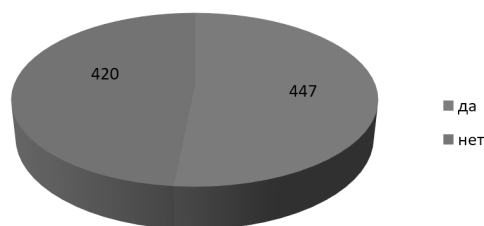

Рис. 2

Вопрос «Применяется ли риск-ориентированный подход при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в отношении вашей образовательной организации? (да/нет)».

Положительно ответили 368 респондента, что составляет 42 %, ответ «нет» — 499 (58 %) (рис. 3).

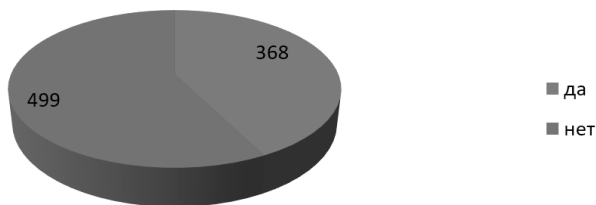

Рис. 3

Вопрос «Продолжительность применения риск-ориентированного подхода при реализации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в отношении вашей образовательной организации (указывается год начала применения риск-ориентированного подхода при реализации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования).

Отсутствие четкого федерального нормативного правового регулирования применения риск-ориентированного подхода при реализации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования обусловило невозможность для дошкольных образовательных организаций точно определить момент начала применения указанной модели контрольно-надзорной деятельности на территории субъекта Российской Федерации.

Варианты ответов дошкольных образовательных организаций варьируются от 10 июля 2013 г. до 31 декабря 2024 г.

Вопрос «Какие категории риска выделяются при реализации риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации?».

Более 45 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Около 10 % дошкольных образовательных организаций от шести до трех категорий риска в соответствии с действующим законодательством (чрезвычайно высокий, высокий, значительный, средний, умеренный, низкий).

Среди ответов назывались такие риски:

- негативные последствия несоблюдение обязательств;
- внешние и внутренние, кадровые риски;
- невозможность уследить введение новых норм законов;
- федеральный государственный надзор в сфере образования; федеральный государственный контроль качества образования; лицензионный контроль в сфере образования; учредительный контроль в сфере образования; федеральный государственный пожарный надзор; федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и

иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор;

- налоговые риски; риски социального страхования; трудовые риски; иные риски;
- наличие жалоб, обращений, обоснованных при рассмотрении в департаменте контроля и надзора в сфере образования, наличие вступившего в силу административного нарушения, неисполнение предписания в течении календарного года;
- внешние: политический, экономический, социально-культурный, научно-технический; внутренние: управленческий, ресурсный, профессиональный, личностный.

Незначительное количество респондентов определили три категории рисков, поделив образовательные организации по следующим категориям:

Первая группа, образовательные организации:

- показывающие стабильно низкие результаты на уровне среднерегионального, по итогам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ;
- в деятельности которых ранее были выявлены нарушения законодательства Российской Федерации в сфере образования, включая грубые нарушения лицензионных требований;
- на деятельность которых неоднократно поступали жалобы и обращения.

Вторая группа, образовательные организации:

- показывающие стабильный уровень образовательных достижений обучающихся на уровне среднерегионального, по итогам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ;
- в деятельности которых не было выявлено грубых нарушений лицензионных требований.

Третья группа, образовательные организации:

- показывающие стабильно высокий уровень образовательных достижений обучающихся на уровне среднерегионального, по итогам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ;
- в деятельности которых не выявлены нарушения законодательства Российской Федерации в сфере образования по результатам ранее проведенных проверок;
- на деятельность которых не поступали обращения и жалобы граждан.

Для определения категории риска респонденты предложили использовать:

- данные, размещенные в региональных информационных системах об уровне образовательных достижений обучающихся (результаты региональных мониторингов качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ);
- данные, размещенные на официальных сайтах образовательных организаций об уровне квалификации педагогических работников, результатов аттестации и наличии курсов повышения квалификации;
- результаты ранее проводившихся проверок, в том числе наличие или отсутствие нарушений, количество составленных протоколов об административных правонарушениях;
- исполнение предписаний, выданных по результатам плановых и внеплановых проверок;
- наличие или отсутствие обращений граждан по вопросам нарушения законодательства Российской Федерации в сфере образования;
- наличие сведений о нарушении законодательства Российской Федерации в сфере образования, поступивших от других органов государственного контроля (надзора), органов прокуратуры;
- наличие положительной динамики образовательных достижений обучающихся, в том числе по результатам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ.

При определении категории риска респонденты рекомендовали производить суммирование значений показателей, которые характерны для конкретного субъекта.

Вопрос «Перечень критериев для отнесения образовательных организаций к категориям риска при реализации риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации».

Более половины респондентов (50 %) не смогли ответить на этот вопрос. Анализ ответов на этот и предыдущий вопрос свидетельствует, что большинство респондентов не владеют в какой-либо части терминологической базой риск-ориентированного подхода при организации контрольно-надзорной деятельности, не могут понять содержание вопроса и дать ответ.

Респонденты называли следующие критерии рисков:

- критерии тяжести потенциально негативных последствий возможного несоблюдения обязательных требований;
- критерий вероятности несоблюдения обязательных требований;

- низкие показатели качества образования;
- уровень квалификации работников;
- мониторинг качества организации деятельности ДОО;
- пожарная безопасность;
- негативные последствия возможного несоблюдения на объекте защиты;
- показатели аварийности и травматизма;
- наличие или отсутствие лицензии на право оказания образовательных услуг;
- наличие или отсутствие внутреннего подразделения, отслеживающего исполнение требований, наличие сертифицированных систем внутреннего контроля;
- наличие или отсутствие административных взысканий по нарушениям в сфере образования;
- своевременность исполнения предписаний органов контроля (надзора);
- наличие или отсутствие обоснованных обращений граждан по вопросам нарушений законодательства в сфере образования;
- наличие или отсутствие положительной динамики образовательных достижений, в т.ч. по результатам региональных мониторингов;
- добросовестность контролируемых лиц, которая оценивается по результатам реализации контролируемым лицом мероприятий по снижению риска причинения вреда и его предотвращению;
- наличие независимой оценки соблюдения обязательных требований.

Некоторые образовательные организации ответили, что определение критерием риска является компетенцией Правительства РФ.

Вопрос «Порядок отнесения образовательных организаций к категориям риска при реализации риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации».

Ответы на этот вопрос выявили ситуацию, схожую с ответами на предыдущий вопрос.

Отдельные респонденты назвали следующий порядок отнесения образовательных организаций к критериям риска:

- сбор, обработка, анализ и учет сведений об объекте контроля;
- определение индикаторов риска нарушений обязательных требований;
- орган государственного контроля (надзора) размещает соответствующую информацию об этих объектах на своем официальном сайте;
- по запросу контролируемого субъекта орган государственного контроля (надзора) в срок, не превышающий 15 рабочих дней с даты по-

ступления такого запроса, направляет им информацию о присвоении их деятельности категории риска.

Вопрос «К какой категории риска относится ваша образовательная организация?».

Ответы дошкольных образовательных организаций демонстрируют, что более 60–70 % респондентов не знают, к какой категории риска относится их образовательная организация и не могут дать ответ на указанный вопрос.

Вопрос «Какие значения критериев послужили основанием для отнесения вашей образовательной организации к соответствующей категории риска?».

Ответы дошкольных образовательных организаций демонстрируют, что более 60–70 % респондентов не знают о существовании критериев для отнесения к категориям риска и не могут дать ответ на указанный вопрос.

Вопрос «Учитывается ли реализация образовательной организацией дополнительных общеразвивающих программ при применении риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации? (да/нет, порядок учета)».

Положительно на данный вопрос ответили 367 респондентов (42 %), ответ «нет» 500 (58 %) (рис. 4).

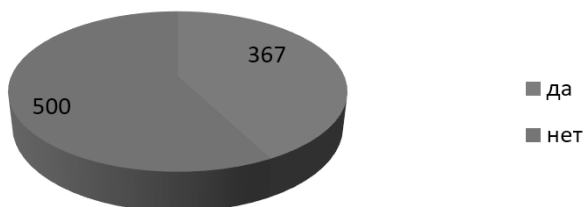

Рис. 4

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций, несмотря на утвердительный ответ, не смогли представить сведения о порядке учета реализации образовательной организацией дополнительных общеразвивающих программ при применении риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования.

В числе показателей учета дошкольные образовательные организации отразили: 1) отсутствие жалоб со стороны заказчиков образовательных услуг; 2) результаты мониторинга реализации дополнительных общеразвивающих программ; 3) материально-техническое оснащение образовательной организации; 4) кадровый потенциал; 5) количество детей.

Вопрос «Какие критерии отнесения к категориям риска являются по вашему мнению избыточными?».

Содержательные ответы на данный вопрос отсутствуют.

Вопрос «Какие критерии отнесения к категориям риска являются по вашему мнению ошибочными?».

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций не смогли ответить на указанный вопрос. Содержательные ответы: 1) уровень воспитанности; 2) опасности физических нагрузок; 3) декларирование выполнения обязательных требований; 4) изменение численности персонала и воспитанников; 5) добросовестность контролируемых лиц; 6) единые требования к зданиям старого и нового типа.

Вопрос «Какие критерии отнесения к категории риска необходимо обязательно включить в перечень критериев?».

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций не смогли ответить на указанный вопрос. Содержательные ответы: 1) уровень заработных плат сотрудников образовательных организаций; 2) отток работников из образовательной организации; 3) востребованность образовательных услуг; 4) уровень квалификации педагогических работников.

Вопрос «Какие критерии отнесения к категории риска могли бы быть включены в перечень критериев?».

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций не смогли ответить на указанный вопрос.

Вопрос «Изменялась ли категория риска в отношении вашей образовательной организации в течение последних 5 лет? Если да, то с какой категории риска на какую и почему?».

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций не смогли ответить на указанный вопрос либо дали отрицательный ответ.

Вопрос «Направляются ли органами власти в вашу образовательную организацию нормативные правовые акты (приказы, положения и т.п.), регулирующие порядок применения риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации (да/нет). В случае отрицательного ответа просим указать источники информации, из которых образовательная организация узнает об изменениях в нормативном регулировании применения риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в субъекте Российской Федерации».

Положительно ответили 497 (57%) респондентов, «нет» сказали 370 (43 %) (рис. 5).

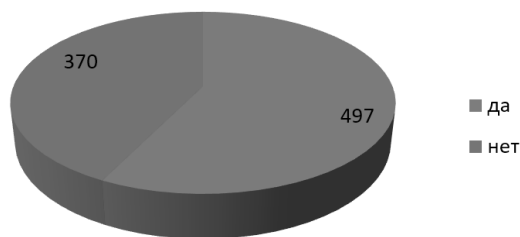

Рис. 5

В числе источников информации дошкольные образовательные организации отмечают: 1) Интернет; 2) справочные правовые системы (Консультант Плюс, Гарант); 3) официальные порталы органов государственной власти субъектов Российской Федерации; 4) средства массовой информации.

Вопрос «Направляются ли органами власти в вашу образовательную организацию ненормативные документы (методические рекомендации, разъяснения, письма и т.п.), определяющие порядок применения риск-ориентированного при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в субъекте Российской Федерации? (да/нет)».

Ответы «да» и «нет» разделились поровну: да — 428, нет — 439 (рис. 6).

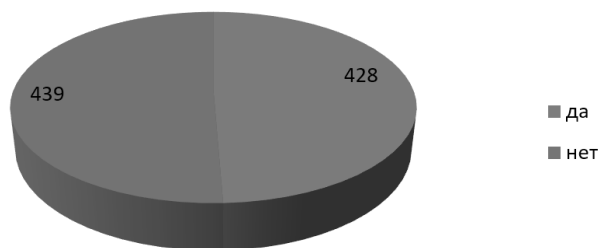

Рис. 6

Вопрос «Имеется ли в вашем субъекте Российской Федерации информационный портал (профильная страница на сайте, электронный ресурс и т.п.), посвященный вопросам применения риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в субъекте Российской Федерации? Если имеется, просим указать электронный адрес».

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций не смогли ответить на указанный вопрос либо дали отрицательный ответ.

Вопрос «Оцените полноту и ясность представляемой органами власти информации, в том числе на информационном портале, по порядку применения риск-ориентированного при организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации (по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 балл — ин-

формация отсутствует, 10 баллов — представлена полная и ясная информация)».

Ответы респондентов сложились следующим образом (рис. 7):

- 1 балл — 235 (28 %);
- 2 балла — 48 (5 %);
- 3 балла — 66 (8 %);
- 4 балла — 46 (5 %);
- 5 баллов — 189 (22 %);
- 6 баллов — 30 (4 %);
- 7 баллов — 54 (5 %);
- 8 баллов — 52 (6 %);
- 9 баллов — 35 (4 %);
- 10 баллов — 113 (13 %).

Большее количество ответивших (68 %) определили крайне низкую и среднюю ясность и информированность внедрения риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности в сфере образования.

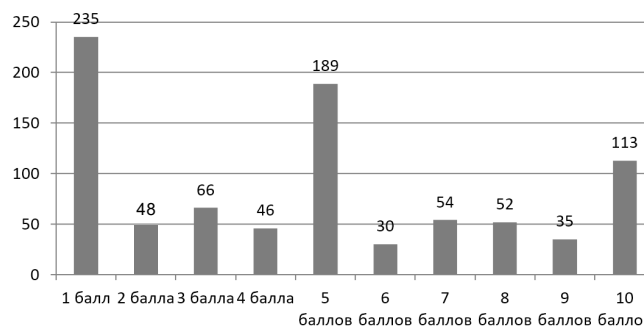

Рис. 7

Вопрос «Участствует ли ваша образовательная организация (иные образовательные организации) в обсуждении вопросов реализации риск-ориентированной модели организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации (да/нет, формы участия в обсуждении, результаты обсуждений)».

Ответы на этот вопрос показали крайне низкую активность образовательных организаций в обсуждении риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности: «да» сказали 156 (18%) респондента, 711 (82 %) (рис. 8).

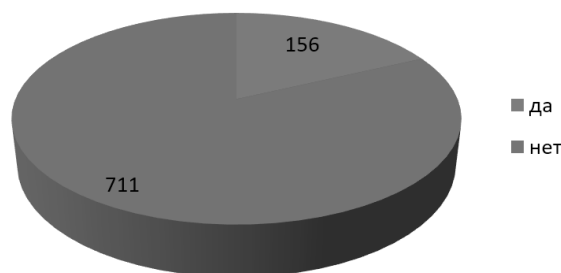

Рис. 8

В числе отмеченных форм участия: 1) мастер-классы; 2) семинары; 3) анкетирование; 4) опросы; 5) конференции; 6) совещания; 7) круглые столы; 8) вебинары.

Вопрос «Какие санкции применялись к вашей образовательной организации (должностным лицам) в период реализации риск-ориентированного подхода организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации?».

Подавляющее большинство дошкольных образовательных организаций не смогли ответить на указанный вопрос либо дали отрицательный ответ. Содержательные ответы: 1) предписания; 2) штрафы; 3) предупреждение.

Вопрос «Изменились ли виды санкций, порядок их применения, частота использования, тяжесть и другие характеристики в сравнении с периодом до внедрения риск-ориентированного подхода организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации? (да/нет, основные изменения)».

Никаких изменений в порядке, частоте, тяжести применения санкций не увидели большинство респондентов: 775 (89 %) (рис. 9).

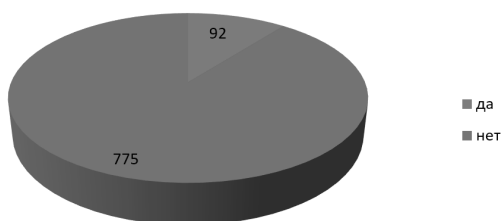

Рис. 9

Вопрос «Применяются ли органами власти поощрительные (стимулирующие) меры к образовательным организациям (должностным лицам), стабильно относящихся к категории низкого риска (переходящих в категорию низкого риска)? (да/нет, перечень поощрительных мер)».

Применение стимулирующих мер к добросовестным субъектам контроля отметили только 143 респондентов (16 %), большинство — 724 (84 %) ответили «нет» (рис. 10).

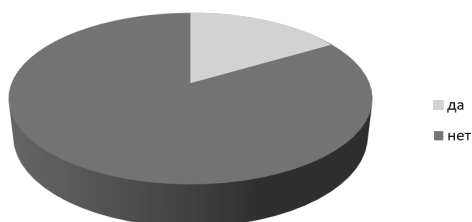

Рис. 10

В числе поощрительных мер: 1) стимулирующие выплаты; 2) благодарственные письма; 3) дипломы; 4)

грамоты; 5) премирование; 6) медали.

Вопрос «Проводятся ли органами власти профилактические мероприятия при осуществлении риск-ориентированного подхода к организации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в вашем субъекте Российской Федерации (да/нет, перечень мероприятий)».

Большинство опрошенных не увидели применение профилактических мероприятий — 536 (62 %), «да» ответили 331 (38 %) (рис. 11).

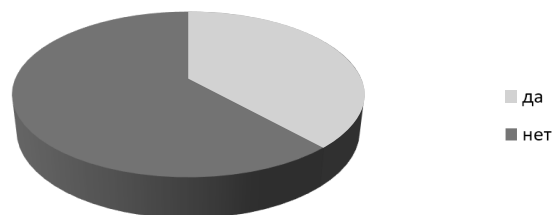

Рис. 11

В числе мероприятий: 1) разъяснительные беседы; 2) консультации; 3) оперативные совещания; 4) предостережения; 5) внутренние проверки; 6) мониторинг; 7) семинары.

Вопрос «Преимущества перехода на риск-ориентированную модель при реализации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в субъекте Российской Федерации для вашей образовательной организации (есть/нет, перечень преимуществ)».

Большинство опрошенных не увидели никаких преимуществ риск-ориентированной модели государственного контроля (надзора) — 618 (71 %), «да» ответили 249 (29 %) (рис. 12).

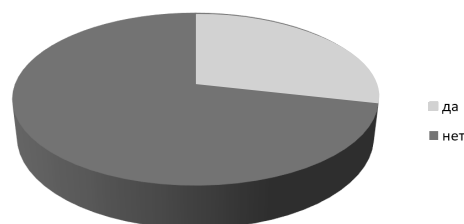

Рис. 12

В числе выделяемых преимуществ: 1) уменьшение числа проверок; 2) учет интересов образовательной организации; 3) увеличение периода между проверками.

Вопрос «Недостатки перехода на риск-ориентированную модель при реализации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в сфере образования в субъекте Российской Федерации для вашей образовательной организации (есть/нет, перечень недостатков)».

Но и недостатков в риск-ориентированной модели не увидели большинство — 728 (84 %) (рис. 13).

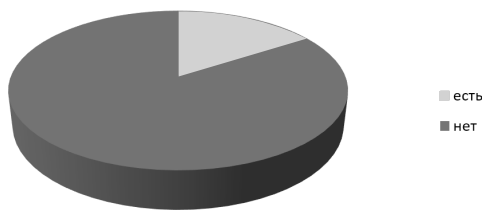

Рис. 13

В числе выделяемых недостатков: 1) отсутствие полной информированности; 2) внедрение новых форм; 3) отсутствие методических рекомендаций; 4) рост количества внеплановых проверок.

Результаты исследования и социологического опроса позволяют сделать выводы, что дошкольные образовательные организации слабо владеют информацией об особенностях применения риск-ориентированного подхода при организации контрольно-надзорной деятельности в регионе присутствия, наблюдаются коммуникационные и смысловые разрывы между органами государственной власти и контролируемыми лицами. Таким образом, внедрение риск-ориентированной модели организации контрольно-надзорной деятельности пока не дает своих результатов, а именно: контролируемые лица не увидели разницы между до и после внедрения новой модели контроля (надзора).

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 2 января 2016 г. № Пр-15ГС по итогам заседания Государственного совета

Информация об авторе

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Российской Федерации 23 декабря 2015 г. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51143>.

3. Письмо Рособнадзора от 29.08.2016 № 02-343. «О направлении методических рекомендаций по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок» (вместе с «Рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок»). <https://online.consultant.ru>.

References

1. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation». <http://www.pravo.gov.ru>.
2. List of instructions of the President of the Russian Federation dated January 2, 2016 № Pr-15GS following the meeting of the State Council of the Russian Federation on December 23, 2015. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51143>.
3. Letter of Rosobrnadzor dated 29.08.2016 № 02-343 «On the direction of methodological recommendations on the selection of educational organizations for inclusion in the annual plan of scheduled inspections» (together with «Recommendations to the executive authorities of the subjects of the Russian Federation exercising the delegated powers of the Russian Federation in the field of education, on the selection of educational organizations for inclusion in the annual plan of scheduled inspections»). <https://online.consultant.ru>.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-226-229>

NIJON: 2003-0059-2/22-251

MOSURED: 77/27-003-2022-02-450

Позиционирование цифровых финансовых активов в нормах российского частного права

Александр Владимирович Токолов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

Научный руководитель: заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ, академик РАН, доктор юридических наук, профессор **А. В. Морозов**

Аннотация. Анализируются подходы к определению правовой природы цифровых финансовых активов и цифровой валюты в действующем отечественном законодательстве на этапе, когда такое законодательство еще не сформировано, на основе анализа правоприменительной практики и разъяснения государственных органов. Действующее законодательство также анализируется с точки зрения наличия законодательных пробелов с учетом взаимосвязи между соответствующим регулированием и положениями, содержащимися в других, неосновных законодательных актах.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые права, информационная система, блокчейн, криптовалюта, оператор обмена ЦФА, цифровые векселя

Для цитирования: Токолов А. В. Позиционирование цифровых финансовых активов в нормах российского частного права // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 226–229. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-226-229>.

Original article

Positioning of digital financial assets in the norms of Russian private law

Alexander V. Tokolov

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Scientific supervisor: Head of the Department of Information Law, Computer Science and Mathematics of the All-Russian State University of Justice, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor **A. V. Morozov**

Abstract. The approaches are analyzed to determining the legal nature of digital financial assets and digital currency in the current domestic legislation at the stage when such legislation has not yet been formed, based on the analysis of law enforcement practice and explanations of state bodies. The current legislation is also analyzed from the point of view of the existence of legislative gaps, taking into account the relationship between the relevant regulation and the provisions contained in other, non-core legislative acts.

Keywords: digital financial assets, digital currency, digital rights, information system, blockchain, cryptocurrency, CFA exchange operator, digital bills

For citation: Tokolov A. V. Positioning of digital financial assets in the norms of Russian private law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):226–229. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-226-229>.

В процессе повседневной деятельности, роль ЦФА и цифровых валют в отечественной системе объектов гражданских прав не был определен, так как они не были отмечены как самостоятельный объект гражданского права и их юридическая природа не позволяют включить их в перечень любых объектов, которые были названы в ст. 128 ГК РФ [2]. Это привело к формированию принципиально противоположных

© Токолов А. В., 2022

нормативных правоприменительных практик судов и государственных органов в отношении вопроса о том, можно ли считать ЦФА и ЦВ объектом гражданских прав и не ограничен ли их оборот.

Некоторые исполнители закона ссылались на то, что согласно Конституции РФ (п. 1 ст. 75), денежной единицей в нашей стране является рубль. Соответственно, только рубль можно считать единственным и законным средством платежа (ст. 140 ГК РФ).

В соответствии с этим, в разъяснениях Минфина и Центробанка РФ цифровые валюты (например, ВТС, ЕТН) будут считаться денежным суррогатом и их хождение (обращение) на территории РФ под запретом (ст. 27 ФЗ «О Центробанке РФ (Банке России)»). Эта точка зрения была также подтверждена судебной практикой [3].

Другие поддержали точку зрения, что цифровую валюту нельзя классифицировать как денежный актив, поскольку она не является ни валютой Российской Федерации, ни иностранной валютой (п. 1 и 2, части 1 статьи ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [4]). Более того, эмиссия и учет цифровой валюты, учет транзакций с ней децентрализованы, за счет автоматического внесения записей в распределенные реестры участников блокчейн-сети. В связи с этим как эмиссия цифровой валюты, так и операции с ней не могут контролироваться государствами, организациями или частными лицами.

Так как в законодательстве РФ ЦВ не является законным средством, ее оборот непосредственно не ограничен законом и не является объектом гражданских прав (в качестве «иного имущества» как оно понимается в ст. 128 ГК РФ).

В октябре 2017 года В. В. Путин в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [7] поручил членам правительства и руководству Банка России внести поправки в действующее законодательство, определяющие статус цифровых технологий, используемых в финансовом секторе, и их условия, основанные на обязательстве рубля как единственного законного платежного средства в РФ [12].

Позже была начата работа над законопроектом № 419059-7. Результатом внесения изменений в законодательство стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 259-ФЗ), на основании которого выделяются две категории: цифровые финансовые активы как «цифровые права» (включая денежные требования, возможность осуществлять права по эмиссионным ценным бумагам, право на участие в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных

ценных бумаг) и цифровая валюта как «набор цифровых данных».

Следует отметить, что в первоначальной редакции законопроекта № 419059-7 цифровая валюта признавалась одним из видов цифровых финансовых активов, однако в окончательной редакции Закона № 259-ФЗ прямого указания на это нет. В то же время соотношение между цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой представляются сложными и неправильными, поскольку они, являясь цифровыми правами и электронными данными соответственно, имеют разную правовую природу и являются независимыми объектами [8].

Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам в своем заключении на законопроект № 419059-7 указано следующее существенное различие среди ЦФА и ЦВ: «что касается ЦФА, есть всегда ответственное лицо до востребования (обязательства), который должен подтвердить цифровой финансовый актив, а в отношении цифровой валюты такого ответственного не существует. Соответственно никаких требований (обязательств), лежащих в его основе также нет».

В то же время, цифровой финансовый актив в качестве типа цифрового права является объектом гражданских прав, и таким образом, возможно его применение в качестве юридического объекта гражданско-правовой сделки».

Похоже, что эти выводы приводят к тому, что цифровая валюта не может быть признана объектом гражданских прав. Однако это прямо противоречит, например, части 6 статьи 14 Закона № 259-ФЗ, который закрепляет возможность совершения гражданско-правовых сделок и/или операций с цифровой валютой. Кроме этого, для реализации некоторых законодательных актов (к примеру, ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О несостоятельности (банкротстве)», «Об исполнительном производстве», «О противодействии коррупции») ЦВ признается собственностью.

Однако в действующей редакции ст. 128 ГК РФ объектом гражданских прав признаются только цифровые права (как имущественные права), т. е. цифровые финансовые активы, но не цифровая валюта.

Таким образом, существует противоречие, согласно которому в конкретных законах и нормативных актах цифровая валюта признается собственностью, в отношении которой совершаются гражданско-правовые сделки и операции могут быть совершены, однако, в понимании гражданского законодательства, цифровая валюта все еще не является объектом гражданских прав.

Этот пробел в законодательстве также отмечен Комитетом Государственной Думы по финансовому рын-

ку в своем заключении по законопроекту № 419059-7: «Учитывая, что данный проект вносит определенные изменения в определенные подзаконные акты РФ, касающиеся признания цифровой валюты собственностью в целях их использования, также необходимо внести изменения соответствующего характера в положение ГК РФ в рамках отнесение цифровой валюты к объектам гражданского права» [8].

Выявленный правовой пробел требует внесения соответствующих изменений в законодательство с целью формирования единого подхода к регулированию одного из основополагающих инструментов цифровой экономики.

Таким образом, законодательный запрет на оборот и использование цифровых валют в ряде стран в основном является исключением. Большинство стран мира находятся на этапе, когда оборот и использование цифровой валюты еще не урегулированы, но ведется работа по разработке соответствующего законодательства, или на этапе, когда уже принято соответствующее специализированное регулирование. Правовая природа цифровых валют не всегда прямо закреплена в принятом законодательстве, но их правовая природа может быть выведена из положений, например, о регистрации (лицензировании) биржевых площадок, налогообложении участников оборота и т. д.

В последние годы в Российской Федерации происходит формирование специального законодательства по цифровой валюте, которое далеко от совершенства и содержит ряд правовых пробелов, а, следовательно, потенциально в ближайшем будущем будет подлежать изменениям, но это уже способствует формированию единообразной практики и порождает определенную предсказуемость, необходимую для участников гражданско-правовых сделок. В то же время принятие соответствующего законодательства создаст необходимость внесения изменений в существующие нормативные акты с целью приведения их в соответствие с новыми правилами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [принята, всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. Москва; Эксмо, 2021. 64 с ISBN 978-5-04-117785-0. Текст: непосредственный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Российская газета, № 127, 13.07.2002.
4. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Парламентская газета, № 233, 17.12.2003.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 173, 06.08.2020.
6. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Документ опубликован не был.
7. Паспорт проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // В данном виде документ опубликован не был (дата обращения: 11.11.2021).
8. Заключение Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам по Федеральному закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (проект № 419059-7) от 23 июля 2020 года, № 3.5-03/1230, Система законодательного обеспечения. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 11.11.2021).
9. Заключение Комитета Государственной Думы по финансовому рынку о Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в некоторые Законодательные акты Российской Федерации» (второе чтение, повторное) от 17 июля 2020 года, № 3.24-6/820, Законодательная деятельность в области системы безопасности. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.
10. Информация Банка России от 27 января 2014 года «Об использовании «виртуальных валют» в транзакциях, в частности Биткойна».
11. Письмо Минфина России от 02 октября 2017 г. № 03-11-11/63996.
12. Перечень поручений по итогам совещания по использованию цифровых технологий в финансовом секторе Президента России. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 11.11.2021).

References

1. The Constitution of the Russian Federation text with amendments approved during the All-Russian voting on 01.07.2020 [adopted by popular vote on December 12, 1993]. Moscow; Eksmo, 2021. 64 p. ISBN 978-5-04-117785-0. Text: direct.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 28.06.2021, with amendments. dated 26.10.2021) // Rossiyskaya Gazeta, № 238-239, 08.12.1994.
3. Federal Law № 86-FZ of 10.07.2002 (as amended on 02.07.2021) «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2021) // Rossiyskaya Gazeta, № 127, 13.07.2002.
4. Federal Law № 173-FZ of 10.12.2003 (ed. of 02.07.2021) «On Currency Regulation and Currency Control» (with amendments and additions, intro. effective from 22.08.2021) // Parliamentary Gazette, № 233, 17.12.2003.
5. Federal Law № 259-FZ of 31.07.2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, № 173, 06.08.2020.
6. Passport of the national project «National Program “Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol № 7 dated 04.06.2019) // The document was not published.
7. Passport of the draft Federal Law № 419059-7 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // The document was not published in this form (date of access: 11.11.2021).
8. Conclusion of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets on the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (Draft № 419059-7) dated July 23, 2020, No. 3.5-03/1230, Legislative Support System. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (date of access: 11.11.2021).
9. Conclusion of the State Duma Committee on the Financial Market on the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (second reading, repeated) dated July 17, 2020, № 3.24-6/820, Legislative activity in the field of security system. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.
10. Information of the Bank of Russia dated January 27, 2014 «On the use of «virtual currencies» in transactions, in particular Bitcoin».
11. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated October 02, 2017 № 03-11-11/63996.
12. List of instructions following the meeting on the use of digital technologies in the financial sector of the President of Russia. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (date of access: 11.11.2021).

Информация об авторе

А. В. Токолов — аспирант кафедры кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author

A. V. Tokolov — Post-graduate Student of the Department of Information Law, Computer Science and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-230-235>

NIJON: 2003-0059-2/22-252

MOSURED: 77/27-003-2022-02-451

Дистанционный порядок производства по уголовному делу в свете доктринального понимания уголовно-процессуальной формы

Юлия Сергеевна Тютерева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, juliatytereva@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **О. В. Мичурина**

Рецензент: преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук **О. Л. Подустова**

Аннотация. Делается попытка дать толкование понятию дистанционного порядка участия в уголовном процессе, рассматривает формы такого участия, проводит анализ на предмет соответствия дистанционного порядка доктринальному определению уголовно-процессуальной формы, являющейся одной из основных научных категорий уголовного процесса. Работа сочетает в себе отсылки к истории возникновения понятия дистанционного порядка участия в уголовном процессе, видеоконференц-связи, что в сочетании с анализом норм уголовно-процессуального права не только с юридической и научно-правовой, но и структурно-философского аспекта, позволяет более глубоко взглянуть на понятие уголовно-процессуальной формы, ее цели, назначения, смысла и процессуальной сущности.

Ключевые слова: дистанционный порядок, уголовно-процессуальная форма, видеоконференц-связь, уголовное судопроизводство, цифровые технологии, телекоммуникационные технологии, упорядоченность, структурность

Для цитирования: Тютерева Ю. С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу в свете доктринального понимания уголовно-процессуальной формы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 230–235. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-230-235>.

Original article

Remote procedure of criminal proceedings in the light of the doctrinal understanding of the criminal procedure form

Yulia S. Tyutereva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', juliatytereva@yandex.ru

Scientific supervisor: Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor **O. V. Michurina**

Reviewer: Lecturer of the Department of Criminal Procedure

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law **O. L. Podustova**

Abstract. An attempt is made to interpret the concept of remote procedure for participation in criminal proceedings, examines the forms of such participation, analyzes for compliance of the remote procedure with the doctrinal definition of the criminal procedure form, which is one of the main scientific categories of criminal proceedings. The work combines references to the history of the concept of remote order of participation in criminal proceedings, videoconferencing, which, combined with the analysis of the norms of criminal procedure law, not only from a legal and scientific-legal, but also from a structural and philosophical aspect, allows us to take a deeper look at the concept of criminal procedure form, its purpose, purpose, meaning and procedural essence.

© Тютерева Ю. С., 2022

Keywords: remote procedure, criminal procedure form, videoconferencing, criminal proceedings, digital technologies, telecommunications technologies, orderliness, structurality

For citation: Tyutereva Yu. S. Remote procedure of criminal proceedings in the light of the doctrinal understanding of the criminal procedure form. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):230–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-230-235>.

В настоящее время уголовный процесс, равно как и иные отрасли российского судопроизводства, не может не ощущать на себе влияние современных реалий, которые требуют внедрения технологий удаленного участия лиц, являющихся участниками судебных процессов, как в целях обеспечения безопасности всех участников, так и в целях сокращения процессуальных сроков и повышения эффективности судебных процедур. Более того, многие ученые и исследователи стоят на позициях расширения таких технологий, которые, по их мнению, могут применяться в уголовном процессе не только на судебной стадии рассмотрения дела, но и на досудебных этапах. А. А. Довлетов в своем исследовании отмечает, письменно-протокольная форма не может обеспечить точность и полноту сведений в полном объеме, в свою очередь применение технических средств повышает информативность следственных действий [3, с. 169].

В мае 2018 г. представители судейского сообщества отметили необходимость дальнейшей цифровизации правосудия. Советом судей РФ было рекомендовано производить аудиопотоколирование при помощи телекоммуникационных систем записи, реализовать оповещение граждан о судебных заседаниях в электронной форме, внедрить систему автоматизированного распределения дел между судами. Как отметил председатель Совета судей РФ В. В. Момотов, «применение цифровых информационных технологий позволит сделать судопроизводство более оперативным и соответствующим вызовам времени»¹.

Как отмечает в своей работе О. В. Добровлянина, наибольшее внимание правоприменителя было уделено технологии видеоконференц-связи (далее ВКС), которая была включена в Концепцию информатизации Верховного Суда РФ — суд был обязан проводить более 2500 судебных заседаний с применением информационных технологий ВКС. Также отмечалась необходимость усовершенствования технологий общего документооборота [4, с. 111].

Вместе с тем нельзя не отметить наличие определенных проблем, которые могут препятствовать активному внедрению данных нововведений в различные стадии уголовного процесса. В силу консервативности уголовного процесса, он менее расположен к

цифровой трансформации в сравнении с иными видами судопроизводства. Рассуждая о «цифровой зрелости» уголовно-процессуального права, можно смело утверждать, что отечественному уголовному процессу ещё предстоит внести качественные изменения в этом направлении. В последние годы в научных кругах все чаще ведутся дискуссии относительно цифровой трансформации деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. По нашему мнению, интенсивность развития информационных технологий предопределяет расширение объема процедур, осуществляемых в дистанционном формате, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Так, В.С. Латыпов видит потенциальную необходимость в введении дистанционного (цифрового) расследования по уголовным делам [5, с. 78]. О. В. Мичурин рассуждает о возможностях дистанционного допроса участников уголовного судопроизводства с использованием систем видеоконференц-связи на стадии досудебного производства [7]. С. Г. Матинов, Е. В. Решетов, З. Г. Матинова предлагают разрешить проведение следственных действий на электронной платформе в удаленном режиме [6, с. 108].

Таким образом, процесс цифровой трансформации уголовного судопроизводства в ближайшее время будет неразрывно связан с закреплением дистанционного порядка участия в уголовном процессе как современной уголовно-процессуальной формы.

Обращаясь к Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации (далее УПК РФ) отметим, что законодатель предусматривает возможность использования лишь отдельных дистанционных процедур в судебном производстве. Приведем некоторые примеры таких процедур: свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования ВКС, что закреплено в ч. 4 ст. 240 УПК РФ; ч. 2 ст. 393 УПК РФ позволяет суду направлять исполнительный лист в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Анализируя публикации отечественных процессуалистов, а также обращаясь к актуальным вопросам правоприменительной практики, можно прийти к выводу, что отечественный уголовный процесс нуждается в целостном механизме дистанционного порядка всего производства по уголовному делу, нормативные основы которого должны быть предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. Данное положение находит своё отражение в необходимости соответствия принципу законности. Как отмечают

¹ Выступление председателя совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» - 04.04.2019 г. // URL: // <http://www.ssr.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548>

А. В. Агутин, Т. К. Зарубицкая, С. С. Ерашов «принцип законности являет собой в статике требование о неукоснительном соблюдении и исполнении всеми субъектами уголовного процесса требований уголовно-процессуального закона» [1, с. 59]. Безусловно, принцип законности состоит в безошибочной реализации норм уголовно-процессуального законодательства, при производстве процессуальных действий. Необходимо учитывать, что уголовно-процессуальная деятельность допускает возможность существенного ограничения конституционных прав и свобод граждан, что требует со стороны законодателя четкого закрепления допустимых границ такого ограничения.

Таким образом, мы видим назревшую необходимость в расширении процедур дистанционного порядка производства по уголовному делу, что обусловлено не только потребностями правоприменения, но также надлежащим обеспечением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Однако такое расширение требует необходимой сопутствующей доктринальной правовой подготовки, поскольку широкая экспансия дистанционных форм и методов участия в уголовном процессе не может производиться без научно-доктринального обоснования. До настоящего момента в науке и теории уголовного процесса отсутствует понимание того, чем же является дистанционный порядок участия в уголовном процессе — только лишь технологией, применяемой органами уголовного судопроизводства для повышения эффективности и сокращения сроков уголовного процесса, или же уголовно-процессуальной формой, как закреплённом юридически способе осуществления тех или иных процессуальных действий.

Активное применение дистанционного порядка производства по уголовному делу началось в период введения режима повышенной готовности в связи с пандемией коронавируса COVID-19 в 2020 г. Согласно Постановлению Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» судам предписывалось «рассматривать дела только безотлагательного характера». К категории таких дел были отнесены дела об избрании, продлении, изменении или отмене меры пресечения. Это же постановление указывало судам на необходимость проводить рассмотрение дел путем использования систем ВКС при наличии технической возможности.

Исследователями дано множество определений видеоконференц-связи в уголовном процессе. Д. С. Гринь делает акцент на **бессистемность** правовой регламентации использования видеоконференц-связи в уголовном процессе, так как применение систем ВКС «разбросано» по множеству норм УПК РФ и связано с производством процессуальных действий — допро-

са потерпевшего, свидетеля; участия осужденного в судебном заседании при решении вопросов в порядке исполнения приговора; изложения последнего слова подсудимого; участия обвиняемого в судебном заседании при изменении территориальной подсудности и т.д. Как полагает ученый, определение термина «видеоконференц-связь» должно быть представлено в норме ст.5 УПК РФ, поскольку в ней закреплены основные понятия, используемые в уголовном процессе. В данном определении должны быть отражены основные признаки и качественные характеристики ВКС, позволяющие однозначно дать ей толкование применительно к уголовно-процессуальной форме или дистанционному порядку осуществления процессуальных действий [2]. Необходимо отметить именно дистанционный формат ВКС как основной ее признак, что позволяет в режиме реального времени передавать аудио и видеoinформацию в доступном для восприятия формате, то есть, если говорить о допросе потерпевшего, свидетеля или иных лиц по ВКС, то это именно форма проведения допроса, закреплённая в нормах УПК РФ, и соответственно, обладающая аналогичным правовым статусом.

В. А. Терехин и А. Е. Федюнин также в своем исследовании обращают внимание на то, что в определении ВКС в уголовном судопроизводстве необходимо выделять признак процессуальной формы, поскольку взаимодействие между субъектами процесса в такой форме может производиться, лишь будучи прямо предусмотренным в законе [9].

Как полагает Д. С. Гринь, ВКС является компьютерно-цифровой технологией, обеспечивающая дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких абонентов — участников уголовного судопроизводства в случаях, прямо предусмотренных в УПК РФ, и осуществляется в целях обмена информацией между абонентами телекоммуникации, обладающими определенным уголовно-процессуальным статусом.

Однако поскольку ВКС немыслима без соответствующих информационных цифровых технологий и сама по своей сути является телекоммуникационной технологией, позволяющей лицу удаленно участвовать в уголовном процессе, она является и формой, и технологией. В научно-исследовательских интересах стоит проанализировать, возможно ли существование уголовно-процессуальной формы без наличия определенной технологии и соответствует ли это закону, либо же технология всегда и во всех случаях является способом и неотъемлемым атрибутом воспроизводства той или иной уголовно-процессуальной формы.

Как отмечает С. Б. Россинский, процессуальная форма является одной из основных категорий науки уголовного процесса и обуславливается сущностью

уголовного судопроизводства, а также его принципами [8]. Процессуальная форма уголовного процесса направлена на скорейшее, правильное, законное и справедливое применение уголовного закона в целях осуществления правосудия, то есть, форма направлена на упорядочение самого процесса, который вне наличия соответствующей формы имел бы «расплывчатые» неконкретные и «обтекаемые» границы, что приводило бы к его неэффективности, долговременности и нарушениям законности во многих случаях.

Учитывая, что именно установление определенного порядка осуществления последовательности совершения процессуальных действий и есть конечная цель существования уголовно-процессуальной формы, само понятие «порядка» осуществления определенных следственных или процессуальных действий полностью соответствует цели и сущности такого понятия, как уголовно-процессуальная форма. Однако если мы говорим о дистанционном порядке участия в уголовном судопроизводстве для различных его процессуальных фигурантов, то ключевым принципом, который может помешать признанию его уголовно-процессуальной формой, является именно подчеркнутая выше Д. С. Гринем бессистемность правовых норм, которые рассредоточены по разным статьям и разделам УПК РФ, что препятствует их упорядоченности. Из этого можно заключить, что именно отсутствие упорядоченности и бессистемность расположения норм о порядке дистанционного участия в уголовном процессе препятствует закреплению дистанционного порядка участия как технологии в виде уголовно-процессуальной формы. Иными словами, дистанционный порядок участия в уголовном процессе, безусловно и бесспорно, является технологией, однако до того, чтобы превратиться в уголовно-процессуальную форму, ему не хватает **упорядоченности и структурности** в рамках закрепления его в нормах УПК РФ.

Вместе с тем, применение ВКС в судебном производстве вполне соответствует уголовно-процессуальной форме. В свою очередь, дистанционный порядок представляет собой более широкое понятие и, на наш взгляд, не ограничивается только лишь технологией ВКС.

На сегодняшний день содержательная часть дистанционного порядка производства по уголовному делу может быть выражена совокупностью норм, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством, в которых указывается возможность:

1) Применения систем видеоконференц-связи в ходе судебного производства:

1.1) в ч. 6 ст. 35 УПК РФ закреплена возможность участия обвиняемого в судебном заседании посредством ВКС (производится по решению суда);

1.2) в судах первой инстанции согласно ч. 4 ст. 240 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допро-

шены судом путем использования ВКС;

1.3) ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ определяет, что в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, посредством ВКС;

1.4) использование ВКС возможно на этапе судебного следствия в целях осуществления допроса свидетеля согласно ст. 278.1 УПК РФ;

1.5) применение ВКС возможно для предоставления последнего слова подсудимому в соответствии с ч. 1 ст. 293 УПК РФ;

1.6) в соответствии с ч. 2 ст. 389.12 осужденный, содержащийся под стражей и заявивший о желании присутствовать при рассмотрении апелляционных жалобы, представления, обеспечивается правом на участие в судебном заседании путем использования ВКС (по решению суда);

1.7) ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ допускает исследование доказательств с использованием ВКС (в суде апелляционной инстанции);

1.8) ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ закрепляет за потерпевшим, его законным представителем, представителем право на участие в судебном заседании путем использования ВКС.

2) Изготовления электронных документов с усиленной квалифицированной электронной подписью, а также применения информационно-телекоммуникационной сети Интернет:

2.1) ч. 2 ст. 393 УПК РФ позволяет суду направлять исполнительный лист в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью;

2.2) ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ предусматривает подачу в суд ходатайств в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

2.3) в соответствии с ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ копия судебного решения, изготовленная в форме электронного документа, заверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, может быть направлена участнику уголовного судопроизводства с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

3) Использования технологии для отправки и получения электронных писем:

3.1) п. 21.1 ч. 2 и ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ устанавливает право потерпевшего получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания (а также в ряде других случаев) посредством заявления ходатайства о получении такой информации, с указанием адреса электронной почты

и номера телефона. С. В. Зуев отмечает, что указанная норма позволяет потерпевшему в оперативном порядке получить запрашиваемую информацию, в свою очередь ожидание ответа на ходатайство, отправленное посредством почтовой связи, повышает риск получения потерпевшим уже неактуальной информации с учетом времени на пересылку [10, с. 69].

Таким образом, на сегодняшний день дистанционный порядок производства по уголовному делу реализуется посредством:

- применения систем видеоконференц-связи;
- использования электронных документов;
- применения усиленной квалифицированной электронной подписи;
- использования технологий для отправки и получения электронных писем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Законодательное закрепление в УПК РФ возможности применения систем видеоконференц-связи, электронных документов, усиленной квалифицированной электронной подписи, технологий для отправки и получения электронных писем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в процессе судебного производства, позволяет говорить о совокупности установленных процессуальным законом условий, в которых проводится эта деятельность, и как следствие её соответствии уголовно-процессуальной форме, однако вышеупомянутые недостатки в виде неупорядоченности и бессистемности пока препятствуют доктринальному закреплению всех видов и форм дистанционного порядка участия в уголовном процессе в качестве уголовно-процессуальной формы, в том числе на стадиях досудебного производства.

Список источников

1. Агутин А. В., Зарубицкая Т. К., Ерашов С. С. Принцип законности в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия : Право. 2001.
2. Гринь Д. С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 82–87.
3. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство : учебн. пособие. Екатеринбург, 2013.
4. Добровлянина О. В. Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство // Ex iure. 2019. № 2. С. 104–118.
5. Латыпов В. С. Применим ли УПК РФ России в условиях пандемии? (В контексте вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88).

6. Матинов С. Г., Решетов Е. В., Матинова З. Г. Расследование и рассмотрение уголовных дел в условиях пандемии // Наука и образование : хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 105–109.
7. Мичурина О. В. Дистанционный допрос с использованием систем видеоконференцсвязи в процедуре досудебного производства по уголовным делам : реальность и перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития». Москва, 2020. С. 158–161.
8. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма : понятие и тенденции развития // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 140–145.
9. Терехин В. А., Федюнин А. Е. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 64–68.
10. Зуев С. В. Цифровизация судопроизводства : научно-практический (постатейный) комментарий правовых актов / под ред. докт. юрид. наук С. В. Зуева. М. : Юрлитформ, 2020.

References

1. Agutin A. V., Zarubitskaya T. K., Erashov S. S. The principle of legality in the field of criminal proceedings // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series : Law. 2001.
2. Grin D. S. Theoretical and normative definition of videoconferencing in criminal proceedings // Yuridicheskaya nauka. 2020. № 3. P.82–87.
3. Davletov A. A. Criminal proceedings : textbook. stipend. Yekaterinburg, 2013.
4. Dobrovlyanina O. V. Introduction of new electronic technologies in criminal proceedings // Ex iure. 2019. № 2. P. 104–118.
5. Latypov V. S. Is the Criminal Procedure Code of the Russian Federation applicable to Russia in the conditions of a pandemic? (In the context of the involvement and participation of persons providing assistance) // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (88).
6. Matinov S. G., Reshetov E. V., Matinova Z. G. Investigation and consideration of criminal cases in the conditions of a pandemic // Science and education : economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020. № 7 (122). P. 105–109.
7. Michurina O. V. Remote interrogation using

videoconferencing systems in the procedure of pre-trial proceedings in criminal cases : reality and prospects // Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference «Criminal proceedings of Russia: problems and prospects of development». Moscow, 2020. P. 158–161.

8. Rossinsky S. B. Criminal procedural form : concept and development trends // Bulletin of the OSU. 2006. № 3. P. 140–145.
9. Terekhin V. A., Fedyunin A. E. Videoconferencing in modern Russian legal proceedings // Russian Justice. 2016. № 1. P. 64–68.
10. Zuev S. V. Digitalization of legal proceedings : scientific and practical (article-by-article) commentary of legal acts / ed. jurid. Science S. V. Zueva. M. : Yurlitform, 2020.

Библиографический список

1. Выступление председателя совета судей РФ В. В. Момотова на пленарном заседании Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» — 04.04.2019 г. // URL: // <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548>.

Bibliographic list

1. Speech of the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V. V. Momotov at the plenary session of the Moscow Legal Forum on the topic «Judicial power in the conditions of modern digital technologies» — 04.04.2019 // URL: // <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548>.

Информация об авторе

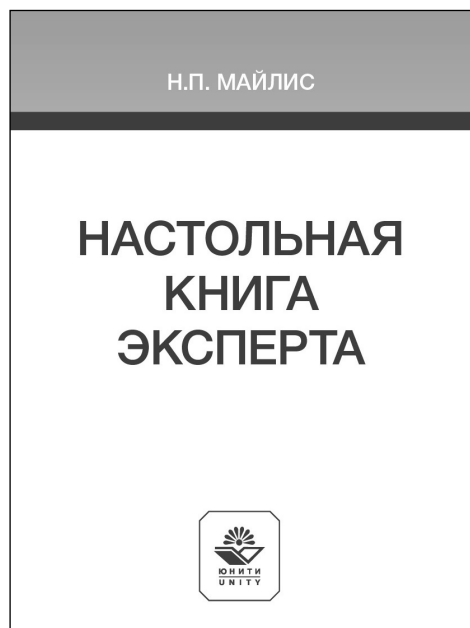
Ю. С. Тютерева — адъюнкт 2-го года обучения ФПНПиНК Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Yu. S. Tyutereva — Adjunct of the 2nd year of study of FPNPiNK of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 19.10.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Настольная книга эксперта. Майлис Н.П. Монография. 287 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья

УДК 343.57

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-236-238>

НИОН: 2003-0059-2/22-253

MOSURED: 77/27-003-2022-02-452

Об обоснованности криминализации незаконного оборота анаболических стероидов

Евгений Геннадьевич Усов¹, Эльшан Фахрадинович Мамедов², Виктор Александрович Самсонов³

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, usov.evgeniy@list.ru

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, docentmamedov@mail.ru

³ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, viktort1@rambler.ru

Аннотация. Проведен анализ социально-правовой обусловленности криминализации незаконного оборота анаболических стероидов. В статье с различных позиций рассмотрены вопросы целесообразности, обоснованности декриминализации указанного деяния, приведены имеющиеся проблемы в реализации ст. 234 УК РФ.

Ключевые слова: анаболические стероиды, незаконный оборот, декриминализация

Для цитирования: Усов Е. Г., Мамедов Э. Ф., Самсонов В. А. Об обоснованности криминализации незаконного оборота анаболических стероидов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 236-238. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-236-238>.

Original article

On the validity of the criminalization of the identified turnover anabolic steroid

Evgeny G. Usov¹, Elshan F. Mammedov², Viktor A. Samsonov³

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, usov.evgeniy@list.ru

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, docentmamedov@mail.ru

³ All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia, petrsterkhov@yandex.ru

Abstract. The social and legal conditionality of the criminalization of illicit trafficking in anabolic steroids is analyzed. The article discusses the issues of expediency, validity of the decriminalization of this act from various positions, presents the existing problems in the implementation of art. 234 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: anabolic steroids, illegal circulation, decriminalization

For citation: Usov E. G., Mammedov E. F., Samsonov V. A. On the validity of the criminalization of the identified turnover anabolic steroid. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):236–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-236-238>.

На сегодняшний день спорт является неотъемлемой частью общественной жизни. Спортивная деятельность, безусловно, является общественно полезной, так как подразумевает расширение физических и интеллектуальных способностей человека, положительно сказывается на уровне общественного здоровья и нравственности населения, формирует престиж государства на международной арене.

Вместе с тем, следует отметить, что современный спорт даже на любительском уровне отличает высо-

кий уровень конкуренции. За последние сто лет произошел огромный прорыв в мире спорта, что безусловно, связано с применением эффективных методик подготовки спортсменов, а также с развитием различных прикладных наук.

Высокий уровень конкуренции обуславливает достаточно жесткие требования к спортсменам, желающим показать высокий соревновательный результат [1]. Вместе с тем, несмотря на отсутствие четкого представления о пределе человеческих возможностей,

следует резюмировать на сегодняшний день спортивные результаты значительно приблизились к ним.

В сложившихся условиях, «пропускными билетами» к спортивному пьедесталу в тех видах спорта, которые завязаны на физических качествах, служат три основных фактора: исключительная генетическая предрасположенность к конкретному виду спорта; систематические результативные тренировки; применение анаболических стероидов.

Применение анаболических стероидов является способом искусственного повышения работоспособности человека за счет улучшения практически всех видов обмена веществ [2]. Если при наличии профицита калорий, регулярных силовых тренировках среднестатистический человек набирает, в среднем, около двух килограмм мышечной массы в год, то при употреблении анаболических стероидов этот показатель может доходить до десяти килограмм мышечной массы в месяц. Таким образом, темпы прогрессирования спортсменов, употребляющих анаболические стероиды несоизмеримо выше [4]. Современная спортивная действительность обуславливает несоизмеримо больший удельный вклад третьего фактора в картину общей спортивной успешности спортсмена. Следует отметить, что отдельные виды спорта, например, бодибилдинг, в принципе невозможны без применения анаболических стероидов. Парадокс заключается в том, что указанные виды спорта являются официально признанными на территории, имеют официально зарегистрированные представительские организации, которые признаны Министерством спорта Российской Федерации. Таким образом, можно заключить, что в определенных видах спорта достижение высоких спортивных показателей в наибольшей степени зависит от применения запрещенных сильнодействующих веществ.

Уголовная ответственность за незаконный оборот стероидов предусмотрена ст. 234 Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, реализация уголовно-правового запрета, содержащегося в статье 234 УК РФ, вызывает некоторые нарекания.

Распространенность анаболических стероидов на сегодняшний день является очень высокой — практически в каждом спортивном клубе тренируются люди, употребляющие анаболические стероиды. Такая распространенность данных веществ обусловлена рядом факторов. Фитнес-тренеры в погоне за быстрым результатом зачастую открыто предлагают своим клиентам анаболические стероиды, а руководители некоторых спортивных секций ведут порочную практику принудительного употребления сильнодействующих веществ, в том числе малолетними спортсменами. Курс анаболических стероидов является достаточно дешевым — нескольких тысяч рублей достаточно

для того чтобы приобрести данные сильнодействующие препараты. Анаболические стероиды круглосуточно можно заказать через интернет-магазины или специализированные каналы мессенджеров. Причем в некотором отношении это сделать проще, чем заказать доставку еды — покупка полностью анонимна, а оплата принимается в форме банковского перевода, перевода на иные, в том числе криптовалютные платежные системы. Отношение к стероидам в обществе можно охарактеризовать как условно-положительное, так как они прочно ассоциируются со спортом и воспринимаются как необходимое зло. Кроме того, некоторые виды спорта («бодибилдинг», «фитнес-бикини» и другие) прямо предполагают употребление стероидов. Стероиды получили широкое распространение и во внеспортивной деятельности — в медицине (при лечении дефицита тестостерона, в качестве гормонозаместительной терапии, при восстановлении после операций, травм и ожогов), в киноиндустрии (при необходимости срочного набора мышечной массы для роли) и других сферах. Незаконный оборот анаболических стероидов обладает высоким уровнем естественной латентности — специализированное подразделение по противодействию незаконному обороту стероидов в Российской Федерации отсутствует. Подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД России специализируются, главным образом, на преступлениях, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами, а все остальные сотрудники правоохранительных органов зачастую не обладают должной компетентностью для верной квалификации деяния в случае обнаружения соответствующих препаратов.

Все вышеизложенное делает реализацию уголовной ответственности очень затруднительной. Кроме того, заказ анаболических стероидов на черном рынке чреват тем, что приобретенное средство будет подделкой, либо непригодным к использованию, например, в случае нарушения условий хранения или транспортировки. Употребление некачественных анаболических стероидов влечет еще большую опасность для здоровья человека, чем употребление качественных стероидов, в связи с чем напрашивается вывод о необходимости декриминализации незаконного оборота анаболических стероидов. Безусловно, это не поможет полностью устранить вред здоровью населения и общественной нравственности вследствие употребления анаболических стероидов, но как минимум, позволит его минимизировать путем распространения данных препаратов через аптечную сеть с обязательной проверкой качества. Кроме того, от реализации указанных препаратов в доход государства будут поступать налоги, которые частично или полностью могут быть использованы в общественно-полезных целях.

Список источников

1. Осипов М. В. Побочные эффекты андрогенных анаболических стероидов // Инновации и инвестиции. 2018. № 1. С. 161–165.
2. Рожкова Е. А., Сейфулла Р. Д., Орджоникидзе Г. З., Панюшкин В. В., Кузнецов Ю. М. Анаболические стероиды как допинги в спорте // Казанский мед.ж.. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anabolicheskie-steroidy-kak-dopingi-v-sporte> (дата обращения: 01.06.2021).
3. Грязных А. В. Индекс тестостерон/кортизол как эндокринный маркер процессов восстановления висцеральных систем после мышечного напряжения // Человек. Спорт. Медицина. 2011. № 20 (237). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-testoseron-kortizol-kak-endokrinnyy-marker-protseessov-vostranovleniya-vistseralnyh-sistem-posle-myshechnogo-napryazheniya> (дата обращения: 07.10.2021).
4. Бахмейер М., Смоленский А. В., Митюшкина О. А. Профессиональные риски в спорте высших достижений // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-riski-v-sporte-vysshih-dostizheniy> (дата обращения: 07.10.2021).
5. Свистильников А. Б., Руднев С. М. Противодействие незаконному обороту сильнодействующих веществ и биологически активных добавок : проблемы и пути решения // Пробле-

мы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 53.

References

1. Osipov M. V. Side effects of androgenic anabolic steroids // Innovations and investments. 2018. № 1. P. 161–165.
2. Rozhkova E. A., Seifulla R. D., Ordzhonikidze G. Z., Panyushkin V. V., Kuznetsov Y. M. Anabolic steroids as doping in sports // Kazan Medical Journal. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anabolicheskie-steroidy-kak-dopingi-v-sporte> (date of access: 01.06.2021).
3. Gryaznykh A. B. The testosterone/cortisol index as an endocrine marker of visceral systems recovery processes after muscle tension // Chelovek. Sport. The medicine. 2011. № 20 (237). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-testoseron-kortizol-kak-endokrinnyy-marker-protseessov-vostranovleniya-vistseralnyh-sistem-posle-myshechnogo-napryazheniya> (date of access: 07.10.2021).
4. Bachmeier M., Smolensky A. V., Mityushkina O. A. Professional risks in the sport of high achievements // Bulletin of new medical technologies. Electronic edition. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-riski-v-sporte-vysshih-dostizheniy> (date of access: 07.10.2021).
5. Svistilnikov A. B., Rudnev S. M. Counteraction to illegal circulation of potent substances and biologically active additives : problems and solutions // Problems of law enforcement. 2013. № 1. P. 53.

Информация об авторах

Е. Г. Усов — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;

Э. Ф. Мамедов — доцент центра компетенций по кибербезопасности Иркутского национального исследовательского технического университета;

В. А. Самсонов — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the authors

E. G. Usov — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. F. Mamedov — Associate professor at the Cybersecurity Competence Center of the Irkutsk National Research Technical University;

V. A. Samsonov — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022. The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-239-243>

НИОН: 2003-0059-2/22-254

MOSURED: 77/27-003-2022-02-453

Гражданско-правовые проблемы цифровизации в проектной деятельности в сфере строительства

Светлана Александровна Устимова¹, Екатерина Николаевна Рассказова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Аннотация. В данной статье на основе проведения анализа сложившейся ситуации и действующих нормативных требований рассмотрены существующие проблемы в области перевода проектной деятельности в сфере строительства на технологию информационного моделирования. Выявлены основные проблемные аспекты, которые препятствуют быстрому внедрению технологии информационного моделирования. Особое внимание в статье уделено анализу опыта внедрения технологии информационного моделирования в практику проектирования в строительной отрасли Великобритании, что позволило разработать предложения по внесению законодательных изменений в области гражданского права, а также обозначить первоочередные шаги по внедрению технологии информационного моделирования в Российской Федерации на основе принятия ряда подзаконных нормативных актов.

Ключевые слова: проектная деятельность, строительство, технология информационного моделирования, проблема, законодательное изменение

Для цитирования: Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Гражданско-правовые проблемы цифровизации в проектной деятельности в сфере строительства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 239–243. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-239-243>.

Original article

Civil law problems of digitalization in project activities in the field of construction

Svetlana A. Ustimova¹, Ekaterina N. Rasskazova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia

¹ 7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Abstract. In this article, based on the analysis of the current situation and the current regulatory requirements, the existing problems in the field of transferring project activities in the field of construction to information modeling technology are considered. The main problematic aspects that hinder the rapid implementation of information modeling technology are identified. Particular attention is paid to the analysis of the experience of the introduction of information modeling technology into the practice of design in the UK construction industry, which made it possible to develop proposals for legislative changes in the field of civil law, as well as to identify priority steps for the introduction of information modeling technology in the Russian Federation based on the adoption of a number of subordinate regulations.

Keywords: project activity, construction, building information model, problem, legislative change

For citation: Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Civil law problems of digitalization in project activities in the field of construction. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):239–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-239-243>.

Строительная сфера Российской Федерации активно развивается, несмотря на действие негативных макроэкономических факторов и выступает одним из драйверов экономического развития национальной экономики. Но при этом в сфере проектирования нарастает технологическое отставание, т.к. многие современные российские организации продолжают пользоваться технологиями, разработанными еще в 1980-х — 1990-х годах.

Актуальность вопросов использования новых технологий в сфере проектирования в строительстве обусловлена и произошедшими изменениями в политике государства в последние 5–7 лет, что нашло свое отражение в поручениях Президента России, нормативных актах Правительства РФ и ведомственных приказов Минстроя России. Утвержденные стандарты проектирования обязательны для всех участников строительного рынка Российской Федерации с 18 июня 2019 года, поэтому переход к новым стандартам требует выработки современной методологии управления качеством, сроками и конкурентоспособностью результатов работы проектирующих организаций строительства.

Необходимо отметить, что цифровизация отдельных отраслей экономики России достаточно успешно осуществляется уже на протяжении нескольких лет. Однако, в силу ряда факторов, в том числе сложности и затратности внедрения цифровых технологий, а также действия негативных макроэкономических факторов, вызванных пандемией коронавируса COVID-19, в России к цифровым технологиям перешла лишь незначительная доля участников национального строительного рынка.

Цифровая трансформация в строительстве связана, прежде всего, с применением новых технологий, позволяющих повысить производительность, сократить временные и ресурсные расходы на стадии проектирования объектов капитального строительства и ценности получаемых заказчиком активов. К таким технологиям относятся и технологии информационного моделирования в строительстве (англ., Building Information Model, BIM).

Несмотря на неоднократные поручения Президента России, Правительство РФ под руководством Д. Медведева не успело провести и завершить переход строительной отрасли на BIM. В этом связи в развитие поручений Президента России Правительством РФ под руководством М. Мишустина были издан ряд основных документов, определивших необходимость развития цифровых технологий проектирования в строительстве.

Так, 15 сентября 2020 года вышло Постановление Правительства РФ № 1431 [1], в котором были утверждены правила ведения информационных моделей для

объектов строительства, список и формат электронных документов для представления в Москомэкспертизу.

5 марта 2021 года вышло Постановление Правительства РФ № 331 [2], определившее необходимость для застройщика, технического заказчика, лиц, обеспечивающих обоснование инвестиций при привлечении бюджетных средств с 1 января 2022 года формировать и вести информационную модель объекта капитального строительства. Данное решение должно было стать необходимым стимулом развития цифровых технологий проектирования в строительстве. Но выполнение данного постановления выглядит крайне проблемным, т.к. сегодня наблюдается явное несоответствие готовности строительной сферы России к внедрению самой технологии BIM в столь сжатые сроки.

Кроме этого, на сегодняшний день использование технологии BIM не является одним из критериев оценки для проектирующих организаций, участвующих в конкурсе на реализацию государственных контрактов.

Согласно действующего законодательства о государственных закупках при их организации широко распространено указание со стороны заказчика одним из критериев оценки для проектирующих организаций, участвующих в конкурсе, количества специалистов по организации архитектурно-строительного проектирования.

На практике наиболее часто при проведении государственных конкурсов используется критерии оценки проектирующих организаций, которые касаются только наличия в штате компании некоторых управленцев и специалистов, например, Главного инженера проекта, Главного специалиста, Начальника отдела согласований, инженера-проектировщика и др.

Однако вышеупомянутые и наиболее распространенные на данный момент критерии не отвечают на вопрос о наличии либо отсутствии возможности грамотно, быстро и безошибочно спроектировать объект закупки. Поэтому считаем, что необходимым критерием при проведении конкурсов для государственных и муниципальных организаций по проектированию объектов должно выступать наличие и использование технологии BIM, как инструмента современного строительства.

В отдельных случаях государственными и муниципальными заказчиками при осуществлении закупок уже предпринимаются попытки указания опыта в BIM-проектировании в качестве показателя для проектирующей организации. Однако, это наталкивается на административные препоны и отсутствие нормативно-правовой базы для этого.

Показательной в данном случае является ситуация, возникшая при проведении открытого конкурса в электронной форме № 0168200002419000502, демонстрирующая весь перечень существующих сегодня

проблем при внедрении технологии BIM в практику проектирования и строительства.

Согласно данного конкурса необходимо было определить исполнителя изыскательских и проектных работ на строительство детского инфекционного корпуса в г. Ульяновске. При этом в качестве критерия выбора исполнителя был указан опыт проектирования с использованием BIM-технологии.

Но подрядчик, который не имел опыта BIM-проектирования, обжаловал решение закупочной комиссии в Управление ФАС по Ульяновской области, которое жалобу поддержало, мотивируя это тем, что действующие на сегодняшний день нормативные правовые акты в сфере государственных закупок не исключают возможностей проектирования по «бумажным» технологиям, а требования Минстроя Россия не являются приоритетными над федеральным законодательством [3].

С формально-юридической точки зрения решение Управления ФАС по Ульяновской области выглядит верным. Однако, данное решение не позволяет скорее внедрять BIM-проектирование при осуществлении государственных закупок. Положительным в данной ситуации видится только поведение государственного заказчика, который не только указал на наличие опыта BIM-проектирования в качестве одного из критериев закупки, но и при обжаловании сослался на высокотехнологичный и инновационный характер такой закупки, что, в свою очередь, означает, что ряд государственных заказчиков уже осознали необходимость скорейшего внедрения цифровых технологий в проектирование и строительство.

Считаем, что, отсутствие необходимой нормативно-правовой базы является значительной проблемой при внедрении технологии BIM-проектирования. В этой ситуации государственным заказчикам остается только настойчиво продолжать придерживаться критерия инновационности и высокотехнологичности при осуществлении закупок, т. к. именно эти технологии существенно экономят средства на проведение государственных экспертиз, исключают ошибки, повышают безопасность объектов, надеясь на скорое решение проблемы со стороны законодательных органов власти.

Вместе с тем, для России выглядит полезным использование иностранного опыта, прежде всего, Великобритании, которая решала те же проблемы и стала фактически первопроходцем в широком использовании BIM-проектирования для строительства объектов, важных для государства.

В начале 2000-х годов значительному количеству объектов Великобритании требовалась реконструкция в преддверие подготовки к Олимпиаде-2012, что потребовало решения проблемы финансирования. В

качестве решения было предложено использование технологии BIM-проектирования, позволяющей значительно сократить затраты на строительство. Первоначально были реализованы пилотные проекты, которые показали эффективность BIM-проектирования на практике. Затем под наблюдением Правительства Великобритании по технологии информационного моделирования были спроектированы и построены торговые центры, транспортно-пересадочные узлы и другие крупные объекты [4].

В результате для высших чиновников и экспертов строительной отрасли стало очевидным отличие в скорости и качестве реализации проектов по технологии BIM. Кроме этого, за счет государственных средств были обучены специалисты по использованию новой технологии, а профильные британские ведомства стали принимать решения и готовить документацию, стимулирующую использование технологии BIM в крупных и «политически значимых» проектах. Также выглядит важным, что были разработаны BIM-стандарты, являющиеся аналогом российских ГОСТов, что позволило создать необходимую методологическую базу для поддержки государственных решений.

За счет государственных средств была создана группа специалистов (UK BIM Task Group), занимающаяся детальной проработкой всех основных проблем перехода на BIM-проектирование. Впоследствии затраты государства на финансирование деятельности данной группы были многократно компенсированы за счет экономии государственных средств при строительстве и реконструкции зданий за счет бюджета.

В качестве ответа тем компаниям, которые не захотели переходить на BIM-технологии, Правительство Великобритании определило жесткие условия централизованного перехода на использование BIM для всей строительной отрасли. Так, в 2011 году было определено, что с 2016 года прекращается экспертиза проектной документации, созданная не по технологии BIM, т. е. на переход строительной проектной отрасли на новую технологию было отведено 5 лет, а в дальнейшем разделение на BIM и не-BIM в строительном проектировании в Великобритании должно прекратиться и останется только одна современная цифровая технология [4].

Вместе с тем, можно констатировать, что отведенного срока на переход к технологиям BIM Великобритании не хватило, до сегодняшнего дня определенная часть проектных компаний не перешли на использование новой технологии проектирования в строительстве, что только подтверждает сложность осуществления этого перехода, несмотря на его преимущества. Во многом это связано с необходимостью дополнительных затрат со стороны проектных организаций.

Считаем, что с учетом иностранного опыта внедрения BIM-технологий и возникших при этом проблем, с которыми столкнулись операторы строительной отрасли, в Российской Федерации необходимо реализация ряда государственных решений за счет принятия нормативных актов в области гражданского законодательства:

1. Внесение изменений в Градостроительный кодекс РФ об обязательности использования технологии BIM в проектных организациях с января 2026 года с установлением переходного периода (2021–2025 гг.).

2. Внесение изменений в федеральную нормативную базу по проведению государственных закупок — указание обязательности критерия «опыт использования технологии BIM» для проектных организаций в конкурсах на осуществление градостроительной деятельности (изыскание и проектирование).

3. Принятие подзаконного нормативного акта — распорядительного документа (указ Президента России, постановление или распоряжение Правительства РФ) о создании при Правительстве РФ рабочей группы, финансируемую за счет государства, для целей создания единого плана по переходу строительной отрасли России на технологию информационного моделирования.

3. Создать необходимую нормативно-правовую базу внедрения технологии BIM на основе издания ведомственных приказов, инструкций, методик Минстроем России.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1431 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов, а также о внесении изменения в пункт 6 Положения о выполнении инженерных изысканий для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции объектов капитального строительства» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 39. — Ст. 6030.
2. Постановление Правительства РФ от 05.03.2021 № 331 «Об установлении случая, при котором застройщиком, техническим заказчиком, лицом, обеспечивающим или осуществляющим подготовку обоснования инвестиций, и (или) лицом, ответственным за эксплуатацию объекта капитального строительства, обеспечиваются формирование и ведение информационной модели объекта капитального

строительства» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 11. — Ст. 1823.

3. Талапов В. Внедрение BIM : фундаментальный опыт Великобритании // Строительный эксперт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ardexpert.ru/article/8850>.
4. Решение УФАС по Ульяновской области по делу № 15536/03-2019 от 21.03.2019 // Федеральная антимонопольная служба. База правовых решений и правовых актов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://br.fas.gov.ru/generate_pdf/de2e1535-625d-4dee-960e-59b92ac55213.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 1431 dated 15.09.2020 «On approval of the Rules for the Formation and maintenance of an information model of an object of capital Construction, the composition of information, documents and materials included in the information model of an object of Capital Construction and submitted in the form of electronic documents, and requirements for the formats of these electronic documents, as well as on Amendments to paragraph 6 of the Regulations on the Performance of Engineering surveys for the preparation of Project Documentation, Construction, reconstruction of Capital Construction objects» // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — № 39. — Art. 6030.
2. Decree of the government of the Russian Federation from 05.03.2021 № 331 «On establishing the case where the developer, a technical coordinator, a person providing or carrying out a feasibility study of the investment and (or) the person responsible for the operation of the capital construction object is provided for the formation and maintenance of information model of the object of capital construction» // Collection of the legislation of the Russian Federation. — 2021. — № 11. — Art. 1823.
3. Talapov V. BIM Implementation : Fundamental UK experience // Construction Expert [Electronic resource]. Access mode: <https://ardexpert.ru/article/8850>.
4. The decision of the Federal Antimonopoly Service for the Ulyanovsk region in case № 15536/03-2019 of 21.03.2019 // Federal Antimonopoly Service. Database of legal decisions and legal acts [Electronic resource]. Access mode: https://br.fas.gov.ru/generate_pdf/de2e1535-625d-4dee-960e-59b92ac55213.

Информация об авторах

С. А. Устимова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. Н. Рассказова — старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. A. Ustimova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

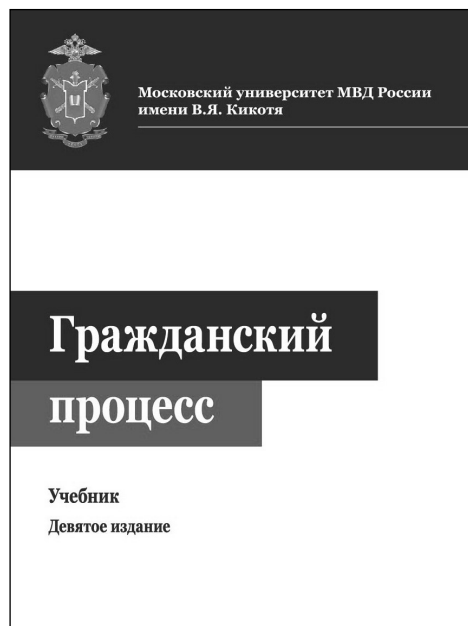
E. N. Rasskazova — Senior Lecturer of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Гражданский процесс. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-244-246>

NIJON: 2003-0059-2/22-255

MOSURED: 77/27-003-2022-02-454

Критика идей либеральной партии Пруссии в работах Ф. Ю. Штала

Федоров Роман Валерьевич^{1,2}

¹ Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия, roman-fedorof@ya.ru

² Институт государственного администрирования, Москва, Россия

Аннотация. Концепция правового государства получила бурное развитие в Новое время в странах континентальной Европы и в англосаксонской правовой системе (где использовался термин «The Rule of Law»). В России эти идеи также с интересом исследовались юристами. Особое значение имели труды Р. фон Моля, К. Т. Велькера, Р. Гнейста. Однако интерес представляют также и идеи Фридриха Юлиуса Штала, главной опоры феодальной партии Пруссии в XIX веке. В статье исследуются идеи Штала, о возможностях реформирования государства в Пруссии в XIX веке. Оппонентами Штала выступали представители либеральной партии, опирающиеся на идеи Монтескье.

Ключевые слова: правовое государство, феодальная партия Пруссии, разделение властей, правовая культура, правосознание

Для цитирования: Федоров Р. В. Критика идей либеральной партии Пруссии в работах Ф. Ю. Штала // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 244–246. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-244-246>.

Original article

Criticism of the ideas of the Liberal Party of Prussia in the works of F. Y. Stahl

Roman V. Fedorov^{1,2}

¹ Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia, roman-fedorof@ya.ru

² Institute of public administration, Moscow, Russia

Abstract. The concept of the Rule of Law has been rapidly developed in Modern times in the countries of continental Europe and in the Anglo-Saxon legal system. In Russia, these ideas have also been studied with interest by lawyers. Of particular importance were the works of R. von Mol, K. T. Welker, R. Gneist. However, the ideas of Friedrich Julius Stahl, the main pillar of the feudal party of Prussia in the XIX century, are also of interest. The article explores Stahl's ideas about the possibilities of reforming the state in Prussia in the XIX century. Stahl's opponents were representatives of the liberal Party, based on the ideas of Montesquieu.

Keywords: rule of law, feudal party of Prussia, separation of powers, legal culture, legal consciousness

For citation: Fedorov R. V. Criticism of the ideas of the Liberal Party of Prussia in the works of F. Y. Stahl. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):244–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-244-246>.

В Пруссии, после 1848 года, в силу исторических условий возникновения прусской конституции, требование парламентарного образа правления было сформулировано отчетливо и стало лозунгом прусской либеральной партии [1, с. 291]. После подавления демократического движения, король Фридрих Вильгельм IV собственной властью издал конституцию и доставил преобладание буржуазии во вновь созданных па-

латах. Буржуазия, проникнув в представительные собрания с помощью короля, сознавала необходимость сохранить сильную королевскую власть для защиты против демократии; но вместе с тем она опасалась, что король, оправившись после погрома 1848 года, раскается в своем подарке и пожелает отделаться от своего недавнего союзника, точно также как от демократии. Приступая к разработке основного закона Пруссии,

© Федоров Р. В., 2022

либеральная партия в краткий период своего господства старалась провести в законодательство парламентную систему управления. Система эта, составляя третью фазу развития конституционной теории со времени Монтескье, рассчитана именно на то, чтобы, сохраняя королевскую власть в полной силе, сделать её безопасной для буржуазного представительства.

Либеральная партия в Пруссии исходила из того, что требуется установление двухпалатной системы парламента по аналогии с Англией. Состав первой палаты может быть различным, но лучше, если она выборная и с высоким цензом, вмещающая в себя вершины денежной аристократии или даже членов по королевскому назначению. Во всяком случае, центр тяжести народного представительства покоится не в первой палате. Настоящей представительницей народа, а в данном случае буржуазии, является вторая палата; по составу она, безусловно, выборная, и, при чем, на началах ценза. В ней то и сосредоточена истинная власть государства.

Либеральная партия, главный социальный контингент которой составляла буржуазия, проникнув в палаты, едва успела приступить к разработке конституции на изложенных основаниях, как сверх чаяния во внутренней политике государства произошла крупная перемена. Феодальное дворянство, соединившись с бюрократией и пользуясь своим традиционным влиянием на короля, вытеснило буржуазию из палаты и заняло её место [2, с. 111].

С изменением состава палат изменилось и направление в разработке конституции. И здесь мы четко видим неразрывную связь между правосознанием, правовой культурой ведущих политических групп и теорией конституционализма, на основе которой разрабатывается государственное устройство. Для того, чтобы оценить по достоинству новую конституционную теорию, необходимо иметь ясное представление, как о социальном контингенте, так и о целях той партии, которая её выставила. Партия, достигшая преобладания в палатах, комплектовалась классом, так называемых владельцев рыцарских поместий (*Rittergutsbesitzer*). Происхождение этого класса объясняется исторически. После того как были уничтожены привилегии родового дворянства и дворянские земли на равных с прочими стали доступны экономическому обороту, то за некоторыми земельными участками, бывшими прежде в руках дворянства, по исключению была сохранена известного рода привилегия. Она состояла в том, что владение подобным участком давало право на вотчинный суд и полицию. Хотя многие из таких участков, получивших название рыцарских поместий, успели перейти к буржуазии, но часть оставалась в руках прежнего родового дворянства, а так как поместья эти служили единицей местного представительства в Пруссии, то постоянно считалось, что

в местных собраниях под одним титулом заседали два класса существенно отличных друг о друга — буржуазия и члены старого родового дворянства. Издавна феодальная партия, только скрипя сердцем, переносила подобное сообщество. Теперь, когда, благодаря наступившей реакции, она получила решительное влияние на законодательство, первой заботой её было обособить дворянскую часть владельцев от буржуазии. Хотя в данный момент фактическая сила была в руках дворянской партии, но удовлетворение её желания было обставлено значительными затруднениями. Дело в том, что конституция, если не по духу, то по букве продолжала оставаться в силе, так как король Фридрих Вильгельм IV решительно не поддавался на просьбы крайних феодалов устранить Конституцию одним ударом, не взирая на принесенную ей присягу. Но пока существовала конституция, категорически воспрещавшая всякие сословные отличия, не было никакой возможности восстановить сословные привилегии дворянства, отменённые почти столетия тому назад. Дворянство, следовательно, могло пользоваться вотчинным судом и полицией только под условием владения рыцарскими поместьями и, следовательно, только наряду с буржуазией. Более того, всякая политическая комбинация, направленная на преобладание дворян в качестве владельцев рыцарских поместий, по необходимости должна была коснуться и недворянской части владельцев, ибо фактическое различие обоих классов, различие в происхождении, не признавалось основным законом государства. Быть может, члены феодальной партии еще долгое время искали бы подходящую формулу для отделения этих двух классов, если бы на помощь им не пришел Фридрих Юлиус Шталь, отдавший свои таланты и знания на службу феодальной партии [3, с. 564].

Защищая феодальные притязания и ратуя против политических теорий своего времени, Шталь менее не мог избежать традиционного приёма политической аргументации в Европе XIX века. Приём этот, как известно, состоял в ссылке на английскую конституцию для оправдания теоретических воззрений. В данном случае необходимо было доказать, что консервативная теория ближе подходит к принципам английской конституции, нежели либеральная. Подобно тому, как либеральная партия приступала к анализу английской конституции с готовой рационалистической теорией естественного права, также точно и Шталь рассматривает английский учреждения с точки зрения исторического развития. Характерная особенность теории естественно-исторического развития, возникшей в двадцатых годах XIX столетия, состояло в том, что, опираясь на выводы исторической школы права, она успешно отстаивала феодальные привилегии [4, с. 98]. Требования постепенности в развитии политических учреждений, выставленные исторической школой

права, утилизировались теорией естественно-исторического развития в качестве сильных аргументов против наиболее настоятельных реформ в государстве. Оригинальность приёма Штала заключается в том, что он соединил теорию естественно-исторического развития с конституционным учением и заставил таким путем конституционные принципы служить целям феодальной партии. Но раньше нежели проводить свои воззрения Шталю необходимо было уничтожить престиж парламентарной теории либеральной партии, а это в свою очередь нельзя было иначе достигнуть как доказавши, что теория эта основана на неправильном понимании английской конституции [5, с. 142].

Таким образом, соглашаясь с тем, что Англия представляет пример наиболее совершенного политического устройства в современности, Шталь утверждал, что либеральная партия не сумела отгадать духа английских учреждений. Отличительная черта английских учреждений — естественно-историческое их развитие, отличительная черта учений либеральной партии — антиисторический дух рационализма, и в этом главная причина заблуждения либеральной теории. Истинное заимствование может состоять только в том, чтобы каждая нация также постепенно переходила от частноправового характера учреждений к государственному, как это имело место в Англии. В частности, выставляя собственную теорию конституционализма, Шталь отмечает следующие ошибки либеральной теории. Так, либеральная партия во имя принципа равенства не допускает влияние аристократических элементов в народном представительстве, тогда как в Англии всё представительство держится на крупном землевладении и

сословно корпоративном начале аристократических фамилий. Для Пруссии центром тяжести народного представительства должны служить представители землевладения и исторических традиций в государстве — в данном случае известный класс владельцев рыцарских поместий, а именно владельцы древнего и закрепленного землевладения [6, с. 113]. Желая ослабить королевскую власть, либеральная теория ссылается на Англию. Но там королевская власть только фактически ослабла, юридическое её значение сохранилась. В Пруссии же, заключал Шталь, исторически сложилась сильная королевская власть и не было оснований ослаблять её, ссылаясь на английскую Конституцию.

Список источников / References

1. Mohl R. Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. F.Enke. 1855.
2. Parisius R. Deutschlands politische Parteien und das Ministerium Bismarcks. 1878.
3. Блунчли И. К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время. СПб, 1874. (3. Bluntly I. K. Hhistory of the General government law and policy from the XVI century to the present. SPb, 1874.)
4. Walcker C. Kritik der Parteien in Deutschlad vom Standpunkte des Gneist'schen: englischen Verfassungs- und Verwaltungsrechts / von Carl Walcker. Verlag von Julius Springer. 1865.
5. Stahl F.J. Die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche: Neunundzwanzig akademische Vorlesungen. Berlin. 1863.
6. Gneist R. Der Rechtsstaat. 1872.

Информация об авторе

Р. В. Федоров — доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государственного администрирования, кандидат юридических наук.

Information about the author

R. V. Fedorov — Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of public administration, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 343.163

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-247-251>

НИОН: 2003-0059-2/22-256

MOSURED: 77/27-003-2022-02-455

Ребенок в интернет-пространстве: вопросы правового регулирования

Анастасия Сергеевна Федорова

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, anastasiya_fed.work@mail.ru

Научный руководитель: кандидат юридических наук **И. И. Головкин**

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются правовые основы обеспечения безопасности несовершеннолетних в интернет-пространстве. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа действующего российского законодательства и опыта зарубежных стран рассмотреть проблемные вопросы обеспечения безопасности несовершеннолетних в сети Интернет и предложить рекомендации по совершенствованию существующего правового регулирования в рассматриваемой сфере. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов познания, разработанных и принятых философией, теорией права и государства, отраслевыми юридическими науками. В результате автором обращается внимание на необходимость совершенствования, как национального законодательства, так и способов технического обеспечения информационной защиты несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной сети. Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в нем выводы и предложения могут быть использованы в качестве основ рассмотренного вида деятельности и совершенствования регулирующего его законодательства. Кроме того, такие могут выступать в качестве ориентиров в совершенствовании деятельности контролирующих органов.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть, ребенок, интернет, безопасность, законодательство, несовершеннолетние

Для цитирования: Федорова А. С. Ребенок в интернет-пространстве: вопросы правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 247–251. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-247-251>.

Original article

A child in the Internet space: issues of legal regulation

Anastasiya S. Fedorova

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, anastasiya_fed.work@mail.ru

Research supervisor: Candidate of Legal Sciences **I. I. Golovko**

Abstract. The subject of this study is the legal framework for ensuring the safety of minors in the Internet space. The purpose of the study is to consider the problematic issues of ensuring the safety of minors on the Internet on the basis of an analysis of the current Russian legislation and the experience of foreign countries and to propose recommendations for improving the existing legal regulation in this area. The methodological basis of the research is a set of cognition methods developed and adopted by philosophy, theory of law and the state, branch legal sciences. As a result, the author draws attention to the need to improve both national legislation and methods of technical support for information protection of minors in the information and telecommunications network. The practical significance of the study lies in the fact that the conclusions and proposals formulated in it can be used as the basis for the considered type of activity and for improving the legislation that regulates it. In addition, they can act as guidelines for improving the activities of regulatory bodies.

Keywords: information and telecommunication network, child, internet, security, legislation, minors

For citation: Fedorova A. S. A child in the Internet space: issues of legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):247–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-247-251>.

© Федорова А. С., 2022

Вне зависимости от вида правовой системы детство является важным этапом жизни человека, в связи с чем обеспечение интересов ребенка имеет приоритетное значение.

В свою очередь в условиях возрастающей с каждым днем роли интернет-пространства в жизни ребенка, которое сегодня не только средство развлечения, но и общения, а также развития, так как с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, дети стали получать образование в дистанционном формате, первоочередное значение имеют вопросы обеспечения интересов и безопасности несовершеннолетних именно в информационно-телекоммуникационной сети.

По данным исследования, проведенного АО «Лаборатория Касперского» в 2019 году, большинство детей в Российской Федерации знакомятся с гаджетами, имеющими выход в Интернет в 3 года, через несколько лет такой смартфон или планшет есть приблизительно у половины детей дошкольного возраста, а уже к 14-ти годам без гаджета не обходится ни один подросток. При этом необходимо отметить, что используют несовершеннолетние гаджеты с доступом в сеть как правило без контроля со стороны взрослых. Именно в этой связи обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних должно доминировать при построении государственной модели законодательного регулирования в данной области. Вместе с тем, принимая во внимание сложно поддающийся контролю характер сети Интернет на практике в обозначенной сфере имеется ряд проблем, решение которых как мы полагаем, возможно на основе анализа действующего российского законодательства и опыта зарубежных стран при помощи как общелогических методов познания, так и методов отраслевых наук.

Среди норм международного права, которые затрагивают вопросы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних и в которых указывается на особый статус ребенка как субъекта, имеющего право на получение информации можно выделить: «Декларацию прав ребенка», принятую 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [2, с. 385–388]; «Конвенцию о правах ребенка», одобренную Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 [4]; Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О европейской стратегии в защиту детей» № 1286 от 24.01.1996 и другие.

В национальном законодательстве обязанность государства по защите детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их здоровью, нравственному и духовному развитию закреплена в Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7].

Понятие же «информационной безопасности де-

тей» раскрывается в ст.2 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [5] (далее — Федеральный закон №436-ФЗ), который на сегодняшний день является фактически единственным нормативным правовым актом, направленным на регулирование вопросов, возникающих в процессе обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Вместе с тем глава, посвященная вопросам обеспечения информационной безопасности детей в сети Интернет в приведенном федеральном законе до настоящего времени отсутствует, что, по нашему мнению, является проблемой, препятствующей полноценной защите несовершеннолетних и требует внесения соответствующих изменений, поскольку как было отмечено выше именно во «всемирной паутине» большую долю пользователей составляют несовершеннолетние. Кроме того, к числу имеющихся и не ушедших до настоящего времени отражения в нормах российского законодательства проблем, связанных с защитой несовершеннолетних в интернет-пространстве, следует отнести: низкий уровень организации просветительской работы относительно вопросов безопасного поведения в сети Интернет, что в результате отражается на уровне интернет-грамотности несовершеннолетних; отсутствие установленного круга участников правоотношений, вовлекаемых в процесс обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних и распределения соответствующих обязанностей между ними; отсутствие дополнительных профессиональных программ, позволяющих подготовить высококвалифицированных специалистов в области информационной безопасности; отсутствие специальных средств защиты несовершеннолетних от наносящей им вред информации; отсутствие финансирования на разработку программ, обеспечивающих безопасный контент для детей.

Обозначенные проблемы, равно как и существующие интернет-угрозы, были предметом обсуждения на пленарной сессии всероссийского проекта «Архипелаг 2035», который проходил в августе 2021 года в Великом Новгороде. По итогам обсуждений было выработано единое мнение о необходимости разработки как правовых, так и организационно-методических мер, направленных на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних.

Соглашаясь с таким подходом, все же отметим, что правовые и организационно-методические меры, по нашему мнению, в целях достижения максимально эффективного результата, должны разрабатываться в комплексе с техническими решениями, позволяющими ограничить доступ несовершеннолетних к опасному для них контенту.

Безусловно, в Российской Федерации имеется ряд нормативных правовых актов, которые содержат в

себе нормы относительно обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в интернет-пространстве, однако практически все из них принимаются на так называемом подзаконном уровне и по своей сути имеют ведомственную принадлежность, регулируя вопросы, относящиеся к исследуемой области лишь фрагментарно. К примеру, в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» указывается лишь на обязанность уполномоченных прокуроров пресекать в пределах предоставленных законом полномочий использование средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, для сексуальной эксплуатации и совершения иных преступлений против несовершеннолетних [6]. При этом четко регламентированный перечень полномочий, который предоставлен законодателем прокурору в рассматриваемой сфере до настоящего времени отсутствует, равно, как и отсутствует указание на органы прокуратуры как на субъект уполномоченный осуществлять надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию в ст. 20 Федерального закона № 436-ФЗ. В то время как органами прокуратуры ежегодно принимается ни один десяток мер, направленных на защиту детей от распространения информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию. Нельзя также не отметить, что работа на данном направлении стала более эффективной после предоставления Генеральной прокуратуре Российской Федерации права внесудебного блокирования информационных ресурсов экстремистского характера. При этом, по нашему мнению, целесообразно было бы наделить прокуроров правом блокировки сайтов, содержащих информацию различного характера, которая по результатам проведенной экспертизы будет признана опасной для доступа к ней несовершеннолетних.

Не упомянуто в Федеральном законе № 436-ФЗ в качестве уполномоченного на осуществление государственного контроля (надзора) субъекта и Министерство внутренних дел (далее — МВД) России, которое в процессе осуществления возложенных на него полномочий, предпринимает не малое количество мер, направленных на обеспечение безопасности и пресечение нарушений прав несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной сети. В частности МВД РФ и его структурные подразделения наравне с иными органами власти являются постоянными участниками рабочих групп, целью деятельности которых выступает выработка и реализация безотлагательных мер, направленных на совершенствование механизма выявления, предупреждения и пресечения преступлений, связан-

ных с деятельностью лиц, склоняющих несовершеннолетних к девиантному поведению посредством оказания психологического воздействия через Интернет и всевозможные социальные сети.

В то же время проблемы, касающиеся правовой регламентации полномочий надзорных и контрольных органов по защите прав несовершеннолетних в интернет-пространстве затрагивают не только прокуроров и сотрудников МВД России, поскольку вышеуказанный федеральный закон не содержит полномочий и тех субъектов, которым в соответствии со статьей 20 надлежит обеспечивать государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. На сегодняшний день применительно лишь к Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор) разработан Административный регламент осуществления надзора в рассматриваемой сфере, который утвержден приказом Роскомнадзора от 19.12.2018 № 203. Полномочиям данного ведомства по осуществлению контроля в сети Интернет в указанном Административном регламенте посвящен отдельный раздел (п. 119–125). Кроме того, нельзя не упомянуть, что именно Роскомнадзор является оператором Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Однако в условиях существующей реальности — быстрых темпов информатизации общества, на наш взгляд, все нормы все-таки должны быть конкретизированы и закреплены в едином документе (отдельном законе), где будет отражен перечень оснований реализации государством политики в области информационной безопасности несовершеннолетних; государственных органов и их контрольных и надзорных полномочий в сфере информационной безопасности; субъектов, ответственных за обеспечение информационной безопасности детей; путей взаимодействия таких субъектов и конечный результат такового, чтобы имелась возможность оценить его эффективность; технических решений, предоставляющих возможность уполномоченным лицам ограничить поступающую в адрес несовершеннолетних негативную информацию; мер профилактики и т.д. При этом в ходе работы над указанным «специальным» законом могут быть учтены положения приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.12.2020 № 644 «О плане мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей на 2021–2027 годы», который уже содержит ряд мероприятий, направленных на обеспечение защиты несовершеннолетних в

рассматриваемой области правоотношений, а также Методических рекомендаций, направленных письмом Минпросвещения России от 07.06.2019 № 04-474.

Также многие авторы [1; 3], проводящие исследования в указанной сфере, отмечают, что в целях достижения высокого уровня защиты детей от угроз, с которыми они могут столкнуться в интернет-пространстве, имеет смысл обратиться к зарубежному опыту регулирования и обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

Например, в КНР с 2016 года введен в действие специальный закон о кибербезопасности («Cybersecurity Law of the People's Republic of China»), который на законных основаниях предоставляет уполномоченным лицам право пресечь деятельность тех, кто на просторах Интернета ставит под угрозу физическое и психическое здоровье детей [8, с. 58]. Children's Internet Protection Act, позволяющий использовать специальные фильтры и технические средства для ограничения несовершеннолетних от вредоносной информации, с 2011 года действует в США. Право на фильтрацию сомнительных сайтов путем набора ключевых слов предоставлено Бюро телекоммуникаций и связи Туземной Республики.

Помимо этого, в таких странах как Канада, Австралия широко распространены так называемые семейные фильтры — устройства и программы, предоставляющие взрослым возможность блокировать доступ несовершеннолетних к нежелательным интернет-ресурсам.

Исходя из анализа приведенных примеров, можно сделать вывод, что иностранным законодателем в первую очередь уделяется внимание разработке и внедрению на практике различных способов обеспечения информационной безопасности детей, при помощи средств технического характера.

В свою очередь среди участников СНГ, напротив, в большей степени реализуется комплекс профилактических мероприятий, направленных на защиту прав несовершеннолетних в сети Интернет. Так, на территории Республики Казахстан с 2017 года на ежегодной основе реализуется План организационных, оперативных и профилактических мероприятий по выявлению противоправного контента в сети Интернет и мерам реагирования. В Республике Беларусь субъектами профилактики (сотрудниками органов внутренних дел и педагогическими работниками) на основе издаваемых компетентными органами методических рекомендаций проводится работа по мониторингу социальных сетей на предмет выявления информации, способной причинить вред несовершеннолетним, о чем впоследствии в обязательном порядке через средства коммуникации сообщается родителям таковых.

Полагаем, что подобный опыт с учетом особенностей российской правовой действительности может

быть использован и отечественным законодателем, поскольку обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних невозможна без конкретизации базовых понятий, четко обозначенного круга обязанностей и полномочий соответствующих субъектов.

Таким образом, в результате проведенного исследования следует отметить, что действующее законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в интернет-пространстве требует своего совершенствования. При этом при введении в действие тех или иных норм следует исходить из особого статуса детей, как менее защищенных членов общества перед угрозами, которые их подстерегают на просторах информационно-телекоммуникационной сети. Считаем, что данное обстоятельство позволит учесть большинство проблемных аспектов при регулировании отношений, складывающихся в процессе обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. В качестве особенности указанной сферы отношений необходимо отметить широкий круг субъектов, наделенных обязанностями по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних, в числе которых семья, образовательные организации, представительные и исполнительные органы государства и муниципальных образований, а также органы контроля. Полагаем, что органы государства, обладая значительными административными и финансовыми ресурсами, способны решить большинство отмеченных проблем. В связи с этим обеспечение полноты правового регулирования деятельности контролирующих органов является первоочередной задачей.

Список источников

1. Власенко М. С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет : современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 3, том 1. С. 98–104.
2. Декларация прав ребенка : принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. Москва : Юридическая литература, 1990.
3. Ефимова Л. Л. Правовое регулирование информационной безопасности детей как новый правовой институт информационного права // Аграрное и земельное право. 2018. № 6 (162). С. 131–138.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Доступ из справ-

- правовой системы «КонсультантПлюс».
- О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федер. закон от 29.12.2010 №436-ФЗ : в ред. Федер. закона от 01.07.2021 № 264-ФЗ // Рос. газ. — 2010. — 31 декабря.
 - Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи [Электронный ресурс] : приказ Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 г. № 188. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
 - Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ : в ред. Федер. закона от 11.06.2021 № 170-ФЗ // Рос. газ. — 1998. — 05 августа.
 - Остроушко А. В., Букалеров А. А., Букалеров С. А. Защита информационной безопасности несовершеннолетних в КНР // Legal Bulletin. 2018. Т. 3. № 1–2. С. 58–63.
 - International Protection of Human Rights and Freedoms : Collection of documents. Moscow : Legal Literature, 1990.
 - Efimova L. L. Legal regulation of information security of children as a new legal institute of information law // Agrarian and land law. 2018. № 6 (162). P. 131–138.
 - Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989). Ratified by Resolution of the USSR Supreme Council on June 13, 1990 № 1559–1 // Access from help.-the legal system «ConsultantPlus».
 - On the protection of children from information that harms their health and development : Feder. Law № 436-FZ of 29.12.2010 : as amended. Feder. Law of 01.07.2021 № 264-FZ // Russian Gas. — 2010. — December 31.
 - On the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws on minors and youth [Electronic resource] : Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 26.11.2007 № 188. The document was not published. Access from «ConsultantPlus».
 - On the basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation: Feder. Law № 124-FZ of 24.07.1998 : as amended. Feder. Law № 170-FZ of 11.06.2021 // Ros. gaz. — 1998. — August 5.
 - Ostroushko A.V., Bukalero A. A., Bukalero S. A. Protection of information security of minors in China // Legal Bulletin. 2018. Vol. 3. № 1–2. P. 58–63.

References

- Vlasenko M. S. Ensuring the information security of minors on the Internet : the current state and improvement of legal regulation // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2019. № 3, volume 1. P. 98–104.
- Declaration of the Rights of the Child: adopted on 20.11.1959 by Resolution 1386 (XIV) at the 841st plenary meeting of the UN General Assembly //

Информация об авторах

А. С. Федорова — соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

A. S. Fedorova — Applicant of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-252-255>

NION: 2003-0059-2/22-257

MOSURED: 77/27-003-2022-02-456

Эталон демократии и демократическая практика: оценка оптимальности

Сергей Олегович Харламов¹, Сергей Леонидович Нечай²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ hardd66@mail.ru

² s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются аспекты демократических основ осуществления публичной власти в Российской Федерации, анализируются признаки демократического государства, формы осуществления народовластия. Кроме того, затронуты вопросы, связанные с реализацией демократических институтов в сочетании с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: принципы демократии, государственный режим, публичная власть, признаки демократического государства, верховенство права

Для цитирования: Харламов С. О., Нечай С. Л. Эталон демократии и демократическая практика: оценка оптимальности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 252–255. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-252-255>.

Original article

The standard of democracy and democratic practice: an assessment of optimality

Sergey O. Kharlamov¹, Sergey L. Nechay²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ hardd66@mail.ru

² s.l.nechay@gmail.com

Abstract. The aspects of the democratic foundations of the exercise of public power in the Russian Federation are examined, the signs of democracy are analyzed. In addition, issues related to the implementation of democratic institutions in combination with civil society.

Keywords: principles of democracy, state regime, public authority, signs of a democratic state, rule of law

For citation: Kharlamov S. O., Nechay S. L. The standard of democracy and democratic practice: an assessment of optimality. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):252–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-252-255>.

В публикациях многих лет научного и публицистического стиля ведущими демократическими государствами называют страны Западной Европы и США. Оценка эффективности осуществления государственной власти на демократических началах не совсем понятна. Скорее всего, это связано с примером принятия первых демократических Конституций, революционными движениями во Франции и других

западноевропейских стран, борьбой за равноправие мужчин и женщин, построением современной системы защиты прав и свобод, толерантностью и чувством справедливости. Однако все вышеперечисленные события и явления не всегда подкрепляются научно обоснованными теориями и практикой. Скорее всего, это дань традициям и мироустройству обращали внимание на ведущие передовые страны мира.

© Харламов С. О., Нечай С. Л., 2022

Проводя некий социологический опрос среди обучающихся было выявлено, что они не могут аргументированно ответить, почему демократическими странами считаются одни, а не другие. Понятно, что речь «про другие» не связана с четко выраженным авторитарным или иным не демократическим режимом правления. В основном преобладает обыкновенная точка зрения простого обывателя: «Я так чувствую». Но вспоминая фильм «Холодное лето 53» для одних это тяжелое время репрессий и гонений, для других светлое время возрождения страны после Отечественной войны с фашистской Германией. Все это оказывает противоречивое чувство. И в наше время все не однозначно. И поэтому думаем, что актуальность данной статьи вызовет несомненный интерес.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, д.ю.н., профессор В. Д. Зорькин в книге «Конституционно-правовое развитие России» отвечает на вопрос: «Нужна ли демократия в России» однозначно: «Несомненно». Но в целом он осторожно подходил к вопросу об идеалах демократии и практики построения правового, демократического государства в России [1].

Вопросы поиска эталона демократии занимали умы великих мыслителей на протяжении всей истории народовластия.

Так, ещё в античные времена, зарождались различные формы народного самоуправления, наиболее известной из которых стала афинская демократия. Такие мыслители и государственные деятели, как Перикл, Платон и Аристотель высказывали свои мнения в пользу или, напротив, в противовес народовластия. По происшествии почти двух тысячелетий в Новое Время, ввиду усложнения социальных и экономических отношений вопросами народовластия были озабочены Дж. Локк, Д. Юм, Т. Гоббса, Ш. Монтескье и др. Демократические революции XVIII–XIX вв. соединили теорию и опыт претворения демократии в трудах Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, А. Токвиля. В новейшее время теоретические концепции эталона демократии находят отражение в трудах таких известных ученых, как Р. Даля, П. Сингера, Д. Белла, К. Поппера. Их труды посвящены, таким глобальным темам, как поискам идеальной демократической модели, критериям демократии, стандартам демократического общества. Например, американский политолог Р. Даль соотносит теорию демократии и практику современного демократического процесса. При сопоставлении особенностей демократического правления с типом экономической системы он указывает на многофакторность данного процесса, в том числе, анализ сложившейся исторической и политической ситуации в государстве [2].

Необходимо отметить, что усложнение социально-

экономического развития и глобализация, как на всем протяжении существования демократической мысли, та и до сих пор оказывают существенное влияние на мнения по поводу идеальных критериев демократии.

В современном мире продолжают попытки поиска эталона демократии. В настоящее время существует ряд известных и авторитетных мировых индексов демократии: CNTS DataArchive (США), DemocracyBarometer (Швейцария), FreedomHouse (США), Polity IV (США), SGI (Германия), а также индекс журнала «TheEconomist» (Великобритания). Они при помощи различных методик выражают количественные показатели эталона демократии. Указанные индексы рассчитываются неправительственными организациями и изданиями, которые номинально объявляют свою независимость. При этом, следует предположить, что их территориальное расположение и государственная принадлежность (США, Великобритания, Германия, Швейцария) оказывают значительное влияние на аксиологические ориентиры эталона демократии.

В этой связи, Российская Федерация традиционно находится внизу рейтинга государств, соответствующих западным стандартам демократии. Так, по версии британской компании EconomistIntelligenceUnit Россия в ежегодно публикуемом индексе демократии по итогам 2020 года заняла 124-е место. В прошлом году наше государство занимало 134-е место. По версии западного исследования Российская Федерация находится в последней группе индекса «авторитарные режимы» и приравнивается к таким государствам, как Эфиопия (123-е место) и Нигер (125-е место) [3].

Геополитика, исторически сложившиеся западные ценности и субъективный фактор оказывают на рассматриваемые индексы демократии существенное воздействие и смещают вектор эталона в сторону Запада.

Однако, в других демократических государствах, в том числе, в нашей стране данные стандарты не приобретают настолько масштабной организации анализа индекса демократии во всех странах мира. Зачастую они применяются только в рамках теоретических исследований.

Между тем, учитывая специфику исторического развития нашего государства, ментальности и опыта демократического развития России создание масштабного отечественного индекса демократии, его популяризация и проведение сравнительного анализа с состоянием демократии в других странах позволило бы показать реальное положение российского народовластия.

Мы полностью не можем ответить на вопрос «Есть ли демократия в России или ее нет», но некоторые размышления мы представим исследователям, читателям.

Анализируя первоначальный текст Конституции

Российской Федерации, за который мы проголосовали в 1993 году, можно еще раз сделать вывод, что в нем изложены все достижения в области права, цивилизационных ценностей, норм гуманитарного права и сохранения преемственности поколений. Во многом принятие Конституции Российской Федерации повлияло на стабилизацию политической ситуации в России. Данное обстоятельство подтверждает, что в Конституции Российской Федерации учтен баланс интересов различных политических сил того времени. Сохранение баланса интересов является основой сохранения стабильности в развитии государства и ее политической системы. Мы не хотели бы вступать в дискуссию по вопросу сохранения баланса интересов различных политических сил, социальных групп и др. Наша задача другая. Считаем, что оценка эталона демократии дело тонкое и сложное и в принципе не поддается полному анализу, исходя из того что в мире нет ни одного похожего друг на друга государства. Переложить лекало эталона демократии на государственное (конституционное) устройство какой-то страны невозможно сказать, что это то, к чему в своем развитии должны стремиться все государства мира.

На наш взгляд схематично основными началами демократического режима являются (в отличие от антидемократического):

<i>Демократический режим</i>	<i>Антидемократический режим</i>
1. Верховенство права (верховенство закона). 2. Принцип разделения властей. 3. Многопартийность 4. Политический плюрализм, свобода слова, свобода СМИ. 5. Признание и защита прав и свобод человека и гражданина. 6. Наличие действительного местного самоуправления. Децентрализация публичной власти. 7. Свобода проведения выборов. Альтернативность кандидатур.	1. Политическая целесообразность выше правоустановлений. 2. Сращивание государственного аппарата с правящей партией, классом, группой. 3. Однопартийность, наличие подпольных партий (ячеек). 4. Преследование политических оппонентов, огосударствление СМИ, запрет (иногда тайный) на публичные высказывания. 5. Ущемление прав и свобод, введение чрезмерных обязанностей. 6. Соподчинение нижестоящих органов публичной власти вышестоящим. Жесткое подчинение. 7. Существенные ограничения на участие выборов, безальтернативность.

Перечень конечно не исчерпывающий, мы указали только основные из них.

Погрузившись в действительность Российской государственности можно отметить, что демократические начала в осуществлении публичной власти не опровержимы. Нельзя с полной уверенностью сказать, что наш многонациональный народ достиг эталона, но

основополагающие начала демократии имеются и они развиваются.

В широком общественном обсуждении находится вопрос о верховенстве права и верховенстве закона. Особое внимание общественности вызывают процессы необходимости принятия так называемых антиконституционных законов и иных нормативных правовых актов. К сожалению, простой обыватель не интересуется научным обоснованием принятия законов и вступлением их в силу. Повторимся, все анализируется на чувствах и ощущениях. Запретили курение в общественных местах — ущемление прав и свобод трактует обыватель. Заставляют оформлять полис ОСАГО — оказывают давление и т. д. Широкой общественности, к сожалению, никто не объясняет причины и условия принятия данных законов, а та информация, которая доводилась в ходе обсуждения проекта закона, уже забылась. На наш взгляд, к разъяснительной работе надо широко применять знания студенчества, огромную армию волонтеров и общественные организации.

Несомненным достижением демократических преобразований в Российском государстве является свобода слова. Многие ученые государствоведы, политические деятели отмечают данное достижение как основу демократии [4, с. 109–115]. Но нельзя забывать про пределы реализации свободы слова. Несанкционированные митинги, шествия и другие формы якобы свободного волеизъявления выходят за пределы действия закона и являются правонарушениями.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 720 с.
2. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М. : Наука, 1991. 125 с.
3. Democracy Index 2020 : In sickness and in health? // <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/> (дата обращения: 07.12.2021).
4. Конституционное право России : учеб. для студентов вузов / науч. ред. В. О. Лучин, Б. С. Эбзеев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

References

1. Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia. M. : Norma: INFRA-M, 2011. 720 p.
2. Dal R. Introduction to economic democracy. Moscow : Nauka, 1991. 125 p.
3. Democracy Index 2020 : In sickness and in health? // <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/> (date accessed: 12.07.2021).
4. Constitutional law of Russia : textbook for university students / ed. I. N. Luchin, B. S. Ebzeev. M. : UNITY-DANA, 2021.

Информация об авторах

С. О. Харламов — начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

С. Л. Нечай — старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук.

Information about the authors

S. O. Kharlamov — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

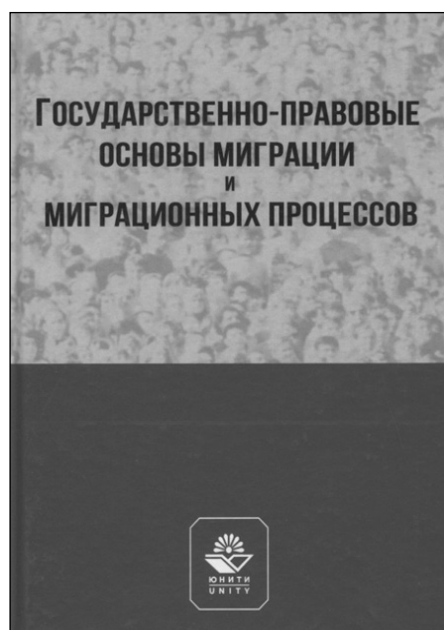
S. L. Nechay — Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.С. Прудникова. 535 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебное пособие подготовлено с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению миграции и ее правового регулирования, обеспечивающих положительную динамику развития миграционных процессов. В частности, в нем нашли отражение такие понятия, как «миграция и миграционная система», «международные стандарты в области регулирования миграции населения», «порядок приобретения гражданства», «правовые основы предоставления статуса беженца и временного убежища».

Дается общая характеристика деятельности государственных органов, участвующих в реализации национальной миграционной политики.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

Научная статья

УДК 340.130.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-256-260>

NIJON: 2003-0059-2/22-258

MOSURED: 77/27-003-2022-02-457

Дублирование норм российского законодательства как проблема его подробной регламентации в нормативных актах МВД России

Кирилл Александрович Чернигин¹, Станислав Александрович Иванов²

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия, kchernigin@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivan.tgp@yandex.ru

Аннотация. Анализ современного ведомственного нормотворчества на примере МВД России свидетельствует о наличии такой актуальной проблемы при подготовке нормативных правовых актов как дублирование нормативного материала, поскольку такое дублирование представляет собой копирование норм большей юридической силы без каких-либо ссылок на используемый акт и без последующего их развития и должна расцениваться как дефектный инструмент, способствующий возникновению «расплывчатости» нормативных предписаний для правоприменителя. Помимо этого, практика такого дублирования создает неопределенность в иерархии нормативных правовых актов, что, в свою очередь, ведет к снижению эффективности правового механизма, регулирующего общественные отношения.

Ключевые слова: федеральный закон, ведомственное нормотворчество, нормативный правовой акт, юридическая техника, дублирование нормативного материала, правотворческий процесс

Для цитирования: Чернигин К. А., Иванов С. А. Дублирование норм российского законодательства как проблема его подробной регламентации в нормативных актах МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 256–260. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-256-260>.

Original article

Duplication of the norms of Russian legislation as a problem of its detailed regulation in the regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kirill A. Chernigin¹, Stanislav A. Ivanov²

¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia, kchernigin@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ivan.tgp@yandex.ru

Abstract. The analysis of modern departmental rulemaking on the example of the Ministry of Internal Affairs of Russia indicates the presence of such an urgent problem in the preparation of normative legal acts as duplication of normative material, since such duplication is a copying of norms of greater legal force without any references to the act used and without their subsequent development and should be regarded as a defective tool that contributes to the emergence of «vagueness» for the law enforcement officer. In addition, the practice of such duplication creates uncertainty in the hierarchy of normative legal acts, which, in turn, leads to a decrease in the effectiveness of the legal mechanism regulating public relations.

Keywords: federal law, departmental rulemaking, normative legal act, legal technique, duplication of normative material, law-making process

For citation: Chernigin K. A., Ivanov S. A. Duplication of the norms of Russian legislation as a problem of its detailed regulation in the regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):256–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-256-260>.

© Чернигин К. А., Иванов С. А., 2022

Ускоренное развитие современного общества, выработка новых правовых и социальных взаимоотношений между гражданином и государством напрямую указывает на необходимость совершенствования многоуровневого российского законодательства. Указанное обстоятельство свидетельствует о непрерывном росте объема российского законодательства всех уровней, в том числе ведомственных нормативных правовых актов, издаваемых в его исполнение. Важно подчеркнуть, что по состоянию на ноябрь 2021 года, согласно электронному portalу «Нормативные правовые акты в Российской Федерации», за ведение которого ответственно Министерство юстиции Российской Федерации, в стране насчитывается 133 676 нормативных правовых актов федерального уровня, а нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти 65 460 документов¹, что составляет около половины федерального массива нормативных актов.

Различные аспекты развития российского законодательства в целом с момента его становления и до современного состояния исследовали такие видные ученые-юристы как А. С. Пиголкин, Ю. Н. Тихомиров, В. М. Баранов, С. С. Алексеев и другие. Их усилиями были предложены и внедрены множество различных процедур в правотворческий процесс Российской Федерации, а также различные приемы правотворческой и правосистематизационной техники.

Однако в настоящее время по результатам теоретического и практического исследования российского законодательства было выявлено, значительное количество проблем, одна из которых это проблема стремительного развития ведомственного нормотворчества, содержащая признаки сравнительно-правового, визуального, структурного, понятийного характера и касающаяся дублирования нормативного материала в ведомственных нормативных актах, в том числе и в нормативных актах МВД России, что, собственно, и предполагается исследовать в рамках настоящей статьи.

Особое внимание данной проблеме уделяется не случайно, ведь приводя статистические данные и указывая на увеличение документов, содержащих нормативные предписания по различным сферам деятельности, отмечается, что их количество влияет на их качественную составляющую. На основании вышеизложенного следует согласиться с позицией Е. А. Романовой, которая отмечала, что проблематика текстового содержания нормативных правовых актов нуждается в особом тщательном теоретическом рассмотрении как с позиции теории государства и права, так и с точки зрения других наук, а также различных

¹ Нормативные правовые акты в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный портал Научного центра правовой информации при Минюсте России. URL: <http://pravo.minjust.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).

юридических инструментов, в частности нормативный материал должен быть подвергнут тщательному технико-юридическому анализу [1, с. 57].

Дословное дублирование положений российского законодательства в ведомственном нормативном акте может быть в 2-х формах: без конкретных ссылок на использованные нормативные предписания, либо, наоборот, с указанием соответствующей ссылки.

Описывая причины данного инструмента развития нормативных предписаний, О. В. и В. В. Фроловы обращают внимание на то, что высокий рост издания нормативных правовых актов порождает их «лишнее» количество, что в свою очередь производит дублирование и юридические противоречия [2, с. 5]. С указанными авторами необходимо согласиться в том, что неизбежность дублирования нормативных предписаний занимает прочные позиции в правотворчестве, в связи с большим количеством принимаемых нормативных правовых актов. Однако, чтобы решить эту проблему, нельзя существенно ограничивать количество издаваемых актов, ввиду высокдинамичного развития общественных отношений.

При обсуждении такой проблемы как дублирование нормативного материала, необходимо ответить на ряд вопросов: какое юридическое значение заключено в дублировании нормативного материала российского законодательства в ведомственных нормативных актах? Имеется ли в этом смысл и целесообразность? Является ли дублирование дефектным инструментом в правотворчестве?

Для наиболее полного определения того как дублирование нормативного материала российского законодательства отражается в нормативных правовых актах МВД России можно обратить внимание на два документа, а именно: Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденное Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065² и Положение об осуществлении в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации проверки до-

² Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 (ред. от 10.12.2020) «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» (вместе с «Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению») // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.09.2009. № 39. Ст. 4588.

стоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, и работниками, замещающими указанные должности, утвержденное Приказом МВД России от 26 июня 2013 г. № 472¹. Изучив указанные нормативные правовые акты, можно сделать вывод о том, что ведомственное Положение слово в слово дублирует права и обязанности субъектов соответствующей проверки, а также сам порядок и сроки проверки. Исключение составляет только то, что ведомственное положение конкретизирует должностных лиц, осуществляющих данную проверку.

Помимо этого, следует обратить внимание на пример еще одного дублирования. Так, в части 3 статьи 2 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», содержится информация об элементарном составе денежного довольствия сотрудника органов внутренних дел². Вместе с тем, в пункте 1 Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Приказом МВД России от 31 марта 2021 г. № 181³ полностью дублирована норма, изложенная в вышеуказанном федеральном законе, с указанием ссылки. Исходя из этого, можно сделать вывод, что субъект, ответственный за подготовку ведомственного нормативного акта не учел юридическую значимость и смысл дублирования указанной нормы, чем

поставил в один ряд федеральный закон и ведомственный нормативный акт.

Кроме этого, можно привести пример, не относящийся к дублированию норм российского законодательства в нормативных правовых актах МВД России, но в свою очередь, свидетельствующей о том, что такая правотворческая практика лишь расширяется. Так, Министерством труда Российской Федерации в федеральные министерства было направлено письмо от 15 октября 2012 г. № 18-2/10/1-2088⁴, приложением к которому был «Обзор типовых случаев конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядок их урегулирования» с рекомендациями издать соответствующие ведомственные акты, в которых должна быть учтена специфика каждого ведомства. Однако МВД России указанная информация была лишь принята к сведению, а принятия соответствующих актов не было, изменений не произведено. Сегодня в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на официальных сайтах управлений МВД России мы можем наблюдать указанный обзор, который не адаптирован для полиции, при этом указанный документ используется при проведении профилактической работы с личным составом органов внутренних дел.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что целью принятия какого-либо документа, содержащего нормативные предписания, является возникновение определенной потребности в регулировании новых сформировавшихся общественных отношений.

Е. А. Юртаева в своих трудах обращала внимание на то, что в случае появления на свет правовой нормы, она начинает оказывать регулирующее влияние на всю совокупность законодательства, из чего необходимость повторного издания подобной нормы в других нормативных правовых актах возникать не должна [3, с. 32]. С мнением автора необходимо согласиться, только если исследовать нормативные правовые акты равного иерархического уровня.

Однако в российском законодательстве повсеместно встречаются нормативные правовые акты меньшей юридической силы, в которых дублируется как нормативный материал, так и смысл, изложенный в нормативных правовых актах федерального уровня. Такое явление может свидетельствовать о нарушении принципа экономичности в правотворческой деятельности. Указанный принцип подразумевает под собой сокращение до минимума количества актов по одному и тому же вопросу в интересах лучшей обзорности

¹ Положение об осуществлении в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, и работниками, замещающими указанные должности, утвержденное Приказом МВД России от 26 июня 2013 г. № 472 // Российская газета. 24.09.2013. № 160.

² Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 157. 21.07.2011.

³ Порядок обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 31 марта 2021 г. № 181 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 29.04.2021.

⁴ Письмо Минтруда России от 15.10.2012 № 18-2/10/1-2088 «Об обзоре типовых случаев конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядке их урегулирования» (вместе с «Обзором типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования») // Документ опубликован не был.

нормативного материала, облегчения пользования им, учета и систематизации. О. Д. Овчинникова и А. М. Шаганян справедливо замечают, что нарушение такого принципа приводит к увеличению объема действующего правового регулирования, а работа правоприменителя по поиску необходимых норм усложняется [4, с. 13].

Следует заметить, что дублирование нормативного материала российского законодательства в нормативных правовых актах МВД России объединяет юридическое значение нормативного материала первоисточника. Понятно, что дублирование федеральной нормы в ведомственном документе никаким образом не влияет на характер воздействия данной правовой нормы на конкретное общественное отношение, то есть она все равно действует. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что дублируемый материал не содержит обособленного юридического значения и оказывает негативное влияние на ведомственный нормотворческий процесс.

Вместе с этим, задача ведомственных нормативных актов, состоит в конкретизации норм российского законодательства в различных сферах деятельности федеральных органов исполнительной власти, то они не должны служить дубликатом его материальных норм. Напротив, ведомственные нормативные акты должны содержать большое количество процессуальных (процедурных) норм права, которые в свою очередь придают документам особую индивидуальность и самобытность, помогают налаживать организацию исполнения вышестоящих нормативных предписаний. Без существования ведомственных нормативных актов, содержащих большой объем качественных процессуальных норм права невозможно индивидуальное существование любого органа власти.

На основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что в научных кругах сложилось единое мнение, что дублирование нормативного материала как средство юридической техники в современном правотворчестве Российской Федерации, нецелесообразно. Вместе с этим, учитывая то, что совершенствование законодательного и ведомственного нормотворческого процесса еще только набирает обороты, радикально относиться к этой проблеме, не представляется возможным. По нашему мнению, рациональность использования дублирования нормативного материала, изложенного в российском законодательстве необходимо в первую очередь оценивать с точки зрения правовой корректности. Полагаем, что в настоящее время необходимо активнее унифицировать нормативные правовые акты, которые одинаково применимы в разных сферах и ведомствах, вследствие чего отпадает необходимость производить разработку и принятие дополнительных документов в рамках каждого отдельного субъекта правоприменения.

Проблему существования такого явления как дублирование, В. М. Баранов видит в недостаточном количестве высококвалифицированных специалистов в сфере издания нормативных правовых актов. Тем самым он предложил создать «корпус высокопрофессиональных норморайтеров», которые «переориентируют правотворческую политику и станут непреодолимой преградой для дефектного правотворчества» [5, с. 29].

С его позицией можно согласиться, ведь если изучить структуру МВД России, то формированием и совершенствованием нормативно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел занимается Договорно-правовой департамент МВД России¹, сотрудники которого обладают всем набором профессиональных качеств, а также технических средств для надлежащего проведения правовой работы в целом. Однако учитывая то, что в нормативных правовых актах МВД России существует проблема дублирования нормативного материала, то, что можно говорить о территориальных органах, где задача по изданию нормативных правовых актов возлагается на специалистов, обладающих меньшей компетенцией, либо на других лиц, вовсе не имеющих отношение к правовой работе.

Список источников

1. Романова Е. А. К вопросу о правовых текстах // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 1. С. 55–57.
2. Фролова О. В., Фролов В. В. Российская цивилизация, государство и право : проблемы и пути их решения // Юридическая наука. 2020. № 6. С. 4–7.
3. Юртаева Е. А. Нормативность законодательства : современные модуляции в российском правотворчестве // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 28–39.
4. Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. Некоторые проблемы соблюдения требований юридической техники в нормотворчестве органов внутренних дел // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. С. 9–14.
5. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16–29.

References

1. Romanova E. A. To the question of legal texts // Problems of economics and legal practice. 2010. № 1. P. 55–57.
2. Frolova O. V., Frolov V. V. Russian Civilization,

¹ Нормативные правовые акты в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный портал Научного центра правовой информации при Минюсте России. URL: <http://pravo.minjust.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).

- State and Law : Problems and Ways to Solve // Legal Science. 2020. № 6. P. 4–7.
3. Yurtaeva E. A. Normativeness of Legislation : Modern Modulations in Russian Lawmaking // Journal of Russian Law. 2012. № 11. P. 28–39.
 4. Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M. Some problems of compliance with the requirements of legal technique in the rule-making of internal affairs bodies // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. P. 9–14.
 5. Baranov V. M. Standard writer as a profession // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 6 (119). P. 16–29.

Информация об авторах

К. А. Чернигин — адъюнкт кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

С. А. Иванов — Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

K. A. Chernigin — Adjunct of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

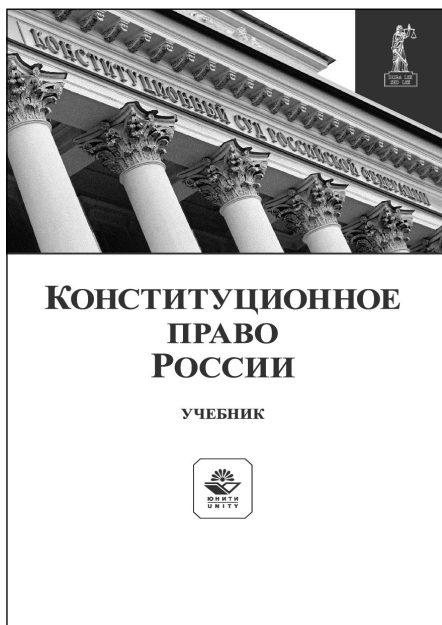
S. A. Ivanov — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина; под общ. ред. К.К. Гасанова, Л.Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-261-263>

НИОН: 2003-0059-2/22-259

MOSURED: 77/27-003-2022-02-458

Отдельные аспекты деятельности прокурора при производстве предварительного расследования следователями и дознавателями

Юрий Владимирович Шелегов¹, Марина Павловна Перякина², Владимир Николаевич Шапочанский³

¹ Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, shelegoff@list.ru

² Филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Пятигорск, Россия, marihenka.78@mail.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, vnlc18@yandex.ru

Аннотация. Подробно рассматриваются отдельные аспекты деятельности прокурора при решении судом вопроса о производстве отдельных следственных действий, применении мер уголовно-процессуального принуждения. Делается акцент на тот факт, что в настоящее время прокурор выполняет разрешительную функцию лишь по отношению к дознавателям, в то время как в отношении следователей этот механизм утрачен.

Ключевые слова: законность, предварительное расследование, ходатайства, следствие, дознание, следственные и процессуальные действия

Для цитирования: Шелегов Ю. В., Перякина М. П., Шапочанский В. Н. Отдельные аспекты деятельности прокурора при производстве предварительного расследования следователями и дознавателями // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 261–263. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-261-263>.

Original article

Separate aspects of the activities of the prosecutor during the preliminary investigation by investigators and interesting officers

Yury V. Shelegov¹, Marina P. Peryakina², Vladimir N. Shapochansky³

¹ Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, shelegoff@list.ru

² Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Pyatigorsk, Russia, marihenka.78@mail.ru

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, vnlc18@yandex.ru

Abstract. Some certain aspects of the activities of the prosecutor when the court decides on the production of certain investigative actions, the application of measures of criminal procedural coercion discusses are considered in detail. It is focused on the fact that at present the prosecutor performs a permissive function only in relation to interrogators, while in relation to investigators this mechanism has been lost.

Keywords: legality, preliminary investigation, motions, investigation, inquiry, investigative and procedural actions

For citation: Shelegov Yu. V., Peryakina M. P., Shapochansky V. N. Separate aspects of the activities of the prosecutor during the preliminary investigation by investigators and interesting officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):261–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-261-263>.

Полномочия прокурора на участие в рассмотрении ходатайств о проведении следственных и процессуальных действий, требующих судебного санкционирования предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законодательством. Такая норма, в частности, содержится в п. 8 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что различные субъекты предварительного расследования имеют различный алгоритм подачи таких ходатайств: если дознаватель вносит данные ходатайства путем согласования с прокурором, то следователь вправе направлять их самостоятельно, согласовав лишь с

© Шелегов Ю. В., Перякина М. П., Шапочанский В. Н., 2022

руководителем следственного органа. При этом, следователь не обязан даже сообщить прокурору о факте направления вышеозвученного ходатайства в суд. Исходя из вышеуказанного, можно прийти к выводу о том, что надзор за законностью и обоснованностью подобных ходатайств со стороны следователя для прокурора становится трудноосуществим.

Следует отметить, что подобное положение вещей не всегда было представлено именно таким образом. Так, утративший силу приказ Генеральной прокуратуры от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прямо предусматривал необходимость сообщения следователем прокурору информации о поданном в судебные органы ходатайстве о проведении следственного либо процессуального действия, требующего судебного санкционирования. Согласно требованиям данного приказа, уведомление должно было проходить в соответствии с порядком, установленным ч. 2 ст. 29 УПК РФ, кроме того в обязательном порядке требовалось предоставлять копии документов и иных материалов, которые бы обосновывали необходимость направления указанного ходатайства. Подобная практика позволяла прокурору своевременно выработать собственную позицию относительно необходимости проведения следственного либо процессуального действия, требующего судебного санкционирования, либо применения меры процессуального принуждения.

Вместе с тем, несмотря на тот факт, что содержащийся в выше озвученном приказе алгоритм удовлетворял требованиям здравого смысла и позволял эффективно осуществлять надзор, в сменивших его приказах подобной обязанности следователя не содержалось.

Вместе с тем, ученые-процессуалисты высказывали свое мнение относительно того, что получение прокурором копий материалов, направленных следователем в суд для судебного санкционирования обусловило бы возможность в спокойной обстановке сформулировать позицию относительно данных материалов, с которой прокурор может выступить в судебном заседании [1].

Одним из наиболее актуальных вопросов в данном свете выступает вопрос роли прокурора при судебном санкционировании ходатайств следователя. Становится неясным, может ли он иметь свою собственную точку зрения относительно поданного ходатайства (возможно, отличную от мнения следователя и руководителя следственного органа), либо же он обязан придерживаться генеральной линии, избранной органами следствия.

Если принять во внимание тот факт, что согласно ч. 6 ст. 108 УПК РФ, на прокурора (либо следователя) возлагается обязанность непосредственно после объявления заявленного ходатайства судьей, произнести речь в обоснование данного ходатайства. Таким образом, синтезировав во взаимосвязи вышеизложенные

нормы, мы приходим к выводу о том, что законодатель предполагает, что прокурор является стороной обвинения в судебном заседании на котором решается вопрос проведения следственных или процессуальных действий судебного санкционирования, либо в судебных заседаниях, где решается вопрос о применении мер процессуального принуждения [2].

Вместе с тем, иную позицию мы встречаем в актах Генеральной прокуратуры, а также в уголовно-процессуальной доктрине. В приведенных выше приказах Генеральной прокуратуры однозначно прослеживается мысль о том, что мнение прокурора по поводу заявленного в суд ходатайства вовсе не обязано иметь обвинительный уклон и совпадать с мнением органов предварительного следствия. Кроме того, указанной позиции также придерживаются многие ученые-процессуалисты, которые в своих умозаключениях солидарны с позицией, изложенной в актах прокуратуры. Их позиция обуславливается тем фактом, что прокурор должен, прежде всего, реализовывать свою надзорную функцию, а причисление его к стороне обвинения само по себе подразумевает абстрагирование от оной.

Данная позиция подтверждается тем фактом, что далеко не всегда суды отказывали в удовлетворении ходатайств в том случае, если позиция прокурора не совпадала с позицией следственного органа и следователя. В частности, в случае если прокурор заявлял о том, что основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу в данном конкретном случае отсутствуют [3].

По-нашему мнению, мнение прокурора по выше озвученным вопросам не должно иметь приоритет для суда и должно рассматриваться в совокупности с доводами следователя и руководителя следственного органа, во взаимосвязи с ними, а не в отрыве от них. На суд, безусловно, возлагается обязанность установления истины по делу, для чего необходимо принятие во внимание всех материалов дела, а также обязательный учет мнения всех сторон.

Вместе с тем, по мнению другой группы ученых, отсутствие поддержки заявленного органами следствия ходатайства со стороны прокурора должно автоматически означать необходимость суда отказать в удовлетворении данного ходатайства. Это обусловлено, опять же, тем фактом, что прокурор является лицом ответственным за соблюдение законности, что автоматически обязывает суд принимать во внимание факт отказа прокурора в поддержании ходатайства. По мнению данной группы авторов, непринятие во внимание позиции прокурора по данному вопросу означает нивелирование надзорной функции последнего. Указанная точка зрения, безусловно, принимается нами во внимание и лишней раз подчеркивает наличие коллизии по вопросу необходимости уведомления следователем или руководителем следственного органа прокурора при направлении описанных выше ходатайств в суд [5].

Таким образом, независимо от того, к какой группе ученых следует прислушаться относительно роли прокурора на данного рода судебных заседаниях, приходим к выводу о необходимости снятия имеющейся коллизии. По-нашему мнению, одним из возможных выходов может быть дополнение действующего уголовно-процессуального законодательства нормой, согласно которой копия самого ходатайства, а также все сопутствующие материалы необходимо незамедлительно направляться прокурору. Это позволит, с одной стороны, своевременно выработать прокурору позицию относительно заявленного органами предварительного следствия ходатайства, а с другой стороны будет способствовать унификации уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. Халиулин А. Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания // Законность. 2008. № 5. С. 15–20.
2. Колоколов Н. А. Глава 52 УПК РФ : новое в законе // Уголовный процесс. 2007. № 6. С. 30–37.
3. Васильев А. М., Васильева Н. А. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 46–48.
4. Перякина М. П. Международные основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-osnovy-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-lits> (дата обращения: 07.04.2022).

Информация об авторах

Ю. В. Шелегов — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

М. П. Перякина — заведующий кафедры уголовного права и процесса филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова в г. Пятигорск;

В. Н. Шапочанский — старший преподаватель кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России.

Information about the authors

Yu. V. Shelegov — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia);

M. P. Peryakina — Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Branch of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov in Pyatigorsk;

V. N. Shapochansky — Senior Lecturer of the Fire Training Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 342.924

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-264-267>

NION: 2003-0059-2/22-260

MOSURED: 77/27-003-2022-02-459

У Росгвардии недостаточно полномочий на осуществление административно-юрисдикционной деятельности в ходе обеспечения государственной и общественной безопасности

Виктор Михайлович Шеншин

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия, vitya-shen@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на недостаточности полномочий Росгвардии по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях в ходе обеспечения государственной и общественной безопасности. Разработан дополнительный комплекс мер, которые могут быть положены в основу формирования новых полномочий должностных лиц указанного властного органа при осуществлении ими производства по делам об административных правонарушениях. Внесены предложения по совершенствованию административного законодательства, регулирующего производство по делам об административных правонарушениях. Выявлен пробел в правовом регулировании по обеспечению войсками национальной гвардии государственной и общественной безопасности, заключающийся в том, что рассматриваемый федеральный орган исполнительной власти ни одну из форм предварительного расследования не осуществляет, что негативно сказывается на стратегическом планировании деятельности Росгвардии в сфере предупреждения преступлений. Высказывается предложение о необходимости подготовки в образовательных организациях высшего образования Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации соответствующих специалистов.

Ключевые слова: административно-юрисдикционная деятельность, государственная безопасность, общественная безопасность, Росгвардия, производство по делам об административных правонарушениях, предварительное расследование, образовательные организации

Для цитирования: Шеншин В. М. У Росгвардии недостаточно полномочий на осуществление административно-юрисдикционной деятельности в ходе обеспечения государственной и общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 264–267. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-264-267>.

Original article

Rosgvardiya does not have enough authority to carry out administrative and jurisdictional activities in the course of ensuring state and public security

Viktor M. Shenshin

Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Saint Petersburg, Russia, vitya-shen@mail.ru

Abstract. The article focuses on the insufficiency of the powers of the Rosgvardiya to carry out proceedings on cases of administrative offenses in the course of ensuring state and public security. An additional set of measures has been developed that can be used as a basis for the formation of new powers of officials of the specified authority when they carry out proceedings on cases of administrative offenses. Proposals have been made to improve the administrative legislation regulating the proceedings in cases of administrative offenses. A gap has been identified in the legal regulation on the provision of state and public security by the National Guard troops, which consists in the fact that the federal executive body under consideration does not carry out any form of preliminary investigation, which negatively affects the strategic planning of the activities of the Rosgvardiya in the field of crime prevention. A proposal is made on the need to train relevant specialists in higher education institutions of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation.

© Шеншин В. М., 2022

Keywords: administrative and jurisdictional activities, state security, public security, Rosgvardiya, proceedings on administrative offenses, preliminary investigation, educational organizations

For citation: Shenshin V. M. Rosgvardiya does not have enough authority to carry out administrative and jurisdictional activities in the course of ensuring state and public security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):264–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-264-267>.

Конституционные предписания содержат положения о том, что человек, его права являются высшей ценностью, обязанностью государства выступает их признание, соблюдение и защита (статья 2 Конституции Российской Федерации). Признание и гарантирование прав граждан осуществляется в соответствии с Основным законом российского государства (статья 17). Признавая, что права гражданина являются непосредственно действующими, Конституцией Российской Федерации в статье 18 установлено, что они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность исполнительной власти и обеспечиваются правосудием. Не менее важным обстоятельством выступает право каждого гражданина на защиту своей чести и доброго имени (статья 23).

В пункте 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту — Стратегия) при достижении целей государственной и общественной безопасности устанавливаются задачи, направленные на снижение уровня криминализации общественных отношений; профилактики, предупреждения и пресечения правонарушений¹.

Каждое государство самостоятельно в определении системы органов, обеспечивающих национальную безопасность и ее виды. В масштабе обеспечения национальной безопасности Президентом Российской Федерации было принято решение о создании на базе внутренних войск МВД России нового федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия)².

В соответствии с Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации относится к федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим государственное управление в предусмотренных законодательством сферах деятельности. Указом Президента РФ от 30.09.2016 № 510 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» утверждено Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

Одним из ключевых направлений деятельности Росгвардии по обеспечению государственной и об-

щественной безопасности выступает организация и осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях производства по делам об административных правонарушениях, отнесенного к компетенции войск национальной гвардии (подпункт 26 пункта 9 Указа Президента РФ № 510).

Указанное полномочие есть не что иное, как реализация практической направленности административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии [3]. Характеризуя указанный институт административного права А.О. Дрозд рассматривает ее как «характерную процедуру по рассмотрению определенных дел, связанных с назначением наказания, завершающуюся принятием соответствующего акта, отличного от актов, принимаемых на каждой из стадии производства по делам об административных правонарушениях» [1].

Отметим, что административно-юрисдикционная деятельность Росгвардии регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (части 1 и 1.1 статьи 8.37, статьями 14.1 (в части соблюдения требований законодательства об оружии, частной детективной (сыскальной) и частной охранной деятельности), статьями 14.2 (в части соблюдения требований законодательства об оружии), статьями 14.15 (в части нарушения правил продажи оружия и патронов к нему), статьями 17.7, 17.9, части 1 и 6 статьи 19.3, частью 1 статьи 19.4, статьями 19.4.1, частями 1, 8, 8.1, 12-14, 27 и 28 статьи 19.5, статьями 19.5.1, 19.6, 19.7, 19.13, 19.20, частями 2, 4.2 и 6 статьи 20.8, статьями 20.9, 20.13, 20.15, статьями 20.17 (в отношении объектов, охраняемых войсками национальной гвардии Российской Федерации), статьями 20.18, 20.19, частью 2 статьи 20.23, статьями 20.24, частью 1 статьи 20.25, статьями 20.30, 20.34, 23.85, 28.3), а также приказом Росгвардии от 14 ноября 2018 г. № 498, закрепляющим перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП. Вместе с тем, механизм реализации полномочий, предоставленных должностным лицам, указанным актом не конкретизирован.

Указанные нормативные правовые акты позволяют высказаться в пользу того, что войска национальной гвардии являются основным субъектом административной юрисдикции, от эффективности деятельности которого зависит качество обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации, защита прав и свобод человека и гражданина, а также предупреждение административных правонарушений.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru.

² Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 (ред. от 17.06.2019) «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru.

Исследуемый вид деятельности Росгвардии состоит в составлении протоколов [4] и вынесении постановлений по делам об административных правонарушениях, рассмотрении таких дел, принятии по ним решений в порядке, определенном КоАП РФ, а также в исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях.

Санкции составов административных правонарушений, предусмотренные административным законодательством, и по которым должностные лица Росгвардии правомочны принимать решения о привлечении виновных лиц к административной ответственности, предусматривают следующие виды наказаний: предупреждение; административный штраф; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; дисквалификация; административное приостановление деятельности. Субъекту правоприменения в данном случае предоставлены полномочия по наложению лишь предупреждения и административного штрафа.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Росгвардии, показывает ее недостаточную регламентацию и отсутствие ряда полномочий у указанного властного органа, которые не позволяют ему в полной мере осуществлять административно-юрисдикционную деятельность в ходе применения норм административного законодательства, возникающих при производстве по делам об административных правонарушениях. Как итог, с нашей точки зрения, государственная и общественная безопасность обеспечиваются не в полной мере.

Так, занимаясь разработкой темы относительно административно-юрисдикционной деятельности, автор считает, что Росгвардию следует наделить дополнительными полномочиями, которые скажутся на эффективности и целесообразности осуществляемого ею производства по делам об административных правонарушениях.

По нашему мнению, войска национальной гвардии следует наделить полномочиями по принятию и регистрации (в том числе в электронной форме) заявлений и сообщений об административных правонарушениях; выдаче уведомлений о приеме и регистрации письменных заявлений об административных правонарушениях; осуществлению в указанных в законодательстве сферах деятельности проверок заявлений и сообщений об административных правонарушениях, принимать меры по ним, информировать заявителей о ходе проведения проверок; передаче (направлению) заявлений (сообщений) об административных правонарушениях уполномоченным на то лицам для проведения соответствующих проверок с уведомлением об этом заявителей.

Нами не обнаружено такое полномочие должностных лиц, как информирование соответствующих государственных и муниципальных органов, организаций и должностных лиц указанных органов

и организаций об известных фактах, незамедлительного реагирования.

Целесообразно внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты, которые будут предусматривать особенности незамедлительного прибытия соответствующих лиц на место совершения административного правонарушения, пресечения противоправных действий, устранение угроз государственной и общественной безопасности, документирования обстоятельств совершения административных правонарушений, обеспечения сохранности следов административных правонарушений.

Оказание первой помощи лицам, пострадавшим от административных правонарушений, при отсутствии специализированной медицинской помощи, сообщение близким родственникам пострадавшего сведений о такой помощи, направление лиц в медицинские организации придаст деятельности Росгвардии большего авторитета в глазах граждан, повысит доверие Российского общества.

На качестве деятельности Росгвардии положительно также скажется выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, принятие в пределах своих полномочий мер по их устранению.

Вызывать представителей юридических лиц и граждан по находящимся в производстве по делам об административных правонарушениях делам, а также в связи с проверкой заявлений и сообщений о правонарушениях, разрешение которых отнесено к компетенции должностных лиц Росгвардии.

Целесообразно предусмотреть возможность получения по таким делам объяснений, материалов, иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан; подвергать приводу лиц, уклоняющихся без уважительных причин от явки по вызову.

Полномочия по обеспечению государственной и общественной безопасности, возложенные на Росгвардию должны подтверждаться издаваемыми указанным органом правовыми актами по установлению и (или) обеспечению обязательных условий и требований безопасности. В свою очередь граждане и юридические лица обязаны соблюдать, исполнять и использовать адресованные им правила, условия и требования, изданные в рамках обеспечения указанных видов безопасности [2, с. 119]. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о необходимости наделения граждан и юридических лиц правами и обязанностями по оказанию содействия должностным лицам Росгвардии в ходе выполнения ими своих функций.

Закрепление в соответствующем приказе Росгвардии формы протокола и постановления об административном правонарушении позволит гражданам в случае их неправильного составления, и при нарушении прав граждан, связанных с эмоциональными страданиями, вызванными ущемлением такого нематериального блага как достоинство личности и репу-

тационными потерями, а также право указанных лиц на судебную защиту, обращаться в суд за защитой своих прав и признания протокола или постановления об административном правонарушении незаконными.

Проведение экспертизы (исследования) изъятых в ходе проверки у граждан и юридических лиц документов позволит в более краткие сроки проводить производство по делам об административных правонарушениях.

Нормативно-правовое закрепление термина «общественная безопасность» создает проблемы правоприменительной деятельности Росгвардии. В своей основе обеспечение войсками национальной гвардии государственной и общественной безопасности сводится к осуществлению полномочий в сфере административно-правового регулирования. Анализ нормативных правовых актов подтверждает данный вывод. Автору не удалось обнаружить ни одного документа, который бы позволял должностным лицам Росгвардии выполнять предписания уголовно-правового характера. Часть 2 статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает перечень должностных лиц, уполномоченных на осуществление предварительного следствия. В части 3 определен круг органов и должностных лиц, проводящих дознание.

Как видим, должностные лица Росгвардии ни одну из форм предварительного расследования не осуществляют, что по нашему мнению, не совсем объективно даже исходя из круга тех полномочий, которые возложены на Росгвардию. Здесь уместно отметить, что в соответствии с пунктом 11 раздела II Указа Президента Российской Федерации от 30.09.2016 № 510 Росгвардия разрабатывает и принимает в пределах своей компетенции меры, направленные на пресечение преступлений и административных правонарушений.

Вместе с тем, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и иными нормативными правовыми актами, регуливающими административно-юрисдикционную деятельность, на Росгвардию возложены полномочия по производству по делам об административных правонарушениях, которые отнесены к компетенции войск национальной гвардии.

Все это по нашему мнению позволит улучшить качество осуществления должностными лицами Росгвардии производства по делам об административных правонарушениях в рамках административно-юрисдикционной деятельности, тем самым будет осуществлена возможность более эффективного обеспечения государственной и общественной безопасности.

Список источников

1. Дрозд А. О. Понятие и сущность административно-юрисдикционной деятельности участковых уполномоченных милиции по делам об административных правонарушениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 48–51.
2. Позднышов А. Н. Государственная служба в сфере обеспечения общественной безопасности : монография. Ростов н/Д, 2003.
3. Шеншин В. М. Концепция административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии : точка зрения // Военное право. 2020. № 1(59). С. 56–61.
4. Шеншин В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности : вопросы применения // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 22–24.
5. Шеншин В. М. О недостаточности полномочий Росгвардии в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности // Современное общество и право. 2021. № 6(55). С. 129-135.

References

1. Drozd A. O. The concept and essence of administrative-jurisdictional activity of district police commissioners in cases of administrative offenses // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 4 (48). P. 48–51.
2. Pozdnyshov A. N. Public service in the field of public security : monograph. Rostov o/D, 2003.
3. Shenshin V. M. The concept of administrative and jurisdictional activity of Rosgvardiya : a point of view // Military law. 2020. № 1(59). P. 56–61.
4. Shenshin V. M. Registration of a protocol on an administrative offense by officials of the National Guard troops when they carry out administrative and jurisdictional activities: issues of application // Russian justice. 2020. № 2. P. 22–24.
5. Shenshin V.M. On the insufficiency of the powers of the Rosgvardiya in the field of ensuring state and public security // Modern Society and law. 2021. № 6(55). P. 129–135.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 349.22

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-268-272>

НИОН: 2003-0059-2/22-261

MOSURED: 77/27-003-2022-02-460

Эволюция понятия «хозяйская власть» в контексте развития трудовых отношений

Елена Сергеевна Шукаева

Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Воронеж, Россия,
Elena2520@yandex.ru

Аннотация. Автор анализирует процесс формирования и развития понятия «хозяйская власть» с точки зрения его взаимосвязи с генезисом иных видов власти в обществе. Формирование понятия «власть» происходило на протяжении нескольких столетий, его содержание изменялось и дополнялось в ходе эволюции общества. В статье предпринята попытка проанализировать различные научные дефиниции власти. Рассматривая понятие «власть» в исторической ретроспективе, автор анализирует правовые феномены «родительской власти» (patriapotestas), «хозяйской власти» и отмечает их тесную взаимосвязь. Выявлены сходства и различия хозяйской власти и власти домохозяина. Отмечается взаимообусловленность возникновения и распространения мануфактурного производства, сокращения прерогатив родительской власти и генезиса власти хозяйской. Установление первых пределов работодательской власти в России относится к периоду публикации Устава о промышленном труде 1913 г. С этого момента категория хозяйской власти как стержневого узла науки промышленного права претерпела в своем развитии и окончательном оформлении целый ряд серьезных изменений. Сложная природа хозяйской власти не позволяет характеризовать её как непосредственно вытекающую из родительской власти, прежде всего, потому, что власть домохозяин получал по праву рождения, а хозяйская власть — следствие сложного процесса социально-экономической регламентации. В рамках исследования автором обоснована не только дифференциация политической, семейной и хозяйской власти, но и их взаимосвязь.

Ключевые слова: политическая власть, родительская власть, хозяйская власть, домохозяин, труд, работодатель, рабочие и служащие, трудовой договор

Для цитирования: Шукаева Е. С. Эволюция понятия «хозяйская власть» в контексте развития трудовых отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 268–272. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-268-272>.

Original article

Evolution of the «master's power» concept in context of labor relations development

Elena S. Shukaeva

Voronezh institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Voronezh, Russia Elena2520@yandex.ru

Abstract. In this paper the author analyzes the process of formation and development of the concept of «master power» in terms of its relationship with the genesis of other types of power in society. Formation of the concept «power» took place over several centuries, its content changed and supplemented in the course of human society's evolution. The article attempts to analyze various scientific definitions of power. Considering the concept of «power» in historical retrospect, the author analyzes the legal phenomena of «parental power» (patriapotestas), «master's power» and notes their close relationship. The similarities and differences between the master's power and the power of the householder are revealed. The interdependence of the emergence and spread of manufacturing production, the reduction of the prerogatives of parental power and the genesis of the master's power is noted. The establishment of the first limits of the working power in Russia refers to the period of publication of the Charter on Industrial Labor in 1913. Since that time the category of master's power as the pivotal knot of the science of industrial law underwent a number of serious changes in its development and final form. The complex nature of the master's power does not allow characterizing it as directly

© Шукаева Е. С., 2022

arising from parental power primarily because the householder received power by birthright and the master's power is a consequence of a complex process of socio-economic regulation. Within the scope of the study the author substantiated not only the differentiation of political, family and economic power, but also their relationship.

Keywords: political power, parental power, master's power, householder, work, employers, workers and employees, labor contract

For citation: Shukaeva E. S. Evolution of the «master's power» concept in context of labor relations development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):268–272. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-268-272>.

При определении содержания категории власти, безусловно, необходимо акцентировать внимание на точном и емком словарном значении термина. В трактовке В. И. Даля власть — это сила и воля, свобода действий и распоряжений, начальствование, управление [1, с. 116].

Анализ современных значений слова «власть» позволяет выделить семантическое поле власти как социального понятия. В этом смысле интересны замечания А. С. Кудрина, для которого отдельной разновидностью социальной власти выступает хозяйская власть работодателя, реализуемая в трудовых отношениях. Автор считает, что собственно труд как социальное явление влечет за собой общественную организацию, представляющую систему связей по управлению процессами производства для создания материальных и духовных благ. Особое внимание уделяется фактору использования наемного труда (на основе договора) собственниками средств производства. В силу этого властное воздействие одних субъектов на других существует и в исследуемой системе [2].

В интерпретации В. Г. Ледяева семантическое поле понятия «власть» целесообразно ограничить следующими значениями: а) способность влиять на что-то, способность сделать что-то; б) право распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо, чем-либо; могущество, господство, сила; в) право управления государством, политическое господство, права и полномочия государственных органов [3, с. 97].

На современном этапе развития социально-политических наук предпринимаются попытки детальной конкретизации рассматриваемого понятия в зависимости от профиля исследования. Так, в классических философских концепциях власть интерпретируется как особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю. В то же время концепция власти, предложенная в философии постмодернизма, предполагает, что власть, с одной стороны, осуществляется через уже существующие структуры и элементы, а с другой, — создает эти структуры и элементы. Таким образом, власть представляет собой и осуществление власти, и обратную реакцию на это осуществление [4, с. 40]. Социологический подход к понятию «власть» связан с социальной властью, экономический — с хозяйственной властью, политологи-

ческий — с государственной властью, теологический подход апеллирует к божественному происхождению власти.

По мнению Б. И. Краснова, необходимо различать: бихевиористские, инструментальные, структуралистские, теологические, конфликтологические и функциональные направления понятия власти. Бихевиористское направление представляет собой особый тип поведения субъектов общественных отношений. В соответствии с теологическими подходами власть — это достижение определенных целей; согласно инструментальной теории — это возможность использования определенных средств. Структурализм понимает власть как особый род отношений между управляющими и управляемыми; конфликтологические подходы — это возможность принятия решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях. Функционализм рассматривает данное понятие как способность субъекта власти обеспечивать стабильность существующей политической системы, мобилизацию всех её ресурсов [5, с. 6].

Объем и содержание термина «власть» во многом зависит от вида отношений, в рамках которых она осуществляется. В этом аспекте особый интерес вызывает дефинитивное наполнение категорий политической, семейной и хозяйской власти, а также вопрос об их соотношении и разграничении.

В современном мире не теряют актуальности классические исследования природы, содержания и границ политической власти. Так, Дж. Локк в исследовании «Два трактата о правлении» определяет политическую власть, как право создавать законы и применять силу общества для их исполнения и защиты государства. Данное определение, по мнению философа, позволяет отличать политическую власть должностного лица над частным лицом от власти отца над своими детьми, мужа над своей женой, хозяина над слугами, господина над рабом. Существует также деспотическая (абсолютная, неограниченная) власть, которой обладает один человек над другим, включая возможность лишить его жизни по своему усмотрению: такая власть противоестественна [6, с. 263, 363].

Развивая либеральные идеи Дж. Локка, его сторонник И. Бентам утверждал, что политические права закреплены исключительно в законе. Известный мыс-

литель различает семь «элементарных» форм власти: 1) непосредственную власть над людьми; 2) непосредственную власть над вещами других людей; 3) непосредственную власть над общественными вещами; 4) власть командовать отдельными людьми; 5) власть командовать коллективами людей, т. е. классами; 6) власть специфицировать или классифицировать: а) людей, б) вещи, в) по месту, г) по времени; 7) власть привлекать, вознаграждать или не вознаграждать. Указанные формы власти в свою очередь делятся на: законодательные, исполнительные и судебные¹.

М. Вебер в своей знаменитой работе «Политика как призвание и профессия» значительное внимание уделил понятию легальности (законности) и легитимности власти. Для него категории легитимности и легальности (законности) власти не совпадают. Если легальность означает юридическое обоснование власти, ее соответствие правовым нормам (юридическая характеристика), то легитимность — это доверие и оправдание власти (характеристика нравственная). Любая власть, закрепленная в основном законе государства и обеспечивающая его выполнение, легальна. В то же время она может быть нелегитимна, т. е. не приниматься народом [8, с. 643–706].

Категория семейной власти за время существования человеческого общества подвергалась не меньшим изменениям, чем «власть политическая». Среди сохранившихся до наших дней юридических документов древности первые упоминания о властных полномочиях домохозяина можно обнаружить в «Законах Ману» (ст. 229 гл. 8; ст. 3 гл. 9) [9, с. 305, 339]. Однако наиболее подробно данный специфический институт описан в римском праве. Правовая система античной эпохи, которая стала формироваться с VIII в. до н. э., вводит в юридическое правосознание категорию отцовской власти домовладыки (*patriapotestas paterfamiliae*). Сами римские юристы отмечали, что ни один народ не имеет такой власти над детьми, как римляне. Исключительность положения детей определялась двумя обстоятельствами: они не только были в чисто семейной зависимости по основаниям власти родителя, но и состояли «под властью» особого рода, которой предполагались дополнительные правовые возможности родителя по отношению к детям. *Paterfamilias* являлся господином самой личности подвластного.

По замечанию Л. С. Талю, глава семьи в германской общине по своим полномочиям отличался от римского *paterfamilias* тем, что менее свободно мог распоряжаться достоянием семьи и всего рода [10, с. 237].

Обращаясь к отечественной традиции, следует заметить, что российское средневековое законодательство не знало абсолютизма родительской власти, как

и, собственно, категории *patriapotestas*. В то же время достаточно много составляющих власти домохозяина можно обнаружить уже в Русской Правде. Ослабление родительской власти на Руси происходило постепенно. Признание за детьми определенных личных прав — это, безусловно, новация петровской эпохи [11, с. 570–571]. Дореволюционное российское законодательство дифференцировало объем и содержание семейно-властных полномочий в зависимости от круга субъектов права. Различались два подвида семейной власти: власть родительская над детьми и власть мужа над женой.

В европейской мысли эпохи Просвещения Т. Гоббс придавал архаической категории *paterfamilias* признаки договорных отношений и несколько сблизил ее по содержанию с властью хозяйской².

По Л. С. Талю идеологической основой социально-политических метаморфоз, выразившихся в формировании трудового законодательства как относительно полноценной системы, явились изменившие принципы хозяйственной политики европейских государств либерально-просветительские доктрины. Произошедшие изменения были связаны с появлением мануфактур, а затем фабрик, заводов. На предприятиях отсутствовали этические и естественные связи, на которых покоилась власть главы семейства над членами семьи [10, с. 24–25].

Возникновение мануфактур, появление разделения труда, а также управляющих и управляемых привело к снижению роли родительской власти и появлению власти хозяйской [12, с. 667]. Иными словами, формирование понятия хозяйской власти в российской юридической науке можно связать с качественными изменениями в развитии экономики. Сокращение мелкотоварного производства, рост фабрик и заводов с их последующей монополизацией, формирование значительной категории вольнонаемных рабочих заставили государство по-новому взглянуть на процесс регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом. Единственной легально-правовой формой этой регламентации должно было стать появление комплекса юридических актов, а с течением времени — целой отрасли промышленного права, одним из фундаментов которого наряду с категорией трудового договора становится феномен хозяйской власти.

Лишь с появлением в Англии, а затем и во Франции первых законов, ограничивающих использование на производстве отдельных категорий работников, а также с приходом на производства лиц, делегируемых государством для регламентации отношений в сфере производства, можно утверждать о государственном

¹ Bentham J. Of Elementary Political Powers // Power / ed. by J. R. Champlin. New York, 1971. P. 109–117 (цит. по: Ледаев В. Г. Власть : концептуальный анализ. С. 337).

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // http://finlib.biz/politologiya_730/otecheskoy-despoticheskoy-vlasti.html (гл. XX Об отеческой и деспотической власти).

вмешательстве в сферу трудового права [13, с. 97–98].

В России появление идеи регламентации взаимоотношений работодателя и работника Л. С. Таль связывает с периодом 1830-х гг. По его мнению, это результат заботы о положении вольнонаемных [10, с. 25–26; 14, с. 268–270]. При всем уважении к высказыванию корифея трудового права, трудно согласиться с предлагаемой хронологией, тем более что и сам ученый не усматривает каких-либо юридических регламентаций в сфере промышленного права в России в первой половине XIX в. Более приемлемым представляется мнение Е. А. Тихомировой: первая попытка установления границ работодательской власти связана с публикацией Устава о промышленном труде, вошедшего в 1913 г. в Свод законов Российской империи. Автор не скрывает, что придерживается концепции И. Я. Войтинского, связывающего с появлением Устава момент начала формирования в империи категории хозяйской власти работодателя, санкционированной «объективным порядком социальной функции» и передаваемой главе предприятия не только с учетом его личных интересов, но и во многом для осуществления народно-хозяйственных задач [15, с. 31; 13, с. 98–99].

Категория хозяйской власти как стержневой узел науки промышленного права претерпела в своем развитии и окончательном оформлении целый ряд серьезных изменений. В основе последних, безусловно, лежали социально-экономические тенденции, лишь в отдельных случаях дополняемые политико-идеологическими инновациями.

Хозяйская власть, с точки зрения Л. С. Таля, обладала важным отличием от власти семейной, поскольку носила условный характер. При этом хозяйская власть постепенно становилась элементом правовой организации промышленного предприятия, имеющего свой особый внутренний порядок. В то же время исследователь категорически возражал против попытки вывести право хозяина властвовать над рабочими и служащими исключительно из права собственности на орудия производства [10, с. 23, 30].

Формирование и правовое закрепление политической, семейной и хозяйской власти как социальных явлений и научных категорий происходило на различных этапах развития человеческого общества. Так, социальное явление семейной власти возникало с переходом человечества от племенной организации к роду и семье. Источником семейной власти является факт кровного родства или брака. Политическая власть возникает с образованием государства, и проблема определения источника её происхождения обусловила формирование различных политико-правовых школ.

Социальный феномен хозяйской власти в том понимании, которое вкладывал в него Л. С. Таль, и который развивает современная юридическая наука, возник гораздо позже. Его появление связано с целым

рядом условий: прекращением рабской зависимости трудящихся, развитием производства, ослаблением семейной власти, возникновением трудового законодательства. Предпосылки формирования хозяйской власти как социального явления можно подразделить на: а) экономические, состоящие в закреплении капиталистической формы хозяйствования; и б) социально-правовые, в число которых входит формирование новой классовой структуры общества, в частности, класса наемных работников, а также создание системы трудового законодательства, ограничивающего хозяйскую власть. Хозяйская власть не является абсолютно автономной от власти государственной и семейной. В те исторические периоды, когда отсутствовали условия для существования хозяйской власти, ее заменяла власть семейная (организовавшая рабочую силу в рамках хозяйства) или государственная (в частности, в советский период), поскольку труд объективно нуждается в организации и контроле. В отличие от власти семейной, основанной на системе частноправовой организации, отношения субъектов хозяйской власти (работодателя и работника) регламентируются договором личного найма при определенном контроле со стороны государства. Нельзя считать хозяйскую власть непосредственно вытекающей из власти семейной, так как домохозяин получал власть по праву рождения, а хозяйская власть — это следствие сложного процесса социально-экономического развития.

Таким образом, понятие «хозяйская власть» развивалось одновременно с развитием политических, социально-экономических и правовых отношений.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ОЛМА-ПРЕСС: ОАО ПФ «Красный пролетарий». 2004. 700 стр.
2. Кудрин А. С. О понятии субъектов социальной власти в трудовых отношениях // Вестник Пермского ун-та. Сер. Юридические науки. 2013. № 4. С. 275–281.
3. Ледяев В. Г. Власть : концептуальный анализ. М. : РОССПЭН, 2001. 384 с.
4. Калимуллина Н. Р. Особенности определения феномена власти в традиции философии постмодернизма // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 338. С. 39–41.
5. Краснов Б. И. Теория власти и властных отношений // Социально-политический ж-л. 1994. № 3.
6. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 137–405.
7. Bentham J. Of Elementary Political Powers // Power / ed. by J. R. Champlin. New York : Atherton Press. P. 109–117.
8. Вебер М. Избранные произведения / пер. с

- нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
9. Законы Ману. М., 2002. 496 с.
 10. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. 2-е изд., знач. доп. М. : Науч. изд-во, 1918. 225 с.
 11. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. 719 с.
 12. Хохлов Е. Б. История труда и прудовое право. В 3 т. Т. I. История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем / под ред. И. Ю. Козлихина. СПб : Изд-во С.-Петербургской Академии наук. Университет, 2013. 1022 с.
 13. Тихомирова Е. А. К вопросу о понимании власти работодателя // Российский ежегодник трудового права. № 8. 2012.
 14. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ярославль : Тип. городские права., 1913–1918. Ч. 1. 632 с.
 15. Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. 364 с.
 4. Kalimullina N. R. Peculiarities of identification of the power phenomenon in the tradition of the philosophy of postmodernism // Vestn. Tomsk. State University. 2010. № 338. P. 39–41.
 5. Krasnov B. I. Theory of power and power relations // Social-political magazine. 1994. № 3.
 6. Lock J. Two treatises on the Board // Lock J. Compositions : In 3 vs. V. 3. M. : Mysl', 1988. P. 137–405.
 7. Bentham J. Of Elementary Political Powers // Power / ed. by John R. Champlin. New York : Atherton Press, 1971. P. 109–117.
 8. Weber M. Selected works : Per. s nem./ comp., General Ed. and comm. Y. N. Davydov; ed. P. P. Gaidenko; comments. A. F. Filippov. M.: Progress, 1990. 808 p.
 9. The laws of Manu. M., 2002. 496 p.
 10. Tal L. S. Essays industrial worker rights. Ed. second, val. supplementary. M. : Scient. Ed., 1918. 225 p.
 11. Shershenevitch G. F. The Course of civil rights. Tula, 2001. 719 p.
 12. Khokhlov E. B. History of labor and pond right: H I. The History of labour in the context of economic, political and mental systems / Ed. by I. Y. Kozlikhina. SPb : Publishing house S.-Petersburg Academy of Sciences. Univ., 2013. 1022 p.
 13. Tikhomirova E. A. To the question about understanding the power of the employer // Russian Yearbook of labour law. 2012. № 8.
 14. Tal L. S. The employment contract. Civil research. Yaroslavl : Type. township rights., 1913–1918. P. 1. 632 p.
 15. Voitinsky I. S. Labor law of the USSR. M.; L., 1925. 364 p.

References

1. Dahl V. I. Explanatory dictionary of the live great Russian language. M. : OLMA-PRESS: JSC PF «Red proletarian». 2004. 700 p.
2. Kudrin A. S. On the notion of the subjects of social power in the employment relationship // Vestn. Perm University. Ser. Legal science. 2013. № 4. P. 275–281.
3. Ledyayev V. G. Power : a conceptual analysis. M. : ROSSPEN, 2001. 384 p.

Информация об авторе

Е. С. Шукаева — начальник кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

E. S. Shukaeva — Head of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 341.33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-273-278>

НИОН: 2003-0059-2/22-262

MOSURED: 77/27-003-2022-02-461

Международно-правовая значимость вклада России в процесс укрепления современного правопорядка

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Валерий Викторович Богатырев², Рубен Амаякович Каламкьян³

^{1,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^{2,3} Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия,

mp_ved.vlsu@mail.ru

¹ professor60@mail.ru

Аннотация. Раскрывается международно-правовой вклад России в дело укрепления современного мирового правопорядка.

Ключевые слова: Россия, международно-правовой вклад, современный мировой правопорядок

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Богатырев В. В., Каламкьян Р. А. Международно-правовая значимость вклада России в процесс укрепления современного правопорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 273–278. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-273-278>.

Original article

International legal significance of Russia's contribution to the process of strengthening the modern legal order

Nodari D. Eriashvili¹, Valery V. Bogatyrev², Ruben A. Kalamkaryan³

^{1,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kicot', Moscow, Russia

^{2,3} Vladimir State university named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russia, mp_ved.vlsu@mail.ru

¹ professor60@mail.ru

Abstract. The article reveals the international law contribution of Russia to the strengthening of the modern world order.

Keywords: Russia, international law contribution, modern world order

For citation: Eriashvili N. D., Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. International legal significance of Russia's contribution to the process of strengthening the modern legal order. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):273–278. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-273-278>.

Предметное позиционирование современного мирового правопорядка как миропорядка на основе верховенства права определяет себя востребованностью укрепления Организации Объединенных Наций (Декларация тысячелетия 2000 г., пп. 29–32; Итоговой документ Всемирного саммита 2005 г., пп. 146–168). Включенность России в современный мировой правопорядок определена фактической, соответственно юридической статусностью Российского государства, как мировой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Поступательное развитие современного миропорядка как миропорядка на основе

верховенства права обозначено предметным позиционированием и показательной включенностью Российской Федерации как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН в систему современных международных правоотношений. Предметный институционно-правовой вклад Российской Федерации в дело укрепления современного миропорядка, как это обоснованно констатируется авторитетными отечественными учёными [см. на этот счёт: 1; 2; 3; 4; 5; 6], установлен в параметрах обеспечения добросовестного выполнения государствами — субъектным составом мирового сообщества в лице ООН всего кор-

© Эриашвили Н. Д., Богатырев В. В., Каламкьян Р. А., 2022

пуса международных обязательств. Концептуально, юридическим критерием должного поведения здесь выступает принцип добросовестности в его качестве общепризнанного принципа международного права и общего принципа права по смыслу ст. 38 Статута Международного суда [7, с. 114, 117; 8; 9; 10, с. 125, 127; 11, с. 450; 12, с. 382–383; 13, с. 121–136; 14, с. 171; 15, с. 345–347].

В параметрах заявленной в лице Президента Российской Федерации В. В. Путина приверженности России верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) российское государство проводит последовательный внешнеполитический курс на обеспечение международной законности и правопорядка. Последовательность юридически значимого правомерного поведения Российской Федерации показательно проявляет себя в укреплении верховенства права в международных и внутригосударственных делах, что само по себе воплощает принцип права. Включённость Российской Федерации в систему современного международного права обозначена добросовестным соблюдением международных договоров; укреплением Международного суда как главного судебного органа ООН; содействием поддержанию универсальной международной безопасности на основе Устава ООН как по линии постановлений Главы VI «Мирное разрешение споров» (ст.ст. 33–38), так и в формате положений Главы VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» (ст.ст. 39–51).

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации как постоянного члена Совета Безопасности ООН в формате постановлений Главы VII Устава ООН определяется полномочиями Совета Безопасности по каждому из соответствующих направлений его деятельности. По линии мирного разрешения споров Совет Безопасности уполномочивается, во-первых, расследовать любой спор с целью определения того, не может ли продолжение этого спора угрожать поддержанию международного мира и безопасности, рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования. При обстоятельствах, когда решение Международного суда ООН по факту передачи ему сторонами конкретного дела (п. 1 ст. 36 Статута Суда) представляется юридически обязательным актом, окончательным по сути и не подлежащим обжалованию (ст. 59, 60 Статута Суда), процедура урегулирования спора в Международном суде как главном судебном органе ООН представляется юридически логическим действием. Именно поэтому как в Декларации тысячелетия 2000 г., п.п. 9, 30, так и в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., п. п. 73, 134 предметно обозначена востребованность укрепления Международного суда в общих параметрах миропорядка на основе верховенства права Rule of Law.

Концептуально и предметно практически, включённость Российской Федерации как постоянного члена Совета Безопасности ООН в формат мероприятий по линии Главы VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» установлена по факту уполномочивания Совета Безопасности ООН принимать решения по линии мер, не связанных (ст. 41 Устава ООН) или связанных с использованием вооружённых сил (ст. 42 Устава ООН).

Постановочно, при обстоятельствах заявленной в лице государств-членов мирового сообщества приверженности миропорядку на основе верховенства права, режим поддержания мира и режим миростроительства (Декларация тысячелетия 2000 г., п.п. 8–10; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п.п. 92–105) в полном соответствии с постановлениями Устава ООН (ст. 44) устанавливают готовность государств-членов ООН внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности и соответственно предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и согласно особым соглашениям необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооружённые силы, помощь, средства обслуживания, включая право прохода. Юридический формат действенности и действительности соглашений между Советом Безопасности ООН и государствами-членами ООН по линии предоставления вооружённых сил обозначен общей востребованностью ратификации заключённых таким образом соглашений в соответствии с их конституционными процедурами. Применительно к Российской Федерации процедура предоставления вооружённых сил в формате мер Организации Объединённых Наций по направлению универсальной международной безопасности предметно юридически упорядочена в корпусе законодательных актов Российского государства, а именно: в Федеральном законе № 93-ФЗ от 23 июня 1995 г., «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»; «Федеральном законе № 61-ФЗ от 31 мая 1996 г. «Об обороне». Концептуально, под деятельностью по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности с участием Российской Федерации понимаются операции по поддержанию мира, предпринимаемые Советом Безопасности Организации Объединённых Наций в соответствии с Уставом ООН, региональными органами либо в рамках региональных органов или соглашений Российской Федерации, либо на основании двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации и являющиеся согласно Уставу ООН действиями миротворческой деятельности, а также международные принудительные действия по линии с использованием

вооружённых сил, осуществляемые по решению Совета Безопасности ООН, принятому в соответствии с Уставом ООН для устранения угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии (ст. 2). Предметно, по обстоятельствам объективной констатации статусности России как суверенного государства, показательно заявившего о своей приверженности верховенству права, Российская Федерация самостоятельно с учетом её обязательств по Уставу ООН и другим международным договорам определяет в каждом случае целесообразность своего участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Международно-правовая включённость Российской Федерации в современный миропорядок определяется в каждом случае по обстоятельствам конкретного юридического факта, предметно оцениваемого с точки зрения предписаний современного международного права. В этом смысле Устав ООН и в более общем плане востребованность укрепления Организации Объединённых Наций определяют собой знаковый элемент современного миропорядка. Соответственно, позиционно по обстоятельствам конкретного юридического факта (миротворческая деятельность в формате Главы VI Устава ООН «Мирное разрешение споров» или система принудительных мер, не связанных или связанных с использованием вооружённых сил в режиме Главы VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии») предоставление Российской Федерации военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности и обозначает собой в юридическом плане формат включённости Российской Федерации в дело по обеспечению международной законности и правопорядка. Вся процедура предметно упорядочена на законодательном уровне и показательно институализирована в параметрах соответственно Главы II Федерального Закона № 93-ФЗ от 23 июня 1995 г. под названием «Порядок принятия решений о предоставлении Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности (ст.ст. 6–9) и Главы III Федерального Закона № 93-ФЗ от 23 июня 1995 г. под заголовком «Порядок принятия решений о предоставлении Российской Федерацией воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооружённых сил» (ст.ст. 10–12). Позиционно, в параметрах конституционно-правового пространства Российского государства решение о направлении за пределы территории Российской Федерации отдельных военнослужащих для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации. Соответственно, Президент

Российской Федерации определяет район действий военнослужащих, их задачи, подчинённость, срок пребывания и порядок замены, а также устанавливает в соответствии с федеральными законами дополнительные гарантии и компенсации военнослужащим и членам их семей.

Режим верховенства права, как он проявляет себя в параметрах государственного строительства России как правового государства, прямо предусматривает процедуру, согласно которой решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации на основании Постановления Совета Федерации о возможности использования Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Позитив международно-правовой включённости Российской Федерации в современный миропорядок по линии обеспечения международной законности и правопорядка прямо определяется по обстоятельствам конкретного юридического факта, а именно: первое, речь идёт о «споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности» (п. 1 ст. 33 Устава ООН) или, второе, определяется «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» (п. 1 ст. 39 Устава ООН),

В ситуации спора, продолжение которого создаёт потенциальную угрозу международному миру и безопасности, Российская Федерация через свою включённость в деятельность Совета Безопасности ООН в качестве постоянного члена принимает участие в выработке рекомендаций относительно надлежащей процедуры или метода урегулирования (ст.ст. 23, 36 Устава ООН). По обстоятельствам констатации ситуации существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии Российская Федерация посредством своей включённости в работу Совета Безопасности как постоянный член предпринимает свое участие в принятии решения о мерах, не связанных или связанных с использованием вооружённых сил. И далее, по факту заключения соглашения между Российской Федерацией и Советом Безопасности ООН о предоставлении в распоряжение Совета Безопасности необходимых для поддержания международного мира и безопасности вооружённых сил осуществляется упорядоченная в параметрах Федерального закона РФ № 93-ФЗ от 23 июня 1995 г. процедура по предоставлению Российской Федерацией воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооружённых сил.

Постановочно, решение о направлении за пределы

территории Российской Федерации воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия согласно Уставу ООН в международных принудительных действиях с использованием вооружённых сил принимается Президентом Российской Федерации на основании Постановления Совета Федерации о возможности использования Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации и в соответствии с ратифицированным и вступившим в силу для Российской Федерации международным договором либо, если заключение международного договора не предполагается, в соответствии с федеральным законом. При обстоятельствах, когда Правительство Российской Федерации позиционируется в параметрах высшего исполнительного органа государственной власти в России (Глава 6 Конституции РФ), Правительство РФ в рамках своих полномочий поддерживает целостность единой системы исполнительной власти [16, с. 491–521] и, соответственно, обеспечивает исполнение Конституции РФ, Федеральных Законов РФ, Указов Президента РФ, международных договоров РФ. Последовательная и всесторонняя выполняемость всего корпуса законодательных предписаний в формате решений Правительства Российской Федерации содействует поддержанию режима верховенства права на всём пространственном протяжении Российского государства, равно как в аспекте включённости России в дело по обеспечению международной законности и правопорядка.

Последовательный внешнеполитический курс Российского государства, предметно обозначенный его всесторонней включённостью в дело по обеспечению международной законности и правопорядка, в порядке логической преемственности (по отношению к Федеральному закону № 93-ФЗ от 23 июня 1995 г. «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности») показательно установлен в параметрах регулятивного действия такого основополагающего нормативного акта, как Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (ст.ст. 10, 10.1). Постановочно установлено, что в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооружённых Сил Российской Федерации могут оперативно использоваться за пределами территории Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации для решения следующих задач: отражение вооружённого нападения на формирования Вооружённых Сил Российской Федерации, другие войска или органы, дислоцированные за пределами Рос-

сийской Федерации; отражение или предотвращение вооружённого нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой; защита граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооружённого нападения на них; борьба с пиратством и обеспечение безопасности судоходства. В параметрах своего концептуального и предметного сущностного содержания целостная институализированная система «Оперативное использование формирований Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» носит показательно комплексный характер.

При обстоятельствах последовательного внешнеполитического курса Российской Федерации на добросовестное выполнение своих обязательств по заключённым договорам показательно юридически значимыми представляются постановления п.4 ст.10 Федерального Закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», где сказано, что применение Вооружённых Сил Российской Федерации для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации осуществляется на условиях и в порядке, оговоренных в этих договорах и установленных законодательством Российской Федерации.

Институционно-правовой режим добросовестного выполнения международных (в том числе договорных) обязательств Российской Федерации в общих параметрах включённости Российской Федерации в дело по обеспечению международной законности и правопорядка подтверждает собой позитив заявленной приверженности Российской Федерации верховенству права, как в международных, так и во внутренних делах. Качественная позитивная значимость включённости Российской Федерации в дело по обеспечению международной законности и правопорядка проявляет себя в постулировании режима востребованного юридически значимого правомерного поведения государств-членов мирового сообщества в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций. Предметно, в общезначимом порядке включённость Российской Федерации в дело по обеспечению международной законности и правопорядка содействует поддержанию целостности системы современного международного права как институализированной основы универсальной международной безопасности государств-членов мирового сообщества в целом. Тем самым действенность системы современного международного права подтверждает собой общепризнанный формат её целостности и завершенности.

Последовательное развитие современного мирового правопорядка упорядочено в параметрах универсально заявленной приверженности государств — членов мирового сообщества верховенству права. Российское государство в формате своего показатель-

ного позиционирования в качестве мировой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН через свою включенность в систему международных правоотношений содействует обеспечению международной безопасности на основе целей и принципов Организации Объединенных Наций. Последовательное продвижение мирового сообщества, в параметрах современного правопорядка обозначено общей заинтересованностью всех его государств — членом обеспечить соблюдение современного международного права как целостной системы права.

Список источников

1. Автономов А. С. Международные стандарты в сфере отправления правосудия. М., 2007.
2. Лисицын-Светланов А. Г. Роль права в модернизации экономики России. М., 2011.
3. Черниченко С. В. Контурсы международного права. М., 2014.
4. Ковалёв А. А. Международная защита прав человека. М., 2013.
5. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006.
6. Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. Владивосток, 2005.
7. Дмитриева Г. К. Становление принципа недопустимости злоупотребления правом // Советский ежегодник международного права. 1987. М., 1988.
8. Дмитриева Г. К. Принцип добросовестности в современном международном праве // Правоведение. 1979. № 6. С. 85–86.
9. Каламкарян Р. А. Принцип добросовестности в современном международном праве. М., 1990.
10. Paul V. The abuse of rights and bona fides in international law/ *Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1977. Bd. 28. № 1/2.
11. Schwazzenberger G. *International Law*. London, 1976. Vol. 3.
12. Rousseau Ch. *Droit International Public*. Paris, 1970. T. 1.
13. Cheng B. *General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals*. London, 1953.
14. Jacqué J. P. *Eléments pour une theorie de l'acte juridique en droit international public*. Paris, 1972.

15. Oppenheim L. *International Law/ Ed. By H. Lauterpacht*. London, 1958. Vol. 1.
16. Конституционное право России / учебник для студентов вузов. Под ред. Б. С. Эбзеева, А. С. Прудникова, В. И. Авсеенко. 4 изд., перераб. и доп. М., 2010.

References

1. Avtonomov A. S. *International standards in the field of administration of justice*. M., 2007.
2. Lisitsyn-Svetlanov A. G. *The role of law in the modernization of the Russian economy*. M., 2011.
3. Chernichenko S. V. *Contours of international law*. M., 2014.
4. Kovalev A. A. *International protection of human rights*. M., 2013.
5. Zimnenko B. L. *International law and the legal system of the Russian Federation*. M., 2006.
6. Gavrilov V. V. *The concept and interaction of international and national legal systems*. Vladivostok, 2005.
7. Dmitrieva G. K. *Formation of the principle of inadmissibility of abuse of law // The Soviet Yearbook of International Law*. 1987. M., 1988.
8. Dmitrieva G. K. *The principle of good faith in modern international law // Jurisprudence*. 1979. № 6. P. 85–86.
9. Kalamkarian R. A. *The principle of good faith in modern international law*. M., 1990.
10. Paul V. *The abuse of rights and bona fides in international law/ Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1977. Bd. 28. № 1/2.
11. Schwazzenberger G. *International Law*. London, 1976. Vol. 3.
12. Rousseau Ch. *Droit International Public*. Paris, 1970. T. 1.
13. Cheng B. *General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals*. London, 1953.
14. Jacqué J. P. *Eléments pour une theorie de l'acte juridique en droit international public*. Paris, 1972.
15. Oppenheim L. *International Law/ Ed. By H. Lauterpacht*. London, 1958. Vol. 1.
16. *Constitutional Law of Russia / textbook for university students*. Edited by B. S. Ebzeev, A. S. Prudnikov, V. I. Avseenko. 4th ed., reprint. and additional M., 2010.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили — доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники;

В. В. Богатырев — заведующий кафедрой «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор;

Р. А. Каламкарян — профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

N. D. Eriashvili — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the RF Government Prize in Science and Technology;

V. V. Bogatyrev — Head of the Department «International Law and Foreign Economic Activity» of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State university named after A.G. and N.G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor;

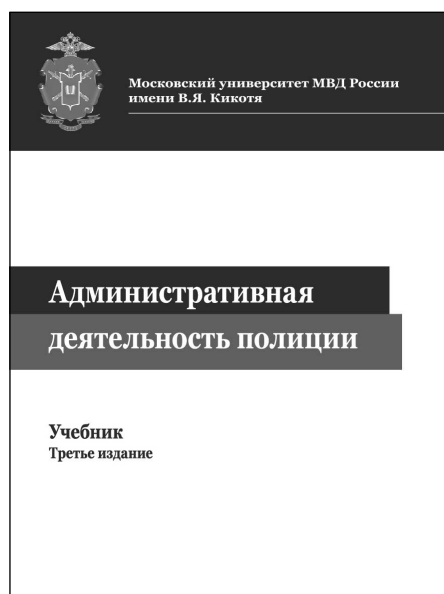
R. A. Kalamkaryan — Professor at the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor at the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State university named after A.G. and N.G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 351.82

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-279-283>

НИОН: 2003-0059-2/22-263

MOSURED: 77/27-003-2022-02-462

Организационно-правовые методы противодействия криминализации экономики и коррупции

Александр Николаевич Литвиненко¹, Александр Владимирович Грачев²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ lanfk@mail.ru

² grachevalexunder@rambler.ru

Аннотация. В статье авторы систематизировали правовые и организационные инструменты противодействия криминализации экономики и коррупции. Правовые акты и организационные инструменты сгруппированы по объекту регулирования и цели в системе противодействия криминализации и коррупции. Авторы выделили правовые акты, регулирующие экономические отношения, и правовые акты, регулирующие непосредственный процесс противодействия криминализации экономики и коррупции.

Ключевые слова: коррупция, криминализация экономики, организационные инструменты, правовые инструменты, экономическая безопасность

Для цитирования: Литвиненко А. Н., Грачев А. В. Организационно-правовые методы противодействия криминализации экономики и коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 279–283. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-279-283>.

Original article

Organizational and legal methods of countering the criminalization of the economy and corruption

Alexander N. Litvinenko¹, Alexander V. Grachev²

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ lanfk@mail.ru

² grachevalexunder@rambler.ru

Abstract. In the article, the authors systematized legal and organizational tools for countering the criminalization of the economy and corruption. Legal acts and organizational instruments are grouped according to the object of regulation and purpose in the system of combating criminalization and corruption. The authors identified legal acts regulating economic relations and legal acts regulating the direct process of countering the criminalization of the economy and corruption.

Keywords: corruption, criminalization of the economy, organizational tools, legal tools, economic security

For citation: Litvinenko A. N., Grachev A. V. Organizational and legal methods of countering the criminalization of the economy and corruption. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):279–283. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-279-283>.

Актуальность работы вызвана тем, что в ходе обоснования применения конкретных мер противодействия криминализации и коррупции необходимо определиться с базовыми принципами построения работы. Организация такой работы требует комплексных мер воздействия на причины, порождающие процессы криминализации и коррупции, для устранения (нейтрализации) их последствий [1].

Сложившаяся ситуация такова, что сформированные в научной мысли инструменты противодействия криминализации и коррупции можно объединить в две группы. Первая группа — общие инструменты — имеет своей целью минимизацию криминальных и коррупционных проявлений посредством влияния на фундаментальные социально-экономические основы общества. Применительно к экономиче-

© Литвиненко А. Н., Грачев А. В., 2022

ской сфере речь идет о воздействии на экономику в целом. Вторая группа — специальные меры, которые «заточены» на противодействие конкретным проявлениям криминализации и коррупции. Именно сюда входят инструменты, используемые правоохранительными органами [1].

Организационные основы противодействия криминализации и коррупции закреплены в соответствующих правовых актах, которые также следует разделить на два блока.

Первый — общие правовые акты, которые регулируют отношения в экономической сфере, определяют порядок ведения хозяйственной деятельности.

К данным правовым актам относятся: Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, Земельный кодекс, Лесной кодекс, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. В эту группу включаются законы, устанавливающие: порядок лицензирования отдельных видов деятельности, защиты конкуренции и прав потребителей; организацию процедур банкротства; государственное техническое регулирование, регулирование торговой деятельности в стране, производство этилового спирта; нормативы качества пищевых продуктов и др.

Несмотря на то, что конкретные законодательные акты из этой группы непосредственно не связаны с противодействием криминализации и коррупции, однако именно они определяют криминогенный и коррупциогенный потенциал экономической сферы. Дело в том, что вводимые нормы сопряжены с возникновением издержек у тех субъектов, на регулирование деятельности которых направлены нормативные акты. В структуру таких издержек попадают два вида: издержки на соблюдение установленных налоговым законодательством правил (т. н. «цена легальности»), сопряженные с налоговыми обязательствами, ведением бухгалтерского учета, налоговым декларированием; издержки по лицензированию и сертификации, обеспечивающие легальное ведение бизнеса и т. п. [2].

Таким образом, возникает противоречие между целевым ориентиром представителей бизнеса на максимизацию прибыли и обременением издержками, которые возникают при следовании установленным нормам и правилам. В этой связи законодатель и органы, ответственные за регулирование экономических отношений должны преследовать в качестве одной из целей сокращение криминогенного потенциала последствий разрабатываемых правил.

С одной стороны, нормы должны четко ограничивать и защищать общество от угроз и опасностей, которые присущи условиям отсутствия норм (например, нормы, которые определяют требования к выпускаемой продукции с точки зрения критериев ее безопасности), а с другой, их количество и содержание не должно стать самостоятельным угрожающим фактором для законопослушных хозяйствующих субъектов, последствиями которого является невозможность соблюдения требований нормативных

актов, уход с рынка, теневизация бизнеса, повышение цен для потребителей, ограничение конкуренции.

Принципиально важным интегральным критерием оценки новых правовых норм является соотношение издержек и эффекта от соблюдения этих норм. При этом следование таким — прозрачным и понятным правилам — должно быть экономически выгодным и справедливым для большинства экономических агентов. Именно это обстоятельство предопределяет принятие или непринятие вводимых норм собственно регулирующими субъектами. Поэтому установка новых правил требует тщательного предварительного экономического анализа прогнозируемых последствий [3].

Второй — специальные правовые акты, которые регулируют отношения непосредственно в сфере противодействия криминализации и коррупции. К данной группе нормативных актов относятся: акты, определяющие составы экономических и коррупционных правонарушений, а также санкции за них; акты, регламентирующие деятельность субъектов противодействия криминализации и коррупции; акты, определяющие поведение хозяйствующих субъектов, непосредственно в рамках антикоррупционной политики.

К актам, определяющим составы экономических и коррупционных правонарушений, а также санкции за них, относятся: Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, Бюджетный кодекс и др. Здесь отражены основные акты, однако нарушения, в том числе и в экономической сфере, — это отклонения фактического поведения хозяйствующего субъекта от должного (нормативно определенного). Поэтому идентификация таких отклонений возможна только при анализе общих нормативных актов, регламентирующих ведение хозяйственной деятельности.

Важен вопрос меры в вопросе о величине правовой регламентации. Ведь вводимые запретительные нормы должны «закрывать» области именно недопустимых по своей сути явлений. Идея об автоматическом детерминировании преступности вводимой нормой в криминологии уже была объяснена: «...нет законов в экономической сфере — нет и их нарушения; появились такие законы — как следствие этих законов возникла и преступность...» [4, с. 267–351].

Регламентируются разные стороны деятельности всех участников общественных отношений, в том числе и субъектов противодействия криминализации и коррупции:

- закреплены базовые принципы и направления деятельности по обеспечению безопасности государства, полномочия всех уровней власти нашей страны в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации¹;
- определен — как обязательный для всех его участников — порядок уголовного судопро-

¹ ФЗ от 28 декабря 2010 «О безопасности» (с изменениями на 9 ноября 2020 года). Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902253576>.

изводства¹;

- конкретизированы задачи по обеспечению эффективной деятельности органов внутренних дел², направленной на противодействие преступности³.

Вместе с тем, деятельность контролирующих органов и правоохранителей нормативно ограничивается⁴ с целью уменьшения административных барьеров и коррупции.

К актам, определяющим поведение хозяйствующих субъектов непосредственно в рамках антикоррупционной политики, относится базовый закон о коррупции⁵. Именно в нем закреплены правовые и организационные принципы предупреждения и противодействия коррупции, основы минимизации последствий коррупционных проявлений.

Российское антикоррупционное законодательство включает и национальные, и международные правовые акты.

Россия ратифицировала ряд международных антикоррупционных актов [5]. Вместе с тем, на пути полного соответствия нашего законодательства международным нормам, осталась нерешенной проблема ратификации одной из Конвенций [6]. Проблематичность ситуации состоит в необходимости внесения дополнений в российское законодательство, связанных с пониманием коррупции, расширением перечня криминализации коррупционных деяний, регламентацией вопросов возмещения ущерба, включая вопросы исковой давности.

Антикоррупционное законодательство нашей страны уже охватывает все сферы, сопряженные с потенциальными возможностями коррупционных проявлений.

Так, для государственных служащих установлены ограничения на следующие виды деятельности и поведения: заниматься предпринимательством; использовать в неслужебных целях все виды служебных

ресурсов и др. Ограничения касаются порядка присвоения (присуждения) им специальных (почетных) званий, характера отношений с иностранными НКО. Эти ограничения распространяются и на банковские операции, и на пользование финансовыми инструментами⁶. Существуют и ведомственные ограничения. Это, в первую очередь, ограничения, обязанности и запреты, связанные с родственными связями, наличием гражданства иностранного государства.

На сегодня коррупционнoемкой остается сфера построения и функционирования системы государственных закупок⁷.

Отдельно позиционируются стратегические документы по противодействию коррупции [7], в которых ставятся долгосрочные цели.

В составе инструментария организационных мер противодействия коррупции, используемых в России, можно выделить [8]:

1. Обязательность декларирования доходов и наличия имущества государственными служащими.
2. Инструменты для обратной связи с населением («телефоны доверия», «горячие линии»).
3. Механизм превентивных мер посредством создания «коррупционного фильтра» при отборе претендентов на замещение должностей государственных служащих.
4. И сегодня — после более ста редакций — остается актуальным перечень мер по ограничению государственного регулирования экономических процессов⁸, среди которых: уменьшение количества плановых проверок бизнеса; ужесточение порядка внеплановых проверок; сокращение количества подлежащих лицензированию видов деятельности; возрастание роли института саморегулируемых организаций.
5. Ротация кадров.
6. Обеспечение процесса повышения транспарентности оказания государственных услуг, включающего формирование административных регламентов, создание режима «одного окна» и записи через электронные общедоступные ресурсы.

7. Введение процедур антикоррупционного мониторинга, предполагающего отслеживание причин, состояния и тенденций развития коррупции в регионе, результативности проводимой антикоррупционной политики [9].

8. Поощрение служебной добросовестности и введение санкций за деяния коррупционной направленности (причем не только за формальные, нормативно закреплённые, но и неформальные, реакция на которые

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (с изменениями на 23 сентября 2021 года). Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901802257>.

² ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902260215>.

³ ФЗ от 18.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»; Постановление Правительства РФ от 15.04. 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (с изменениями и дополнениями от 11 сентября 2021 г.). Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru>.

⁴ ФЗ от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изменениями и дополнениями на 11.07.2021 г.). Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902135756>.

⁵ ФЗ от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 26.05.2021). Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902135263>.

⁶ ФЗ от 28 декабря 2010 «О безопасности» (с изменениями на 9 ноября 2020 года). Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902253576>.

⁷ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (с изменениями на 23 сентября 2021 года). Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901802257>.

⁸ ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902260215>.

определяется общественным восприятием коррупции).

В целом, к первоочередным мерам организационного характера относится обеспечение упреждающего воздействия на причины и истоки теневой и криминальной экономики, истощении ее источников жизнедеятельности. Для этого необходимо:

- формировать конкурентную среду, позволяющую уменьшать размер потенциальной коррупционной прибыли, в том числе за счет дублирования функций разными государственными органами;
- идентифицировать и перекрывать каналы поступления ресурсов в теневые секторы экономики;
- учитывать специфику функционирования различных административных и социальных образований при формировании механизмов борьбы с теневой экономикой;
- разрабатывать отдельные программы по направлениям обеспечения экономической безопасности страны: противодействие криминальной экономике в рамках антикоррупционной политики, проведение социально-экономической, миграционной политики и др.;
- обосновать выбор конкретных инструментов и конкретных субъектов для использования в механизме экономической безопасности (реактивными и превентивными методами);
- использовать принцип опережающего управления в системе обеспечения экономической безопасности, предполагающего переход от мер текущего характера к построению стратегии обеспечения экономической безопасности, позволяющей прогнозировать влияние факторов криминализации и недопущение их перерастания в угрозы безопасности для экономической системы;
- повышать риск наказания за счет ужесточения законов и неотвратимости их исполнения при одновременном увеличении окладов чиновников как элемента механизма стимулирования их работы, позволяющего должностным лицам не нарушать нормативные предписания.

В заключении представляется возможным утверждать, что правовые инструменты, в части противодействия криминализации экономики и коррупции, в отечественном законодательстве сформированы. Сегодня обеспечена управленческая определенность с точки зрения квалификации объектов и субъектов декриминализации, установлены правила и границы управления. Однако до конца проблема не решена. Считаем, что перспективным является анализ обеспечения субъектами теневой экономики своей экономической безопасности, включающий анализ угроз, направленных на эти субъекты. Накопление и использование таких знаний — об угрозах экономической безопасности для самих субъектов теневой экономики — будет полезно при противодействии теневой экономике.

Элементом такой государственной политики должна стать действенность аргументов для хозяйствующих субъектов об экономической опасности занятия теневым бизнесом. У предпринимателя должна формироваться убежденность в том, что теневизация несет с собой и потенциальные, и реальные угрозы потерь (как имущественных, так и финансовых), а также ряд экономико-правовых ограничений (в том числе свободы).

То есть субъекты теневой экономики выстраивают свою деятельность, исходя из знаний и ожидания данных угроз, что в свою очередь приводит к использованию специальных инструментов, направленных на обеспечение своей экономической безопасности. В настоящее время отсутствует научно-обоснованная система таких инструментов, что связано в принципе с тем, что деятельность субъектов теневой экономики не рассматривается в аспекте обеспечения своей экономической безопасности. Считаем это серьезным упущением, снижающим антикоррупционный потенциал противодействия теневизации российской экономики.

Список источников

1. Грачев А. В. Организационно-экономические инструменты противодействия криминализации общества (на примере органов внутренних дел) : дисс. ...к.экон.н. : 08.00.05. СПб, 2007. 206 с.
2. Грачев А. В. Экономический анализ нормативного регулирования экономических отношений как фактора девиантного поведения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Экономика и управление. 2017. № 1. С. 64–69.
3. Шеймин П. Полиция. Энциклопедический словарь. СПб, 1898. Т. 24.
4. Колесников В. В. Экономическое развитие и преступность. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. Монография / Науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та. 2005.
5. Конвенция ООН против коррупции. Принята на заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2003 г. Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901944951>.
6. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Страсбург, 04.11.1999 г. Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901858911>.
7. Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13.04. 2010 г. № 460) Указ Президента РФ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг. Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/608267376>.
8. Борина Л. В. Контрольно-ревизионные инсти-

туты в системе противодействия коррупции как угрозы экономической безопасности государства (по материалам ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области) : дисс. ...к.экон.н. : 08.00.05. СПб. 194 с.

9. Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, классификация и специфика правового регулирования // Материалы сайта: <http://www.crimpravo.ru/blog/1472.html>.

References

1. Grachev A. V. Organizational and economic tools for countering the criminalization of society (on the example of internal Affairs bodies) : diss. ...econ.n. : 08.00.05. Saint Petersburg, 2007. 206 p.
2. Grachev A. V. Economic analysis of normative regulation of economic relations as a factor of deviant behavior // Bulletin of the Voronezh state University. Series : Economics and management. 2017. № 1. P. 64–69.
3. Shamin P. Police. Encyclopaedic dictionary. Saint Petersburg, 1898. Vol. 24.
4. Kolesnikov V. V. Economic development and crime. Modern problems and strategy of fighting crime. Monograph / Scient. ed. V. N. Burlakov, B. V. Volzhenkin. SPb : Publishing House of St.

Petersburg State University, Publishing house of the faculty of law of St. Petersburg State University, 2005.

5. The UN Convention against Corruption. Adopted at the meeting of the 58th session of the UN General Assembly in 2003. Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901944951>.
6. Convention on Civil Liability for Corruption. Strasbourg, 04.11.1999. Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901858911>.
7. National Anti-Corruption Strategy (approved by Decree of the President of the Russian Federation № 460 of 13.04. 2010) Decree of the President of the Russian Federation on the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024. Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/608267376>.
8. Borina L. V. Control and audit institutions in the system of anti-corruption as a threat to the economic security of the state (based on the materials of the Ministry of internal Affairs of Russia in Saint Petersburg and the Leningrad region): diss. ... c. ekon.n. : 08.00.05. SPb. 194 p.
9. Kabanov P. A. Anti-Corruption monitoring in the Russian Federation's subjects : concept, content, classification and specifics of legal regulation // Materials of the site: <http://www.crimpravo.ru/blog/1472.html>.

Информация об авторах

А. Н. Литвиненко — профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ;

А. В. Грачев — начальник кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. N. Litvinenko — Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-economic Processes of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation;

A. V. Grachev — Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Научная статья

УДК 31:33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-284-290>

NIJON: 2003-0059-2/22-264

MOSURED: 77/27-003-2022-02-463

Аналитика незаконного обналичивания денежных средств как угрозы экономической стабильности государства

Андрей Евгеньевич Ляпин

Главное Управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, Москва, Россия, lyapin-obep@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема незаконного обналичивания денежных средств, их количественной оценки, определены основные секторы экономики, имеющие повышенный спрос на обналичивание. Проведен анализ развития теневого сектора экономики в Российской Федерации и результатов работы правоохранительных и налоговых органов по противодействию незаконному обналичиванию денежных средств.

Ключевые слова: обналичивание денежных средств, легализация денежных средств, банки, Росфинмониторинг, незаконная банковская деятельность

Для цитирования: Ляпин А. Е. Аналитика незаконного обналичивания денежных средств как угрозы экономической стабильности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 284–290. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-284-290>.

Original article

Analysis of illegal cash withdrawal as a threat to the economic stability of the state

Andrey E. Lyapin

Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, lyapin-obep@yandex.ru

Abstract. The problem of illegal cash withdrawal, their quantitative assessment, identifies the main sectors of the economy that have an increased demand for cash withdrawal is considered. The analysis of the development of the shadow sector of the economy in the Russian Federation and the results of the work of law enforcement and tax authorities to counteract illegal cash withdrawal is carried out.

Keywords: cashing money, money laundering, banks, Rosfinmonitoring, illegal banking

For citation: Lyapin A. E. Analysis of illegal cash withdrawal as a threat to the economic stability of the state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):284–290. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-284-290>.

Обналичивание денежных средств в Российской Федерации несет в себе две основные проблемы — это уклонение от уплаты налогов и финансирование преступности.

Стоит отметить, что в европейских странах и США, как ни странно, нет таких проблем с обналичиванием денежных средств, как в России. Основная проблема, с которой сталкиваются все правоохранительные органы зарубежных стран — отмывание денежных средств, добытых преступным путем, и это

абсолютно разные понятия. Проблемы с обналичиванием там нет по одной причине — держатель пластиковой карты не может снять с банкомата больше определенной суммы (обычно 200–500 долл./евро). По этой причине лицо, которое захочет рассчитаться за приобретение крупной покупки наличными деньгами, вызывает настороженность, и в некоторых случаях, о данном лице могут сообщить в правоохранительные органы. Примечательно, что купюра в 500 евро в европейских странах получила название «русской».

© Ляпин А. Е., 2022

В 2010 году британское Агентство по борьбе с организованной преступностью (Serious and Organized Crime Agency, SOCA, подразделение МВД Соединенного Королевства) опубликовало доклад, в котором заявило: «90 % купюр номиналом 500 евро, проданных в Великобритании, находятся в руках организованной преступности. Анализ движения этих купюр на протяжении восьми месяцев показал, что практически без исключений они были использованы для отмывания денег, предоставляя наличность главным преступным группировкам¹.

После данного доклада обменные пункты и банки в Великобритании перестали совершать обменные операции с данными купюрами, разумеется, человек может найти место где ему произведут обмен данной купюры на более мелкие, но при этом курс будет сильно занижен, к тому же осуществить данную процедуру можно только при наличии паспорта. Кроме этого, выпуск новых купюр номиналом 500 евро прекращен с 2015 года.

Таким образом, европейские страны пошли по наиболее простому пути — расплачиваешься наличными денежными средствами — значит связан с криминалом. В связи с этим, на западе так распространены именно схемы по «отмыву» денежных средств через сеть салонов красоты, общепита, автомоек и прочих учреждений.

В России существует иная проблема — обналичивание денежных средств. Стоит отметить, что в нашей стране за услугой по обналичиванию денежных средств обращаются не только криминальные

структуры, но и представители реального сектора экономики.

Основной причиной, по которой предприниматели обращаются к услугам по обналичиванию денежных средств, является желание сэкономить на налогах, при этом в экономии заинтересован не только работодатель, но и работник. Рассмотрим распространенный пример — экономия на уплате налогов и страховых взносов при оплате труда наемных сотрудников. Так, работник оплачивает 13 % от своей заработной платы в виде НДФЛ, работодатель несет большее налоговое бремя, а именно 30 % от заработной платы (22 % — в ПФР, 5,1 % — ФОМС, 2,9 % — ФСС). Стоит отметить, что это не конечный показатель, так в данные расчеты не включен транспортный налог, налог на недвижимость, акцизы, НДС, оплачиваемые потребителями при покупке продуктов, оплаты услуг, топлива, алкоголя, сигарет и т. д.

Кроме этого у предпринимателей имеются и другие потребности в наличных, связанные с оплатой труда иностранных рабочих, задействованных на многочисленных стройках, оплаты стройматериалов, услуг различным специалистам, деньги на взятки контрольным и проверяющим органам, на личные нужды собственников и т. д.

По данным Росфинмониторинга основной спрос на теневые финансовые услуги в 2020 году, как и годом ранее, формировался в строительном секторе (38 %), торговле (23 %) и секторе услуг (22 %).

При этом, по данным ЦБ России в последние годы наблюдается динамика по снижению объема сомнительных операций в банковском секторе, в том числе и объемы незаконного вывода денежных средств.

¹ <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10826081>.

Таблица 1

Объемы сомнительных банковских операций в России, млрд руб.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Объем операций с признаками обналичивания денежных средств в банковском секторе	600	521	326	177	110	78
Объем незаконно выведенных за рубеж денежных средств	501	183	77	64	63	53
Объем сомнительных транзитных операций через российские банки	10100	3900	2500	1300	721	600

Так, с 2015 года объемы операций, подпадающих под признаки обналичивания денежных средств через счета и платежные карты физлиц, а также корпоративные банковские карты организаций и индивидуальных предпринимателей сократилось более чем в 7 раз.

Однако, незаконное обналичивание денежных

средств никуда не исчезает, оно преобразуется, схемы усложняются, а затраты возрастают. Более того, развитие рынка криптовалют также влияет на данную отрасль, в связи с более простым способом вывода денежных средств с использованием широкого перечня криптовалют.

На наш взгляд, основной из причин снижения доли незаконного обналичивания денежных средств стало применение широко известного в последнее время Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным

путем, и финансированию терроризма» № 115-ФЗ, а также проведение контрольных мероприятий Центральным банком России.

Рис. 1. Динамика числа кредитно-финансовых учреждений и объема сомнительных финансовых операций в России, млрд. руб.

Для борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем 07.08.2001 был принят Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» № 115-ФЗ. Несмотря на давность его принятия, активное применение получил в последние 5 лет. Разберемся подробнее о принципе применения данного закона и разработанной системы¹. Невыполнение положений данного Федерального закона ведет к отзыву лицензии, что прослеживается на представленных выше данных.

По данным центрального банка по состоянию на 01.01.2014 г. в России действовало 923 банка, по состоянию на 01.06.2021 г. данный показатель сократился в 2,4 раза².

Слаженная работа МВД России, Росфинмониторинга, ФНС России и Центрального банка позволила ежегодно выявлять масштабные площадки по обналичиванию денежных средств, созданные на базе кре-

дитно-финансовых учреждений.

Так, в 2019 году в Нижегородской области пресечена противоправной деятельностью преступного сообщества, участники которого на протяжении 2016–2019 гг. осуществляли незаконную банковскую деятельность, связанную с обналичиванием денежных средств. Общая сумма поступивших денежных средств на подконтрольные организации превысила 10 млрд рублей. В преступную деятельность были вовлечены сотрудники местных банков, которые за денежное вознаграждение обеспечивали открытие расчетных счетов на «технические» организации и оказывали помощь в выводе денежных средств с заблокированных счетов.

Несмотря на многообразные и изощренные схемы, широкое распространение получили следующие способы, представленные на рисунке 2.

Совершение фиктивной сделки.

Одним из самых распространенных и простых способов обналичивания денежных средств является способ заключения фиктивного договора с организацией, индивидуальным предпринимателем или физическим лицом. Предметом договора может быть что угодно более-менее подходящее выгодоприобретателю по данной схеме.

¹ Ляпин А. Е., Мустафина С. Ю. Финансовый мониторинг как средство борьбы с преступлениями против собственности и подрывом финансов организаций // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 271–277.

² https://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/

Рис. 2. Основные способы обналичивания денежных средств

В действительности договорные обязательства никогда не исполняются. В дальнейшем денежные средства перечисляются с расчетного счета организации на счет ИП или физического лица, основанием перечисления является оплата услуг или выполнение работ, в том числе консультационных, услуг колл-центров и иных. Полученные денежные средства выводятся на счет ИП / физических лиц и обналичиваются в банке в пределах лимитов, установленных кредитно-финансовым учреждением.

Так, в последних числах декабря 2020 года генеральный директор строительной организации ООО «С» обратился с заявлением в полицию в отношении неустановленных лиц, совершивших мошеннические действия и похитивших сумму свыше 1,7 млн рублей у заявителя. В своем заявлении директор сообщил, что выполняет подрядные работы в одном из микрорайонов Московской области. Накануне в интернете он нашел объявление о продаже бетона по приемлемой цене, связался с менеджером, договорился о поставке и перевел денежные средства по указанным реквизитам. В назначенное время бетон поставлен не был. При опросе указанного лица появились сомнения в правдивости данной ситуации. Во-первых, заявление он пришел писать спустя месяц после перечисления денежных средств. Во-вторых, в объеме поставки бетона и наличии 100 % оплаты аванса новому контрагенту. При средней цене 1 м³ бетона марки М300 в 3100 рублей, получалось, что предпринимателю потребовалось более 500 кубов бетона в один момент. То есть данный бетон должны были привести 50 бетономешалок. При проведении ОРМ получены сведения об использовании расчетного счета указанной организации для осуществления транзитных операций и обналичивания денежных средств. В дальнейшем установлены все члены преступной группы, задей-

ствованные в противоправной деятельности. Так, при допросе остальных участников преступной группы получены сведения, что в рамках данного эпизода денежные средства в сумме 1,7 млн рублей были направлены на счет одной из подконтрольных организаций для последующего перечисления на расчетный счет ИП, проживающего в соседнем регионе для обналичивания. При этом индивидуальный предприниматель, решил денежные средства не возвращать, обналичил их и присвоил себе. Найти индивидуального предпринимателя члены преступной группы не смогли и решили написать заявление в полицию. В дальнейшем всем членам преступной группы предъявлены обвинения по ст. 172, 173.1 УК РФ.

Выдача займа учредителем.

Другим необычным способом обналичивания денежных средств является выдача займа учредителем. Предприниматель предоставляет займ собственной организации, перечисляя денежные средства по безналичному расчету. При этом договор займа заключается с процентом чуть выше рыночных и на долгий срок. Таким образом, у компании появляется возможность в получении наличных денежных средств.

Видоизменённый вид схемы применяется и при заключении фиктивных договоров поставки. В договоре указываются огромные штрафы за срыв поставки, либо поставка с нарушением сроков. Подконтрольная организация сознательно допускает срыв срока и соглашается с требованиями по перечислению штрафных санкций.

Использование фиктивного займа учредителю.

Обычно выдача займа осуществляется либо на аффилированную организацию, либо своему учредителю/работникам. При изучении договора займа он в большинстве случаев выдается бессрочно и без уплаты процентов. В процессе доказывания необходимо установить факты систематизации таких займов, а

также их безвозвратность.

Так, на одном из крупных производственных предприятий установлен факт ежегодной выдачи беспроцентного займа генеральному директору в сумме 50–100 млн рублей для создания картинной галереи на предприятии. При проведении ОРМ, установлено, что директор предприятия и его подчиненные регулярно осуществляли авиаперелеты в Европу и принимали участие в аукционах, на которых приобретали репродукции известных картин. В дальнейшем картины перевозились в Российскую Федерацию и распределялись между членами правления предприятия для пополнения личных коллекций. На предприятии, разумеется никакой картинной галереи создано не было.

Стоит отметить, что в России не существует специальной нормы уголовного права за незаконное об-

наличивание денежных средств. Разберем по какой статье обычно привлекают лиц, осуществляющих данное противоправное деяние.

В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует специальная статья, регламентирующая ответственность лиц за совершение противоправных действий по обналичиванию денежных средств. Более того, в законодательстве не определено понятие «обналичивание» или «обнал». В связи с этим, привлечение к уголовной ответственности осуществляется по различным статьям, исходя из целей создания конкретной схемы и субъектов преступления.

Все статьи уголовного кодекса, применяемые для квалификации противоправных действий можно классифицировать по направлениям, указанным на рисунке 3.

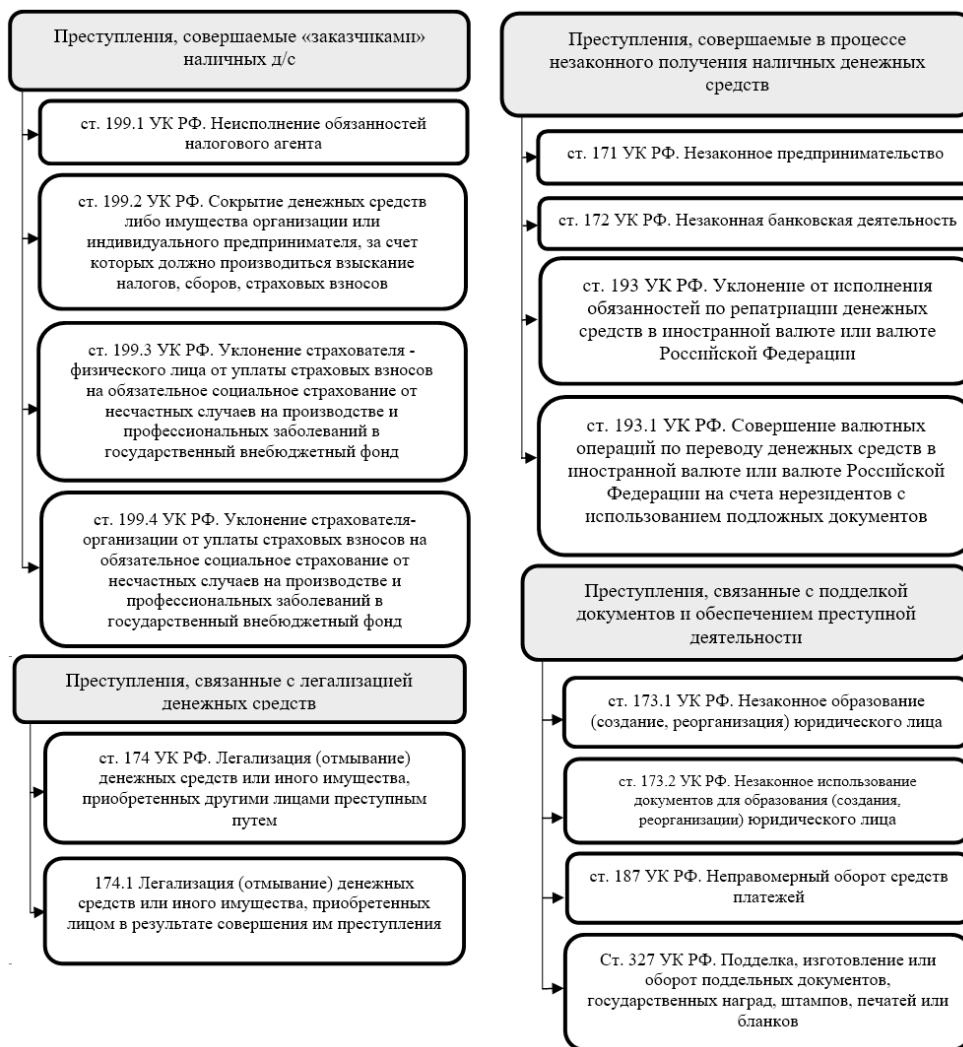

Рис. 3. Преступления, совершаемые в сфере незаконного обналичивания денежных средств

Преступления, связанные с подделкой документов и обеспечением преступной деятельности.

Субъектами данного блока преступлений являются низовые исполнители, номинальные директора, юристы — регистраторы, бухгалтеры, осуществляю-

щие ведение бухгалтерского учета на «фирмах-однодневках», а также лица, осуществляющие подделку платежных и регистрационных документов.

Преступления, совершаемые в процессе незаконного получения наличных денежных средств.

Субъектами второго блока чаще всего являются лица, которые не являются руководителями организаций и формально никак не связаны с организациями, через которые осуществляется обналичивание денежных средств. Установление их личности происходит в рамках ФЗ «Об ОРД». К уголовной ответственности по данной статье также могут быть привлечены и банковские работники, оказывающие услуги по незаконному обналичиванию денежных средств.

Преступления, связанные с легализацией денежных средств.

В последние годы легализация денежных средств, является одной из проблем с которой сталкиваются предприниматели, прибегающие к услугам по обналичиванию денежных средств. Если в процессе расследования уголовного дела устанавливаются факты приобретение недвижимости, автомобилей, предметов роскоши, валюты на сокрытые от уплаты налогов денежные средств или похищенные при выполнении государственных контрактов, то противоправные действия виновных лиц и их пособников дополнительно классифицируются по ст. 174–174.1 УК РФ.

Преступления, совершаемые «заказчиками» наличных денежных средств.

Так как основной целью использования схем по об-

наличиванию денежных средств представителями реального сектора экономики является снижение уплачиваемых в бюджет налогов и сборов, то субъектами четвертого блока преступлений чаще всего является генеральный директор и главный бухгалтер организации, осуществляющей «заказ наличности».

Учитывая сложную иерархию и распределение ролей между участниками, устойчивый характер связей, применение методов конспирации и иных способов сокрытия следов преступления, деятельность организованной преступной группы, осуществляющей незаконное обналичивание денежных средств нередко квалифицируется как совершенное в составе организованного преступного сообщества. Ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 210 УК РФ.

Согласно данным Судебного департамента при верховном суде в совокупности по ст. 171–173.1 УК РФ за период 2015–2020 г.г. привлечено более 15 тысяч человек к уголовной ответственности. Много это или мало? Для сравнения только за 2020 год к уголовной ответственности по ст. 317-319 УК РФ за преступления, совершенные в отношении сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти привлечено 15054 чел.

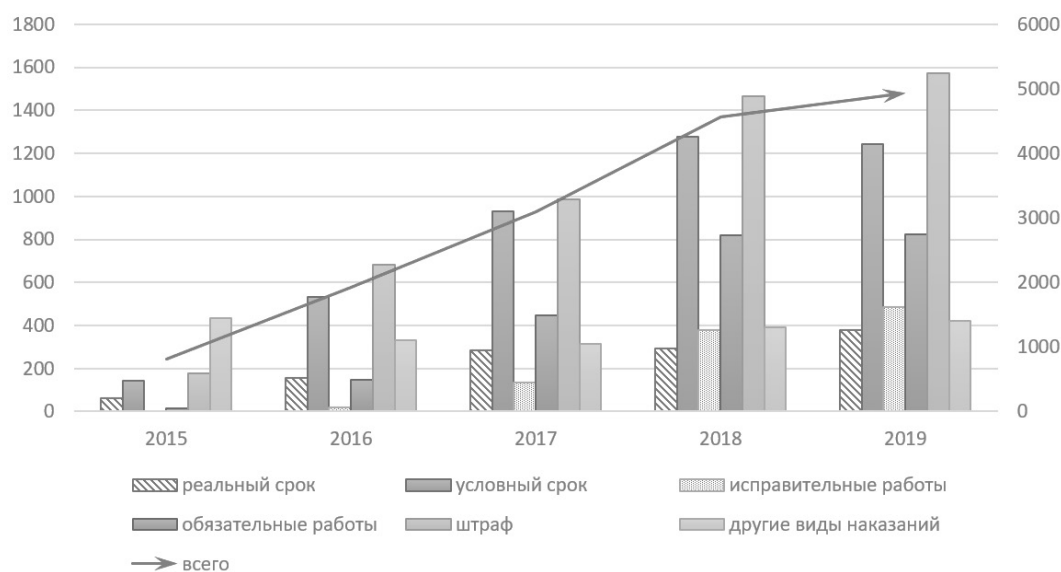

Рис. 4. Количество лиц, осужденных за совершение преступлений, связанных с подделкой документов и обеспечением преступной деятельности лиц, осуществляющих обналичивание денежных средств (ст. 171–173.2 УК РФ)

Стоит отметить, что для лиц, регистрирующих организации за вознаграждение, привлечение к уголовной ответственности не имеет особого значения, другое дело — наступление материальных последствий.

Так, в г. Воскресенске Московской области женщина, трудоустроенная в одной из клининговых компаний города признана должником 1,8 млрд рублей перед Агентством по страхованию вкладов (АСВ). В 2014 году она за вознаграждение в 2 тыс. рублей со-

гласилась стать генеральным директором ООО «Р». Открыла несколько расчетных счетов, на которые в дальнейшем перечислены кредитные средства, полученные в Судостроительном банке в сумме более 30 млн. долларов. В 2015 году у данного банка отозвана лицензия, обязательства по истребованию кредитов перешли к АСВ, которым в рамках проверки установлены все организации и физические лица, которые являлись должниками банка.

В итоге заработав 2 тыс. рублей на регистрации компании лже-предприниматель осталась должна 1,8 млрд рублей.

Стоит отметить, что в отрасли обналаживания денежных средств действует один из основных постулатов экономической теории — рост рождает предложение. До тех пор, пока у предпринимателей и представителей криминального мира существует потребность в наличных денежных средствах, будет существовать «рынок обнала». Возможно, в какой-то степени, данную проблему решит введение цифрового рубля, разработки которого ведутся в последнее время.

Ужесточение контроля за оборотом денежных средств, в том числе и среди физических лиц набирает новые обороты, основная задача проводимых мер — увеличение поступления налоговых платежей в бюджет. В ответ на данные меры схемы по обналаживанию денежных средств приобретают все новые сложные формы, за которыми не всегда успевают фискальные и контрольные органы. Одной из действенных мер по профилактике распространения данных видов преступлений является усиление ответственности лиц «номинальных» директоров и индивидуальных предпринимателей, которые осуществляется обналаживание денежных средств.

Библиографический список

1. Башкатов Б. И., Суринов А. Е., Якимов А. В., Карманов М. В., Нестеров Л. И., Дианов Д. В., Думнов А. Д., Котляревский П. А., Егоренко С. Н., Бурденкова Е. С. Международная статистика. Учебник для магистров / под ред. Башкатова Б. И., Суринова А. Е. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2013.
2. Ищенко А. Н. Реализация необходимых новых подходов в работе надзорных контрольных и правоохранительных органов // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2015. № 42. С. 208–212.
3. Каблук И. С. Статистика строительной отрасли как информационная база оценки // Аудиторские ведомости. 2021. № 2. С. 162–164.
4. Катасонова Е. Н. Методы перевода показателей отчетности ограниченного распространения в общедоступный вид // Дискуссия. 2017. № 1 (75). С. 28–33.
5. Кузнецова Е. И. Деньги, кредит, банки. Учебник. Москва, 2019. Сер. Бакалавриат.
6. Мустафина С. Ю. Влияние социально-экономических факторов на уровень преступности: статистическое исследование // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 41–46.
7. Суглобов А. Е., Музалёв С. В. Проблемы формирования бухгалтерской (финансовой) отчетности в условиях реорганизации предприятия // Russian Journal of Management. 2020. Т. 8. № 1. С. 76–80.

Bibliographic list

1. Bashkatov B. I., Surinov A. E., Yakimov A.V., Karmanov M. V., Nesterov L. I., Dianov D. V., Dumnov A.D., Kotlyarevsky P. A., Egorenko S. N., Burdenkova E. S. International Statistics. Textbook for Masters / ed . Bashkatova B. I., Surinova A. E. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2013.
2. Ishchenko A. N. Implementation of necessary new approaches in the work of supervisory control and law enforcement agencies // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2015. № 42. P. 208–212.
3. Kablukov I. S. Statistics of the construction industry as an information base for evaluation // Audit statements. 2021. № 2. P. 162–164.
4. Katasonova E. N. Methods of translating reporting indicators of limited distribution into a publicly available form // Discussion. 2017. № 1 (75). P. 28–33.
5. Kuznetsova E. I. Money, credit, banks. Textbook. Moscow, 2019. Ser. Bachelor course.
6. Mustafina S. Yu. The influence of socio-economic factors on the crime rate: a statistical study // Economic and socio-humanitarian studies. 2018. № 3 (19). P. 41–46.
7. Suglobov A. E., Muzalev S. V. Problems of accounting (financial) reporting formation in the conditions of enterprise reorganization // Russian Journal of Management. 2020. Vol. 8. № 1. P. 76–80.

Информация об авторе

А. Е. Ляпин — кандидат экономических наук.

Information about the author

A. E. Lyapin — Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Научная статья

УДК 338.24.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-291-295>

НИОН: 2003-0059-2/22-265

MOSURED: 77/27-003-2022-02-464

Анализ процесса оценки стоимости предприятия, цели, информационное обеспечение

Даниэла Константиновна Санакоева¹, Дзерасса Алановна Гамаонова², Кристина Владимировна Парастаева³

^{1,2,3} Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Владикавказ, Россия

¹ sdaniella1980@mail.ru

Аннотация. Концепция управления стоимостью предприятия бессмысленна и бесполезна, если нельзя измерить эту стоимость, а измерение стоимости во всем мире осуществляется в результате оценки этой стоимости. Не зная величины стоимости и динамики ее изменения, естественно, невозможно не только эффективно, но и просто управлять этим показателем.

Ключевые слова: анализ процесса, оценка стоимости, предприятие, рыночная стоимость, рынок

Для цитирования: Санакоева Д. К., Гамаонова Д. А., Парастаева К. В. Анализ процесса оценки стоимости предприятия, цели, информационное обеспечение // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 291–295. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-291-295>.

Original article

Analysis of the process of estimating the value of the enterprise, objectives, information supply

Daniela K. Sanakoeva¹, Dzerassa A. Gamaonova², Kristina V. Parastaeva³

^{1,2,3} Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz, Russia

¹ sdaniella1980@mail.ru

Abstract. The concept of enterprise value management is meaningless and useless if this value cannot be measured, and the measurement of value around the world is carried out as a result of the assessment of this value. Without knowing the value of the cost and the dynamics of its change, of course, it is not possible not only effectively, but also simply to manage this indicator.

Keywords: process agalysis, valuation, enterprise, market value, market

For citation: Sanakoeva D. K., Gamaonova D. A., Parastaeva K. V. Analysis of the process of estimating the value of the enterprise, objectives, information supply. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):291–295. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-291-295>.

Под стоимостью предприятия (компаний) понимается оценка денежной величины, которую готовы заплатить сторонние покупатели для приобретения предприятия (компаний) в собственность. При этом термин «стоимость предприятия (компаний)» следует отличать от термина «рыночная стоимость предприятия (компаний)», который существенно уже и представляет собой суммарную курсовую стоимость акций предприятия на фондовом рынке в каждый момент времени. Между терминами выполняется соотношение:

$$\begin{array}{l} \text{Рыночная} \\ \text{стоимость} \\ \text{предприятия} \end{array} = \begin{array}{l} \text{Стоимость} \\ \text{предприятия} \end{array} + \begin{array}{l} \text{Спекулятивные} \\ \text{интересы операторов} \\ \text{рынка} \end{array}$$

Таким образом, в дальнейшем исследовании используется стоимость предприятия как некая отправная точка для последующей рыночной оценки, обусловленная финансовыми рисками. Процесс определения стоимости предприятия называется оценкой стоимости предприятия [1].

© Санакоева Д. К., Гамаонова Д. А., Парастаева К. В., 2022

Оценка — это 1) научно обоснованное мнение эксперта-оценщика о стоимости оцениваемого объекта собственности и 2) процесс определения стоимости объекта оценки.

Оценка — это упорядоченный, целенаправленный процесс определения в денежном выражении стоимости оцениваемого объекта с учетом потенциального и реального дохода, приносимого им в определенный момент времени в условиях конкурентного рынка.

Организация процесса оценки в Российской Федерации опирается на вполне сложившуюся к настоящему времени законодательную базу. Главным нормативно-правовым актом, организующим и регулирующим вопросы оценки, является Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В данном законе определены отношения, связанные с рыночным оборотом объектов оценки, выделены объекты и субъекты оценочной деятельности, охарактеризованы права и ответственность оценщиков, условия лицензирования их деятельности.

Проблема оценки стоимости предприятия в условиях рыночной экономики возникает регулярно. Наука об оценке и оценочная деятельность находятся в непрерывном развитии (как в России, так и за рубежом), что обуславливается такими фундаментальными сдвигами в мировой экономике и финансах, как глобализация и либерализация мировых рынков товаров, услуг, капиталов, интернационализация производственной, финансовой и сбытовой деятельности предприятий, растущим профессионализмом акционеров [1].

Оценка предприятий необходима для реализации механизма банкротства и санации, купли-продажи всего предприятия или его части, а также оценки доли пайщика в уставном капитале предприятия.

Современный рыночный механизм предполагает развитие ценных бумаг, а это также требует проведение оценки предприятий. В частности, потребность в оценке вызывается необходимостью определить цену пакета акций, определить стоимость имущества предприятия для обеспечения эмиссии ценных бумаг либо увеличения их номинальной стоимости.

Повышение риска, характерное для рыночной экономики, ведет к дальнейшему развитию страхования, в процессе которого возникает необходимость определения стоимости активов в преддверии возможных потерь. Страхование активов необходимо и для компенсации ущерба, полученного при авариях на производстве, что часто случается на предприятиях.

Потребность в оценке предприятий возникает и при выборе инвестиционных решений. Для того, чтобы ответить на вопрос: инвестиции в какой бизнес принесут наибольшую отдачу, инвестору в первую очередь нужна информация о стоимости активов и будущих доходах от деятельности предприятий. По мнению авторов, в нынешних условиях оценка предпри-

ятий для целей инвестирования должна стать главным приоритетом [2].

Процесс оценки выявляет альтернативные подходы к управлению и пути развития предприятия и позволяет определить, какой из них обеспечит собственнику максимальную рыночную стоимость, что и является одной из важнейших целей управления предприятием в рыночной экономике. Оценка предприятия является базой принятия стратегических решений, касающихся перспектив развития бизнеса. Кроме того, результаты оценки предприятий важны для всех кто с ним непосредственно или косвенно связан (рис. 1).

В ходе исследований авторами были систематизированы основные элементы технологии проведения оценки стоимости предприятия и объединены в этапы процесса оценки. Процесс оценки разделены на четыре этапа:

1) Подготовительный (определение объекта, задач и целей оценки, составление плана оценки, решение организационных вопросов);

2) Аналитический (сбор, проверка, корректировка и анализ информации, оценка влияния экзогенных и эндогенных факторов на объект оценки);

3) Методический (выбор подходов и методов оценки, расчет стоимости объекта);

4) Результирующий (внесение итоговых поправок, определение итоговой величины стоимости, составление отчета об оценке, представление и защита отчета).

Классификация существующих целей оценки стоимости предприятия со стороны различных субъектов представлена в таблице 1.

Процесс оценки стоимости предприятия представляет собой многоуровневую задачу, которую можно представить в виде ряда последовательных шагов изображенных на рисунке 2.

Подробное рассмотрение содержания этапов процесса оценки не входит в задачи данного исследования, потому как эта проблематика широко освещена в учебной литературе и научной периодике. Стоит заметить лишь следующее: подготовительный этап носит целеполагающий характер, и от корректности действий оценщиков по определению стандарта стоимости, утверждению программы оценки и организации процесса оценки зависит содержание и качество работ на последующих этапах [3].

Как видно из рисунка 2, центральное место в процедуре любой оценки занимают аналитические расчеты, основанные на подходах к оценке, потому им нужно придать особенное значение и внимание. Применяемые подходы определяют содержание и результаты как предыдущих (предварительное планирование и составление программы оценки, сбор и анализ полученных данных), так и последующих (согласование полученных результатов и составление документа (отчета) об оценке) этапов оценки.

Рис. 1. Важнейшие стороны, заинтересованные в оценке предприятия

Таблица 1

Классификация целей оценки стоимости предприятия

Субъект оценки	Цели оценки
Предприятие как юридическое лицо	- Обеспечение экономической безопасности; - Разработка планов развития предприятия; - Выпуск акций; - Оценка эффективности менеджмента
Собственник	- Выбор варианта распоряжения собственностью; - Составление объединительных и разделительных балансов при реструктуризации; - Обеспечение цены купли-продажи предприятия или его доли; - Установление размера выручки при упорядоченной ликвидации предприятия
Кредитные учреждения	- Проверка финансовой дееспособности заемщика; - Определение размера ссуды, выдаваемой под залог
Страховые компании	- Установление размера страхового взноса; - Определение суммы страховых выплат
Фондовые биржи	- Расчет конъюнктурных характеристик; - Проверка обоснованности котировок ценных бумаг
Инвесторы	- Проверка целесообразности инвестиционных вложений; - Определения допустимой цены покупки предприятия с целью включения его в инвестиционный проект
Государственные органы	- Подготовка предприятия к приватизации; - Определение облагаемой базы для различных видов налогов; - Установление выручки о принудительной ликвидации через процедуру банкротства; - Оценка для судебных целей

Список источников

1. Григорьев В. В., Островкин И. М. Оценка предприятий. Имущественный подход : учеб.-практ. пособие. М. : Дело, 2017. 224 с.
2. Оценка бизнеса : учебник / Под ред А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. М. : Финансы и статистика, 2017. 512 с.
3. Харрисон Г. С. Оценка недвижимости. Учебное пособие : пер. с англ. М. : РИО Мособлупрополиграфиздата, 2016. 231 с.
4. Дзгоева М. Р., Кайтмазов В. А., Келехсаев Р. К. Некоторые проблемы акцизного налогообложения

(на примере РСО-Алания) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2016. № 4. С. 116–120.

References

1. Grigoriev V. V., Ostrovkin I. M. Evaluation of enterprises. Proper approach : study-practice manual. Moscow : Delo , 2017. 224 p.
2. Business Assessment : Textbook / Edited by A. G. Gryaznova, M. A. Fedotova. M. : Finance and Statistics , 2017. 512 p.

Получение общей информации об оцениваемой фирме	Составление плана оценки	Определение необходимых для оценки данных и источников их получения	Подбор и привлечение необходимого персонала: количественный состав, должностной уровень, квалификационный уровень	Разработка программы оценки с графиком работ и календарным планом
СБОР И АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ				
Сбор и анализ внешних данных				
Общая социально-экономическая ситуация	Рынок капиталов и рынок недвижимости	Отрасль, рынок товаров, работ и услуг фирмы	Требования законодательства	Финансовая и управленческая отчетность
Сбор и анализ внутренних данных				
		Бизнес-планы, планы развития	Материальные и нематериальные активы	Информация от собственников и менеджеров
ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ				
СОГЛАСОВАНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ				
СОСТАВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТА (ОТЧЕТА) ОБ ОЦЕНКЕ				

Рис. 2. Процесс оценки стоимости предприятия

3. Harrison G. S. Real estate valuation. Textbook : translated from English M. : RIO Mosobluprpoli grafizdata, 2016. 231 p.
4. Dzagoeva M. R., Kaitmazov V. A., Kelekhsaev

R. K. Some problems of excise taxation (on the example of RSO-Alania) // Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. 2016. № 4. P. 116–120.

Информация об авторах

Д. К. Санакоева — доцент кафедры «Менеджмент» Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент;

Д. А. Гамаонова — студентка магистратуры Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

К. В. Парастаева — студентка магистратуры Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

D. K. Sanakoeva — Associate Professor of the Department «Management» of the Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

D. A. Gamaonova — Graduate Student of the Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

K. V. Parastaeva — Graduate Student of the Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Бухгалтерский учет. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Ю.А. Бабаева, В.И. Бобошко, А.Ф. Дятловой. 611 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Представлена современная комплексная российская национальная система бухгалтерского учета, отчетности и анализа. Рассмотрены основы теории и организации бухгалтерского учета, содержание единой системы бухгалтерского финансового и управленческого учета.

Дана характеристика бухгалтерской (финансовой) отчетности, изложены основные методы анализа финансового состояния и финансовых результатов деятельности экономического субъекта. Приведена характеристика всех объектов бухгалтерского учета, их первичного, аналитического и синтетического учета, система бухгалтерских записей на взаимосвязанных синтетических счетах.

Материал изложен в полном соответствии с действующими российскими законодательными и нормативными правовыми актами по бухгалтерскому учету и отчетности, с учетом международных стандартов финансовой отчетности.

Для студентов (бакалавров, магистров) вузов, обучающихся по экономическим специальностям, преподавателей и практических работников.

Научная статья

УДК 336.02

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-296-298>

НИОН: 2003-0059-2/22-266

MOSURED: 77/27-003-2022-02-465

Влияние налоговых новаций на доходную часть бюджета города Москвы на 2022–2024 гг.

Юлия Габдрашитовна Тюрина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, u_turina@mail.ru

Аннотация. На формирование доходной части бюджета города Москвы на 2022–2024 гг. оказало влияние состояние высокого уровня экономической турбулентности, учитывая спад в 2020 г. и некоторое оживление деловой активности в 2021 г. В статье проанализированы изменения в налоговом законодательстве федерального и регионального уровней, сделаны выводы о степени влияния налоговых новаций на доходную часть бюджета города Москвы.

Ключевые слова: бюджет, бюджет Москвы, доходы бюджета, налоговые доходы

Для цитирования: Тюрина Ю. Г. Влияние налоговых новаций на доходную часть бюджета города Москвы на 2022–2024 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 296–298. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-296-298>.

Original article

The impact of tax innovations on the revenue side of the budget of the city of Moscow for 2022–2024

Yuliya G. Tyurina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, u_turina@mail.ru

Abstract. The formation of the revenue part of the budget of the city of Moscow for 2022–2024 was influenced by the state of a high level of economic turbulence, given the recession in 2020 and some revival of business activity in 2021. The article analyzes changes in the tax legislation of the federal and regional levels, and draws conclusions about the degree of influence of tax innovations on the revenue side of the budget of the city of Moscow.

Keywords: budget, Moscow budget, budget revenues, tax revenues

For citation: Tyurina Yu. G. The impact of tax innovations on the revenue side of the budget of the city of Moscow for 2022–2024. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):296–298. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-296-298>.

В Законе № 33 от 24.11.2021 г. «О бюджете города Москвы на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов» учтены направления бюджетной и налоговой политики, нацеленность на достижение национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года. В структуре доходов бюджета города Москвы сохраняется тенденция преобладания доли налоговых доходов 90,9 % в 2021 году, 92,3 % в 2022 г., 92,8 % в 2023 г., 93,5 % в 2024 г., среди которых наибольший удельный вес составляют поступления от федеральных налогов и сборов.

На динамику прогнозируемых значений налога на прибыль организаций оказали влияние значения отчете-

тов о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций по форме № 5-П УФНС по г. Москва, прогнозных темпов роста ВРП, коэффициента собираемости, ожидаемое улучшение экономической динамики, мобилизации доходов и меры, принимаемые в части улучшения администрирования и увеличения собираемости.

По налогу на доходы физических лиц прогнозные значения сформированы исходя из отчетов УФНС по г. Москва, прогнозных значений динамики количества налогоплательщиков, темпов роста доходов физических лиц, коэффициента собираемости, миграционных про-

цессов, связанных с перемещением трудовых ресурсов.

Ключевыми факторами роста поступлений акцизов по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации, являются ежегодная индексация ставок акцизов на подакцизные товары, установленных статьей 193 НК РФ, изменение нормативов зачисления акцизов в бюджеты субъектов Российской Федерации, а также нормативов, определенных федеральным законом «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов».

По группе доходов «Налоги на совокупный доход» наибольший удельный вес в структуре доходов бюджета занимает налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, демонстрирующий тенденцию к росту (со 172979,9 млн рублей в 2022 г. до 219238,0 млн рублей в 2024 г.) и увеличению удельного веса к общему объему доходов (5,3 % в 2022 г., 5,7 % в 2023 г., 6 % в 2024 г.). На это оказали влияние налоговые новации 2021 года в части:

- увеличения предельных показателей по размеру дохода по итогам отчетного (налогового) периода со 150,0 до 200,0 млн. рублей и средней численности работников со 100 до 130 человек, при превышении которых налогоплательщики утрачивают право на применение УСН;
- введения переходного периода, при котором применяются повышенные налоговые ставки по УСН;
- применения в 2021 году ИП (впервые зарегистрированными в 2020 году) налоговой ставки 0 %;
- снижения для субъектов малого и среднего предпринимательства тарифов страховых взносов с 01.01.2021 г., оказывающих влияние на уменьшение налоговой базы и суммы налога при применении УСН.

На прогнозные величины налога, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения, оказало влияние повышение деловой активности, рост количества выданных патентов (по данным отчетов по форме № 1-ПАТЕНТ УФНС по г. Москва), повлекшего увеличение прогнозных значений — 5838,2 млн рублей в 2022 г., 6230,1 млн рублей в 2023 г., 6664,6 млн рублей в 2024 г. Кроме повышения количества выданных патентов на динамику прогнозных значений доходов по патентной системе оказала влияние возможность выбора ИП альтернативной системы налогообложения — специального налогового режима в виде налога на профессиональный доход. В связи с этим отметим, что динамика поступлений налога на профессиональный доход демонстрирует положительную тенденцию по ожидаемому исполнению в 2021 г. 3627,7 млн рублей, прогнозных значений — 4171,9 млн рублей в 2022 г., 4589,1 млн рублей в 2023 г., 5048,0 млн рублей в 2024 г.

Касаемо поступлений торгового сбора следует отметить отрицательную динамику прогнозных значений, вызванную общей экономической ситуацией в г. Москва и изменениями в действующее налоговое законодательство, в частности, отмена с 01.01.2021 отдельных положений Закона города Москвы от 17.12.2014 № 62, устанавливающих льготы по торговому сбору в отношении торговли, а также в отношении религиозных организаций, осуществляющих торговлю в культовых зданиях и сооружениях, организаций и ИП, осуществляющих торговлю в объектах бытовых услуг, торговлю книгами, газетами и журналами (8088,9 млн рублей в 2022 г., 8032,9 млн рублей в 2023 г., 8057,0 млн рублей в 2024 г.)

По налогу на имущество организаций наблюдается тенденция ежегодного увеличения доходов бюджета г. Москва с 151072,4 млн рублей в 2021 г. (ожидаемое исполнение) до 158716,7 млн рублей в 2022 г., 164118,5 млн рублей в 2023 г., 165450,6 млн рублей в 2024 г. Данная динамика объяснима налоговыми новациями (поэтапное повышение налоговой ставки в отношении объектов недвижимого имущества, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость, 1,8 % в 2021 году, 1,9 % в 2022 г., 2,0 % в 2023 г.; повышение налоговой ставки в отношении железнодорожных путей общего пользования и сооружений, являющихся их неотъемлемой частью, установленной п. 3.2 ст. 380 НК РФ, с 1,6 процента в 2020 году до 2,2 процента в период 2021–2023 годов; увеличением доли объектов, по которым налоговая база исчисляется как кадастровая стоимость недвижимости согласно отчетов по форме № 5-НИО УФНС по г. Москва; переводом ряда объектов налогообложения на оценку по кадастровой стоимости; продлением действия ряда льгот, утрачивающих силу с 01.01.2021 г. в отношении организаций железнодорожного транспорта общего пользования в отношении объектов недвижимого имущества, используемого для осуществления перевозок на Малом кольце Московской железной дороги; зданий океанариумов общей площадью более 10,0 тыс. кв. метров и др. Кроме прочего продление срока действия льгот по налогу на имущество организаций для организаций железнодорожного транспорта общего пользования в отношении объектов недвижимого имущества, используемого для осуществления перевозок на Малом кольце Московской железной дороги, в отношении зданий океанариумов в части несданной в аренду площади оказало влияние на сложившуюся динамику прогнозируемых доходов.

По транспортному налогу расчет прогноза 2022–2024 годов учитывает показатели Отчетов о налоговой базе и структуре начислений транспортному налогу по форме № 5-ТН: расширение перечня дорогостоящих автомобилей, по которым начисление сумм

налога производится с учетом повышающего коэффициента, увеличение количества автотранспортных средств налогоплательщиков.

Таким образом, на налоговые доходы бюджета г. Москвы повлияли изменения в федеральном и региональном законодательстве о налогах и сборах. Несмотря на глобальное влияние пандемии, промышленность города Москвы устойчиво наращивает производство и демонстрирует положительную динамику на протяжении последних месяцев 2021 г. — начале 2022 г. Нормализации на рынке труда способствовали меры по развитию торговли с регионами Российской Федерации, открытию новых торговых объектов, созданию оптимальных логистических схем, прочие меры по развитию сферы торговли и услуг.

Информация об авторе

Ю. Г. Тюрина — профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

Yu. G. Tyurina — Professor of the Department of Public Finance of the Finance Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

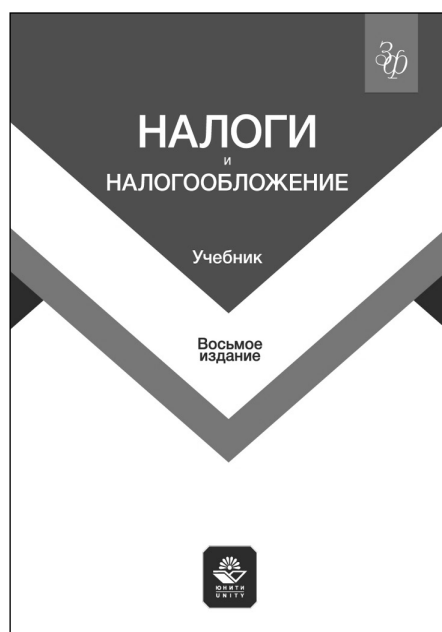
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Библиографический список

1. Закон г. Москвы от 24 ноября 2021 г. № 33 «О бюджете города Москвы на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов».
2. Закон г. Москвы от 10 сентября 2008 г. № 39 «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в городе Москве» (с изменениями и дополнениями).

Bibliographic list

1. The Law of Moscow dated November 24, 2021 № 33 «On the budget of the City of Moscow for 2022 and the planning period of 2023 and 2024».
2. The Law of Moscow dated September 10, 2008 № 39 «On the budget structure and budget process in the city of Moscow» (with amendments and additions).

Налоги и налогообложение. 8-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник"

Восьмое издание учебника подготовлено с учетом последних изменений в налоговом законодательстве по состоянию на 1 июля 2021 г.

Рассмотрены роль налогов в экономике и государстве, функции, принципы, классификации и элементы налогов, планирование в налогообложении, построение налоговой системы, понятие и сущность налогового администрирования. Освещены основные полномочия налоговых органов, права и обязанности налогоплательщиков, ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. Дана характеристика системы налогов и сборов России, рассмотрены действующие федеральные налоги и сборы, региональные и местные налоги, а также специальные налоговые режимы.

Для студентов и преподавателей экономических специальностей вузов.

Научная статья

УДК 339

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-299-303>

НИОН: 2003-0059-2/22-267

MOSURED: 77/27-003-2022-02-466

Характеристика отдельных существенных запретов и ограничений при ведении операций во внешнеторговой сфере

Андрей Алексеевич Яковлев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
andrew0880@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается применение конкретных запретных и ограничительных мер в рамках единой системы государственного контроля внешнеэкономической деятельности в целом. При этом обосновывается, что ключевую роль здесь играют отдельные нетарифные ограничения внешней торговли товарами. Анализируется также, что сегодня наиболее широкие возможности использования государственного аппарата для регулирования внешней торговли в интересах ведущих монополий дает такая мера, как лицензирование. Помимо этого, раскрывается механизм применения отдельных специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер при осуществлении импортно-экспортных операций.

Ключевые слова: транснациональная деятельность, внешняя торговля, таможенно-тарифное регулирование, государственный контроль товарных потоков, экспортные и импортные квоты, уязвимые отрасли национальной экономики, тарифная защита

Для цитирования: Яковлев А. А. Характеристика отдельных существенных запретов и ограничений при ведении операций во внешнеторговой сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 299-303. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-299-303>.

Original article

Characteristics of certain significant prohibitions and restrictions in the handling of operations in the foreign trade sphere

Andrey A. Yakovlev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, andrew0880@rambler.ru

Abstract. The application of specific impeded and restrictive measures within the framework of state control of foreign economic activity in general is considered. At the same time, it is proved that the key role here is played by certain non-tariff restrictions on foreign trade of goods. It is also analyzed that nowadays the most extensive opportunities for using the government machinery to regulate foreign trade in the interests of leading monopolies are provided by such a measure as licensing. Also the mechanism of application of certain special protective, anti-dumping and countervailing measures in the application of import-export operations is characterized.

Keywords: transnational activities, foreign trade, customs and tariff regulation, state control of flows of goods, export and import quotas, vulnerable sectors of the national economy, tariff protection

For citation: Yakovlev A. A. Characteristics of certain significant prohibitions and restrictions in the handling of operations in the foreign trade sphere. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):299–303. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-299-303>.

Эволюция системы (комплекса) наднационального разделения труда, разумное увеличение значимости элементов специализации и кооперирования производства, транснационализация предпринимательской

деятельности, интеграционные процессы в современном мире приводят автоматически к дальнейшему расширению внешнеэкономических контактов как таковых. Кроме того, из-за расширения и интенсивности

© Яковлев А. А., 2022

международных связей наращивается и степень вмешательства государств во внешнеэкономическую (в первую очередь, конечно же, внешнеторговую) сферу, а также создаются масштабные (глобальные) системы государственного регулирования, контролируемые практически все аспекты реализации внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в целом.

Итак, существующие в настоящее время механизмы государственного регулирования ВЭД, имеющие довольно различные экономические и социальные предпосылки, влияют, скорее всего, на абсолютно все сферы функционирования любого общества. У государств сегодня предполагается наличие существенных экономико-правовых, организационных и административных мер, применяемых для сравнительно оптимального решения ряда экономических, политических и иных задач (вопросов). В последнее время все национальные рынки конкретных государств становятся более открытыми для доступа иностранных товаров (если, конечно же, не учитывать локальную проблему ограничений передвижения товаров и грузов в период пандемии COVID-19), в результате чего имеет место вполне объективная необходимость применения наиболее действенных механизмов поддержки для защиты (протекции) интересов национальных производителей. Одну из главных позиций среди подобных средств занимает блок нетарифных ограничений внешней торговли товарами и услугами. Современная практика однозначно подтверждает, что применение в чистом (явном) виде некоего набора экономических мер регулирования внешней торговли далеко не всегда приводит к ожидаемому результату, так как экономические меры (как таковые) по-разному влияют на поставку в государство товаров крупными и мелкими производителями, уже изначально ставя их в отнюдь не равные рамки (условия).

В связи с этим помимо средств таможенно-тарифного регулирования торговли очень многие государства активизируют инструменты воздействия на внешнюю торговлю в целом, не связанные с введением ставок таможенных пошлин. Сегодня совместно с экономическими мерами активно используется и система нетарифных мер регулирования внешней торговли, явным образом ограничивающих как экспорт, так и импорт товаров (услуг), защищая тем самым внутренний (национальный) рынок, как от чрезмерных импортных поставок, так и от попыток появления дефицита т. н. «внутренних» товаров. Следует при этом отметить, что вообще-то нетарифные меры имеют место по отношению к поставкам довольно небольшой группы товаров в течение весьма ограниченного срока (и предназначены, главным образом, для решения конкретных экономических и социальных задач, которые *de facto* требуют незамедлительного государственного

вмешательства).

Необходимо сказать, что в условиях международного обмена товарами (и услугами), конечно же, обостряется наиболее существенным образом конкурентная борьба на мировых товарных рынках, заметным образом усиливаются определенные торговые конфликты между ее конкретными субъектами. Финансово-экономический кризис, повлиявший на мировое хозяйство в целом (в конце первой декады нынешнего столетия), выдвинул на первый план именно нетарифные меры регулирования внешней торговли. Обязанность прямого государственного вмешательства в сферу внешней экономики наиболее острым образом проявляется в фазы определенной экономической нестабильности и усиления дисбаланса в экономическом развитии. В целом сегодня государства имеют определенный опыт в области протекционизма по отношению к внутренним товарным рынкам и национальным производителям товаров (услуг) от т. н. «внешней» конкуренции, который и применяется ими при моделировании внешнеторговой стратегии на государственном уровне.

Начать, скорее всего, следует с такой меры, как лицензирование. Итак, это одна из форм нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности, наиболее часто применяемая форма количественных ограничений. В целом лицензирование внешнеторговой деятельности в основном призвано решать две ключевые задачи. Это, во-первых, защита определенных национальных интересов, не связанных напрямую именно с экономикой (например, безопасность, охрана объектов культурного наследия и проч.), и, конечно же, во-вторых, защита внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции на наднациональном рынке. Лицензирование в современной мировой торговле довольно разнообразно и предполагает, как правило, некое ограничение в виде получения определенного права (или разрешения) от профильных государственных органов на ввоз определенного объема товаров. В настоящее время на долю лицензирования приходится порядка 40–50 % всех случаев введения количественных ограничений. Таким образом, именно лицензирование предоставляет довольно ощутимые возможности задействовать государственный аппарат для регулирования (оптимизации) системы отношений в рамках внешней торговли в интересах монополий. Сегодня лицензирование характеризуется как некая локальная мера, осуществляемая на базе жесткого контроля (отслеживания) конкретных товарных потоков. Оно имеет место в ситуациях, связанных с временными ограничениями весьма нежелательных импортных потоков. Следует сказать, что в настоящий момент в рамках ВТО лицензирование импорта осуществляется в соответствии с Соглашением по процедурам им-

портного лицензирования, а режим лицензирования в нашей стране регулируется такими документами Таможенного Союза, как: Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (2008 г.) и Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами (2009 г.).

Далее необходимо отметить, что еще одной распространённой мерой количественных ограничений считается квота (или контингент — в случае сезонности). В большинстве примеров квотирование внешнеторговой деятельности реализуется путем ее лицензирования, т. е. государство выдает соответствующие лицензии на экспорт (или импорт) определенного объема продукции, запрещая тем самым т.н. нелегализованную торговлю. Также нужно сказать, что квотирование импорта в нашей стране применяется абсолютно всегда как защитная мера в случаях, когда возникает реальная угроза причинения значительного ущерба производителям товаров-конкурентов на территории России, а также и как адекватная зеркальная мера на дискриминационные действия иностранных торговых партнеров (в качестве актуального примера можно привести реализуемую в настоящее время политику санкций по отношению к Российской Федерации со стороны Америки и Евросоюза). Применение квот приводит внешнеторговую политику к большей селективности, т. к. государство имеет возможность поддержать конкретные предприятия и организации.

Экспортные квоты применяются в двух направлениях. Во-первых, для ограничения оттока товарных ресурсов с внутреннего рынка. Эта мера является вынужденной, так как она противоречит соображениям экономической эффективности, сдерживает развитие производства. Ее применяют только в отношении стратегически важного сырья — продовольствия или топлива, когда создается угроза их острой нехватки. Поэтому длительное применение экспортных квот как реакция на дефицит важного сырья на внутреннем рынке приведет к прямо противоположному результату: заинтересованность в производстве товара будет падать, внутреннее производство сокращаться, а дефицит — усиливаться. В результате использования экспортных ограничений возрастает зависимость от импорта. При этом сразу сокращаются экспортные доходы страны. Во-вторых, экспортные квоты вводятся либо в соответствии с международными стабилизационными соглашениями, устанавливающими долю каждой страны в общем экспорте определенного товара (экспорт нефти из стран ОПЕК), либо правительством страны для предотвращения вывоза товаров, дефицитных на внутреннем рынке. Успех в данном случае будет зависеть от того, какова доля страны в совокупном экспортном предложении, а также от поведения других экспортеров, возможностей использо-

вания заменителей или альтернативных источников сырья и эластичности потребления. В этом случае введение квот может принести стране экономические выгоды в виде повышения доходов от экспорта [1, с. 61–62].

Далее необходимо уделить внимание и такому инструменту, как квотирование импорта. Подобная мера, как правило, вводится для защиты локальных производителей, оптимизации торгового баланса, контроля конъюнктуры на внутреннем рынке (а также как контрсанкционная мера в случае дискриминационной торговой политики со стороны иных государств). Импортные квоты, таким образом, предполагают 100%-ную гарантию в том, что импорт автоматически не будет выше, чем определенное значение, т. к. зарубежные конкуренты лишаются возможности увеличивать объемы продаж на данном рынке путем снижения цен. Однако нельзя забывать и о том, что применение квот может впоследствии привести к отрицательным дополнительным эффектам. Итак, ограничивая конкуренцию на основе цены и гарантируя национальным производителям конкретную долю внутреннего рынка, квота (как мера) может привести и к монополизации экономики в целом. Также нельзя не учитывать и то, что распределение лицензий в основном имеет место в рамках тендеров, поэтому в определенной степени может стать причиной активизации деятельности коррупционной направленности.

Следует отметить, что акцентирования заслуживает и такая мера регулирования, как тарифное квотирование (имеет место установление конкретного количества товара, разрешенного к ввозу (или вывозу), однако, по более низкой тарифной ставке в течение определенного временного интервала). Несмотря на то, что тарифные квоты, как правило, относят к мерам категории количественных ограничений, они имеют прямое отношение и к таможенным пошлинам. При этом нельзя не учитывать, что они довольно жестко лимитируют объемы товаров, разрешенные к ввозу на более «мягких» условиях, что дает основания для рассмотрения их в качестве и количественных ограничений. Конечно же, это еще и средство, существенным образом ослабляющее торговые барьеры в виде высокого тарифа, при этом их экономический смысл может варьироваться относительно величины тарифа. Так, например, если последующая ставка тарифа не запретительна, то тарифные квоты ослабляют результаты от его введения, а в случае запретительной ставки тарифа тарифная квота *de facto* становится самой обыкновенной квотой.

Что касается непосредственно нашей страны, то в рамках границ Таможенного союза порядок лицензирования импортных и экспортных товаров распространяется абсолютно на всех участников ВЭД неза-

висимо от места регистрации, доли на рынке, при этом список (перечень) лицензируемых товаров устанавливается специальным законодательством Таможенного союза. Целесообразно также сказать, что общий механизм специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер при реализации импортно-экспортных операций в Российской Федерации описан в Федеральном законе «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» (2003 г.). Он направлен на протекцию экономических интересов отечественных производителей товаров в связи с увеличением объемов импорта, демпингового импорта и субсидируемого импорта на территорию нашей страны.

За последние два десятилетия в международной торговле намечилось увеличение случаев применения иностранными государствами мер нетарифного регулирования с целью защиты уязвимых отраслей национальной экономики. Во многом это связано с либерализацией тарифной защиты в рамках присоединения (членства) стран к ВТО. Список нетарифных мер довольно обширен. Согласно классификатору нетарифных мер, разработанному ЮНКТАД, нетарифные меры включают технические стандарты, санитарные и фитосанитарные стандарты, меры торговой защиты, количественные ограничения, лицензии и другие разрешения, мониторинг импорта и пр. По различным оценкам, нетарифные меры, начиная со второй половины 1980-х годов, охватывают от 18 до 30 % объемов мировой торговли. При этом развитые страны используют такого рода ограничения в отношении 17 % импорта, в том числе в отношении 50 % металлопродукции, 25 % текстильных изделий, 44 % продукции сельского хозяйства. В последнее время нетарифные меры все более активно применяются и развивающимися странами — до 40 % всего импорта, в том числе 50 % импорта продовольствия. В международной практике национальное законодательство большинства стран ориентируется на ГАТТ и на действующее в рамках ВТО Соглашение о защитных мерах... В Соглашении подчеркивается, что цель введения защитной меры — не усиление протекционизма, не ограничение конкуренции на международных рынках, а содействие структурной перестройке в стране, применяющей защитные меры, и содействие восстановлению конкурентоспособности отрасли производства, в отношении которой эта мера применяется [1, с. 94–95].

Анализируя ситуацию в нашем государстве, также следует отметить, что особого внимания заслуживают и вопросы экономико-правового регулирования в сфере военно-технического сотрудничества. Так, на современном этапе для Российской Федерации поставки продукции военного и двойного назначения за рубеж (например, в Турцию, Индию, Египет и проч.) — это

одна из немногих возможностей сохранить оборонно-промышленный комплекс в качестве материальной основы обеспечения национальной (экономической) безопасности. Сегодня в условиях нарастания негатива по отношению к России со стороны целого ряда государств продукция военного назначения представляет собой одну из очень немногих конкурентоспособных на мировом рынке категорий высокотехнологичных отечественных товаров, являющихся источником стабилизации федерального бюджета. Участие в международных экономических связях посредством торговли вооружением (и военно-технической продукцией) дает нашему государству реальную возможность иметь стратегические источники получения валютных доходов (кроме «бонусов» от экспорта сырья).

Целесообразно сказать, что экспорт продукции (и услуг) в сфере ВПК способствует максимизации загрузки производственных мощностей, обеспечению национальных приоритетов России на мировом рынке и сохранению ее экономической безопасности. Усиление позиций России на рынке военно-технической продукции позволит увеличить экономический эффект от деятельности экспортоориентированных предприятий в области минимизации материалоемкости и оптимизации конкурентных характеристик продукции, ориентированной для внешнего рынка. Сегодня лицензирование в нашей стране порядка ввоза и вывоза изделий военного профиля реализуется в соответствии с Положением «О порядке лицензирования в Российской Федерации ввоза и вывоза продукции военного назначения» (2005 г.). Решения о выдаче предпринимательским структурам права на осуществление внешнеторговой деятельности относительно такой продукции и о приостановлении (возобновлении действия) или лишении подобного права принимаются Президентом РФ по представлению Правительства РФ. В качестве зарубежных конечных потребителей могут являться уполномоченные на то органы и субъекты военно-технического сотрудничества других стран, равно как и международные организации, представляющие интересы государств-партнеров.

С учетом описанного выше в целом следует констатировать, что в современных условиях государства должны стремиться к некоему компромиссу между мерами протекционизма и абсолютной либерализацией ВЭД, т. к. в последние годы, особенно в период ощущаемой нестабильности мировой экономики (о чем свидетельствует и ситуация, связанная с преодолением последствий пандемии COVID-19), тенденция в направлении независимости внешней торговли проявляет менее выраженный характер, а роль государственного регулирования увеличивается, ведь сегодня число новых и более высоких устанавливаемых государствами нетарифных барьеров в наднациональ-

ных торговых операциях существенным образом превышает перечень отмененных (или сниженных) ограничений.

Список источников

1. Джабиев А. П. Запреты и ограничения внешнеторговой деятельности : учебное пособие. М. : Экономика, 2014.

References

1. Jabiev A. P. Prohibitions and restrictions of foreign trade activity : textbook. M. : Economics, 2014.

Библиографический список

1. Иванов И. С. Европейский вектор внешней политики современной России. М. : НП РСМД, 2017.
2. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров. М. : Экономика, 2016.
3. Канашевский В. А. Международные сделки : правовое регулирование. М. : Международные отношения, 2016.
4. Особенности инновационных преобразований в условиях антироссийских санкций / Н. И. Брагин, Н. Н. Матненко; Под ред. Н. И. Брагина. М. : Экономика, 2016.

5. Шкваря Л. В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2015.
6. Шмиттгофф К. Экспорт : право и практика международной торговли : пер. с англ. М. : Юрид. лит., 1993.

Bibliographic list

1. Ivanov I. S. European vector of external policy of modern Russia. M. : NP RSMD, 2017.
2. Integration in conditions of multipolarity. Evolution of the theory and practice of implementation / V. V. Perskaya, M. A. Eskindarov. M. : Economics, 2016.
3. Kanashevsky V. A. International transactions : juridical regulation. M. : International relations, 2016.
4. Peculiarities of innovation transformations in conditions of anti-Russian sanctions / N. I. Bragin, N. N. Matnenko ; Ch. ed. N. I. Bragin. M. : Economics, 2016.
5. Shkvarya L. V. International economic integration in the world economy : textbook. M. : INFRA-M, 2015.
6. Schmitthoff C. Export : the law and the practice of international trade : transl. from Engl. M. : Juridical literature, 1993.

Информация об авторе

А. А. Яковлев — доцент кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev — Associate Professor of the Department «Management of the hi-tech enterprises» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 27.10.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Научная статья
УДК 331.109:159
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-304-308>
ИИОН: 2003-0059-2/22-268
MOSURED: 77/27-003-2022-02-467

Конфликт как фактор временной резистентности организации

Юлия Александровна Давыдова¹, Наталья Игоревна Пряникова²

¹ Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, UA_Davidova@mail.ru

² Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии, г. Москва, Россия, pryanikovall1968@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблема взаимовлияния эффективного управления рабочим временем и конфликтными процессами в организации. Более подробно анализируются аспект управления конфликтами посредством эффективного использования времени. Представлена динамика временного изменения конфликтов, детерминирующая деятельность организации. Показано, что конфликтологическая компетентность руководителя позволяет эффективно управлять конфликтно-временными аспектами его деятельности нивелируя при этом временную резистентность.

Ключевые слова: временная резистентность, время, конфликт, конфликтная ситуация, организация, управление, эффективность

Для цитирования: Давыдова Ю. А., Пряникова Н. И. Конфликт как фактор временной резистентности организации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 304–308. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-304-308>.

Original article

Conflict as a factor of temporary resistance of organizations

Yulia A. Davydova¹, Natalia I. Pryanikova²

¹ Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, UA_Davidova@mail.ru

² Federal Research and Clinical Center of Resuscitation and Rehabilitation, Moscow, Russia, pryanikovall1968@bk.ru

Abstract. The problem of mutual influence of effective management of working time and conflict processes in the organization is considered. The aspect of conflict management through the effective use of time is analyzed in more detail. The dynamics of the temporary change of conflicts determining the activity of the organization is presented. It is shown that the conflictological competence of the manager allows you to effectively manage the conflict-time aspects of their activities, while leveling temporary resistance.

Keywords: temporary resistance, time, conflict, conflict situation, organization, management, efficiency

For citation: Davydova Yu. A., Pryanikova N. I. Conflict as a factor of temporary resistance of organizations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):304–308. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-304-308>.

Эффективность работы организации во многом зависит от того, насколько рационально организована профессиональная деятельность ее человеческих ресурсов. В процессе управления до сих пор значимые конструкты, связанные с повышением производительности и результативности труда, лежат именно в плоскости эффективного управления, как рабочим временем, так и конфликтными процессами в организации [например, 4; 5; 6; 7 и др.]. Управление временем, как и управление конфликтами являются призмой, через которую преломляются все процессы управления ор-

ганизацией, взаимодействия на вертикальном и горизонтальном уровнях, психологической совместимости и сплоченности, трудовой мотивации, профессионального развития и т. д. Но при этом необходимо учитывать, что, и конфликтологический фактор, и фактор времени являются консигнаторами, влияющими на резистентность¹ организации.

Конфликт, как объект исследования, обладает

¹ Под словом резистентность в данной работе мы будем понимать неуправляемость, стихийность, неконтролируемость, лишенность управления.

множеством характеристик. Но, при этом, понимание конфликта как фактора временной резистентности организации — это не просто вопрос восприимчивости или информированности в том или ином контексте управления, а значительно более широкая рефлексия этого процесса, как необходимого компонента социальных отношений в организации.

Управление конфликтами посредством эффективного использования времени в настоящий момент развивается в большей степени специалистами-консультантами по управлению, нежели профессиональными учеными [2; 8; 13; 14; 15 и др.]. При этом ряд отечественных и зарубежных специалистов по управлению разрабатывали практические технологии планирования и распределения времени, как фактора опосредованного управления конфликтами и конфликтными ситуациями, предлагая их менеджерам-практикам в виде книг и в формате учебных курсов [1; 3; 9; 17 и др.]. Однако, как правило, применение либо неприменение технологий тайм-менеджмента в управлении конфликтами отводилось руководством организации на собственное усмотрение сотрудника(ов). При этом сравнение динамики изменения качественных особенностей деятельности руководителя и подчиненных показывает, что качество индивидуальной деятельности подчиненного значительно чаще (почти в четыре раза) ухудшается в ходе конфликта по сравнению с качеством деятельности руководителя [18]. Поэтому в научном менеджменте сравнительно редко затрагивались и затрагиваются такие вопросы, как самоменеджмент и персональная организация труда с целеполаганием локализации конфликтных ситуаций.

В процессе взаимодействия людей очень сложно найти одинаковые конфликтные ситуации, что обусловлено разной наполняемостью объекта и предмета конфликта, его функциональностью. Следовательно, вопрос о методах локализации, а также технологиях управления конфликтом с учетом сохранения или продуктивного использования рабочего времени, на наш взгляд является актуальным аспектом для исследования. Иными словами, любой конфликт «ворует» время, которое детерминирует эффективность деятельности любой организации (рис. 1).

Системно-функциональный анализ конфликтов показывает, что они играют важную роль по отношению не только к участникам конфликта, организационной социальной среде, но и являются фактором временной резистентности организации. Это влияние многозначно и может быть рассмотрено как совокупность ключевых элементов конфликта. Конфликт функционален в том смысле, что социальные и психологические процессы его развития воздействуют, как на психику, поведенческие паттерны, деятельность участников конфликта и окружающих, межличностные отношения, так и деятельностные, временные, организационные, финансовые, управленческие и другие аспекты организации.

Таким образом, конфликт как «сквозной» компонент «тестирует» не только ценностные ориентации человека (персонала), относительную силу его (их) мотивов, направленных на деятельность, на себя или взаимоотношения, эмоциональные реакции участников во время и после конфликта, выявляет психологическую устойчивость/неустойчивость к стрессовым факторам конфликтной ситуации и т.п., но и отражается на эффективности индивидуальной (совместной) деятельности, как участников конфликта, так и организационной системы в целом, включая процессы управления временем.

Анализ многочисленных исследований [11; 12] позволяет констатировать тот факт, что для руководителя очень важно рефлексировать потенциальные составляющие, которые детерминируют возникновение конфликтных ситуаций и их дальнейшую трансформацию в конфликт(ы). Для характеристики конфликтологической осведомленности руководителя, его способности антиципировать, прогнозировать, предотвращать, разрешать конфликты персонала в организации, учеными используются такие понятия, как «конфликтная компетентность» и «конфликтологическая компетентность» [10; 11; 16]. В таблице 1 представлены основные точки зрения исследователей на выше названные понятия.

Конфликтологическая компетентность руководителей, включая процессы управления конфликтно-временными аспектами деятельности, содержит четыре основные составляющие [17] (рис. 2):

самооценку;

- перцептивные возможности;
- навыки владения техниками регулирования конфликтов;
- опыт осуществления конструктивного поведения.

На наш взгляд, профессиональный руководитель, нацеленный на продуктивный результат, должен своевременно оцифровывать эскалацию возникновения конфликтных ситуаций с последующим прогнозированием фазы «пика» и «спада» конфликта и возможностью, посредством сохранения временных ресурсов организации, избегания различных инцидентов.

Управление конфликтно-временными аспектами деятельности должно учитывать факт того, что время является общим ресурсом, и руководителя, и персонала, который может негативно влиять на эффективность всей организационной деятельности. Следовательно, его необходимо «делить» между несколькими интенциями в конфликтной ситуации. Это в свою очередь предусматривает не только планирование и распределение временных затрат, но и их координацию с учетом достижения различных целей (задач) конфликтного взаимодействия в рамках выделенного периода времени. В результате этого, управление конфликтом будет закреплять в опыте личности (руководителя и персонала) способы эффективного разрешения конфликтных ситуаций, нивелируя их временную резистентность.

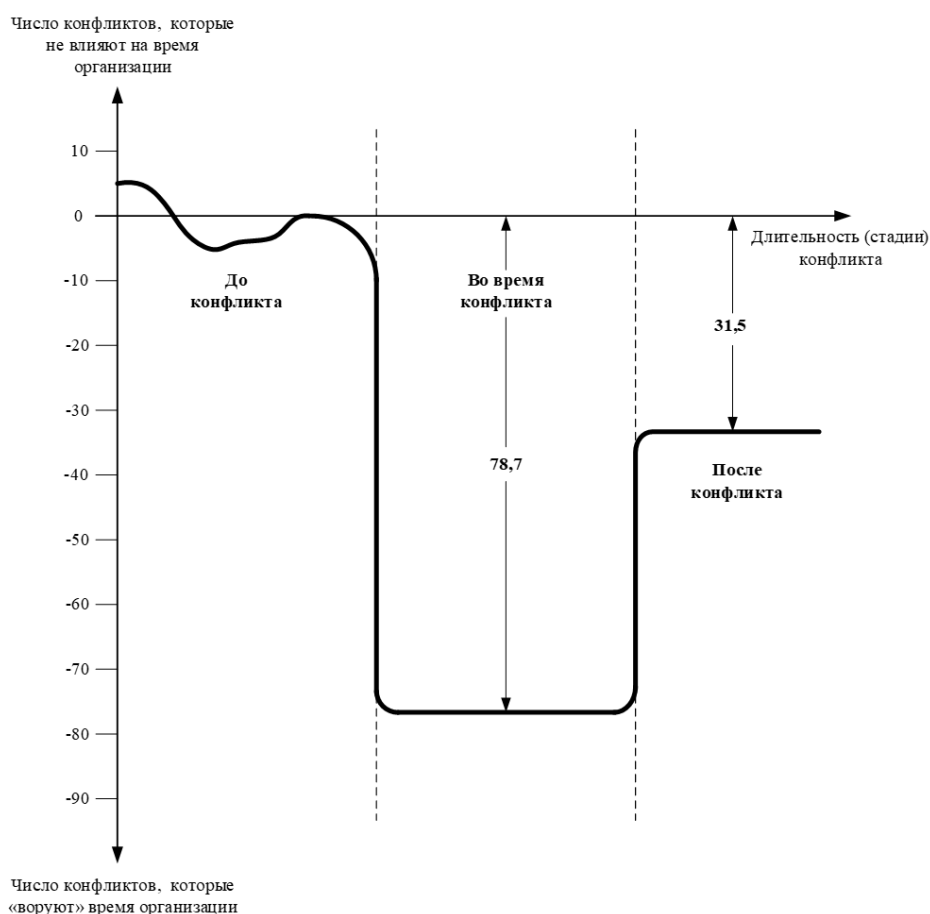

Рис. 1. Динамика временного изменения конфликтов, детерминирующих деятельность организации

Список источников

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 562 с.
2. Васильев Н. Н. Тренинг преодоления конфликтов. СПб : Речь, 2002. 174 с.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб : Питер, 2000. 543 с.
4. Грошев И. В. Гендерные особенности конфликтности на предприятиях и в организациях // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 122–130.
5. Грошев И. В. Развитие конфликтологической компетентности как условие формирования толерантности руководителей // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина. 2007. Вып. 8 (52). С. 137–146.
6. Грошев И. В., Давыдова Ю. А. Взаимовлияние гендерных конструкторов и профессиональной деятельности в межличностном конфликтном взаимодействии // Известия Российской академии образования. Научный журнал. 2010. № 3 (15). Июль-сентябрь. С. 77–87.
7. Грошев И. В., Давыдова Ю. А., Бекетова М. М. Коэффициент потенциальной конфликтности личности : фактор частоты межличностных конфликтов // Международный журнал. Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 4 (016). С. 23–31.
8. Гусева А. С., Козлов В. В. Конфликт : структурный анализ, консультативная помощь, тренинг. М. : РАГС, 1997. 165 с.
9. Дмитриев А. В. Конфликтология. М. : Инфра-М, 2001. 467 с.
10. Зазыкин В. Г., Зайцева Е. В. Конфликтная личность в конфликтном противоборстве. М. : МКО, 1998. 205 с.
11. Зазыкин В. Г., Чернышев А. П. Менеджер : психологические секреты профессии. М. : Инфра-М, 2002. 211 с.
12. Ковачик П., Малиева Н. Предупреждение и разрешение конфликтов. Методические рекомендации для руководителей. М. : ИП РАН, 2004. 197 с.
13. Козлов В. В., Козлова А. А. Конфликт : участвовать или создавать... М. : Эксмо, 2009. 304 с.

Онтологическое значение понятий «конфликтная компетентность» и «конфликтологическая компетентность» с точки зрения исследователей

Автор определения	Конфликтная компетентность	Конфликтологическая компетентность
Хасан Б. И.	Умение разобраться, насколько точно в конфликте представлены именно те противоречия, которые в этом процессе могут и должны быть разрешены; умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению [16].	
Петровская Л. А.	Компетентность человека в конфликтной ситуации, основными образующими которой являются компетентность участника в собственном «Я» (Я-компетентность), потенциал другого участника (участников) и ситуационная компетентность [см. 1].	
Зызыкин В. Г., Зайцева Е. В.		Это когнитивно-регуляторная подсистема профессиональной значимой стороны личности, которая включает соответствующие специальные знания и умения [10].
Анцупов А. Я., Шипилов А. И.		Конфликтологическую компетентность составляют первичные навыки конструктивного поведения на всех этапах развития конфликта; знания о закономерностях возникновения, развития и завершения конфликтов; умения ориентироваться в конфликтной ситуации, прогнозировать ее динамику, не допускать деструктивных действий, с минимальным ущербом для себя и оппонента завершать конфликт [1].
Цветков В. Л.	Это адаптивность и свобода владения человеком техниками вербальной и невербальной коммуникации; может рассматриваться как категория, регулирующая систему отношений человека к другим людям, социальным группам, к самому себе [17].	Это личностное образование, тесно связанное с когнитивной сложностью, представляющее собой степень категориальной расчлененности (дифференцированности) сознания индивида, которая способствует избирательной сортировке впечатлений о действительности, опосредующей его деятельность [17].

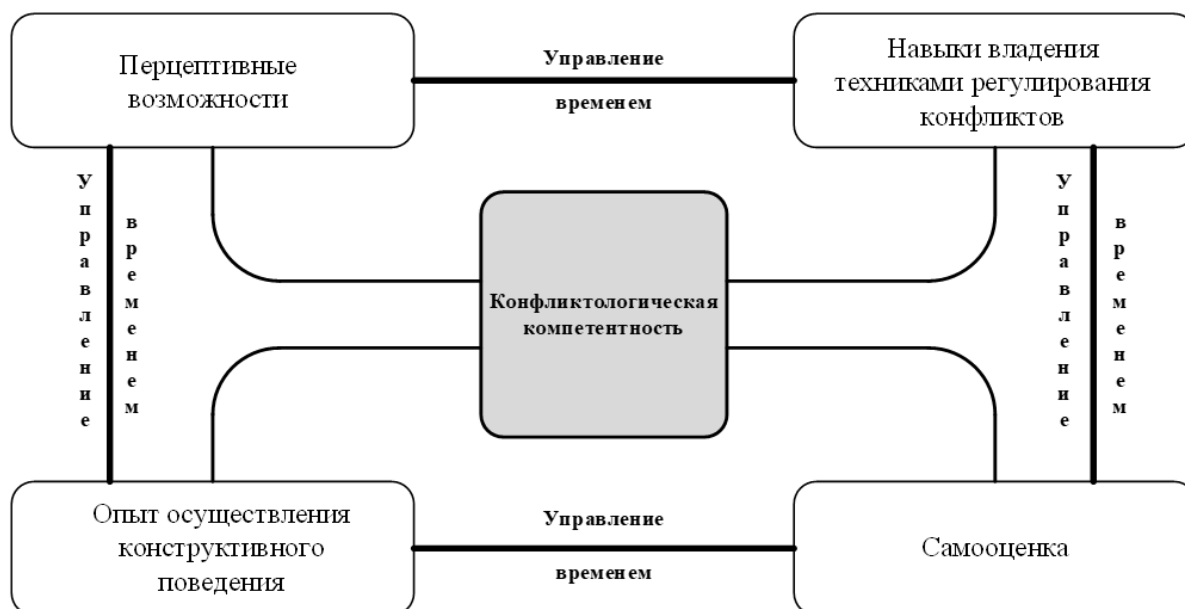

Рис. 2. Основные компоненты конфликтологической компетентности руководителя

14. Конфликты и переговоры. Практическое руководство для менеджеров. Пер. с англ. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. 214 с.
15. Крам Ф., Томас К. Управление энергией конфликта. М. : АСТ, РЕФЛ-бук, 2000. 187 с.
16. Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта. СПб : Питер, 2003. 250 с.
17. Цветков В. Л. Психология конфликта. От теории к практике. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 183 с.
18. Цой Л. Н. Практическая конфликтология. Кн. 1. М. : Дело и сервис, 2004. 298 с.
2010. № 3 (15). July-September. P. 77–87.
7. Groshev I. V., Davydova Yu. A., Beketova M. M. Coefficient of potential conflict of personality : factor of frequency of interpersonal conflicts // International Journal. Socio-economic phenomena and processes. 2009. № (016). P. 23–31.
8. Guseva A. S., Kozlov V. V. Conflict : structural analysis, advisory assistance, training. M. : RAGS, 1997. 165 p.
9. Dmitriev A. V. Conflictology. M. : Infra-M, 2001. 467 p.
10. Zazykin V. G., Zaitseva E. V. Conflict personality in conflict confrontation. Moscow : MKO, 1998. 205 p.
11. Zazykin V. G., Chernyshev A. P. Manager : psychological secrets of the profession. M. : Infra-M, 2002. 211 p.
12. Kovachik P., Malieva N. Conflict prevention and resolution. Methodological recommendations for managers. M. : IP RAS, 2004. 197 p.
13. Kozlov V. V., Kozlova A. A. Conflict : to participate or create ... Moscow : Eksmo, 2009. 304 p.
14. Conflicts and negotiations. Practical guide for managers. Translated from English. Rostov-on-Don : Phoenix, 1997. 214 p.
15. Kram F., Thomas K. Conflict energy management. M. : AST, REFL-book, 2000. 187 p.
16. Hasan B. I. Constructive psychology of conflict. St. Petersburg : Peter, 2003. 250 p.
17. Tsvetkov V. L. Psychology of conflict. From theory to practice. M. : UNITY-DANA, 2015. 183 p.
18. Tsoi L. N. Practical conflictology. Book 1. M. : Business and Service, 2004. 298 p.

References

1. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Conflictology. M. : UNITY-DANA, 2009. 562 p.
2. Vasiliev N. N. Conflict overcoming training. St. Petersburg : Speech, 2002. 174 p.
3. Grishina N. V. Psychology of conflict. St. Petersburg : Peter, 2000. 543 p.
4. Groshev I. V. Gender features of conflict in enterprises and organizations // Sociological research. 2007. № 6. P. 122–130.
5. Groshev I. V. Development of conflictological competence as a condition for the formation of tolerance of managers // Bulletin of the Tambov University. Ser. Humanities. Tambov : TSU named after G. R. Derzhavin. 2007. Issue 8 (52). — P. 137–146.
6. Groshev I. V., Davydova Yu. A. Mutual influence of gender constructs and professional activity in interpersonal conflict interaction // News of the Russian Academy of Education. Scientific journal.

Информация об авторах

Ю. А. Давыдова — заместитель директора НИИ образования и науки, кандидат психологических наук, доцент;

Н. И. Пряникова — соискатель Федерального научно-клинического центра реаниматологии и реабилитологии.

Information about the authors

Yu. A. Davydova — Deputy Director of the Research Institute of Education and Science, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

N. I. Pryanikova — Applicant of the Federal Research and Clinical Center of Resuscitation and Rehabilitation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-309-311>

НИОН: 2003-0059-2/22-269

MOSURED: 77/27-003-2022-02-468

Основные причины конфликтных ситуаций в коллективе сотрудников правопорядка

Ирина Геннадьевна Елесина

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, irena-spb74@list.ru

Аннотация. Правоохранительная деятельность характеризуется определёнными особенностями. К ним относится повышенная конфликтность, что обязывает сотрудников полиции хорошо разбираться в сущности этого психического и нравственного явления. Знание возможных причин возникновения столкновений, механизмов развития и способов предупреждения либо ликвидации конфликтных ситуаций позволит определить наиболее оптимальную линию поведения на пути достижения намеченной цели. Наряду с конфликтной профессиональной деятельностью, достаточно часто возникают конфликтные ситуации в деятельности коллектива.

Ключевые слова: конфликт, профессиональная деятельность, причины конфликтных ситуаций, коллектив

Для цитирования: Елесина И. Г. Основные причины конфликтных ситуаций в коллективе сотрудников правопорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 309–311. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-309-311>.

Original article

The main causes of conflict situations in the team of law enforcement officers

Irina G. Yelesina

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, irena-spb74@list.ru

Abstract. Law enforcement activity is characterized by certain features. These include increased conflict, which obliges police officers to understand well the essence of this mental and moral phenomenon. Knowledge of the possible causes of collisions, development mechanisms and ways to prevent or eliminate conflict situations will allow you to determine the most optimal line of behavior towards achieving the intended goal. Along with conflicting professional activities, quite often there are conflict situations in the activities of the team.

Keywords: conflict, professional activity, causes of conflict situations, team

For citation: Yelesina I. G. The main causes of conflict situations in the team of law enforcement officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):309–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-309-311>.

Основными причинами конфликтных ситуаций в деятельности коллектива сотрудников органов внутренних дел являются:

- недостатки в организации труда, обусловленные спецификой правоохранительной деятельности;
- неритмичность, высокая степень ответственности, постоянные перегрузки, неопределённости компетенции и функциональных обязанностей, издержки морального и материального стимулирования сотрудников;
- несовершенство управления, т. е. неумение рас-

ставить людей в соответствии с их квалификацией и психологическими особенностями, излишнее администрирование со стороны руководства;

- причины, связанные с межличностными отношениями в коллективе, между успевающими и отстающими сотрудниками, между молодыми сотрудниками и сотрудниками старшего возраста, психологическая несовместимость людей, недостаточная воспитанность, слабая подготовленность работника к выполнению

© Елесина И. Г., 2022

своих функциональных обязанностей, психологический и эмоциональный барьер между общающимися.

Как известно, постоянный дефицит времени специфичен для деятельности органов внутренних дел. То, что в других видах труда свойственно лишь «аварийным ситуациям», считается общепринятым в деятельности сотрудника полиции. При этом необходимо, чтобы его действия соответствовали требованиям закона в любой обстановке. Для дисциплинированного, высоконравственного и профессионально грамотного работника это «обычная повседневная деятельность, требующая постоянной внутренней готовности к квалифицированному исполнению стоящих перед ним задач. Поэтому для такого сотрудника неприемлемы поспешность, торопливость, непрофессионализм и недобросовестность других работников, приводящие к неправильным решениям и действиям, порождающие серьезные ошибки, влекущие за собой нарушения законности и тактических приемов, но вполне оправданные в коллективе со сложившимися негативными традициями. Отсюда и возникает внутренний конфликт, заключающийся, как правило, в противоречии между личностными интересами и запросами, когда в условиях безнаказанности конкретных носителей определенных отрицательных социально-психологических явлений, дисциплинированный оперативный работник вынужден поступать согласно устоявшимся правилам, неся нравственные и психологические потери. Сотрудник, характеризующийся высокой общественной активностью, развитыми социально-положительными интересами, такой конфликт переживает особенно остро, а это влечет за собой снижение уровня оперативной деятельности, отрицательно влияет на становление его профессионального мастерства» [1. с. 4].

Причиной конфликтных ситуаций могут являться также недостатки, заключающиеся в нечетком представлении сотрудниками своих функциональных обязанностей. Нередко слишком обширный перечень обязанностей, необходимость скорейшего решения самых различных задач, стоящих перед подразделением, способствуют столкновению различных точек зрения на поведение руководителя, а также сотрудников по исполнению их обязанностей и служат причиной возникновения конфликта. Разумеется, эти недостатки не всегда порождают резкие обострения отношений между сотрудником и начальником. Во многих случаях их поведение контролируется в соответствии с Дисциплинарным уставом, приказами, инструкциями, этическими нормами, но это не значит, что такого рода конфликты совершенно отсутствуют.

Нередко причиной конфликтных ситуаций может служить материальный фактор. У работника возникает противоречие между самооценкой времени и труда и получаемым за это материальным вознаграждени-

ем. Такого рода конфликт, как правило, ограничивает инициативу, сдерживает усердие в службе. Существующая система оплаты труда в зависимости от занимаемой должности, а не по конкретным результатам труда приводит к «уровнировке» как в оценке труда грамотного профессионала, так и сотрудника, не проявляющего особого усердия в работе, а «добросовестно» отбывающего свой рабочий день.

Причиной возникновения конфликтных ситуаций в коллективе может быть и неправильная практика применения мер поощрения и наказания. В этих случаях поводом для возникновения противоречий становятся не только расхождения в уровнях самооценки, но и психологические условия применения официальной оценки.

В некоторых случаях причина возникновения конфликта (нетактичное замечание, обидный отзыв о работе со стороны руководителя или подчиненного) остается незамеченной одной из сторон. Не всегда, конечно, можно объяснить с человеком, чьи манеры или поведение раздражают, но повлиять на него косвенным образом все же следует.

Конфликт может возникнуть и в связи с психологическим барьером, возникшим между общающимися. Понятие психологического барьера употребляется для обозначения тех трудностей в общении людей, которые связаны с особенностями их психологической структуры, психологического настроения, консервируют скрытый потенциал их активности. Специфика деятельности правоохранительных органов такова, что сотрудник вынужден длительное время находиться в состоянии психологического напряжения, внутренней собранности, служебной замкнутости. Если его психофизические данные не соответствуют требованиям профессии, то он чаще других испытывает подавленность, крайнюю степень возбуждения, что нередко лишает человека возможности понять и осмыслить сущность происходящего и соответственно реагировать на него. Такая ситуация создает благоприятные условия для возникновения психологического эмоционального барьера. В отличие от психологических конфликтов, вызванных психологическим барьером и проходящих, как правило, очень быстро, в деятельности отдельных подразделений бывают конфликтные ситуации резко дезорганизующие систему и препятствующие управлению. Это так называемая психологическая несовместимость, которая является длящимся состоянием и выражается в том, что отдельные работники испытывают друг к другу ничем, казалось бы, необъяснимую антипатию и неприязнь. Причиной психологической несовместимости могут быть индивидуально-психологические свойства, особенности того или иного сотрудника: неспособность в критических ситуациях понять друг друга, «несинхронность» психомоторных реакций, различия во внимании, мышлении, врожден-

ные и приобретенные свойства личности, которые препятствуют совместной деятельности. В связи с этим соответствие содержания труда сотрудника органов внутренних дел, его квалификации и индивидуально-психологических особенностей имеет исключительно важное значение при предотвращении конфликтных ситуаций, появившихся в деятельности сотрудников.

Конфликтные ситуации могут возникать вследствие индивидуальных психологических особенностей руководителей коллективов.

К ним относятся психологическая неподготовленность к регулированию собственного состояния, вызванного «давлением» ответственности, неуверенностью. Другими подобными факторами могут быть недоверие к подчиненным, отсутствие или недостаточная степень увидеть отдельные результаты при общих неудовлетворительных показателях работы сотрудника или отдельной службы, перенос привычек работать в новом коллективе, а также в связи с повышением в должности в том же коллективе; переживание затруднений, связанных с привыканием нового руководителя к городской (сельской) жизни.

Неадекватное восприятие условий жизни, труда, недоброжелательная экспрессия, язвительность и многие другие негативные (субъективные) факторы влияют на формирование деструктивного общения. Ярко характеризует участников конфликта их эмоциональное состояние, взаимная несдержанность, и заражение друг друга отрицательными эмоциями. Вместе с тем в качестве эмоциональных компонентов конфликта могут появиться обоюдная эмоциональная сдержанность, сопереживание, чувство долга, товарищества, положительные правовые чувства, которые способствуют правильной эмоциональной оценке происходящего противодействия, удерживают участников

противоборства от «разжигания» страстей, снижают напряженность стрессовых состояний. В ситуации психологического «взрыва» могут быть раскрыты и преодолены негативные мотивы деятельности сотрудников органов внутренних дел, а также положено начало изменения личностного отношения к службе.

Учитывая вышесказанное можно сделать вывод, что конфликтность профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в сочетании с конфликтными ситуациями в коллективе отрицательно сказываются на микроклимате в коллективе, на взаимоотношениях конкретных сотрудников и на эффективности служебной деятельности.

Список источников

1. Олейник А. Н. Основы конфликтологии. М. : Наука, 2008.

References

1. Oleynik A. N. Fundamentals of Conflictology. M. : Nauka, 2008.

Библиографический список

1. Грехем Скотт Дж. Конфликты : пути их преодоления, Киев, 1997. 190 с.
2. Панкратов В. Н. Психотехнология управления людьми : практическое руководство. М., 2004. 305 с.

Bibliographic list

1. Graham Scott J. Conflicts : ways to overcome them. Kiev, 1997. 190 p.
2. Pankratov V. N., Psychotechnology of human management : practical guide. M., 2004. 305 p.

Информация об авторе

И. Г. Елесина — доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the author

I. G. Elesina — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-312-316>

НИОН: 2003-0059-2/22-270

MOSURED: 77/27-003-2022-02-469

Современные угрозы психическому здоровью молодежи в интернет-пространстве

Людмила Егоровна Солянкина¹, Григорий Михайлович Семененко², Михаил Владимирович Галда³

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ 190655s@mail.ru

² grigorii_001@mail.ru

³ Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия,
mikhail.galda@mail.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема современности — это безопасность интернет-пространства. Утверждается, что современный мир наполнен угрозами психическому здоровью и благополучию детей и подростков, большинство из которых, распространяются через виртуальное пространство. «Группы смерти», селфхарм, вовлечение в криминальные действия, секты и экстремизм, употребление психоактивных веществ, распространение моды на анорексию и нетрадиционные ценности, зависимость от компьютерных и азартных игр — вот их неполный список. Указываются правила поведения в интернет-пространстве, которые способны предотвратить риски психологических угроз и обеспечить кибербезопасность.

Ключевые слова: интернет, кибербуллинг, селффарм, риски, троллинг

Для цитирования: Солянкина Л. Е., Семененко Г. М., Галда М. В. Современные угрозы психическому здоровью молодежи в интернет-пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 312–316. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-312-316>.

Original article

Modern threats to the mental health of youth on the Internet space

Ludmila E. Solyankina¹, Grigory M. Semenenko², Mikhail V. Galda³

^{1,2} Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

¹ 190655s@mail.ru

² grigorii_001@mail.ru

³ Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia,
mikhail.galda@mail.ru

Abstract. The article deals with the actual problem of our time — the security of the Internet space. It is pointed out that the modern world is filled with threats to the mental health and well-being of children and adolescents, most of which are spread through the virtual space. «Death groups», self-harm, involvement in criminal activities, sects and extremism, the use of psychoactive substances, the spread of fashion for anorexia and non-traditional values, addiction to computer and gambling — this is an incomplete list of them. The rules of conduct in the Internet space, which help to prevent the risks of psychological threats and ensure cybersecurity are noted.

Keyword: Internet, cyberbullying, self-farm, risks, trolling

For citation: Solyankina L. E., Semenenko G. M., Galda M. V. Modern threats to the mental health of youth on the Internet space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):312–316. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-312-316>.

© Солянкина Л. Е., Семененко Г. М., Галда М. В., 2022

Технический и цифровой прогресс стремительно меняет лицо окружающего мира. Еще несколько лет назад представлялся фантастикой тот уровень возможностей, который сейчас предлагает нам интернет-пространство.

В настоящее время интернет является обычной частью повседневной деятельности молодежи, необходимым инструментом в получении разнообразной информации и обучения, осуществления виртуального общения и развлечений. Несомненно, интернет значительно улучшает жизнь людей с ограниченными возможностями здоровья, делая социальное взаимодействие более доступным. Совокупность информационных технологий не только обеспечит возможность реализации индивидуального и дифференцированного подходов к обучению будущих специалистов, но и решат проблему с недостатком профессиональной информации и практических знаний [3].

Однако, наряду с позитивными тенденциями, существуют риски, связанные с нахождением пользователей в Сети: Всемирная паутина в ряде случаев несет угрозу психологическому, психическому, социальному благополучию пользователей [5].

Сейчас первые «шаги» в виртуальной реальности дети совершают практически одновременно с приобретением умения читать или даже раньше, то есть в возрасте 5–6–8 лет. Родители с радостью стремятся использовать новые возможности высоких технологий, охотно приобщая к ним детей. При этом часто остаётся вне зоны внимания тот факт, что расширение возможностей имеет не только положительный аспект. Включенность российских подростков в интернет-пространство высока [2]. Помимо позитивного влияния, интернет всегда несёт большое количество опасностей, наибольшую подверженность которым всегда имели молодые люди. Почему именно они?

В основном, это вследствие психологических особенностей возраста, отсутствия жизненного опыта, неспособности прогнозировать последствия тех или иных ситуаций и собственных поступков. И это совершенно не зависит от уровня интеллектуального развития ума и способностей [1]. Современная молодежь склонна к риску, экстремальному поведению, интерес к мистическому и загадочному.

Подразделение по делам несовершеннолетних Главного Управления МВД России по Волгоградской области особо отмечает, следующие психологические риски современного интернет-пространства.

Во-первых, это «группы смерти», которая ведет свою пропаганду в основном через социальные сети. Психологические уловки и приёмы игры, вследствие налёта загадочности и так называемого романтизма, вызывают у подростков повышенный интерес, приводящий к совершению самоубийств. Несмотря на эту простоту, они очень эффективны, действенны и уни-

версальны. По данным «Волгоградского областного клинического наркологического диспансера» в 2019 г. было совершено несовершеннолетними 30 попыток суицидов, а в 2020 г. — 44 попытки, причем 2 из них были совершены повторно. Законченных случаев суицида (с летальным исходом) в 2019 г. было 8, в 2020 году — 10 случаев.

Причем, ни уровень развития интеллекта, ни сильная воля, ни другие характеристики личности не дают гарантий устойчивости к суицидогенному воздействию таких игр. Поэтому лучшим способом не поддаваться смертельным играм, является отказ от участия в них. В настоящее время администраторы соцсетей тщательно чистят контент от подобных групп, а за организацию таких групп предусмотрена уголовная ответственность.

По результатам анонимного анкетирования подростков в возрасте 12–15 лет (всего в анкетировании приняли участие 62 человека) было выявлено, что около 67 % из них проявляли интерес к «группам смерти» в интернете даже в более раннем возрасте, примерно 3 года назад, а 16 % сообщили о том, что целенаправленно посещают сайты и страницы сообществ с мрачной, депрессивной тематикой, и находят там что-либо привлекательное для себя.

Во-вторых, к потенциальным рискам угрозы психологического здоровья подростков, следует отнести пропаганду так называемого селфхарма, то есть совершения разных видов самоповреждения. К сожалению, совершение самоповреждения среди подростков распространяется подобно модному явлению, даже среди тех молодых людей, которые не имели очевидной склонности или предрасположенности к такому поведению, т. е. «синдрому молодого Вертера». Хотя селфхарм не имеет конечной целью совершение самоубийства, и все же он может причинить существенный вред физическому и психическому здоровью, вызвать нестабильность эмоционального фона, способствовать формированию зависимости от нанесения самоповреждения.

Из опрошенных учащихся 9 % не только интересовались темой нанесения самопорезов, но и совершали несколько раз легкие поверхностные порезы (царапины), а 4 человека наносили неоднократно достаточно глубокие порезы, которые оставили шрамы после заживания. Причем эти подростки на вопрос «Зачем они это делали», ответили, что ради интереса, даже «испытывали какое-то непонятное, но интересное чувство от нанесения себе увечий».

В-третьих, отметим, что интернет-пространство является территорией, где осуществляется основной объём продаж и покупок психоактивных веществ. По сведениям отделения медицинской реабилитации для несовершеннолетних ГБУЗ «ВОКНД», все подростки, находящиеся на лечении и реабилитации, рассказы-

вают, что приобретение наркотических препаратов осуществляется очень легко при наличии обычного смартфона. Количество несовершеннолетних, замеченных в употреблении психоактивных веществ, продолжает оставаться достаточно высоким.

По данным ГБУЗ «Волгоградского областного клинического наркологического диспансера по состоянию на 01.01.2021 г. на диспансерном наблюдении в регионе состоит 366 несовершеннолетних молодых человек. В основном это подростки с синдромом зависимости от алкоголя, с наркоманией и токсикоманией.

Интернет даёт возможности без особых проблем выбрать психоактивное вещество, заказать, оплатить и получить. Современные синтетические психоактивные вещества вызывают мощнейшую психическую зависимость, очень быстрое формирование психической деградации и полное разложение внутренних органов и систем. Жизнь современного синтетического наркомана значительно короче, чем жизнь наркомана из начала двухтысячных годов.

Кроме развития физической зависимости пространство интернета способствует и формированию психических зависимостей. Например, зависимостей от азартных игр или от участия в групповых онлайн играх. Любая зависимость разрушительна для психики [5].

Весьма важной проблемой для современного общества является то, что интернет-пространство предоставляет возможность вовлечения и вербовки молодежи в криминальные группировки типа «АУЕ» и «АУБ», секты, экстремистские организации. Для многих таких организаций подростки являются желательной «добычей», необходимой для достижения собственных целей. Совсем недавно, криминальные сообщества действовали в виртуальном пространстве практически открыто, имели даже собственные сайты. С 2020 года пропаганда криминальных ценностей, вовлечением в экстремистскую деятельность стали уголовно наказуемым преступлением. Тем не менее, вероятность вступить в контакт с представителями опасных организаций продолжается.

Быстро в интернет-пространстве распространяются такие явления, как «кибербуллинг» и «троллинг». Инициаторами этих явлений являются люди с неустойчивой психикой, имеющие тягу к ощущению власти над другими людьми, к которой они стремятся вопреки морально-нравственным ценностям и принципам.

Кибербуллинг — это вид травли с применением интернет-технологий, включающий оскорбления, угрозы, клевету, компромат и шантаж, а также может включать оскорбления в комментариях, личных сообщениях и публичных беседах. Все действия совершаются с использованием имейлов, сообщений в мессенджерах и соцсетях, а также посредством вы-

кладывания в общественную сеть фото и видео-материалов, содержащих губительную информацию для репутации жертвы. Такому террору характерна настойчивость, вмешательство в личное время, особенно по ночам и наличие угроз.

Троллинг — это форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации.

Троллинг и кибербуллинг являются существенным психотравмирующими факторами, приводящими к развитию тяжелых невротических состояний, иногда к суицидальным попыткам. Не менее 80 % молодых людей отмечали, что в своих аккаунтах неоднократно подвергались несправедливой критике, обвинениям, оскорблениям от неизвестных лиц и без видимых объективных на то причин.

Особую тревогу у сотрудников правоохранительных органов вызывает распространение интернет педофилии. Лица, вовлекающие подростков в совершение действий сексуального характера, преимущественно общаются с фейковых аккаунтов, маскируясь под ровесников. Вовлекают детей и подростков в переписку эротического характера, затем под разными предлогами получают обнаженные фотографии или другой компромат, который служит поводом для дальнейшего шантажа и склоняет подростка к каким-либо дальнейшим виртуальным действиям сексуального характера [4].

Таким образом, несмотря на усилия законодательных органов сделать интернет-пространство более безопасным, Интернет и сегодня несет угрозу психическому здоровью детей и подростков. Поэтому для создания кибербезопасности необходимо объединить действия, предпринимаемые законодательными органами, образовательными и социальными учреждениями, специалистами в области ИТ и средств массовой информации, психологами и родителями.

Негативные эффекты, обусловленные взаимодействием личности с интернетом, можно было бы избежать, если с изменением возможностей интернета, менялись бы и правила поведения в нем.

Поэтому требуется введения новых мер взаимодействия личности с интернетом, направленных на избежание рисков психологических угроз, способствующих формированию компетентности в работе с информацией, размещенной в Сети, а также киберэтики и правовой грамотности.

Таким образом, можно резюмировать, что современный мир наполнен угрозами психическому здоровью и благополучию молодежи, и большинство из них, распространяются через виртуальное пространство. «Группы смерти», селфхарм, вовлечение в кри-

минальные действия, секты и экстремизм, употребление психоактивных веществ, распространение моды на анорексию и нетрадиционные ценности, зависимость от компьютерных и азартных игр — вот их неполный список

На основании нашего исследования, считаем необходимыми введение следующих мер, которые в какой-то мере обеспечат психологическую безопасность детям и подросткам.

Во-первых, поскольку за безопасность ребенка в Сети отвечают взрослые, хотя зачастую подростки являются более продвинутыми пользователями интернета, и все же должен осуществляться родительский контроль интернет деятельности подростка, его общения в соцсетях. Надо исходить из того, что интернет — это не какое-то личностное пространство, тогда контроль не будет считаться нарушением личных границ подростка. Контроль за деятельностью подростка в интернете должен начинаться с первых шагов его выхода в интернет, регистрации аккаунтов. Следует исключать неограниченное использование интернета, особенно в ночное время, наличие паролей и т. п. Родителям необходимо развивать и поддерживать отношения с детьми, основанные на принятии, взаимопонимании, доверии и эмоциональной близости. Тогда подросток будет воспринимать посещение родителями его страниц, как нечто само собой разумеющееся. Также необходимо работать над созданием навыков конструктивного общения. Сочетание таких отношений с конструктивными коммуникациями становится надежным щитом, защищающим молодежь от множества разных бед и проблем в жизни.

Во-вторых, необходимо формировать не только новую культуру отношения и употребления неизвестных веществ, снюков даже к тем препаратам, которые находятся в открытой продаже, но и культуру цифровизации, взаимодействия человек — киберпространство. Учитывать подростков отказываться от любого неизвестного угощения или предложения, каким ли соблазном оно не было. Учитывать подростков ответственности за свои действия и поступки.

Список источников

1. Базулина А. А. Условия успешного воспитания детей и подростков в семьях мигрантов // Современные исследования проблем семьи и детства : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24 ноября 2021 года / Сост. А. А. Базулина. Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 376–380.
2. Савкина Т. О., Слободская Е. Р. Интернет и психическое здоровье подростков // Бюллетень СОРАМН, том 30, № 6, 2010. С. 29–30.

3. Солянкина Л. Е. Реализация средств цифровых технологий в процессе формирования профессионально-личностной позиции обучающихся // Вестник Воронежского Государственного Университета серия «Проблемы высшего образования». Издательство : Воронежский государственный университет (Воронеж), 2021. № 1. С. 78–81.
4. Смирнова В. Е. Истоки современной педоистерии // Вестник практической психологии образования. М., 2013.
5. Филиппова С. А. Психологические риски современного киберпространства // Психология в ВУЗе. М., 2014. № 2. С. 67.

References

1. Bazulina A. A. Conditions for the successful upbringing of children and adolescents in migrant families // Modern research on family and childhood problems: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 24, 2021 / Comp. A. A. Bazulin. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. V.Ya. Kikot'a, 2021. P. 376–380.
2. Savkina T. O., Slobodskaya E. R. Internet and mental health of adolescents // SORAMN Bulletin, Volume 30, № 6, 2010. P. 29–30.
3. Solyankina L. E. Implementation of digital technology tools in the process of forming the professional and personal position of students // Bulletin of the Voronezh State University series «Problems of Higher Education». Publisher : Voronezh State University (Voronezh), 2021. № 1. P. 78–81.
4. Smirnova V. E. The origins of modern pedohysteria // Bulletin of practical psychology of education. M., 2013.
5. Filippova S. A. Psychological risks of modern cyberspace // Psychology at the university. M., 2014. № 2. P. 67.

Библиографический список

1. Брылева Ю. А. Теоретические предпосылки обоснования самостоятельной подготовки курсантов в образовательных организациях системы МВД России / Ю. А. Брылева, А. А. Базулина // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 100–102. DOI 10.24412/2658-638X-2021-1-100-102.
2. Войскунский А. Е. Информационная безопасность : психологические аспекты // Национальный психологический журнал. М., 2010.
3. Мандель Б. Р. Гаджеты, Интернет, компьютер, телевизор, мобильный телефон — технологи-

ческие аддикции переходят в наступление // Вестник практической психологии образования. М., 2013.

Bibliographic list

1. Bryleva Yu. A. Theoretical prerequisites for substantiating the independent training of cadets in educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia / Yu. A. Bryleva, A. A. Bazulina // Psychology and Pedagogy of Service Activities. 2021. № 1. P. 100–102. DOI 10.24412/2658-638X-2021-1-100-102.
2. Voiskunsky A. E. Information security : psychological aspects // National Psychological Journal. М., 2010.
3. Mandel B. R. Gadgets, Internet, computer, TV, mobile phone — technological addictions go on the offensive // Bulletin of Practical Psychology of Education. М., 2013.

Информация об авторах

Л. Е. Солянкина — профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор психологических наук, доцент, заслуженный учитель Российской Федерации;

Г. М. Семененко — заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

М. В. Галда — заместитель начальника Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России по учебной и научной работе, кандидат социологических наук.

Information about the authors

L. E. Solyankina — Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Honored Teacher of the Russian Federation;

G. M. Semenenko — Deputy Head of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

M. V. Galda — Deputy Head of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for academic and scientific work, Candidate of Sociological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-317-323>

НИОН: 2003-0059-2/22-271

MOSURED: 77/27-003-2022-02-470

Социально-психологическая характеристика безопасности личности

Анатолий Николаевич Сухов

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Раскрывается актуальность исследования проблемы, связанной с безопасностью личности, а также рассматривается сущность социально-психологического подхода к её пониманию. Анализируются внешние и внутренние угрозы безопасности личности. К их числу относятся опасности природного, техногенного, эпидемиологического, социального, экономического и другого характера. Также анализируется практика преодоления данных угроз в целях обеспечения безопасности личности. Без этого невозможно вести речь об эффективном обеспечении безопасности личности.

Теория и практика обеспечения безопасности личности — составная часть социальной психологии безопасности. Предстоит ещё немало сделать как в теоретическом, так и прикладном плане для её полного оформления. В настоящее время существует настоятельная потребность в развитии профессиональной компетентности в различных областях безопасности не только среди профессионалов, но и различных групп населения.

Ключевые слова: безопасность личности, внешние внутренние угрозы, внутриличностный конструктивный и деструктивный конфликт, структура, социально-психологическая компетентность, профиль, принятие решения, социальные представления

Для цитирования: Сухов А. Н. Социально-психологическая характеристика безопасности личности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 317–323. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-317-323>.

Original article

Socio-psychological characteristics of personal safety

Anatoly N. Sukhov

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The relevance of the study of the problem related to personal security is revealed, and the essence of the socio-psychological approach to its understanding is also considered. External and internal threats to personal security are analyzed. These include natural, man-made, epidemiological, social, economic and other hazards. The practice of overcoming these threats in order to ensure personal security is also analyzed. Without this, it is impossible to talk about effective personal security.

The theory and practice of personal security is an integral part of the social psychology of security. There is still a lot to be done both in theoretical and applied terms for its full design. Currently, there is an urgent need to develop professional competence in various areas of security not only among professionals, but also among various groups of the population.

Keywords: personal security, external internal threats, intrapersonal constructive and destructive conflict, structure, socio-psychological competence, profile, decision-making, social perceptions

For citation: Sukhov A. N. Socio-psychological characteristics of personal safety. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):317–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-317-323>.

Введение.

Социально-психологический подход к пониманию различных видов безопасности, в том числе личности позволяет: 1) сформулировать понятие, струк-

туру и стадии обеспечения безопасности; 2) выявить конфликтогенные, кризисогенные, т. е. социальные факторы, влияющие на уровень безопасности; 3) проанализировать и определить механизм воздействия

© Сухов А. Н., 2022

внешних и внутренних угроз; 4) обосновать социально-психологические технологии обеспечения безопасности.

В этом контексте безопасность представляет собой систему действий субъектов путём использования различных средств и технологий в целях выявления (диагностирования), идентификации и ликвидации внешних и внутренних угроз, оказывающих деструктивное воздействие на объекты безопасности в целях обеспечения их надёжного функционирования или сохранения на основе минимализации рисков для них.

Актуальность проблемы.

Существует прямая связь между уровнем безопасности личности и её самоактуализацией. При низком уровне обеспеченности безопасности личность не может реализовать свои возможности. И, наоборот, личность в состоянии безопасности способна практически максимально самореализовать своё «Я», свой потенциал, т. е. самоактуализироваться. Об этом говорят не только результаты специальных исследований, но, прежде всего, факты повседневной жизни. В этом состоит сущность и актуальность проблемы.

Изложение основного материала.

Следует иметь в виду, что личность может выступать как в качестве субъекта, так и объекта безопасности. Если она выступает в роли субъекта безопасности, то, как правило, для её обеспеченности используется житейская социально-психологическая компетентность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Анализ угроз безопасности личности позволяет дать их адекватную характеристику. Существуют как внешние, так и внутренние угрозы безопасности личности.

Опасность внешних угроз природного, техногенного, эпидемиологического, социального, экономического и другого характера для различных социальных типов личности носит не универсальный, а вариативный характер. Для одних они по силе воздействия имеют чрезвычайный характер, для других ничего не значат.

Деление угроз безопасности личности на внешние и внутренние — дело совершенно не простое. Внешние и внутренние угрозы безопасности личности взаимосвязаны. Первые могут трансформироваться во вторые. Рано или поздно все они становятся внутренними, и всё зависит от того, способна она их преодолеть или нет, допустить или не допустить при этом деформацию социальных представлений, утрату «Я», адекватности самооценки, ответственности, эмпатии, стрессоустойчивости, саморегуляции и т. д. Всё эти обстоятельства влияют на уровень безопасности личности, на её ценность и значимость. Кроме того, действия самой личности могут представлять опасность не только для других, но и для неё самой [3].

Одна из существенных внешних угроз безопасно-

сти личности связана с жизнью и деятельностью в условиях повышенного риска, т. е. с экстраординарными ситуациями. Иными словами, в определённых ситуациях ошибка при принятии решения может привести субъект безопасности к собственному уничтожению. Данную ситуацию можно сравнить с ходьбой по минному полю.

Существует целый класс профессий, которые отличаются от других повышенной степенью риска. На этот счет имеются специальные шкалы, которые содержат ранжированный ряд профессий, начиная от самых опасных и кончая наименее опасными. В данном случае в качестве опасности выступают не только физические, но и психические угрозы для специалистов.

Имеется в виду большая вероятность подвергнуться физическому нападению со стороны преступников на сотрудников МВД, интенсивному влиянию стресс-факторов на работников МЧС при ликвидации аварий и т. п.

Эти обстоятельства предъявляют повышенные требования к саморегуляции, эмоциональной сфере соответствующих специалистов (стрессоустойчивости, нервно-психической устойчивости, готовности действовать в экстремальных условиях). Как правило, при любом исходе рано или поздно возникает так называемая проблема «посттравматического синдрома», эмоционального выгорания и профессиональной деформации.

Но эта проблема характерна и для простых граждан, когда они сами создают, точнее, провоцируют создание ситуаций повышенного риска. Речь идёт не только о легкомысленном поведении молодых девушек, которые не отдают отчет о последствиях своих поступков и соглашаются на предложения, за которые надо будет платить.

Личность в силу повышенной внушаемости, когнитивной простоты является опасной самой для себя (так называемый виктимологический аспект). Это обстоятельство выступает провоцирующим фактором, и в силу отсутствия социально-психологической компетентности превращает личность в жертву со стороны насильников, мошенников, в том числе организаторов финансовых пирамид.

Данная группа угроз безопасности личности связана с невысоким уровнем житейской социально-психологической компетентности, ответственности типичных представителей различных социальных групп в области безопасности. В результате они становятся жертвами обмана, лжи и т. д. со стороны так называемых кол-центров, манипуляторов, «чёрных риелторов», аферистов, работающих на доверии, магов, ясновидящих, экстрасенсов, колдуний, гадалок, провидцов, иначе говоря, мошенников всех мастей, точнее, современных графов Калиостро.

Разумеется, одной социально-психологической

компетентностью в экстремальных ситуациях не обойтись. Без физической подготовки, умения владеть приемами борьбы вряд ли можно рассчитывать на успех. Ее отсутствие дорого обходится личности, так как она в этом случае становится жертвой обмана, мошенничества, сексуального насилия.

Преступники почти безошибочно определяют тех, не обладает проницательностью, кто не умеет отличить ложь от правды. Они входят в доверие к таким лицам и обманывают их. Лица, не обладающие социально-психологической компетентностью, на языке преступников называются «лохами».

Преступники легко вычисляют «лоха», входят к нему в доверие и «кидают». Данная модель носит универсальный характер. Социально-психологическая некомпетентность способствует втягиванию личности в орбиту преступных групп, финансовых пирамид, участию в азартных играх, сомнительных сделках с ответственностью, т. е. быть «кинутой».

В настоящее время есть все основания говорить о типичных представителях организованной преступности, которые, к сожалению, в своей практике профессионально используют возможности криминальной безопасности, что позволяет им нередко уходить от уголовной ответственности и совершать крайне тяжёлые преступления в различных сферах.

Созданы и нелегально функционируют специальные подразделения под пристойными вывесками, но фактически в рамках организованной преступности, которые в своей деятельности используют современные средства криминогенного общения для достижения и прикрытия криминальных целей в ходе гибридных конфликтов. При этом имеются в виду не только хакеры.

Воздействие осуществляется как с помощью научных, профессиональных технологий, так и житейских приёмов, при чём и в открытой, и скрытой форме, т. е. манипуляции — одного из видов скрытого воздействия для достижения и прикрытия криминальных целей в ходе гибридных конфликтов.

К сожалению, некоторые информационные технологии выходят за рамки профессиональной этики и закона, так как их применение приводит к негативным и криминальным последствиям. Так, по этой причине поставлены под сомнение многие действия коллекторских структур.

Одним из самых распространённых, массовых способов психологического воздействия являются так называемые «фейки», т. е. диффамация, клеветнические материалы, направленные против конкурентов, а также слухи. С помощью подобных технологий осуществляются интриги, так называемые «хитросплетения», «схватки под ковром», склоки, «подставы», «наезды», короче говоря, гибридные конфликты, в том числе так называемое «лохотронство».

Противодействовать криминогенному общению можно лишь с позиции применения контрмер. При этом ведущее значение должна иметь профессиональная компетентность сотрудников правоохранительных органов. Именно она позволяет раскрыть природу криминальной безопасности: все ухищрения, тайны, связанные с подготовкой при помощи традиционных и современных средств криминогенного общения, деструктивных (криминальных), в том числе — гибридных конфликтов.

«Беда вымучит — беда выучит», — говорит старая пословица. Смысл ее заключается в том, что опасности, угрозы являются неотъемлемыми атрибутами жизни, инциденты, происшествия неотвратимы, но из них следует извлекать уроки и учиться выходить из кризисных ситуаций с наименьшими потерями. Без повышения социально-психологической компетентности и ответственности в области безопасности не обойтись.

Крайне серьёзная группа внешних угроз безопасности личности связана с последствиями влияния деструктивных межличностных, групповых, семейных, организационных конфликтов, социальной и психофизиологической дезадаптацией типичных представителей ряда социальных групп в результате низкого социального статуса и соответственно качества жизни, т. е. бедности.

Социальная дезадаптация с неизбежностью приводит к деформации личности, а нередко и полной потере «Я», что выражается в полной практически утрате ценности безопасности для личности и возникновению угроз как для неё самой, так и для других, компенсаторных реакций, агрессии, внутриличностного конфликта, кризиса и т. д.

Это нашло своё отражение в рассказе А. П. Чехова «Размазня», «Смерть чиновника», т. е. в эффекте под названием «маленький человек». Нет финансового состояния, ты как бы не существуешь. Таковы критерии фактического признания ценности личности как таковой, а значит, и уровня её безопасности со стороны определённых групп.

Понятно, что в условиях социальной дезадаптации возникает целый букет синдромов. В данном случае речь идёт о таких типичных негативных социально-психологических явлениях, как: 1) различных видах кризиса (личностном, групповом, семейном, организационном); 2) защитных реакциях на фрустрацию (агрессии и т. д.); 3) стрессе, дистрессе; 4) повышенном уровне конфликтности; 5) социальных страхах; 6) депрессии, апатии, одиночестве, психологии выживания; 7) «неврозе безработного»; 8) «культурном шоке» мигранта; 9) ПТСР (посттравматическом синдроме); 10) комплексе неполноценности из-за трудностей самореализации; 11) «катастрофическом сознании»; 12) повышенном уровне риска; 13) безнравственной и

криминальной модели достижения успеха; 14) недовольстве; 15) увлечении чудом, мистификацией; 16) экзистенциальном вакууме; 17) различных видах деформации, отклоняющемся, в том числе аддиктивном поведении (игромании, интернет-зависимости как уходе от действительности, бегстве от реалий), склонности к суициду; 18) снижении социально-демографических показателей и т. д. [2].

Социальные страхи населения находятся в тесной взаимосвязи с социальной дезадаптацией, с очагами социальной напряженности (социальная напряженность может породить социальные страхи и наоборот).

Страх — это сильнейшая отрицательная эмоция (или состояние), проявляющаяся при получении субъектом информации о реальной или воображаемой опасности, ему грозящем возможном или реальным ущербом. Он обладает огромным влиянием на поведение, оценки и установки населения. Страх провоцирует стихийные формы поведения, в том числе агрессию как форму защиты.

Уровень неразрешённости внутриличностного конфликта зависит от ряда факторов, а именно некоторых психофизиологических, индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей (акцентуации характера, психических состояний), — в частности, реакций на фрустрацию, психологических свойств, конституциональных характеристик, когнитивного диссонанса, самооценки, когнитивных процессов, следовательно, социальной перцепции, ценностно-смысловой сферы, социально-психологической компетентности и т. д.

Неразрешенность внутриличностного конфликта может привести к психологическому кризису, а он, в свою очередь, к суицидальному поведению. Имеется связь между комплексом неполноценности и конфликтным, опасным поведением личности. Такова в данном случае причинно-следственная цепочка.

Суицидальное поведение — это, с одной стороны, реакция на невозможность выйти из тупика, внутриличностного конфликта, кризиса, с другой стороны, — это форма протеста, которая выявляется в ситуации межличностного конфликта, агрессивного отношения окружающей среды к суициденту. Личностный смысл самоубийства заключается в негативном воздействии субъекта на объективное звено враждебной реальности. Месть как форма протеста наиболее конкретизирована, поскольку она направлена на нанесение конкретного ущерба враждебному окружению. Протестные формы такого отклоняющегося от нормы поведения предполагают наличие высокой самооценки и самоценности и активной (даже агрессивной) позиции суицидента.

Как уже отмечалось, «социально-дезадаптивная» ситуация связана с кризисогенной ситуацией, неразрешённым внутриличностным конфликтом.

Кризис (греч. / crisis — решение, поворотный пункт) — характеризует состояние индивида, порождаемое проблемой, от решения которой он не может уйти и не может разрешить ее привычным способом в короткий период времени. Иными словами говоря, кризис — это недостижение целей в течение длительного времени, т. е. тупик, неразрешённый внутриличностный конфликт.

Среди событий, которые могут привести к кризису, выделяют такие, как смерть близкого человека, тяжелое заболевание, разрыв с родителями, семьей, друзьями, изменение внешности, смена социальной обстановки, женитьба, утрата социального статуса и т. д.

На самом деле кризис начинается с неразрешённого внутриличностного конфликта, кризисогенной ситуации, которая может перейти в собственно кризис, а может и нет. Большую роль здесь играет не просто стресс, а дистресс, смысловой вакуум.

Собственно говоря, кризис — это кризис жизни, критический момент и поворотный пункт жизненного пути, утрата веры в возможность разрешить внутриличностный конфликт, т. е. свою безопасность.

В условиях кризиса нередко возникает опасное поведение личности, которое проявляется в виде компенсаторных реакциях, в том числе пагубных привычек, аддиктивного поведения.

Аддиктивное поведение — это пристрастие к чему-либо, порочная склонность, злоупотребление различными веществами, приводящими к зависимости от алкоголя, наркотиков и токсических веществ. В конечном итоге алкоголизация и наркотизация приводит к девиантному и деликвентному поведению, то есть совершению разного рода проступков и правонарушений. Дело в том, что аддиктивное поведение приводит к абстинентному синдрому, «ломке» при отсутствии очередной дозы алкоголя или наркотиков; необходимость их приобретения и толкает нередко на совершение правонарушений.

Существуют различные виды аддиктивного поведения: наркозависимость, алкозависимость, игромания, телемания и т. п.

Причины опасного поведения личности можно сгруппировать следующим образом:

- в одном случае оно связано с влиянием различных негативных факторов;
- в другом случае личность в силу деформации, деструктивного внутриличностного конфликта становится опасной для себя и для других.

К первой группе причин следует отнести те социально-психологические явления, которые приводят к социальной дезадаптации (асоциализации) личности. Это обстоятельство не говорит о том, что личность вообще не адаптируется. Нет, она адаптировалась, но к негативным, а нередко и криминальным нормам и ценностям.

В силу этого она вступает в конфликт с нормальными ценностями.

Деструктивный внутриличностный конфликт прямо противоположен конструктивному по содержанию: целям, средствам их достижения, результатам. Он является антитезой.

Деструктивный внутриличностный конфликт — это принятие решения личностью под влиянием деформированных социальных представлений о достижении негативных целей с помощью противоправных и аморальных средств.

Он возникает тогда, когда личность в условиях принятия решения о выборе средств достижения цели не может сказать себе «нельзя» делать то, что расходится с нормами права и морали. Вместо этого она говорит «можно» всё для реализации любых желаний, влечений, планов и т.п. Никаких фильтров, табу, ограничений, запретов. Полный «беспредел».

Но это происходит не в силу действия фрейдовской формулы внутриличностного конфликта между ИГО, ЭГО и СУПЕР-ЭГО, где бессознательные инстинкты (в основном-сексуальные, т. е. ИГО) доминируют и диктуют правила поведения.

На самом деле деструктивный внутриличностный конфликт связан с социально-психологической структурой личности, деформацией когнитивной, ценностно-смысловой сферой (смысловых конструктов), социальных представлений. В этом случае «перевернутый мир» становится нормальными картинками мира, конструктами, «воровские законы» — единственными законами, которые следует соблюдать. Для такой личности нет «зеленой черты», переступать которую нельзя, когнитивного диссонанса, т. е. совести. Они «крутые», «борзые». Им всё позволено. Закон для них «не писан», просто не существует. К сожалению, мало кто из преступников признаёт себя виновным. Не лишне повторить ещё раз для ясности, что этот когнитивный эффект сравним с хрусталиком в глазу Кая из «Снежной королевы» Г. Х. Андерсена.

В этих условиях на всю мощь «работает» внутриличностный деструктивный конфликт.

Спектр последствий данного конфликта весьма широк [1].

Конечно, дезадаптация личности связана и с другими явлениями, в частности, с нарушениями в области саморегуляции, когда поведение человека становится не просто эмоционально окрашенным, импульсивным, но и деструктивным. Подобное возникает в силу низкого уровня саморегуляции личности, влияния постоянных стрессовых ситуаций.

Постоянно накапливающаяся эмоциональная напряженность приводит к срывам, бурным аффективным всплескам, немотивированной агрессии, нервно-психической неустойчивости и, в конце концов, — к пограничным состояниям. Такое поведение нередко

наблюдается со стороны тех лиц, которые не могут обеспечить себе и своей семье достойную жизнь. В конце концов, неудовлетворенность, причем постоянная, находит выход в опасных формах поведения.

К сожалению, на практике встречается не только первичная, но и вторичная асоциализация. Происходит это и на «свободе», и в местах лишения свободы.

В условиях социальной изоляции, конечно, имеет место ярко выраженные типичные негативные социально-психические явления.

В докторской диссертации «Криминогенное общение в среде осужденных» (1991 г.) нами были выделены и обоснованы несколько видов деформации в местах лишения свободы.

Деформация в среде осужденных выступает мощным фактором вторичной асоциализации личности. Об этом достаточно подробно изложено в ряде публикаций, в том числе в учебных пособиях, энциклопедии по юридической психологии и др.

Следует отметить, что негативные социально-психологические явления достаточно полно изложены и в монографии С. А. Кутякина «Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России», Рязань, 2012.

В этом случае «перевернутый мир» становится нормальными картинками мира, конструктами, «понятия» — единственными законами, которые следует соблюдать, и в соответствии с которыми трактовать безопасность — опасность, иначе говоря, то, что опасно с позиции права и морали — безопасно, приемлемо, но то, что безопасно — опасно. Реальный парадокс, но он действует. Такова криминальная безопасность.

Группа чисто внутренних угроз безопасности личности связана с её психофизиологическими, т. е. сугубо внутриличностными особенностями.

Опасными для жизни и здоровья личности являются не только такие экстремальные ситуации как природные (гололед, наводнение, лесные пожары, снежные заносы, цунами), техногенные (взрывы, аварии) и эпидемиологические (инфекции, отравления), но и личностные (венерические заражения, в частности, СПИД, сифилис и др.).

Не секрет, есть личности, которые в силу особых «синдромов», сугубо внутренних предпосылок становятся опасными для самой себя и для других. Это может проявиться в телефонном терроризме, немотивированной агрессии, садизме и серийных преступлениях. В этом отношении характерен синдром, получивший название «феномен Чикатило» [4]. Основными направлениями обеспечения безопасности личности являются:

- 1) развитие социально-психологической компетентности населения в области безопасности;
- 2) формирование профессионализма в области безопасности;

3) обеспечение безопасности личности в экстремальных условиях;

4) обеспечение безопасного поведения личности на основе преодоления социальной, а также психофизиологической дезадаптации, т. е. реадaptации различных категорий населения. устранения деформации личности.

Вполне очевидно, что развитие безопасного поведения личности невозможно без повышения уровня социально-психологической компетентности в области безопасности.

В нашей стране в средних и высших образовательных учреждениях введена дисциплина «ОБЖ» в целях развития безопасного поведения. Обеспечение безопасного поведения различных социальных типов личности должно происходить и практически происходит в результате: а) социально-психологической и психофизиологической реадaptации, иначе говоря, повышения социального статуса, качества жизни, что приводит к изменению самооценки, «Я-образа», самоотношения, в том числе к безопасности как к ценности, локуса контроля, саморегуляции и других характеристик; б) ресоциализации, т. е. преодоления асоциализации, деформации личности, её социальных представлений о моделях достижения успеха, аддиктивного поведения (абстинентного синдрома, зависимостей), трансформации деструктивного внутриличностного конфликта в конструктивный внутриличностный конфликт.

Выводы.

Таким образом, для преодоления внешних и внутренних угроз безопасности личности должны применяться эффективные социально-психологические технологии её обеспечения.

Список источников

1. Основы социально-психологической теории. Под ред. Бодалева А. А., Сухова А. Н. М. : Международная педагогическая академия, 1995.
2. Сухов А. Н. Психология социальной работы. М., 2019. 278 с.
3. Сухов А. Н. Безопасность личности как научно-практическая проблема // Человеческий капитал. 2021. №2 (146). С.142–143.
4. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. 2-е изд. М., 2005.

References

1. Fundamentals of socio-psychological theory. Ed. Bodaleva A. A., Sukhova A. N. M. : International Pedagogical Academy, 1995.
2. Sukhov A. N. Psychology of social work. M., 2019. 278 p.
3. Sukhov A. N. Personal security as a scientific and

practical problem // Human capital. 2021. № 2 (146). P.142–143.

4. Sukhov A. N. Social psychology of security. 2nd ed. M., 2005.

Библиографический список

1. Баева И. А. Психология безопасности : история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 65–69.
2. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М., 2001.
3. Белкин А. С. Компетентность. Профессионализм. Мастерство. Челябинск : ОАО «Южно-Уральское кн. изд-во», 2004.
4. Биркенбиль В. Ф. Как добиться успеха в жизни / В. Ф. Биркенбиль. М., 1992.
5. Галажинский Э. В. Система детерминации самореализации личности. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени д. псих. н. Барнаул : БГПУ, 2002. 43 с.
6. Зазыкин В. Г., Зайцева Е. В. Конфликтная личность в конфликтном противоборстве. М., 1998.
7. Зазыкин В. Г., Прилутская О. В. Социальные страхи у населения. Оренбург, 1997.
8. Зиненко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994.
9. Калинина Н. В. Психологические аспекты развития социальной компетентности школьников / Н. В.Калинина, М. И.Лукьянова. Ульяновск : УИПК ПРО, 2003.
10. Коростылева Л. А. Проблемы самореализации личности в системе наук о человеке // Журнал психологические проблемы самореализации личности. СПб, 1997. С. 3–19.
11. Психология безопасности : учебное пособие для вузов / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перелыгина. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 276 с.
12. Питерская О. В. Психологические основания успешности самореализации личности в особых видах труда / Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. псих. наук. Барнаул : БГПУ, 2002. 22 с.
13. Платонов К. К. Структура и развитие личности. М. : Наука, 1996.
14. Прядин В. П. Ответственность как системное качество личности. Екатеринбург : УГПУ, 2001.
15. Социальная психология личности в вопросах и ответах / Под ред. В. А. Лабунской. М., 1999.
16. Сухов А. Н. Социальная психология : учеб. пособие для студ. учреждения сред. проф. образования. 10-е изд. М. : Изд. центр «Академия»,

- 2013.
17. Сухов А. Н. Успех, карьера и развитие : социально-психологический аспект. М., 2016.
 18. Теоретические основы безопасности жизнедеятельности / Р. И. Айзман, С. В. Петров, В. М. Ширшова. Новосибирск : АРТА, 2011. 208 с. (Серия «Безопасность жизнедеятельности»).
 19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
 20. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб, 1997.

Bibliographic list

1. Baeva I. A. Psychology of security: history, formation, prospects // National Psychological Journal. 2007. № 1 (2). P. 65–69.
2. Belinskaya E. P., Tikhomandritskaya O. A. Social psychology of personality. M., 2001.
3. Belkin A. S. Competence. Professionalism. Skill. Chelyabinsk : JSC «South Ural Publishing House», 2004.
4. Birkenbil V. F. How to succeed in life / V. F. Birkenbil. M., 1992.
5. Galazhinsky E. V. System of determination of self-realization of personality. Autoref. diss. on the job. academic degree of D. crazy. Barnaul : BSPU, 2002. 43 p.
6. Zazykin V. G., Zaitseva E. V. Conflict personality in conflict confrontation. M., 1998.
7. Zazykin V. G., Prilutskaya O. V. Social fears among the population. Orenburg, 1997.
8. Zinenko V. P., Morgunov E. B. A developing person. M., 1994.
9. Kalinina N. V. Psychological aspects of the development of social competence of schoolchildren / N. V. Kalinina, M. I. Lukyanova. Ulyanovsk : UIPK PRO, 2003.
10. Korostyleva L. A. Problems of self-realization of personality in the system of human sciences // Journal psychological problems of self-realization of personality. St. Petersburg, 1997. P. 3–19.
11. Psychology of security: textbook for universities / A. I. Dontsov, Y. P. Zinchenko, O. Y. Zotova, E. B. Perelygina. Moscow : Yurayt Publishing House, 2020. 276 p.
12. Piterskaya O. V. Psychological foundations of the success of personal self-realization in special types of work / Autoref. diss. on the job. academic degree of cand. psychol. sciences. Barnaul : BSPU, 2002. 22 p.
13. Platonov K. K. Structure and development of personality. Moscow : Nauka, 1996.
14. Pryadin V. P. Responsibility as a systemic quality of personality. Yekaterinburg : UGPU, 2001.
15. Social psychology of personality in questions and answers / Edited by V. A. Labunskaya. M., 1999.
16. Sukhov A. N. Social psychology : textbook. manual for students. institutions of sred. Prof. education. 10th ed. M. : Publishing House of the center «Academy», 2013.
17. Sukhov A. N. Success, career and development : socio-psychological aspect. M., 2016.
18. Theoretical foundations of life safety / R. I. Aizman, S. V. Petrov, V. M. Shirshova. Novosibirsk : ARTA, 2011. 208 p. (Series «Life Safety»).
19. Frankl V. Man in search of meaning. M., 1990.
20. Hjel L., Ziegler D. Theory of personality. St. Petersburg, 1997.

Информация об авторе

А. Н. Сухов — заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор психологических наук, профессор, почётный работник высшего образования.

Information about the author

A. N. Sukhov — Head of the Department of Social Psychology and Social Work of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Научная статья

УДК 377:351.74:159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-324-330>

НИОН: 2003-0059-2/22-272

MOSURED: 77/27-003-2022-02-471

Психологическая готовность сотрудников полиции РФ к ведению ближнего стрелкового боя

Андрей Юрьевич Федотов¹, Виталий Викторович Копылов², Юрий Николаевич Семенов³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, fedot-andrey2008@yandex.ru

^{2,3} Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия

² kopylov_70@inbox.ru

³ www.ura19601@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам борьбы с совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов РФ. В тексте исследуются проблемы связанные с психологической готовностью сотрудников полиции к ведению ближнего стрелкового боя. Авторы пришли к выводу, что методики, связанные с развитием психологической готовности сотрудников полиции к ведению ближнего стрелкового боя, должны внедряться в практическую деятельность образовательных учреждений осуществляющих профессиональную подготовку сотрудников полиции.

Ключевые слова: психологическая готовность к ведению ближнего стрелкового боя, профессионализм, психическая устойчивость, системная эмерджентность, профессиональная надежность

Для цитирования: Федотов А. Ю., Копылов В. В., Семенов Ю. Н. Психологическая готовность сотрудников полиции РФ к ведению ближнего стрелкового боя // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 324–330. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-324-330>.

Original article

Psychological readiness of Russian police employees for close fire combat

Andrey Yu. Fedotov¹, Vitaliy V. Kopylov², Yury N. Semenov³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', fedot-andrey2008@yandex.ru

^{2,3} Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Tver, Russia

² kopylov_70@inbox.ru

³ www.ura19601@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of combating the improvement of professional training of law enforcement officers of the Russian Federation. The text explores the problems associated with the psychological readiness of police officers to conduct close combat. The authors came to the conclusion that methods related to the development of the psychological readiness of police officers for close combat should be introduced into the practical activities of educational institutions providing professional training for police officers.

Keywords: psychological readiness for close combat, professionalism, mental stability, systemic emergence, professional reliability

For citation: Fedotov A. Yu., Kopylov V. V., Semenov Yu. N. Psychological readiness of Russian police employees for close fire combat. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(2):324–330. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-324-330>.

© Федотов А. Ю., Копылов В. В., Семенов Ю. Н., 2022

Психологическая готовность к ведению ближнего стрелкового боя (далее — БСБ) представляет собой динамическое целостное состояние личности, определяющее внутреннюю настроенность на определенное поведение, мобилизованность всех сил на активные и целесообразные действия в обстоятельствах, сопряженных с внезапностью и опасностью ближнего стрелкового боя. Она является важнейшим условием эффективности профессиональной деятельности.

Предполагаемый переход в профессиональной подготовке сотрудников полиции к концепции «подготовки сотрудников к ближнему бою (далее — ББ)», ориентированность образовательного процесса и учебных упражнений именно на линейные, тактические и временные параметры ближнего стрелкового боя¹ выявили проблему — отсутствие знаний, навыков и умений, связанных с психологической подготовкой, предполагающей достижение «психологической готовности сотрудника полиции к ведению БСБ». Сущность психологической подготовки заключается в том, чтобы обеспечить требуемый уровень эффективности, то есть оптимальное соотношение достигнутого результата и психофизических затрат, в условиях эмоциональной напряженности².

Влияние эмоциональной напряженности на результаты стрельбы курсантов существенны, установлено, что практически все курсанты переживают повышенный уровень тревоги, у 25 % перед стрельбой наступает состояние страха, у 9 % состояние ужаса, у 3 % состояние ступора³. Почти 40 % курсантов, осуществляющих учебные стрельбы, без каких-либо дополнительных раздражителей — не боеспособны.

В таком состоянии затормаживается мышление, отсутствует концентрация внимания и воля, снижается адекватность, человек не знает, что он хочет и что ему делать, ему трудно ответить даже на простые вопросы. Иногда трясутся руки, часто возникает беспомощность в выполнении даже несложных действий, человек застывает или начинает хаотично выполнять ненужные действия. У некоторых возникает паниче-

ская атака — внезапная, с резким появлением чувства страха смерти немотивированного беспокойства, неминуемой гибели, полной потери контроля над собой. Возникает одышка, учащается сердцебиение, эти симптомы достигают максимума буквально за пару минут. В таком состоянии, когда психика не успела или вообще не в состоянии адаптироваться, сотрудники при несении службы не смогут адекватно оценить обстановку и принять правильное решение. Обращаясь к словам известного русского физиолога И. П. Павлова: «Дело тут не только в силе взаимодействующих раздражителей, сколько в их новизне... Главная реакция пассивно-оборонительного рефлекса имеется не на силу, а на новизну»⁴.

Необходимо отметить, что в целом «психическое» здоровье сотрудников полиции не идеально⁵ и это тоже негативно сказывается на уровне психологической готовности сотрудников к ведению БСБ.

БСБ задает новые векторы развития профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Если раньше было достаточно того, что меткий выстрел — это психомоторный акт, соединяющий в себе высокоразвитое мышечное чувство, точный глазомер, высокоразвитое чувство пространственной симметрии, устойчивость зрительного и двигательного контроля, способность к точному и тонкому разделению движений пальца по таким параметрам, как направление, амплитуда и сила, хорошая зрительная память⁶, то в условиях ближнего стрелкового боя этого уже недостаточно. Лимит времени от осознания опасности и до производства первого выстрела составляет около 1,5 секунд, условия и обстоятельства ведения огня абсолютно непредсказуемые. В условиях очень ограниченного времени в незнакомой обстановке сотрудник полиции должен успеть среагировать и принять решение, при необходимости осуществить манёвр, извлечь оружие, изготовить его для стрельбы и произвести меткий выстрел. Все эти этапы представляют собой — двигательное (перцептивно-моторное предметное) действие, которое гораз-

¹ Линейные параметры ближнего стрелкового боя составляют: 0 (в упор) -15 метров расстояние между комбатантами. К тактическим параметрам ближнего стрелкового боя отнесены такие параметры, как ведение интенсивного огня с перемещением комбатантов по горизонтальной и (или) вертикальной плоскости с одновременным использованием укрытий (предметов местности) и личной бронезащиты.

Временные параметры ближнего стрелкового боя — это время необходимое от визуализации и до открытия огня на поражение. Оно составляет 0,5-1,5 секунды.

² Характеристика психических процессов стрелка // https://studbooks.net/605259/turizm/harakteristika_pshicheskikh_protsssov_strelka (дата обращения 08.02.2022).

³ Вайнштейн Л. М. Психические состояния стрелка во время стрельбы и возможные пути преодоления вредных стрелковых рефлексов // http://www.shooting-ua.com/books/book_349.htm (дата обращения: 08.02.2022).

⁴ Психологическая подготовка военнослужащих к ведению активных боевых действий // <https://works.doklad.ru/view/Ab1qYs9qOlw.html> (дата обращения 08.02.2022).

Очевидцы свидетельствуют, что при показе военнослужащим, не участвовавшим в боевых действиях, двух трупов расстрелянных в Афганистане душманов у многих обнаружилось различного рода психические отклонения (из 64 военнослужащих у 17 наблюдалось расстройство, их трясло, чувствовалась подавленность, некоторых тошнило).

⁵ Около 30 % лиц, впервые принятых в полицию, имеют различные патологические симптомы. Растёт число сотрудников полиции, относящихся к «фактору риска», те лица, у которых выявлены склонности к: наркомании, алкоголизму, суицидальным наклонностям.

⁶ Психологическая подготовка спортсмена в стрелковом спорте // <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/> (дата обращения: 08.02.2022).

до сложнее ранее изучаемых и должно быть освоено максимально качественно: формирование знаний о действии, овладение действием в форме умения, после доведения его до автоматизма — выработка навыка. К прежним требованиям меткого выстрела добавились отличная мелкая моторика рук, скоординированная с адекватным локомоторным действием; оперативная когнитивно-эмоциональная адаптация к новым условиям (фактор новизны), быстрая первичная реакция.

Время реакции человека (далее — В.р.ч.), время от начала подачи сигнала до ответной реакции организма. Делится на 3 фазы: время прохождения нервных импульсов от периферии анализатора до коры головного мозга; время, необходимое для переработки нервных импульсов и организации ответной реакции в центральной нервной системе; время ответного действия организма. В.р.ч. зависит от модальности стимула, иначе говоря, от вида сигнала-раздражителя, интенсивности раздражителя, тренированности, настроенности на восприятие сигнала, возраста и пола, сложности реакции (простая или избирательная). В.р.ч. на дискретные независимые раздражители меняется в широких пределах. Для простой сенсомоторной реакции среднее В.р.ч. в самых благоприятных случаях не менее 0,15 сек (распознавание зрительных образов не менее 0,4 сек), а сложных сенсомоторных реакций, значительно больше, но в условиях ближнего боя не должны превышать 1,5 сек. В.р.ч. — один из важнейших факторов профессионального психологического отбора; имеет решающее значение при определении психофизиологических возможностей человека выполнять работу оператора, лётчика, космонавта, шофёра и т. д. [1].

Время отклика или время реакции — это время, которое проходит с момента восприятия информации до ответной реакции на неё. Другими словами, это способность обнаруживать, обрабатывать и давать ответную реакцию на стимул.

Психологическая подготовленность слушателя должна соответствовать специфике изучаемого действия. Сложность двигательной задачи определяется наряду с другими факторами количеством объектов действия в ситуации, нуждающихся в одновременном оперативном контроле, и быстротой переключения внимания с одного объекта на другой при выполнении действия. Выполняемые движения должны быть, безусловно, адекватны вызвавшим их задачам¹.

Понимание этого приводит к необходимости развивать у слушателей такое качество или способность как ловкость, которая определяет отношение нашей нервной системы к навыкам. От степени двигательной

ловкости зависит, насколько быстро и успешно сможет возникнуть у человека тот или иной спонтанный двигательный акт, а затем и навык, и насколько высокого совершенства он сумеет достигнуть².

В настоящий момент учебные занятия по скоростной стрельбе, в зависимости от условий выполнения, по временному параметру составляют от 4 до 15 секунд. Для сравнения: у людей, увлеченных оборонной стрельбой (отнюдь не топовых стрелков), этот норматив составляет 1,2–1,3 секунды.

Проводя анализ отечественных и зарубежных методик психологической подготовки сотрудников к ведению стрелкового боя приходит понимание того, что ни одна из них полностью не может быть принята. Могут быть заимствованы только некоторые части или элементы. Что в дальнейшем потребует их систематизации и комплексирования под специфически полицейские условия деятельности. Методики психологической подготовки военнослужащих, сотрудников спецподразделений, спортивных стрелков не учитывают главной особенности деятельности сотрудника полиции, которая очень емко и на наш взгляд правильно сформулирована и звучит так: «Работа полицейского — это многочасовая скука, изредка прерываемая несколькими мгновениями неподдельного ужаса»³. То есть большую часть времени сотрудник полиции несет службу в относительно безопасных условиях и с законопослушными гражданами, но вот «несколько мгновений неподдельного ужаса», которые могут стать для него последними, собственно, выжить в эти мгновения мы и должны научить сотрудников полиции. Оперативность оценки обстоятельств и адекватность принятого решения, как основные критерии психологической готовности, выходят на первое место.

«Психологическая готовность к ведению (БСБ)» должна изучаться в рамках учебной дисциплины в период прохождения сотрудниками полиции профессиональной подготовки. Она должна быть не только интегрирована с огневой подготовкой, физической подготовкой и тактико-специальной подготовкой, но также с мероприятиями психологической работы.

Результаты, продемонстрированные слушателями при выполнении учебного упражнения по скоростной стрельбе, должны быть исследованы в ходе проведения профильного тестирования, в результате которого должны быть выявлены причины неудовлетворительного выполнения стрельб и даны рекомендации, в отношении каждого слушателя должна осуществляться

¹ Джумаев М. Х. Автореферат дис. канд. пед. наук. М. : НИИ ГЦОЛИФК, 1978.

² Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. Библиотека Альдебаран : <http://lib.aldebaran.ru> (дата обращения: 08.02.2022).

³ Чем рискуют полицейские // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/04/18/799452-riskuyut-politseiskie> (дата обращения: 08.02.2022).

профессиональная диагностика¹, изучение и оценка индивидуально-психологических особенностей личности, мероприятия по адаптации психики к боевой обстановке, психологические консультации, развитие способности к произвольной психической саморегуляции, оценки и прогнозирования динамики становления и развития психологической готовности; анализ эффективности и коррекции системы формирования психологической готовности [2] и многое другое. Также это будет востребовано в подготовке сотрудников, перед убытием в служебную командировку в Северо-Кавказский регион.

«Психологическая готовность» является важнейшей составляющей профессиональной надежности сотрудника к действиям в боевой обстановке.

В контексте формирования психологической готовности к ББ хочется отметить перспективную научную разработку по направлению «Психологическое обеспечение профессиональной надежности специ-

¹ Различные когнитивные функции, в том числе время реакции, можно эффективно и надёжно оценить с помощью комплексного нейропсихологического тестирования. Тесты, которые предлагает CogniFit («КогниФит») для оценки времени реакции, основаны на классических тестах: NEPSY, Тесте Переменных Внимания (TOVA), Тесте на Длительное Поддержание Функции (СРТ), Тесте на Симуляцию Нарушений Памяти (ТОММ) и Задаче Визуальной Организации Хупера (VOT).

алиста силовых структур в ближнем бою» разработанную авторским коллективом учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Обоснован и внедрен комплексный метод формирования и оценки профессиональной надежности специалиста силовых структур в ближнем бою ББ [3]. Технология основана на непрерывном исследовании ситуаций ББ и выявлении системы психофизических качеств, детерминирующих эффективность действий в них (таблица 1). Формирование этих качеств осуществляется в процессе индивидуального психофизического тренинга [4], представляющего собой психологическую технологию профессионально-личностного развития специалиста силовых структур, которая основывается на поуровневой интеграции психофизических функций, реализуемых чувственной, биодинамической тканью и рефлексивным слоем сознания. Технология основывается на реализации данных системно ситуативного анализа деятельности (далее — ССАД) в процессе углубленной, осознанной профессионализации сенсомоторной сферы, базовых когнитивных, эмоциональных и волевых процессов, с их последующим комплексированием в виде системы профессионально значимых психофизических качеств личности.

Таблица 1

Содержание профессиональной надежности специалистов силовых структур в ближнем бою

К-Т модель	эмерджентный	профессионализм	готовность	устойчивость
П-С модель Мотивационный (4 сп чк)	1. Рефлексивность побуждений.	1. Диспозиционная мотивация.	1. Ситуативная мотивация.	1. Устойчивый Я-образ (в контексте выполнения долга).
Профессионально-исполнительский (6 сп чк)	1. Исполнительская универсальность (на основе профессиональной инвариантности А, В, С).	1. Профессиональные исполнительские умения (знания + навыки).	1. Сенсо-моторная реактивность. 2. Полнота исполнительского компонента образа ситуации.	1. Устойчивость Я-образа (телесно-пространственно-предметный). 2. Стрессовая резистентность исполнительских действий.
Профессионально-аналитический (6 сп чк)	1. Аналитическая универсальность (многовариантность по D, E). 2. Прогностичность. 3. Рефлексивность.	1. Профессиональные интеллектуальные умения (знания + навыки).	1. Полнота аналитического компонента образа ситуации.	1. Стрессовая резистентность познавательных процессов.
Психической саморегуляции (6 сп чк)	1. ИПССР (индивидуальный профессиональный стиль саморегуляции).	1. Владение техниками ППСР (знания + навыки).	1. Стеночность актуальных эмоций. 2. Контроль волевых процессов.	1. Осознанность Я-образа. 2. Пропорциональность осознаваемого-неосознаваемого в ситуации.

Профессиональная надежность в ближнем бою понимается, как интегративное качество личности сотрудника своевременного достигать и необходимое время сохранять заданную эффективность профессиональных

действий в условиях осложняющего воздействия как типичных, так и вероятных стрессовых факторов.

Психологическая готовность, наряду с профессионализмом, психической устойчивостью и системной

эмерджентностью, рассматривается как одна из базовых компонент профессиональной надежности.

Значимость подсистемных элементов профессиональной надежности (готовности, профессионализма и устойчивости) в процессе реализации ситуации ББ как единицы профессиональной деятельности, различается на всех ее четырех этапах [3]:

1. Формирование чувственного образа значимых ситуативных изменений (восприятие перцептивных эталонов угрозы или необходимости атакующих действий) и первичная моментальная реакция на них.

2. Формирование образа дальнейшего действия в складывающейся ситуации, скоростная проработка известных вариаций решения подобных задач ББ и начало их воплощения в продолжении ББ.

3а. Реализация действия ББ и его своевременная коррекция с учетом пространственно-временной динамики типичных, то есть ранее отработанных в процессе профессиональной подготовки и деятельности, ситуативных изменений.

3б. Реализация действия и его своевременная коррекция с учетом пространственно-временной динамики нестандартных, то есть ранее не встречавшихся в подготовке и практической профессиональной деятельности, ситуативных изменений.

4. Оценка достигнутого результата, степени его соответствия ситуативной задаче и адекватности реализованного образа действий. Дополнение кластера ассоциированных образов новыми компонентами. Эта

процедура происходит естественно и закономерно в процессе любой деятельности и является своеобразным промежуточным итогом психической деятельности в ситуации. Следовательно, накопление опыта непосредственно в ходе выполнения профессиональных задач не требует специальных усилий и не отвлекает произвольное внимание специалиста от последующих действий в динамике смены ситуаций. Однако, в процессе профессиональной подготовки, и прежде всего формирования готовности к ББ, требует специальных и организованных рефлексивных усилий.

Особенностью психологической готовности к ББ в системе профессиональной надежности является то, что она играет решающую роль лишь на 1 и 2 этапе ситуации ближнего боя (рис. 1). По сути, представляя собой комплексную психофизическую преднастроенность специалиста на возможное возникновение ситуации ББ, в основе которой лежит ее заблаговременно сформированный образ, она реализуется моментально, в виде инвариантной (универсальной) автоматизированной моторной реакции на заложенные в процессе обучения перцептивные эталоны и проявляется в:

- своевременном осознании начального момента и особенностей ситуации ББ;
- автоматических действиях по обеспечению собственной безопасности;
- подконтрольных действиях по поражению противника, в соответствии с заданным пределом.

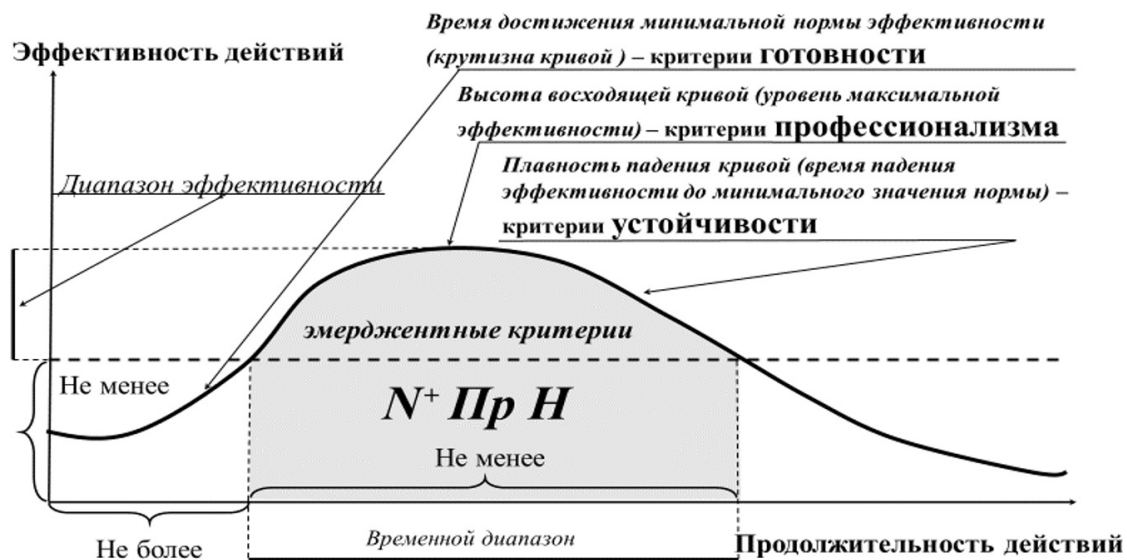

Рис. 1. Роль системных компонент профессиональной надежности на различных этапах ситуации ближнего боя

В целях обеспечения психологической готовности, что проявляется в минимальном времени действия на первых двух этапах развития ситуации (по данным различных исследований от 0,2 до 5 сек.) необходимо:

- для 1-го этапа ситуации ББ — закладывать

минимальное количество перцептивных эталонов определения угрозы и простых моторных вариантов реакции на нее, что облегчает их психофизическую автоматизацию и в соответствии с законами Хика-Хаймана и Фиттса

наименьшее время реализации (< 1,5 сек.);

- при переходе ко 2-му этапу ситуации ББ — закладывать достаточное количество образов вариантов развития событий в подобных ситуациях ББ, что обеспечивает как высокую пластичность развития действий, так и достаточную скорость в принятии решений и их коррекции (< 5 сек.).

В процессе развития ситуации, после психофизического «вхождения» в нее специалиста и достижения им нормативной эффективности действий на первых двух этапах, «пальма первенства» в обеспечении успешного разрешения задач ББ переходит к профессионализму и психической устойчивости.

Таким образом, рассмотрение психологической готовности применительно к ближнему бою вне рамок профессиональной надежности нецелесообразно, так как сама по себе психологическая готовность не позволяет обеспечивать высокую эффективность профессиональных действий в течение всей ситуации ближнего боя и достигать ее конечного результата. По сути дела, сформированная психологическая готовность к ББ позволяет решить лишь первичную, хотя и важнейшую задачу, своевременного вхождения и выживания на первом его этапе.

Важность теоретического изучения психологической готовности сотрудников правоохранительных органов к ведению ББ (ближнего стрелкового боя) и всех взаимодействующих с ней компонентов очевидна. Методики, разработанные ходе этих исследований, должны внедряться в практическую деятельность образовательных учреждений осуществляющих профессиональную подготовку сотрудников полиции и это, позволит существенно улучшить у слушателей навыки ведения, отражения ближнего боя (ближнего стрелкового боя). Правильное движение — это движение, которое делает то, что нужно¹.

Список источников

¹ Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. Библиотека Альдебаран : <http://lib.aldebaran.ru>.

1. Большая советская энциклопедия. в 30-ти т. 3-е изд.. М. : Совет. энцикл., 1969–1986 // <https://www.booksite.ru/fulltext/> (дата обращения: 08.02.2022).
2. Дубяга В. Ф. Формирование психологической готовности воина оперативных частей внутренних войск МВД России к деятельности по охране общественного порядка / автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.14. Москва, 1998. <http://dlib.rsl.ru>.
3. Федотов А. Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур. Диссертация. доктора психологических наук. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.
4. Федотов А. Ю. Индивидуальный психофизический тренинг как средство повышения эффективности действий воинов-десантников в трудных ситуациях. Диссертация .. кандидата психологических наук. М. : ГАВС, 1995.

References

1. Great Soviet Encyclopedia in 30 volumes. 3rd ed. M. : Council. Encycl., 1969–1986 // <https://www.booksite.ru/fulltext/> (accessed: 08.02.2022).
2. Dubyaga V. F. Formation of the psychological readiness of a soldier of the operational units of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia for activities to protect public order / abstract of dis. ... candidate of psychological sciences : 19.00.14. Moscow, 1998. <http://dlib.rsl.ru>.
3. Fedotov A. Yu. Psychological support of professional reliability of a specialist in law enforcement agencies. Dissertation... Doctor of Psychology. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2020.
4. Fedotov A. Yu. Individual psychophysical training as a means of increasing the effectiveness of paratroopers in difficult situations. Dissertation .. candidate of psychological sciences. M. : GAVS, 1995.

Информация об авторах

А. Ю. Федотов — профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, доцент;

В. В. Копылов — профессор кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Ю. Н. Семенов — старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. Yu. Fedotov — Professor of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of the

Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor;

V. V. Kopylov — Professor of the Department of Tactical-special, Fire and Physical Training of the Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

Yu. N. Semenov — Senior Lecturer of the Department of Tactical-special, Fire and Physical Training of the Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Ретракция

Ценности православной культуры как важнейшая основа мировоззренческого выбора*

В связи со значительной долей некорректных заимствований из статьи Розиной О. В. «Православные ценности и гуманистические идеалы как мировоззренческий выбор» научная статья Порватовой Л. В. «Ценности православной культуры как важнейшая основа мировоззренческого выбора», опубликованная в журнале Вестник Московского университета МВД России № 12 за 2015 года на страницах 198–200, была признана несостоятельной и отозвана. Отметка о ретракции статьи от 25.11.2021 г. отражена в Научной электронной библиотеке e-library.

Ретрагированная статья: Порватова Л. В. Ценности православной культуры как важнейшая основа мировоззренческого выбора // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С.198–200.

Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25518388>.

Первоисточник: Розина О. В. Православные ценности и гуманистические идеалы как мировоззренческий выбор // XVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы. Т.2. М.: ПСТГУ, 2007, с. 83–87.

Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25360331>.